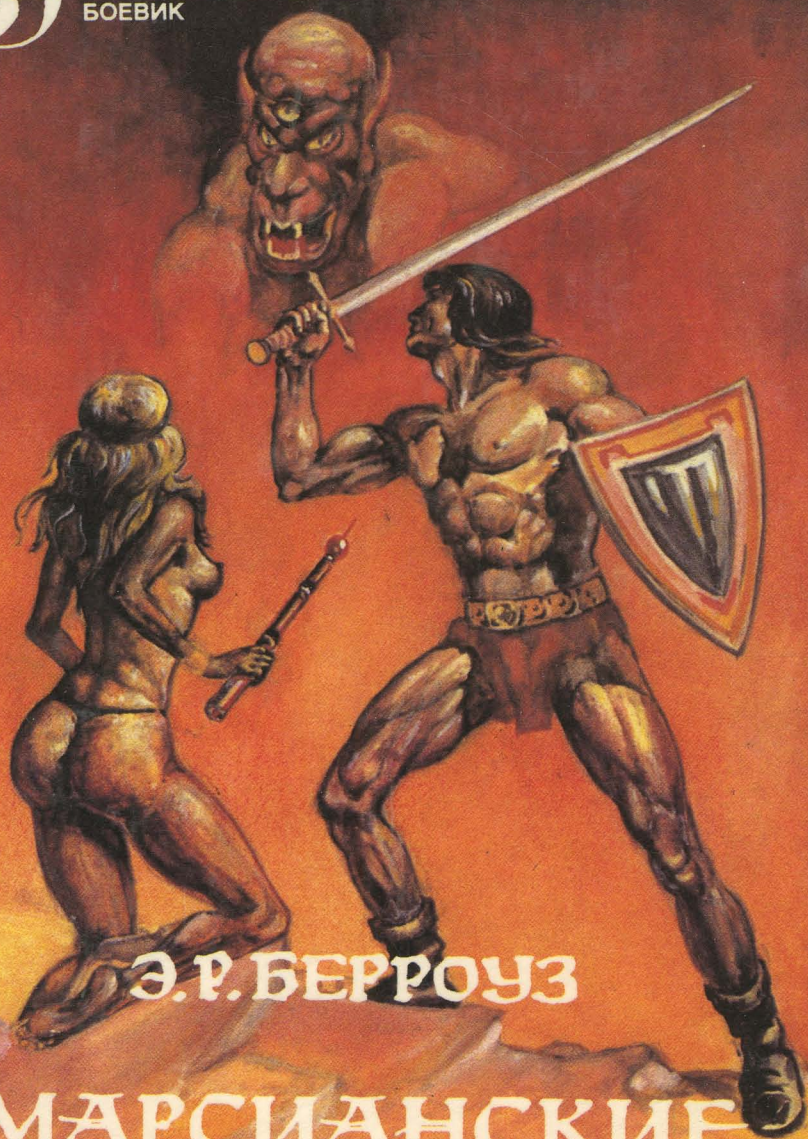

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Э. Р. БЕРРОУЗ
МАРСИАНСКИЕ
РЫЦАРИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Э.Р. БЕРРОУЗ

МАРСИАНСКИЕ РЫЦАРИ

Тувия, дева Марса
Марсианские шахматы
Великий ум Марса
Боевой человек Марса

АРМАДА
Москва
1995

ББК 84.7США
Б 51

Составитель
В. Н. Маршавин

Художественное оформление
А. В. Винтовой

Берроуз Э. Р.
Б 51 Марсианские рыцари: Тувия, дева Марса; Марсианские шахматы; Великий ум Марса; Боевой человек Марса: Фантастические романы / Пер. с англ.— М.: АРМАДА, 1995.— 583 с.: ил.— (Фантастический боевик).
ISBN 5-7632-0056-X

Невероятные, загадочные, а порой ужасные события разыгрываются на планете Барсум. Злобные и коварные силы угрожают обитателям этой таинственной планеты. Но в борьбу вступают отважные марсианские рыцари во главе с бесстрашным землянином Джоном Картером...

Б 4703040100-82
9С3(03)-95 **Без объявл.**

ББК 84.7США

ISBN 5-7632-0056-X

© Художественное оформление,
АРМАДА, 1995

ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА

роман

ОСКОРБЛЕНИЕ

На массивной скамье из полированного эрзита под пышными цветами гигантской пималии сидела девушка. Ее красивая нога, обутая в сандалию, нетерпеливо постукивала по усыпанной драгоценными камнями тропинке. Тропинка вилась между величественными деревьями сорапуса, через алые газоны королевских садов Туван Дина, джеддака Птарса. Темноволосый, краснокожий воин, склонившись к девушке, шептал ей пылкие слова признания:

— О, Тувия Птарса! Моя страсть не может зажечь огонь в твоём сердце. Оно холоднее, чем эрзит этой трижды благословенной скамьи, на которой сидишь ты, божественная и прекрасная. Не отнимай у меня надежду, Тувия Птарса! Ты нелюбишь меня сейчас, но я верю, что настанет день, моя принцесса, я...

Девушка вскочила со скамьи. Царственная головка надменно вскинулась над гладкими красивыми плечами. Ее глаза гневно смотрели в лицо стоявшего перед ней мужчины.

— Ты забываешься и пренебрегаешь обычаями Барсума, Асток,— сказала она,— я не давала тебе никакого повода обращаться так к дочери Туван Дина. Ты не завоевал такого права.

Мужчина внезапно схватил ее за руку.

— Ты будешь моей, принцесса! — воскликнул он.— Никто и ничто не помешает осуществить желание моего сердца. Скажи мне, что у меня есть соперник, и я вырву его подлое сердце и брошу диким калотам на дно высохшего моря!

От прикосновения мужской руки девушка побледнела: женщины королевской крови на Марсе считаются неприкосновенными. Поступок Астока, принца Дузара, осквернил этот обычай. Но Тувия не испытала страха, она лишь подумала о последствиях этого поступка.

— Оставь меня! — Голос ее оставался равнодушным.

Мужчина, не обращая внимания на ее слова, привлек ее к себе.

— Оставь меня! — повторила она резче.— Иначе я позову стражу, а принц Дузара, наверное, знает, что это может означать для него.

Продолжая упорствовать, мужчина попытался поцеловать девушку. Слегка вскрикнув, она ударила его прямо в лицо тяжелыми браслетами, обвивавшими ее руку.

— Калот! — воскликнула она. — Стража! Принцесса Птарса в опасности!

В ответ на ее призыв дюжина воинов кинулась, обгоняя друг друга, через алый газон, сверкая на солнце обнаженными мечами. Металл их снаряжения бряцал по кожаным доспехам, и зрелище насилия над принцессой исторгло у них крики мести и возмущения.

Но не пробежали они еще и половины пути через королевский сад к тому месту, где Асток из Дузара все еще держал в своих объятиях сопротивляющуюся девушку, как другая фигура вынырнула из плотной листвы кустов, наполовину скрывающих золотой фонтан. Это был высокий стройный юноша с черными волосами и пронизательными серыми глазами, широкий в плечах и узкий в бедрах. Его кожа имела легкий медный оттенок, отличающий красных людей Марса от других рас, населяющих умирающую планету.

Он был похож на них, и все же существовало еле уловимое расхождение — нечто большее, чем светлый цвет кожи и серые глаза. Он двигался большими прыжками, и скорость движения воинов была ничтожна в сравнении со скоростью этого человека.

Асток все еще удерживал Тувию, когда молодой человек предстал перед ним.

Произнеся лишь одно слово: «Калот!», он ударил сжатым кулаком в подбородок противника и отбросил его в самый центр цветущего куста пималии.

После этого защитник повернулся к девушке.

— Каор, Тувия из Птарса! — воскликнул он. — Кажется, судьба вовремя привела меня сюда.

— Каор, Карторис из Гелиума, — ответила девушка на приветствие молодого человека. — Ты истинный сын своего отца!

Он поклонился в знак признательности за похвалу, адресованную его отцу, Джону Картеру, военачальнику Марса. В этот момент к ним приблизилась запыхавшаяся стража, а принц из Дузара, у которого изо рта шла кровь, выполз из куста пималии. Меч его валялся в стороне.

Асток схватился бы насмерть с сыном Картера, но присутствие воинов удерживало его. Впрочем, было очевидно, что сражение устроило бы и Карториса из Гелиума.

— Скажи только слово, Тувия из Птарса, — просил он, — и ничто не доставит мне большего удовольствия, чем наказание этого юноши, как он того заслуживает.

— Этого не должно случиться, Карторис,— ответила Тувия.— Он потерял право на мое уважение, но он все же гость моего отца, и только отец может спросить с него за этот непростительный поступок.

— Пусть будет так, Тувия,— ответил Карторис.— Но после этого Асток должен объясниться со мной, принцем Гелиума,— он нанес публичное оскорбление дочери друга моего отца.

Огонь в глазах юноши лучше всяких слов объяснял причину его заступничества за славную дочь Барсума.

Лицо девушки потемнело под шелковистой и прозрачной кожей, и глаза Астока блеснули злобой, когда он понял все, что осталось недосказанным.

— Ты мне заплатишь за это,— резко произнес он в ответ на вызов.

Стража все еще окружала Астока. Молодой офицер, командовавший караулом, был в затруднении. Асток был сыном могущественного джеддака, почетным гостем Туван Дина. Его арест означал бы не что иное, как начало войны: но он совершил такое преступление, которое у воинов Птарса заслуживало смерти.

Молодой офицер посмотрел на свою принцессу. Она тоже пыталась оценить все происходящее. Многие годы Дузар и Птарс жили в мире. Их большие торговые корабли совершали рейсы между крупными городами этих двух наций. Даже сейчас высоко над золотым куполом дворца джеддака был виден огромный воздушный корабль в пути от Дузара к Птарсу.

Одно только ее слово могло втянуть эти две могущественные нации в кровавое столкновение, которое лишит их многих храбрых сердец и неисчислимых богатств, оставив бессильными перед могущественными и завистливыми соседями, и в конце концов они станут добычей свирепых зеленых орд, пришедших со дна высохших морей.

Не страх повлиял на ее решение, так как страх неведом детям Марса. Это было скорее чувство ответственности, которое дочь джеддака несла за благополучие своего народа.

— Я звала тебя, Кавдор,— обратилась она к лейтенанту охраны,— чтобы ты защитил свою принцессу и сохранил мир, который не должен быть нарушен в королевских садах джеддака. Это все. Ты будешь сопровождать меня во дворец, принц Гелиума последует за нами.

Не взглянув на Астока и приняв предложенную Карторисом руку, она медленно направилась к огромному зданию,

в котором размещался правитель Птарса и его блестящий двор. Их сопровождала колонна охраны.

Таким образом Тувия из Птарса нашла выход из затруднительного положения, избегая необходимости заключить гостя своего отца под стражу, и в то же время разделяя двух принцев, готовых вцепиться друг другу в горло, оставь она их вдвоем.

Асток стоял у пималии. Его темные глаза сузились от ненависти, когда он наблюдал за удаляющимися фигурами — девушки, вызвавшей в нем неистовую страсть, и мужчины, который, как он понял теперь, был его соперником.

Когда они исчезли в здании, Асток пожал плечами и, бормоча проклятия, направился через сад к другому крылу здания, где размещалась его свита.

В этот вечер Асток прощался с Туван Дином, и хотя никто не обмолвился о случившемся в саду, не трудно было понять по холодной маске учтивости на лице джеддака, что только обычаи королевского гостеприимства удерживают его от выражения презрения, которое он испытывал к принцу Дузара.

Ни Карторис, ни Тувия не присутствовали на церемонии прощания. Натянута и формально исполнялись все требования придворного этикета. Последний член свиты принца Дузара перебрался через поручни боевого корабля, принесшего их во владенья Птарса, и мощная машина медленно поднялась со стартовой площадки. Чувство облегчения прозвучало в голосе Туван Дина, когда он, повернувшись к одному из офицеров, заговорил о поступке этого чужестранца, который не выходил у него из головы уже на протяжении многих часов. Но был ли он чужестранцем?

— Сообщите принцу Совану наше желание вернуть флот, который отправился в Каол этим утром для путешествия на запад от Птарса, — приказал джеддак.

Когда военный корабль, на котором Асток возвращался во Дворец своего отца, повернул на запад, Тувия из Птарса, сидящая на той же самой скамье, где принц Дузара оскорбил ее, наблюдала за мерцающими огнями удаляющегося корабля. Около нее в блестящем свете луны сидел Карторис. Его глаза были устремлены не на корпус еле видимого вдаль военного корабля, а на профиль поднятого вверх лица девушки.

— Тувия! — прошептал он.

Девушка перевела свой взгляд на него. Он подался вперед в надежде завладеть ее рукой, но она легко отстранилась.

— Тувия из Птарса, я люблю тебя! — воскликнул молодой воин. — Мои слова тебя не оскорбляют?

Она печально покачала головой.

— Любовь Карториса из Гелиума, — сказала она просто, — может быть только честью для любой девушки, но ты не должен был говорить этого, мой друг, ты не должен награждать меня тем, за что я не могу отплатить.

Молодой человек медленно поднялся. Его глаза широко раскрылись от удивления. Принцу Гелиума никогда не приходило в голову, что Тувия Птарса может любить другого.

— Но в Кадабре и позже здесь, во дворце твоего отца, ты никогда не давала мне понять, что не можешь ответить на мою любовь! — воскликнул он.

— А что я сделала такого, Карторис из Гелиума, — произнесла она в ответ, — что заставило тебя поверить в мою любовь?

Он замер на мгновение, затем покачал головой:

— Ничего, Тувия, это правда, и все же я бы мог поклясться, что ты любила меня. По крайней мере, ты хорошо знала, что моя любовь к тебе близка к преклонению.

— Но как я могла догадаться об этом, Карторис? — спросила она простодушно. — Ты мне когда-нибудь говорил это? С твоих уст слетали хоть раз слова признания?

— Но ты должна было понять! — воскликнул он. — В сердечных делах я так же глуп, как и мой отец: я не знаю, как обращаться с женщиной, и все же драгоценные камни, разбросанные по дорожкам королевского сада, деревья, цветы, газоны — все знало о любви, наполняющей мое сердце с той минуты, когда я впервые увидел тебя. И я не верю, что ты могла остаться слепой к моей любви!

— А разве в Гелиуме девушки ухаживают за молодыми людьми? — спросила Тувия.

— Ты смеешься надо мной? — воскликнул Карторис. — Скажи, что ты смеешься надо мной и что ты все же любишь меня, Тувия!

— Я не могу сказать тебе этого, Карторис, так как я обещана другому.

Она говорила ровным голосом, но кто может поручиться, что в нем не звучала безграничная печаль?

— Обещана другому? — с трудом произнес Карторис. Его лицо стало почти белым, но он поднял голову, как и подобает тому, в чьих жилах течет кровь повелителя мира. — Карторис из Гелиума желает тебе счастья с человеком, которого ты избрала, — сказал он. — С... — и он замолчал в ожидании, когда она произнесет имя.

— Кулан Тит, джеддак Каола,— ответила она.— Друг моего отца и самый могущественный союзник Птарса.

Молодой человек внимательно посмотрел на нее, прежде чем заговорить опять.

— Ты любишь его, Тувия?— спросил он.

— Я обещана ему,— просто ответила она. Карторис больше ни на чем не настаивал.

— Он один из самых знатных людей Барсума и могущественный воин,— задумчиво произнес Карторис.— Друг моего отца и мой. Если бы это был кто-то другой! — сказал он почти ширепо.

Что думала девушка, было скрыто от Карториса, и только легкая тень печали за него или за себя, а может за обоих вместе не исчезала с ее лица.

Карторис из Гелиума не спрашивал, хотя и заметил это выражение. Он поднес к губам расшитый бриллиантами край плаща девушки.

— Слава и счастье Кулан Титу и бесценному сокровищу, которое даровано ему судьбою,— сказал он, и хотя голос его был хриплым, слова звучали искренне.— Я сказал, что люблю тебя, Тувия, до того, как узнал, что ты обещана другому. Я не вправе повторить это еще раз, но я счастлив, что ты будешь знать об этом. В этом нет оскорбления ни для тебя, ни для Туван Дина, ни для меня. Моя любовь может распространиться и на Кулан Тита, если ты его любишь,— в последних словах его прозвучал вопрос.

— Я обещана ему,— повторила она.

Карторис положил одну руку на сердце, другую на эфес своей шпаги и произнес:

— Мое сердце и мой меч принадлежат тебе навсегда.

Через мгновение он вошел во дворец. Если бы Карторис обернулся, он увидел бы, как Тувия, стоя на коленях, закрыла ладонями лицо. Плакала ли она?

Карторис из Гелиума в этот же вечер вошел к другу своего отца без предупреждения. Он прилетел один на маленьком быстроходном аппарате, уверенный в том, что его встретят гостеприимно, как принято на Птарсе. Но поскольку не соблюдались формальности при прибытии, не были соблюдены они и при входе во дворец.

Туван Дину он объяснил, что испытывает свое изобретение, которым был оборудован его летательный аппарат. Это новый вариант обычного марсианского компаса. Будучи направлен на определенное место назначения, он ведет корабль точно по указанному курсу. При этом необходимо

держат нос корабля по направлению, которое указывает стрелка компаса. И так можно достичь любой заданной точки на Барсуме в кратчайший срок и по кратчайшему маршруту.

Изобретение Карториса состояло из дополнительного прибора, направляющего судно автоматически, а по прибытии в пункт назначения также автоматически останавливающего и опускающего его.

— Ты без труда оценишь преимущества этого изобретения,— сказал он Туван Дину, который сопровождал его на посадочную площадку дворца с целью проверить работу компаса и попрощаться с молодым другом.

Офицеры двора с несколькими слугами личной охраны собрались вокруг джеддака и его гостя — послушать интересный разговор, один из слуг был настолько увлечен, что его господин дважды делал ему выговор за попытку прикоснуться к сложному механизму компаса.

— Например,— продолжал Карторис,— мне предстоит путешествие на всю ночь, как сегодня. Я устанавливаю указатель на правом циферблате, и он контролирует и обеспечивает полет в восточное полушарие Барсума, соответственно точной широте и долготе нужной точки. Затем я завожу двигатель, заворачиваюсь в шелка и меха и с зажженными огнями лечу по направлению к Гелиуму, уверенный, что в назначенный час я совершу мягкую посадку на площадке своего собственного дворца, буду ли я в это время спать или нет.

— При условии, что ты не столкнешься с таким же ночным путешественником,— вставил Туван Дин.

Карторис улыбнулся.

— Это не представляет никакой опасности,— ответил он.— Посмотри сюда,— и он указал на прибор по правую сторону от «компаса направления». — Это мой «указатель преград» — так я его называл. Прибор, который вы видите, поднимает и опускает корабль, он снабжен приводом к прибору и рычагом управления.

Прибор очень прост, это не что иное, как генератор, работающий на радиоволнах и излучающий радиоперехватываемую во всех направлениях на расстоянии в сотни ярдов от летящего судна. Если же эта окружающая судно оболочка из волн прерывается в каком-либо направлении, чувствительный датчик немедленно улавливает нарушение. Он передает сигналы к магнитному прибору, который в свою очередь приводит в действие механизм управления. Корабль отклоняется от преграды до тех пор, пока радиоактивная сфера

корабля не уходит от соприкосновения с ней, затем корабль ложится на свой курс. В том случае, если нарушение сферы произойдет сзади, например, при подходе быстро движущегося корабля, механизм приводит в действие прибор, и судно набирает скорость, но при этом снижается или поднимается, в зависимости от того, выше или ниже проходит курс движущегося за ним летательного аппарата.

В особо трудных случаях, когда встречаются не одна, а много преград, или если необходимо отклонить корабль от прямого направления больше, чем на 45 градусов в любом направлении, или корабль достиг места назначения и находится в сотне ярдов от земли, механизм останавливает корабль и тут же дает громкий сигнал тревоги, который непременно разбудит пилота. Ты видишь, я предусмотрел все возможные случайности.

Туван Дин улыбкой выразил свою оценку чудесного прибора. Один из слуг пробрался почти к самому кораблю. Его глаза сузились.

— Все, за исключением одной,— сказал слуга.

Знатные люди Барсума с удивлением посмотрели на него, и один из них довольно резко схватил парня, чтобы вернуть его на место. Карторис поднял руку.

— Подождите,— произнес он,— давайте послушаем, что скажет этот человек. Ни одно из существующих творений смертного несовершенно. Возможно, он заметил недостаток, который можно устранить сейчас же. Подойдите сюда, друг мой, и скажите, какие еще непредвиденные обстоятельства я не учел?

Произнося это, Карторис внимательно рассматривал слугу. Это был симпатичный человек крепкого сложения, как и все красные люди Барсумы, но губы юноши были тонкими и выдавали жестокость; через щеку проходил еле заметный белый шрам от удара саблей.

— Подойди сюда и говори! — приказал принц Гелиума.

Человек стоял в нерешительности. Было очевидно, что он сожалел о своей смелости, сделавшей его центром внимания, но, не видя другого выхода, заговорил.

— Прибор может быть испорчен врагами,— произнес он. Карторис достал маленький ключик из кожаной сумки.

— Посмотри на это,— сказал он и протянул его человеку.— Если ты понимаешь что-нибудь в замках, то увидишь, что механизм, открываемый этим ключом, недоступен самому хитрому мастеру. Он охраняет жизненно важные части аппарата от постороннего вмешательства. Без

ключа врагу надо разрушить прибор наполовину, чтобы достичь его сердца.

Слуга взял ключ, внимательно рассмотрел его, но, возвращая, неожиданно уронил на мраморные плиты. Осматривая их, он как бы случайно наступил на ключ и на мгновение перенес на него весь свой вес, затем отступил, и с возгласом радости, наклонившись, подал ключ Карторису.

Через некоторое время Карторис попрощался с Туван Дином и его свитой и мерцающие огни его корабля канули в пустоту звездной ночи Барсума.

II

РАБСТВО

Правитель Птарса, сопровождаемый своими придворными, спустился с посадочной площадки, находящейся на крыше дворца. Но один из слуг чуть замешкался. Наклонившись, он быстрым движением снял с правой ноги сандалию и украдкой опустил ее в сумку.

Когда группа придворных спустилась в нижние коридоры и джеддак дал знак всем разойтись, никто не заметил, что среди слуг не было того парня, который вызвал к себе такой интерес перед отъездом принца Гелиума.

Никто не подумал поинтересоваться, к чьей свите он принадлежит: у марсианских знатных людей много слуг, приходящих и уходящих вместе с хозяином. То, что человек попал в стены дворца, уже является доказательством его преданности джеддаку. На Барсуме сурово подвергается экзамену каждый, кто желает служить придворным. Исключение из этого правила делается только для этикета по отношению к придворным какой-нибудь знатной особы из дружественной иностранной державы.

Поздним утром следующего дня рослый слуга в одеянии придворного из дома великого Птарса вошел в город через дворцовые ворота. Довольно быстро он миновал район, населенный знатью, и достиг торговой части города. Здесь его интересовало броское здание, вознесшееся шпилем к небесам.

Это был дворец Мира, в котором размещались представители иностранных держав или их посольств, министры же обитали в великолепных дворцах в районе, занимаемом знатью.

Человек отыскал посольство Дузара. Как только он вошел, служащий вопросительно взглянул на него. На просьбу пришедшего передать несколько слов министру потребовал какие-либо документы. Посетитель снял простой металлический браслет и, указывая на подпись на его внутренней стороне, прошептал несколько слов служащему.

Глаза последнего удивленно расширились, и его отношение к пришедшему мгновенно изменилось. Предложив незнакомцу подождать, он поспешил во внутренние комнаты с браслетом в руках. Минутой позже он появился вновь и проводил посетителя к министру.

Долгое время незнакомец говорил с министром наедине, а когда вышел от него, на его губах блуждала зловещая улыбка. Из посольства он поспешил прямо во дворец министра Дузара.

Этой ночью два быстроходных корабля покинули площадку дворца. Один из них полным ходом направился в Гелиум, другой...

Перед тем, как пойти спать, Тувия из Птарса бродила по обыкновению в саду возле дворца. Она куталась в шелковое с мехом одеяние: после быстрого захода солнца воздух на Марсе становится холодным.

Мысли девушки были поглощены предстоящей свадьбой, после которой она станет императрицей Каола. Думала она и о принце Гелиума, открывшем ей свое сердце, и нельзя было сказать — раскаяние или жалость омрачали ее лицо, когда она смотрела на юг, туда, где скрылись прошлой ночью огни его корабля. Смутное чувство охватило ее, когда она вдруг различила огни воздушного судна, быстро приближающегося к дворцу с юга и как будто приводимого в движение силой ее воображения.

Она видела, как корабль сделал круг над дворцом, и поняла, что он снижается, готовясь к посадке.

Немного времени спустя мощные лучи его прожекторов внезапно вспыхнули впереди. Они осветили посадочную площадку, на мгновение выхватив из темноты фигуры охранников. Затем ярко горящий глаз промчался по блестящим куполам и изящным минаретам, скользнул вниз по дворцу и парку и остановился на девушке, смотревшей вверх, на корабль.

На какой-то миг прожектор задержался на Тувии из Птарса, затем погас так же внезапно, как загорелся. Корабль пролетел мимо дворца и сделал круг над рощей величественных деревьев.

Девушка еще некоторое время стояла все в той же позе, склонившись в раздумье.

Кто, как не Карторис это мог быть? Она старалась рассердиться на него за то, что он вернулся и следил за ней, но ей это не удавалось.

Что за сумасшедшая причуда побудила его нарушить этикет наций? И из-за менее серьезных вещей между великими державами разгорались войны. Принцесса в ней была возмущена и разгневана, но что касается девушки?..

А охрана, что же она? Очевидно стражники были тоже настолько удивлены беспрецедентными действиями пришельцев, что даже не окликнули их. Но было очевидно, что это не пройдет безнаказанным: послышался шум моторов, и быстро поднялась в воздух длинная патрульная лодка.

Тувия наблюдала, как лодка устремила на восток. За кораблем следило множество глаз.

Корабль висел в нескольких футах над землей, скрытый сверху широко раскинувшейся листвой деревьев.

С его палубы внимательно наблюдали за шарившими прожекторами патрульной лодки. Ни один огонек не горел на борту воздушного нарушителя, и ни один звук не доносился оттуда. Весь экипаж состоял из полудюжины красных хорошо вооруженных воинов.

— Да поможет нам разум предков, — произнес низким голосом один из членов экипажа.

— Ни один план не был задуман лучше, — ответил другой. — Они сделали все так, как предсказал принц.

Тот, который заговорил, повернулся к человеку, сидевшему на корточках перед пультом управления.

— Вперед! — прошептал он.

За этим не последовало другого приказа. Каждый человек, находящийся на борту, был явно хорошо подготовлен, вплоть до мелочей, к этой ночной работе. Корпус корабля бесшумно продвигался среди деревьев.

Тувия из Птарса, устремив взгляд на восток, увидела резко очерченное пятно на темном фоне. В то время, как корабль перелетел через стену, она разглядела нечеткий корпус, несколько наклоненный вниз к газонам сада.

Она знала, что люди эти прибыли с нечестивыми намерениями, и все же не закричала, чтобы привлечь внимание находящихся поблизости стражников, не пыталась она и скрыться в более безопасное место.

Почему же? Можно представить, как она пожимает своими красивыми плечами и произносит в ответ, как произнесла бы любая женщина: «Потому что...»

Едва корабль коснулся земли, как четыре человека прыгнули с его палубы. Они побежали в направлении девушки. И даже это не заставило ее поднять тревогу, она стояла как загипнотизированная. Или же она ждала желанного гостя?

Она не пошевелинулась, пока они не подбежали к ней совсем близко. Затем ближняя луна поднялась из-за листвы, коснулась их лиц, освещая их своими лучами.

Тувия увидела незнакомых людей в форме воинов Дузара. Теперь она испугалась, но слишком поздно!

Не успела Тувия вскрикнуть, как грубые и сильные руки схватили ее. Тяжелый шарф обвил ее голову. Ее подняли и перенесли на палубу корабля. Внезапно зашумели пропеллеры, она почувствовала движение воздуха вокруг тела. Издали слышались спокойные переключки дозорных.

В южном направлении, к Гелиуму, понеслось еще одно судно. В его кабине высокий стройный человек склонился над мягкой подошвой перевернутой сандали. Тонкими инструментами он измерил слабый отпечаток маленького предмета. На подошве четко вырисовывались контуры ключа.

Улыбка заиграла на его лице, когда он закончил свою работу и повернулся к человеку, ожидавшему у стола.

— Этот человек — гений, — заметил он. — Только гений мог придумать такой замок, рассчитанный на автоматическое защелкивание. Вот возьми эскиз ключа, Ларон, и употреби все свое умение и мастерство, чтобы сделать его из металла.

Воин-ремесленник поклонился.

— Человек не может создать то, чего нельзя разрушить, — сказал он и покинул кабину, унося чертеж.

С рассветом над величественными башнями, обозначающими два города-близнеца Гелиума — алой башней брата и желтой башней сестры, — показался корабль, медленно приближающийся к Гелиуму с севера.

На борту корабля были опознавательные знаки менее знатного и далеко расположенного города. Его медленное приближение и уверенность, с которой он продвигался к городу, не вызвали подозрения у сонной стражи. Время их дежурства истекло, и они думали о приходе своей смены.

Мир царил над Гелиумом. У Гелиума не было врагов. Нечего и некого было бояться. Не спеша, ближайшая воздушная лодка патруля направилась к чужестранцу. На расстоянии хорошей слышимости офицер приветствовал вновь прибывший корабль.

Бодрое «каор» и короткое объяснение, что владелец из отдаленного района здесь для того, чтобы развлечься в веселом Гелиуме, удовлетворили стражу.

Лодка воздушного корабля удалилась и легла на свой прежний курс. Незнакомец приблизился к общественной площадке, приземлился, а экипаж готовился отправиться на отдых.

В этот момент воин-ремесленник вошел в кабину.

— Все сделано, Рас Кор,— сказал он, протягивая маленький металлический ключ высокому знатному господину, поднявшемуся из меховых одеял.

— Отлично! — воскликнул последний.— Ты, должно быть, работал над этим всю ночь, Лорен?

Воин кивнул головой.

— А сейчас принеси мне металл Гелиума, который ты обработал несколько дней тому назад,— приказал Рас Кор.

Выполнив поручение, воин помог своему хозяину заменить красивый блестящий металл на его одежде на более простой орнамент рядового воина Гелиума, и, разумеется, различия и цвета этого дома появились и на борту судна.

Рас Кор позавтракал. Затем он появился на воздушной пристани, вошел в лифт и вскоре опустился на расположенную внизу улицу, где его сразу поглотила утренняя толпа рабочих, спешащих к своим повседневным обязанностям.

В толпе его одежда была неприметна. Все люди Марса — воины, за исключением тех, кто физически не в состоянии носить оружие. Торговец и его служащие звенят доспехами, занимаясь своей работой. Школьник, входящий в самостоятельную жизнь, вырываясь из белоснежной оболочки, окружавшей его в течение пяти лет, почти ничего не знает о жизни, но, не имея меча на боку, он чувствует такое же неудобство, как и любой мальчик на Земле, вышедший на улицу без штанов.

Путь Рас Кора лежал в Большой Гелиум, находившийся в 75 милях от Малого Гелиума. Рас Кор приземлился в Малом Гелиуме, так как воздушный патруль здесь менее придирчив и бдителен, чем патруль над столицей, где находится дворец джеддака.

Он двигался в толпе по глубокому ущелью, похожему на парк, и жизнь просыпающегося города открывалась перед ним. Дома, поднятые высоко на тонких металлических колоннах на ночь, мягко опускались на землю.

Среди цветов на алых газонах играли дети, милостивые женщины болтали со своим соседками.

Приятное барсумское приветствие «каор» то и дело доносилось до ушей незнакомца,— это друзья и соседи, просыпаясь, приступили к делам нового дня.

Район, в который он стремился, состоял из домов, где селились наиболее преуспевающие купцы. Везде бросались в глаза признаки благосостояния и даже роскоши. На крышах возились рабы с великолепными шелками и мехами, раскладывая их на солнце для проветривания. Украшенные драгоценностями женщины сидели, нежась, несмотря на такой ранний час, на резных балконах своих спален. Позже они отправятся на крыши, где рабы устроят им ложе и установят шелковые балдахины, чтобы защитить хозяек от солнца.

Звуки вдохновляющей музыки доносились из открытых окон: так жители Марса решили проблему плавного перехода от состояния сна к пробуждению, столь мучительную для землян.

Над ним мчались длинные и легкие пассажирские суда, двигаясь между многочисленными площадками внутренних пассажирских линий.

Посадочные площадки, расположенные выше, были предназначены для больших международных пассажирских лайнеров, а находящиеся на более низком уровне — для грузовых судов.

Ни один корабль не осмелится опуститься или подняться с одного уровня на другой, за исключением определенных районов, где горизонтальное движение запрещено.

Вдоль коротко постриженных газонов главной улицы корабли двигались бесконечным потоком в обоих направлениях. Они неслись над поверхностью, легко поднимаясь вверх для обгона более медленных судов.

Из частных ангаров, имеющих на многих крышах, взлетали небольшие суда. Веселые слова прощания смешивались с почти беззвучным шумом моторов и приглушенными звуками города.

Несмотря на бесчисленное множество кораблей, летящих во всех направлениях, преобладающим достоинством Гелиума была необыкновенная для такого города тишина.

Марсиане ненавидят резкий и неожиданный шум. Единственный шум, который они могут перенести,— это гром войны, лязг оружия, звуки борьбы двух могучих и бесстрашных воинов в воздухе. Для них нет приятнее музыки, чем музыка боя.

На перекрестке двух широких проспектов Рас Кор спустился на одну из огромных станций города. Здесь он

оплатил в маленьком окошке стоимость его поездки парой тусклых овальных монет Гелиума.

Следом за привратником он прошел к медленно движущейся ленте, по которой медленной процессией двигались вагоны, похожие на снаряды какого-то огромного орудия. Несколько служащих помогали пассажирам войти в них и направляли эти вагончики в нужном направлении.

Рас Кор подошел к одному из них, который был свободен. На носу вагона находились циферблат и указатель. Он установил указатель на требуемую станцию и лег на обитое чем-то мягким дно. Служащий закрыл люк, и вагончик медленно продолжил свое движение, чтобы через короткое время войти в систему подземных коридоров-труб.

Затем он внезапно поднялся вверх и рванулся вперед со скоростью ружейной пули. Что-то засвистело, последовала легкая, хотя и неожиданная остановка — и вагончик появился у другой платформы, другой служащий поднял люк. Рас Кор вышел на станции, находящейся под Большим Гелиумом в 75 милях от точки, в которой он лег в этот вагон.

Здесь он поднялся лифтом на уровень улицы и быстро вошел в ожидающее наземное судно. Он не сказал ни одного слова рабу, сидящему на месте водителя. Было очевидно, что его ждали и что этот человек получил инструкции.

Едва Рас Кор занял свое место, как судно быстро устремилось в поток других судов, предпочитая, впрочем, переполненным улицам — пустынным. Вскоре оживленный район оказался позади, и они попали в район маленьких магазинов. Корабль приземлился перед входом в один из них, на дверях висел знак торговца иностранными шелками.

Рас Кор вошел в комнату с низким потолком. Человек в дальнем углу жестом указал ему на внутренние апартаменты, ничем не обнаруживая, что знает Рас Кора. Затем он сам вошел за вновь прибывшим и закрыл дверь. Повернувшись к гостю, хозяин почтительно его приветствовал.

— Знатнейший,— начал он, но Рас Кор остановил его.

— Никаких формальностей,— сказал он.— Ты должен забыть, кто я. Я никто иной, как твой раб. Все должно быть выполнено так же тщательно, как задумано — мы не можем терять время. Нам следует уже быть в пути. Ты готов?

Купец кивнул и, повернувшись к большому сундуку, достал из него скромную одежду раба... Рас Кор немедленно надел ее. Затем оба вышли из магазина через заднюю дверь, пересекли аллею и оказались на проспекте, где сели в машину, ожидавший их.

Пятью минутами позже, купец вел своего раба на общественный рынок. Огромная толпа заполнила обширную открытую площадку, в центре которой стоял помост для рабов. Карторис, принц Гелиума, должен был выступить как основной покупатель.

Один за другим поднимались рабовладельцы на трибуну рядом с помостом, на котором стояла их собственность. Коротко и ясно каждый из них рассказывал о достоинствах рабов, которых он предлагал для продажи.

Когда все было закончено, управляющий принца вызвал на возвышение тех, кто ему понравился и предложил цену.

Последовало короткое обсуждение. Среди вновь вышедших на площадку был и Рас Кор. Его хозяин-купец согласился на первую предложенную ему цену, и таким образом знатное лицо Дузара стало рабом дома Карториса.

III

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

На следующий день после того, как Рас Кор оказался во дворце принца Гелиума, в городах-близнецах царило волнение. Эпицентр его находился во дворце Карториса. Пришла весть о похищении Тувии Птарса из дворца.

Принц Гелиума подозревался в том, что знает об этом событии и о том, где она находится.

В зале заседаний Джона Картера, полководца Марса, находились: Тардорс Морс — джеддак Гелиума, Морс Каят — его сын и джед малого Гелиума, Карторис и десять великих и знатных людей страны.

— Между Птарсом и Гелиумом не должно быть войны, сын мой,— сказал Джон Картер.— Твою непричастность к делу, в котором тебя обвиняют, основываясь на слухах, мы хорошо знаем, но Туван Дин тоже должен знать это.

Есть один человек, способный убедить его,— и это ты сам. Ты должен сейчас же спешить в Птарс и своим присутствием доказать Туван Дину, что его подозрения безосновательны. Да поможет тебе авторитет Главнокомандующего Барсума и джеддака Гелиума получить в помощь все силы союзных государств, чтобы помочь Туван Дину найти свою дочь и наказать ее похитителей, кто бы они ни были. Иди! Я знаю, тебя не надо подгонять.

Карторис покинул зал заседаний и поспешил во дворец.

Здесь слуги были заняты приготовлениями к отъезду. Некоторые копались у быстроходного корабля, который должен был доставить принца Гелиума в Птарс.

Наконец, все было готово. Два вооруженных раба оставались на страже. Заходящее солнце висело низко над Марсом, вскоре все погрузилось в темноту.

Один из стражников, громадный человек, правую щеку которого пересекал тонкий шрам, приблизился к своему товарищу. Взгляд его был устремлен за спину воина. Подойдя достаточно близко, он спросил:

— Что это за странный корабль?

Второй быстро повернулся, чтобы посмотреть в небо. Едва он повернулся спиной, как короткий меч вошел под левую лопатку, прямо в сердце доверчивого воина.

Солдат упал замертво. Убийца быстро оттащил труп в ангар, затем вернулся к кораблю.

Достав из кармана ловко сделанный ключ, он сдвинул крышку с правого циферблата компаса-контролера направления. Некоторое время он изучал конструкцию механизма. Затем вернул циферблат на свое место, установил указатель и передвинул его еще раз, чтобы заметить произошедшие изменения.

Довольная улыбка пробежала по его губам.

Острым инструментом он перерезал провод, протянувшийся к циферблату от наружного указателя,— теперь циферблат для южного направления был бесполезен. Затем он сдвинул крышку второго циферблата и перерезал металлический стержень, идущий с внутренней стороны указателя.

Быстро установив на место крышку, он занял свое место в карауле. На внешней стороне циферблата ничего не было заметно, но в действительности движение указателя не приводило в действие механизм, и прибор показывал место назначения, установленное рабом.

Вскоре пришел Карторис, сопровождаемый группой придворных. Он бросил мимолетный взгляд на раба, стоявшего в карауле. Тонкие жестокие губы и шрам, пересекающий щеку, всколыхнули неприятные воспоминания в душе Карториса. Он удивился, где Соран Тал мог найти такого человека, но моментально забыл об этом, и уже в следующий миг принц Гелиума смеялся и болтал со своими придворными. Но его мучила мысль о тех опасностях, которые могут подстергать Тувию из Птарса и о которых он ничего не мог знать и тем более предвидеть их.

Первой, естественно, к нему пришла мысль о том, что прекрасную деву Марса похитил Асток из Дузара, но почти одновременно о похищении принцессы до них дошла весть о больших празднествах в Дузаре, устроенных в честь возвращения сына джеддака ко двору его отца.

— Это не мог быть Асток,— думал Карторис,— в ночь похищения Тувии Асток был в Дузаре, и все же это очень подозрительно.

Он взошел на корабль, обмениваясь репликами с провожающими, открыл ключом механизм компаса и установил указатель на столицу Птарса.

Со словами прощания он нажал кнопку.

Заработал мотор, зашумели пропеллеры, и корабль устремился в величественную марсианскую ночь.

Не успел корабль набрать скорость, как Карторис лег, вытянувшись во весь рост, на узкой палубе судна.

Но ему не спалось. Мысли взбунтовались, отгоняя сон. Он воскрешал в памяти слова Тувии из Птарса, пробудившие в нем надежду на взаимность: когда он спросил, любит ли она Кулан Тита, Тувия лишь ответила, что обещала ему.

Но на чем основывалась эта надежда — он сам еще не знал.

Теперь он понял, что ответ ее можно истолковать по-разному. Это, конечно, могло означать, что Тувия не любит Кулан Тита, а значит и то, что она любит другого. Но кто мог гарантировать, что тем, другим, был Карторис? Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что ни ее слова, ни ее поступки не давали ему уверенности.

Ее не похитили — она бежала по своей воле.

С такими «приятными» мыслями, наполнявшими его то отчаянием, то жадой мести, Карторис, наконец, заснул.

Наступивший рассвет застал его спящим. Судно бесшумно проносилось над бесплодной коричневатой равниной — над старым, как мир, давно уже высохшим дном марсианского моря.

Вдалеке поднимались невысокие холмы. К ним и летел корабль. Вскоре можно было увидеть большой мол, простирающийся туда, где когда-то был океан, и отгораживающий обмелевшую гавань забытого города.

Безжизненные мрачные проемы окон зияли в мраморных стенах. Весь этот печальный город имел вид рассыпанных могильных холмов мертвых, отбеленных солнцем человеческих черепов.

Порталы напоминали оскаленные в усмешке пасти чудовищных животных.

Все ближе и ближе забытый город.

Скорость корабля уменьшилась. Это был не Птарс!

Над центральной площадью судно остановилось и медленно опустилось на поверхность Марса. И сразу же сигнал тревоги прозвучал над ухом спящего.

Карторис вскочил. Внизу он ожидал увидеть оживленную столицу Птарса, а около своего корабля — воздушный патруль.

Он оглянулся в недоумении. Под ним действительно лежал большой город, но это был не Птарс. Не было видно взволнованной толпы на его широких проспектах. Ни один звук не нарушал его мертвой тишины.

Ни одной патрульной лодки не было поблизости, никто его не приветствовал. Молчаливый и безлюдный лежал перед ним город. Что же случилось?

Карторис проверил циферблат своего компаса. Он был установлен на Птарс. Неужели его изобретение могло подвести? В это Карторис не мог поверить.

Он быстро открыл крышку прибора. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в чем дело — стальной провод был перерезан.

Кто мог сделать это и зачем?

Карторис не отважился сделать даже малейшего предположения. Теперь перед ним стояла задача: определить, в какой части планеты он находится, и затем возобновить прерванное путешествие.

Если целью какого-то врага было задержать его, то он преуспел в этом, думал Карторис, открывая крышку второго циферблата, так как первый указатель, как выяснилось, вообще не был установлен.

Под вторым циферблатом, как и под первым, он нашел разрезанный провод. Механизм управления вначале был установлен на точку в западном направлении.

Он прикинул свое местонахождение: приблизительно к юго-западу от Гелиума на значительном расстоянии от городов-близнецов. Вдруг женский крик заставил его вздрогнуть.

Перегнувшись через борт корабля, он увидел красную женщину, которую тащил через площадь громадный зеленый воин — один из тех свирепых и жестоких обитателей мертвого морского дна в пустынном городе умирающего Марса.

Карторис не ждал ни минуты. Дотронувшись до пульта управления, он послал свой корабль к земле.

Зеленый человек спешил со своей ношей к огромному тоту, пасшемся на ярко-красной площади, покрытой белой растительностью. В это же время дюжина красных воинов выскочила из входа, расположенного недалеко от дворца, преследуя похитителя.

Женщина подняла лицо к кораблю, и на короткий миг Карторис увидел лицо Тувии из Птарса.

IV

ПЛЕННИЦА ЗЕЛЕНОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда дневной свет упал на палубу маленького корабля, куда принцессу Птарса перенесли из сада ее отца, Тувия увидела, что за ночь во внешнем облике ее похитителей произошли изменения.

Их доспехи не блестели, как блестят доспехи Дузара: вместо них воины были облачены в доспехи принца Гелиума.

Девушка вновь почувствовала надежду, она не могла и подумать, что Карторис смог бы причинить ей вред.

— Прошлой ночью на вас была форма воинов Дузара, — произнесла она, — сейчас воинов Гелиума. Что это значит?

Человек посмотрел на нее с усмешкой.

— Принц Гелиума не глуп, — ответил он.

В это время из кабины появился офицер, он сделал замечание воину за то, что тот разговаривает с пленницей, сам же он не ответил ни на один вопрос.

Никто не причинял ей вреда во время путешествия, и когда они достигли места назначения, девушка по-прежнему не знала, кто ее похитил и какая у них цель.

Но вот корабль медленно опустился на главную площадь одного из безмолвных памятников марсианского забытого прошлого — пустынного города, окруженного печальными, с редкой растительностью бывшими морскими пространствами, по которым катились когда-то могучие волны, двигались морские торговые суда людей, ушедших навсегда.

Для Тувии из Птарса такие места не были незнакомы. За время ее путешествия в поисках реки Исс она сталкивалась несколько раз с этими печальными воспоминаниями величия и славы старого Барсума.

И опять, так же как и во время ее полета с Тарс Таркасом, джеддаком Тарка, она видела их таинственных обитателей — больших белых обезьян Барсума.

Она знала и то, что многие из покинутых городов используют кочевыми племенами зеленых людей, но среди них не было города, которого не избегал бы красный человек.

Зачем же привозить ее в такое место? На этот вопрос был один ответ — такова была природа их занятий, которые и давал обитателям мертвый город. Девушка вздрогнула при мысли о своем положении.

Уже два дня люди, захватившие Тувию в плен, держали ее в огромном дворце, который, даже будучи разрушенным, отражал великолепие прошлого века.

Перед рассветом третьего дня она была разбужена голами двух ее похитителей.

— Он должен быть здесь к рассвету, — говорил один, — держи ее наготове, на площади, иначе он никогда не приземлится. В тот момент, когда он поймет, что находится в чужой стране, он сразу же повернет назад — я думаю, план принца слаб в этом месте.

— Не было другого выхода, — ответил другой.

— Это удивительное дело — оба они будут здесь и, если нам не удастся его заманить на землю, мы и так многого достигнем.

В этот момент говорящий поймал на себе взгляд Тувии.

Поспешно он сделал знак своему собеседнику, чтобы тот прекратил разговор, и, подойдя к девушке, приказал ей встать. Затем вывел ее в ночь к центру площади.

— Стой здесь, — приказал он, — пока мы не пришьем за тобой; мы будем наблюдать, и если ты попытаешься бежать, тебе придется худо, хуже, чем если бы ты умерла. Таков приказ принца.

Сказав это, он повернулся и направился обратно ко дворцу, оставив ее одну среди невидимых ужасов в месте, посещаемом белыми обезьянами.

Некоторые все еще держатся за старое суеверие, которое гласит, что духи Хола Терна — людей умерших более тысячи лет назад, переходят в тела больших белых обезьян.

В положении Тувии была опасность нападения одного из этих свирепых животных. Она больше не верила в переселение таинственной души, как учили ее жрецы до того, как она была спасена от их лап Джоном Картером, но

хороша судьба, которая ожидала ее, заметь ее хоть одно из этих ужасных животных.

Но что это?

Конечно же она не могла ошибиться! Кто-то тихонько зашевелился в тени одного из домов.

Тар Бан, джед в ордах Торказа, медленно ехал к руинам древнего Аантора по мертвому морскому дну.

Он долго и быстро ехал этой ночью, так как возвращался после ограбления инкубатора соседнего племени зеленых людей, которые были постоянно в состоянии войны с ордами Торказа.

Его гигантский тот еще не измучен, и все же было бы хорошо, думал он, Тар Бан, дать ему попастьись на бледно-желтом мху, растущем возле стен пустынного города, где почва богаче, чем на морском дне, и растения часто хорошо разрастаются под солнечными лучами.

В крошечных корешках этого кажущегося сухим растения достаточно влаги для того, чтобы утолить потребность в воде этих громадных могучих тоттов, которые могут существовать без воды в течение месяцев.

Тар Бан бесшумно ехал по широкому проспекту, ведущему от набережных Аантора к большой центральной площади. Так странно выглядели человек и животное, что их можно было принять за привидения.

Человек был замечательным представителем своей расы. Полных пятнадцать футов ростом. Его лоснящаяся зеленая шкура блестела при свете луны. Луна освещала его доспехи, искрилась в драгоценных камнях его снаряжения, в украшениях, оттягивающих четыре его мускулистых руки, а загнутые кверху клыки торчали из нижней челюсти и мерцали угрожающе.

На боку его тот висело длинное ружье, действующее при помощи радия, и большое обитое железом копье, а за поясом воина — короткая сабля.

Его выпуклые глаза и антенноподобные уши постоянно поворачивались в различных направлениях, так как Тар все еще был в стране врагов и постоянно сохранялась угроза нападения больших белых обезьян.

Приблизившись к площади, он вдруг осадил тотта. Его тонкие цилиндрические уши наострились. Он услышал неожиданный звук. Голоса! И там, откуда доносились они за пределами видимости, тоже были враги Тар Бана. На Большом Барсуме для свирепых обитателей Торкуза все были врагами.

Тар Бан спешился. Держась в тени больших зданий, выстроенных вдоль улицы Аантора, он приблизился к площади.

Позади него, как собака на поводке, шел серо-голубой тот.

В центре площади Тар Бан увидел фигуру красивой женщины. С ней разговаривал красный воин. Но вот человек повернулся и направился ко дворцу на противоположной стороне площади.

Тар Бан наблюдал, пока человек не скрылся. Вот пленница, которую стоит захватить! Редко попадают женщины их бесчисленных врагов на землю зеленого человека. Тар Бан облизал свои тонкие губы.

Тувия из Птарса наблюдала за тенью. Она надеялась, что это только плод ее воображения.

Но нет! Теперь ясно и четко Тувия видела, как тень движется. Она вышла из-за укрытия колонны.

Внезапно появившееся солнце осветило Тар Бана. Девушка вздрогнула — перед ней был огромный зеленый воин.

Он быстро прыгнул к ней. Девушка закричала и пыталась спастись бегством, но едва она повернулась в направлении дворца, как гигантская рука схватила ее и дотащила до огромного тот.

В это время она подняла лицо вверх, привлеченная шумом мотора, и увидела быстро приближающийся корабль, голову и плечи человека, перегнувшегося через борт. Но лицо было в тени, и она не могла рассмотреть его.

Уже позади нее раздались крики красных похитителей. Они с бешеной скоростью неслись за человеком, укравшим у них то, что они считали своим.

Как только Тар Бан достиг своего тот, он выхватил из чехла ружье, заряженное радием, и, обернувшись, выстрелил три раза в красных людей.

И сделал он это до того ловко, что три красных воина свалились замертво. Заряды разорвались у них во внутренних частях. Остальные остановились, не решаясь вести ответный огонь, опасаясь ранить девушку.

Затем Тар Бан забрался на спину своего тот, все еще держа Тувию в руках, и с криком торжества исчез в темном каньоне между мрачными дворцами забытого Аантора.

Корабль Карториса еще не успел опуститься, как он уже прыгнул и устремился за быстроногим тотом. Длинные ноги несли его по широкой улице со скоростью экспресса,

но люди из Дузара не допускали мысли о том, чтобы упустить такого ценного пленника.

Они потеряли девушку. Трудно будет это все объяснить Астоку, но если они захватят принца Гелиума, они могут ожидать снисхождения от своего хозяина.

Поэтому трое оставшихся в живых набросились на Карториса с возгласами: «Сдавайся!» Но с таким же успехом они могли кричать луне прекратить ее сумасшедший полет по Барсумскому небу. Карторис был настоящим сыном Главнокомандующего Марса и его несравненной жены Деи Торис.

Длинный меч Карториса был уже у него в руках, когда он спрыгнул с палубы корабля. В тот момент, почувствовав угрозу со стороны трех красных воинов, он повернулся лицом к ним, встречая их так, как это мог сделать сам Джон Картер.

Так быстр был его меч, так могучи и проворны полуженные мускулы, что один из противников упал, окрашивая кровью бледно-коричневый мох, не успев сделать ни одного выпада в сторону Карториса.

Двое оставшихся в живых одновременно бросились на принца Гелиума. Три меча засверкали и зазвенели в воздухе так, что большие белые обезьяны, разбуженные шумом, подползли к окнам мертвого города посмотреть на кровавую сцену.

Трижды касались Карториса мечи его противников, и красная кровь текла по лицу, ослепляя его и орошая широкую грудь. Свободной рукой он вытирал ее с глаз и с улыбкой храброго воина, светящейся на губах, бросался на врагов с новой яростью.

Одним прикосновением своего тяжелого меча он отрубил голову своему противнику. Другой, избегая неминуемой смерти, повернулся и побежал во дворец.

Карторис не сделал ни шага. У него была более важная забота, чем заслуженное наказание этих чужестранцев, надевших форму его собственного дома.

Быстро повернувшись к своему кораблю, он уже вскоре поднимался с площади в погоню за Тар Баном. Красный воин, которого он обратил в бегство, повернулся у входа во дворец и, угадав намерения Карториса, схватил ружье.

Только некоторые из красных людей являются хорошими стрелками, их основным оружием является меч, и поэтому, когда воин Дузара прицелился в поднимающийся корабль и нажал кнопку, скорее случай, чем уменье, помогли ему. Пуля слегка задела борт корабля, но темная обшивка

надорвалась достаточно, чтобы пропустить дневной свет в носовую часть корабля.

Последовал резкий взрыв. Карторис почувствовал, как корабль качнулся под ним и остановился. Некоторое время он двигался по инерции в направлении города.

Красный воин выстрелил еще несколько раз, но неудачно. Затем величественная башня закрыла от него летящую жертву.

На некотором расстоянии впереди себя Карторис мог видеть зеленого воина, уносящего Тувию прочь на своем могучем тоте. Он направлялся на северо-запад от Аантора, где лежала горная страна, неизвестная красным людям.

Принц Гелиума осмотрел повреждения корабля; проверка показала, что получил прокол один из баков, поддерживающих корабль в воздухе, но сам корабль поврежден не был.

Осколок от пули повредил рычаги управления, и их можно было починить только в мастерской, но после нескольких попыток кое-что удалось поправить, и Карторис привел корабль в движение, хотя и на самой малой скорости, которая не могла сравниться с быстрым аллюром тотта, чьи восемь сильных ног несли его по бледно-коричневой растительности мертвого моря с ужасающей скоростью.

Принц Гелиума нервничал и мучился медленностью своего преследования. И все же он был доволен, что ущерб, нанесенный кораблю, не так уж страшен; теперь он, по крайней мере, мог двигаться быстрее, чем пешком.

Но даже и в этой малой радости ему было отказано, так как вскоре корабль начал опускаться и крениться на левый борт. Повреждение поддерживающих баков было, очевидно, сильнее, чем он вначале думал.

Напряжение долгого дня вымотало его. Корабль опускался все ниже и ниже. Крен левого борта становился все более угрожающим, когда, наконец, перед самым наступлением ночи Карторис пристегнул свою одежду к тяжелому кольцу на палубе, чтобы удержаться от стремительного падения. Теперь он медленно плыл по ветру, дующему с юго-востока, но когда он прекратился с заходом солнца, Карторис мягко опустил корабль на ковер из мха.

Далеко впереди неясно вырисовывались горы, к которым и приближался зеленый воин, когда Карторис видел его в последний раз. С упрямой решительностью Джона Картера, наделенный неукротимой волей своего отца, продолжал Карторис преследование пешком.

Всю эту ночь он шел вперед, пока с приходом нового дня не пришел к низким предгорьям, охранявшим подступы к горам Торказа.

Шершавые гранитные стены возвышались перед ним. Нигде не смог рассмотреть он прохода через внушительный скалистый барьер, и все же зеленый воин пронес его любимую через этот негостеприимный мир камня.

На мягком мху морского дна не было никаких следов. Мох был настолько упругим, что, сминаясь под мягкими ногами тот, распрямился тотчас же, не оставляя следов.

Но здесь в горах, где дорожка была усыпана мелкими камешками, где черная плодородная земля и дикие цветы частично скрашивали угрюмую монотонность пустынных пространств, Карторис надеялся найти хоть какие-нибудь следы, которые укажут ему нужное направление.

И все же как он ни искал, тайна следов, казалось, так навсегда и останется неразрешенной.

Еще один день клонился к закату, когда Карторис рассмотрел рыжевато-коричневую лоснящуюся шкуру, двигающуюся среди валунов в нескольких сотнях ярдов слева.

Карторис быстро припал к большому валуну и наблюдал за зверем, проходящим перед ним. Это был громадный бенс, один из тех свирепых львов Барсума, которые чаще всего бродят в одиночестве по пустынным холмам умирающей планеты.

Бенс, осторожно ступая, принюхивался к земле. Было очевидно, что он преследовал кого-то по следу.

Пока Карторис наблюдал за ним, некоторая надежда вселилась в его душу. Здесь, возможно, и лежит разгадка тайны, которую он старался и никак не мог решить. Это животное плотоядное и голодное, оно всегда быстро находило человеческий запах, возможно, оно и сейчас идет по следу тех двоих, которых ищет Карторис.

Осторожно крался молодой человек по следу людоеда. Животное двигалось вдоль основания выступающей скалы, нюхая невидимый след и время от времени издавая низкое рычание вышедшего на охоту бенса.

Карторис следовал за хищником уже в течение нескольких минут, когда тот исчез неожиданно и таинственно, как будто провалился сквозь землю.

Человек вскочил на ноги. Никому не удавалось обмануть его так, как обманул его зеленый воин. Он отважно устремился к тому месту, где в последний раз видел крадущегося зверя.

Перед ним неясно вырисовывалась отвесная скала, на поверхности которой не было ни одной щели, в которую огромный бенс мог бы протолкнуть свое тело. Перед ним был маленький валун, не больше, чем палуба корабля вместимостью в десять человек и не превышающего в высоту его двойного роста.

Может быть, бенс скрывается за ним? Животное могло обнаружить его по запаху и лежать сейчас в ожидании такой легкой добычи.

Осторожно с большим обнаженным мечом Карторис крался вдоль скалы. Там не было бенса, но представшая перед ним картина удивила его больше, чем присутствие двадцати бенсов,

Перед ним зиял вход в темную пещеру, ведущую вниз, в глубину земли. Через нее, должно быть, и исчез бенс. Неужели это логово?

В его темной и мрачной внутренности мог прятаться не один, а множество бенсов.

Карторис не знал этого, он знал лишь, что в эту мрачную пещеру бенс последовал по следу зеленого человека и его пленницы, и за ним последует Карторис, готовый отдать свою жизнь, служа женщине, которую нежно и страстно любит.

Он не колебался ни минуты, но и не бросился неосмотрительно вперед, а с мечом наготове, осторожными шагами прощупывая пещеру, двинулся в путь.

По мере продвижения вперед тьма становилась все более непроницаемой.

V

РАСА СВЕТЛОКОЖИХ

Вниз вел странный туннель с гладким полом. Карторис был теперь убежден: то, что он вначале принял за пещеру, было стволом шахты.

До него доносились случайные низкие звуки рева бенса, идущего впереди, а через некоторое время сзади слышались также жуткие звуки. Другой бенс вошел в коридор по его следу.

Его положение было незавидным. Глаза Карториса не могли рассмотреть даже руки перед лицом, в то время как бенсы могли видеть достаточно хорошо, несмотря на полное отсутствие света.

До него не доносились никакие другие звуки, кроме гнетущих, холодящих кровь стонов животных впереди и сзади него.

Туннель шел прямо, не сворачивая с того места, где Карторис вошел под скалу.

Сейчас он шел почти прямо и несколько под уклон, но вскоре отметил постепенный подъем.

Зверь позади догонял его, тесня к зверю, что шел впереди. Через некоторое время Карторису придется сразиться с одним из них или даже с обоими. Он еще крепче сжал свое оружие. Теперь он мог уже слышать дыхание зверя, преследующего его. Недолго он еще сможет оттягивать схватку.

Карторис уже давно понял, что туннель идет под скалами на противоположную сторону барьера, и надеялся, что достигнет лунного света до того, как ему придется сразиться с одним из этих монстров.

Когда принц входил в туннель, солнце садилось, а путь этот был достаточно длинным. Конечно, снаружи уже царит темнота и наступила ночь.

Он посмотрел назад. Сияя в темноте, в десяти шагах ослепительно сверкали две огненные точки. Свирепые глаза увидели его, зверь испустил устрашающий рев и бросился атаковать.

Когда сталкиваешься лицом к лицу с бешеной свирепостью, чтобы остаться непоколебимыми и не дрогнуть перед отвратительными клыками, нужно обладать стальными нервами, такими, как у Карториса.

Перед ним были глаза зверя, на которые он и направил острие своего меча, уверенно, как когда-то делал его отец. Сам он при этом отклонился в сторону.

С отвратительным криком боли бенс пронесся, царапая когтями, мимо него. Затем он развернулся для новой атаки, но на сей раз Карторис увидел только одну сверкающую точку, с дикой ненавистью направленной на него.

Опять острие встретило свою сверкающую цель. Опять наводящий ужас рев раненого животного наполнил каменный туннель и эхом отозвался в отдаленных скалистых закоулках, потрясая своей мучительной пронзительностью, и замер в отдалении.

Но теперь, когда зверь повернулся для новой атаки, у человека не было ориентира для следующего удара. Он слышал скрежет когтей по каменному полу. Он знал, что животное готовится совершить новое нападение, но не видел

ничего. И хотя он не мог видеть своего противника, тот теперь тоже не видел его.

Прыгнув в самый центр туннеля, он держал свой меч наготове, как он думал, на уровне груди зверя. Это все, что он мог сделать, надеясь, что случай пошлет острие меча в сердце зверя.

Все кончилось так быстро, что Карторис едва мог поверить себе: могучее тело с бешеной скоростью пронеслось мимо него. Либо он встал не в центре туннеля, либо слепой бенс ошибся в своих расчетах. Так или иначе, огромное животное пролетело в футах от него, как будто оно преследовало жертву, ускользавшую от него.

Карторис последовал в том же направлении. Скоро его сердце радостно забилося при виде лунного света, освещающего выход из длинного темного коридора-пещеры.

Перед ним лежала глубокая долина, со всех сторон окруженная гигантскими скалами. Поверхность ее была усеяна бесчисленными деревьями странного вида, с точки зрения марсианина. Земля была одета великолепной алой растительностью, усыпанной множеством чудесных диких цветов разнообразной окраски.

Под ярким сиянием двух лун сцена представлялась сказочно красивой, слегка окрашенной таинственностью странного очарования.

Только мгновение любовался Карторис таинственной красотой, раскинувшейся перед ним. Почти сразу же его внимание привлек большой бенс, стоящий над тушей недавно убитого тотта.

Огромное животное с рыжевато-коричневой гривой, поднявшейся дыбом на голове, следило за другим бенсом, метавшимся туда и сюда, пронзительно крича от боли и наводя ужас.

Карторис догадался, что второй зверь был бенс, которого он ослепил во время схватки в туннеле, но мертвый тот его интересовал сейчас больше, чем эти дикие плотоядные кошки.

На спине огромной марсианской лошади все еще была сбруя, и Карторис теперь не сомневался, что это было то самое животное, на котором зеленый воин увез Тувию.

Но где же всадник и его пленница?

Принц Гелиума вздрогнул при мысли о постигшей их участи.

Человеческое мясо — это еда, которую больше всего любят лев, чье большое тело и гигантские мускулы требуют огромного количества пищи.

Два человеческих тела только бы возбудили аппетит зверя. А Карторису казалось, что зверь убил и съел зеленого человека и красную девушку. И стал пожирать убитого им тот.

Когда свирепый ослепший бенс проскочил мимо своего противника, легкий ветерок донес до него запах свежeproлитой крови. Его движения уже не были бесцельными. С вытянутым хвостом и пеной у рта он стрелой бросился вперед.

Когда слепой бенс был в двадцати шагах от мертвого тот, убийца дал выход своему гневу отвратительным ревом и мощным прыжком бросился на противника.

От этой схватки даже воинственный житель Барсума пришел в трепет. Звери рвали друг друга на куски, сопровождая схватку ужасным оглушительным ревом. Неумолимая жестокость очаровала Карториса, а когда схватка кончилась, и оба чудовища, разорванные в клочья, лежали, все еще вцепившись мертвыми челюстями друг в друга, Карторис усилием воли оторвался от этой картины. Он поспешил к мертвому тоту в поисках девушки, но ничего не нашел.

С чувством некоторого облегчения начал он исследовать окружающую местность, но едва он сделал дюжину шагов, как его внимание привлекла драгоценная безделушка, лежащая на земле.

Он ее поднял и сразу понял, что это женское украшение для волос, отмеченное знаком королевского дома Птарса, но что это — дурное предзнаменование: все еще не просохшая кровь пятном лежала на фамильной драгоценности.

Картины, представившие перед его воображением после находки, наполнили его сердце тревогой.

Невозможно было представить, что это лучезарное существо могло встретить такой конец. Было невероятно, что прекрасная, как мечта, Тувия перестала существовать. В глазах принца она была бессмертна.

На свою украшенную одежду к ремню, пересекающему грудь, где билось его преданное сердце, Карторис прикрепил блестящую безделушку, которую носила Тувия из Птарса, сделав ее для себя священной.

Затем он продолжил путь к центру долины. Гигантские деревья закрыли от него часть горизонта. Время от времени он видел поднимающиеся холмы, окружающие долину со всех сторон, и, хотя они ярко вырисовывались под светом двух лун, он знал, что они находятся далеко и что долина довольно велика по своим размерам.

Еще долго он продолжал свои поиски, пока его не привлекли пронзительные отдаленные крики тотов. Направ-

ляясь на этот шум, молодой человек пробирався среди деревьев, пока не достиг равнины, в центре которой возвышались купола и башни большого города.

Вокруг города, обнесенного стеной, Карторис увидел лагерь зеленых воинов, населявших морское дно, а когда присмотрелся к городу, то понял, что это не заброшенная столица далекого прошлого.

Но что это за город? Его знания подсказали ему, что в этой малоисследованной части Барсума главенствовало жестокое племя зеленых людей Торказа, и ни одному красному человеку не удавалось проникнуть в сердце их владений и вернуться в цивилизованный мир.

Эти жители Торказа усовершенствовали свои ружья, с помощью которых их сверхъестественная жестокость позволяла им отражать нападки красных племен, пытавшихся исследовать их страну с помощью боевых воздушных кораблей.

Карторис был уверен, что находится в пределах Торказа, но он никогда не предполагал, что здесь существует такой красивый город. Не упоминалось об этом и в хрониках прошлых лет, так как считалось, что жители Торказа обитают, как и другие зеленые люди Марса, в пустынных городах, рассыпанных на умирающей части планеты. Ни одна зеленая орда не построила ни одного сооружения, кроме низких инкубаторов, где вырастает их молодое поколение под воздействием солнечного тепла.

Лагерь зеленых воинов лежал в пятистах ярдах от стен города. Между ним и городом находились подобие бруствера и другие защитные сооружения, и все же при свете восходящего солнца Карторис мог видеть множество фигур,двигающихся по высокой стене.

Он был уверен, что горожане похожи на красных людей, но расстояние было слишком велико, чтобы он мог точно утверждать это.

Почти немедленно после восхода солнца зеленые воины открыли огонь по маленьким фигуркам на стене. К удивлению Карториса огонь был безответным, но скоро последний из жителей города нашел укрытие от меткого огня зеленых воинов, и никаких признаков жизни не осталось на стенах и крышах города.

Карторис, находясь под прикрытием деревьев, начал продвигаться в тыл осаждающих, надеясь, что кто-нибудь увидит Тувию, ибо до сих пор не мог поверить в ее смерть.

То, что его все еще не обнаружили, было исключительным везением, так как воины на тотых ездили из лагеря в

лес и обратно. Он все еще продолжал, казалось, бесполезные поиски, пока перед самым заходом солнца не подошел к огромным воротам в западной стене города.

Здесь были сконцентрированы основные силы атакующей орды. Здесь была воздвигнута большая платформа, на которой Карторис увидел сидящего на корточках огромного зеленого воина, окруженного ему подобными.

Это был пользующийся дурной славой Гортан Гур, джеддак Торказа, жестокий старый великан-людоед.

Карторис наблюдал за происходящим и увидел зеленого воина, пробивающегося к трибуне. Рядом с собой он тащил пленника. Карторис пригляделся повнимательнее.

Его сердце запрыгало от радости. Тувия из Птарса жива!

С трудом юноша сдерживал желание броситься вперед на помощь принцессе, но трезвая оценка обстановки остановила его, так как перед лицом такого количества превосходящих сил он знал, что будет немедленно убит и не сможет прийти Тувии на помощь.

Ее подтащили к подножию платформы. Он видел, как Гортан Гур обратился к ней. Он не слышал ответа девушки, но она рассердила зеленое чудовище, оно прыгнуло к девушке, жестоко ударив ее в лицо одетой в железную рукавицу рукой.

Тогда сын Джона Картера, джеддака джеддаков, военного предводителя Барсума, пришел в бешенство. Кроваво-красный туман, через который его отец смотрел на врагов, поплыл перед его глазами.

Полуземные мускулы принца, подчинившиеся его воле, послали его к зеленому джеддаку, ударившему женщину, которую он любил. Карторис уже пробежал половину пути от леса к зеленым воинам, когда возникло новое событие, привлекавшее внимание всех зеленых воинов и сделавшее незаметным приближение Карториса.

На высокой башне в осажденном городе появился человек. Из его горла вырывались страшные, жуткие крики, разносившиеся на громадные расстояния, пронзительно звучащие и наводящие ужас. Они неслись через городские стены, через головы осаждающих, через лес к самым границам равнины.

Трижды донесся приводящий в ужас крик до ушей зеленых воинов, а затем далеко-далеко из-за большого леса донесся резкий и ясный ответный клич.

Это было начало. Отовсюду стали доноситься подобные дикие крики, пока, казалось, почва не задрожала от их раскатов.

Зеленые воины нервно оглядывались по сторонам. Они не боялись, они не знали страха, как земные люди, но перед лицом неожиданного обычная самоуверенность покидала их.

А потом внезапно распахнулись большие ворота в городской стене напротив платформы Гортан Гура, и перед Карторисом предстала картина, какую ему никогда не приходилось видеть. И хотя он бросил лишь один мимолетный взгляд на стрелков, вышедших из ворот и закрывающихся длинными щитами, он заметил их темно-рыжие развевающиеся волосы и понял, что существа у их ног были свирепые львы Барсума.

Затем он очутился среди изумленных обитателей Торказа. С обнаженным длинным мечом он оказался в гуще врагов около Тувии, чьи удивленные глаза заметили его первыми. Казалось, что перед ней сам Джон Картер, так похоже вел бой его сын.

Вокруг царили шум и смятение. Зеленые воины вскакивали на своих порывистых и визжащих тотах. Бенсы издавали свирепые и гортанные звуки, стремясь вцепиться в горло приближающихся воинов.

Тар Бан и другие, стоящие на одной стороне платформы, первыми заметили Карториса. С ними-то и пришлось бы сражаться юноше за прекрасную девушку, пока другие готовились встретить войско, выступающее из осажденного города.

Карторис стремился защитить девушку и достать отвратительного Гортан Гура, чтобы отомстить ему за удар, нанесенный Тувии.

Ему удалось достичь платформы по телам двух воинов, которые присоединились к Тар Бану и его свите, чтобы отразить наступление смелого красного человека как раз в тот момент, когда Гортан Гур намеревался прыгнуть на спину своего тота.

Внимание зеленых воинов было главным образом приковано к стрелкам, приближающимся со стороны города, и к свирепым бенсам, шагающим рядом с ними — жестоким животным войны. Карторис забрался на платформу, держа Тувию рядом с собой, повернулся к отступающему джеддаку и с яростным вызовом взмахнул мечом.

Когда острое меча Карториса укололо его зеленую кожу, Гортан Гур повернулся к противнику с рычанием, но в это время его вожди напомнили ему, что надо спешить, так как войско белокожих жителей города было намерено вести более серьезные действия, чем ожидала орда Торказа.

Гортан Гур решил сразиться с красным воином после того, как победит наглых жителей осажденного города и, вскочив верхом на своего тотта, поскакал галопом навстречу быстро наступающим стрелкам.

Остальные воины последовали за ним, оставив Тувию и Карториса одних на платформе.

Между ними и городом бушевало жестокое сражение. Белокурые воины, вооруженные только луками и еще чем-то, похожим на военный топор с короткой ручкой, были почти беспомощны перед свирепыми зелеными воинами, восседавшими на своих тоттах, но на расстоянии их стрелы наносили такой же урон, как и заряженные радием ружья зеленых людей.

И если белокожие воины были остановлены зелеными воинами, то об их свирепых спутниках, диких бенсах, нельзя было этого сказать. Противники сходились, и сотни этих ужасных существ бросались в гущу войск Торказа, стаскивали их с тоттов, бросая самих тоттов на землю, сея ужас.

Численность городских жителей тоже давала им преимущество; казалось, что на место павшего воина становились десять других — таким постоянным, непрерывным потоком лились они из больших ворот города.

Свирепость бенсов и бесчисленное количество стрелков привело к тому, что войска Торказа отступили, и через некоторое время платформа, на которой оказались Карторис и Тувия, была в центре сражения.

Казалось чудом, что их обоих не задела ни пуля, ни стрела. Когда, наконец, волна сражения откатилась от них, они оказались одни между мертвыми воинами и рычащими бенсами, бродившими среди трупов в поисках вкусного мяса.

Для Карториса самым неожиданным оказалось ужасающее количество потерь, понесенное стрелками и зелеными воинами, тем более от такого простого оружия, которое имели стрелки. Нигде не было видно ни единого раненого зеленого воина, лишь трупы мертвецов толстым слоем покрывали поле битвы. Смерть, казалось, несло малейшее прикосновение стрелы лучника. Объяснение могло быть одно: стрелы были с отравленными наконечниками.

Через некоторое время звуки битвы затихли в дальнем лесу. Наступила тишина, нарушаемая лишь рычанием поглощающих свою добычу бенсов. Карторис повернулся к Тувии. До сих пор ни один из них не произнес ни слова.

— Где мы находимся, Тувия?— спросил он.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Казалось, что его присутствие является достаточным доказательством его вины в похищении девушки. Как иначе он мог узнать место назначения корабля, на котором она прилетела.

— Кому это не знать, как не принцу Гелиума?— спросила она вместо ответа,— разве он прибыл сюда не по собственной воле?

— От Аантора я пошел добровольно по следам зеленого человека, укравшего тебя, Тувия. Но с того времени, как я покинул Гелиум, и до сих пор, пока я не проснулся над Аантором, я думал, что направляюсь в Птарс.

Намекали, что я знаю о твоём похищении,— объяснил он просто,— и я поспешил к джедаку, моему отцу, чтобы убедить его в несправедливости обвинения и помочь ему в твоём возвращении. Но до того, как я покинул Гелиум, кто-то испортил мой компас, поэтому-то я и оказался в Аанторе, вместо Птарса. Вот и все — ты ведь веришь мне?

— Но воины, похитившие меня из сада! — воскликнула она.— Когда они прилетели в Аантор, на них был металл принца Гелиума. Когда же они похищали меня, на них была форма Дузара... Этому, казалось, есть одно объяснение. Тот, кто решился на такое нарушение закона, пожелал переложить ответственность на другого, если его обнаружат при похищении. Но удачно выбравшись из Птарса, он почувствовал себя в безопасности в форме своего государства.

— Ты веришь, что я сделал такое, Тувия?— спросил Карторис.

— О, Карторис,— печально ответила она,— мне бы не хотелось верить в это, но когда все указывают на тебя! — нет, даже тогда я не поверю!

— Я не делал этого, Тувия,— сказал он,— но разреши мне до конца быть откровенным с тобой. Как я ни люблю твоего отца, как ни уважаю Кулан Тина и знаю последствия, которые вызвал бы такой мой поступок — войну трех величайших наций Барсума,— и все же, несмотря на это, я ни минуты не колебался бы перед тем, чтобы так поступить, Тувия из Птарса, намекни ты мне хоть раз, что это тебя не рассердит.

Но ты ничего подобного не делала, и вот я здесь на службе у тебя и у человека, которому ты обещана, спасаю тебя для него... если это будет в человеческой власти,— закончил он.

Тувия всматривалась некоторое время в это лицо, как будто впервые увидела его. Ее грудь поднималась и опускалась от переизбытка эмоций. Она сделала к нему шаг. Ее губы были полуоткрыты, будто она хотела говорить быстро и возбужденно. Но она подавила свои чувства.

— Дальнейшие действия принца Гелиума,— произнесла она холодно,— должны доказать его непричастность к происшедшим событиям.

Карториса задел тон девушки, ибо в нем было сомнение в его честности. Он еще надеялся, что она хоть как-то намекнет, что любовь его ей приятна. Конечно, она должна выразить хоть какую-то благодарность за все его поступки, но благодарностью ему был лишь ее холодный скептицизм.

Принц Гелиума пожал плечами. Девушка заметила и легкую улыбку, тронувшую его губы. Настала очередь обижаться ей. Конечно же, она не хотела его обидеть. Он должен был знать, что после всего, что он ей сказал, она не может ничего сделать, чтобы подбодрить его. Но ему не надо настолько явно проявлять свое безразличие. Люди Гелиума славятся своей галантностью, но не грубостью.

Откуда ей было знать, что это пожатие плечами было попыткой Карториса прогнать печаль и уныние из своего сердца, а его улыбка была воинственной улыбкой его отца и проявлением решимости потопить свою большую любовь во имя спасения Тувии. Он верил в ее любовь к другому.

— Где мы находимся?— спросил он.— Я не знаю.

— Не знаю этого и я,— ответила девушка,— те, кто похитили меня из Птарса, говорили между собой об Аанторе, вот я и подумала, что этот древний город и есть те знаменитые развалины. Но где мы находимся сейчас, я не имею ни малейшего представления.

— Когда вернутся стрелки, мы без сомнения узнаем все,— сказал Карторис.— Будем надеяться, что они отнесутся к нам по-дружески. Какой расы они могут быть? Только в самых древних наших легендах и фресках пустынных городов мертвого дна изображалась такая раса рыжеволосых белокожих людей. Может быть, мы натолкнулись на продолжающий существовать город прошлого, который во всем Барсуме считается похороненным в веках.

Тувия смотрела на лес, в котором исчезли зеленые воины и преследовавшие их стрелки. Издалека доносились крики бойцов и случайные выстрелы.

— Странно, что они не возвращаются,— заметила девушка.

— Должны были бы переносить раненых,— ответил Карторис и нахмурил брови.— А что же с ранеными вокруг города... Их уже унесли?

Оба они повернулись к полю, где битва была самой жестокой.

Там были бенсы, рычащие во время своего страшного пира. Карторис указал на поле.

— Где они?— прошептал он.— Что стало с ранеными и убитыми?

VI

ДЖЕДДАК ЛОТАРА

Девушка недоуменно огляделась.

— Они лежали грудами,— пробормотала она.— Минуту назад их было много тысяч.

— А сейчас остались только бенсы и тела зеленых людей.

— Они, должно быть, выслали кого-то вперед и унесли мертвых, пока мы разговаривали.

— Это невозможно! — воскликнул Карторис.— Тысячи стрелков только что лежали на поле. Потребовалось бы много часов, чтобы перенести их. Это что-то сверхъестественное.

— Я надеялась,— сказала Тувия,— что мы сможем найти убежище у этих светлокожих людей. Несмотря на их доблесть, они не произвели на меня впечатление свирепых. Я хотела уже предложить искать вход в город, но сейчас едва ли уверена, что хочу жить среди людей, чьи мертвецы исчезают в воздухе.

— Давай попытаемся,— ответил Карторис.— Нам не будет хуже в стенах этого города, нежели за его пределами. Здесь мы можем стать жертвами бенсов или свирепых жителей Торказа. Там мы найдем, по крайней мере, существ, созданных по нашему подобию. Что у меня вызывает сомнение,— добавил он,— это опасность пройти мимо бенсов.

— На этот счет не беспокойся,— ответила девушка, улыбаясь,— бенсы не причинят нам никакого вреда.

Говоря это, она спустилась с платформы и с Карторисом вместе безбоязненно ступила на поле брани. Они прошли небольшое расстояние, когда бенс, оторвавшись от кровавого пира, заметил их. Со злым ревом бросился он в их направлении, а десяток других последовали его примеру.

Карторис обнажил свой длинный меч. Девушка бросила взгляд на его лицо. Она увидела улыбку на его губах, и это было как вино для больных нервов, так как даже на воинственном Барсуме, где все люди храбры, женщина на опасность реагирует быстро и хладнокровно.

— Ты можешь вложить свой меч в ножны,— сказала она.— Я же сказала тебе, что бенсы не причинят нам вреда. Посмотри! — И говоря это, быстро подошла к ближайшему животному.

Карторис готов был броситься, чтобы защитить ее, но она знаком остановила его. И он услышал, как она обращается к животным низким монотонным голосом, похожим на мурлыканье.

В тот же миг головы зверей поднялись и глаза были прикованы к фигуре девушки. Затем, крадучись, они начали двигаться к ней. Она остановилась в ожидании.

Один, стоявший ближе всех, колебался. Тувия заговорила с ним повелительным голосом, как хозяин разговаривает с непокорной собакой.

Большое животное наклонило голову и с поджатым хвостом подкралось к ногам девушки. После него подошли другие.

Повернувшись, она повела их к тому месту, где стоял Карторис. Они заворчали немного, но по команде притихли.

— Как ты это делаешь?— воскликнул Карторис.

— Твой отец задавал мне однажды такой вопрос в галереях Золотых скал. Я не могла ему ответить, не могу ответить и тебе. Я не знаю откуда идет моя власть над ними, но с того дня, как Сатор Трог бросил меня в яму к бенсам Хола Терна и большие животные ласкались ко мне вместо того, чтобы разорвать на куски, с тех пор я всегда имею над ними власть. Они идут на мой зов и исполняют мои приказания.

С этими словами девушка разогнала свирепую стаю. Рыча, они вернулись к прерванному пиру. А Карторис и Тувия направились к городу.

По пути юноша с удивлением смотрел на тела зеленых воинов. Он обратил на них внимание девушки. Из больших тел не торчали стрелы, нигде не было видно ни единой царапины или ссадины.

До этого трупы воинов Торказа были сплошь покрыты стрелами их врагов. Какая невидимая рука выдернула их?

Карторис едва мог подавить дрожь от мрачных предчувствий. Он взглянул на молчаливый город перед собой.

Никаких признаков жизни не было на его стенах и крышах. Все было тихо. Но он был уверен, что за ним следят чьи-то глаза из-за этих пустынных стен. Он посмотрел на Тувию. Она шла впереди с широко раскрытыми глазами, устремленными на ворота города. Он посмотрел в направлении ее взгляда, но ничего не увидел.

Его взгляд, казалось, пробудил девушку ото сна. Она подняла на него глаза, быстрая смелая улыбка коснулась ее губ, а затем, хотя поступок был произвольным, она приблизилась к нему и вложила свою руку в его.

Он догадался, что что-то в ней не подчиняется сознательному контролю. Он обнял ее, и так они пересекли поле. Она не отходила от него, вряд ли понимая, что происходит.

Они остановились перед воротами. Это было мощное сооружение. По конструкции Карторис мог сделать смутные предположения о их немыслимой древности.

Даже такие старые города, как древний Аантор, не были еще построены в то время, когда жили расы, делавшие такие ворота.

Он взглянул вверх. Там, перегнувшись через край стены, стоял человек.

Его волосы были рыжие, кожа светлая. У него был высокий лоб и большие умные глаза.

Язык, на котором он говорил, понимали оба.

— Кто вы?— спросил он.— И что вы делаете здесь перед воротами Лотара?

— Мы — друзья,— ответил Карторис.— Это принцесса Тувия из Птарса, захваченная в плен ордами Торказа, я — принц Гелиума, сын Джона Картера, военного предводителя Марса и его жены Деи Торис.

— Птарс?— переспросил мужчина.— Гелиум?— Он покачал головой.— Я никогда не слышал, чтобы Барсум заселяла раса такого странного цвета. Где могут лежать такие города? С самой высокой башни мы никогда не видели другого города, кроме Лотара.

Карторис показал на северо-восток.

— В этом направлении лежит Гелиум и Птарс,— сказал он.— Гелиум в восьми тысячах хаадов северо-восточнее Птарса.

Человек покачал головой.

— Я не знаю, что лежит за холмами Лотара,— ответил он.— Ничего не может быть там, кроме отвратительных зеленых орд Торказа. Они завоевали весь Барсум, за исключением одной долины и города Лотара. Здесь мы оказываем

им открытое неповиновение в течение бесчисленных веков, хотя они периодически возобновляют свои попытки разбить нас. Откуда вы пришли, я не могу знать, если вы только не рабы, которых воины Торказа захватили в прежние времена, когда они весь внешний мир обратили в свою зависимость, но мы слышали, что они уничтожили все расы, за исключением своей.

Карторис попытался объяснить, что жители Торказа управляли крохотной частью Барсума и то только потому, что в их владениях ничто не привлекает красные расы, но житель Лотара никак не мог себе представить, что существует за равниной Лотара что-то, кроме безбрежной пустыни, населенной зелеными ордами.

После долгих переговоров он согласился впустить их в город, и минутой позже ворота, похожие на колесо, откатились в нишу, и Тувия с Карторисом вошли в город.

Все окружающее свидетельствовало о сказочном богатстве. Фасады зданий, выходящие на проспект, были богато инкрустированы, а окна и двери были окаймлены драгоценными камнями, полосками из кусков золота, на которых барельефы изображали страницы истории этого забытого города.

Человек, с которым они разговаривали через стену, встретил их на проспекте. Вокруг него находилась сотня или около этого людей той же расы. Они были безбороды и носили развевающиеся мантии.

Их отношение к пришельцам походило скорее на вызываемую страхом подозрительность, чем на враждебность. Они проводили пришельцев взглядами, но не сказали ни слова.

Карторис не мог не заметить того, что хотя город некоторое время назад был окружен ордой жаждущих крови зеленых демонов, ни на одном из жителей не было доспехов, не было видно воинов.

Ему интересно было знать, отправились ли все вооруженные люди вперед, чтобы одним усилием разбить наголову врага, оставив город незащищенным. Он спросил об этом у провожатого. Человек улыбнулся.

— Ни одно существо, кроме десятка наших священных бойцов, не вышло за пределы Лотара сегодня, — ответил он.

— Но солдаты-стрелки! — воскликнул Карторис. — Мы видели как тысячи их появились из этих ворот, подавляя орды Торказа.

Мужчина все еще улыбался со значительностью все знающего человека.

— Посмотри! — воскликнул он и указал вниз на широкий проспект перед ним.

Карторис и Тувия посмотрели в указанном направлении и увиделидвигающуюся в их направлении огромную армию стрелков.

— А! — воскликнула Тувия.— Они вернулись через другие ворота. Или, может быть, это войска, которые защищали город.

Мужчина опять улыбнулся своей необычной улыбкой.

— В Лотаре нет солдат! — сказал он.— Посмотрите!

Оба смотрели на него, пока он говорил, а теперь, когда они повернулись к надвигающимся на них полкам, глаза их расширились от удивления, так как улица была пустынна.

— А те, что маршировали сегодня за ордами,— прошептал Карторис,— они тоже были нереальными?

Человек кивнул головой.

— Но их стрелы убивали зеленых воинов,— настаивала Тувия.

— Давайте пойдем к Тарно,— ответил житель Лотара.— Он вам скажет это лучше, чем я. Я, может быть, сказал вам слишком много.

— Кто такой Тарно?— спросил Карторис.

— Джеддак Лотара,— ответил проводник, ведя их вверх по проспекту.

Полчаса они шли вдоль красивых улиц между величественными зданиями, прекраснее которых они никогда не видели. Они встретили несколько человек. Карторис подивился малонаселенности этого могущественного города.

Наконец, они подошли к королевскому дворцу. Карторис увидел его издали и удивился, что даже здесь так мало признаков жизни.

Ни одного стражника не было видно ни перед воротами, ни в самом дворце, ни в садах, расположенных рядом.

— Здесь,— сказал провожатый,— это дворец Тарно.

Пока он говорил, Карторис еще раз оглядел чудесное здание. С удивленным восклицанием он протер глаза и посмотрел еще раз. Нет! Он не мог ошибиться, перед массивными дверями стояло десять человек часовых, а по обе стороны широкого проспекта рядами выстроились стрелки.

Сады были полны офицерами и солдатами, быстро движущимися туда и сюда.

Что это за люди, способные воображением вызвать целую армию из воздуха? Он посмотрел на Тувию. Она тоже, очевидно, заметила изменение. Слегка вздрогнув, она прижалась к нему покрепче.

— Что ты думаешь об этом? — прошептала она. — Это очень странно.

— Я не могу это объяснить, — ответил Карторис.

Он быстро повернулся к представителю Лотара. Мужчина широко улыбнулся.

— Мне показалось, вы только что сказали, что в Лотаре нет солдат, — сказал Карторис, жестом указывая на стражников. — А это что такое?

— Спроси Тарно, — ответил тот. — Мы скоро представим перед ним.

Они вошли в величественный зал. В дальнем конце его, откинувшись на богатом ложе, стоящем на возвышении, сидел человек.

Когда трое приблизились, мужчина устремил на них сонные глаза. В двадцати шагах от возвышения их проводник остановился и, приказав Тувии и Карторису следовать его примеру, упал на колени. Затем он начал ползти к трону, раскачивая головой и извиваясь всем телом как собака перед хозяином.

Тувия взглянула на Карториса. Он стоял с высоко поднятой головой и руками, скрещенными на груди. Надменная улыбка играла на его губах.

Человек на троне пристально рассматривал его, и Карторис из Гелиума смотрел ему прямо в глаза.

— Кто это такие, Иав? — спросил человек на троне.

— О, Тарно, славнейший из джеддаков, — ответил Иав, — это чужестранцы, пришедшие с ордами Торказа к нашим воротам. Они говорят, что были пленниками зеленых людей. Они рассказывают странные истории о городах, далеких от Лотара.

— Встань, Иав, — приказал Тарно, — и спроси у этих людей, почему они не показывают свое уважение к Тарно?

Иав встал и оглянулся на чужестранцев. При виде того, что они стоят, лицо его стало мертвенно-бледным. Он подскочил к ним.

— Существа! — закричал он. — Опуститесь! Опуститесь на колени перед последним из джеддаков Барсума!

ПРИЗРАЧНЫЕ СТРЕЛКИ

Когда Иав подскочил к нему, Карторис схватился за рукоятку своего длинного меча. Житель Лотара остановился. В большом помещении не было никого, за исключением четырех человек у трона, и все же принц оказался окруженным десятком стражников.

Откуда они могли взяться?

Юноша выхватил меч из ножен, и в тот же миг стражники приготовили тонкие стрелы.

Тарно приподнялся на одном локте. Впервые он разглядел фигуру Тувии, заслоняемую до сих пор Карторисом.

— Достаточно! — воскликнул джеддак, предостерегающе подняв руку, но как раз в этот момент меч Карториса нанес укол ближайшему противнику.

Когда лезвие меча, казалось, достигло своей цели, Карторис отступил в ужасе: сталь рассекла воздух — его враг исчез, в комнате не было больше стражников.

— О, это точно чужестранцы, — сказал Тарно Иаву. — Давай вначале убедимся, что они намеренно оскорбили нас, прежде чем определим меры наказания.

Затем он повернулся к Карторису, но взгляд его беспрестанно скользил по чудесной фигуре Тувии, красоту которой подчеркивало одеяние принцессы Барсума.

— Кто вы такие? — спросил он. — Вы не знаете этикета двора последнего из джеддаков?

— Я — Карторис, принц Гелиума, — ответил юноша. — А это Тувия — принцесса Птарса. При дворцах наших отцов люди не падают перед правителями. Со времен разгрома черных пиратов мы не кланялись в ноги ни одного правителя Барсума. А теперь подумай: станет ли дочь могущественного джеддака и сын другого, не менее могущественного, так унижать себя!

Тарно долго смотрел на Карториса и, наконец, заговорил.

— На Барсуме нет другого джеддака, кроме Тарно, — сказал он. — Нет и другой расы, кроме расы Лотара; орды Торказа не могут быть удостоены такого звания. У жителей Лотара — белый цвет кожи, у вас кожа красная. На Барсуме не осталось женщин. А твоя спутница — женщина. Ты лжец! — пронзительно закричал он. — Вы оба лжецы, и вы осмелились предстать перед Тарно, последним и могущественным из джеддаков Барсума и доказывать ему свою

реальность. Кто-то заплатит за это, Иав. Если не ошибаюсь, именно ты осмелился так дерзко обращаться с добрым своим джеддаком.

— Уберите мужчину, оставьте женщину. Мы посмотрим, оба ли они будут лгать, а позже, Иав, ты ответишь за свою дерзость. Останется лишь несколько из нас, но Комал должен быть накормлен. Иди!

Карторис увидел, как задрожал Иав, как упал еще раз ниц перед своим правителем и затем, поднявшись, обратился к принцу Гелиума.

— Пошли! — сказал он.

— И оставить принцессу Птарса здесь одну? — воскликнул Карторис.

— Следуйте за мной, он не причинит ей вреда, он может ее только убить, и независимо от того, будешь ты здесь или нет. Нам лучше сейчас уйти, поверь мне.

Карторис не верил, но что-то настойчивое в тоне, которым говорил человек, обнадежило его, и он пошел прочь, бросив ободряющий взгляд на Тувию.

Она повернулась к нему спиной, всем своим видом выражая полное презрение. Карторис остановился, но Иав схватил его за руку.

— Пойдем! — прошептал он. — Или вокруг тебя окажутся опять стрелки, и тогда уже не будет спасения. Неужели ты не видишь, насколько бесполезна твоя сталь.

Карторис неохотно последовал за ним. Когда оба покинули зал, он заговорил:

— Если я не могу убить воздух, то мне нечего бояться, что воздух убьет меня.

— Ты видел, как воины Торказа падали перед стрелками? — спросил его спутник.

Карторис кивнул.

— Так же и ты упадешь перед ними без единого шанса защитить себя или отомстить.

Пока они разговаривали, Иав привел Карториса в маленькую комнату в одной из многочисленных башен дворца. Здесь Иав предложил юноше сесть.

Несколько минут он рассматривал пленника.

— Я почти убежден, что ты реальный человек, — сказал он, наконец.

— Конечно, я реальный, — засмеялся Карторис. — Что заставило тебя сомневаться в этом? Разве ты не видишь меня и не можешь потрогать?

— Так же я могу видеть и трогать стрелков, — ответил Иав, — и все же знаю, что они нереальны.

Карториса озадачивало каждое новое упоминание о стрелках.

— А кто же они тогда?— спросил он.

— Ты действительно не знаешь?— спросил Иав. Карторис отрицательно покачал головой.— Я готов поверить, что ты сказал нам правду и что ты действительно с другой части Барсума или из другого мира. Но скажи мне, в твоей стране разве нет стрелков, вселяющих ужас в сердца зеленых воинов?

— У нас есть солдаты,— ответил Карторис.— Мы, люди красной расы,— все солдаты, но у нас нет стрелков, которые бы защищали нас. Мы сами защищаем себя.

— Вы выходите, и вас убивают враги?— воскликнул Иав недоверчиво.

Ты видел,— сказал Иав,— мы посылаем наших бесстрашных и бессмертных стрелков, потому что они не живые, а существуют только в воображении врага. Наши гениальные головы защищают нас, материализуя легионы воинов.

Враги видят, как те достают свои луки, они видят тонкие стрелы, безошибочно летящие в их сердца. И они умирают, сраженные силой своего воображения.

— А убитые стрелки?— воскликнул Карторис.— Ты называешь их бессмертными, и все же я видел груды их мертвых тел. Как это могло случиться?

— Это придает реальность происходящему. Мы изображаем многих наших защитников мертвыми, дабы воины Торказа не могли догадаться, что им противостоят существа не из плоти и крови. Они никогда не падут жертвой предполагаемых смертоносных стрел, если узнают правду.

— А бенсы?— спросил Карторис.— Они тоже созданы силой воображения?

— Не все,— ответил Иав. Те из них, что сопровождали стрелков в погоне за врагами,— призрачны. Когда победа становится очевидной, они исчезают вместе со стрелками. А те бенсы, что остались на поле,— реальны. Они питаются падалью и уничтожают тела мертвых воинов Торказа. Это необходимо для тех, кто действительно существует, как я. Я реален, Тарно — призрак.

Такие, как он, утверждают, что нет ничего реального, а все вокруг — это плод разума. Что вся материя существует благодаря скрытым возможностям мышления.

Согласно теории Тарно, необходимо, чтобы мы все вместе представляли, что у наших стен нет мертвых воинов

Торказа. Тогда не будет необходимости и во все пожирающих бенсах.

— Ты не разделяешь веру Тарно?— спросил Карторис.

— Только частично,— ответил Иав.— Я знаю несколько нереальных существ. Тарно — один из них, я убежден в этом. Он не существует иначе, как в представлении людей. Конечно, это утверждаем мы действительно существующие.

Нереальные заявляют, что в пище нет никакой необходимости, и они не едят; а те, кто имеет хоть элементарный разум, понимают, что пища является необходимым условием жизни.

— Да,— поддержал Карторис,— так как я сегодня не ел, я с удовольствием соглашусь с тобой.

— О, прости меня,— воскликнул Иав.— Пожалуйста, утоли свой голод,— и он указал на обильно накрытый стол, которого за минуту до того, как он произнес эти слова, здесь не было.

— Хорошо, что ты не попал в руки призрака,— проговорил Иав,— тогда бы ты остался голодным.

— Но,— воскликнул Карторис,— это же не настоящая еда, ее не было здесь минуту назад, а реальная пища не может появиться из ничего.

Иав казался обиженным.

— В Лотаре нет настоящей пищи или воды,— сказал он,— и не было уже много веков. С начала нашего существования мы живем на таких продуктах; так можешь жить и ты.

— Но я думал, что ты реален! — воскликнул Карторис.

— Действительно! — закричал Иав.— Что может быть более реальным, чем этот щедрый пир. В этом-то мы и отличаемся от нереальных. Они утверждают, что нет необходимости в еде, но мы должны три раза в день обильно питаться.

Пища, которую мы едим, должна претерпевать определенные химические изменения в процессе пищеварения и усвоения, результатом чего будет восстановление израсходованных тканей.

Теперь мы знаем, что разум — это все, но необходимо различать способы его проявления. Тарно заявляет, что все создается нематериальным разумом.

Мы, реальные, знаем о разуме больше. Мы знаем, что разум имеет свойства поддерживать материю, потому мы должны заставлять наш организм правильно функционировать.

Мы достигаем это, материализуя наши мысли о еде и питаясь таким образом. Мы жуем, глотаем, перевариваем.

Все наши органы функционируют точно так же, как если бы они насыщались материальной пищей. А каков результат? Каков должен быть результат? Химические изменения происходят в том и другом случае, мы живем и преуспеваем.

Карторис посмотрел на возникший ужин, казавшийся достаточно реальным. Он поднес кусочек к губам и действительно ощутил плотность и запах. Даже вкус его был обманут.

Иав наблюдал, улыбаясь.

— Разве этого недостаточно, чтобы утолить голод? — спросил он.

— Должен признаться, да, — ответил Карторис. — Но скажи мне, как живет Тарно и другие нереальные существа, утверждающие, что им не нужна пища?

Иав задумался.

— Этот вопрос мы и сами часто обсуждаем, — ответил он. — Он самое сильное доказательство, которое у нас есть. Кому это знать, как не Комалу?

— А кто такой Комал? — спросил Карторис.

— Комал — это дух, — прошептал Иав, — даже нереальные признают, что разум сам должен иметь вещество для того, чтобы преобразовать его в воображение. Если бы действительно не было вещества, невозможно было бы его выдумать: чего никогда не было, того и нельзя себе представить. Ты понимаешь меня?

— Я нащупываю мысль, — сухо ответил Карторис.

— Таким образом, дух должен быть веществом, — продолжал он. — Комал — всеобщий дух. Он ест только существующее. Если говорить прямо, он ест реальных людей. Это работа Тарно.

Он говорит, что поскольку мы поддерживаемся едой, то мы реальны. Надо признать, мы одни являемся нужной пищей для Комала. Иногда, как сегодня, мы находим для него другую. Он очень любит жителей Торказа.

— А Комал — человек? — спросил Карторис.

— ОН ВСЁ, — ответил Иав. — Я не знаю, как тебе объяснить словами, чтобы ты понял. Он — НАЧАЛО и КОНЕЦ. Вся жизнь исходит от Комала, так как вещество, питающее мозг, исходит от Комала. Если Комал перестанет есть, вся жизнь на Барсуме остановится. Он не может умереть, не может перестать есть — иначе он перестанет превращать вещество в воображаемое.

— И он питается мужчинами и женщинами твоей страны? — воскликнул Карторис.

— Женщинами? — переспросил Иав. — В Лотаре нет женщин. Последняя из женщин Лотара умерла много веков назад в том жестоком и ужасном путешествии по грязевым долинам, окаймляющим полувывсохшие моря, когда зеленые орды прогнали нас через всю землю в это наше последнее убежище — нашу неприступную крепость Лотар.

Едва ли двадцать тысяч мужчин достигло Лотара из многих миллионов людей нашей расы. Среди нас не было женщин и детей. Все они погибли в пути.

Со временем многие умерли, и раса чуть не вымерла, когда нам открылась Великая правда, что ум — это все. Многие умерли, прежде чем усовершенствовали нашу власть над разумом. Но, наконец, мы бросили вызов смерти, когда поняли, что смерть — это состояние разума.

Затем пришло время создания разумных людей. Или просто реализация в материи воображаемого. Мы впервые применили это, когда воины Торказа заметили наше отступление, и, к счастью для нас, им потребовались века, прежде чем они нашли единственный крошечный вход в долину Лотара.

В тот день мы бросили на них наших первых стрелков. Мы думали напугать их огромным количеством стрелков, которых мы могли выставить на городских стенах. Лотар ошестинился луками и стрелами нашего нереального воинства.

Но воины Торказа не испугались. Они злее животных — они не знают страха. Они бросились на наши стены и, становясь на плечи, образовали живую лестницу и захватили стену. Ни одна стрела не была выпущена нашими стрелками — мы только заставляли их бегать вдоль стены, выкрикивая насмешки и угрозы врагу.

Вскоре я придумал одну великую вещь. Я сконцентрировал весь свой могучий разум на стрелках, созданных моим собственным воображением, — каждый из нас производит и руководит таким количеством стрелков, какое способен создать его ум и воображение.

Для первого раза я заставил их приложить стрелы к лукам. Я заставил их целиться в сердца зеленых людей. Я подгадал, чтобы это видели зеленые люди, затем я сделал так, чтобы они увидели летящие стрелы, и заставлял думать, что наконецники проникли в их сердца.

Это было прекрасно. Сотнями посыпались стрелы с наших стен, и когда мои товарищи увидели, чего я достиг, они последовали моему примеру, так что скоро силы Торказа отступили в пределы, недоступные для наших стрел.

Мы могли их убивать со значительного расстояния, но одно правило ведения войны мы соблюдали с самого начала — правило реализма. Мы не делали ничего или, точнее, не заставляли ничего делать наших стрелков вне поля зрения наших врагов. Это было бы им непонятно. Иначе наша правда раскрылась бы, а это — конец для нас.

Но когда воины Торказа отступили на полет стрелы, они повернули против нас свои страшные ружья и, ведя непрерывный огонь, сделали наше пребывание на стенах города нестерпимым.

Тогда я и додумался до возможности бросить наших стрелков через стену на врага. Сегодня ты видел, как хорошо это получается. Уже в течение многих веков зеленые воины время от времени совершают на нас набеги, но результат всегда одинаков.

— И это все благодаря твоему уму, Иав? — спросил Карторис. — Я думаю, что ты должен быть самым главным среди твоих людей.

— Я главный помощник Тарно, — гордо сказал Иав.

— Но почему же ты таким странным образом приближаешься к его трону?

— Тарно требует этого. Он очень завидует мне и ожидает малейшего повода, чтобы отдать меня Комалу. Он боится, что однажды я захвачу власть.

Карторис внезапно вскочил из-за стола.

— Иав, — воскликнул он. — Я зверь. Я ем досыта, а принцесса Птарса, возможно, находится без еды. Давай вернемся и найдем возможность доставить ей пищу.

Иав покачал головой.

— Тарно не допустит этого, — сказал он. — Он без сомнения попытается помешать нам.

— Но я должен идти к ней, — настаивал Карторис. — Ты сказал, что в Лотаре нет женщин, значит она находится среди мужчин. И если это так, я намерен быть с ней, чтобы при необходимости защитить ее.

— Тарно это сделает сам, — настаивал Иав. — Он отослал тебя, и ты не можешь вернуться, пока он этого не захочет.

— Тогда я пойду, не дожидаясь его приглашения.

— Не забывай о стрелках, — предостерег его Иав.

— Нет, не забываю, — ответил Карторис, но не сказал Иаву, что он помнит еще кое-что, о чем тот умолчал — и это давало ему надежду.

Карторис поднялся, чтобы выйти. Иав опередил его, преграждая ему путь.

— Ты успел понравиться мне, красный воин,— сказал он,— но не забывай, что Тарно все еще мой джеддак, и он приказал, чтобы ты оставался здесь.

Карторис собрался ответить, но тут до них донесся слабый женский крик.

Одним движением руки принц Гелиума отбросил жителя Лотара в сторону и с обнаженным мечом выскочил в коридор.

VIII

ЗАЛ СМЕРТИ

Когда Тувия из Птарса увидела, что Карторис уходит, оставляя ее с Тарно, ее охватил ужас. Дух таинственности наполнял величественный зал. Вся обстановка говорила о богатстве и культуре, и рождалось предположение, что зал часто использовали как место для королевских торжеств, и в такие дни он был заполнен до отказа.

А сейчас ни в прихожей, ни в коридоре не было других людей, кроме ее самой и полулежащего Тарно, наблюдающего за ней из-под прикрытых век со своего великолепно украшенного ложа.

Некоторое время после ухода Иава и Карториса Тарно внимательно рассматривал ее. Затем он заговорил.

— Подойди поближе,— сказал он, а когда она подошла, продолжал: — Чье ты создание? Кто осмелился материализовать свое представление о женщине? Это противно обычаям и королевским указам Лотара. Скажи мне, женщина, чей мозг создал тебя? Иав? Нет, не отрицай этого. Я знаю, что это не мог быть никто иной, как этот завистливый реалист... Он стремится соблазнить меня. Он надеется увидеть, как я паду под обаянием твоих чар, и тогда он, твой хозяин, будет распоряжаться моей судьбой. Я все это предвижу.

Краски негодования и гнева прилили к лицу Тувии. Ее подбородок был приподнят, прекрасно очерченные губы надменно изогнулись.

— Я не знаю, что вы болтаете,— закричала она.— Я — Тувия, принцесса Птарса. Я не плод чьего-то воображения. Никогда до сегодняшнего дня я не видела ни того, кого вы называете Иав, ни вашего нелепого города, о котором величайшие нации Барсума никогда не слышали.

Мои чары предназначены не для тебя или таких, как ты. Они не продаются и не обмениваются, хотя бы ценой им был целый трон. А что касается того, чтобы употребить их для победы над твоей видимой властью... — она закончила свое предложение пожатием своих великолепных плеч и презрительным смехом.

Когда она закончила, Тарно сидел на краю своего ложа, спустив ноги на пол. Он наклонился вперед, глаза широко раскрылись, казалось, он не замечал оскорбительных слов. В ее словах, вероятно, было что-то возбуждающее и неотразимое.

Он медленно поднялся на ноги.

— Клянусь клыками Комала! — пробормотал он. — Но ты реальная, живая женщина! Не мечта! Не глупый вымысел тщетного разума!

Он шагнул к ней с протянутыми руками.

— Подойди! — прошептал он. — Подойди, женщина! Многие века мечтал я, что когда-то ты придешь. А сейчас, когда ты здесь, я едва могу поверить своим глазам. Даже сейчас, зная, что ты реальна, я все же страшусь, что ты обман.

Тувия отпрянула. Она решила, что человек сошел с ума. Рука ее потянулась к украшенной бриллиантами рукоятке кинжала. Мужчина заметил этот жест, остановился. Хитрое выражение мелькнуло в его глазах, и они стали мстительными и пронзительными, как бы сверля девушку насквозь.

Тувия почувствовала в себе внезапную перемену, о причинах которой не догадывалась, но каким-то образом человек, стоящий напротив, начал вызывать в ней новое отношение.

Он больше не казался ей страшным и таинственным врагом, а стал старым и добрым другом. Ее рука соскользнула с рукоятки кинжала. Тарно подошел ближе. Он произносил мягкие дружеские слова, а она отвечала ему голосом, который казался ей чужим.

Теперь он был рядом с ней. Она смотрела на него. Его рука лежала на ее плече, а взгляд, казалось, проникал в самые скрытые уголки души.

Губы девушки приоткрывались в благоговейном трепете и удивлении при странном освобождении неведомой силы, обнажившей ее сознание. Она знала Тарно всегда. Он был для нее больше, чем друг. Она придвинулась ближе к нему и внезапно поняла правду. Она любила джеддака Лотара, любила его, Тарно. Она всегда любила его.

Мужчина, почувствовав свой успех, не смог удержать слабой улыбки удовлетворения. То ли промелькнуло что-то в выражении его лица, то ли от Карториса, принца Гелиума, дошли до нее более властные внушения — кто может знать? Но вдруг что-то рассеяло странное таинственное влияние на нее этого человека.

Словно маска была сорвана с ее глаз. Тувия внезапно увидела Тарно прежними глазами и, привыкшая к странному проявлению высокоразвитого ума, который является обычным для Барсума, быстро догадалась о правде и о том, что она в смертельной опасности.

Она быстро отступила, освобождаясь из его объятий, но мимолетное прикосновение пробудило в Тарно давно уснувшую страсть.

С приглушенным криком он бросился к ней, обхватывая руками и страстно ища губами ее губы.

— Женщина! — закричал он. — Прекрасная женщина! Тарно сделает тебя королевой Лотара. Слушай меня, прислушайся к любви последнего джеджа Барсума!

Тувия пыталась освободиться от него.

— Остановись, человек! — крикнула она. — Остановись! Я не люблю тебя! Остановись или я позову на помощь! Тарно рассмеялся ей в лицо.

— Позовешь на помощь? — переспросил он. — А кто в залах Лотара может ответить на твой призыв? Кто осмелится войти к Тарно без приказа?

— Есть один человек, — ответила она, — который войдет и отважится сразить тебя на твоём троне, если узнает, что ты оскорбила Тувия из Птарса.

— Это Иав? — быстро спросил Тарно.

— Ни Иав, ни один из жителей Лотара, — ответила она, — а настоящий человек, настоящий воин — Карторис из Гелиума!

Опять раздался издевательский смех.

— Ты забываешь о стрелках, — напомнил он. — Что может твой красный воин против моих бесстрашных легионов!

И он снова притянул ее и потащил к своему ложу.

— Если ты не хочешь быть моей королевой, — хрипел он, — ты будешь моей рабыней!

— Нет!

Произнеся это слово, она вонзила ему в бок острое лезвие кинжала. Тарно, бросив ее, скорчившись, вскрикнул. Обе его руки были прижаты к боку. В тот же миг комната наполнилась стрелками, а джеджа Лотара упал без чувств на пол. В тот момент, когда он потерял сознание, стрелки

были готовы выпустить свои стрелы в сердце Тувии. Непроизвольно она издала крик о помощи, хотя знала, что даже Карторис не сможет ее спасти.

Она закрыла глаза в ожидании конца. Но ни одна гибкая стрела не пронзила ее. Она подняла веки, чтобы посмотреть, что остановило руки ее палачей.

В комнате не было никого, кроме нее и лежащего у ее ног Тарно. Маленькая лужица темно-красного цвета растекалась на белом мраморе пола. Тарно был без сознания.

Тувия изумилась. Куда исчезли стрелки? Почему они не выпустили в нее свои стрелы?

Девушка в страхе огляделась, сначала ожидая возвращения стрелков, а затем в поисках выхода.

В стене за возвышением находились две маленькие двери, скрытые тяжелыми драпировками. Тувия быстро побежала к одной из них, когда услышала позади бряцанье металла.

О, еще одно мгновение, она достигла бы этих прикрывавших дверь гобеленов и нашла бы способ убежать, но теперь было слишком поздно — она обнаружена!

С чувством, близким к агонии, она обернулась, чтобы встретить свою судьбу, и увидела быстро бегущего к ней Карториса.

А она сомневалась в намерениях принца Гелиума! Она считала его участником похищения! С тех пор как судьба свела их вместе, она едва достаивала его несколькими фразами, пока страшные события в Лотаре не вывели ее из заблуждения.

Теперь она знала, что Карторис из Гелиума будет бороться за нее, не думая, спасет ли он ее для себя или для другого.

Он знал, что Тувия обещана Кулан Титу, джеддаку Каола, но если он способствовал ее похищению, мотивы его поступков не могли быть подсказаны верностью друга или заботой о ее чести.

И все же, когда она увидела его бегущим по мраморному полу через зал аудиенции, заметила его глаза, полные беспокойства, его стройную фигуру, олицетворяющую все самое прекрасное для воина с Марса, она не могла поверить, что малейший след предательства таился под этой прекрасной внешностью.

«Никогда в жизни,— думала она,— ни один мужчина не был ей так же нужен». Она с трудом сдержала себя, чтобы не броситься ему навстречу.

Тувия знала, что он любит ее, но она помнила, что

обещана Кулан Титу. Она не могла даже показать всю глубину своей признательности принцу Гелиума, боясь, что он неправильно поймет ее.

Карторис был теперь рядом с ней. Его цепкий взгляд пробежал по комнате, заметив неподвижную фигуру джеддака, распростертую на полу, и девушку, спешившую к открытому выходу.

— Он причинил тебе зло, Тувия? — спросил он.

Она подняла темно-зеленые глаза.

— Нет, — ответила она, — он не причинил мне зла. Зловещая улыбка осветила его лицо.

— Хвала нашим предкам! — пробормотал он. — А теперь давай посмотрим, удастся ли нам скрыться из этого проклятого города, прежде чем жители обнаружат, что их джеддак вознесся на небеса.

С твердой уверенностью, которая так шла ему, в чьих жилах текла кровь Джона Картера из Виргинии и Деи Торис из Гелиума, он взял Тувию за руку и, повернувшись, через весь зал устремился к большой двери, через которую их ввел Иав.

Они почти достигли порога, когда странная фигура влетела в зал через другой вход. Это был Иав.

Он тоже окинул всю сцену взглядом. Карторис повернулся к нему с готовым к бою мечом в руке, своим телом закрывая Тувию.

— Подходи, Иав из Лотара! — воскликнул он. — Давай сразу же решим наш спор, так как только один из нас может покинуть этот зал живым: из-за Тувии из Птарса.

Затем увидев, что тот безоружен, он добавил:

— Вызывай своих стрелков или следуй за нами как пленник, пока мы не покинем твой призрачный город.

— Ты убил Тарно? — воскликнул он, не обращая внимания на вызов Карториса. — Ты убил Тарно! Я вижу кровь его на полу, настоящую кровь — это воистину смерть. Тарно был таким же реальным, как и я! И все же он был нереален. Он не смог материализоваться. Разве могут они быть правы? Да, но мы тоже не правы. И все эти века мы ссорились, убеждая, что не прав другой... Однако он мертв! Я рад этому. Теперь Иав займет его место. Теперь Иав станет джеддаком Лотара!

Когда он кончил, Тарно открыл глаза и быстро сел.

— Предатель! Убийца! — закричал он. — Калар! Надар! — так жители Барсума вызывали стражу.

Иав смертельно побледнел. Он упал на колени и пополз к Тарно.

— О, мой джеддак, мой джеддак! — захныкал он. — Иав не причастен к свершившемуся. Иав твой преданный слуга, Иав только сейчас вошел в зал и нашел тебя на полу и этих двух чужестранцев, собравшихся бежать. Я не знаю, как все произошло. Поверь мне!

— Прекрати, мошенник! — закричал Тарно. — Я слышал твои слова: «Однако он мертв. Я рад этому. Теперь Иав займет место! Иав станет джеддаком Лотара!» Наконец-то, предатель, я разоблачил тебя. Ты сам вынес себе приговор! Как и поступки этих людей определили их судьбу, если только... — он остановился, — если женщина не...

Но он не успел договорить. Карторис догадался, что тот хотел сказать, подбежал и ударил Тарно ладонью по лицу.

Тарно вскипел от злости и унижения.

— Посмей ты еще раз обидеть принцессу Птарса, — предупредил юноша, — я не посмотрю, что у тебя нет меча. Я не смогу остановить свою зудящую руку с мечом.

Тарно отпрыгнул назад к маленьким дверцам, находящимся за его спиной. Он попытался заговорить, но мускулы его лица так ослабли, что он в течение нескольких минут не мог произнести ни слова. Наконец он справился с собой.

— Умри! — закричал он. — Умри! — и повернулся к выходу спиной.

Иав прыгнул вперед, вопя от ужаса.

— Сжался, Тарно! Вспомни долгие века, когда я верно служил тебе. Вспомни все, что я сделал для Лотара! Не приговаривай меня к ужасной смерти! Спаси меня!

Но Тарно только рассмеялся и продолжал пятиться к гобеленам, скрывавшим маленькую дверцу. Иав повернулся к Карторису.

— Останови его! — закричал он. — Если ты любишь жизнь, не давай ему уйти из этой комнаты, — и, произнеся эти слова, бросился в погоню за Тарно.

Карторис последовал его совету, но последний из джеддаков был очень быстр. К тому времени, когда они достигли гобеленов, тяжелая каменная дверь преградила им дальнейший путь.

Иав бросился на пол в припадке ужаса.

— Подойди сюда, человек! — закричал Карторис. — Мы еще не мертвы. Давай поспешим на улицу и попытаемся покинуть город. Пока мы живы, мы можем попытаться сами определить свою судьбу. Что за польза в том, что ты безвольно опустил на пол? Успокойся, будь мужчиной!

Иав лишь покачал головой.

— Ты разве не слышал, что он позвал стражу?— про-
стонал он.— О, если бы нам удалось перехватить его.
Тогда у нас была бы надежда, но он слишком быстро
скрылся.

— Хорошо,— воскликнул Карторис,— ну и что из того,
что он позвал стражу. У нас будет достаточно времени по-
беспокоиться обо всем после прихода, пока я не вижу,
чтобы они сделали усилие заставить нас подчиниться.

Иав печально покачал головой.

— Ты не понимаешь,— сказал он.— Караул уже прихо-
дил и ушел. Они сделали свое дело, и мы погибли. Посмот-
ри на выходы.

Карторис и Тувия посмотрели на все двери, расположен-
ные в стенах большого зала. Каждая была плотно закры-
та огромной каменной дверью.

— Ну и что?— спросил Карторис.

— Мы должны умереть,— бессильно прошептал Иав.

Больше он не произнес ничего и, сев на край ложа джед-
дака, стал ждать.

Карторис с обнаженным мечом в руке стоял возле Ту-
вии. Ему был виден весь зал и никто не смог бы прибли-
зиться незамеченным. Многие часы ничто не нарушало ти-
шины их могилы. Никакого знака не подавали их палачи с
того времени, как их замуровали. Им ничего не было извест-
но о времени и способе казни. Неопределенность положен-
ия была ужасна.

Даже Карторис почувствовал огромное напряжение нер-
вов. Если бы он знал, как и откуда придет смерть, он смог бы
встретить ее безбоязненно; но так долго страдать от ужас-
ного напряжения и неизвестности становилось мучительно.

Тувия приблизилась к нему. Она чувствовала себя без-
опаснее, когда ее рука лежала на его руке, а юноше ее при-
косновение давало силы. Он с улыбкой повернулся
к ней.

— Кажется, они пытаются испугать нас до смерти,—
сказал он.— Да покроет меня позор, но я должен признать-
ся, что они близки к своей цели в отношении меня, по край-
ней мере.

Тувия собиралась ответить, когда полный ужаса крик
жителя Лотара остановил ее.

— Наступает конец! — закричал он.— Наступает конец!
Пол! О, Комал, будь милостив!

Тувии и Карторису не нужно было смотреть на пол, что-
бы заметить его странное движение. Мраморные плиты
медленно опускались к центру. Вначале постепенное движе-

ние было едва заметным, но вскоре угол стал так велик, что можно было стоять, лишь опустившись на одно колено.

Иав все еще кричал и хватался за королевское ложе, которое начало скользить к центру комнаты, где Тувия и Карторис заметили маленькое отверстие, которое расширилось по мере того, как пол принимал форму воронки.

Становилось все труднее удержаться на головокружительном наклоне гладкого и полированного мрамора. Карторис пытался поддерживать Тувия, но сам начал скользить в увеличивающееся отверстие в центре воронки. Чтобы лучше держаться за гладкий камень, он сбросил свои сандалии и укрепился на тошнотворной высоте, протянув руку девушке. Она в ужасе схватила его руками за шею. Ее лицо было рядом. Смерть, невидимая и неизвестная, казалось, находится близко.

— Мужайся, моя принцесса,— прошептал Карторис.

Она посмотрела на него и увидела улыбку на его губах и нетронутые страхом глаза.

Затем пол стал наклоняться еще быстрее. Они начали уходить в отверстие. В ушах звенели полные ужаса и отчаяния крики Иава, и все трое вскоре оказались на королевском ложе Тарно, которое застряло в начале мраморного колодца.

На мгновение они вздохнули спокойно, но тотчас же заметили, что вход увеличивается и ложе падает вниз. Иав опять закричал. Их охватило неприятное чувство, когда все опустилось под ними и они полетели в темноту навстречу своей смерти.

IX

БИТВА НА РАВНИНЕ

Расстояние от пола до зала, куда они упали, не могло быть большим, так как все три жертвы гнева Тарно приземлились невредимыми. Карторис, все еще прижимая Тувия к груди, приземлился, как кошка на ноги, чтобы смягчить удар для девушки. Едва его ноги коснулись грубых каменных плит этого подземного зала, как меч его уже был готов к немедленному действию. Но, хотя комната была освещена, вокруг не было и признака врага.

Карторис посмотрел на Иава. Тот был бледен как смерть.

— Какова же будет наша судьба?— спросил юноша.— Скажи мне, человек, стряхни с себя страх и скажи мне, что-

бы я мог подготовиться и продать свою жизнь и жизнь принцессы Птарса как можно дороже.

— Комал! — прошептал Иав. — Нас сожрет Комал!

— Ваше божество? — спросил Карторис.

Житель Лотара кивнул. Затем он указал на низкий проход в углу зала.

— Оттуда он придет к нам. Выбрось свой слабый меч, глупец. Это только разозлит его и усилит наши страдания.

Карторис улыбнулся, еще крепче сжимая свой меч.

Иав вдруг издал ужасный вопль и в то же время указал на дверь.

— Он пришел, — захныкал он.

Карторис и Тувия посмотрели в направлении, указанном Иавом, ожидая увидеть страшное существо в человеческом облики, но, к их удивлению, они увидели гигантского бенса, самого большого из виданных когда-либо.

Медленно, с чувством собственного достоинства могучий зверь продвигался по комнате. Иав упал на пол и, извиваясь всем телом, заговорил со свирепым зверем, как заговорил бы с живым человеком, моля о пощаде.

Карторис встал между Тувией и бенсом.

Тувия повернулась к Иаву.

— Это и есть Комал, ваш бог? — спросила она. Иав утвердительно кивнул. Девушка улыбнулась и, проскочив мимо Карториса, быстро шагнула к рычащему зверю.

Низким твердым голосом заговорила она с ним, как говорила с бенсами в Золотых Скалах и у стен Лотара.

Зверь перестал рычать. С низко опущенной головой и кошащим мяуканьем он пополз к ногам девушки. Тувия повернулась к Карторису.

— Это всего-навсего бенс, — сказала она. — Нам не за чем бояться его.

Карторис улыбнулся.

— Я и не боялся его, — ответил он. — Но не думал, что это будет бенс.

Иав устался на происходящее. Девушка заплетала гриву бенсу, которого он принимал за божество, а Комал терся своей мордой о ее бок.

— Это и есть ваш бог, — засмеялась Тувия.

Иав выглядел озадаченным. Он не знал, осмелиться посмотреть на Комала или нет. Ведь власть предрассудков очень сильна: даже если мы и знаем, что почитали обман, все же мы боимся признать законность вновь приобретенных убеждений.

— Да,— сказал он,— это Комал. В течение веков Тарно бросал в эту яму своих врагов, чтобы наполнить его утробу.

— А есть ли выход из этого зала на улицы города?— спросил Карторис.

Иав вздрогнул.

— Я не знаю,— ответил он,— мне никогда не приходилось бывать здесь раньше.

— Успокойся,— продолжала Тувия,— давайте все осмотрим. Выход должен быть.

Все трое приблизились к двери, через которую вошел Комал. За ней находилось логово с низким сводом и с маленькой дверцей в дальнем углу.

Она, к их радости, открылась при поднятии обычной щеколды. Они вышли на круглую арену, окруженную рядами мест.

— Вот место, где Комала кормят при публике,— объяснил Иав.— Если бы Тарно осмелился, наша судьба решалась бы здесь, но он очень боялся длинного меча красного человека, поэтому опустил нас в яму. Я не знал, что эти два зала связаны. Теперь мы легко можем достичь улиц и ворот города. Только стрелки могут препятствовать нашему освобождению, но я знаю их секрет, и сомневаюсь, что в их власти навредить нам.

Другая дверь вела к ступенькам, поднимавшимся от арены наверх к выходу в конце зала. За ней находился прямой коридор, ведущий прямо в сады.

Никто не появился, чтобы остановить их, когда они проходили. Могучий Комал шагал рядом с девушкой.

— Где же люди из дворца, свита джеддака?— спросил Карторис.— Даже на улицах города, по которым мы прошли, я не видел живых существ, а все кругом свидетельствует о большом населении.

Иав вздохнул.

— Бедный Лотар,— сказал он.— Это действительно город призраков. Нас осталось едва тысяча, а раньше насчитывались миллионы. Наш великий город населен созданиями нашего божественного воображения. Для наших нужд нам нет необходимости материализовать этих людей, и все же они для нас очевидны.

Даже сейчас я вижу огромные толпы, наводняющие проспект, спешащие туда и сюда по своим делам. Я вижу женщин и детей, смеющихся на балконах, это нам запрещено материализовать, но я все же вижу их, они здесь! Почему же нет? — задумчиво произнес он.— Теперь мне нечего бояться Тарно — он сделал самое худшее и потерпел неудачу.

Остановитесь, друзья,— произнес он,— вы хотели посмотреть на Лотар во всем его величии?

Карторис и Тувия согласно кивнули головами, больше из вежливости, а не потому что уловили значение сказанного.

Иав пронзительно смотрел на них некоторое время, затем сделал жест рукой, воскликнув: «Смотрите!»

Картина, представшая перед ними, вызывала трепет. Там, где до сих пор не было ничего, кроме пустых мостовых и алых газонов, зияющих проемов и дверей, теперь толпилось бесчисленное количество счастливо смеющихся людей.

— Это прошлое,— сказал Иав низким голосом.— Они не видят нас — они живут жизнью мертвого древнего Лотара, погибшего Лотара античности, который стоял на берегу Трокуса, самого могучего из пяти океанов.

Посмотрите на этих прекрасных стройных мужчин, шагающих по широкому проспекту. Посмотрите на молодых девушек и женщин, улыбающихся им. Посмотрите, как мужчины приветствуют их с любовью и уважением. Это мореплаватели, сошедшие с кораблей, причаливших в порту на краю города.

Это смелые люди, но слава Лотара поблекла. Посмотрите на их оружие! Только они носили оружие, потому что пересекали пять морей, чтобы достичь таинственных мест, где их подстерегала опасность. С их уходом исчез и воинственный дух жителей Лотара. Они с течением веков превратились в мягкотелых трусов.

Мы ненавидели войну и не готовились к ней, не готовили и наших юношей. И это привело к нашей гибели, ибо когда высохли моря и зеленые орды напали на нас, нам ничего не оставалось, кроме бегства. Но мы помним стрелков дней нашей былой славы — наши воспоминания о них мы и направили против врагов.

Когда Иав кончил говорить, картина исчезла, и они продолжали путь к далеким воротам по пустынным проспектам.

Дважды им попадались жители Лотара из плоти и крови. При виде их огромного бенса, в котором они узнавали Комала, люди поворачивались и убегали.

— Они донесут Тарно о нашем побеге,— закричал Иав,— и скоро он пошлет своих стрелков за нами. Давайте надеяться, что наши теории правильны, и их стрелы бессильны против разума, осведомленного об их нереальности. Иначе мы обречены!

Красный человек, объясни женщине правду, которую я передал тебе, чтобы она встретила стрелы сильным обратным внушением, то есть внушила себе, что она неприкосновенна для этих стрел.

Карторис сделал то, о чем просил его Иав. Когда они подошли к воротам, погони не было. Здесь Иав привел в движение механизмы, открывающие ворота, и минутой позже трое, сопровождаемые бенсом, вышли на равнину. Не успели они пройти и ста ярдов, как до них донеслись крики. Повернувшись, они увидели группу стрелков, выбегавших из ворот, через которые они только что прошли.

На стене над воротами находилась еще одна группа жителей Лотара, среди которых Иав узнал Тарно. Джеддак стоял и смотрел на них, явно концентрируя все силы своего тренированного ума. Было очевидно, что он делал сверхчеловеческие усилия, чтобы умертвить своих врагов.

Иав побледнел и начал дрожать. В решающий момент, казалось, он потерял мужество. Огромный бенс повернулся к движущимся стрелкам и зарычал. Карторис стоял между Тувией и врагами, лицом к ним в ожидании их наступления.

Внезапно Карториса осенило:

— Брось своих стрелков против стрелков Тарно! — закричал он Иаву. — Давай посмотрим на нематериализованную битву между двумя умами.

Иав возликовал. В следующую минуту все трое стояли позади плотных рядов огромных стрелков, бросавших насмешки и угрозы надвигающимся группам, выступившим из окруженного стеной города.

Иав словно преобразился в тот момент, когда его батальоны предстали перед Тарно. Можно было поклясться, что любой человек не поверил бы в то, что эти существа, созданные гипнотической силой, сделаны из плоти и крови. С хриплыми криками они атаковали стрелков Тарно. Острые стрелы летели густо и быстро. Стрелки падали и земля была красной от крови.

Карторис и Тувия с трудом мирились с реальностью происходящего, зная правду. Они видели, как сотня за сотней маршировали стройные ряды для поддержки бесчисленных воинов, которых Тарно посылал вперед.

Они видели, что войско Иава соответственно увеличивалось, пока все вокруг них не превратилось в сражающееся и ругающееся море воинов. Мертвые гудами лежали на поле.

Иав и Тарно, казалось, забыли обо всем на свете, кроме сражающихся стрелков, которые то наступали, то отсту-

пали, заполняя широкое поле между лесом и городом.

Лес темным пятном вырисовывался за Тувией и Карторисом. Карторис бросил взгляд на Иава.

— Пошли! — прошептал он девушке. — Оставим их вести беспощадный бой — никто из них не способен нанести вред другому. Пока они заняты боем, мы постараемся найти проход на расположенную за нами равнину.

Пока он говорил, Иав отвлекся от боя на мгновение и уловил его слова. Он видел, как девушка двинулась за воином из Гелиума. Хитрое выражение мелькнуло в глазах Иава.

Девушка, удаляющаяся сейчас от него, глубоко запала в его сердце с тех пор, как он ее увидел. Он не подозревал об этом до настоящей минуты, когда она, казалось, могла навеки исчезнуть для него. На мгновение он сконцентрировал всю свою волю на юноше и девушке.

Карторис увидел, как Тувия подалась вперед. Он удивился ее внезапной перемене по отношению к нему, и с ликующим сердцем они соединили руки и повернулись от забытого Лотара к лесу, направив свой путь к отдаленным горам.

Но когда житель Лотара повернулся к ним, Тувия была удивлена, услышав новый план Карториса.

— Оставайся здесь с Иавом, пока я буду искать проход в скалах.

Она отступила, удивленная и разочарованная, так как знала, что нет причины, препятствующей ей сопровождать Карториса. Конечно же с ним она была бы в большей безопасности, чем с Иавом.

Иав хитро улыбался, наблюдая за ними.

Когда Карторис исчез в лесу, Тувия безразлично усеялась на красную траву.

Длинный день клонился к закату, а воображаемые легионы атаковали и отступали. Солнце уже почти зашло, когда Тарно стал отводить войска обратно к городу.

Его намерения прекратить военные действия на время ночи встретило полное понимание Иава, так что он заставил свои войска построиться в сотни и уйти к краю леса, где они вскоре занялись приготовлением ужина и расстилали свои шелка и меха на ночь.

Тувии едва удавалось сдерживать улыбку, когда она увидела, как тщательно воины соблюдают все мельчайшие детали поведения, созданные воображением Иава.

Были выставлены караулы между городом и лагерем. Офицеры расхаживали по лагерю, отдавая команды и следя за их правильным исполнением.

Тувия повернулась к Иаву.

— Для чего все это?— спросила она.— Зачем вы с такой точностью соблюдаете правила, определенные воинскими уставами, когда и Тарно и вы знаете, что войска являются лишь плодом вашего воображения? Почему не разрешаете им просто разойтись, пока тебе не потребуются их услуги?

— Ты не понимаешь,— ответил Иав,— пока они существуют, они реальны. Я призываю их к сосуществованию и руковожу их действиями. Но если я распушу их, они будут такими же подлинными, как ты и я. Их офицеры руководят ими под моим руководством. Я их генерал — и это все. И психологический эффект на врага гораздо больше, чем если бы я обращался с ними как с материальными существами.

Затем,— продолжал Иав,— всегда существует надежда, в которую мы мало верим, что однажды плоды нашей материализации станут реальными — что они останутся, хоть некоторые из них, и таким образом мы откроем возрождение нашей умирающей расы.

Находятся те, кто заявляют, что они уже закончили процесс. Предполагается, что среди нереальных людей есть малое количество, которое является постоянной материализацией. Говорят, что такие, как Тарно, и являются ими, но такого быть не может, потому что он существовал до того, как мы обнаружили все возможности такого предположения.

Существуют среди нас и такие, которые утверждают, что ни один из нас нереален. Что мы не могли бы просуществовать все эти века без материальной еды и воды, если бы мы были реальными. Хотя я и реален, но я также склоняюсь к этой теории.

Кажется верным и разумным основываться на убеждении, что наши древние праотцы развили до своего вымирания так чудесно свои умственные способности, что самые сильные умы жили и после смерти своих тел. То есть мы и являемся теми бессмертными умами индивидуумов, которые давно мертвы.

Это кажется вполне возможным, и насколько я знаю, у меня есть все признаки материального существа. Я ем, сплю,— он сделал паузу, бросив многозначительный взгляд на девушку.— Я люблю!

Тувия не могла ошибиться в откровенности слов и выражения его лица. Она отвернулась с еле заметной дрожью отвращения, которое не ускользнуло от Иава.

Он приблизился к ней и схватил ее за руку.

— А почему не Иав? — воскликнул он. — Кто более почетен, чем второй из древнейшей расы в мире? Твой житель Гелиума? Он ушел. Он предоставил тебя твоей судьбе, чтобы спасти самого себя. Подойди, будь моей!

Тувия из Птарса поднялась во весь рост, ее развернутые плечи повернулись к мужчине, ее подбородок был высокомерно вздернут, презрительно скривились губы.

— Ты лжешь! — тихо произнесла она. — Житель Гелиума меньше знает о неверности, чем о страхе, а ему страх так же неведом, как младенцу.

— Тогда где он? — усмехнулся Иав, — я говорю тебе, что он сбежал из долины. Он предоставил тебя самой себе. Но Иав докажет, что судьба твоя чудесна. Завтра мы войдем в Лотар во главе моей победоносной армии, и я стану джедаком, а ты моей супругой. Иди сюда! — и он попытался прижать ее к своей груди.

Девушка хотела освободиться, ударяя мужчину своими металлическими браслетами. И все же он притянул ее к себе, как вдруг оба они были спуганы ужасающим рычанием, доносившимся из темного леса недалеко от них.

Х

КАР КОМАК — СТРЕЛОК

Когда Карторис пробирался по лесу к дальним горам, все еще сжимая руку Тувии в своей руке, его немного удивляло продолжительное молчание девушки. Ему было столь приятно ощущать прикосновение ее прохладной руки, что он боялся разорвать чары вновь обретенного ее расположения своим разговором.

Далее они шли через темный лес до тех пор, пока на них не стали опускаться тени марсианской ночи. Тогда Карторис решил заговорить с девушкой.

Они вместе должны подумать о будущем. Это была его идея пройти через скалы, если им удастся найти проход, и он был уверен, что он находится рядом с ним. Но юноша хотел узнать мнение девушки.

Когда его взгляд упал на Тувия, то он поразился ее странной эфирной внешности. Она внезапно растаяла в темной реальности ночи. Он продолжал смотреть на нее, и она медленно сникала под его взглядом.

На мгновение он был ошеломлен, и внезапно вся правда предстала перед ним: Иав заставил его поверить в то,

что Тувия сопровождает его в лесу, а в действительности он удержал девушку при себе.

Карториса охватил ужас. Он проклинал себя за глупость, ведь он знал, что дьявольская власть жителя Лотара, который тот воспользовался, могла обмануть каждого.

Поняв правду, он повернул в направлении Лотара и побежал. Земные мускулы, которые он наследовал от отца, быстро несли его по мягкому ковру опавших листьев и буйно разросшейся траве.

Серебристый свет луны затопил всю долину перед Лотаром, когда Карторис, выйдя из леса, остановился у больших ворот, через которые беглецы покинули город.

Сначала он не увидел никаких людей. Равнина была пустынна. Толпы стрелков не располагались больше под лившейся тишиной. Кругом стояла тишина. Царил мир.

Житель Гелиума, остановившись на мгновение на опушке леса, зашагал через долину к городу, пока не увидел бесформенную грудку у своих ног на траве.

Это было тело человека, лежащего ничком. Карторис повернул тело на спину. Это был Иав, истерзанный и искалеченный почти до неузнаваемости.

Принц низко склонился над телом, чтобы проверить, хранит ли оно признаки жизни. В этот момент веки Иава приподнялись, и тоскливые страдающие глаза взглянули на него.

— Принцесса Птарса! — воскликнул Карторис. — Где она? Ответь мне, человек, или я закончу работу, которую до меня так хорошо начали.

— Комал, — пробормотал Иав, — он прыгнул на меня... и разорвал бы на куски, если бы не девушка. Потом они оба ушли в лес — девушка и большой бенс.

— Какой дорогой она ушла? — спросил Карторис.

— Здесь, — слабо ответил Иав, — к проходу в скалах.

Принц Гелиума больше ничего не хотел слушать и, вскочив на ноги, зашагал обратно в лес.

На рассвете он достиг темного туннеля, который приведет его в другой мир, подальше от этой долины призрачных воспоминаний и страшных гипнотических воздействий и угроз.

На протяжении всего страшного и темного коридора он не столкнулся ни с каким препятствием и вышел наконец: дневной свет у подножия скалы, недалеко от южной окраины владений Торказа, не более чем в ста пятидесяти хаадах от них.

От границ Торказа до города Аантора расстояние равнялось приблизительно двумстам хаадам, и поэтому жителю Гелиума предстояло путешествие в сто пятьдесят земных миль, отделяющих его от Аантара.

Самое вероятное, что он придумал, то, что Тувия будет двигаться в направлении Аантора. Там лежала ближайшая вода, где можно было ожидать поисковую группу из владений ее отца. Карторис знал Туван Дина достаточно хорошо, чтобы предположить, что тот осмотрит каждый камень, пока не узнает все, что необходимо, о местонахождении дочери.

Он понимал, что обман, бросивший тень подозрений на него, отсрочит раскрытие правды, но едва ли мог догадаться, до каких угрожающих размеров разрослись последствия злодейства Астока из Дузара.

Выйдя из темной пасти коридора, он посмотрел в направлении Аантора. Но он не мог видеть, как боевой флот Птарса медленно летел к городам-близнецам, в то время как из отдаленного Каола двигалась другая могучая армада, чтобы присоединиться к союзникам.

Он не знал, что тяжесть случайных улик против него оказалась столь существенной, что даже люди страны стали подозревать его в похищении принцессы. Он не подозревал о тех подлостях, которые совершили жители Дузара, чтобы подорвать дружбу и союз между тремя великими державами Восточного полушария — Гелиумом, Птарсом и Каолом.

Не знал он, что агенты Дузара проникли на ответственные посты в иностранных учреждениях трех великих наций и что с помощью этих людей заменялись или подменялись послания одного джеддака к другому, что терпение и гордость этих трех правителей, когда-то друзей, подвергались унижениям и оскорблениям, содержащимся в этих поддельных бумагах — ничего этого он знать не мог.

Не знал он и того, что до последнего момента Джон Картер, Военный Предводитель Барсума, отказывался разрешить джеддаку Гелиума объявить войну против Птарса и Каола из-за его непоколебимой веры в честность сына и в то, что со временем всем этим событиям будет дано удовлетворительное объяснение.

А сейчас двигались на Гелиум два великих флота, в то время как шпионы Дузара при дворе Тардос Морса следили за тем, чтобы города-близнецы оставались в неведении о грозившей им опасности.

Война была объявлена Туван Дином, но посыльный, отправленный с официальным объявлением, был шпионом Ду-

зара, и конечно, ни одного слова о приближении флота противника не достигло двух городов.

В течение нескольких дней между Гелиумом и его двумя наиболее могущественными соседями были прерваны дипломатические отношения, а после отъезда министров перестала действовать и радиосвязь, столь обычная для Барсума.

Но Карторис ничего не знал об этом. В настоящий момент его интересовало лишь местонахождение Тувии из Птарса. Ее след рядом со следами огромного бенса был хорошо виден у выхода из туннеля, и по нему Карторис определил, что они направлялись к югу, к подножию гор.

Он быстро продвигался по их следам вниз к мертвому морю, где, как он был уверен, он должен был потерять след в упругой ярко-оранжевой растительности, когда, к своему удивлению, заметил обнаженного человека, приближающегося к нему с северо-востока.

Когда мужчина подошел ближе, Карторис увидел, что человек не вооружен и что он житель Лотара, так как кожа его была белой, а волосы огненно-рыжими.

Он приблизился к Карторису без малейшего признака страха, а оказавшись рядом с ним, воскликнул бодрое «каор!» — приветствие марсиан.

— Кто ты? — спросил Карторис.

— Я Кар Комак — командир стрелков, — ответил тот. — Со мной случилось странное. Много веков Тарно вызывал меня к жизни, когда ему были нужны услуги созданной им вооруженной армии. Из всех стрелков я чаще всего становился материальным.

Длительное время Тарно концентрировал разум на том, чтобы материализовать меня навсегда. У него была навязчивая идея, что когда-нибудь это получится и будущее Лотара будет обеспечено. Он заявил, что это осуществимо, стоит только считать, что все на этом свете не материально, а существует в сознании людей. Он верил, что будучи постоянным в желании, в конце концов добьется своего.

Вчера он преуспел. Это произошло, когда я со своими стрелками, пронзительно крича, преследовал воинов Торказа. Когда стало темно и пришло время раствориться в воздухе, я внезапно обнаружил, что один стою на краю обширной долины, которая лежит вон там, у подножия низких холмов.

Мои друзья ушли в небытие, откуда они и появились, а я остался — обнаженный и без оружия. Сначала я не мог понять, но, наконец, сообразил, что произо-

шло. Продолжительные внушения Тарно, наконец, увенчались успехом, и Кар Комак стал реальным в мире людей, но мое одеяние и оружие исчезли вместе с моими товарищами, оставившими меня во враждебной стране далеко от Лотара.

— Ты хочешь вернуться в Лотар?— спросил Карторис.

— Нет,— быстро ответил Кар Комак.— Я не люблю Тарно. Будучи созданием его ума, я знаю его слишком хорошо. Он жестокий и деспотичный хозяин, которому я не хочу служить. Теперь, когда ему удалось окончательно материализовать меня, он будет невыносимым. И он будет продолжать создавать, пока не заполнит своими созданиями весь Лотар. Мне интересно, получится ли у него все так же хорошо с девой Лотара?

— Я думал — там нет женщин,— ответил Карторис.

— В скрытых помещениях во дворце джеддак Тарно поддерживает воображаемую прекрасную девушку в надежде, что она однажды станет реальной,— ответил Кар Комак.— Я видел ее там. Она прекрасна! Но ради нее же, я надеюсь, что Тарно не удастся преуспеть в этом деле, как это ему удалось со мной. Итак, красный человек, я рассказал о себе. А что ты скажешь?

Карторису понравилось лицо и манеры стрелка из Лотара. В выражении его лица не было признаков страха и сомнения, когда он приблизился к хорошо вооруженному Карторису, и говорил он ясно, по существу.

— Я принц Гелиума,— сказал он стрелку и рассказал о приключении, приведшем его в эту далекую страну.

— Хорошо! — воскликнул тот, когда юноша кончил.— Кар Комак будет сопровождать тебя. Мы вместе найдем принцессу Птарса и вместе с тобой Кар Комак вернется в мир людей, в тот мир, который я знал давно, в минувшем прошлом, когда корабли могущественного Лотара бороздили сирепый Трокус, и ревущий прибой ударялся о преграду из этих высоких скал.

— Что ты имеешь в виду?— спросил Карторис.— Разве ты когда-нибудь действительно жил?

— Безусловно,— ответил Кар Комак.— В своей древней жизни я командовал флотом Лотара, самым могущественным флотом, плавающим по пяти соленым морям.

Когда люди населяли Барсум, имя Кар Комак было известно и уважаемо. В те далекие дни на земле царил мир. Только мореплаватели были воинами; но теперь слава о былом исчезла, и до того, как я встретил тебя, я и не думал, что на Барсуме живет хоть один человек, который любит

и борется, как делали это далекие мореплаватели моего времени.

Да, мне будет приятно взглянуть еще раз на людей, настоящих людей. Никогда я не питал особого уважения к сухопутным жителям моего времени. Они оставались в своих обнесенных стенами городах, теряя время на игры, в полной зависимости от моряков, если возникала необходимость в защите. А жалкие создания Тарно и Иав из Лотара даже хуже, чем их древние предки.

Карторис, конечно, сомневался, позволить ли чужестранцу сопровождать его. Всегда можно ожидать, что он окажется духом какого-нибудь гипнотического вероломства, которым Тарно и Иав попытаются повлиять на юношу, и все же так искренни были манера и слова стрелка, настолько воинственным он был, что Карторис даже в глубине души не сомневался в нем.

Исход дела был таков, что он разрешил воину сопровождать себя, и они вместе направились по следам Тувии.

След вел вниз, к ярко-оранжевому морскому дну. Там он исчез, но Карторис знал, что это случилось в том месте, где они спустились на высохшее морское дно, и направление их движения было в сторону Аантора. Ясно, что и наши следопыты пошли в ту сторону.

Это было длинное и скучное путешествие, грозившее многими опасностями. Стрелок не мог идти таким шагом, как Карторис, мускулы которого несли его с большой скоростью по поверхности маленькой планеты. Сила притяжения на Марсе гораздо меньше задерживала движение, чем на Земле. Пятьдесят миль в день — среднее расстояние для жителя Барсума, но сын Джона Картера мог легко пройти и сто и более миль, если бы не боялся оставить своего нового друга.

Всю дорогу они находились в опасности быть обнаруженными кочующими ордами воинов Торказа и особенно были близки к опасности, когда пошли к границе Торказа.

Но им сопутствовала удача. Хотя они сами и видели два подразделения свирепых зеленых воинов, но сами замечены не были.

И вот на утро третьего дня наши путники увидели сверкающие купола Аантора.

Во время путешествия Карторис внимательно смотрел вперед в поисках Тувии и большого бенса, но не заметил ничего, что могло обнадежить его.

В это утро далеко впереди юноша увидел две крошечные фигуры, движущиеся к городу. Некоторое время муж-

чины всматривались вдаль. Затем Карторис бросился бежать вперед, а Кар Комак последовал за ним так быстро, как только мог.

Карторис что есть силы закричал, чтобы привлечь внимание девушки, и скоро был вознагражден. Она повернулась и посмотрела в его сторону. Сбоку от нее стоял бенс с поднятыми ушами, наблюдая за приближением людей.

Тувия еще не могла на таком расстоянии узнать Карториса, хотя она и была убеждена в том, что это он, и без страха стояла в ожидании.

Скоро он увидел, что Тувия показывает на северо-запад. Не замедляя шага, он посмотрел в этом направлении. Меньше чем в полумиле от них двигалось с десятков свирепых зеленых воинов на своих тотгах.

Справа от них находился Кар Комак, обнаженный и безоружный, все еще храбро бежавший к Карторису и выкрикивающий слова предупреждения. Он тоже обнаружил безмолвную угрожающую группу, которая так быстро двигалась вперед с обнаженными длинными мечами и взятыми наперевес копьями.

Карторис также закричал воину, предупреждая его, что он бесполезно жертвует своей жизнью, безоружным преграждая дорогу жестоким и безжалостным дикарям.

Но Кар Комак не колебался. С криком он поспешил вперед к принцу Гелиума. Сердце красного человека сильно забилося при виде проявления такого мужества и самопожертвования. Он пожалел, что не догадался дать Кар Комаку один из своих мечей, но теперь было слишком поздно пытаться это сделать, так как если бы он ждал стрелка или побежал к нему, воины Торказа настигли бы Тувия.

Даже при создавшемся положении было неизвестно, кто первый будет возле девушки. Он опять повернулся к ней и увидел новую силу, спешащую к ним со стороны Аантора: два небольших корабля — он даже на расстоянии различил эмблему Дузара на их бортах.

Теперь у Тувии из Птарса действительно не оставалось надежды. С одной стороны к ней подступали свирепые воины Торказа, с другой — неслись к ней не менее неумолимые воины в форме людей Астока, принца Дузара. Теперь-то, конечно, красный воин и безоружный стрелок едва ли могли защитить ее. Положение девушки было безнадежным, судьба ее была решена еще до того, как началась борьба.

Когда Тувия смотрела на приближающегося к ней Карториса, она опять испытывала необъяснимые чувства — смесь благодарности и страха, которые она не могла

объяснить. Ее ум старался убедить сердце в том, что принц Гелиума способствовал ее похищению из дома отца. Она лишь знала, что всегда рада видеть его рядом и что с ним все казалось возможным, даже такая невозможная вещь, как выход из этого затруднительного положения.

И вот он, тяжело дыша, остановился перед ней. Смелая улыбка одобрения осветила его лицо.

— Мужайся, моя принцесса,— прошептал он.

В памяти девушки всплыл случай, когда он употребил эти слова — в тронной комнате Тарно, когда они уже начали соскальзывать по полу навстречу неизвестности.

Тогда она не бранила его за такое фамильярное обращение, не сделала этого и теперь, хотя и была обещана другому. Она сама себе удивлялась, краснея от такого унижения, так как на Барсуме считается позором для женщины услышать эти два слова. Только муж или нареченный мог произносить их.

Карторис заметил румянец обиды и пожалел о сказанном.

До приближения воинов оставались мгновения.

— Прости меня,— сказал юноша низким голосом.— Пусть моя большая любовь будет мне прощением.— И с этими словами он повернулся, чтобы лицом к лицу встретиться с зелеными воинами.

Его атаковал воин с копьем в руке, но Карторис отскочил в сторону. Когда же седок проскочил мимо, он вонзил свой длинный меч в горло врага и могучим ударом рассек его надвое.

В это время Кар Комак прыгнул и голыми руками схватил ногу другого огромного всадника. Остальные спешили, чтобы лучше орудовать своими любимыми длинными мечами.

Корабли Дузара коснулись мягкого морского дна, извергнув из своих недр до полусотни воинов, и в этот же водоворот режущихся и рубящихся людей прыгнул Комал — огромный бенс.

ЗЕЛЕННЫЕ ЛЮДИ И БЕЛЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Меч воина Торказа молнией ударил в лоб Карториса.

Перед ним мелькнуло видение мягких женских рук, обвившихся вокруг шеи, и теплые губы прикоснулись к его губам, прежде чем он потерял сознание.

Как долго он лежал в бессознательном состоянии, он не знал, но когда открыл глаза, то не увидел ничего, кроме мертвых тел воинов Дузара и зеленых людей, а также тела огромного бенса.

Тувия исчезла, не было среди мертвых и Кар Комака.

Совсем ослабевший, Карторис медленно двинулся в Аан-тору и достиг его предместий в темноте.

Больше всего ему хотелось пить, и поэтому он пошел по широкому центральному проспекту, где, как он помнил, в полуразрушенном здании против большого дворца древнего джеддака можно было найти бесценный напиток.

Приведенный в уныние странной последовательностью событий, которые, казалось, были predeterminedены для того, чтобы расстроить все его попытки служить принцессе Птарса, он, двигаясь по пустынному городу, совсем не обращал внимания на то, что его окружало. Не замечал прятавшихся в тени таинственных зданий белых обезьян.

Но если Карториса не интересовало окружающее, этого нельзя было сказать о других глазах, наблюдавших за тем, как он вошел на площадь, медленно направился к мраморному зданию, в котором находился крошечный, наполовину пересохший ручеек. Этих вод можно было достичь, лишь вырыв глубокую яму в красном песке.

Когда юноша вошел в маленькое здание, дюжина огромных фигур появилась у дверного проема дворца. Они быстро и бесшумно пересекли площадь в его направлении.

Полчаса Карторис находился в здании. Он докопался до воды и добыл несколько глотков. Затем он поднялся и покинул здание. Едва он ступил на порог, как двенадцать воинов Торказа набросились на него.

Не имея времени обнажить свой меч, он быстро извлек длинный и острый кинжал и, прежде чем он упал, сердце одного из зеленых врагов перестало биться.

Но они взяли верх и выхватили у него оружие, но только девять из двенадцати воинов вернулись со своим трофеем.

Они притащили пленника во дворцовую тюрьму, где в полной темноте приковали ржавыми цепями к прочной каменной стене.

— Завтра с тобой будет говорить Тар Бан,— сказали ему воины.— Сейчас он спит. Велико же будет его удовлетворение, когда он узнает, кто бродил у нас; и велика будет радость Гортан Гура, когда Тар Бан притащит к нему сумасшедшего глупца, осмелившегося коснуться мечом великого джеддака.

Затем из таинственной темноты до него донесся звук босых ног, осторожно ступавших по камням. Все ближе и ближе к тому месту, где он лежал безоружный и беззащитный.

Прошло несколько минут, показавшихся ему часами, в течение которых могильная тишина сменялась повторяющимися ужасными шаркающими шагами босых ног, крадущихся к нему.

Наконец, он услышал внезапный шлепок босых ног через зияющую темноту, отзвук жестокой драки, тяжелое дыхание и проклятия. Затем послышался звон цепей и шум от падающей цепи.

Опять наступила тишина. Но только на мгновение. Вот он опять уловил мягкие шаги. Ему показалось, что он рассмотрел злые глаза, устрашающе блестящие из темноты. Слышал тяжелое дыхание. Затем что-то навалилось на него.

Лапы, оканчивающиеся пальцами, как у человека, сомкнулись на его горле, руках и ногах. Волосатые тела напрягались и боролись с гладким телом Карториса.

Карторис походил на мускулистого громадного бога, и все же в объятиях этих невидимых созданий адской ночи он был беспомощен.

Но он продолжал борьбу, нанося бесполезные удары волосатым животным, которых не видел, но чувствовал короткие шеи, слюну, текущую по щекам, и горячее вонючее дыхание.

Мощные клыки были рядом, и он не мог догадаться, почему они не впиваются в его горло.

Наконец он почувствовал волнение своих врагов, бегавших вокруг тяжелой цепи, который был прикован, и вскоре понял, что цепь разорвана. Его подхватили с обеих сторон и быстро потащили по темным коридорам.

Сначала он думал, что враги его могли быть из племени Торказа, но их волосатые тела поколебали его предположения. Теперь ему, наконец, стало ясно, кто они, но он и не мог понять, почему они не убили его и не сожрали на месте.

После получасового бега по подземным коридорам, которые являются отличительной чертой всех городов Барсума, как современных, так и древних, захватившие его существа внезапно выскочили во двор, освещенный луной.

Карторис сразу же увидел, что он был во власти белых обезьян Барсума. Единственное, что до сих пор вызывало сомнение, был волосяной покров на груди, так как белые

обезьяны, за исключением копны волос, дыбом поднимавшихся на их головах, были совершенно голы.

Теперь он видел причину своего заблуждения: грудь каждой обезьяны пересекали ленты из волосяной шкуры бенса в подражание одеянию зеленых воинов, которые так часто разбивали свой лагерь в пустынном городе.

Карторис читал о существовании племени обезьян, медленно движущихся к более высоким ступеням развития. В руки именно таких существ он попал, но каковы были их намерения?

Когда он разглядел двор, то увидел около пятидесяти страшных животных, сидящих на корточках. На некотором расстоянии находилось другое живое существо, тщательно охраняемое.

Когда глаза встретились с глазами товарища по несчастью, улыбка осветила его лицо и с губ сорвалось приветствие:

— Каор, красный человек!

Это был Кар Комак.

— Каор! — воскликнул Карторис в ответ. — Как ты здесь оказался и что случилось с принцессой?

— Красные люди приземлились на своих мощных кораблях. Они плыли по воздуху так, как корабли наших дней по морям, — ответил Кар Комак. — Они сражались с зелеными воинами Торказа. Они убили Комала, бога Лотара. Я думал, что они твои друзья, и обрадовался, когда они вышли и отнесли девушку на один из кораблей и улетели в небо.

— Меня схватили зеленые люди и привели в большой пустой город, где приковали к стене. Потом пришли эти. А что было с тобой, красный человек?

Карторис рассказал все, что произошло с ним, и пока они разговаривали, большие обезьяны внимательно наблюдали за ними.

— А что нам теперь делать? — спросил стрелок.

— Положение наше выглядит безнадежным, — ответил Карторис. — Эти существа — людоеды. Почему они до сих пор нас не сожрали? Вон там! — прошептал он. — Видишь? Приближается конец.

Кар Комак посмотрел в направлении, указываемом Карторисом, и увидел огромную обезьяну, направившуюся к ним.

— Они любят убивать свои жертвы, — сказал Карторис.

— Мы должны умереть без борьбы, — сказал Кар Комак.

— Только не я,— ответил Карторис.— Хотя и знаю, как бесполезно сражаться с этими могучими чудовищами! Мне бы сейчас мой длинный меч!

— А мне бы лук! — добавил Кар Комак.— И сотню стрелков.

При этих словах Карторис подпрыгнул от неожиданности.

— Кар Комак,— закричал он.— Почему ты не можешь сделать то, что делали Тарно и Иав? У них не было стрелков, кроме тех, которых они создавали сами. Ты должен знать секрет их власти. Вызови сотню своих стрелков, Кар Комак!

Глаза Кар Комака широко раскрылись, когда смысл этого предложения достиг его сознания.

— А почему бы и нет! — пробормотал тот.

Свирепая обезьяна с большой дубиной приближалась к Карторису. Пальцы юноши сжимались, пока он наблюдал за своим палачом. Кар Комак направил свой пронизывающий взор на обезьян. Об усиллии его ума можно было судить по поту, выступившему над его нахмуренными бровями.

Существо, которое хотело убить Карториса, было уже на расстоянии руки от своей жертвы, когда Карторис услышал хриплый крик с противоположной стороны двора... Вместе с сидящими обезьянами и демоном с дубинкой он повернулся в сторону, откуда доносились звуки, и увидел группу сильных стрелков, выбегающих из дверей расположенного рядом здания.

С криками ярости обезьяны вскочили на ноги, чтобы отбить атаку. На полпути их встретил град стрел, дикие обезьяны рухнули на землю. Другие обезьяны сближались со своими противниками. Все их внимание было поглощено атакующими — даже стража, оставив пленников, присоединилась к битве.

— Пошли,— прошептал Кар Комак.— Теперь мы можем бежать.

— И оставить этих храбрых воинов без руководителя? — воскликнул Карторис.

Кар Комак засмеялся.

— Ты забываешь, что они состоят из воздуха, это плоды моего воображения, и они исчезнут, когда у нас не будет в них необходимости. Хвала твоему прародителю, красный человек! Мне бы никогда не пришло в голову, что я могу владеть той же силой, которая вернула меня к существованию.

— Ты прав,— сказал Карторис,— и все же мне не хочется покидать их, хотя нам ничего не остается делать.

Они осторожно пробирались в тени зданий к центральной площади. Там находились дома, занимаемые зелеными воинами в периоды своих набегов на опустевший город. Когда они подошли к краю площади, Карторис остановился.

— Подожди здесь,— прошептал он,— я постараюсь добыть тот, так как пешими мы никогда не вырвемся из лап этих зеленых дьяволов.

Чтобы добраться до двора, в котором находились тот, Карторису надо было пройти через здания, окружающие площадь.

Случай привел его через темный вход в большой зал, где лежали десять или больше зеленых воинов, закутанных в свои меха и шелка. Едва Карторис миновал широкую прихожую, как почувствовал присутствие чего-то или кого-то в коридоре, через который только что прошел.

Он слышал, как зевнул человек, потом позади себя увидел фигуру часового, поднимавшегося с места, где он спал. Карторис понял, что он прошел, должно быть, в футах от воина и, без сомнения, разбудил его. Отступление было нереально. А пересечь комнату, полную спящих воинов, казалось, выше всякой возможности.

Карторис выбрал меньшее из зол. Осторожно он вошел в комнату. На стене справа висело несколько мечей — запасное оружие, которое воины оставляли здесь, чтобы оно всегда было под руками, если сигнал тревоги разбудит их.

При виде этих мечей юноша воспрянул. Он быстро подошел к ним, выбрав два коротких меча — один для Каркома, а другой для себя, а также кое-какую одежду. Затем он прошел прямо через центр зала.

Ни один из воинов не шевельнулся, пока Карторис не прошел почти половину своего опасного пути. И тут один воин зашевелился.

Карторис приостановился над ним, держа один из мечей наготове. Зеленый человек продолжал ворочаться на своем ложе, затем вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с красным человеком.

Карторис тотчас же ударил, но с уст воина успело сорваться свирепое проклятие. В мгновение ока комната ожила. Воины вскочили на ноги, хватая свое оружие. Но в суматохе они ничего не могли понять. Карторису было прекрасно все видно в тусклом свете, проникавшем снаружи, но для глаз только что проснувшегося человека предметы еще не

приняли знакомых очертаний — они смутно видели фигуру воинов, движущихся по залу.

Один из них споткнулся о тело убитого воина. Он наклонился, и рука его коснулась разбитого черепа. Вокруг он увидел гигантские фигуры других зеленых людей и сделал единственный вывод, к которому мог прийти.

— Турды! — закричал он. — Турды выступили против нас! Поднимайтесь, воины Торказа!

Тотчас же воины Торказа стали драться друг с другом. Проснулась их давняя страсть к сражениям.

Карторис быстро понял их ошибку и воспользовался ею. Пока они не разобрались в истинной причине ссоры, он, не теряя времени, пробрался к двери в противоположной стене туда, где паслись свирепые тоты зеленых людей.

Здесь ему предстояла нелегкая задача. Схватить и оседлать одно из этих злых и непокорных животных было не просто и в обычных условиях.

От своего отца он многое узнал о повадках этих могучих животных, так же как и от Тарс Таркаса, когда Карторис навещал этого великого зеленого джеддака. Теперь он старался вспомнить все, чему он научился у других и что знал из своего опыта.

Крик тоттов Торказа казался более пронзительным, а нрав более норовистым, чем у их родственников в Тарке и Вархуне.

Некоторое время казалось, что ему не избежать свирепой атаки со стороны двух старых самцов, которые толкались и визжали около него, но ему, наконец, удалось приблизиться на достаточное расстояние к тоту и схватить его. Почувствовав руку на своей шкуре, животное успокоилось и по команде стало на колени.

В тот же миг Карторис был у него на спине и направился к большим воротам.

Другой самец последовал за своим товарищем. На обоих тоттах не было уздечек, так как эти страшные животные управляются внушением — если они вообще управляются.

Даже в руках громадных зеленых людей поводья казались бесполезными против бешеной свирепости и неслыханной силы тоттов: ими руководит страшная власть телепатии, так хорошо известной жителям Марса. Марсиане пользуются ею для общения с более примитивными обитателями своей планеты.

Карторис с трудом довел двух животных до ворот, прыгнув, поднял щеколду. Затем тот, на котором он ехал, толкнул

дошчатые створки и в следующую минуту они уже тихо пробрались к краю площади.

И вот тут Карторису пришлось столкнуться с новой трудностью — надо было заставить подчиниться второго тотта. Так как Кар Комак не ездил ни на одном животном, работа эта казалась бесполезной. Но, наконец, стрелку удалось забраться на спину тотта, и дикое животное, мягко ступая по поросшей улице, направилось к открытому дну моря.

Всю ночь, следующий день и еще одну ночь они ехали на северо-восток. Не было заметно никаких признаков погони, и на рассвете второго дня Карторис увидел вдалеке большие деревья, которые окаймляли один из длинных водных путей Барсума.

Они остановили своих тоттов и пошли пешком.

Карторис, кроме того, снял с себя металлические украшения и все прочие вещи, которые помогли бы узнать в нем жителя Гелиума. Он не знал, какой нации принадлежит водный путь, а на Марсе всегда лучше каждого человека принимать за врага, пока не убедишься в обратном.

Была середина дня, когда они вышли на одну из дорог, пересекающих обработанные районы. Высокая стена, окружавшая поля, служила защитой от внезапного набега зеленых орд и для того, чтобы оградить домашних животных и людей от бенсов и других плотоядных зверей.

Карторис остановился перед первыми воротами и начал колотить в них. Молодой человек, открывший им, гостеприимно приветствовал обоих, хотя и посмотрел с удивлением на белую кожу и рыжие волосы воина-стрелка.

Выслушав короткий рассказ об их побеге из Торказа, он пригласил войти их к себе в дом и приказал слугам приготовить еду.

Пока они ожидали в приятной с низким потолком гостиной фермерского дома, Карторис вовлек хозяйку в разговор, пытаясь узнать ее нацию, а также под чьим покровительством находится водный путь, к которому их привели обстоятельства.

— Мой муж — Хал Вас, — ответила хозяйка, — он сын Вас Кора из Дузара, знатного члена свиты Астока, принца Дузара. В настоящее время он является дваром (капитаном) дороги, проходящей в этом районе.

Карторис был очень рад, что не открыл себя. Он хорошо знал, что жители Дузара не питают к нему особой любви и ему не приходится надеяться на помощь во владениях Дузара.

— А кто ты такой?— спросил Хал Вас.— Судя по внешности, ты военный человек, но я не вижу знаков отличия на твоём снаряжении. Может быть, ты пантан?

В настоящее время пантаны (солдаты) бродят по Барсуму, и это привычная картина, где большинство людей любит сражаться. Они предлагают свои услуги там, где идет война, а в промежутках присоединяются к экспедициям, которые постоянно сражаются против зеленых воинов для защиты водных путей.

Когда их служба кончалась, они снимали воинские знаки нации, которой они служили, пока не находили нового хозяина.

Предположение было удачным, и Карторис ухватился за возможность дать удовлетворительное объяснение.

В этом, однако, был один недостаток; во время войны пантаны, оказавшись во владениях пребывавшей в состоянии войны нации, были вынуждены надевать знаки различия этой нации и сражаться вместе с ее воинами.

Насколько знал Карторис, Дузар не был в состоянии войны с другими нациями, но никогда нельзя точно предположить, когда одно красное племя бросится на своего соседа, хотя великий и могучий союз во главе с его отцом смог поддерживать долгое время мир на большой территории Барсума.

Приятная улыбка осветила лицо Хал Васа.

— Это хорошо, что вы пришли сюда,— воскликнул он,— так как здесь вы скоро найдете себе службу. Мой отец пришел сюда, чтобы собрать силы для новой войны с Гелиумом.

ХИ

СПАСТИ ДУЗАР

Тувия из Птарса, сражаясь против охваченного страстью Иава, бросила быстрый взгляд на лес, откуда доносилось свирепое рычание. Иав тоже оглянулся.

То, что они увидели, наполнило сердце мрачными предчувствиями. Это был Комал, бенс-бог, бегущий к ним с раскрытой пастью.

Кого он выберет своей жертвой? Огромный зверь схватил Иава.

Иав, крича, пытался броситься к Лотару, толкая в пасть людоеду Тувию. Но его сопротивление продолжалось не-

долго. В одну секунду бенс оказался на нем, разрывая его горло.

Девушка была около него в мгновение, но ей с трудом удалось оторвать свирепое животное.

Со своим огромным защитником Тувия отправилась искать проход в скалах, чтобы попытаться достичь невозможного далекого Птарса.

Она не могла поверить, что Карторис умышленно покинул ее, и продолжала искать его. Но пройдя далеко на север, разминулась с ним, когда он возвращался за ней в Лотар.

Тувия не могла точно определить место, которое занимал в ее сердце принц Гелиума. Она не могла даже признаться себе в том, что любит его, и все же она разрешила ему обращаться к себе с выражением нежности и обожания, к которому девушка Барсума должна оставаться глухой, когда их произносит кто-нибудь другой, кроме мужа или жениха, — «моя принцесса».

Кулан Тит, с которым она была обручена, снискал ее уважение и восхищение, но не более. Подчинилась же она желанию отца из-за обиды на то, что принц Гелиума не воспользовался своим преимуществом во время посещения дворца ее отца, чтобы просить ее руки, чего она ожидала с того дня, когда они оба сидели вместе на скамье в саду, украшавшем внутренний двор Салензия Олла в Кадабре.

Любила ли она Кулан Тита? Она хотела поверить, что любила, но все это время ее глаза пытались отыскать фигуру стройного молодого юноши с черными волосами и серыми глазами.

Почти совсем стемнело, когда она нашла вход в туннель. Она остановилась в раздумье.

Остаться ли ей здесь в надежде, что Карторис придет сюда в поисках ее? Или продолжать свой путь в сторону Птарса? Куда прежде всего пошел бы Карторис, покинув долину Лотара?

Ее пересохшее горло и язык подсказали ей ответ — к Аантору, к воде.

Рядом с Комалом она не испытывала страха, так как знала, что животное защитит ее от любых нападений. Даже большие белые обезьяны убегают в ужасе от могучего бенса. Она боялась только людей, но их помощью ей придется пользоваться, прежде чем она сможет добраться до дома своего отца.

Когда, наконец, Карторис нашел, но лишь затем, чтобы

быть пораженным длинным мечом зеленого человека, Тувия молила о той же участи для себя.

Вид красных воинов, прыгавших со своих кораблей, наполнил ее надеждой, что Карторис мог быть только оглушен и что они освободят его. Но когда она увидела знаки Дузара, она потеряла всякую надежду.

Комал был тоже мертв и лежал рядом с принцем из Гелиума. Теперь она одна и некому ее защитить.

Воины Дузара потащили Тувию на палубу ближнего корабля и быстро поднялись в небо.

Тувия огляделась. Рядом стоял человек, улыбаясь ей прямо в лицо. Это был Асток, принц Дузара.

Асток имел быстрые корабли, и у него была большая потребность добраться как можно скорее до дома своего отца, так как военный флот Гелиума, Каола и Птарса рассеялся над всем Барсумом. Ему не поздоровится, если кто-нибудь обнаружит Тувию из Птарса на его корабле.

Аантор лежит на пятидесятом градусе южной широты и в сорока градусах от Хорца, в то время как Дузар — в пятнадцати градусах севернее экватора и в двадцати градусах восточнее Хорца.

Хотя расстояние было большое, корабли покрыли его без остановок. Сомнения Тувии рассеялись. Едва они поднялись в воздух, как она узнала одного члена экипажа, которого видела на корабле во время ее похищения. Присутствие Астока на корабле было ответом на вопрос. Ее похитители — агенты принца Дузара, Карторис не был причастен к этому.

Асток и не отрицал обвинения. Он только улыбался и молил о любви.

— Я скорее стану подругой белой обезьяны.— воскликнула она после первых же его слов.

Асток зарычал.

— Ты выйдешь за меня замуж или, клянись предками, ты станешь подругой белой обезьяны.

В действительности Астока приводили в трепет размеры вооруженного конфликта, вызванного похищением принцессы.

Его единственной мыслью было доставить Тувию в Дузар и переложить ответственность за ее похищение на своего отца. В это время он постарается сделать все возможное, чтобы не причинить девушке вреда. В противном случае и за это он будет отвечать перед лицом одного из великих джедаков.

Они прибыли в Дузар, где Асток спрятал пленницу в секретной комнате в восточной башне своего дворца. Он заставил своих людей поклясться, что они будут молчать, пока он не увидит своего отца Бутуса.

Но когда он предстал в большом зале перед отцом, почувствовал, как мужество покидает его, и не решился заговорить о том, что принцесса спрятана в его дворце. Ему пришло в голову узнать отношение отца к этому событию. И принц придумал историю о захвате человека, который заявил, что знает о местонахождении Тувии.

— Если ты прикажешь, господин,— сказал он,— я поеду и захвачу ее.

Бутус покачал головой.

— Ты уже достаточно сделал для того, чтобы Птарс, Каол и Гелиум выступили против нас, узнай они о той роли, которую ты сыграл в похищении. А иметь ее здесь пленницей значило бы признать вину, от последствий которой нас ничто не может спасти. Это стоило бы мне трона.

Если бы она была здесь,— продолжал размышлять Бутус, снова и снова повторяя одну и ту же фразу,— если бы она только была здесь, Асток,— свирепо воскликнул он,— и никто бы не знал об этом! Ты не догадываешься? Вина Дузара могла быть навеки похоронена с ее телом.

Асток вздрогнул.

Люди Марса безжалостны к своим врагам. Но слово «враг» применяется только к мужчинам. Убийства свирепствуют в больших городах Барсума, и все же убить женщину считается невероятным преступлением.

Но Бутус продолжал:

— Ты сказал, что знаешь, где спрятана девушка. Если ее найдут, все три державы, после ее рассказа объединятся в союз против нас. Выход только один,— закричал старик.— Ты должен вернуться туда, где она спрятана, привезти ее тайно. И не возвращайся без нее под страхом смертной казни.

Асток хорошо знал, что в сердце тирана не было ни малейшего признака любви ни к одному созданию.

Мать Астока была рабыней. В молодости он пытался найти себе невесту при дворах соседей. Но женщины не замечали его.

После того, как дюжина девушек, равных ему по рождению, заявили, что предпочли бы самоубийство браку с ним, он бросил эту затею. Он сошелся с одной из своих рабынь, чтобы иметь сына.

Асток удалился из зала своего отца. Взгляд его устремился на восточную башню.

О боги! Ничья другая рука, а только его совершит этот ужасный поступок. Своими руками он должен прервать жизнь этого совершенного существа.

Он вспомнил высокомерное презрение, с которым были приняты его объяснения в любви. Чувство удовлетворения от близкой расплаты вытеснило раскаяние и стыд, прекрасные чувства, которые он унаследовал от матери, подчинились голосу отцовской крови. Это и заставило его совершить подлость.

Асток направился к башне. Он увидит ее перед тем, как отправится в путешествие, чтобы скрыть от отца, что она уже находится в Дузаре.

Когда Асток вошел в комнату, он увидел, как Тувия забралась на подоконник и смотрела через крыши Дузара в сторону далекого Птарса.

При звуке его шагов девушка быстро повернулась к нему. О, как она была прекрасна! Его внезапное решение исчезло при виде этой красоты. Возможно, появится другой выход.

Другая рука нанесет этот удар. Он никогда не сделает этого. Он все еще смотрел на нее, а она стояла перед ним, смело и твердо встречая его взгляд.

Почему не спросить ее еще раз. Если она согласится, все еще уладится. Если они даже не убедят отца, они смогут полететь в Птарс, перекаладывая всю вину интриг на Бутуса. И кто будет сомневаться в справедливости обвинения?

— Тувия, я пришел в последний раз, чтобы сложить свое сердце к твоим ногам. Соединись со мной, Тувия, и все уладится.

Девушка покачала головой.

— Подожди! — приказал он. — Прежде узнай всю правду и тогда произнеси слова, которые могут решить твою судьбу, а также судьбу тысячи воинов, которые сражаются за тебя.

Откажешься ты выйти за меня по доброй воле, и Дузар будет опустошен. Если правда станет известна Птарсу, Каолу и Гелиуму, наши города сотрут с лица планеты. Они разгонят наших людей по свету от мерзлого севера до мертвого юга, охотясь за ними и убивая, пока великая нация не останется ненавистным воспоминанием.

Но пока они будут истреблять жителей Дузара, бесчисленные тысячи их воинов погибнут — и все из-за упрямства одной женщины, которая не захочет выйти за любящего ее принца.

Если ты откажешься, Тувия, останется один выход — никто не должен знать о твоей судьбе. Только наипреданнейшие из слуг, кроме меня и моего отца, знают, что тебя похитили по моему приказанию и то, что ты сейчас пленница в моем доме. Отвергнув меня, ты умрешь во имя спасения Дузара — другого выхода нет. Так приказал Бутус. Я все сказал.

На некоторое время воцарилось молчание. Взгляд девушки остановился на принце, затем она заговорила.

— Я предпочту исполнение всех этих угроз, чем быть твоей, — сказала она.

Затем она повернулась к нему спиной и отошла к восточному окну, устремив свой печальный взгляд на далекий невидимый Птарс.

Асток повернулся и покинул комнату, вернувшись быстро с питьем и едой.

— Вот, — сказал он, — это пища до моего возвращения. Следующий, кто войдет в это помещение, будет твой убийца. Доверься своим праотцам, через несколько дней ты будешь с ними.

Затем он ушел.

Полчаса спустя, он спрашивал офицера:

— Куда девался Вас Кор? Его нет во дворце!

— Он улетел на юг, к большому водному пути, — ответил офицер. — Его сын Хал Вас двар местной дороги. Туда и поехал Вас Кор, чтобы набрать солдат среди местных фермеров.

— Хорошо, — сказал Асток.

Еще через полчаса он поднимался над Дузаром на своих быстроходных кораблях.

XIII

ТУРДЖУК — СОЛДАТ ФОРТУНЫ

На лице Карториса не отразились те чувства, которые его волновали, когда он услышал о том, что Гелиум был в состоянии войны с Дузаром и что судьба привела его на службу к своим врагам.

Избежать службу в Дузаре было просто, а если не удастся? Если они усомнятся в его преданности, у него не будет возможности ускользнуть от их бдительных глаз через несколько часов, когда начнется война, а может, она закончится после долгих и изнурительных лет.

Такая перспектива была неутешительной.

Карторис не знал, что будет благодарить судьбу за то, что она привела его на службу Дузару.

— О! — воскликнул Хал Вас. — Вот и мой отец. Каор, Вас Кор. Вот человек, которого будет приятно видеть среди твоих солдат — отважный воин...

— Турджук, — представился Карторис, произнося первое имя, пришедшее ему в голову.

Глаза его были обращены к высокому воину, вошедшему в комнату. Где он видел раньше эту гигантскую фигуру? Это молчаливое лицо с синевато-багровым шрамом от виска до виска?

Затем знатный человек заговорил, и все моментально всплыло в памяти Карториса — слуга на посадочной площадке Птарса в то время, когда он объяснял сложность своего нового компаса Туван Дину. Единственный слуга, охранявший ангар в ту ночь, когда он отправился в это злополучное путешествие.

— Вас Кор, — повторил он вслух, — да ниспадет благословение на твоих предков за эту встречу.

Но житель Дузара не догадался о значении, которое скрывалось за этой фразой.

— Да ниспадет благословение и на твоих предков, — ответил Вас Кор.

Теперь пришла очередь Кар Комака быть представленным Вас Кору, и когда Карторис прошел через эту церемонию, ему в голову пришло единственное объяснение, которым он мог оправдать белую кожу и рыжие волосы стрелка, так как боялся, что им не поверят.

— Кар Комак, — объяснил он, — как вы видите, жрец. Он бродит далеко от своих скованных льдом башен в поисках приключений. Я наткнулся на него в тюрьме Аантора, могу поручиться за его храбрость и преданность.

С тех пор, как Джон Картер разрушил основу их фальшивой религии, большинство жрецов с радостью приняли новый порядок вещей, поэтому теперь не было столь необычным видеть их вперемижку с красивыми воинами и Вас Кор не выразил большого удивления.

На протяжении беседы Карторис наблюдал, не узнает ли его Вас Кор, но бессонные ночи, долгие дни походов и сражений, раны и потеря крови — все это изменило молодого человека. Вас Кор не узнал в нем принца.

Вечером Вас Кор объявил, что они вступают на север в сторону Дузара.

На поле позади дома находился большой корабль.

Здесь и спали Карторис и Кар Комак с другими воинами.

К полуночи Вас Кор возвратился на судно из дома своего сына и отправился в свою каюту. Карторис и один из воинов Дузара были в карауле. С трудом Карторис подавил холодную улыбку, когда этот человек проходил в фюте от него.

Как просто было бы! Отомстить за трусливую и подлую шутку, которую сыграли с ним,— отомстить за Гелиум, Птарс и Тувию.

Но рука его даже не коснулась рукоятки кинжала, так как прежде Вас Кор должен был сослужить ему службу — он хотел узнать, где спрятана Тувия.

В Дузаре находится и грязный подстрекатель этой грязной интриги. Он тоже заслуживает наказания, а кто лучше, чем Вас Кор, мог привести принца Гелиума к Астоку.

В ночи слабо донесся до Карториса отдаленный звук мотора.

Далеко на севере пролетало что-то, похожее на корабль без огней.

Карторис не знал, враждебный это или дружественный корабль, и не подал сигнала, что он его видел.

Вскоре другой воин обнаружил приближающийся корабль и дал сигнал тревоги.

Крейсер стоял без огней, и поскольку его мотор не работал, его не могли увидеть с приближающегося корабля, оказавшегося вблизи маленькой лодкой.

Скоро стало очевидно, что незнакомец намеревался совершить посадку, так как лодка медленно кружила над ними, опускаясь все ниже.

— Это Турия,— прошептал один из воинов.— Я его узнал бы в полной темноте среди тысячи других кораблей.

— Ты прав,— воскликнул Вас Кор.— Каор, Турия!

— Каор! — донеслось после короткого молчания. И потом:— Что это за корабль?

— Крейсер «Калисус», Вас Кор из Дузара.

— Хорошо! Можно здесь приземлиться?

— Да, держитесь правее. Подождите, мы зажжем огни. И минутой позже маленький корабль приземлился рядом с «Калисусом», огни которого были немедленно погашены.

Несколько фигур спустились с этого корабля и направились к «Калисусу».

Карторис стоял у поручней, готовый принять сторону прибывших, окажись они жителями Гелиума.

Но лицо первого мужчины вывело его из заблуждения и неприятно поразило — это было лицо принца Астока.

Едва замечая всех присутствующих, Асток пошел, чтобы приветствовать Вас Кора, затем принял приветствие всей остальной знати. Скоро палуба опустела, на ней остались воин Дузара и Турджук.

Карторис ходил туда и сюда. Дузарец прислонился к перилам, его сморил сон. Он не видел, как его товарищ приблизился к окнам каюты Вас Кора и стал слушать.

— Почему белые обезьяны не захватили нас в плен всех? — уныло воскликнул Асток. — Мы попали в такой переплет. Бутус думает, что мы прячем ее далеко от Дузара. Он просил меня привезти ее.

Он остановился. Это должно навсегда остаться тайной Бутуса и Астока, так как от этого зависит безопасность трона. С таким знанием любой человек может вырвать у джедака Дузара все, что пожелает.

— Я должен убить ее! — прошептал он, испуганно оглядываясь. — Бутус хочет видеть тело, чтобы убедиться, что приказ выполнен, и он предполагает, что я сейчас еду в то место, где мы ее спрятали. Никто не должен знать, что она в Дузаре. Мне нет необходимости говорить тебе, что это значит для Дузара, если Птарс, Гелиум и Каол узнают правду.

— И ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, когда ты повезешь ее в Дузар? — спросил Вас Кор. — Где она?

Асток наклонился и зашептал ему на ухо. Подобие улыбки пробежало по жестоким чертам Вас Кора. Он почувствовал власть, которая была у него в руках.

— А как я могу тебе помочь, принц? — спросил мужчина вкрадчиво.

— Я не могу убить ее! — сказал Асток. — Я не могу сделать этого! Когда она смотрит на меня, мое сердце тает.

Глаза Вас Кора сузились.

— И ты хочешь...

— Ты не любишь ее, и ты недостаточно знатен.

— Но я люблю жизнь, хотя не так благороден, как ты, — закончил мужчина многозначительно.

— Ты будешь более знатным — вельможей первого ранга! — воскликнул Асток.

— Я стану джедом? — спросил Вас Кор прямо.

Асток колебался.

— Должен умереть какой-либо джед, чтобы ты занял его место, — взмолился Асток.

Джеды и раньше умирали, — отрезал Вас Кор. — Без

сомнения, тебе не трудно будет найти джеда, которого ты не любишь.

Вас Кор начал злоупотреблять своей властью над принцем. И в уме Астока созрел хитрый план.

— Как скажешь, Вас Кор! — воскликнул он. — Ты будешь джедом, когда все кончится, — и про себя: — Тогда мне не трудно будет найти джеда, который мне не нравится.

— Когда ты вернешься в Дузар? — спросил придворный.

— Сразу же, — ответил Асток. — Давайте сейчас же отправимся в путь.

— Я собирался пуститься в дорогу завтра, собирая солдат по пути, начальники дорог должны были отобрать их для меня, пока мы будем возвращаться в Дузар.

— Пусть солдаты подождут, — ответил Асток. — А еще лучше — возвращайся в Дузар на моем корабле, «Калисус» пусть собирает солдат.

— Да, это лучше всего, — неохотно согласился Вас Кор, и он поднялся, чтобы сопровождать Астока на корабль.

Карторис медленно встал на ноги. Она должна умереть! И он бессилён отвести трагедию. Он даже не знал, где она заключена.

Двое поднимались из каюты на палубу, Турджук подкрался к сходному трапу, сжимая рукоятку кинжала. Удастся ли ему убить обоих, прежде чем его схватят.

Они уже поравнялись с ним. Асток сказал:

— Захвати пару своих людей, Вас Кор.

Пальцы Карториса отпустили рукоятку кинжала. Его могли выбрать для сопровождения убийцу, и если он узнает, где находится пленница, он с таким же успехом убьет Астока и Вас Кору позднее. Убить же их до того, как он узнает, где спрятана Тувия, значило бы просто обречь ее на смерть от другой руки, ибо рано или поздно Бутус узнает о ее местонахождении.

Турджук пошел навстречу Вас Кору, чтобы не оставаться незамеченным.

Вас Кор повернулся к своему лейтенанту, отдавая распоряжение об отправлении «Калисуса» в Дузар и о сборе солдат, затем он сделал знак двум воинам, стоящим рядом с лейтенантом.

— Вы двое будете сопровождать нас, — сказал он.

На палубе «Калисуса» было темно, и Вас Кор не рассматривал лица тех, кого он выбрал, хотя роли это не играло абсолютно никакой — то были простые солдаты.

Одним из них был Кар Комак, другим оказался не Карторис.

Когда Вас Кор спускался на землю, Карторис смело последовал за ним, и никто не сделал попытки остановить его, думая, что он является членом группы.

За ним шли Кар Комак и воин Дузара. Тот уже подходил к каюте. Карторис пошел рядом с ним. Вскоре они вошли в густую тень у борта корабля.

Воин Дузара собирался ступить на трап, когда железные пальцы обхватили его горло и стальное лезвие вонзилось ему в самое сердце.

Турджук-пантан был последним из поднявшихся на корабль.

Через минуту Кар Комак повернулся, чтобы заговорить с воином, шедшим за ним. Глаза его расширились от удивления, когда он увидел лицо Карториса. Как же он оказался на месте воина из Дузара?

Быстрый знак Карториса, и Кар Комак повернулся, чтобы найти двара и доложить ему о своем прибытии. За ним следовал пантан.

Карторис благословил случай, который заставил Вас Кора выбрать вторым Кар Комака. Будь на его месте воин Дузара, пришлось бы отвечать на вопросы об исчезнувшем воине.

Путешествие в Дузар казалось бесконечным для Карториса, хотя в действительности прошло быстро. В дороге они встретились с другим кораблем Дузара. От его экипажа они узнали, что скоро юго-восточнее состоится великая битва.

Объединенный флот Дузара, Птарса и Каола был остановлен в своем движении к Гелиуму могучим флотом Гелиума — самым большим и грозным на Барсуме.

Немного дней оставалось до битвы. Флотами командовали четыре человека: Кулан Тит из Каола, Туван Дин из Птарса и Бутус из Дузара, с одной стороны, в то время, как их противником был Тардос Морс, джеддак Гелиума. С ним был Джон Картер, Главнокомандующий Марса.

С севера надвигалась новая сила — флот Талу, джеддака Скара, откликнувшегося на призыв Главнокомандующего Марса.

А с далекого юга тысячи других кораблей направлялись на север на клич великого человека, которого они все научились уважать и любить. Черный Холар, джеддак перворожденных, чей флот уступал только флоту Гелиума, возглавил эту могучую армаду.

Карторис и другие члены экипажа слышали только сплетни. Никто и ничего не знал о флотах, идущих с севера и с юга для поддержки флота Гелиума, и все в Дузаре были

убеждены, что ничто не может спасти Гелиум от уничтожения.

Карторис тоже чувствовал, что даже его любимый флот не способен на равных сражаться с объединенным флотом трех держав.

И вот корабль коснулся посадочной площадки перед дворцом Астока. Принц и Вас Кор сели в лифт, который доставил их к нижним этажам дворца. Рядом находился другой лифт для воинов. Карторис коснулся руки Кар Комака.

— Пошли,— прошептал он,— ты мой единственный друг среди этих врагов. Ты будешь рядом со мной?

— До самой смерти,— ответил тот.

Оба подошли к лифту. Им управлял раб.

— Где ваши пропуска?— спросил он.

Карторис порывлся в сумке на поясе, как будто в поисках пропусков, в то же время входя внутрь лифта. Кар Комак последовал за ним и закрыл дверь. Раб не начинал спуска. Дорога была каждая секунда.

Карторис внезапно повернулся к рабу и отбросил его к противоположной стене.

— Свяжи его и заткни ему рот, Кар Комак,— закричал он.

Затем он схватился за ручку управления и лифт понесся вниз. Стрелок и раб боролись. Карторис не мог оставить управление.

Раб начал кричать.

— Заставь его замолчать! — приказал Карторис. Минутой позже обмякшее тело раба опустилось на дно кабины.

— Он замолчал...— сказал Кар Комак.

Карторис остановил кабину на одном из этажей дворца. Открыв дверь, он выбросил тело раба, захлопнул дверь и продолжал путь вниз.

Вскоре они догнали параллельный лифт, в котором спускался Асток и Вас Кор. Через минуту тот остановился. А когда остановился лифт Карториса, то он успел заметить, как два человека исчезли в одном из коридоров.

XIV

ЖЕРТВА КУЛАН ТИТА

Утро второго дня заточения в восточной башне дворца застало Тувию в безразличном ожидании своего убийцы.

Она перебрала все возможности побега, осматривая опять и опять дверь и окна, пол и стены.

Девушка не могла поцарапать массивные плиты из эрзита, крепкое стекло в окнах не разбилось бы под ударами тяжелой кувалды. Бежать было невозможно. И они отобрали у нее оружие. Она, таким образом, не могла даже приблизить час своей смерти.

Когда они придут? Совершит все Асток своими собственными руками? Она сомневалась, что у него хватит на это мужества. В душе он был трусом, она знала это с тех пор, как впервые услышала его хвастовство, когда была в гостях у его отца и он пытался поразить ее своей доблестью.

Она не могла не сравнивать его с другими. А с кем могла сравнивать обрученная невеста. С ее нареченным? Вы думаете, Тувия сравнивала достоинства Астока из Дузара и Кулан Тита, джеддака Каола?

Она была на пороге смерти, она думала о том, что ей было приятно, но мечты ее были далеки от Кулан Тита. Мысли ее были заняты принцем Гелиума.

Она мечтала увидеть его чудесное лицо, исполненные достоинства движения, его улыбку, воинственную улыбку, унаследованную от отца.

И Тувия из Птарса, настоящая дочь Барсума, чувствовала, как учащается ее дыхание и сердце бьется при воспоминании об этой улыбке, которую ей не суждено больше увидеть. Со сдержанными рыданиями она опустилась на меха и шелка.

В коридоре комнаты, где она томила, жарко спорили два человека.

— Я еще раз повторяю тебе, Асток,— говорил один,— что я не сделаю этого, если ты будешь находиться рядом в комнате.

В тоне говорившего было мало уважения, которое обычно оказывается особе королевского рода.

— Не заходи слишком далеко в надежде на мою дружбу, Вас Кор, моему терпению может наступить конец.

— Здесь нет речи о достоинстве королевских особ,— ответил Вас Кор,— ты попросил меня быть убийцей вместо тебя в нарушение строгого приказа джеддака. У тебя не такое положение, чтобы диктовать мне, и ты должен согласиться с моей просьбой присутствовать при убийстве, разделяя таким образом со мной мою вину.

— Почему я все это должен выносить?

Принц сердито посмотрел на Вас Кора, подошел к

запертой двери, открыл ее и вошел в комнату вместе с Вас Кором.

На противоположном конце зала девушка, услышав, как они вошли, поднялась на ноги и повернулась к ним лицом. Лицо ее слегка побледнело, но глаза смотрели храбро и холодно, а надменный наклон подбородка красноречиво говорил о ее презрении и ненависти.

— Ты все еще предпочитаешь смерть?— спросил Асток.

— Тебе — да!— холодно ответила девушка.

Принц Дузара повернулся к Вас Кору и кивнул. Придворный достал свой меч и направился в Тувию.

— На колени!— приказал он.

— Я предпочитаю умереть стоя,— ответила она.

— Как хочешь,— сказал Вас Кор.

Большим пальцем руки он проверил оружие.

— Именем Бутуса, джедака Дузара!— донеслось от двери.

— Именем Карториса, принца Гелиума!— послышалось тут же.

Вас Кор оглянулся и увидел пантана, которого он взял на службу в дом своего сына, бегущего к нему.

Юноша проскочил мимо Астока со словами:

— После всего этого ты — калот!

Вас Кор повернулся, чтобы встретить атакующего.

— Что означает эта измена?

Асток с обнаженным мечом бросился на помощь Вас Кору. Меч пантана скрестился с мечом придворного, и при первом же столкновении Вас Кор понял, что имеет дело с опытным мастером.

Прежде чем он догадался о намерениях чужестранца, тот уже стоял между ним и Тувией, отчаянно защищающего ее от двух мечей Дузара. Он наступал, хотя все время держал свой сверкающий меч между девушкой и ее врагами. Ему удалось заставить их побегать по комнате, отражая его атаки. Девушке он приказал быть рядом.

Ни Вас Кор, ни Асток не подозревали, что замышляет пантан, но, наконец, когда юноша оказался спиной к двери, оба поняли — они оказались загнанными в свою собственную тюрьму и теперь самозванец, если пожелает, сможет убить их. Тувия из Птарса заперла дверь по указанию пантана, взяв ключ на стене, куда Асток повесил его, когда они вошли.

Асток, увидев, что враг не сдался, уступил главенство в сражении Вас Кору, и теперь, когда он внимательно

присмотрелся к пантану, глаза его расширились: он узнал знакомые черты принца Гелиума!

Последний наступал на Вас Кора. Асток видел, тот не может долго противостоять Карторису.

— Мужайся, Вас Кор,— шепнул он ему на ухо.— У меня есть план. Задержи его еще на минуту и все будет хорошо...— Но конец предложения — «с Астоком, принцем Дузара»,— он не произнес вслух.

Вас Кор не помышлял о предательстве. Карторис и Тувия увидели, как принц Дузара быстро побежал к противоположной стене, дотронулся до чего-то в стене, что привело ее в движение, и исчез за черным сводом.

Все это было сделано с такой быстротой, что не было возможности остановить принца. Карторис, боясь, что Вас Кор улизнет, бросился на своего врага, и через мгновение обезглавленное тело рухнуло на пол.

— Пошли,— воскликнул Карторис,— нам нельзя терять ни минуты. Принц скоро вернется с большим количеством воинов.

Но у Астока не было подобной мысли, так как такой поступок означал бы признание факта, что принцесса была пленницей.

Асток бросился по длинному коридору, чтобы добраться до двери в комнату, прежде чем Тувия с Карторисом покинут ее. Он знал, что острое кинжала, повернутое в замке с противоположной стороны, закроет их в секретном зале до конца мира.

Он был почти у двери. Она находилась за поворотом коридора. Они еще не вышли из помещения.

Асток едва подавил усмешку при воспоминании о том, как он хитро обманул Вас Кора и тем самым избавился от него. Потом он повернул за угол и... лицом к лицу столкнулся с огненно-рыжим гигантом.

Воин не ждал его появления и не стал интересоваться, куда торопился принц Дузара, а вместо этого кинулся на принца с мечом, и Астоку пришлось уклониться от дюжины умелых ударов. Затем он устремился обратно по коридору...

— Ну что, Кар Комак?— спросил Карторис.

— Это счастье, что ты оставил меня здесь, красный человек,— сказал стрелок.— Я сейчас только перехватил одного, который очень хотел добраться до двери,— это Асток, принц Дузара.

— Где он сейчас?— спросил Карторис.

— Ему удалось убежать по этому коридору, — ответил Кор Комак.

— Мы не должны терять времени, — воскликнул Карторис. — Он пошлет против нас караул.

Все трое поспешили по извилистым коридорам.

Они вышли в зал, где их ожидало препятствие. Здесь собралось много стражников, и офицер, увидев чужестранцев, поинтересовался, как они попали во дворец принца Дузара.

Еще раз Карторису и Комаку пришлось прибегнуть к своему оружию, прежде чем проложили путь к лифту. Шум боя, должно быть, разнесся по всему дворцу, так как они видели множество вооруженных людей, бегущих в поисках причины суматохи.

На посадочной площадке стоял корабль принца Дузара под охраной трех стражников. Опять принц Гелиума и Кар Комак сражались плечом к плечу, но бой был вскоре закончен, потому что принц мог и один справиться с тремя воинами.

Едва корабль поднялся, сто или более воинов появилось на площадке. Возглавлял их Асток.

С носом, поднятым на восток, корабль взлетел в небо. Патрульные лодки устремились за ним.

Много раз снаряды задевали борта корабля, и поскольку Карторис не мог оставить управление, Тувия поворачивала дула орудий на врага.

Это был знатный бой. Принц Дузара постарался, когда строил свое судно. Никакой другой корабль не обладал такой скоростью и не был так хорошо вооружен.

Один за другим преследователи отставали, и, когда последний из них пропал из поля зрения, Карторис положил свой корабль в горизонтальный полет.

В тринадцать с половиной тысячах хаадов находился Птарс, а между Дузаром и Птарсом сейчас находится более половины флота Дузара, так как именно в этом пространстве должна была состояться великая битва.

Половину пути они проделали, не встретив ни одного военного судна, а потом Кар Комак обратил внимание на далекий корабль, стоявший на дне морском.

Вокруг корабля толпилось много людей. Карторис разглядел в них зеленых воинов, атаковавших экипаж поврежденного корабля.

Не было необходимости менять курс, чтобы пролететь над ареной битвы, но Карторис снизил свой корабль на несколько футов, чтобы рассмотреть происходящее.

Если это был корабль дружественной державы, он мог остановиться и направить свои орудия на врага, но сделать посадку, чтобы оказать поддержку он не мог, так как подвергнул бы новой опасности Тувию.

Когда они приблизились к кораблю, было видно, что через несколько мгновений зеленая орда заполнит корабль и утолит свою жажду крови.

— Опускаться бесполезно,— сказал Карторис.— Корабль может принадлежать Дузару — на нем нет опознавательных знаков. Все, что мы можем сделать, это открыть огонь по орде.

При первом же выстреле те, кто находился на корабле, увидели его. Немедленно на корабле взвился вымпел.

Тувия из Птарса затаила дыхание, когда взглянула на Карториса.

Вымпел принадлежал Кулан Титу.

Как легко было Карторису пролететь мимо. Ни один человек не мог бы обвинить его в трусости, так как Кулан Тит выступал против Гелиума.

Что будет делать Карторис?

— Ты можешь управлять кораблем?— спросил он Тувию.

Девушка кивнула.

— Я собираюсь поднять на борт оставшихся в живых,— продолжал он.— Мне и Кар Комаку надо будет находиться у орудий, пока люди Каола будут закреплять такелаж.

Он поспешил в каюту. Через минуту боковой такелаж опустился с кили корабля, и из десятка точек по обоим бортам опустились кожаные тросы. В то же время с носовой части раздался сигнал:

— Приготовиться перебраться к нам на борт!

Карторис, который к этому времени вернулся из каюты, печально улыбнулся. Он собирался вырвать из пасти смерти человека, стоящего между ним и девушкой, которую он любил.

— Займись орудиями по левому борту, Кар Комак,— обратился он к стрелку.

Они почувствовали толчок от удара снаряда по прочной броне корабля.

Это было почти безнадежное мероприятие. В любой момент могла быть пробита броня и баки с лучами отталкивания. Люди на корабле Каола сражались, обретая надежду.

Тувия опустила корабль. Воины Каола строились по

командам своих офицеров, готовясь к переброске. И вдруг огонь зеленых воинов пробил броню корабля.

Как раненая птица падал он вниз. Тувия приподняла носовую часть корабля и замедлила падение. Но это лишь ослабило удар.

Когда зеленые воины увидели лишь двух воинов и женщину, крик триумфа поднялся в их рядах.

Зеленые воины обратили свое внимание на то, что противников можно легко победить на палубе корабля.

Зеленые воины карабкались на борт маленького судна, когда Карторис издал боевой клич.

— Кто вы? — закричал Кулан Тит. — Кто принес свою жизнь на службу Кулан Титу? Никогда еще никто не совершал такого благородного поступка на всем Барсуме.

Кар Комак стоял у орудия, из которого он вел огонь, и, застыв с широко раскрытыми глазами, уставился на страшных воинов. Карторис, увидев его в таком положении, крикнул:

— Кар Комак! Возьми себя в руки! Вспомни дни славы мореходов Лотара! Все, что нам остается — умереть, сражаясь!

Кар Комак повернулся к принцу Гелиума.

— Зачем нам сражаться, — спросил он. — Да еще против таких ужасных существ. Есть другой способ — лучше, чем твой. Посмотри, — и он указал на трап, ведущий на корабль.

Толпа зеленых воинов достигла палубы корабля, когда Карторис посмотрел в том направлении. Картина, представшая перед его взором, наполнила его сердце радостью и облегчением. Он увидел поток гигантских мрачных стрелков, храбрых мужчин, готовых вступить в бой.

Зеленые воины остановились, а затем бросились навстречу своим врагам.

Поток стрелков остановил их движение. Через минуту лежали мертвые зеленые воины, а стрелки прыгали с борта корабля в погоне за оставшимися в живых.

Кулан Тит и остальные воины Каола стояли с широко раскрытыми глазами и безмолвные от удивления, когда увидели толпу этих страшных и свирепых воинов, появляющихся с трапа маленького корабля, на котором их могло разместиться не более пятидесяти.

Наконец, зеленые воины не могли больше противостоять бешеной атаке превосходящих сил.

Что есть силы Кар Комак издавал яростный забытый клич. Он вдохновлял своих сражавшихся воинов, а

когда они стали уходить все дальше и дальше от корабля, он больше не мог оставаться вне битвы.

Соскочив с борта корабля на землю, он присоединился к последним стрелкам в погоне за бегущей зеленой ордой.

За низким мысом, который когда-то был островом, исчезли зеленые люди. Их преследовала армия стрелков прошедших дней, и среди них Тувия и Карторис видели могучую фигуру Кар Комака, высоко размахивающего коротким мечом воина Торказа, которым он был вооружен.

Когда последний из них исчез за мысом, Карторис обратился к Тувии:

— Они дали нам хороший урок, эти исчезнувшие стрелки Лотара,— сказал он.— Когда они закончили свое дело, они исчезли, чтобы не мешать своему хозяину своим присутствием. Кулан Тит и его воины смогут защитить тебя. Мои поступки являются доказательством моей честности. До свидания,— и он стал на колени и поднес край ее одежды к своим губам.

Девушка положила руку на густые черные волосы склоненной перед ней головы. Она мягко спросила:

— Куда ты поедешь, Карторис?

— Мы с Кар Комаком стрелки,— ответил он,— в сражениях я забудусь.

Девушка закрыла лицо руками, как бы стараясь спрятать от своего взгляда сильный соблазн.

— Да простят меня мои предки,— воскликнула она,— если я скажу то, что не должна говорить, но я не могу видеть, как ты жертвуешь всем ради меня, Карторис, принц Гелиума! Останься, мой вождь! Останься — я люблю тебя!

Шум позади заставил их обернуться, они увидели Кулан Тита, джеддака Каола.

Некоторое время все молчали, затем Кулан Тит откашлялся.

— Я не мог слышать всего,— сказал он,— но я не настолько глуп, чтобы оставаться слепым к вашей любви. Не осталась незамеченной и та высокая честь, которая заставила тебя, Карторис, рисковать своей и ее жизнью ради спасения моей, хотя ты и знал, что этот поступок лишит тебя возможности оставить ее для себя.

Не могу я не оценить того достоинства, которое заставило тебя молчать в ответ на слова любви принца Гелиума, так как я знаю, Тувия, что услышал первое объяснение твоих чувств этому человеку. Не осуждаю

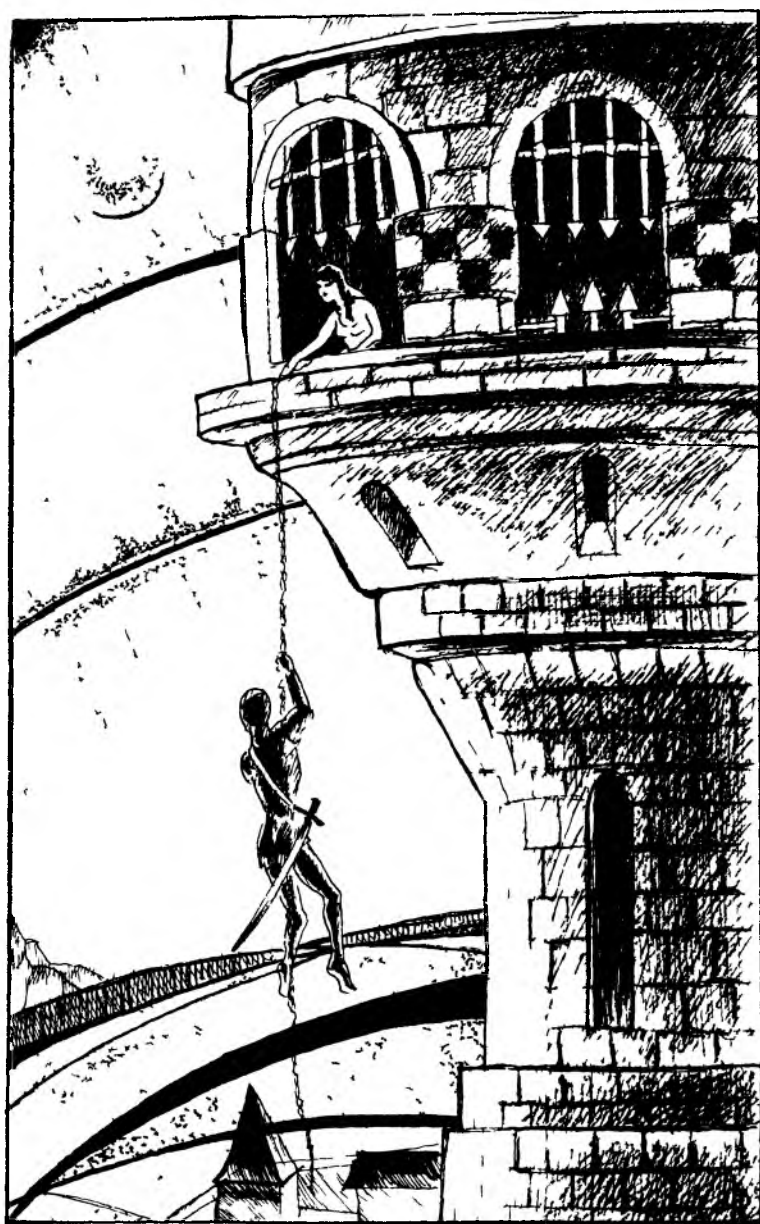
тебя. Скорее, я осудил бы тебя, если бы ты вступила в брак со мной без любви.

Я возвращаю тебе свободу, Тувия из Птарса,— воскликнул он,— и отдай ее тому, к кому приковано твое сердце, и тогда золотые ожерелья обнимут твою шею, и ты увидишь, что Кулан Тит первый поднимет свой меч в знак новой дружбы с новой принцессой Гелиума и ее супругом.

МАРСИАНСКИЕ ШАХМАТЫ

роман

ВСТУПЛЕНИЕ

ДЖОН КАРТЕР ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Ши, как обычно, обыграл меня в шахматы, и я, тоже как обычно, думал о том сомнительном удовлетворении, которое я получил бы, ознакомив его с теорией, согласно которой в шахматы хорошо играют или дети до двенадцати лет, или старики старше семидесяти двух, или, наконец, умственно отсталые. Эта теория наглядно объясняла мои постоянные проигрыши. Ши отправился спать, и я хотел последовать его примеру, так как весь предыдущий день мы провели в седле. Вместо этого я сидел перед шахматным столиком в библиотеке, лениво пуская струйки дыма на обесчещенную голову моего побежденного короля.

Занимаясь этим полезным делом, я услышал, как отворилась дверь нашей гостиной и кто-то вошел. Я подумал, что вернулся Ши, чтобы поговорить о завтрашней работе, но, подняв глаза к дверному проему, соединяющему две комнаты, увидел в нем фигуру бронзовокожего гиганта, полуодетое тело которого украшали доспехи, инкрустированные драгоценными камнями; с одной стороны свисал богато украшенный короткий меч, с другой — пистолет странной конструкции. Черные волосы, глаза серо-стального цвета, улыбка, благородные черты лица — я узнал его сразу и вскочил с протянутыми руками.

— Джон Картер! — воскликнул я. — Вы?

— А кто же еще, сын мой, — ответил он, пожимая мне руку одной рукой, а другую кладя мне на плечо.

— Но что вы делаете здесь? — спросил я. — Много лет назад вы посещали Землю, но без марсианских украшений. Боже, как я рад вас видеть, я помню, как вы подбрасывали меня на коленях, когда я был ребенком, кажется, это было так недавно. Как же вы объясните свое появление, Джон Картер, Верховный Главнокомандующий Марса, или попытаетесь разъяснить?

— Зачем объяснять необъяснимое? — ответил он. — Как я уже рассказывал тебе, я очень стар. Я не знаю своего возраста. Я не помню своего детства, но выгляжу так же, как и тогда, когда ты меня впервые увидел. Тебе было тогда пять лет. Ты состарился, хотя и не так сильно, как многие в твоем возрасте; вероятно, это объясняется тем, что в наших жилах течет одна кровь. Но я несколько не состарился. Я обсуждал это с моим другом,

известным марсианским ученым, но его теории так и остаются теориями. Однако я доволен — я люблю жизнь и энергию юности.

По поводу твоего естественного вопроса о моем появлении на Земле в этом странном, с земной точки зрения, наряде. Нужно поблагодарить Кар Комака, стрелка из Лотара. Это он подал мне мысль, благодаря которой я достиг успеха в своих экспериментах. Как ты знаешь, я давно уже владел силой, перемещающей предметы в пустоте. Но до сих пор я мог перемещать только одушевленную материю. Сегодня ты впервые видишь меня таким, каким знают меня марсиане: доспехи с девизом «Гелиум» и знаки моего звания. Этот пистолет подарен мне Тарс Таркасом, джеддаком Тарка.

Моя единственная цель — увидеть тебя и испытать свою новую способность к перемещению неодушевленных предметов. Земля не для меня. Вся моя жизнь сосредоточена в моей жене, моих детях, моих обязанностях — все это там. Я проведу с тобой этот вечер, а затем вернусь в мир, который люблю больше, чем жизнь.

Говоря так, он опустился на стул с противоположного угла шахматного столика.

— Вы сказали «дети» — произнес я. — У вас есть еще дети, кроме Карториса?

— Дочь, — ответил он, — немного моложе Карториса; за исключением одной, это самая прекрасная из девушек, когда-либо дышавших разреженной атмосферой. Только Дея Торис, ее мать, прекраснее Тары, принцессы Гелиума.

Некоторое время он машинально перебирал шахматные фигурки.

— У нас на Марсе есть игра, похожая на шахматы, — сказал он, — очень похожая. Мы называем ее джэтан. В нее играют на доске, подобной шахматной, но на ней сто квадратиков и участвует по двадцать фигур с каждой стороны. Я всегда, играя в джэтан, вспоминаю Тару, принцессу Гелиума, и то, что случилось с нею. Хочешь послушать ее историю?

Я сказал, что хочу, и он рассказал мне ее...

Постараюсь пересказать ее близко к словам Главнокомандующего Марса, как я запомнил их, только от третьего лица. Если встретятся несообразности и ошибки, отнесите их за счет моей слабой памяти.

ТАРА

Тара встала с груды шелков и мягких меховых шкур, на которых лежала, томно потянулась и пошла в центр комнаты, где над большим столом с низкого потолка свешивался бронзовый диск. Ее осанка свидетельствовала о здоровье и физическом совершенстве — гармония и точная координация движений достигались ею совершенно без усилий. Вокруг ее тела был обернут тонкий газовый шарф, свисавший с плеча. Черные волосы собраны в высокую прическу. Деревянным молоточком она ударила в бронзовый диск, на вызов явилась девушка-рабыня. Она вошла, улыбаясь, и встретила ответную улыбку.

— Гости отца уже собрались?— спросила хозяйка.

— Да, Тара из Гелиума, они пришли,— ответила рабыня.— Я видела Кантос Кана, Главнокомандующего флотом, Сорок Птарха и Джор Кантоса, сына Кантос Кана,— упомянув имя Джор Кантоса, она послала хозяйке шаловливую улыбку,— и... о, там были и другие, пришло много гостей.

— Приготовь ванну, Утна,— сказала Тара.— А почему, Утна,— добавила она,— ты так посмотрела и улыбнулась, когда назвала имя Джор Кантоса?

Девушка-рабыня весело рассмеялась.

— Всем ясно, что он обожает вас,— ответила она.

— Для меня это не ясно,— сказала Тара.— Он друг моего брата Карториса и поэтому бывает здесь часто, а не для того, чтобы видеть меня. Дружба с Карторисом приводит его во дворец моего отца.

— Но Карторис охотится на Севере с Талу, джедаком Окара,— возразила Утна.

— Ванну, Утна!— воскликнула Тара.— Твой язык доведет тебя до несчастья.

— Ванна готова, Тара из Гелиума,— ответила девушка, но глаза ее продолжали смеяться, так как она знала, что в глубине души хозяйка не способна сердиться на нее. Утна открыла перед дочерью Главнокомандующего Марса дверь, ведущую в соседнюю комнату, где помещалась ванна — сверкающий бассейн с благоухающей водой в мраморном резервуаре. Золотые столбы поддерживали золотую цепь, ограждавшую бассейн со всех сторон и спускавшуюся в воду по обе стороны мраморных сту-

пенек. Стекланный купол пропускал солнечный свет, освещавший помещение и отражавшийся на белых стенах. Широкой полосой вдоль стены шло выложенное золотом традиционное изображение купальщиц и рыбаков.

Тара из Гелиума сняла шарф и передала его рабыне. Она попробовала температуру воды изящной ножкой, не изуродованной тесной обувью и высокими каблуками, и стала медленно спускаться по ступенькам. Убедившись, что температура нормальная, она стала медленно плавать назад и вперед вдоль бассейна. Тара с легкостью плыла по поверхности, иногда погружаясь под воду, мускулы равномерно работали под ее глянцевою кожей — бессловесная песня здоровья, счастья, грации. Вскоре она вышла из воды и отдала себя в руки рабыни, которая растирала тело хозяйки благоухающим полужидким веществом из золотой шкатулки, пока сверкающая кожа не покрылась густой пеной. Затем быстрое погружение в воду, вытирание мягким сухим полотенцем — и купание окончено.

Для жизни принцессы была типична простая элегантность ее ванны — без свиты бесполезных рабов, без пышности и излишних церемоний. В следующие полчаса ее волосы были высушены и убраны в высокую прическу, драгоценные украшения, инкрустированные золотом и алмазами, довершили ее туалет, и она готова была смешаться с гостями, приглашенными на праздник во дворец Главнокомандующего.

Когда она покинула свои покои и направилась к садам, где располагались гости, в двух шагах за нею следовали воины с эмблемами дома принцев Гелиума на доспехах — жестокое напоминание о том, что кровавая вражда на Барсуме никогда не прекращается и это до некоторой степени служит противовесом большой продолжительности жизни, которая составляет не менее тысячи лет.

Когда они приблизились ко входу в сад, из другой части огромного дворца появилась еще одна женщина в сопровождении такой же охраны. Тара повернулась и встретила ее радостной улыбкой и пожеланиями счастья, а сопровождавшие ее воины, встав на колени, преклонили головы в знак добровольного преклонения перед теми, кто принадлежит к роду дома Гелиума. Так всегда, руководствуясь только велением сердца, поступали воины Гелиума, встречая Дею Торис, чья бессмертная красота не раз вовлекала их в кровопролитные войны с другими нациями Барсума. Дея Торис выглядела как

богиня, и любовь народа Гелиума к ней была так велика, что превратилась в культ, как если бы она действительно была богиней.

Мать и дочь обменялись вежливым барсумским «каор» — приветствием и поцелуем. Затем они вместе вошли в сад, где собрались гости.

Рослый воин выхватил свой короткий меч и ударил им в бронзовый щит. Над смехом и разговорами гостей пронесся гулкий удар.

— Принцесса Дея Торис! — воскликнул воин. — Принцесса Тара! — Так всегда объявляли о появлении членов королевской семьи. Гости встали, две женщины склонили свои головы, стража остановилась с двух сторон у входа: знатные придворные цепочкой потянулись выразить свое почтение. Смех и разговоры прекратились. Дея Торис и ее дочь двигались среди гостей просто и естественно, приветствуя их и не делая различий между кем бы то ни было — будь то могущественный джеддак или просто воин, чьим единственным богатством были храбрость и гордость. На Марсе человека ценят за его личные достоинства больше, чем за заслуги и богатства его предков.

Пристальный взгляд Тары из Гелиума скользил по рядам гостей, пока не остановился на одном из них. Была ли легкая тень неудовольствия, скользнувшая по ее лицу, результатом того, что она увидела, или просто сверкающие лучи полуденного солнца мешали ей? Кто знает? Она выросла в убеждении, что однажды станет женой Джор Кантоса, сына лучшего друга ее отца. Горячим желанием Кантос Кана и Главнокомандующего Марса было то, чтобы этот брак состоялся, и Тара воспринимала этот брак как решенный и бесспорный вопрос. Джор Кантос, казалось, разделял ее мнение. Они иногда говорили об этом как о чем-то само собой разумеющемся, как о его продвижении по служебной лестнице на флоте, где он начал службу, или как о предстоящем празднике двора ее деда, Тардос Морса, джеддака Гелиума. Они никогда не говорили о любви, и в редкие минуты раздумий это удивляло Тару: она знала, что люди, собирающиеся жениться, много говорят о любви, и была по-женски любопытна. Она всегда была рада встречам с Джор Кантосом и знала, что и он радуется им. Им нравилось быть вместе, так как у них были сходные взгляды: им нравились одни и те же люди и одни и те же книги. А их танцы радовали всех окружающих.

Она никогда не думала выйти замуж за кого-то другого.

Так что, видимо, яркое солнце заставило ее слегка нахмуриться и свести брови, когда она увидела Джор Кантоса, оживленно беседующего с Оливией Мартис, дочерью джеда Гастора. Обязанностью Джор Кантоса было отдать дань уважения Дее Торис и Таре из Гелиума, но он не сделал этого, и дочь Главнокомандующего вновь нахмурилась. Она пристально посмотрела на Оливию Мартис, и хотя они часто виделись раньше, теперь Тара смотрела на нее по-новому и впервые заметила, что девушка из Гастора выделяется своей красотой даже среди прекрасных женщин Гелиума. Она попыталась проанализировать свои чувства, но сделать это было трудно. Оливия Мартис была ее подругой — она всегда так радовалась ей и сейчас не испытывала ненависти к ней. А гневалась ли она на Джор Кантоса? Нет, в конце концов она решила, что не сердится на него. Просто она очень удивилась — удивилась тому, что Джор Кантос может быть заинтересован кем-то другим больше, чем ею. Она уже собралась пересечь сад и присоединиться к ним, когда услышала за собой голос отца:

— Тара из Гелиума! — воскликнул он. Она повернулась и увидела отца с чужим воином, на чьих доспехах были девизы, ей неизвестные. Даже среди роскошных украшений гелиумцев и гостей из разных стран украшения незнакомца выделялись варварской пышностью. Кожа его доспехов была покрыта платиновыми узорами, которые были усеяны множеством бриллиантов, так же как ножны меча и богато украшенная кобура, в которой находился длинный марсианский пистолет. Воин шел по залитому солнцем саду рядом с Верховным Главнокомандующим, и сверкающие отражения бесчисленных драгоценных камней окружали его ореолом света, придавая его гордой фигуре вид божества.

— Тара из Гелиума, я привел к тебе Гохана, джеда Гатола, — сказал Джон Картер после обычного марсианского представления.

— Каор, Гохан, джед Гатола, — промолвила Тара.

— Мой меч у твоих ног, Тара из Гелиума, — ответил молодой вождь.

Главнокомандующий оставил их, и они сели на скамью под раскидистой кроной какого-то дерева.

— Далекий Гатол, — размышляла девушка. — В моем представлении он связан с чудесами, романтикой и полузабытыми знаниями древних. Я не могу думать о Га-

толе как о чем-то современном, может быть, потому, что до сих пор не видела ни одного гатолианца.

— А может быть, виноваты огромное расстояние между Гатолом и Гелиумом и сравнительная незначительность моего маленького свободного города, который легко разместится в одном уголке могучего Гелиума?— добавил Гохан.— Но то, что мы теряем в силе, мы компенсируем гордостью,— продолжал он, смеясь.— Мы считаем свой город древнейшим на Барсуме. Он один из немногих, что сохранили свободу, и это при наличии богатейших и известных издревле алмазных копей, которые, несмотря на длительную разработку, сейчас практически так же богаты, как и раньше.

— Расскажи мне о Гатоле,— попросила девушка.— Мне будет очень интересно.— Возможно, красивое лицо молодого джеда придавало романтический ореол далекому Гатолу.

Гохан, казалось, был доволен обществом прекрасной собеседницы. Его глаза не отрывались от утонченных черт ее лица, с которого они переходили лишь на шею, украшенную драгоценными бусами, на голое плечо или симметрию совершенных рук, на которых сверкали пышные браслеты.

— Из древней истории ты, несомненно же, знаешь, что Гатол был построен на острове в Троксеусе. Когда океан отступил, Гатол спустился по склонам гор, вершинами которых и были острова в океане. И сейчас Гатол покрывает гору от вершины до подножия. Недра этой горы изрыты галереями шахт. Город окружен большим соленым болотом, которое защищает нас от вторжения извне, а неровная топография нашей земли, покрытой скалами и расщелинами, мешает неприятелю использовать воздушные корабли.

— А что же делают ваши храбрые воины?— спросила девушка.

Гохан улыбнулся.

— Мы говорим о храбрости только с врагами,— сказал он.— И скорее языком стали, чем обычным человеческим.

— Но где же могли научиться искусству войны люди, которых природа так защитила от нападения?— спросила Тара, которой понравился ответ молодого джеда на ее предыдущий вопрос, но которая сохраняла смутные предположения о возможной изнеженности ее собеседника, вызванные, вероятно, пышностью его доспехов

и украшений,— доспехи напоминали скорее выставку драгоценностей, чем грозное оружие.

— Природные барьеры хоть и защищали от бесчисленных нападений, тем не менее не сделали нас неженками,— объяснил он,— ибо так велики богатства Гатола, что находится множество желающих рискнуть и попытаться ограбить непобедимый городок, поэтому мы постоянно заняты отражением нападений. Моя страна протянулась от Полодоны (экватор) к северу на десять карадов и затем на десять карадов к западу до Горца. Она занимает миллионы квадратных хаадов, и ее большая часть покрыта пастбищами, где пасутся наши стада.

Окруженные постоянными врагами, наши пастухи должны быть воинами, иначе у нас не было бы стад, а ты можешь быть уверена в том, что наши стада достойны защиты: кроме того, мы постоянно нуждаемся в рабочих для шахт. Гатолианцы — народ воинов и не приспособлен к работе в шахтах. Закон, однако, обязывает каждого гатолианца один час в день отработать для города. Практически это их единственная обязанность. Некоторые, однако, предпочитают предоставлять замену для исполнения их работы, и так как наши люди не хотят работать в шахтах, нам нужны рабы. А тебе не нужно объяснять, что без войны рабов не добудешь. Мы продаем этих рабов на общественных рынках, доход делится пополам. Часть правительству, другая — воину, добывшему врага — раба. Покупатели расплачиваются работой, которую выполняют рабы. За год хороший раб выполняет за своего хозяина норму работ на шесть лет, и если рабов достаточно, то в этом случае им разрешают вернуться на родину.

— Вы боретесь за платину и бриллианты? — лукаво спросила Тара, разглядывая его пышные украшения.

Гохан рассмеялся.

— Мы тщеславный народ,— согласился он добродушно,— и, возможно, действительно слишком большое значение придаем украшениям. Мы соперничаем друг с другом в пышности личного снаряжения, и наше вооружение превосходит в этом смысле все, что я видел в Барсуме. Мы гордимся своей физической красотой. Особенно красотой наших женщин. Осмелюсь ли я сказать, Тара из Гелиума, что буду счастлив, когда ты посетишь Гатол и мой народ сможет оценить твою красоту?

— Женщины Гелиума привыкли не доверять языку льстецов,— сказала девушка, но Гохан, джед Гатола, заметил, что она улыбалась, говоря это.

Покрывая смех и говор гостей, слышались легкие удары гонга.

— Танец Барсума! — воскликнул молодой воин.— Я приглашаю тебя, Тара из Гелиума!

Девушка взглянула в сторону скамьи, где видела Джор Кантоса. Его там не было. Она наклонила голову в знак того, что принимает приглашение. Между гостями сновали рабы, раздавая маленькие музыкальные инструменты с одной струной. На каждом инструменте условными знаками была обозначена высота его тона. Инструменты были сделаны из дерева, а струны — из кишок, каждый инструмент был изогнут таким образом, что не мешал своему владельцу танцевать. Ремнями они крепились к левой руке каждого танцующего.

Гости встали и медленно двинулись по алому ковру травы в один из уголков сада, где должен был начаться танец. В это время к Таре торопливо подошел Джор Кантос.

— Я приглашаю,— сказал он, приблизившись к девушке, но она жестом остановила его.

— Слишком поздно, Джор Кантос,— насмешливо воскликнула она.— Ни один увальень не может надеяться пригласить Тару из Гелиума, но торопись, а то можешь упустить и Оливию Мартис: она вряд ли долго будет ожидать приглашения на танец.

— Я уже упустил ее,— с сожалением согласился Джор Кантос.

— Ты хочешь сказать, что пригласил Тару из Гелиума только потому, что опоздал пригласить Оливию Мартис?— воскликнула девушка, по-прежнему разыгрывая недовольство.

— О, Тара из Гелиума, ты же все отлично знаешь,— настаивал молодой человек.— Я, вполне естественно, думал, что ты ожидаешь моего приглашения. Ведь уже очень давно ты танцуешь танец Барсума только со мной.

— И ты сидел и дожидался, пока кто-нибудь пригласит меня?— спросила она.— Нет, Джор Кантос, Тара из Гелиума не для увальней.— Она улыбнулась и в сопровождении Гохана, джеда Гатола, направилась к танцующим.

Танец Барсума — наиболее торжественный из танцев Марса — относится ко всем другим марсианским танцам,

как большой торжественный танец — к земным, только он более сложен и красив. Прежде чем марсианская молодежь обоих полов допускается к выполнению общественных функций, она должна усовершенствоваться в танцах — танце Барсума, национальном танце и танце своего города. Для этих трех танцев танцующие создают музыку, которая никогда не повторяется, эти танцы унаследованы с незапамятных времен. Все барсумские танцы прекрасны, но танец Барсума — это удивительный сплав движений и гармонии: в нем нет гротескных поз, нет вульгарных или неприличных движений. Это отражение высочайших идеалов мира, вдохновленных грацией, красотой и целомудрием его женщин и силой, достоинством и верностью его мужчин.

Сегодня Джон Картер, Главнокомандующий Марса, со своей женой Деей Торис начали танец, и была только одна пара, которая соперничала с ними перед восхищенными гостями — это сверкающий доспехами джед Гатола со своей прекрасной партнершей. В постоянно сменяющихся фигурах танца юноша почти не выпускал руку девушки, он обнимал ее тело, роскошно украшенное, но почти обнаженное, и девушка, хотя до этого танцевала тысячу раз, как бы впервые почувствовала мужскую руку на своем обнаженном теле. Это так взволновало ее, что она взглянула на партнера с неудовольствием, как будто в этом была его вина. Их глаза встретились, и в его взгляде она увидела то, чего никогда не видела во взгляде Джор Кантоса. Это было в самом конце танца, музыка прекратилась, и они стояли, молча глядя в глаза друг другу. Первым заговорил Гохан из Гатола.

— Тара из Гелиума, я люблю тебя! — сказал он.

Девушка свысока взглянула на него.

— Джед Гатола забывается! — надменно сказала она.

— Джед Гатола может забыть все, но не тебя, Тара из Гелиума, — ответил он и сжал ее руку, которую продолжал держать в последней фигуре танца. — Я люблю тебя, Тара из Гелиума, — повторил он. — Почему ты говоришь не так, как говорят твои глаза?

— Что это значит? — воскликнула она. — Разве мужчины Гатола так невоспитанны?

— Они воспитанные и неглупые, — спокойно ответил он. — Они знают, когда любят женщину — и когда женщины любят их.

Тара в гнев топнула ногой.

— Я уйду,— сказала она,— чтобы не заставлять моего отца позорить гостя.

Она повернулась и пошла прочь.

— Подожди!— окликнул ее Гохан.— Еще одно слово!

— Извинение?— спросила она.

— Пророчество,— ответил он.

— Не желаю слушать,— ответила Тара и ушла. Она была странно возбуждена и вскоре вернулась в свои покои во дворце. Здесь она долго стояла у раскрытого окна, глядя на простирающийся далеко на север Великий Барсум.

Внезапно ее охватил гнев.

— Я ненавижу его!— громко воскликнула она.

— Кого?— спросила Утна.

Тара топнула ногой.

— Этого сверкающего грубияна, джеда Гатола,— ответила она.

Утна подняла тонкие брови.

В ответ на топание маленькой ножки из угла вышел большой зверь и остановился перед Тарой, глядя ей в лицо. Она протянула руку к отвратительной морде.

— Милый старый Вула,— сказала она,— не может быть любви глубже, чем твоя. Почему мужчины не следуют твоему примеру.

II

ВО ВЛАСТИ БУРИ

Тара из Гелиума не вернулась к гостям своего отца. Она осталась в покоях, ожидая прихода Джор Кантоса. Она знала, что он непременно явится звать ее обратно в сад. Тогда она высокомерно откажет. Но Джор Кантос не появлялся. Вначале Тара сердилась, затем возмутилась, но все время ее не покидало удивление... Она ничего не понимала. Иногда, вспоминая о джеде Гатола, она топала ногой, так как очень сердилась на него. Самонадеянный мужлан! Он оскорбил ее, сказав, что прочел любовь в ее взгляде. Никогда еще не была она так оскорблена и уничтожена. Никогда она так не ненавидела мужчину!

Неожиданно она повернулась к Утне.

— Мой костюм для полетов!— приказала она ей.

— Но гости!— воскликнула рабыня.— Ваш отец, Главнокомандующий, ожидает вашего возвращения.

— Ему придется разочароваться,— ответила Тара.

Рабыня колебалась.

— Он не одобряет ваших полетов в одиночку,— напомнила она своей хозяйке.

Юная принцесса вскочила на ноги, схватила несчастную рабыню за плечи и начала трясти.

— Ты становишься невыносимой, Утна! — кричала она.— Скоро ничего не останется другого, как отправить тебя на рынок рабов и продать. Тогда, возможно, ты найдешь хозяина, который больше понравится тебе.

Слезы выступили на глазах рабыни.

— Это награда за мою любовь к вам, принцесса? — кротко сказала она.

Тара постепенно смягчилась. Она обняла рабыню и поцеловала ее.

— У меня нрав тот, Утна,— сказала она.— Прости меня! Я люблю тебя, и нет ничего, что бы я не сделала для тебя. Не хочу обижать тебя. Я много раз предлагала тебе свободу и предлагаю сейчас.

— Мне не нужна свобода в разлуке с вами, Тара из Гелиума,— ответила Утна.— Я счастлива с вами и думаю, что умру без вас.

Девушка поцеловала ее.

— Так вы не полетите одна?— спросила рабыня.

Тара рассмеялась и ущипнула свою наперсницу.

— Ты настырная маленькая язва,— воскликнула она.— Конечно, полечу, разве Тара из Гелиума не делает всегда то, что ей нравится?

Утна укоризненно покачала головой.

— Конечно, делает,— согласилась она.— Главнокомандующий Марса подобен железу и не поддается никаким влияниям. Но в руках Деи Торис и Тары из Гелиума он напоминает глину.

— Тогда беги и побыстрее приготовь мой наряд для полетов — будь умницей,— приказала ей хозяйка.

Высоко над красно-коричневым дном бывших морей Марса, вдали от двойного города Гелиума, быстро летел аппарат Тары. Восхищаясь высотой полета, легкостью и послушностью маленького воздушного корабля, девушка направила его на северо-восток.

Она не задумывалась, почему выбрала именно это направление. Возможно, потому, что в этом направлении

лежали наименее известные области Марса, а следовательно, ждали романтика, чуда, приключения. В той стороне лежал также и далекий Гатол; над этим обстоятельством она не задумывалась.

Временами, правда, она вспоминала джеда из этого отдаленного королевства, но чувства, которые она при этом испытывала, были не из приятных. Она ощущала краску стыда на щеках и гнев в сердце. Она очень сердилась на джеда Гатола и, хотя не думала, что когда-нибудь увидит его вновь, знала, что этот гнев навсегда сохранится в ее памяти. Чаще ее мысли обращались к другому человеку — Джор Кантосу. Думая о нем, она в то же время думала и об Оливии Мартис из Гастора. Тара решила, что ревнует к прекрасной Оливии, и это рассердило ее еще больше. Она сердилась на Джор Кантосу и на себя, но совсем не сердилась на Оливию Мартис, которую любила и к которой на самом деле не ревновала. Беспокоилась она главным образом потому, что перестала понимать происходящее. Джор Кантос не прибежал, подобно покорному рабу, когда она ожидала его, и в этом, конечно, заключалась суть ее беспокойства. Гохан, джед Гатола, был свидетелем ее унижения... Он видел, что она осталась в одиночестве в начале праздника, и решил спасти ее, как он, несомненно, полагал, от печальной участи дамы, простаивающей у стены во время танцев.

Возвращаясь к этой мысли, Тара чувствовала, как всю ее то бросает в жар от стыда, то в холод от бешенства и гнева. После этого она повернула свой аппарат так резко, что чуть не вылетела из него: ее удержали только привязные ремни. Она вернулась домой перед самой темнотой. Гости покидали дворец. Некоторые из них спустились по ступеням дворца. Часом позже она присоединилась к своим родителям за ужином.

— Ты покинула нас, Тара,— сказал Джон Картер.— Гости Джона Картера не ожидали такого.

— Они пришли не ради меня,— ответила на это Тара.— Я не звала их.

— Тем не менее они и твои гости,— возразил отец.

Девушка встала, подошла к отцу и обняла его за шею.

— Мой милый, старый виргинец,— воскликнула она, ероша ежик его черных волос.

— В Виргинии тебя положили бы к отцу на колени и выпороли,— сказал отец, улыбаясь.

— Ты не любишь меня больше,— заявила она.— Никто не любит меня.— Но выражение ее лица не соответствовало этим словам... Она не успела построить печальную гримасу и не смогла сдержать смех.

— Боюсь, что слишком многие любят тебя,— сказал отец.— Еще один появился...

— На самом деле?— воскликнула она.— Кто же он?

— Гохан из Гатола просил твоей руки.

Девушка села прямо и потупилась.

— Я не собираюсь выходить замуж за ходячую алмазную шахту,— сказала она.— Я не выйду за него.

— Я объяснил ему это,— сказал отец,—добавил, что ты помолвлена с другим. Он держался очень вежливо, но в то же время ясно дал понять, что привык получать все, чего захочет, а получить тебя он очень хочет. Думаю, что это означает еще одну войну. Красота твоей матери стоила Гелиуму многолетней войны, Тара; если бы я был молод, я перевернул бы весь Барсум, чтобы добыть тебя, как это было с твоей божественной матерью.— И он послал над столом, уставленным золотым сервизом, улыбку прекраснейшей женщине Марса.

— Наша маленькая девочка не должна беспокоиться о подобных вещах,— сказала Дея Торис.— Помни, Джон Картер, что ты имеешь дело не с земным ребенком, продолжительность жизни которого занимает половину срока, за который дочь Барсума достигает лишь зрелости.

— Но разве дочери Барсума не выходят иногда замуж моложе двадцати лет?— настаивал он.

— Да, они остаются желанными в глазах мужчин и после того, как десятки поколений людей Земли превращаются в прах, поэтому не следует спешить с замужеством. Мы не вянем и не блекнем так быстро, как женщины твоей планеты, если можно верить твоим рассказам. Когда настанет время, Тара из Гелиума выйдет замуж за Джор Кантоса, а до тех пор не будем говорить об этом.

— Да,— сказала девушка,— надоело об этом. И я не хочу выходить за Джор Кантоса. Я вообще не хочу замуж.

Отец и мать посмотрели на нее с улыбкой обожания.

— Когда Гохан из Гатола вернется домой, он может попытаться похитить тебя,— сказал Главнокомандующий.

— Он уехал?— спросила девушка.

— Его корабль отправился в Гатол сегодня утром,— ответил Джон Картер.

— Значит, я видела его в последний раз,— заметила Тара со вздохом облегчения.

— Он думает иначе,— промолвил Джон Картер.

Девушка пожала плечами, и разговор перешел на другие темы. Пришло письмо от Тувии из Птарса, которая гостила при дворе своего отца, в то время как Карторис, ее супруг, охотился в Окаре. Получено известие, что тарки и вархуны вновь воюют или, вернее, заняты своим делом, ибо состояние войны было для них обычным. В памяти людей не было мира между этими двумя дикими племенами, разве что кратковременные перемирия. Два новых линкора спущены на воду в Гасторе. Небольшая группа священников попыталась восстановить древнюю и дискредитированную религию Иссy, которую они считали все еще живой и дающей им указания. Донесли слухи о войне в Дузаре. Некий ученый объявил об открытии разумной жизни на дальнем спутнике. Сумасшедший пытался разрушить атмосферный завод. Семь человек были убиты в Большом Гелиуме за последние десять цодов (один цод равен одному земному дню).

После ужина Дея Торис и Главнокомандующий играли в джэтан — барсумскую разновидность шахмат. Игра проходит на доске, состоящей из ста чередующихся черных и оранжевых квадратов. Один игрок располагает двадцатью черными фигурами, другой — двадцатью оранжевыми. Подробное описание этой игры может заинтересовать тех земных читателей, которые играют в шахматы, и утомит тех, кто не знаком с этой замечательной игрой. Поэтому описание игры, ее правила находятся в конце книги. Здесь же — только наиболее важные положения.

Фигуры занимают два передних ряда доски со стороны каждого играющего. Слева направо в ближнем к игроку ряду располагаются следующие фигуры: воин, падвар, двар, летчик, вождь, принцесса, летчик, двар, падвар, воин. Следующая линия занята пехотинцами, за исключением двух крайних фигур, которые называются тотами и представляют собой всадников.

Пехотинцы, которые изображаются как воины с одним пером, могут двигаться на одну клетку в любом направлении, только не назад. Тоты, всадники с тремя перьями, — двигаются прямо и по диагонали и могут перепрыгивать через фигуры противника. Воины-пехотинцы с дву-

мя перьями двигаются по диагонали на две клетки. Падвар, лейтенант с двумя перьями, движется в любом направлении на две клетки. Двар, капитан с тремя перьями, перемещается на три клетки в любом направлении. Летчики, изображаемые пропеллером с тремя лопастями, могут двигаться на три клетки в любом направлении и перепрыгивать через фигуры противника. Вождь, украшенный короной с десятью бриллиантами, движется в любом направлении. А принцесса в короне с одним бриллиантом движется так же, как и вождь, и может перепрыгивать через фигуры.

Игра считается оконченной, когда игрок ставит свою фигуру в клетку, где стоят принцесса или вождь противника. Она заканчивается вничью, если на доске остается по три равные фигуры. Это описание игры лишь общее и недостаточно подробное.

Именно в эту игру играли Дея Торис и Джон Картер, когда Тара пожелала им доброй ночи и направилась в свои покои.

Проходя мимо них по комнате, она сказала:

— До утра, мои любимые.— И ни она, ни ее родители не думали, что, возможно, видятся в последний раз.

Утро было серым и пасмурным. Зловещие тучи беспокойно поднимались и опускались. Их клочья несло к северо-западу. Из своего окна Тара разглядывала эту необычайную сцену. Плотные облака редко затягивали барсумское небо. В это время дня она обычно совершала верховую прогулку на маленьком тоте, но зрелище движущихся облаков соблазнило ее на новые приключения. Утна все еще спала, и девушка не стала беспокоить ее. Наоборот, она тихо оделась и выскользнула в помещавшийся на крыше дворца рядом с ее покоем ангар, где находился и ее собственный маленький летательный аппарат. Она никогда не летала в облаках. Именно это ей уже давно хотелось испытать. Ветер был сильным, и ей с трудом удалось вывести аэроплан из ангара, но наконец она поднялась над Гелиумом. Сильный ветер подхватил аэроплан и начал трясти его, а девушка громко смеялась, охваченная нервным возбуждением. Она вела свой аэроплан как опытный летчик, хотя вряд ли какому-нибудь летчику приходилось иметь дело с таким ураганом. Она быстро поднялась к облакам, миновала длинные стремительные ленты и мгновением позже была охвачена густым и влажным туманом. Здесь был новый мир, мир хаоса, незнакомый лю-

дям. Но это был холодный, сырой, одинокий мир, и она ощутила это, когда улеглось первоначальное возбуждение. Неожиданно она почувствовала себя очень одинокой и маленькой. Ей стало холодно. Но она торопливо продолжала подниматься, пока вдруг аэроплан не пробил верхнюю границу облаков и она не оказалась в сверкающем солнечном сиянии, превратившем поверхность мрачного мира, покинутого ею, в блестящее серебро. Здесь было по-прежнему холодно, но не сыро, и под сверкающими лучами солнца настроение девушки поднялось одновременно со стрелкой альтиметра. Глядя на облака, которые были теперь далеко внизу, девушка испытывала такое чувство, будто была подвешена между небом и землей. Но жужжание пропеллера, оглушительный вой ветра и стрелка спидометра показывали, что она несется вперед с огромной скоростью. Тогда она решила повернуть назад. Первую попытку она сделала над облаками, но попытка оказалась безуспешной. К ее удивлению, она обнаружила, что не может даже отвернуться от ударов ветра, который тряс и подбрасывал хрупкий корабль. Тогда она быстро опустилась в темную и мрачную зону между несущимися облаками и теневой поверхностью Марса. Здесь она вновь попыталась повернуть нос аппарата к Гелиуму, но буря подхватила маленький аэроплан и беспощадно гнала его вперед, подбрасывая, будто пробку в водопаде. Никогда раньше не была она так близко к смерти; тем не менее она не испугалась. Хладнокровие спасло ее, хладнокровие и крепость привязных ремней, удерживавших ее. Подчиняясь урагану, она оставалась живой, но куда он унесет ее? Она представила себе беспокойство отца и матери, когда они не увидят ее за завтраком. Они обнаружат отсутствие ее аэроплана и подумают, что она потерпела где-нибудь крушение в этом урагане. Сотни храбрецов отправятся на ее поиски, рискуя своими жизнями. Их жизни будут отданы во имя ее спасения. Она знала это, так как еще никогда подобная буря не бушевала над Барсумом.

Она должна вернуться! Она должна достигнуть Гелиума раньше, чем ее безумная страсть к приключениям будет стоить хотя бы одной храброй жизни. Она поняла, что наибольшая безопасность и вероятность успеха — над облаками, и снова поднялась сквозь холодный и влажный туман. Скорость полета снова стала ужасающей: ветер, казалось, еще более усилился. Она попыталась постепенно снизить скорость аэроплана, но хотя она су-

мела дать задний ход, ветер продолжал гнать ее с прежней силой вперед. Тара вышла из себя. Разве до сих пор мир не склонялся перед малейшим ее желанием? Кто осмеливается перечить ей? Она покажет, что дочь Главнокомандующего нельзя принудить к чему-либо. Она докажет, что даже силы природы покоряются Таре из Гелиума!

Со свирепой улыбкой она вновь включила мотор и повернула руль налево, а ветер тряс маленький аэроплан, швырял его и гнал с огромной скоростью. Мотор заглох. Буря ударила с новой силой, руль вырвало из рук, и девушка оказалась беспомощной, она превратилась в ничтожную пылинку, которой играют грозные силы, принявшие ее вызов. Первым чувством Тары было удивление — ей не удалось настоять на своем. Затем она почувствовала беспокойство: не за свою жизнь, но из-за тревоги своих родителей и опасностей, которые неизбежно ждут тех, кто отправится на ее розыски. Она упрекала себя за безумную эгоистичность, с которой она подвергала опасности других. Она понимала, что и ее ожидает большая опасность, но не испугалась. Она была настоящей дочерью Деи Торис и Джона Картера. Она знала, что аэроплан может удерживать ее в воздухе долго, но у нее не было ни пищи, ни воды, и ее отнесло в наименее изученные области Барсума. Может, лучше приземлиться немедленно и подождать прихода спасателей, чем продолжать стремительно уноситься от Гелиума? Но когда она спустилась ниже, то обнаружила, что при яростном ветре попытка приземления смертельно опасна, и вновь поднялась на высоту; пролетая на расстоянии нескольких сотен футов над поверхностью, она смогла лучше оценить смертельную силу бури, чем в относительно спокойной войне над облаками. Отсюда, с небольшой высоты, она видела, какие разрушения принесла буря. Воздух был полон пыли и обломков деревьев; когда ураган нес ее над орошаемыми полями, она видела, как огромные деревья и стены домов взлетают на воздух, их разбрасывает по опустошенной земле. Все увиденное еще раз привело ее к мысли, что Тара из Гелиума — маленькая и беспомощная девочка. Это был сильный удар по ее самолюбию. К вечеру ураган не утих, не было никаких признаков уменьшения скорости ветра. Она могла ориентироваться по показаниям счетчика пройденного пути. Эти показания казались неправдоподобными, однако она знала, что они верны: за две-

наддцать часов ветер унес ее на семь тысяч хаадов. Перед наступлением темноты она пролетела над одним из покинутых городов древнего Марса. Это был Торквас, но она не знала этого. А если бы знала, то потеряла бы всякую надежду на спасение, ибо для народа Гелиума Торквас кажется таким же далеким, как острова южных морей для нас. А буря, не ослабевая, несла ее дальше.

Всю ночь она стремилась вперед во влажной темноте облаков, иногда поднимаясь выше, в пустоту, залитую светом двух спутников Барсума. Она замерзла, хотела есть и чувствовала себя очень несчастной, но ее стойкий дух отказывался признавать положение безнадежным. Ее разговоры с собой вслух напоминали спартанское упрямство ее отца, который перед лицом неизбежного уничтожения заявлял: «Я еще жив!»

* * *

Ранний посетитель явился сегодня утром во дворец Главнокомандующего. Это был Гохан, джед Гатола.

Он появился вскоре после того, как было обнаружено отсутствие Тары, и поэтому к нему долго никто не выходил, пока, наконец, он не встретился в коридоре с Джоном Картером, торопившимся организовать отправку отрядов на поиски дочери. Гохан прочел беспокойство на лице Главнокомандующего.

— Прости мою назойливость, Джон Картер, — сказал он. — Я пришел просить разрешения остаться на один день — было бы безумием пытаться вылететь в такую бурю.

— Ты останешься желанным гостем, Гохан, пока не захочешь оставить нас, — ответил Главнокомандующий, — но ты простишь некоторое невнимание к тебе, пока моя дочь не вернется к нам.

— Твоя дочь? Вернется? Что это значит? — воскликнул гатолианин. — Я не понимаю.

— Она исчезла вместе со своим аэропланом. Это все, что мы знаем. Можно предположить, что она решила полетать перед завтраком и попала в когти урагана. Ты простишь меня, Гохан, если я оставлю тебя сейчас — я спешу организовать поиски.

Но Гохан, джед Гатола, уже торопился к выходу. Выйдя, он сел на поджидавшего его тота и в сопровождении двух воинов с гербами Гатола направился по улицам Гелиума ко дворцу, предоставленному в его распоряжение.

БЕЗГОЛОВЫЕ ЛЮДИ

Над крышей дворца, где разместился джед Гатола со своей свитой, был привязан к высоким причальным мачтам крейсер «Ванатор». Стонущие снасти говорили о сумасшедшей ярости бури, а обеспокоенные лица членов команды, чья очередь была дежурить на палубе, подтверждали серьезность обстановки. Только крепкие привязные ремни спасали этих людей от падения под ударами ветра, а люди, находившиеся на крыше, вынуждены были цепляться за перила и столбы, чтобы не быть унесенными очередными порывами урагана. На носу крейсера был нарисован герб Гатола, но ни одного флага или вымпела не было на мачтах. Их сорвал ураган, и по лицам людей было ясно, что они опасаются, как бы буря не сорвала и сам корабль. Они не верили, что какие-либо снасти могут долго противиться этой титанической силе. У каждого из двенадцати тросов, удерживающих корабль, стоял сильный воин с обнаженным коротким мечом. Если хоть один из тросов поддастся силе бури и лопнет, одиннадцать остальных тут же будут перерублены: будучи привязанным частично, корабль обречен на гибель, в то время как оставленный на волю бури, он сохранял какие-то шансы на спасение.

— Клянусь кровью Иссы, они выдержат!— прокричал один воин другому.

— А если не выдержат, то духи наших предков вознаградят добрых матросов «Ванатора»,— ответил другой воин с крыши дворца,— ибо немного времени пройдет с того момента, как порвутся канаты, до того, когда экипаж наденет одежды смерти. Однако я верю, Танус, что они выдержат. Скажи спасибо, что мы не вылетели до начала бури: сейчас у нас есть шансы спастись.

— Да,— ответил Танус,— не хотел бы я сейчас лететь даже на самом прочном корабле, когда-либо бороздившем небо Барсума!

В это время на крыше появился Гохан. С ним были остальная часть отряда и двенадцать воинов Гелиума. Молодой вождь обратился к своим спутникам:

— Я немедленно вылетаю на «Ванаторе»,— сказал он,— на поиски Тары из Гелиума, которая, как полагают, улетела задолго до начала бури в одноместном аэроплане. Нет надобности объяснять вам, как слабы шансы «Ва-

натора» выдержать удары бури, поэтому я не могу приказывать вам идти со мной на смерть. Пусть те, кто хочет, остаются. Им не грозит бесчестье. Остальные — за мной. — И он ухватился за веревочную лестницу, извивавшуюся под порывами ветра. Первым, кто последовал за ним, был Танус, а когда последний поднялся на палубу крейсера, на крыше дворца остались только двенадцать воинов Гелиума с обнаженными мечами, занявших посты у причальных мачт, где до этого стояли воины Гатола.

Ни один гатолианин не остался за бортом «Ванатора».

— Другого я и не ожидал, — сказал Гохан.

Командир «Ванатора» покачал головой, он любил свой нарядный корабль, гордость маленького флота Гатола. О его судьбе он думал, не о своей. Мысленно он уже видел, что его корабль лежит разбитый на красно-коричневом дне марсианского моря или разграбленный ордой свирепых дикарей.

Он посмотрел на Гохана.

— Вы готовы, Сан Тотис? — спросил джед.

— Все готово.

— Руби концы!

Договорились, что воины на крыше будут действовать по сигналу третьего выстрела. Требовались величайшая осторожность и согласованность... Двенадцать мечей должны действовать одновременно и с одинаковой силой, и каждый должен полностью пересечь стренги прочного троса; если свободные концы тросов запутаются, корабль немедленно будет разбит.

Бум! Звуки сигнального выстрела донеслись в вое ветра до воинов на крыше. Бум! Двенадцать мечей сверкнули в сильных руках воинов. Бум! Двенадцать лезвий разрубили тросы в одно и то же мгновение.

«Ванатор» с ревущим пропеллером прыгнул вперед в бурю. Ураган, как бронированным кулаком, ударил его в корму и поставил большой корабль на нос, затем принялся подбрасывать и вертеть его, как детскую игрушку. Двенадцать воинов с крыши дворца молча смотрели на это, не будучи в состоянии ничем помочь и гордясь мужеством тех, кто шел на смерть.

Многие другие тоже видели эту картину с тысяч высоких крыш, где готовились поисковые группы. Однако эти приготовления были приостановлены, так как бессмысленно было посылать храбрецов в бушующий водоворот

стихии! Их храбрость ничем не могла бы им помочь в этих безнадежных поисках.

Но «Ванатор» не упал на землю, во всяком случае в пределах видимости, хотя, пока наблюдатели могли следить за ним, не было ни одного мгновения, когда корабль шел бы ровно. Он ложился то на один бок, то на другой, временами чуть не переворачивался вверх килем, иногда поднимался высоко-высоко, вставал на нос или корму, повинаясь капризам могучей силы, несшей его вперед. Наблюдатели видели, как его уносило вместе с клочьями облаков.

Никогда еще на людской памяти не бушевала над Барсумом буря такой силы.

Вскоре отлет «Ванатора» был забыт. Паника в городе нарастала. Возникли пожары. Главнокомандующий приказал людям, готовившимся выступить на поиски Тары, направить свою энергию на спасение города, так как он тоже был свидетелем отлета «Ванатора» и понимал всю опасность его положения. Кроме того, нужно было спасти людей в городе.

* * *

На второй день после полудня буря стала стихать, и незадолго до захода солнца маленький аэроплан, в котором Тара из Гелиума провела столько часов между жизнью и смертью, медленно летел, повинаясь дыханию слабого ветерка, над равниной, покрытой холмами — остатками высоких гор, некогда покрывавших континенты Марса. Девушка была истощена бессонницей, голодом и жаждой, а также нервным возбуждением, которое поддерживало ее в ужасных испытаниях.

Вблизи за вершиной холма она заметила что-то, напоминавшее круглую, покрытую куполом крепость. Она быстро опустилась, чтобы скрыться за вершиной холма от взоров возможных жителей обнаруженной ею постройки. Крепость означала для нее жилище людей и, следовательно, возможность раздобыть воду, а может, и пищу. Даже если она не была населена, подходить к ней нужно было с большой осторожностью, ибо только врагов можно было встретить так далеко от родного Гелиума.

Тара создавала, что находится весьма далеко от Гелиума, двойного города империи ее деда, но если бы она знала, сколько тысяч хаадов в действительности отде-

ляют ее от дома, она была бы ошеломлена безнадежностью своего положения. Воздушные емкости ее аэроплана были целы и удерживали машину в воздухе, держа ее вблизи поверхности; девушка направила машину к вершине холма, отделявшего ее от постройки, которую она приняла за крепость. Здесь она опустилась на поверхность возле группы деревьев и подтащила аэроплан к одному из них, чтобы укрыть машину от наблюдателей. Все это она проделала быстро и отправилась на разведку; как и большинство женщин ее сословия, она была вооружена только тонким клинком, и поэтому в сложившихся обстоятельствах лучшим ее оружием должна была быть ловкость, с которой она пряталась от возможных врагов. С большими предосторожностями она медленно поднялась на вершину холма, используя все естественные укрытия, прислушиваясь ко всем звукам и бросая быстрые взгляды по сторонам и назад, чтобы обнаружить возможных преследователей.

Наконец она оказалась на вершине: отсюда, укрываясь за низкими кустами, она могла рассмотреть то, что лежало внизу. Под ней простиралась красивая долина, покрытая небольшими холмами. Долину усеивали многочисленные крепости с круглыми куполами: вокруг каждой крепости шла высокая каменная стена, огораживавшая несколько акров земли. Все свидетельствовало о высоком развитии цивилизации. С противоположной стороны холма прямо под ней находилась одна такая крепость и при ней огороженное пространство. Она прежде всего привлекла внимание девушки. Во всех отношениях она казалась такой же, как и остальные строения в долине.

Высокая оштукатуренная стена окружала эту крепость и была построена из того же материала; на серой поверхности стены и крепости яркими красками был нарисован незнакомый герб. Крепости были примерно сорок софадов в диаметре, что приблизительно соответствовало сорока земным футам. И шестьдесят софадов от основания до вершины купола. Землянину они скорее всего напомнили бы силосные башни, в которых фермеры заготавливают корм для скота. Однако при более внимательном наблюдении, обнаружив и узкие амбразуры, и странной конструкции купола, пришлось бы отказаться от такого заключения. Тара заметила, что купола покрыты бесчисленными стеклянными призмами; отражая

лучи заходящего солнца, они сверкали так ярко, что внезапно напомнили ей пышные украшения Гохана из Гатола.

Вспомнив о нем, девушка гневно тряхнула головой и осторожно продвинулась вперед, чтобы внимательно осмотреть ближайшую крепость.

Когда Тара всмотрелась в огороженное пространство, окружавшее ближайшую крепость, брови ее поднялись, а глаза расширились при виде невероятного и ужасного зрелища. Она увидела несколько десятков людских тел, нагих и безголовых. Затаив дыхание, она смотрела, не в силах поверить в увиденное: эти невероятные создания двигались и жили. Она видела, как они на четвереньках переползали друг через друга, ощупывая все пальцами. Некоторые из них находились у кормушек, доставали что-то оттуда и отправляли в отверстие, которое у них было на месте шеи. Они были недалеко, и она могла их хорошо рассмотреть: среди них были мужчины и женщины. Все они были очень пропорционально сложены, и кожа их тел была подобна ее коже, но несколько более светло-красная. Вначале ей показалось, что она видит бойню, что эти тела только что обезглавлены и движутся под действием мускульной реакции. Затем она поняла, что это их нормальное состояние. Ужасное зрелище зачаровало девушку, она не могла отвести от него глаз. Было ясно по ощупывающим движениям, что они лишены глаз, а вялые движения указывали на примитивную нервную организацию и, соответственно, на небольшой мозг. Девушка поражалась, как они могут существовать, ибо при всем старании силы ее воображения было недостаточно, чтобы представить себе, как эти существа возделывают плодородные поля. Однако было ясно, что почва в этой долине возделывается и что у этих существ есть пища.

Но кто обрабатывал почву? Кто содержал и кормил этих несчастных и с какой целью? Все это оставалось для нее загадкой.

Вид пищи вновь возбудил в ней чувство голода и жажды, которая иссушила горло. Внизу, в ограде, были и пища, и вода, но смеет ли она войти туда, даже если ей удастся найти вход? Она сомневалась в этом: одна только мысль о прикосновении этих ужасных созданий бросала ее в дрожь.

Она вновь принялась разглядывать долину, пока не заметила вдали ручеек в центре возделанной земли — не-

обычное зрелище для Барсума. О, если бы это была вода! Тогда у нее появлялась надежда на спасение: поля давали бы ей пищу, которую она сможет собирать по ночам; днем она будет скрываться среди холмов, и однажды,— да, она уверена в этом,— однажды появятся ищущие ее воины, ибо Джон Картер, Главнокомандующий Марса, никогда не откажется от поисков дочери, пока каждый квадратный хаад планеты не будет осмотрен снова и снова. Она знала своего отца и знала воинов Гелиума: если она будет избегать опасностей, они в конце концов обязательно ее найдут.

Она подождет до темноты, когда можно будет спуститься в долину, а тем временем поищет себе убежище, где сможет находиться в относительной безопасности от хищников.

Возможно, в этом районе и нет крупных хищников, но в чужой стране никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Она уже собиралась отползти от выступа скалы, когда ее внимание было вновь привлечено к огороженному пространству внизу. Две фигуры появились из крепости. Их прекрасные тела были, казалось, совершенно такие же, как и тела безголовых существ, среди которых они двигались, но эти двое не были безголовыми. На их плечах имелись головы, казавшиеся человеческими, однако внимательно приглядевшись, девушка поняла, что они не человеческие. Они были слишком далеко от нее, чтобы она могла разглядеть подробности в убывающем свете умиравшего дня, но она поняла, что головы этих существ слишком велики, непропорционально велики по сравнению с их телами и сплющены. Эти двое были одеты во что-то напоминавшее доспехи, к которым было привешено обычное оружие барсумских воинов — длинный и короткий мечи. Вокруг коротких шей шли массивные кожаные ошейники, спускавшиеся на плечи и прижатые к нижней части головы. Черты их лиц были едва различимы, но производили впечатление чего-то искаженного, гротескного.

Эти двое держали длинную веревку, к которой на расстоянии примерно двух софадов друг от друга были прикреплены какие-то предметы, в которых девушка узнала наручники. Она видела, как эти воины двигались среди несчастных существ в огороженном месте и к левому запястью каждого из них прикрепляли наручники. Когда все таким образом были прикреплены к веревке, один из воинов потянул свободный конец веревки, за-

ставляя безголовых двигаться к крепости, а другой шел за ними с длинным кнутом, которым хлестал их по голому телу.

Медленно и вяло создания поднимались на ноги, подтягиваемые спереди и подгоняемые сзади, и кошмарная группа скрылась в крепости. Тара не могла прийти в себя от изумления. Что это были за создания?

Внезапно наступила ночь. Барсумский день кончился, период сумерек между днем и ночью короток и обрывается так же, как гаснет электрическая лампочка, а Тара еще не нашла убежища. Возможно, здесь не было зверей, которых нужно бояться или, скорее, избегать — Таре не нравилось слово «бояться». Она была бы рада, если бы здесь было какое-нибудь помещение, хотя бы размером с кабину ее аэроплана, но никакого помещения не было. Корпус аэроплана был занят воздушными баками. О, у нее есть выход! Как глупо, что она не подумала об этом раньше. Она может причалить аэроплан к вершине дерева, под которым сейчас находится, и дать ему подняться на длинную веревки. Забравшись в него по веревочной лестнице, она будет в безопасности от всех рышущих в поисках добычи зверей. Утром она спустится на землю и вновь спрячет его.

Когда Тара начала спускаться по холму в долину, ее скрывала от случайного взгляда из амбразуры крепости темнота ночи. Хлорус, дальняя луна, еще только поднимался над горизонтом, начиная свое неторопливое путешествие по небу. Восемь ходов спустя (примерно девятнадцать с половиной часов) он сядет, а за это время Турия, его стремительная супруга, обойдет планету дважды и сделает более половины третьего круга. Она только что села. Пройдет не менее трех с половиной часов, прежде чем она поднимется с противоположной стороны горизонта и быстро понесется над самым ликом спящей планеты. За это время Тара надеялась найти пищу и воду и вернуться к своему аэроплану.

Она двигалась в темноте, обходя крепости как можно дальше. Иногда она спотыкалась, так как в длинных тенях, отбрасываемых восходящим Хлорусом, предметы казались причудливо искаженными, а света луны было недостаточно, чтобы помочь ей ориентироваться. Но она и не хотела, чтобы света было боль-

ше. Она решила достичь ручья в темноте, пользуясь простым приемом: идти по долине, пока она не окажется в воде. Разыскивая ручей, она заметила, что в долине много фруктовых деревьев, а на поле посажены технические культуры, так что пищу она отыскивала до того, как наткнулась на ручей. Если бы луна светила ярче, она, конечно, помогла бы ей избежать падений, но в то же время могла осветить ее для наблюдателей из крепости, а этого нельзя было допустить. Следует ли ей дожидаться, пока еще более стемнеет, когда с неба исчезнет Хлорус, а Турия еще не взойдет? Однако она больше не могла выносить голода и жажды и решила рискнуть — набрать пищи и напиться.

Благополучно миновав ближайшую крепость, она двинулась вперед так быстро, как только позволяла осторожность, прокладывая путь в тени деревьев, росших с неравными интервалами, и в то же время осматривая эти деревья в поисках фруктовых. Она их нашла быстро, ибо каждое третье дерево, у которого она останавливалась, было усеяно спелыми плодами. Никогда, подумала Тара, не приходилось ей пробовать такой вкусной еды, хотя то, что она съела, было довольно-таки безвкусным плодом, его обычно варили и приправляли различными специями.

Это дерево не требовало тщательного ухода и поэтому встречалось в изобилии. Плоды этого дерева составляют благодаря своей дешевизне и распространенности основную пищу марсианской армии и флота и называются «собрикает», что можно перевести как «картофель войны», или «воюющий картофель».

Девушка была достаточно благоразумна, чтобы есть умеренно. Она наполнила карманы фруктами и затем продолжала путь.

Миновав еще две крепости, она наконец достигла ручья и здесь опять проявила благоразумие, выпив немного воды и сделав это осторожно, предварительно прополоскав рот и умывшись. И хотя ночь была холодной, как обычно на Марсе, впечатление свежести полностью компенсировало неприятный холод. Вновь надев сандалии, она поискала поблизости, нет ли посадок овощей или съедобных клубней, и нашла два-три сорта, которые можно было есть сырыми. Немного поев, она и их набрала в карманы — не потому, что пыталась разнообразить свою еду, а потому что они были вкусные. Несколько раз она возвращалась к ручью, но пила понемногу. Она все время

была настороже в ожидании малейшего сигнала опасности, но ничего тревожного не видела и не слышала. Наконец наступило время возвращаться к аэроплану, если она не хотела попасть под свет низко летящей Турии. Страшно было уходить от воды, она знала, что испытает сильную жажду, прежде чем снова сможет вернуться к ручью. Если бы у нее был хотя бы небольшой сосуд, она продержалась бы до рейса к ручью в следующую ночь. Но у нее ничего не было, и пришлось ограничиться собранными фруктами и клубнями.

Последний раз глотнув воды, она направилась к холму. Вдруг в ней шевельнулось неясное опасение. Что это? Она могла поклясться, что видела какое-то движение в тени под деревом не очень далеко. Долгие мгновения она не двигалась, затаив дыхание. Ее взгляд был по-прежнему прикован к густым теням под деревом, она прислушивалась к каждому шороху ночи. Низкий рев раздался со стороны холма, на котором был спрятан ее аэроплан... Она узнала его — рокошующий голос охотящегося бенса. Огромный хищник находился прямо на ее пути. А поблизости скрывалось другое существо — она заметила его движение. Кто это был? Больше всего угнетала неизвестность. Если бы знать, какое именно животное скрывается здесь. Она быстро обдумывала положение в поисках выхода.

Вновь со стороны холма раздалось рычание, но на этот раз ближе. Немедленно донеслось ответное рычание из долины — за нею, затем, отдаленное, уже справа от нее и дважды — слева. Она взглядом отыскивала ближайшее дерево. Медленно, не отрывая глаз от тени под деревом, где она заметила движение, девушка двинулась к свисавшим ветвям, которые могли предоставить ей убежище в случае необходимости. При первом ее шаге с того места, за которым она следила, послышался низкий рев и шум движения большого тела. Одновременно животное прыгнуло в свет луны: хвост его был выпрямлен, маленькие уши прижаты к голове, пасть, полная острых и сильных зубов, раскрыта в поисках добычи, десять ног несли его быстрыми прыжками, а из горла хищника раздавался грозный рев, парализующий жертву.

Это был бенс — огромный гривастый лев Барсума. Та-ра увидела его приближение и бросилась к ближайшему дереву, но бенс понял ее намерение и удвоил скорость. Его рев разбудил эхо на холмах и в долине. На самом деле это были ответные крики других бенсов,

и девушка поняла, что судьба забросила ее в страну, где эти свирепые твари водятся во множестве.

Скорость чудовищного бенса была невероятной, и счастье девушки было в том, что она выходила на открытые места. Иначе ее шансы на спасение были бы ничтожны: она едва успела вскарабкаться на ветки, как преследователь мощным ударом лапы сорвал листву с нижних ветвей дерева. Только соединение удачи и проворства спасло ее. Толстая ветвь обломилась под тяжестью хищника, но он был так близок, что успел оцарапать Тару когтями, прежде чем она взобралась на верхние ветви.

Сбитый с толку бенс выразил свой гнев и разочарование серией ужасных криков, от которых дрожала земля. В ответ раздались рычание, рев и крики других бенсов, приближавшихся отовсюду. Другие чудовища спешили сюда в надежде разделить добычу. Первый зверь повернулся к остальным, окружившим дерево, а девушка, съжившаяся на развилке, смотрела вниз на длинных рыжих чудовищ, круживших вокруг дерева, на котором она сидела. Теперь она удивлялась, как ей удалось пройти ночью через долину и не столкнуться ни с одним зверем. Задумалась она и над тем, как ей вернуться к аэроплану. Она знала, что больше не осмелится двигаться ночью, и опасалась, что днем столкнется с еще большими трудностями. Она видела теперь, что добывать пищу и воду будет гораздо труднее, чем она надеялась: ночью путь ей преградят свирепые бенсы, а днем то же самое будут делать жители странных крепостей. Оставалось единственное решение: как-нибудь добраться до аэроплана и отдаться на волю ветра, который может перенести ее в другие земли. Но как вернуться к аэроплану? Бенсы, казалось, не оставляли надежды схватить ее, и даже если они скроются из вида сейчас, рискнет ли она слезть с дерева? Она сомневалась в этом.

Положение ее казалось безнадежным. Оно и в самом деле было безнадежным.

IV

В ПЛЕНУ

Когда Турия, быстрый ночной бегун, взошла вновь, картина изменилась. Как по волшебству, появились но-

вые виды на лоне природы. Впечатление было такое, будто зритель перенесся с одной планеты на другую. Это было древнее и всегда новое чувство: чудо марсианских ночей, удивительное даже для марсиан,— две луны, сверкающие в небе и догоняющие одна другую. Изменяющиеся и перекрещивающиеся тени изменили вид холмов. Далекий Хлорус — постоянный, чудесный, малоподвижный, он лил свой свет на планету внизу. Турия, большой и сверкающий шар, неслась по своду черно-синего неба так низко, что, казалось, слегка касается вершин холмов,— великолепный спектакль, очаровавший девушку, как он очаровывал ее всегда.

— О, Турия, безумная богиня неба!— пробормотала Тара.— Холмы проносятся под тобой чередой со склоненными вершинами, деревья почтительно окружают тебя, травы склоняют свои сплетенные арки — все в движении, легком, волшебном и бесшумном движении, когда проходит Турия.

Девушка вздохнула и вновь посмотрела на суровую действительность внизу. В отвратительных бенсах не было волшебства. Тот, который первым погнался за ней, голодными глазами глядел на нее. Большинство остальных ушли прочь в поисках другой добычи, но некоторые остались, надеясь погрузить свои зубы в мягкое тело жертвы.

Ночь продолжалась. Вновь Турия взошла на небо к своему господину, торопясь на встречу с Солнцем в другом небе. Но одинокий бенс продолжал терпеливо ждать под деревом, на котором скорчилась Тара из Гелиума. Остальные ушли, но их рев, рычание и вой доносились до нее издали и с близкого расстояния. Какую добычу находят они на этой маленькой земле? Здесь должно быть что-то встречающееся часто, поэтому так много здесь бенсов. Девушка задумалась: а что бы это могло быть?

Как долго тянется ночь! Оцепеневшая, замерзшая и истощенная, Тара прижималась к дереву, и отчаяние ее росло: она боялась устать и упасть. Надежда почти покинула ее маленькое храброе сердце.

Сколько времени она еще выдержит? Она задавала себе этот вопрос и затем, бодро потряхнув головой, пожимала плечами.

— Я еще жива!— сказала она вслух.

Бенс взглянул вверх и зарычал.

Вновь взошла Турия, а вслед за нею и Солнце — пламенный любовник, преследующий свою возлюбленную.

А Хлорус, этот холодный муж, продолжал свой путь так же безмятежно, как и до того, как в его дом вторгся этот горячий Лотарио. И теперь Солнце и обе луны двигались по небу вместе, возвещая марсианский рассвет.

Тара взглянула на прекрасную долину, во все стороны расстилавшуюся под ней. Она была богатой и красивой, но при одном только взгляде на нее девушка вздрогнула от отвращения, так как вспомнила о безголовых существах, которых скрывали эти крепости и стены. Эти существа днем, а бенсы ночью! Было ли удивительно, что она вздрагивала?

С восходом Солнца огромный барсумский лев встал на лапы. Он посмотрел голодными глазами на девушку над ним, издал глухое разочарованное рычание и затрусил к холмам. Девушка следила за ним и заметила, что он огибал крепости как можно дальше и при этом, проходя мимо, не отрывал от них глаз. Очевидно, жители крепостей заставили свирепого хищника уважать себя. Вскоре бенс исчез в узком дефиле между холмами, и нигде не было видно других зверей. Девушка задумалась: стоит ли рискнуть и попытаться сейчас достичь холмов и своего аэроплана? Она опасалась, что ее застигнут пришедшие на поля работники, боялась, что вновь придется увидеть эти отвратительные безголовые тела, и в то же время ей было любопытно, могут ли они работать на полях. Она взглянула по направлению к ближайшей крепости. Там по-прежнему никто не проявлял признаков жизни. Долина оставалась пустынной. Девушка заставила себя спуститься на землю. Мускулы сводились судорогой, и каждое движение причиняло боль. Сделав небольшую остановку, чтобы напиться, и почувствовав себя освеженной, она без дальнейших отлагательств направилась к холмам. Единственный путь к спасению заключался в том, чтобы пройти расстояние до холмов как можно быстрее.

Деревья больше не представлялись ей убежищем, и она не старалась идти рядом с ними. Холмы казались очень далекими. Девушка даже не думала, что ночью прошла такое расстояние. На самом деле было не так уж далеко. Когда предстоял трехчасовой путь при дневном свете, расстояние, казалось, возросло.

Вторая крепость лежала прямо на ее пути.

Обход не уменьшал шансов быть обнаруженной, а увеличивал опасный путь, поэтому она пошла прямо к холмам, где был ее аэроплан, рядом с крепостью. Проходя

первую ограду, она услышала какой-то шум внутри, но ворота были закрыты. Она с облегчением перевела дыхание, миновав огороженное место. Вскоре она подошла к другому огороженному месту, стену которого она должна была обогнуть, так как та лежала на ее пути. Приблизившись, она различила не только шум, но и голоса. На языке, известном всему Барсуму, кто-то отдавал распоряжения: столько-то будут собирать фрукты, столько-то орошать поля, столько-то возделывать их и так далее, как обычно фермер отдает приказания своим работникам.

Тара как раз достигла ворот во внешней стене. Без предупреждения они стали открываться. Девушка поняла, что еще мгновение — и она будет обнаружена. В тот же момент она повернулась и побежала вдоль стены, скрывшись за поворотом, остановилась у противоположной стороны ограды. Здесь, тяжело дыша и вся дрожа от усилий и нервного возбуждения, она спряталась среди высокой травы, росшей у подножия стены. Так она лежала, не осмеливаясь даже поднять голову и оглядеться. Никогда раньше не испытывала Тара из Гелиума парализующего воздействия страха.

Она была зла на себя. Как, она, дочь Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, испытывает страх?! Даже тот факт, что нет ни одного свидетеля, не уменьшал ее стыда и гнева, а худшее заключалось в том, что теперь она знала: в подобных обстоятельствах она опять малодушничала. Это не был страх смерти — она знала это. Нет, одна мысль о том, что здесь эти безголовые тела, что она может увидеть их, а они могут дотронуться до нее, положить на нее свои ладони, — одна эта мысль заставляла ее содрогаться. Немного успокоившись, она решительно приказала себе поднять голову и оглядеться. К своему ужасу, она обнаружила повсюду людей, работавших на полях или готовящихся к работе. Маленькие отряды проходили по полям тут и там. Несколько человек работали в тридцати адсах (примерно сто ярдов) от нее. В ближайшей к ней группе было примерно десять человек, мужчин и женщин, с прекрасными телами и причудливо гротескными чертами лица. Их одежда была такой скромной, что практически они были нагие. У каждого был кожаный пояс, к которому крепились короткий меч и сумка. Кожа была старой и потертой, что свидетельствовало о долгой и трудной службе, и совершенно лишенной украшений и рисунков, кроме единственно-

го герба над левым плечом. Головы, напротив, были в изобилии украшены драгоценными металлами и камнями, так что видны были лишь глаза, нос и рот. Они не были похожи на человеческие и в то же время представляли чудовищную пародию на человеческие. Глаза были широко расставлены и сильно выдавались вперед. Нос представлял собой две тонкие вертикальные щели над круглым отверстием — ртом. Головы были отвратительны настолько, что девушка поразилась — какую противоположность они являли гармоничным и прекрасным телам их владельцев.

Тара была так поражена этим зрелищем, что с трудом отвела взгляд от этих странных созданий. Внезапно, к своему огромному ужасу, она заметила, что одно из них прекратило работу и смотрит прямо на нее. Она не осмеливалась пошевелиться, думая, что, возможно, оно не видит ее или же только подозревает, что кто-то скрывается в высокой траве. Если она развеет это подозрение, оставаясь неподвижной, то, может быть, существо подумает, что ошиблось, и вернется к своей работе. Но, увы, она заблуждалась. Она увидела, что оно показывает на нее другим, и тут же четверо или пятеро направились к ней.

Скрываться дальше было бессмысленно. Ее единственная надежда — в бегстве. Если же она ускользнет от них и добежит до аэроплана раньше, она может спастись. К спасению вел только один путь — бегство, немедленное и быстрое. Вскочив на ноги, она побежала вдоль стены, чтобы добраться до противоположной стороны крепости.

Существа при ее появлении издали какие-то странные свистящие звуки. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что они преследуют ее.

Послышались крики: требовали, чтобы она остановилась. Она не обращала на них внимания. Не обогнув и половины стены, она поняла, что ее шансы на спасение очень велики: преследователи намного уступали ей в скорости. Надежда на спасение возросла, когда она увидела вдали холмы, но тут же она бросила взгляд на поля между ней и холмами: там были сотни таких же созданий, что и ее преследователи. Все они прекратили работу, встревоженные криками и командами. Приказы и распоряжения зазвучали повсюду, в результате перед нею вырос широкий полукруг из существ. Она повернула направо, надеясь обогнуть их, но и там с полей бежало мно-

жество работников. То же самое было и слева. Но Тара из Гелиума не признавала своего поражения. Без промедления она побежала прямо в центр преградившей ей дорогу цепочки и, подбегая, выхватила свой длинный острый кинжал. Как и ее доблестный отец, она предпочитала погибнуть в борьбе. В тонкой цепи, преграждавшей ей дорогу, были щели, к самой широкой из них и направилась она. Существа с обеих сторон цепи разгадали ее намерения и устремились друг к другу, чтобы закрыть щель. Это увеличило промежутки в других местах, и когда казалось, что девушка уже у них в руках, она резко повернула, пробежала несколько ярдов вправо и вновь устремилась к холмам. Теперь лишь единственный воин, находившийся в середине широкого промежутка, преграждал ей путь к свободе, а остальные бежали к ней изо всех сил. Если она сумеет миновать этого воина, не задержавшись, она спасена — в этом она была уверена. Единственная ее надежда заключалась в этом. Воин, казалось, понимал это, ибо двигался хотя и быстро, но осторожно.

Вначале Тара надеялась увернуться от него, так как думала, что она не только быстрее, но и проворнее этих созданий, но вскоре поняла, что потеряла слишком много времени, пытаясь избежать его рук, так как еще несколько воинов уже были рядом с нею, делая спасение почти невозможным. Тогда она решила броситься прямо на своего противника. Он понял ее намерение и подждал ее, наклонившись вперед и широко расставив руки, с мечом в одной из них, но прозвучал голос, решительно командовавший:

— Взять живой! Не пораньте ее!

Воин немедленно вложил меч в ножны, а в следующее мгновение Тара была рядом с ним. Она прыгнула вперед и, когда воин попытался ухватить ее обеими руками, глубоко вонзила острый кинжал в обнаженную грудь. От толчка оба упали на землю, и когда Тара вновь поднялась на ноги, она, к своему ужасу, увидела, что отвратительная голова скатилась с тела и убегала прочь на шести коротких паучьих ногах. Тело содрогнулось в агонии и замерло. Все это заняло несколько мгновений, но и их было достаточно для того, чтобы два других преследователя оказались рядом с девушкой, а вскоре она была окружена со всех сторон. Лезвие ее кинжала еще раз вонзилось в чью-то грудь, и еще одна голова отбежала прочь. Затем преследователи одолели ее, она была

окружена сотней этих существ, причем все они стремились потрогать ее. Вначале она подумала, что они хотят разорвать ее на части в отместку за смерть двух своих товарищей, но неожиданно заметила, что они руководствуются скорее любопытством, чем более зловещими мотивами.

— Идем,— сказал один из тех двоих, что первыми схватили ее. Говоря это, он попытался увести ее к ближайшей крепости.

— Она принадлежит мне!— закричал другой.— Разве не я захватил ее? Она пойдет со мной к крепости Моака.

— Никогда!— настаивал первый.— Она Лууда. Я отведу ее к Лууду, а тот, кто против, ощутит остроту моего меча на своей голове!— Последнее слово он выкрикнул особенно громко.

— Пошли, достаточно споров,— сказал на это один из окружавших, который, казалось, обладал властью над другими.— Она поймана на полях Лууда — она пойдет к Лууду.

— Ее обнаружили на полях Моака, в нескольких шагах от крепости Моака,— продолжал спорить тот, кто пытался доказать, что она принадлежит Моаку.

— Ты слышал, что сказал Волах?— воскликнул его собеседник.— Будет так, как он сказал!

— Нет, до тех пор, пока у меня в руках меч,— ответил первый.— Лучше я разрублю ее пополам и отнесу свою половину к Моаку, а оставшаяся часть пусть достанется Лууду.— И он положил руку на рукоять меча угрожающим жестом. Но прежде чем он успел вытащить меч, воин Лууда вытащил свой и с силой ударил своего противника по голове. Немедленно большая круглая голова лопнула, как лопается большой надувной воздушный шарик, и сероватое полужидкое вещество брызнуло из нее. Маленькие глазки, по-видимому, лишенные век, продолжали таращиться, сфинктерная мышца открывала и закрывала рот, затем голова свалилась с тела на землю. Тело мгновение стояло неподвижно, затем медленно, вяло и бесцельно двинулось прочь, пока остальные не схватили его за руки.

Одна из двух голов, отбежавших в сторону, теперь приблизилась.

— Этот рикор принадлежит Моаку,— сказала она.— Я из крепости Моака. Я забираю его.— И без дальнейших рассуждений начала карабкаться вверх по без-

головому телу, используя свои шесть коротких паучьих ножек и две крепкие клешни, которые росли перед лапами и напоминали клешни земных раков, только росли они с одной стороны. Тело в это время стояло в абсолютном равнодушии, руки его безвольно свисали по сторонам. Голова вскарабкалась на плечи и уселась в кожаный воротник, который скрыл её клешни и лапы. Тело немедленно проявило признаки разумного оживления. Оно подняло руки и принялось поправлять воротник, затем взяло голову в ладони и устроило ее поудобнее.

Теперь, когда оно двигалось, его движения не казались бесцельными, напротив, шаги были твердыми и направленными к определенной цели. Девушка следила за этими превращениями с растущим удивлением. Вслед за тем, поскольку никто из людей Моака не претендовал больше на нее, ее повели к ближайшей крепости. Несколько человек сопровождали ее, один из них нес в руках свободную голову: та голова, которую он нес в руках, разговаривала с головой, что сидела у него на плечах. Тара из Гелиума содрогнулась... Это было ужасно! Все, что она видела в этих отвратительных существах, было ужасно! И теперь она пленница, полностью в их власти! О, тень ее первого предка! Чем она заслужила такую судьбу?

У стены, окружавшей крепость, они подождали, пока один из них открыл ворота, затем прошли через ворота в огороженное пространство, которое, к ужасу девушки, было заполнено безголовыми телами. Создание, несшее голову, положило свою ношу на землю. Голова немедленно побежала к ближайшему безголовому телу. Несколько таких тел тупо бродили взад и вперед, но лишь одно лежало неподвижно. Это было женское тело. Голова взобралась на него, поползла до плеч и уселась между ними. Тело сразу встало. Другой сопровождающий подал доспехи и кожаный воротник, снятые с тела, которое прежде увенчивала эта голова. Новое тело унаследовало эту одежду, его руки принялись надевать и поправлять ее. Создание было вновь таким же, как и перед тем, как Тара вонзила свой кинжал ему в грудь. Было только одно различие: до этого оно было мужчиной, а теперь стало женщиной. Казалось, однако, что для головы это безразлично. В самом деле, Тара из Гелиума заметила во время бегства и борьбы, что половые различия не имели особого значения для ее преследователей, они все были одинаково одеты и вооружены мечами, она видела,

что как мужчины, так и женщины обнажали оружие в момент ссоры.

У девушки, однако, было мало времени для дальнейших размышлений и наблюдений, так как отвратительное создание, командовавшее остальными, приказало им вернуться на поле, а само повело девушку в крепость. Войдя в крепость, они оказались в помещении в десять футов шириной и двадцать длиной. В одном углу его была лестница на верхний этаж, в другом — такая же лестница, которая вела вниз. Комната, находившаяся на одном уровне с землей, была ярко освещена; свет проходил через окна и шел из внутреннего двора в центре крепости. Стены этого внутреннего двора были выложены гладкими белыми изразцами, и все внутреннее помещение наполнялось ослепительным светом. Это объяснило девушке назначение стеклянных призм, которыми покрыта внешняя поверхность крепости. Лестницы сами по себе наводили на размышления, так как повсеместно в барсумской архитектуре для сообщения между разными этажами используются наклонные плоскости, и только в таких отдаленных районах, по-видимому, сохранились лестницы как наследие древних веков.

Сопровождающий повел Тару из Гелиума вниз по лестнице. Вниз и вниз, через комнаты, освещенные тем же способом. Им все время встречались другие существа, шедшие в разных направлениях. Многие из них останавливались, оглядывая девушку, и расспрашивали ее проводника.

— Я ничего не знаю. Она найдена в полях — там я и схватил ее, причем она убила двух рикоров, а я — воина Моака, теперь я веду ее к Лууду, которому она принадлежит. Дело Лууда решать — что делать с ней, — так он обычно отвечал любопытным.

Наконец они достигли комнаты, из которой шел длинный и круглый туннель. Они вступили в него. Туннель был около семи футов в диаметре, на дне его была дорога. На протяжении ста футов он был выложен такими же изразцами и хорошо освещен отраженным светом со двора. Дальше он был выложен камнями разной формы и вида, аккуратно вырубленными, прекрасная мозаика без рисунка. От туннеля отходили ответвления, с ними пересекались другие туннели и встречались отверстия не более фута в диаметре, эти отверстия всегда находились на уровне пола. Над каждым таким маленьким отверстием были нарисованы различные гербы, тогда как на

стенах больших туннелей на всех пересечениях заметны были какие-то иероглифы. Девушка не могла прочесть их, хотя и предположила, что это названия туннелей или указатели пути. Она пыталась распознать их, однако эти значки не были ей знакомы, и это показалось ей странным, так как хотя письменность у многочисленных народностей Барсума различна, в ней встречается много общих знаков и слов.

Вначале она пыталась разговаривать со своим конвоиром, но он не был склонен беседовать с ней, и она прекратила свои попытки. Но она заметила, что он не оскорблял ее и вообще не был с нею грубым. То обстоятельство, что она своим кинжалом уничтожила два тела, казалось, не вызвало вражды или жажды мести у этих голов, увенчивающих тела,— даже у той, чье тело она убила. Она не пыталась понять это, так как не могла разобраться в странных отношениях между головами и телами. До сих пор их обращение с нею не давало ей повода для опасений. Возможно, что ей в конце концов повезло, и эти странные существа не только не причинят ей вреда, но и помогут добраться до Гелиума.

Она не могла забыть, что они отвратительны, но так как они не причиняют ей вреда, она преодолела свое отвращение. Возрожденная надежда вернула ей бодрость, и она весело повернулась к своему таинственному спутнику. Она даже начала без слов напевать веселую песенку, популярную в Гелиуме. Спутник удивленно взглянул на нее.

— Что за шум ты издаешь?— спросил он.

— Напеваю,— ответила она.

— Напеваешь?— повторил он.— Я не знаю, что это такое, но продолжай: мне это нравится.

Она запела, на этот раз со словами, а сопровождающий внимательно слушал. По лицу было не понять, что у него на уме. Оно было совершенно лишено выражения, так же, как морда паука.

Когда она закончила, он вновь повернулся к ней:

— В чем разница? Это мне нравится больше, чем прежде. Как ты это делаешь?

— Я пою,— ответила Тара.— Разве ты не знаешь, что такое «петь»?

— Нет,— сказал он.— Расскажи, как это делается.

— Это трудно объяснить, так как любое объяснение предполагает хотя бы представление о мелодии и

музыке, а по твоим вопросам я вижу, что ты об этом ничего не знаешь.

— Да,— ответил он.— Я не знаю, о чем ты говоришь. Но все же расскажи, как ты это делаешь.

— Это всего лишь мелодические модуляции моего голоса,— объяснила она.— Слушай!— И она вновь запела.

— Я не понимаю,— настаивал он,— но мне это нравится. Можешь ли ты научить меня делать так?

— Не знаю, но была бы рада попробовать.

— Посмотрим, что сделает с тобой Лууд,— сказал он.— Если он не возьмет тебя, то возьму я, и ты будешь учить меня производить такие звуки.

По его просьбе она опять запела, и они продолжали свой путь по туннелю, который был теперь освещен редкими шарами, знакомыми Таре из Гелиума. Такие шары использовались на Барсуме повсеместно и так давно, что время их изобретения терялось в веках. Они состояли из сферической чаши из толстого стекла, наполненного веществом, которое Джон Картер называл радиумом, и давали свет неопределенно долго. Шар цементировался в металлической плите, которая крепилась к стенам и потолку в соответствии с композицией помещения.

Продвигаясь дальше, они встретили множество обитателей подземных помещений, и девушка заметила, что их доспехи были украшены богаче, чем у работавших на полях. Головы и тела, однако, у них были такие же. Ни один не причинил ей вреда, и она испытывала чувство облегчения, близкое к счастью, когда ее конвойр внезапно свернул в отверстие в правой стороне туннеля и она оказалась в большой, хорошо освещенной комнате.

V

СОВЕРШЕННЫЙ МОЗГ

Песенка застыла на устах Тары, когда она вошла в комнату. Ужасное зрелище предстало ее глазам.

В центре комнаты на полу лежало безголовое тело, частично разложившееся, на нем и возле него ползало с полдюжины голов на своих коротких паучьих ножках, клешнями они отрывали от женского тела куски мяса

и отправляли в свои отвратительные рты. Они ели человеческое мясо, ели его сырым!

Тара в ужасе отвернулась и закрыла глаза руками.

— Идем!— сказал ей сопровождающий.— Что случилось?

— Они едят мясо женщины,— прошептала она с ужасом.

— А почему бы и нет?— удивился он.— Неужели ты думаешь, что мы используем рикоров только для работы? Нет. Когда они хорошо откормлены, они очень вкусны.

— Это отвратительно!— воскликнула она.

Он спокойно посмотрел на нее, и его лишенное выражения лицо не выразило ничего — ни удивления, ни гнева, ни сожаления. Затем он повел ее вдоль комнаты мимо ужасных созданий, от которых девушка отводила глаза. На полу вдоль стены лежало с полдюжины безголовых тел в доспехах. Тара решила, что эти тела временно лишились голов и ждут, когда вновь придет пора нести службу. В стенах комнаты было много маленьких отверстий, подобных тем, что она заметила в туннеле, их назначение было непонятно.

Они прошли через коридор и оказались в другой комнате, большей, чем первая, и ярче освещенной. Там было несколько созданий с соединенными головами и туловищами, а довольно много безголовых тел лежало на полу вдоль стен. Здесь конвоир ее остановил и сказал, обращаясь к находившимся в комнате:

— Я ишу Лууда. Я привел Лууду создание, которое захватил в полях наверху.

Остальные принялись разглядывать Тару. Один из них свистнул, и тогда девушка поняла, для чего предназначены маленькие отверстия в стенах: вслед за свистом из них, как огромные пауки, вывалились несколько десятков отвратительных голов. Каждая отыскивала лежащее тело и забиралась ему на плечи. Тела немедленно поднимались и проявляли признаки разумной деятельности под руководством головы. Они вставали и поправляли руками воротники и наводили порядок в одежде, затем подходили к тому месту, где стояла Тара.

Она заметила, что их доспехи и воротники украшены гораздо богаче, чем у всех тех, кого она встречала раньше, и сделала вывод, что здесь собрались создания, обладающие властью над другими. И не ошиблась. Поведение ее конвоира подтвердило это предположение. Он обращался к ним, как обращаются к вышестоящим.

Некоторые из них попробовали, мягко ли ее тело, ущипнув ее большим и указательным пальцами, и девушка была оскорблена этим. Она оттолкнула их руки.

— Не трогайте меня! — воскликнула она гневно — разве она не принцесса Гелиума? Выражение их ужасных лиц не изменилось. Она не могла сказать, испытывают ли они гнев или смеются, внушали ли ее действия уважение к ней или презрение. И только один из них заговорил.

— Она не слишком упитана, — сказал он.

Глаза девушки широко раскрылись от ужаса. Она повернулась к своему конвою.

— Это отвратительное создание съест меня? — воскликнула она.

— Будет так, как скажет Лууд, — ответил он, затем наклонился к ее уху. — Шум, который ты назвала песней, очень понравился мне, — прошептал он, — и я отплачу тебе советом: не противоречь этим кал дан а м. Они очень влиятельные. Сам Лууд прислушивается к их мнению. Не называй их отвратительными. Они прекрасны. Взгляни на их дивные украшения, золото, драгоценные камни.

— Спасибо, — ответила она. — Ты назвал их калданами. Что это значит?

— Мы все калданы, — объяснил он.

— И ты тоже? — спросила она, указав пальцем на его грудь.

— Нет, не это, — объяснил он, дотрагиваясь до своего тела, — это рикор. А это, — он дотронулся до головы, — это калдан. Это мозг, разум, власть, управляющая всем остальным. Рикор, — он опять указал на тело, — ничто. Он значит не больше, чем украшения на доспехах, он значит меньше. Рикор несет нас. Действительно, мы испытываем определенные трудности, передвигаясь без него. Но он имеет меньшую ценность, чем доспехи или драгоценные камни, ибо его легче воспроизвести. — И он опять обернулся к остальным калданам. — Сообщили ли Лууду, что я здесь?

— Сент уже пошел к Лууду. Он скажет ему об этом, — ответили ему. — Где ты нашел этого рикора со странным калданом, который не может отделиться?

Конвоир вновь рассказал историю ее пленения. Он излагал факты так, как они происходили, без приукрашивания, его голос был так же лишен выражения, как и лицо, а рассказ воспринимался так же бесстрастно, как и излагался. Создания казались полностью лишенными эмоций, возможно, способности выражать их. Нельзя было по-

нять, какое впечатление произвел на них рассказ, слышали ли они его. Их маленькие невыразительные глазки все так же не мигая смотрели, рты периодически открывались и закрывались. Чем больше смотрела она на них, тем более отвратительными они казались. Ее тело все время содрогалось от отвращения, пока она глядела на калданов, но когда она глядела на прекрасные тела, не обращая внимания на головы, впечатление было несколько освежающим, хотя безголовые тела, лежащие на полу, были так же отвратительны, как и головы, но самое отвратительное и непонятное было в том, как головы бегали на своих паучьих лапках. Тара из Гелиума была уверена, что если одна из них подползет и коснется ее, она потеряет сознание от ужаса. Одна только мысль об этом кошмарном прикосновении вызывала у нее тошноту.

Сент вернулся в комнату.

— Лууд хочет видеть тебя и твою добычу. Идем! — сказал он и повернулся к двери в стене, противоположной той, через которую вошла Тара. — Как тебя зовут? — Его вопрос был обращен к конвоиру.

— Я — Чек, третий десятник полей Лууда, — ответил тот.

— А ее?

— Не знаю.

— Неважно. Идем!

Тара высоко подняла свои аристократические брови. Неважно! Она — принцесса Гелиума, единственная дочь Главнокомандующего Барсума!

— Подожди! — сказала она. — Это очень важно. Если ты ведешь меня к своему джеду, объяви, что я принцесса Тара из Гелиума! Дочь Джона Картера, Главнокомандующего на Барсуме!

— Придержи язык! — скомандовал Сент. — И говори только тогда, когда тебя спрашивают. Идем за мной!

От гнева Тара чуть не задохнулась.

— Идем! — повторил Чек, схватив ее за руку, и Тара пошла. Сейчас она была пленницей. Ее ранг и титулы ничего не значили для этих бесчеловечных чудовищ. Они провели ее через короткий коридор в комнату, стены которой были выложены белым изразцовым материалом, отчего комната была ярко освещена. У основания стены имелось множество небольших круглых отверстий, несколько больших, чем в туннеле. Большинство из них были замурованы. Прямо против входа располагалось отверстие, отде-

данное золотом, над ним тем же драгоценным металлом был выложен какой-то герб.

Сент и Чек остановились посреди комнаты, и девушка оказалась между ними. Все трое молча стояли перед отверстием в противоположной стене. На полу у отверстия лежало безголовое мужское тело богатырских пропорций, с обеих сторон отверстия стояли вооруженные воины с обнаженными мечами. Трое пришедших ждали примерно минут пять, пока кто-нибудь появится из отверстия. И наконец оттуда появился калдан огромного размера. Он был вполтину больше тех, кого уже встречала Тара, и гораздо отвратительнее. Кожа остальных была синевато-серого цвета, а у этого калдана она была синей. Глаза его и рот были окружены лентами белого и алого цветов. Из каждой ноздри выходили две ленты, белая и алая, и окутывали всю голову.

Никто не говорил и не двигался. Существо взобралось на лежащее тело и укрепилось у него на шее. Тело встало и приблизилось к девушке. Лууд взглянул на нее и заговорил с ее спутником.

— Ты третий десятник полей Лууда?— спросил он.

— Да, Лууд. Меня зовут Чек.

— Расскажи, что ты знаешь о ней,— он кивнул на Тару.

Чек повторил свой рассказ, затем Лууд обратился к девушке.

— Что ты делала в границах Бантума?

— Сильный ураган подхватил мой аэроплан и унес в неизвестные земли. Ночью я спустилась в долину за пищей и водой. Появились бенсы и заставили меня искать спасения на дереве. А затем твои люди схватили меня, когда я пыталась уйти за долины. Я не причинила им вреда. Все, чего я прошу, это разрешения свободно уйти.

— Пришедший в Бантум никогда не уходит из него,— ответил Лууд.

— Но мой народ не воюет с твоим. Я принцесса Гелиума, мой прадед джеддак, мой дед джед, мой отец Главнокомандующий Барсума. Ты не имеешь права задерживать меня, я требую освобождения.

— Пришедший в Бантум никогда не уходит из него,— повторило существо без выражения.— Я ничего не знаю о тех жителях Барсума, о которых ты говоришь. Есть лишь одна высшая раса — раса бантумиан. И вся природа призвана служить им. И ты исполнишь свое предназначение, но не теперь — пока ты еще слишком худа. Мы откормим ее, Сент. Мне надоел мой рикор. Может, у этого будет более

приятный вкус. Странно, что какое-то существо могло пробраться в долину: ведь в ней так много бенсов... Тебя, Чек, я награжу. Я повышаю тебя в звании и перевожу с полей на землю. Отныне ты будешь находиться в подземельях, где место каждого истинного бантумианина. Больше тебе не нужно будет выносить свет ненавистного солнца или смотреть на безобразное небо и на другие омерзительные создания на поверхности. Ты должен будешь приглядывать за пойманным тобой рикором, следить, чтобы он вволю ел и спал, и больше ничего. Ты понял меня, Чек,— ничего больше!

— Я понял, Лууд,— ответил он.

— Уведите ее! — скомандовало существо.

Чек повернулся и повел Тару из помещения. Девушка была потрясена ужасной судьбой, ожидавшей ее,— судьбой, от которой, казалось, не было спасения. Было совершенно ясно, что эти создания лишены вежливости и рыцарских чувств, к которым она привыкла. Спасение из этих лабиринтов представлялось ей совершенно невозможным.

За пределами приемной комнаты их догнал Сент и о чем-то долго говорил с Чеком, затем конвоир повел ее через запутанную сеть подземных коридоров, пока они не оказались в небольшом помещении.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока Лууд не пошлет за тобой. Если он найдет, что ты недостаточно упитана, он использует тебя в других целях.— Счастьем девушки было то, что она не поняла, о чем он говорит.

— Спой мне,— вдруг сказал Чек.

Таре совсем не хотелось петь, но она тем не менее запела: ей не хотелось упускать ни малейшей возможности для спасения, а если она установит хорошие отношения со своим конвоиром, шансы на спасение возрастут. Во время этого тяжелого испытания, совершенно обессилившего девушку, Чек стоял, устремив на нее взгляд.

— Чудесно,— сказал он, когда она закончила,— я не сказал об этом Лууду: ты заметила, что я не сказал об этом Лууду? Если бы он узнал, он бы оставил тебя при себе и заставил бы петь, когда ему захочется, а у меня не было бы возможности слушать тебя.

— Как ты можешь знать, что ему понравилось бы мое пение?— спросила она.

— Оно бы ему понравилось,— ответил ей Чек.— Если оно нравится мне, значит, понравится и ему, мы же совершенно одинаковы.

— Людям моего народа нравятся разные вещи,— сказала девушка.

— Удивительно,— заметил Чек.— Всем калданам нравятся и не нравятся одно и то же. Если я нахожу что-то новое, что нравится мне, я уверен, что и остальным калданам оно понравится. Вот почему я уверен в том, что Лууду понравилось бы твое пение. Мы все совершенно одинаковы.

— Но ты не похож на Лууда,— сказала девушка.

— Лууд — король*, он больше и богаче украшен. Но в остальных отношениях он не отличается от нас. Разве не Лууд произвел яйцо, из которого я вылупился?

— Что?— удивилась девушка.— Я не поняла тебя.

— Да,— объяснил Чек.— Все мы происходим из яйца Лууда, так же как рой Моака происходит от яиц Моака.

— О! — понимающе воскликнула Тара.— Ты хочешь сказать, что у Лууда много жен, и что вы все — его потомки?

— Совсе нет,— ответил Чек.— У Лууда нет жен. Он сам откладывает яйца. Ты не поняла.

Тара согласилась.

— Попытаюсь объяснить,— сказал Чек,— если ты обещаешь потом спеть для меня.

— Обещаю.

— Мы не подобны рикорам,— начал он.— Рикоры — существа низкие, подобно тебе, бенсам и всем остальным. У нас нет пола, за исключением короля, который двупол. И он производит множество яиц, из которых вылупляемся мы, рабочие и воины. В каждой тысяче яиц есть одно, которое содержит зародыш другого короля: из него вылупляется король. Ты заметила замурованные отверстия в приемном зале Лууда? В каждом из них находится король. Если один из них выберется оттуда, он будет бороться с Луудом и постарается убить его. Если ему это удастся, он станет новым королем. Но звать его будут тоже Лууд, и все пойдет по-прежнему, разве мы не одинаковы? Лууд живет уже очень долго и произвел множество королей, но только несколько из них живы и наследуют ему, когда он умрет. Остальных он убивает.

— А почему он держит больше, чем одного короля? — спросила девушка.

* Я использую слово «король» для обозначения вождя или правителя калданов, так как настоящее бангумианское слово непереводимо и непронизимо на английском и означает оно примерно то же, что на Земле выражение «пчелиная матка» (Примеч. Джона Картера).

— Бывают несчастные случаи, — ответил Чек, — когда погибают все короли в рое. Тогда мы идем в соседний рой и берем короля у них.

— Значит, все вы — дети Лууда? — спросила она.

— Некоторые из нас произошли из яиц предшествующего короля, которого тоже звали Луудом. Но этот Лууд живет уже давно, и в живых уже осталось мало потомков его предшественника.

— Долго ли вы живете? — спросила Тара.

— Очень долго.

— А рикоры?

— Нет, рикор живет не более десяти лет, — сказал он, — пока остается сильным и полезным. Когда они не могут больше служить нам по возрасту или болезни, мы оставляем их на полях, и ночью их съедают бенсы.

— Как ужасно! — воскликнула девушка.

— Ужасно?! — повторил он. — Не вижу в этом ничего ужасного. Рикоры — всего лишь безмозглое мясо. Они не видят, не слышат, не чувствуют. Они могут двигаться только с нами. Если мы не принесем им пищу, они умрут с голоду. Мыслей у них меньше, чем у наших dospехов. Все, что они могут делать для себя, это взять пищу из кормушки и положить в рот. Но с нами — вот посмотри, — и он гордо указал на прекрасную фигуру, которую он увенчивал, полную жизни, энергии, чувств.

— Как вы это делаете? — спросила Тара из Гелиума. — Я не понимаю.

— Я покажу тебе, — сказал он и лег на пол. Затем отделился от тела, которое осталось лежать, подобно неодушевленному предмету. На своих паучьих лапках он подошел к девушке. — Смотри: видишь это? — И он показал ей пучок щупалец в задней части головы. — Рядом со ртом рикора есть отверстие, в которое выходит позвоночник. Через это отверстие я прикасаюсь щупальцами к спинному мозгу рикора. И немедленно начинаю контролировать каждую мышцу тела рикора, оно становится моим телом, я владею им, как ты владеешь своим. Я чувствую то, что чувствовал бы рикор, если бы у него были голова и мозг. Если он ранен, я страдаю вместе с ним, пока связан с ним. Но если рикор ранен или заболел, мы оставляем его и берем другого. Точно так же мы ощущаем и физическое удовольствие. Когда твое тело изнурено, ты сравнительно бесполезна. Если телу больно, тебе тоже больно. Если оно убито, ты умираешь. Ты раба глупой массы мяса, костей, крови. В твоём

теле не больше удивительного, чем в теле бенса. Только твой мозг делает тебя выше бенса, но твой мозг непрерывно связан с телом. У нас совсем не так. Наш мозг — это все. Девяносто процентов нашего веса составляет мозг. У нас лишь простейшие жизненные органы, мы не нуждаемся в совершенных и сложных системах мышц, нервов, мяса и костей. У нас нет легких, и нам не нужен воздух.

Далеко внизу, куда нет доступа рикорам, раскинулась сеть наших ходов, где проходит истинная жизнь калданов. Там дышащие воздухом рикоры погибли бы, как погибла бы и ты. Там мы запасаем огромное количество пищи в герметически замурованных помещениях. Мы делаем это для будущего. Глубоко под землей есть вода, которая сохранится и тогда, когда на поверхности ее не будет уже много веков.

Мы готовимся ко времени, которое обязательно придет, — времени, когда исчезнут последние остатки атмосферы Барсума, когда исчезнут вода и пища. Мы для этого и готовимся, ибо не должно исчезнуть с лица планеты удивительнейшее из ее созданий — совершенный мозг.

— Но какой цели вы будете служить, когда придет это время? — спросила девушка.

— Ты не понимаешь, — ответил он, — для твоего разума это слишком трудно, но я постараюсь объяснить. Барсум, его луны, солнце, звезды — все создано с единой целью. С начала времен природа энергично работала над осуществлением этой цели. Сначала появилась жизнь, но она была лишена мозга — разума. Постепенно возникли зачатки нервной системы, она развивалась, эволюция продолжалась. Мозг становился больше и сильнее. В нас ты видишь высшее достижение природы. Среди нас есть такие, которые верят, что мы разовьемся в сверхрасу, в супермозг. Исчезнут лапы, клешни и прочие жизненные органы. Будущие калданы будут представлять собой сплошной мозг, глухой, немой и слепой, который будет лежать замурованный в подземном склепе, где почти ничто не помешает его вечным мыслям.

— Вы думаете, он будет только лежать и думать? — воскликнула Тара.

— Только это! — воскликнул он. — Может ли быть что-нибудь чудеснее?

— Да, — ответила девушка, — я могу представить себе множество более чудесных занятий.

В ОБЪЯТИЯХ УЖАСА

Рассказ конвоира дал Таре пищу для размышлений. Она считала, что каждое существо создано с какой-то целью, и пыталась угадать истинное место калданов во всеобщей схеме жизни. Она знала, что у них должно быть свое место в этой схеме, но каким оно было, не могла понять. Они напоминали ей небольшую группу жителей Гелиума, которые в погоне за знаниями отрекались от жизненных радостей. Они свысока относились к тем, кого считали не такими интеллектуальными. Себя они считали высшей расой. Она улыбнулась, вспомнив замечание отца о том, что если бы кто-нибудь из них сжег свой эгоизм, дым окурил бы Гелиум целую неделю. Ее отец любил нормальных людей; те, что знали слишком мало, и те, что знали слишком много, одинаково не нравились ему. В этом отношении Тара была подобна отцу.

Помимо угрожавшей ей опасности в этой чужой стране было немало интересовавшего ее. Рикоры вызывали у нее жалость и обширное поле предположений. Как и от кого они эволюционировали? Она спросила об этом Чека.

— Спой мне снова. И я расскажу тебе, — сказал он. — Если Лууд отдаст тебя мне, ты никогда не умрешь. Я буду держать тебя при себе, а ты будешь петь.

Девушка удивилась воздействию своего голоса на это существо. Где-то в этом огромном мозгу находился участок, задетый ее пением. Это было единственное связующее звено между нею и его мозгом, когда он был отделен от рикора.

Когда он руководил рикором, у него могли появиться и другие человеческие чувства. Но девушка боялась думать об этом. Спев, она ждала, когда Чек заговорит. Он долго молчал, глядя на нее своими невероятными глазами.

— Я думаю, — вдруг сказал он, — что приятно принадлежать к твоей расе. Вы все поете?

— Почти все, — ответила она, — но у нас есть множество других интересных и приносящих радость занятий. Мы танцуем, играем, работаем, любим, а иногда и воюем, так как мы — раса воинов.

— Любовь! — сказал калдан. — Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. К счастью, мы лишены чувств — в отдельном состоянии. Но когда мы соединены с рикором — о, это большая разница: слушая твое пение и глядя

на твоё прекрасное тело, я понимаю, что такое любовь! Я мог бы полюбить тебя!

Девушка отшатнулась от него.

— Ты обещал рассказать мне о происхождении рикоров,— напомнила она.

— Много веков назад,— начал он,— наши тела были больше, а головы меньше. Наши ноги были очень слабыми, и мы не могли передвигаться долго и далеко. Здесь было глупое существо, передвигавшееся на четырех лапах. Оно жило в земляных норах, куда приносило свою пищу. Мы стали рыть свои ходы в его норе и брать пищу, которую оно приносило. Однако ее не хватало на всех, поэтому калданы вынуждены были выходить и добывать пищу. Это было тяжелой работой для наших слабых ног. Тогда мы стали ездить верхом на спинах этих примитивных рикоров. Прошло, несомненно, много веков, когда наконец калданы нашли способ руководить рикорами и полностью подчинили их себе, так что мозг калдана руководил всеми движениями рикора, мозг которого все уменьшался и со временем совсем исчез. Исчезли его уши и глаза, так как они были не нужны ему: калдан видел и слышал за него. Подобным же образом рикор стал передвигаться на задних конечностях, так как калдану нужно было видеть дальше. Когда исчез мозг рикора, вместе с ним исчезла и голова. Рот был единственной частью головы, которая использовалась, поэтому он сохранился. Иногда в руки наших предков попадали представители красной расы. Предки, видя красоту и удобство тела этих пришельцев, стали развивать рикоров подобно им. Благодаря разумному руководству работами в этом направлении и появился современный рикор. Он — продукт сверхмощного мозга калданов, он — тело нашего мозга, с его помощью мы делаем все необходимое, как вы делаете все благодаря своим рукам и ногам. Но у нас важное преимущество: мы можем выбирать себе тела и менять их. Разве ты не хотела бы быть калданом?

Тара не знала, как долго находилась она в подземном помещении. Казалось, что прошло очень много времени. Она ела, спала и следила за бесконечными потомками созданий, проходивших мимо входа в ее тюрьму. В одном направлении они шли с грузом — пища, пища, пища! В другом — возвращались с пустыми руками; видя их, она знала, что наверху день. Когда они не проходили мимо, она знала, что наступила ночь и бенсы поедают рикоров, оставленных на полях накануне днем. Она начала худеть и бледнеть. Ей не нравилась их пища, но даже если бы ей давали

очень вкусную пищу, она не стала бы есть много, боясь потолстеть. Идея полноты имела здесь новый ужасный смысл.

Чек заметил, что она худеет, слабеет и бледнеет. Он поговорил с ней об этом, и она объяснила, что ей не нравится здесь под землей, что ей нужны воздух и солнечный свет, или она и дальше будет слабеть и в конце концов умрет. Очевидно, он передал ее слова Лууду, так как вскоре объявил ей, что король распорядился перевести ее в крепость. Она надеялась, что это следствие ее беседы с Чеком. Даже просто вновь увидеть солнце было счастьем, к тому же у нее вновь появится надежда на бегство, о чем она не осмеливалась думать раньше, так как знала, что без посторонней помощи ей не выбраться из запутанных подземных лабиринтов на поверхность.

Теперь же у нее появилась слабая надежда. В конце концов она теперь видит холмы, а раз так, то разве не может достичь их? Если бы у нее было десять минут — всего лишь десять коротких минут! Аэроплан все еще там. Она знала, где его искать. Всего десять минут, и она свободна, свободна и далека от этого ужасного места. Но дни проходили, и она никогда не оставалась одна даже на пять минут. Она непрерывно обдумывала план спасения. Если бы не бенсы, ей удалось бы бежать ночью. Чек ночью всегда отделяется от тела и находится в каком-то полуголом состоянии. Нельзя было сказать, что он спит, это вообще не походило на сон, так как его безвекные глаза не закрывались и оставались открытыми. Ночью он неподвижно лежал в углу. Тара тысячи раз разыгрывала в уме сцену спасения. Она подбежит к рикору и выхватит меч, висевший на его доспехах. Она сделает это, прежде чем Чек поймет, что происходит, и раньше, чем он поднимет тревогу, она опустит лезвие меча на эту отвратительную голову. Всего за несколько мгновений она достигнет ограды. Рикоры не остановят ее: у них нет мозга, чтобы сообразить, что она убегает. Она много раз следила из своего окна за тем, как открывают и закрывают ворота, выходящие в поле, и знает теперь, как действует замок. Она откроет его, выбежит и понесется к холмам. Холмы так близки, что ее не смогут догнать. Так просто! Было бы просто, если бы не бенсы. Бенсы ночью, а работники на полях днем!

Заклученная в крепости, лишенная движений, девушка не делалась такой, какой ее хотели видеть. Чек спросил ее, почему она не полнеет: ведь сейчас она выглядит хуже, чем в тот момент, когда ее захватили. Эти вопросы были повто-

рением вопросов Лууда, и это позволило Таре выработать новый план спасения.

— Я привыкла гулять на свежем воздухе при свете солнца,— сказала она Чеку.— Я не могу быть такой, как прежде, так как заперта в этой комнате, дышу затхлым воздухом и не двигаюсь. Разреши мне выходить ежедневно на поля и гулять там на солнце. Тогда, я уверена, я вскоре буду толстой и красивой.

— Ты попытаешься убежать,— сказал он.

— Но как я могу попытаться, если ты всегда со мной?— спросила она.— И даже если я попробую бежать, куда я пойду? Я даже не знаю, в каком направлении Гелиум. Наверное, очень далеко. В первую же ночь меня растерзают бенсы, разве не так?

— Ты права,— сказал Чек.— Я спрошу об этом Лууда.

На следующий день он сказал, что Лууд разрешил ей выйти на поля. Он подождет еще несколько дней и проследит за ее успехами.

— Если ты не станешь толще, он использует тебя для других целей,— сказал Чек,— не как пищу.

Тара содрогнулась.

В этот день и во все последующие она выходила из крепости и через ворота проходила на поля. Она постоянно искала возможности для спасения, но Чек неотлучно находился рядом с ней.

Но не столько его присутствие удерживало ее от бегства, сколько многочисленные работники, всегда находившиеся между нею и холмами, где стоял ее аэроплан. Она легко избавилась бы от Чека, но было слишком много других. Наконец, однажды, выходя на поля, Чек сказал ей, что это она делает в последний раз.

— Вечером ты пойдешь к Лууду,— сказал он.— Мне очень жаль, что я больше не услышу твоего пения.

— Вечером! — Она с трудом перевела дыхание, голос ее дрожал от ужаса.

Она быстро взглянула на холмы. Они были так близко! Однако между нею и ими были работники — не менее двух десятков — и их было не избежать.

— Пойдем туда,— сказала она, указывая в их сторону.— Я хочу посмотреть, что они делают.

— Слишком далеко,— ответил Чек.— Я ненавижу солнце. Здесь, под тенью дерева, гораздо приятней.

— Хорошо,— согласилась она,— оставайся здесь, а я пойду туда. Это займет не более минут.

— Нет,— ответил он.— Я пойду с тобой, ты хочешь убежать, но тебе это не удастся.

— Я не могу убежать.

— Я знаю,— согласился он,— но ты можешь попытаться. Я не советую тебе делать этого. Может, лучше вернуться в крепость? Если ты убежишь, мне придется туго.

Тара видела, что теряет последний шанс. Других больше не будет. Она искала хоть какой-нибудь предлог, чтобы оказаться поближе к холмам.

— Я прошу немногого,— сказала она.— Вечером ты попросишь, чтобы я спела. Это будет в последний раз. Если ты не позволишь мне подойти и посмотреть, что делают эти калданы, никогда не буду петь для тебя.

Чек колебался.

— Я буду все время держать тебя за руку,— сказал он.

— Пожалуйста, если хочешь,— согласилась она.— Пойдем.

Они двигались к рабочим и к холмам. Небольшой отряд калданов выкапывал клубни из земли.

Она заметила, что все они заняты своей работой, их отвратительные глазки были устремлены вниз. Она подвела Чека совсем близко к ним, говоря, что хочет внимательнее рассмотреть их работу. Все это время он цепко держал ее за руку.

— Очень интересно,— сказала она со вздохом, затем вдруг: — Смотри, Чек! — И быстро указала назад на крепость.

Калдан, державший ее, отвернулся и посмотрел в том направлении; в тот же момент с ловкостью бенса она ударила его кулаком, вложив в этот удар всю свою силу — ударила прямо в затылок его мягкой головы, как раз над воротником. Удар оказался удачным. Он выбросил калдана из гнезда на плечах рикора и отбросил на землю. Тут же рука, сжимавшая ее запястье, разжалась, не контролируемая больше мозгом Чека. Рикор неуверенно отошел на несколько шагов, опустился на колени и лег затем навзничь. Но Тара не дождалась этого. Как только пальцы разжались на ее руке, она бросилась бежать к холмам. Одновременно с губ Чека сорвался предупреждающий свист: потревоженные рабочие распрямились, один из них оказался как раз на пути Тары. Она удачно увернулась от его распростертых рук и вновь побежала к холмам, к свободе. Вдруг она споткнулась об инструмент вроде мотыги, который лежал наполовину присыпанный землей. Спотыкаясь, она побежала дальше, пытаясь восстановить равновесие, но ее нога все

время попадала в борозды, она вновь спотыкалась и бежала дальше. А споткнувшись в очередной раз и упав, она почувствовала на себе чье-то тяжелое тело, еще мгновение — и она окружена... Ее поставили на ноги; взглянув по сторонам, она увидела, как Чек пробирается к своему безвольному рикору. Чуть позже он подошел к ней.

Отвратительное лицо, не способное выражать чувства, никак не проявило того, что происходило у него в мозгу. Был ли это гнев или ненависть? Или жажда мести? Тара не знала, да ее это и не интересовало. Случилось самое худшее. Она попыталась освободиться и потерпела неудачу. И другой возможности не будет.

— Идем! — сказал Чек. — Мы возвращаемся в крепость.

Абсолютная монотонность его голоса не нарушилась. Это было хуже, чем гнев, ибо полностью скрывало его намерения. Ее ужас перед этим гигантским мозгом, совершенно лишенным человеческих чувств, усилился.

Ее вновь отвели в ее комнату в крепости, и Чек вновь заступил на дежурство, сидя на корточках у входа, но теперь он держал в руке обнаженный меч и никогда не оставлял рикора, лишь иногда его сменял другой калдан, когда Чек чувствовал усталость и голод. Девушка сидела и следила за ним. Он не был грубым с ней, но она не чувствовала благодарности, хотя, с другой стороны, у нее не было к нему ненависти. И лишь чувство ужаса жило в ней. Она как-то слышала, как ученые обсуждали будущее красной расы, и вспомнила, что некоторые утверждали, что со временем мозг, рассудок будет занимать все большее место. Не останется инстинктивных действий или чувств, ничего не будет делаться без обдумывания. Напротив, разум будет руководить каждым действием. Сторонники этой теории утверждали, что в этом будет счастье человечества. Тара из Гелиума от всей души желала, чтобы эти ученые, подобно ей, на себе испытали практические следствия своей теории.

Выбор между олицетворением физического начала — рикором и представителем умственного начала — калданом был бы безрадостным. Наиболее благоприятный путь развития человечества находился посередине. Это прекрасный объект исследования, думала она, для тех идеалистов, которые стремятся к абсолютному совершенству, правда заключается в том, что абсолютное совершенство так же нежелательно, как и его полная противоположность.

Мрачные мысли наполняли голову Тары, когда она ожидала посланцев Лууда — посланцев, которые для нее значи-

ли бы только одно — смерть. Она знала, что найдет способ покончить с собой в крайнем случае, но пока еще цеплялась за надежду и за жизнь. Она не сдастся, пока будет хоть малейшая возможность бороться. Она заставила Чека вздрогнуть, громко и яростно выкрикнув:

— Я еще жива!

— Что это значит?— спросил калдан.

— То, что я сказала,— ответила она.— Я еще жива, и пока я жива, я могу найти выход. Смерть, только смерть лишает всех надежд.

— Найти выход к чему?— спросил он.

— К жизни, к свободе, к другим людям,— пояснила она.

— Вошедший в Бантум никогда не покидает его,— пробубнил он.

Она не ответила. Немного помолчав, он сказал:

— Спой мне.

Во время пения появились четыре воина, чтобы вести ее к Лууду. Они сказали Чеку, что он должен оставаться здесь.

— Почему?— спросил он.

— Ты разгневал Лууда,— ответил один из них.

— Каким образом?— потребовал объяснения Чек.

— Ты оказался подверженным опасному влиянию. Ты разрешил чувствам воздействовать на тебя, и это свидетельствует о том, что ты дефективный. Ты знаешь, какова судьба дефективных?

— Я знаю судьбу дефективных, но я не дефективный,— возразил Чек.

— Ты позволил странному шуму, исходящему из ее глотки, смягчить тебя, прекрасно зная, что чувства находятся вне логики. Само по себе это служит явным доказательством твоей ненормальности. Затем, несомненно, побуждаемый этими алогичными чувствами, ты разрешил ей выйти в поля, где она могла бы совершить успешную попытку к бегству. Остатки твоего разума должны сказать тебе, что ты уже ненормален. Единственным и разумным выходом является уничтожение. Тебя уничтожат таким образом, чтобы этот пример оказался полезным для остальных калданов из роя Лууда. До тех пор ты останешься здесь.

— Вы правы,— сказал Чек.— Я останусь здесь и буду ждать, пока Лууд не прикажет уничтожить меня наиболее целесообразным путем.

Тара бросила на него удивленный взгляд, когда ее уводили из комнаты. Через плечо она бросила ему:

— Помни, Чек, ты еще жив!

И в сопровождении воинов отправилась по запутанным туннелям туда, где ее ждал Лууд.

Когда ее привели в приемное помещение, Лууд находился в углу, прижавшись к нему своими шестью лапами. У противоположной стены лежал его рикор, чье прекрасное тело было одето в сверкающие доспехи — бездушная вещь без руководящего ею калдана... Лууд отослал воинов, которые привели пленницу. Затем принялся молча глядеть на нее своими ужасными глазами. Тара ждала. Она могла только гадать о том, что будет дальше. Когда настанет то время, нужно будет бороться. Внезапно Лууд заговорил:

— Ты думаешь о спасении,— сказал он своим мертвенным, лишенным выражения монотонным голосом, единственно возможным у существа, полностью лишенного чувства.— Ты не спасешься. Ты всего лишь воплощение двух несовершенных начал — несовершенного мозга и несовершенного тела. Эти два начала не могут существовать вместе в совершенстве. Вот совершенное тело.— И он указал на рикора.— Оно лишено мозга; вот здесь,— он указал лапой на свою голову,— совершенный мозг. Он не нуждается в теле для своего функционирования в качестве мозга. Ты противопоставляешь свой слабый разум моему. Даже теперь ты думаешь, как бы уничтожить меня. Если ты не сможешь это сделать, ты хочешь уничтожить себя. Сейчас ты на себе испытываешь силу моего мозга. Я — мысль! Ты — материя! Твой мозг слишком мал и слабо развит, чтобы называться мозгом. Ты позволяешь управлять им импульсивным действиям, вызванным чувством. Он не имеет ценности. Ты не сможешь убить меня. И себя не сможешь убить. Тебя убьют, если в этом будет логическая необходимость. Ты не представляешь себе возможностей, заключенных в совершенно развитом мозге. Посмотри на этого рикора. У него нет мозга. По своей воле он может лишь еле двигаться. Врожденный механический инстинкт, который мы оставили ему, заставляет его класть пищу в рот. Но он не может сам отыскивать эту пищу. Мы кладем пищу в кормушку всегда в одно и то же время и на одно и то же место. Если мы положим пищу к его ногам и оставим его одного, он умрет с голоду. Теперь посмотрим, что может сделать настоящий мозг.

Он повернулся и устремил пристальный взгляд на бездушное тело. Неожиданно, к ужасу девушки, безголовое тело начало двигаться. Оно медленно встало на ноги и пошло через комнату к Лууду; наклонившись, оно взяло от-

вратительную голову в руки, затем посадило ее себе на плечи.

— Что ты против такой силы?— спросил Лууд.— То, что я сделал с рикором, я могу сделать и с тобой.

Тара не отвечала. Всякий ответ был бесполезен.

— Ты сомневаешься в моих способностях! — заявил Лууд, и это было правдой, хотя девушка ничего не говорила, а только подумала.

Лууд пересек комнату и лег на пол. Затем он отделился от тела и пополз, пока не встал прямо против круглого отверстия, через которое он появился в тот день, когда девушка впервые увидела его. Здесь он остановился и устремил на нее свои ужасные глаза. Он молчал, но глаза его, казалось, проникали в самую глубину ее мозга. Она почувствовала, как какая-то непреодолимая сила тянет ее вперед, к калдану. Она попыталась освободиться, попробовала отвести глаза в сторону, но не смогла.

Они, как в странном очаровании, оставались прикованными к безвеким глазам огромного мозга, глядевшего на нее. Медленно, с каждым шагом борясь за свое освобождение, она двигалась к ужасному чудовищу. Она пыталась громко крикнуть, надеясь таким образом освободиться от его власти, но ни один звук не слетел с ее уст. Если бы он отвел взгляд хоть на мгновение, она могла бы вновь овладеть своими движениями, но глаза ее отрывались от нее. Казалось, они проникают в нее все глубже и глубже, уничтожая последние остатки самостоятельности ее нервной системы.

Когда она приблизилась, Лууд медленно поднялся на своих паучьих лапках. Она заметила, что он медленно водит взад и вперед челюстями и в то же время пятится, пятится к круглому отверстию в стене. Неужели она пойдет за ним? Какой новый безымянный ужас скрывается в соседнем помещении? Нет! Она не сделает этого. Тем не менее, приблизившись к стене, она опустилась на четвереньки и поползла к круглому отверстию, из которого на нее глядели два глаза. На пороге отверстия она сделала последнюю героическую попытку, борясь против власти увлекающих ее глаз, но в конце концов вынуждена была сдаться. Со вздохом, перешедшим в рыдание, Тара из Гелиума пробралась сквозь отверстие в следующую комнату.

Отверстие оказалось достаточно широким для нее. Пройдя через него, она оказалась в маленькой уютной комнате. Перед ней по-прежнему был Лууд. У противополож-

ной стены лежал могучий прекрасный мужчина — рикор. Он был лишен доспехов и украшений.

— Ты видишь теперь,— сказал Лууд,— бесполезность сопротивления.

Его слова, казалось, вывели ее из шокового состояния. Она быстро отвела взгляд.

— Смотри на меня! — скомандовал Лууд.

Тара продолжала смотреть в сторону.

Она почувствовала новые силы, власть Лууда над ней уменьшилась. Неужели она раскрыла секрет его власти над ее волей? Она не осмеливалась надеяться на это. С отверженным взглядом она повернулась к отверстию, через которое эти злоеющие глаза привели ее. Лууд вновь приказал остановиться, но его голос уже не имел власти над нею. Она услышала свист и поняла, что Лууд зовет на помощь. Но так как она не смела оглянуться, то не видела, что он сосредоточил свой взгляд на большом безголовом теле, лежавшем у дальней стены.

Девушка все же находилась под влиянием страшного существа — она не освободилась еще полностью и не обрела полной самостоятельности. Она двигалась как во сне, вяло, медленно, сгибаясь словно под огромной тяжестью, будто пробираясь сквозь вязкую жидкость. Отверстие было близко, совсем рядом, но как трудно до него добраться!

За ней, повинаясь приказам огромного мозга, двинулось огромное безголовое тело. Наконец она достигла отверстия, что-то говорило ей, что за отверстием власть калдана полностью развеется. Она уже почти пробралась в приемную комнату, когда почувствовала сильную руку на своей лодыжке. Рикор догнал ее и, хотя она боролась, втащил обратно в комнату Лууда. Он крепко держал ее, прижимая к себе, и вдруг, к ее ужасу, начал гладить ее.

— Ты слышишь меня? Теперь ты видишь всю бесполезность сопротивления? — услышала она ровный голос Лууда.

Тара пыталась бороться, хотя ее охватила ужасная слабость. Но она продолжала бороться перед лицом безнадежного ужаса, бороться в одиночестве за честь гордого имени, которое она носила, она, ради кого с радостью отдавали жизни прекрасные воины могучих империй, цвет барсумского рыцарства.

ОТТАЛКИВАЮЩЕЕ ЗРЕЛИЩЕ

Крейсер «Ванатор» кренился под ударами бури. То, что он не упал на землю и не был разбит на мелкие кусочки, было всего лишь капризом природы. В течение всего урагана он летел безо всякой надежды на спасение, подгоняемый ударами ветра. Но все же корабль и его храбрый экипаж почувствовали, что ураган стихает. Это произошло через час после катастрофы — катастрофы и для экипажа, и для королевства Гатол.

Люди с момента вылета из Гелиума находились без пищи и воды, многие были ранены, все изнемогало от усталости. Во время кратковременного затишья один из членов экипажа попытался добраться до своей каюты, отцепив привязной ремень, который удерживал его в относительной безопасности на палубе. Это было прямым нарушением приказа, и за нарушением на глазах всех членов экипажа последовало внезапное и скорое наказание. Едва матрос отстегнул застежку привязного ремня, чудовищный порыв повернул корабль, подбросив его в воздухе. В результате уже при первом повороте воин вылетел за борт.

Вырванные из своих гнезд постоянными поворотами и рывками корабля и силой ветра, носовые и кормовые снасти висели под килем, представляя собой спутанную массу веревок и ремней.

В эту массу и угодило тело воина, и как утопающий хватается за соломинку, так и он ухватился за веревку, задержавшую его падение.

С отчаянными усилиями цеплялся он за эту веревку, пытаясь закрепить на ней ногами. С каждым рывком корабля руки его слабели, и он знал, что вскоре они совсем разомкнутся и он полетит вниз, на далекую поверхность, но тем не менее продолжал цепляться, лишь продлевая свою агонию.

Эту картину увидел Гохан, когда перегнулся через край наклонившейся палубы, чтобы выяснить судьбу своего воина; в одну секунду джед Гатола оценил ситуацию. Рядом с ним один из его людей глядел в глаза смерти. В руках у джеда было средство для его спасения.

Ни минуты не колеблясь, он отцепил свой привязной ремень, сбросил веревочную лестницу и соскользнул с борта судна. Качаясь, как маятник, он отлетал в сторону и возвращался назад, поворачиваясь в воздухе в трех тысячах

футов над поверхностью Барсума. Наконец он дождался момента, на который и рассчитывал.

Пока он не доставал веревки с уцепившимся за нее воином, силы которого заметно таяли. Просунув ногу в петлю, образовавшуюся в результате путаницы такелажа, чтобы ухватиться за веревку рядом с воином, рискованно цепляясь за эту новую опору, джед медленно двигался по веревочной лестнице, на конце которой был закреплен крючок. Он зацепил этот крючок в кольцо на поясе воина как раз перед тем, как ослабевшие пальцы висевшего отпустили опору.

Лишь уверившись в спасении своего товарища, Гохан стал думать о собственном спасении.

Среди переплетенных снастей болталось множество других крюков, подобных тому, который он прикрепил к поясу воина. К одному из них он хотел прикрепиться сам и выждать, пока ураган утихнет настолько, что позволит ему выбраться на палубу, но как только он попытался дотянуться до одного из крюков, тот отошел в сторону под воздействием очередного толчка судна, в то же время тяжелый металлический крюк, болтавшийся в воздухе, ударил джеда Гатола прямо между глаз.

Оглушенный Гохан на мгновение разжал пальцы и полетел вниз сквозь разреженную атмосферу Марса к поверхности, лежащей в трех тысячах футов под ним, в то время как «Ванатор» уносился вдаль, а верные воины джеда, цепляясь за свои ремни, даже не подозревали о судьбе своего любимого вождя.

Лишь час спустя, когда ураган немного стих, они поняли, что он отсутствует, и догадались о том жертвенном героизме, который предназначила ему судьба. В это время «Ванатор» выпрямился, по-прежнему уносимый постоянным сильным ветром. Воины отстегивали свои ремни, а офицеры определяли число пострадавших. В это время слабый крик, который послышался из-за борта, привлек их внимание к человеку, висевшему на веревке под килем. Сильные руки подняли его на палубу, и только тогда экипаж узнал о героизме своего джеда и его гибели. Они могли только предполагать, как далеко их унесло после его падения. Корабль был не в состоянии вернуться для его поисков. Опечаленный экипаж продолжил свой путь в воздухе навстречу неминуемой судьбе.

А Гохан, джед Гатола? Что произошло с ним? Подобно свинцовому грузу, пролетел он тысячу футов, затем ураган подхватил его в свои гигантские объятия и понес над землей. Как листок бумаги, летел он, повинаясь ударам ветра, игра-

шка могучих сил природы. То выше, то ниже, то вперед, то назад, но с каждой вспышкой энергии ветра он постепенно приближался к поверхности. У таких циклонов бывают странные и необъяснимые капризы. Они вырывают с корнем и крушат гигантские деревья и в то же время могут пронести многие мили беспомощного ребенка и опустить его невредимым вместе с колыбелью.

Так произошло и с Гоханом из Гатол. Ожидая каждую секунду неминуемой гибели, он вдруг понял, что мягко опустился на коричнево-красный мох, толстым слоем покрывающий дно мертвого марсианского моря, полностью невредимый, если не считать большой шишки на лбу, куда его ударил металлический крюк. Едва способный поверить в то, что судьба сжалилась над ним, джед медленно встал, еще наполовину убежденный, что кости его разбиты и раздроблены и не выдержат его веса. Но он ошибался. Он огляделся в напрасных попытках сориентироваться. Воздух был полон пыли и летящих обломков. Солнца не было видно. Поле зрения было ограничено несколькими сотнями ярдов коричнево-красного мха и пыльного воздуха. В пятистах ярдах в любом направлении могли возвышаться стены большого города, но он не мог знать этого.

Было бесполезно трогаться с места, пока воздух не прояснится, так как он не знал, в каком направлении двигаться; он вновь сел на мох и принялся ждать, размышляя о судьбе своих воинов и корабля, но мало задумываясь об опасности своего собственного положения. К его доспехам были прикреплены два меча, пистолет, кинжал. В походной сумке — небольшое количество продовольствия, составлявшего обязательный походный рацион воинов Барсума. Все это вместе с тренированными мускулами, храбростью и силой духа должно было спасти его от тех опасностей, которые ожидали его на пути в Гатол, хотя он и не знал, в каком направлении и на каком расстоянии находилась его родина.

Ветер постепенно терял скорость, и пыль медленно оседала. Хотя ураган, очевидно, кончился, видимость долго не улучшалась, и это раздражало Гохана. Условия не изменились до самой ночи, поэтому он был вынужден ждать наступления нового дня на том самом месте, куда принесла его буря. Ночь, которую он провел, была не очень приятной, так как у него не было спального мешка и его спальных мехов и шелков, и он с невольным чувством облегчения встретил утро. Теперь воздух был прозрачен и чист, в свете наступившего дня он увидел волнистую равнину, расстилав-

шуюся во всех направлениях. К северо-западу еле различались очертания невысоких холмов. К юго-востоку от Гатола находилась подобная страна, и Гохан ошибочно решил, что ураган отнес его в этот район. Он посчитал, что Гатол лежит за этими холмами, тогда как в действительности его родина была далеко на северо-востоке.

Двумя днями позже Гохан пересек равнину и взобрался на вершину одного из холмов, и за холмами он ожидал увидеть свою страну, но его ждало разочарование. Перед ним вновь была равнина, еще больше, чем та, которую он только что пересек, а вдали опять виднелись холмы. В одном лишь отношении эта равнина отличалась от предыдущей: она была усеяна отдельными холмами.

Решив, однако, что Гатол лежит в том направлении, Гохан вступил в долину и направился к северо-западу.

Уже несколько недель Гохан из Гатола пересекал долины и холмы в поисках какого-нибудь знакомого ориентира, указавшего бы ему направление на родину, но с вершины очередного холма по-прежнему открывался незнакомый мир. Он встречал мало животных и не встретил ни одного человека, пока не решил, что оказался в сказочных районах древнего Барсума — в богатой и обильной стране, жителей которой отличали гордость и высокомерие, за что они были осуждены древними богами Марса на уничтожение.

Наконец, однажды он взобрался на высокий холм и увидел населенную долину, на которой были плодовые деревья, возделанные поля, участки земли, окруженные каменными стенами, в центре которой возвышались необычные круглые крепости. Он увидел людей, работавших на полях, но не торопился встретиться с ними. Прежде следовало побольше узнать о них, выяснить — друзья они или враги. Под прикрытием густого кустарника он пробрался к краю холма и занял удобное для наблюдения место, откуда следил, лежа на животе, за ближайшими к нему работниками. Хотя расстояние до них было слишком большим, что-то показалось ему странным и необычным в их фигурах. Головы их казались непропорциональными по отношению к телам, они были слишком велики.

Долго лежал он так, наблюдая, и постепенно в нем все больше крепло убеждение, что они отличны от него и что было бы слишком опрометчиво показываться им. Вдруг он заметил небольшую группу, вышедшую из ближайшей крепости и направившуюся к работавшим у холма, на котором он лежал.

Гохан заметил, что один из вновь появившихся чем-то отличался от остальных. Даже на таком большом расстоянии заметно было, что голова у него меньше. Когда они подошли поближе, Гохан заметил, что его доспехи отличаются от доспехов сопровождающих его и всех работающих на полях. Эти двое часто останавливались, очевидно, споря: один хотел идти в направлении холмов, другой возражал. Но меньший постоянно побеждал в споре, и они все ближе и ближе подходили к последней линии работников, возделывавших поля между крепостью, из которой вышли эти двое, и холмами, на которых лежал Гохан.

Внезапно меньший ударил своего спутника по голове. Гохан в ужасе увидел, как голова слетела с туловища, которое как-то вяло опустилось на землю. Гохан наполовину высунулся из своего убежища, чтобы лучше разглядеть то, что происходило внизу. Человек, ударивший своего спутника, быстро побежал к холмам и увернулся от одного из работников, пытавшихся задержать его. Гохан надеялся, что этот человек принадлежит к его расе. Но затем он увидел, как бежавший споткнулся и упал, и его сразу окружили преследователи. Взгляд Гохана вернулся к фигуре, лишенной головы.

Свидетелем какого ужаса он оказался? Или, может быть, его обманывают глаза? Нет, это было невозможно, но это было правдой — голова медленно поползла к упавшему телу. Она взобралась на свое место между плечами... тело встало, и создание, казалось, несколько не пострадавшее, быстро побежало к тому месту, где его товарищи держали за руки несчастного пленника.

Наблюдатель видел, что подошедший схватил пленника за руку и повел его обратно в крепость, и даже через разделявшее их расстояние было заметно уныние и отчаяние, охватившее пленника. Гохану показалось, что это женщина, причем принадлежавшая к красной марсианской расе. Если бы он был в этом уверен, он, возможно, попытался бы освободить его, хотя обычаи его страны обязывали его вступаться лишь за своих соотечественников. Но он не был в этом уверен: она, может быть, вовсе не его расы, а даже один тот факт, что она той же расы, что и он, говорил за то, что она могла быть дочерью враждебного племени. Первейшей его обязанностью было вернуться к своему народу с наименьшим риском, и хотя мысль о приключениях горячила его кровь, он отбросил это искушение со вздохом и отвернулся от мирной и прекрасной долины, так как намере-

вался не пересекать ее, а идти вдоль края ее и продолжать поиски Гатола.

Когда Гохан из Гатола направился вдоль склонов холмов, что ограждали Бантум с юга и запада, его внимание привлекла большая группа деревьев справа от него. Низкое солнце отбрасывало от них недлинные тени. Скоро ночь. Деревья были в стороне от его пути, и он не хотел осматривать их. Но, взглянув на них вновь, он заколебался... Что-то непонятное скрывалось среди ветвей. Гохан остановился и пристально посмотрел на то, что привлекло его внимание.

Нет, наверное, он ошибся — ветки деревьев и косые лучи солнца ввели в заблуждение. Он отвернулся и продолжал свой путь. Решив оглянуться, он увидел, что среди деревьев что-то отражает лучи солнца. Гохан покачал головой и быстро пошел к деревьям, чтобы разрешить эту загадку.

Сверкающий предмет привлекал его, а когда он подошел поближе, глаза его широко раскрылись от удивления: он увидел сверкающий драгоценными камнями герб на носу маленького аэроплана. Гохан с рукой на рукояти короткого меча тихо продвигался вперед, но, подойдя поближе, обнаружил, что опасаться нечего: аэроплан был пуст. Тогда он принялся разглядывать герб. Когда до его сознания дошло, что он видит, лицо его побледнело, а сердце забилося сильнее — он узнал герб Главнокомандующего Барсума. Мысленно он увидел понурую фигуру того пленника, которого вели в крепость. Тара из Гелиума! А он был так близко и не помог ей.

Холодный пот выступил у него на лбу. Быстрый осмотр покинутого аэроплана раскрыл молодому джеду трагическую историю. Та же буря, что выбросила его за борт, унесла и Тару из Гелиума в эту отдаленную страну. Здесь она, несомненно, приземлилась, чтобы отыскать пищу и воду, так как без пропеллера ей было не достичь родного города или какого-нибудь дружественного порта. Аэроплан оказался неповрежденным, за исключением отсутствующего пропеллера, а то, что он был тщательно укрыт, свидетельствовало о намерении девушки вернуться к нему. Пыль и листья на палубе говорили о многих днях и даже неделях его пребывания здесь. Немые, но красноречивые доказательства того, что Тара из Гелиума стала пленницей, а ее безуспешную попытку к бегству он наблюдал.

Встал вопрос о ее освобождении. Он знал лишь, в какую крепость ее отвели, и больше ничего. Кто ее похитители, сколько их, где она размещена — ничего этого он не знал.

Но он не слишком заботился об этом — из-за Тары он стал бы воевать со всем миром! Вскоре он разработал несколько планов спасения девушки. Один из них сулил наибольший успех, если бы ему удалось разыскать ее. Решение, которое он принял, вновь привлекло его внимание к аэроплану. Ухватившись за привязные ремни, он выволок его из-под прикрытия деревьев, взобрался на палубу и осмотрел приборы управления. Мотор включился сразу и мягко урчал, плавучие мешки не были повреждены, и на корабле легко можно было набирать высоту. Необходим только пропеллер, и аэроплан был бы готов для долгого пути в Гелиум. Гохан непроизвольно вздрогнул — на тысячи хаадов вокруг нельзя было найти пропеллер. Но в чем дело? Даже без пропеллера он вполне подходил для освобождения девушки — похитители Тары из Гелиума, по-видимому, не знали никаких воздушных кораблей. Об этом свидетельствовали архитектура их крепостей и устройство изгородей.

Внезапно спустилась барсумская ночь. И Хлорус торжественно поплыл в высоте неба... Громкий рев бенса раздался на холмах. Гохан из Гатола оставил аэроплан в нескольких футах над землей, затем ухватился за носовой конец и потащил его за собой. Тащить на буксире маленький аэроплан было легко, и пока Гохан спускался в долину Бантума, аэроплан плыл за ним, как лебедь по поверхности озера. Гатолианин направился в сторону крепости, еле различимой в темноте ночи. Уже совсем близко от него послышался рев вышедшего на охоту бенса. Он подумал: охотится ли зверь за ним или выслеживает кого-то другого? Ему не хотелось сейчас встречаться с хищником, так как это препятствовало его встрече с Тарой из Гелиума, поэтому он ускорил шаги. Но ближе и ближе раздавалось ужасное рычание огромного хищника, и вот на склоне холма за собой он услышал мягкие кошачьи шаги. Оглянувшись, он увидел зверя, который преследовал его. Его рука опустилась на рукоять меча, но доослав меч Гохан не стал: он понял бесполезность вооруженного сопротивления, так как за первым бенсом шло не менее дюжины других. Оставался единственный путь к спасению.

Подпрыгнув, он вскарабкался по веревке на борт аэроплана. Его вес заставил суденышко опуститься ниже, и в этот момент, когда Гохан взобрался на него, первый бенс вспрыгнул на корму. Гохан вскочил на ноги и двинулся к зверю, надеясь столкнуть его вниз, прежде чем тот вскарабкается на палубу. Он увидел, что остальные бенсы собираются последовать примеру своего вожака. Если им это

удастся — он погиб. Оставалась единственная надежда. Прыгнув к рулю высоты, Гохан переключил его. Одновременно с этим три бенса вскочили на корабль. Аэроплан медленно поднимался. Гохан почувствовал легкий толчок под килем, сопровождавшийся глухими звуками падения сорвавшихся бенсов на землю. На палубе оставался только первый бенс: он стоял на корме, разинув пасть. Гохан схватил меч.

Зверь, видимо, смущенный необычностью обстановки, не двигался. Наконец он медленно пополз к желанной добыче. Аэроплан продолжал подниматься, но Гохан поставил ногу на руль высоты и приостановил подъем. Он не хотел, чтобы ветер, дующий вверх, унес его прочь. Аэроплан продолжал двигаться к крепости, увлекаемый туда толчками тяжелого тела бенса.

Человек следил за медленным приближением чудовища, видел слюну, стекавшую с его клыков, дьявольское выражение морды. А зверь, убедившись в том, что палуба прочна, пытался приблизиться. Когда человек внезапно прыгнул к одному борту, аэроплан столь же стремительно накренился. Бенс припал к палубе и вцепился в нее когтями.

Гохан подскочил к нему с обнаженным мечом. Зверь яростно зарычал и попытался схватить этого ничтожного смертного, мешавшего насладиться законной добычей, и человек отпрыгнул на другой конец палубы. Бенс последовал за ним и на мгновение повернулся боком. Огромные когти просвистели у самой головы Гохана, и в тот же момент его меч пронзил сердце зверя. Когда воин вынул свой меч, мертвый бенс свалился за борт.

Быстро оглядевшись, он обнаружил, что аэроплан движется к крепости. В следующее мгновение он будет как раз над ней. Гохан подскочил к приборам и заставил аэроплан опуститься на землю. Но опуститься за пределами ограды, где бенсы все еще поджидали свою добычу, означало верную смерть, а внутри ограды он видел множество егрудившихся, казалось, спящих фигур.

Корабль же висел в нескольких футах над землей. Следовало либо рискнуть и опуститься внутри ограды, либо продолжать движение вперед без надежды вернуться когда-либо в эту населенную бенсами местность, где отовсюду теперь доносилось рычание этих могучих барсумских львов.

Вцепившись в борт, Гохан выбросил якорь и закрепил его на вершине стены, а затем и сам спустился на стену.

Укрепив якорь окончательно, он принялся рассматривать, что же находилось за оградой.

Спящие внизу по-прежнему не двигались — казалось, что они мертвы. Слабый свет падал из отверстий в крепости, но не было слышно или видно никаких признаков тревоги. Цепляясь за веревку, Гохан спустился со стены и тут смог внимательно осмотреть лежащие фигуры, которые он принял за спящих. С приглушенным восклицанием ужаса он отвернулся от безголовых рикоров. Вначале он решил, что это люди, подобные ему, но обезглавленные, затем заметил, что они движутся, и понял, что они живые. От этого откровения его ужас и отвращение только увеличились.

Однако здесь скрывались объяснения события, свидетелем которого он стал днем, когда Тара сбросила голову своего спутника и Гохан видел, как эта голова вернулась к своему телу. Подумать только — жемчужина Гелиума во власти этих отвратительных созданий!

Гохан вновь вздрогнул, но затем взял себя в руки. Взбравшись на палубу, он опустил аэроплан на землю. Затем двинулся к воротам крепости, пробираясь среди лежавших, лишенных сознания рикоров; миновав их, он вошел в крепость.

VIII

В КРЕПОСТИ

Чек, в недавнем прошлом третий десятник поля Лууда, сидел, переживая свой гнев и унижение. Неожиданно в нем проснулось нечто, само существование которого ему раньше и не снилось. Были ли его беспокойство и неудовольствие влиянием странной пленницы? Он не знал. Он подумал о смягчающем влиянии шума, который она называла пением. Могут ли существовать более приятные и ценные вещи, чем холодная логика и бесчувственная сила ума? Может ли быть сбалансированное и уравновешенное совершенство предпочтительнее предельного развития единственной характеристики?

Он думал о всеобъемлющем мозге, о котором мечтали все калданы. Этот мозг был бы глухим, слепым и немым. Тысячи прекрасных незнакомок могли бы петь и танцевать перед ним, но он не почувствовал бы удовольствия, так как не обладал бы необходимыми органами чувств для восприятия всего этого. Калданы сами отрекались от самых боль-

ших удовольствий, доставляемых чувствами. Чек подумал, как далеко они зашли в этом процессе. Вслед за тем он стал размышлять над самой основой их теории. В конце концов, возможно, девушка права: для какой цели служил бы этот огромный мозг, замурованный в своей подземной норе?

Из-за этой теории он, Чек, должен был умереть. Так приказал Лууд. Несправедливость этого приказа наполнила его гневом. Но положение его безвыходное. Спасения не было. За оградой его встретили бы бенсы, внутри — другие калданы, безжалостные и жестокие. Такие понятия, как любовь, верность, дружба, не были им знакомы — это были лишь мозги. Он может умертвить Лууда, но какая в этом для него выгода? Другой король будет освобожден из замурованного помещения, а Чек будет убит. Чек не испытал бы даже радости мщения, ибо не был способен на такие чувства.

Чек, взобравшись на своего рикора, шагал по комнате, в которой ему приказали оставаться. Обычно он принимал распоряжения Лууда с полной невозмутимостью, так как они всегда были строго логичны. Но вот теперь ему казалось, что это неверно. Его очаровала пленница. В жизни, оказывается, есть удовольствия, и их немало. Мечта о совершенном мозге покрылась дымкой и отступила в самую глубину его сознания.

В это время в дверях показался красный воин с обнаженным мечом. Это был мужской двойник пленницы, чей мягкий голос победил холодный и расчетливый мозг калдана.

— Молчать! — приказал вошедший, помахав обнаженным мечом перед глазами калдана. — Я ищу женщину, Тару из Гелиума. Где она? Если тебе дорога жизнь, говори быстрее и только правду!

Если он ценит свою жизнь! Именно об этом думал только что Чек. Он быстро соображал. В конце концов совершенный мозг сам по себе бесполезен. Возможно, он найдет путь спасения от власти Лууда.

— Ты представитель ее народа? — спросил он. — Ты пришел освободить ее?

— Да.

— Тогда слушай. Я подружился с нею и поэтому должен умереть. Если я помогу тебе освободить ее, ты возьмешь меня с собой?

Гохан из Гатола оглядел странное создание с головы до ног — совершенное тело, гротескная голова, лишенное выражения лицо. И среди таких существ дни

и недели томилась в плену прекрасная дочь Гелиума?!

— Если она жива и не ранена,— сказал он,— я возьму тебя с нами.

— Когда ее увели от меня, она была жива и не ранена,— ответил Чек.— Я не знаю, что случилось с нею после этого. За ней послал Лууд.

— Кто такой Лууд? Где он? Веди меня к нему!

Гохан говорил быстро и властным тоном.

— Идем,— сказал Чек и направился из комнаты в коридор, ведущий в подземные норы калданов.— Лууд — это мой король. Я отведу тебя туда, где он находится.

— Быстрее! — настаивал Гохан.

— Спрячь меч в ножны,— посоветовал ему Чек.— Мы будем проходить мимо калданов, и я скажу им, что ты новый пленник. Они мне поверят.

Гохан поступил так, как советовал ему Чек, но предупредил калдана, что его рука на рукояти кинжала.

— Ты не должен ждать от меня вероломства,— сказал Чек.— В вас заключена моя единственная надежда на жизнь.

— Но если ты обманешь меня,— предупредил его Гохан,— тебя ждет смерть, такая же верная, как и по приказу твоего короля.

Чек ничего не ответил, он продолжал быстро идти по спускающимся подземным коридорам, пока наконец Гохан не сообразил, насколько он в руках своего странного помощника. Даже если он обманет его, Гохан не может его убить, так как без его помощи не найдет обратного пути к крепости и дороге.

Дважды их встречали и расспрашивали калданы, но в обоих случаях простое разъяснение Чека, что он ведет нового пленника к Лууду, рассеивало все подозрения, и они наконец пришли в приемную короля.

— Здесь, красный человек, тебе придется сражаться,— равнодушно прошептал Чек.— Войди туда.— И он указал на дверь перед ним.

— А ты? — спросил Гохан, все еще опасаясь предательства.

— Мой рикор полон сил,— ответил калдан.— Я тоже войду и буду сражаться на твоей стороне. Лучше умереть сейчас в борьбе, чем позже по приказу Лууда. Идем!

Но Гохан уже пересек комнату и входил в соседнюю. У противоположной стены комнаты было круглое отверстие, охраняемое двумя воинами. В отверстии он увидел две фигуры, боровшиеся на полу, и взгляд на одну из них наполнил

его силой десяти воинов и яростью голодного бенса.

Это была Тара из Гелиума, борющаяся за свою честь или жизнь... Воины, пораженные внезапным появлением красного человека, стояли в оцепенении. В тот же момент Гохан был рядом, и один из воинов упал, пронзенный в сердце.

— Бей в голову! — услышал Гохан шепот Чека и увидел, что голова упавшего человека быстро ползет к отверстию, ведущему в соседнюю комнату. Меч Чека выбил калдана оставшегося воина из его рикора, а Гохан погрузил свой меч в отвратительную голову.

Немедленно красный воин, а за ним и Чек бросились к отверстию.

— Не смотри Лууду в глаза, — предупредил калдан. — Иначе погибнешь.

В комнате Гохан увидел Тару в объятиях могучего безголового тела, а у противоположной стены находился отвратительный паукообразный Лууд. Король сразу понял, какая ему угрожает опасность, и стал искать взгляд Гохана. При этом ему пришлось ослабить внимание к рикору, в чьих объятиях билась Тара. Девушка немедленно почувствовала, что может освободиться от этой ужасной хватки.

Быстро поднявшись на ноги, она увидела, почему внезапно расстроились планы Лууда. Красный воин! Ее сердце дрогнуло от радости и благодарности. Что за чудо привело его к ней? Она не узнала его, перед ней был странствующий воин в простых доспехах без единого драгоценного камня. Разве могла она подумать, что это тот сверкавший платиной и бриллиантами вождь, с которым она провела не больше часа совсем в других обстоятельствах при дворе своего царственного отца?

Лууд увидел Чека, входящего вслед за чужим воином в комнату.

— Убей его, Чек! — приказал король. — Убей незнакомца, и ты спасешь свою жизнь!

Гохан взглянул в лицо отвратительного короля.

— Не гляди ему в глаза! — воскликнула Тара, но было уже слишком поздно.

Ужасным гипнотическим взглядом король калданов уставился в глаза Гохана. Красный воин остановился. Его меч медленно опустился. Тара посмотрела на Чека. Калдан пристально глядел своими лишенными выражения глазами в широкую спину незнакомца. Рука рикора Чека опустилась на рукоять кинжала. И тогда Тара из Гелиума запела прекрасную марсианскую песню — «Песнь любви».

Чек выхватил кинжал из ножен. Его глаза устремились на поющую девушку. Глаза Лууда тоже оторвались от лица воина и обратились к Таре. Гохан вздрогнул и с трудом освободился от власти отвратительной головы Лууда. Чек поднял кинжал над головой, сделал быстрый шаг вперед и взмахнул рукой.

Песнь девушки оборвалась из-за ужасной догадки, но было уже слишком поздно. Тут же Тара поняла, что ошиблась, определяя цель Чека: кинжал вылетел из его руки, пролетел над плечом Гохана и по рукоять погрузился в мягкую голову Лууда.

— Идем! — закричал убийца. — Нельзя терять времени. — И двинулся к отверстию, через которое они попали в комнату. Но затем он остановился, его взгляд привлекло могучее тело, лежащее на полу — королевский рикор, лучшее, прекраснейшее произведение природы Марса. Чек сообразил, что при бегстве сможет взять с собой одного единственного рикора, и ничто в Бантуме не сослужит ему лучшую службу, чем гигант, лежащий здесь. Он быстро перебрался на плечи большого распростертого на полу тела, которое немедленно наполнилось силой и энергией.

— Теперь, — сказал калдан, — мы готовы. Пусть только кто-нибудь попытается помешать мне. — Говоря это, он уже был в соседнем помещении, а Гохан, держа Тару за руку, следовал за ним. Девушка впервые внимательно взглянула на него.

— Боги моего народа добры, — сказала она взволнованно. — Ты пришел вовремя. К благодарности Тары из Гелиума добавится благодарность Главнокомандующего Барсума и его народа. Он выполнит любое твоё желание.

Гохан из Гатола понял, что она не узнала его, и подавил горячее приветствие, готовое сорваться с губ.

— Тара из Гелиума ты или другая женщина, неважно, — ответил он. — Мой долг — помочь любой женщине красной расы Барсума.

Во время этого разговора они покинули помещение Лууда, и вскоре все трое уже шли по длинным подземным коридорам к крепости.

Чек все время торопил их, но красные мужчины Барсума никогда не стремятся отступать, и поэтому двое двигались медленнее калдана.

— Никто не помешает нашему возвращению, — сказал Гохан, — зачем же истощать силы принцессы чрезмерной торопливостью?

— Я не боюсь тех, кто впереди, так как здесь никто не знает, что случилось в помещениях Лууда, но калдан одного из воинов, стоявших на страже перед комнатой Лууда, спасся, и можешь поверить, он не станет терять времени. То, что никто не пришел до сих пор в комнату короля, объясняется быстротой, с которой там развернулись события. Задолго до того, как мы достигнем крепости, они погонятся за нами и придут в большом количестве и с сильными рикорами.

Недолго пришлось ждать исполнения пророчества Чека. Стали слышны звуки погони, звон оружия и свист калданов, поднимавших тревогу.

— Крепость уже близко,— крикнул Чек.— Торопитесь изо всех сил! Если бы мы смогли продержаться в крепости до восхода солнца, может быть, и спаслись бы.

— Нам не нужно будет держаться, мы не пробудем в крепости долго,— ответил Гохан, двигаясь быстрее, так как по звукам погони понял, что преследователи очень близко.

— Но мы не можем выйти из крепости ночью,— настаивал Чек,— за крепостью нас ожидают бенсы и неминуемая смерть.

Гохан улыбнулся.

— Не бойтесь бенсов,— сказал он,— если бы мы достигли стены крепости раньше преследователей, мы бы не боялись ничего в этой проклятой долине.

Чек ничего не ответил, и его бесстрастное лицо не выразило недоверия. Девушка же вопросительно посмотрела на мужчину. Она не понимала.

— Твой аэроплан,— сказал Гохан.— Он привязан к стене.

Ее лицо прояснилось.

— Ты нашел его?— воскликнула она.— Это судьба.

— Действительно, судьба,— ответил он.— Но она сказала мне о пленнице, но она спасла меня от бенсов, когда я добирался от холмов до крепости, увидев днем твою безуспешную попытку к бегству.

— Как ты узнал, что это я?— спросила девушка. На ее лице отразилось воспоминание об этой сцене.

— Кто же не знает об исчезновении принцессы Тары из Гелиума,— ответил он.— А когда я увидел герб на аэроплане, я понял, что это ты. Когда же увидел тебя в полях, я не знал этого: слишком велико было расстояние, и я даже не смог отличить, женщина то была или мужчина. Если бы случайно не раскрылось место, где был спрятан твой аэро-

план, я пошел бы своим путем, Тара из Гелиума. Я содрогаюсь при мысли об этом. Не будь отражения солнца от драгоценного герба на твоём аэроплане, я прошёл бы мимо.

Девушка вздрогнула.

— Тебя послали боги,— прошептала она благоговейно.

— Да, меня послали боги, Тара из Гелиума,— сказал он.

— Но я не узнаю тебя,— сказала она.— Я пыталась вспомнить тебя, но не смогла... Как это может быть?

— В этом нет ничего странного: великая принцесса не может помнить всех простых воинов Барсума,— ответил он с улыбкой.

— Но как тебя зовут?

— Зови меня Тураном,— ответил мужчина; ему пришлось в голову, что если бы Тара узнала в нём человека, чьё пылкое признание в любви разгневало её в садах Главнокомандующего Марса, их отношения стали бы неестественными. В то же время, оставаясь в её глазах воином, он может завоевать её уважение своей верностью и преданностью быстрее, чем сверкающий нарядами джед Гатола.

Они уже достигли крепости, но, бросив взгляд назад, обнаружили в подземном коридоре авангард преследователей — отвратительных калданов, могучих и полных сил рикоров. Быстро, как только могли, беглецы начали подниматься по лестницам, ведущим на верхний этаж, но ещё быстрее бежали за ними слуги Лууда. Чек шел впереди, держа за руку Тару и помогая ей подниматься, а Гохан из Гатола шел за ними в нескольких шагах с обнаженным мечом, так как понимал, что преследователи настигнут их раньше, чем они доберутся до аэроплана.

— Пусть Чек идет рядом с тобой,— сказала Тара,— и поможет тебе.

— В этих узких коридорах можно орудовать только одним мечом,— ответил гатолианин.— Поторопитесь с Чеком и взбирайтесь на палубу аэроплана. Держи руку на приборах, и когда я буду близко и ухвачусь за лестницу, по моему знаку начинай подъем, а я взберусь на палубу по веревочной лестнице. Но если кто-нибудь из них появится в огороженном месте раньше меня, знайте, что я никогда уже не приду: тогда быстро поднимайтесь, и пусть боги наших предков пошлют вам попутный ветер и унесут к более гостеприимному народу.

Тара из Гелиума покачала головой.

— Мы не покинем тебя, воин,— сказала она.

Гохан, не обращая внимания на ее ответ, отдавал распоряжения Чеку.

— Отведи ее во двор крепости. Это последняя надежда. Один я могу пробиться к аэроплану. Но если я не задержу преследователей, у нас не будет никаких шансов. Делай, как я сказал.

Он говорил властно и решительно, как человек, привыкший командовать другими с рождения. Тара была рассержена и раздосадована. Она не привыкла слушать чужие команды; но при всей своей царственной гордости она не была глупа и знала, что воин прав, что он рисковал своей жизнью для ее спасения, поэтому она поторопилась с Чеком выполнить приказ. После первой вспышки гнева она улыбнулась, поняв, что этот воин не простой необученный солдат. Может, он не особенно искусен в обращении, но у него правдивое, храброе и верное сердце, и она с радостью простила ему невежливость тона и манер. Но что за тон! Вспомнив о нем, она на мгновение прервала свои размышления. Рядовые воины — грубые люди. Они привыкли выполнять чужие команды, а в тоне этого воина было что-то другое. И это другое показалось ей знакомым. Она слышала это в голосе своего прадеда Тардос Морса, джеддака Гелиума, когда он отдавал команды, и в голосе своего деда Морс Каяка, джеда. И в голосе своего великого отца, Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, когда он обращался к своим воинам.

Но сейчас у нее не было времени размышлять об этом, так как позади послышался звон оружия, и она поняла, что Туран скрестил меч с первым из преследователей. Оглянувшись, она увидела его в позе фехтовальщика; дочь лучшего бойца Барсума, она была знакома с искусством фехтования.

Она увидела неуклюжую атаку калдана и быстрый уверенный ответ воина. Увидев его могучее тело, игру его мускулов, увидев его ловкость и проворство, она поняла, что к чувству благодарности у нее примешивается восхищение, которое всегда испытывает женщина при виде мужской силы и красоты.

Трижды меч воина менял свое положение: в первый раз он отразил атаку, во второй — сделал ложный выпад, а в третий — ударил. Безжизненный калдан упал со своего рикора, а Туран быстро повернулся к следующему. Затем Чек увел Тару вверх, и поворот лестницы скрыл их от сра-

жающихся. Ее сердце рвалось к нему, но рассудок говорил, что она больше поможет ему, если будет в готовности ждать у приборов аэроплана.

IX

НАД ЧУЖИМИ ЗЕМЛЯМИ ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Вскоре Чек остановился у открытой двери, и Тара увидела за ней в лунном свете огороженный стенами двор с безголовыми рикорами, лежащими возле кормушек. Она увидела мужские тела, мускулистые, как у лучших воинов ее отца, и женские тела, чьим фигурам позавидовали бы лучшие красавицы Гелиума. Ах, если бы она могла наделить их способностью к действию!

Тогда она была бы уверена в спасении воина. Но это были всего лишь груды глины, и она не в силах была вдохнуть в них жизнь. Они будут лежать здесь, пока их не призовет к действию холодный и бессердечный мозг калдана. Девушка вздохнула с сожалением и содрогнулась от отвращения, задевая неподвижные тела, лежавшие на ее пути.

Они с Чеком быстро взобрались на борт аэроплана, после того как Чек отвязал его от якоря. Тара проверила приборы, поднимая и опуская корабль на несколько футов над огороженным участком. Аэроплан слушался управления превосходно. Тогда она вновь опустила его на землю и принялась ждать. Из открытой двери доносились звуки битвы, все более близкие. Девушка, видевшая искусство своего спасителя, теперь меньше опасалась за его жизнь. В узком коридоре на него мог напасть только один противник, действовавший в неудобной позиции. Воин мастерски владел мечом, а в сравнении с ним калданы были неуклюжими и малоподвижными. Их единственное преимущество было в многочисленности, но пока они не могли окружить его.

Девушка задумалась. Если бы сейчас она видела воина, то волновалась бы гораздо больше, ибо он пренебрегал многими возможностями для отступления во двор крепости. Он сражался спокойно, но с суровым упорством, которое не походило на чисто защитные действия. Он часто переступал через тело павшего врага и делал шаг навстречу следующему. Наконец он остановился, вокруг него лежало пять мертвых калданов, остальные еще не подоспели. Ни калдан,

ни девушка, ожидавшие его в аэроплане, не узнали, что он не просто боролся за свое освобождение: Гохан из Гатола мстил за оскорбление любимой женщины. Наконец он понял, что дальнейшая задержка может быть опасной для Тары. Повергнув наземь очередного калдана, он повернулся и бросился наверх по лестнице, ведущей во двор. Бегущие за ним калданы скользили на покрытом кровью и мозгом калданов полу — преследователи задержались.

Гохан достиг двора на двадцать шагов раньше преследователей и побежал к аэроплану.

— Вверх! — крикнул он девушке. — Я поднимусь по веревочной лестнице.

Маленький аэроплан начал медленно подниматься, пока Гохан переступал через мертвые тела рикоров, лежавших у него на пути. Первый из преследователей выбежал из крепости во двор в тот момент, когда Гохан ухватился за веревочный трап.

— Быстрее! — крикнул он девушке. — Или же они стянут нас вниз!

Корабль, казалось, едва двигался, хотя в действительности для одноместного аэроплана, нагруженного тремя людьми, он поднимался с максимальной скоростью. Гохан уже поднялся до уровня стен, но свободный конец якорного каната все еще был на земле. Калданы толпой выбегали из крепости во двор. Их предводитель ухватился за канат.

— Скорее! — крикнул он. — Хватайтесь все, и мы стоим их вниз!

Для выполнения его плана необходим был лишь вес нескольких рикоров. Корабль приостановил подъем, а затем, к своему ужасу, Тара почувствовала, что он медленно опускается. Гохан также понял опасность и необходимость немедленных действий. Держась за трап рукой, он правой выхватил из ножен меч. Ударом меча он рассек мягкую голову калдана у себя под ногами.

Девушка слышала пронзительный свист врагов и в то же время поняла, что корабль поднимается. Вскоре аэроплан был недостижим для врагов, а мгновение спустя Туран перебрался через борт корабля на палубу. Впервые за много недель сердце девушки наполнилось радостью и благодарностью, но первая мысль ее была о другом.

— Ты не ранен? — спросила она.

— Нет, Тара из Гелиума, — ответил он. — Они были бессильны против моего меча, мне даже не угрожала настоящая опасность.

— Они могли легко убить тебя,— сказал Чек.— Их мозг так велик и развит, что благодаря логике они могли предвидеть все твои действия и парировать все твои удары и в то же время нанести тебе удар в самое сердце.

— Но они этого не сделали, Чек,— возразил ему Гохан.— Их теория развития неверна, и они, без сомнения, уступают хорошо развитому человеку. Вы развили мозг и пренебрегли телом, но нельзя руками другого делать то же, что и своими руками. Мои руки привыкли к мечу, каждая мышца немедленно отзывается на приказ, аккуратно и механически, как только в этом возникает потребность. Я отражал удары с той же легкостью и быстротой, как если бы сталь моего меча имела глаза и разум. Вы с вашим мозгом калдана и телом рикора никогда не сможете достичь такого совершенства. Развитие мозга не равноценно развитию человека. Самые счастливые люди те, у которых уравновешено развитие мозга и тела, но даже эти люди далеки от совершенства. Абсолютное совершенство означает прекращение развития и смерть. В природе должны быть контрасты: в ней есть и свет и тени, и счастье и горе, и правда и неправда, и добродетель и грех.

— Я всегда думал иначе,— ответил Чек,— но с тех пор, как я узнал эту женщину и тебя, представителей другой расы, я понял, что возможны другие идеалы жизни, отличные от тех, что известны калданами. Я много думал о том состоянии, что вы называете счастьем, и понял, что вы правы, хотя я сам не могу ощутить его. Я не могу смеяться или улыбаться. Но я испытываю удовольствие, когда эта женщина поет, и это чувство открывает передо мной удивительную перспективу красоты и удовольствий, которые страшно далеки от холодных радостей совершенного мозга. Я хотел бы родиться в твоём народе.

Подгоняемый слабым ветерком, их аэроплан медленно летел к северо-востоку над долиной Бантума. Внизу лежали возделанные поля, одна за другой оставались позади крепости Моака, Нолаха и других королей калданных роев, населявших эту странную и ужасную землю. Каждую крепость окружало огороженное пространство, заполненное рикорами — неподвижными, безголовыми существами, прекрасными, но отвратительными.

— Это урок,— заметил Гохан, глядя на рикоров во дворе крепости, над которой они пролетали,— той, к счастью, небольшой части нашего народа, которая преклоняется перед мясом и превращает еду в культ. Ты знаешь их, Тара из Гелиума: они подробно расскажут тебе, чем завтракали

две недели тому назад, и как приготовить филе из тотта, и какое вино следует подавать к мясу цетидаара.

Тара рассмеялась.

— Но ни один из них не назовет нам художника, чьи произведения решением Совета джеддаков приняты в этом году во Дворец Красоты,— сказала она.— Их развитие подобно развитию рикоров, оно не уравновешено.

— Счастливы те, в ком есть и хорошее и плохое, кто способен и на радость и на ненависть, те, кто терпимо относятся к другим людям. Те, кто лишены эгоизма, а не те, чей мозг непомерно развит и перевешивает все остальное.

Когда Гохан кончил говорить, Чек издал звук, как человек, желающий привлечь к себе внимание.

— Ты говоришь как человек, много размышлявший. Разве вам, людям красной расы, мысль доставляет удовольствие? Разве вы находите радость в размышлении? Разве разум и логика играют какую-то роль в вашей жизни?

— Конечно,— ответил Гохан,— но размышления не занимают все наше время. Ты, Чек, например, являешь образец эгоизма, о котором я говорил. Так как ты и твой народ преклоняетесь только перед разумом, вы не верите, что другие люди тоже могут мыслить. Но мы не так ограничены, как вы, думающие только за себя и о себе и о своем огромном мозге. Мы думаем и о многом другом, затрагивающем благосостояние всего мира. Если бы не красные люди, даже калданы исчезли бы с лица Барсума; вы не можете жить без воздуха, которого на Барсуме давно уже не было бы в достаточном количестве, если бы красные люди не сконструировали и не построили огромные атмосферные фабрики, которые дали новую жизнь умирающему миру. Чего стоят все дела калданов в сравнении с этим единственным делом красной расы?

Чек был поставлен в тупик. Будучи калданом, он знал, что мозг имеет огромную силу, но никогда не думал, что эту силу можно использовать и в практических целях. Он отвернулся и стал глядеть вниз, на землю своих предков, над которой он медленно пролетал. В какие неведомые земли? Он был настоящим богом среди безвольных рикоров, но эти двое из другой земли поставили под вопрос его превосходство. Даже несмотря на свой чрезмерный эгоизм, он начал подозревать, что эти двое покровительствуют ему, может, даже жалеют его. Он удивился происходившей в нем перемене. Больше у него не будет множества рикоров, готовых выполнить его повеления. С ним один-единствен-

ный рикор, и когда он погибнет, другого не будет. Когда рикор устанет, Чек вынужден будет беспомощно ждать, пока тот отдохнет. Он пожалел, что встретил эту красную женщину. Она принесла ему одни неприятности. Внезапно Тара начала петь, и Чек почувствовал от этого удовольствие.

Спокойно плыли они при свете бегущих лун среди теней барсумской ночи. Рычание бенсов достигало их ушей, пока аэроплан не пересек границу Бантума, оставив позади эту странную и несчастную землю. Но куда же их несет?

Девушка поглядела на мужчину, сидевшего скрестив ноги на палубе крошечного судна и погруженного в думы.

— Где мы?— спросила она.— Куда нас несет?

Туран пожал широкими плечами.

— Звезды говорят, что мы движемся на северо-восток,— ответил он,— но где мы и куда нас пригонит ветер, я не могу даже гадать. Неделю назад я бы поклялся, что знаю, что лежит за ближайшей знакомой грядой холмов, к которой я подходил, но теперь, должен сознаться, не знаю, что лежит в миле от нас в любом направлении. Тара из Гелиума, мы заблудились, и это все, что я могу тебе сказать.

Он улыбнулся, и девушка улыбнулась в ответ. Какое-то знакомое выражение промелькнуло на его лице и в его улыбке. Она встречала много странствующих воинов: они приходили и уходили, вступая в схватки по всей планете, но этого она, кажется, не знала.

— Из какой ты страны, Туран?— спросила вдруг она.

— Разве ты не знаешь, Тара из Гелиума, что у странствующего воина нет родины? Сегодня он сражается под знаменами одного хозяина, завтра — другого.

— Но когда ты не воюешь, ты сохраняешь верность какой-то стране,— настаивала она.— Какому флагу служишь ты теперь?

Он встал и низко поклонился ей.

— У меня очень приятная служба. Я служу под знаменем дочери Главнокомандующего... теперь и навсегда!

Она поднялась и взяла его руку своей маленькой рукой.

— Я принимаю твою службу,— сказала она,— и обещаю, когда мы достигнем Гелиума, что любое желание твоего сердца будет выполнено.

— Я буду служить верно, надеясь на награду,— сказал он, но Тара не поняла истинного смысла его слов, думая, что он рассчитывает на денежную награду. Могла ли она, гордая дочь Главнокомандующего, думать, что простой воин-наемник мечтает о ее руке и сердце?

На рассвете они продолжали лететь над незнакомой местностью. Ночью ветер усилился и унес их далеко от Бантума. Страна под ними была суровой и негостеприимной. На поверхности, усеянной глубокими ущельями, не было видно воды, как нигде не было и следов растительности. Никаких признаков жизни. Казалось, здесь вообще не может существовать жизнь. У них не было ни пищи, ни воды, и они страдали от жажды и голода. Чек, по совету Турана, слез со своего рикора, уложив его в безопасности на палубе. Чем меньше он будет его использовать, тем дольше сохранит. К тому же так рикор будет меньше страдать от голода. Чек, подобно гигантскому пауку, ползал по кораблю, под килем, под мачтами. Для него любое место казалось неудобным, так как одноместный аэроплан с трудом вмещал троих.

Туран всегда находился впереди, пытаясь увидеть воду. Нужно найти воду или одну из фабрик, производящих воду, которые давали жизнь многим засушливым районам Барсума. Но здесь не было следов ни того, ни другого. Наступила третья ночь. Девушка не жаловалась, но Гохан знал, что она страдает, и у него было тяжело на сердце. Чек меньше всех страдал от голода и жажды. Он объяснил, что калданы могут долго жить без пищи и воды. Туран проклинал Чека, глядя на Тару, с трудом передвигающуюся по палубе, тогда как калдан казался по-прежнему полным сил.

— Бывают обстоятельства,— заметил Чек,— когда большое сильное тело нужно меньше, чем высокоразвитый мозг.

Туран поглядел на него, но ничего не сказал. Тара слабо улыбнулась.

— Не стоит упрекать его,— сказала она.— Разве мы не затронули его гордость рассказами о своем превосходстве?— И добавила:— Когда наши желудки были полны...

Наступивший день открыл их взорам местность со следами обитания. Это оживило их надежды. Вдруг Туран показал вдаль.

— Посмотри, Тара из Гелиума! — воскликнул он радостно.— Город! Не будь я Го... не будь я Тураном, это город!

Далеко в свете восходящего солнца были видны купола, стены и крепости города. Воин быстро повернул руль, и аэроплан опустился под прикрытие вершины ближайшего к ним холма.

Туран знал, что им не следует показываться, пока они не установят, друзья или враги населяют этот город. Они на-

ходились очень далеко и вряд ли могли встретить здесь друзей, поэтому воин соблюдал максимальную осторожность. Но это был город, а там, где город, должна быть и вода, даже если он покинут. Если это населенный город, то там есть и пища.

Для красного воина пища и вода даже во враждебном городе означали воду и еду для Тары. Он попросит еду и воду у друзей... или добудет их у врагов.

Туран направил аэроплан к вершине ближайшего холма, и затем, когда их уже не могли обнаружить, мягко посадил его на землю в небольшом овраге. Корабль прочно привязали к дереву. Некоторое время они обсуждали свое положение — нужно ли ждать здесь до темноты и затем проникнуть в город в поисках воды и пищи или же приблизиться к городу сейчас и, пользуясь любыми укрытиями, выяснить, кто его населяет?

Принят был план Турана. Они подойдут к городу на безопасное расстояние. Может, они найдут воду вне города, а возможно, и пищу. Если им не повезет, они дождутся ночи, и тогда Туран пойдет по городу и в сравнительной безопасности поищет воду и пищу. Идя вверх по оврагу, они достигли вершины хребта, с которого открывался прекрасный вид на ближайшую часть города. Здесь они стали наблюдать, скрываясь в ветвях большого дерева. Чек оставил своего рикора, чтобы тот меньше утомлялся. Первый же взгляд на город, который был теперь гораздо ближе, чем когда они открыли его существование, показал, что город обитаем. У ворот двигались люди. На многочисленных флагштоках висели знамена и вымпелы. Высокие белые стены охранялись часовыми. На крышах высоких зданий видны были женщины, проветривающие спальные меха и шкуры. Туран смотрел на это некоторое время в молчании.

— Я не знаю их,— сказал он наконец.— Я не могу сказать, что это за город. Но это древний город. Его люди не знают ни аэропланов, ни огнестрельного оружия.

— Откуда ты это знаешь? — спросила девушка.

— На крышах не видно причальных мачт. Простой взгляд на Гелиум обнаружил бы их сотни. А их укрепления предназначены для защиты от копий и стрел, а не от огнестрельного оружия. Это древние люди.

— Если они древние, возможно, они дружелюбные,— предположила девушка.— Разве, будучи детьми, мы не учили, что в прошлом Барсум населяла единая миролюбивая раса?

— Боюсь, что они не настолько древние,— со смехом ответил Туран.— Прошло много веков с того времени, когда люди Барсума любили мир.

— Мой отец любит мир,— ответила девушка.

— Однако он все время воюет,— сказал мужчина.

Она засмеялась.

— Но он говорит, что любит мир.

— Мы все любим мир,— согласился он,— но честный мир. А наши соседи не оставляют нас в мире, поэтому мы вынуждены сражаться.

— А чтобы сражаться хорошо, мужчина должен любить сражаться,— добавила она.

— А если любишь сражаться, то нужно же знать, как это делать, потому что человек стремится всегда лучше узнать дело, которое любит. Иначе другой человек сделает это дело лучше его... Поэтому войны будут всегда и люди всегда будут сражаться,— заключил он.— И всегда люди с горячей кровью будут упражняться в искусстве войны.

— Мы обсуждаем важный вопрос,— сказала девушка с улыбкой.— Но наши животы все еще пусты.

— Твой воин помнит о своей обязанности, принцесса,— ответил Туран.— Но как может быть иначе, если лучшая награда всегда перед его глазами.

Она опять не поняла истинного смысла его слов.

— Я иду вниз,— продолжал он,— и отберу пищу и воду у древних.

— Нет! — воскликнула она, положив на его руку свою.— Погоди! Они убьют тебя или возьмут в плен. Ты храбрый и могучий воин, но ты не можешь победить в одиночку целый город.

Она улыбнулась ему, ее рука все еще лежала на его руке. Он почувствовал, как горячая кровь бежит по жилам. Он мог бы схватить ее в объятия и прижать к себе. Здесь был только калдан Чек, но что-то более сильное, сильнее его самого, остановило воина. Кто может определить, что это было — рыцарское чувство, которое делает настоящего мужчину защитником женщины?

Из своего наблюдательного пункта они увидели отряд всадников, выехавший из ворот и поскакавший по хорошо укатанной дороге к подножию холма, с которого они смотрели на город. Воины были красные, как и они сами, и ехали на небольших оседланных тотгах. Их одежда отличалась варварским великолепием, а в головных уборах было множество перьев, что являлось обычным для древних людей. Они были вооружены мечами и длинными копьями,

полуодеты, а их кожа разукрашена краской, синей и белой. Их было не менее двух десятков, и они представляли собой дикое и прекрасное зрелище.

— У них вид настоящих воинов,— сказал Туран.— Мне очень хочется пойти в город и попытаться счастья.

Тара покачала головой.

— Подожди! Что я буду делать, если тебя возьмут в плен? Тогда и ты не сможешь получить свою награду.

— Я спасусь,— сказал он.— Во всяком случае, стоит попробовать.— И он начал спускаться с холма.

— Ты не пойдешь! — властным голосом сказала девушка.

Воин вопросительно посмотрел на нее.

— Ты поступил ко мне на службу и должен повиноваться мне.

Туран с улыбкой вернулся и сел рядом с ней.

— Слушаюсь, принцесса,— сказал он.

День тянулся медленно. Чек, не любивший солнца, взобрался на рикора и перебрался ниже, в тень деревьев. Они ждали возвращения отряда, но он не вернулся. Небольшое стадо цитидаров прогнали в город днем, затем прошел караван повозок. Он также скрылся в городе, пройдя через ворота. Наступила темнота, и Тара разрешила своему воину отправиться на поиски воды и пищи. Уходя, он наклонился и поцеловал ей руку, как воин целует руку своей королевы.

Х

В ЛОВУШКЕ

Под покровом темноты Туран приближался к незнакомому городу. Он сохранял слабую надежду найти воду и пищу вне города, но если не удастся это сделать, он попытается пробраться в город: Таре из Гелиума нужны вода и пища, и нужны немедленно. Он заметил, что стена охраняется плохо, но она очень высока, и все его попытки перелезть через нее обречены на неудачу.

Скрываясь за деревьями и в кустах, Туран постарался добраться до подножия холма незамеченным; бесшумно двинулся он на север мимо входа в город, который был закрыт массивными воротами, не позволявшими бросить взгляд внутрь. На севере, где не было холмов, Туран надеялся найти ровное место: там могли быть возделанные поля,

снабжавшие жителей города овощами и прочим, там же могла быть и вода из оросительных систем. Но сколько он ни шел вдоль этой казавшейся бесконечной стены, он не видел ни полей, ни воды. Он попытался также найти способ проникнуть в город, однако и здесь его ждала неудача. Пока он шел вдоль стены, за ним следили проницательные глаза. Молчаливый наблюдатель некоторое время смотрел на него с вершины стены. Потом он спустился со стены на городскую мостовую и быстро обогнал чужеземца, шедшего в том же направлении.

Наблюдатель прошел в маленькую калитку, за которой находилось низкое строение и перед входом стоял на страже воин. Пришедший сказал несколько слов воину и вошел в здание, однако вскоре вернулся в сопровождении примерно сорока воинов. Осторожно открыв ворота, предводитель пристально посмотрел вдоль стены — туда, откуда только что пришел. Он, очевидно, удовлетворился увиденным и отдал короткую команду окружавшим его воинам, после чего половина вместе с предводителем украдкой выскользнула через ворота из города. Вблизи ворот воины замаскировались в кустах, ворота они оставили полуоткрытыми. Наступила полная тишина, но им не пришлось долго ждать. Появился Туран, осторожно пробиравшийся вдоль стены. Он подошел к самым воротам и, заметив, что они открыты, замер, прислушиваясь. Затем он взглянул внутрь. Убедившись, что никто не собирается его задерживать, он вступил через ворота в город.

Он оказался на узкой улице, шедшей рядом со стеной и параллельно ей. На противоположной стороне улицы возвышались здания незнакомой, но удивительной архитектуры. Хотя здания стояли вплотную друг к другу, среди них не было двух одинаковых, их видимые фронтоны были самой разной формы, размера и цвета. На фоне неба вырисовывались шпили, купола и минареты, высокие стройные башни и стены были покрыты множеством балконов. В мягком свете Хлоруса, дальней луны, висевшего низко на западе, он увидел, к своему удивлению, что балконы заполнены людьми. Прямо против него на балконе были две женщины и мужчины. Они сидели, облокотившись о балконные перила, и глядели прямо на него, но если они и видели его, никто этого не показал.

Туран перед лицом неминуемого обнаружения колебался лишь мгновение, а затем, решив, что его примут за одного из горожан, уверенно двинулся по улице. Не имея представления, в каком направлении нужно идти, чтобы достигнуть

того, что он искал, и не желая, чтобы дальнейшие колебания выдали его, он повернул налево и быстро пошел по мостовой, намереваясь уйти как можно дальше от этих ночных зрителей. Он знал, что ночь будет долгой, однако удивился, почему эти люди сидели на балконах, вместо того чтобы спать в своих спальнях на шкурах и шелках. Вначале он подумал, что это гости на каком-нибудь позднем празднике, но окна за их спинами были погружены в темноту, и это опровергало его предположение. В дальнейшем он прошел мимо многих других групп, сидевших на балконах. Некоторые, положив локти на перила, опирались подбородком в ладони рук. Другие обеими руками держались за перила, глядя вниз на улицу, некоторые держали в руках музыкальные инструменты, но пальцы их не трогали струн.

Затем Туран подошел к повороту улицы направо. Обогнув здание, пристроенное к городской стене, он оказался лицом к лицу с двумя воинами, стоявшими у входа в это здание. Невозможно было представить себе, что они его не заметили, однако никто из них не двинулся и не подал виду, что увидел его.

Он постоял в ожидании, положив руку на рукоять длинного меча, но они не пошевелинулись и не окликнули его. Может, и они приняли его за горожанина?! Никакое другое объяснение не подходило.

Когда Туран вошел в ворота и начал свой беспрепятственный путь по улицам города, двадцать воинов вошли в город и закрыли ворота, затем один из них взобрался на стену и поджидал Турана, если бы тот надумал вернуться, другой пошел за ним по улице, третий пересек улицу и вошел в здание на противоположной стороне.

Остальные, за исключением часового, оставшегося у входа, вернулись в здание, откуда ранее были вызваны. Это были хорошо сложенные люди, вымазанные краской. Сейчас их нагие тела были одеты лишь ночной тьмой. Говоря о чужестранце, они смеялись над тем, с какой легкостью удалось обмануть его. Продолжая смеяться, они легли на свои спальные меха и шелка, чтобы продолжить прерванный отдых. Было ясно, что это охрана ворот, у которых они спали. Было ясно также, что город охраняется гораздо лучше, чем считал Туран; джед Гатола был бы огорчен, узнай он о той легкости, с которой его обманули.

Проходя по улице, Туран встретил и других часовых у входа, но никто из них не уделил ему ни малейшего внимания, никто не пошевелился, не показал, что видит его. Но

Туран не мог предположить, что он проходит много раз мимо одних и тех же воинов; как только он поворачивал за угол, неподвижный часовой внезапно оживал, пересекал улицу, входил в узкий проход в стене, быстро проходил коридором, идущим в стене, выходил из стены перед Тураном и вновь занимал пост, становясь неподвижным и ни на что не обращая внимания. Туран не знал также, что второй воин, скрываясь в тени здания, следует за ним, а третий следит с вершины стены.

Так Туран шел в молчании по улицам незнакомого города, стараясь найти воду и пищу для любимой женщины. Мужчины и женщины смотрели на него с темных балконов, но никто не говорил ни слова. Внезапно из глубины улицы, куда он направлялся, послышался знакомый звук оружия — сигнал о приближении какого-то отряда. Одновременно Туран увидел открытую дверь справа от себя, тускло освещенную изнутри. Это была единственная возможность спрятаться от приближающихся воинов. Хотя Туран и миновал несколько неподвижных и равнодушных часовых, он не надеялся так же легко отделаться от караула. Отряд, приближение которого он слышал, был, конечно, караулом или патрулем.

За дверью он обнаружил шедший направо коридор, затем коридор неожиданно свернул влево. Никого не было видно, и он осторожно дошел до второго поворота, чтобы получить укрытие от тех, кто проходил по улице.

И вновь перед ним был длинный, слабо освещенный коридор. Ожидая здесь, он слышал, что отряд входит в здание, кто-то прошел по коридору; затем дверь, в которую он вошел, захлопнулась. Он положил руку на меч, ожидая услышать шаги преследователей. Но никого не было. Он повернулся и выглянул: коридор, вплоть до запертой двери, был пустым. Тот, кто закрыл дверь, остался снаружи.

Туран ждал, прислушиваясь. Не было слышно ни звука. Он подошел к двери и приложил к ней ухо. Улица снаружи молчала. Возможно, дверь закрыло сквозняком, а может, это сделал, выполняя свои обязанности, патруль — неважно. Очевидно, патруль прошел, и он может вернуться на улицу продолжать свои поиски. Где-нибудь здесь должен быть фонтан, где он наберет воды, а в пищу пойдут связки высушенных овощей и мяса у входа в дома бедняков: таков был обычай низших классов всего Барсума. Именно такой район он и разыскивал, поэтому и хотел уйти подальше от ворот, так как понимал, что здесь ему никак не встретить дома бедняков.

Он попытался открыть дверь, но напрасно — она была заперта снаружи. Это было непредвиденное осложнение. Туран почесал затылок.

— Счастье отвернулось от меня, — пробормотал он.

А за дверью в облиии разрисованного воина стояла насмешливо улыбающаяся судьба. Искусно был обманут этот неосторожный чужеземец! Освещенная дверь, звенящий оружием патруль — все это было заранее продумано тем самым третьим воином, который следил за Тураном за дверью, и ничего удивительного в его улыбке не было.

Выход закрыт! Туран вернулся в коридор. Он молча и осторожно шел по нему. Время от времени попадались двери, но все они были закрыты. Чем дальше он шел, тем более странным становился коридор. Закрытая дверь преградила ему путь в конце коридора, но дверь справа оказалась открытой, и он вошел в тускло освещенную комнату, в стенах которой были три другие двери, и каждую из них он пробовал отворить. Двери были закрыты, одна открыта. За ней была лестница, ведущая вниз. Она была спиральной и не позволяла видеть, что делается за следующим поворотом. Дверь в коридор оставалась открытой, и в нее вошел третий воин и последовал за Тураном. Слабая усмешка все время была у него на губах.

Туран вынул короткий меч и начал осторожно спускаться. В конце оказался короткий коридор, завершающийся очередной дверью. Туран приложил к ней ухо. Ни звука не доносилось до него. Тогда он попробовал открыть дверь, и она поддалась, перед ним была комната, широкая, с грязным полом. В стены уходили еще несколько дверей, все были заперты. Пока Туран осматривался в комнате, третий воин спустился по спиральной лестнице за ним. Туран пересек комнату и подошел к одной из дверей. Она была заперта. Послышался какой-то приглушенный шум. Туран с мечом в руке вернулся в комнату к выходу, через который вошел, но и эта дверь оказалась запертой. Ее заперли только что — он слышал это.

С проклятием он обошел комнату и попытался открыть дверь — напрасно! Он больше не хотел красться, понимая, что обнаружен.

Всем телом он налег на эту дверь, но она была сделана из толстых досок, которые выдержали бы и удары тарана. Из-за двери послышался низкий смех.

Туран быстро осмотрел другие двери. Все они были заперты. Взгляд, брошенный в комнату, обнаружил в ней

деревянный стол и скамью. В стены были вделаны толстые кольца, а к ним прикованы заржавевшие цепи — ясное доказательство, для чего предназначалась эта комната. В грязном полу у стен было два или три отверстия, напоминавшие выходы из нор — несомненно, жилища гигантской марсианской крысы. Туран все еще продолжал осматриваться, когда внезапно погас тусклый свет, и он оказался в темноте. Он нащупал стол и скамью. Поставив скамью у стены, он придвинул к ней стол и сел, держа длинный меч в полной готовности перед собой. Он не сдастся без борьбы!

Некоторое время он сидел в ожидании. Ни звука не доносилось в эту подземную темницу. Он перебирал в уме происшествия ночи — открытые и неохраняемые ворота, освещенная дверь, единственная, что была открыта на улицах, по которым он проходил, появление воинов патруля как раз в тот момент, когда он дошел до этой двери. Коридоры и комнаты, которые вели к этой подземной тюрьме!

— Клянусь духом первого предка! — воскликнул он. — Какой же я глупец! Они просто провели меня и захватили безо всякой борьбы. Но с какой целью?

Затем его мысли вернулись к девушке: она ожидает его в холмах за городом, а он не придет. Он был хорошо знаком с древними обычаями Барсума. Нет, он не вернется никогда. Он улыбнулся при теплом воспоминании о словах команды, слетевших с ее прекрасных уст. Он послушался и теперь лишился своей награды.

Но что будет с ней? Какова ее будущая судьба? Неужели ей придется умирать от голода перед враждебным городом в присутствии только этого калдана. Другая и ужасная мысль пришла ему в голову. Девушка рассказывала ему об ужасном зрелище, свидетельницей которого она была в норах калданов. И теперь он знал, что калданы могут есть человеческое мясо. Чек голоден... Если он будет есть своего рикора, то останется беспомощным, но ведь была и другая пища для них обоих: для калдана и для рикора! Туран проклинал себя за тупость. Зачем он оставил ее? Лучше было остаться и умереть на месте с ней, всегда будучи готовым защитить ее, чем оставлять на милость этого отвратительного бантумианца.

Вдруг Туран ощутил в воздухе тяжелый запах. Его охватила слабость. Он пытался бороться с этим чувством, но даже не смог встать на ноги. Пришлось вновь опуститься на скамью. Пальцы, державшие меч, разжались, и он склонился над столом, положив голову на руки.

По мере того как проходила ночь и Туран не возвращался, Тара все больше и больше беспокоилась. Когда наступил рассвет, она поняла, что с воином что-то случилось; что-то большее, чем опасение за свою судьбу, вызвало у нее печаль, беспокойство и чувство одиночества, она поняла, что нуждалась не только в защите этого воина, но и в его обществе. Она потеряла его, а потеряв, поняла, что он значил для нее больше, чем просто наемный солдат. Такое чувство испытываешь, когда теряешь старого и верного друга. Она поднялась со своего места, чтобы получше разглядеть город.

У-Дор, двар восьмого утана О-Тара, джедака Манатора, возвращался этим ранним утром из короткой поездки в соседнее поселение. Когда он проезжал мимо холмов с южной стороны города, его внимание привлекло слабое движение в кустарнике на вершине ближайшего холма. Он остановил своего тота и присмотрелся внимательнее. В кустах он заметил человека, разглядывавшего Манатор.

— За мной! — скомандовал он сопровождавшим его воинам и быстрым галопом поскакал вверх. За ним бесшумно следовали его двадцать воинов. Тара услышала звон оружия и оглянулась. Она увидела, что к ней приближаются два десятка воинов с копьями наперевес.

Она взглянула на Чека. Что будет делать это паукообразное существо? Она увидела, что Чек ползет к своему рикору. Рикор встал, его прекрасное тело вновь было полно жизни. Она подумала, что калдан готовится к бегству. Что ж, для нее это не имело значения. Против тех, кто поднимался по холму, единственный посредственный боец, каким был Чек, вряд ли мог ее защитить.

— Быстрее, Чек, — сказала девушка, видя, что он намерен ее защитить, — что можно сделать одним мечом против целого отряда?

— Можно умереть в бою, — ответил калдан. — Ты и твой воин спасли меня от Лууда, и я думаю, что и Туран защищал бы тебя!

— Это смелый, но бесполезный поступок, — ответила она. — Спрячь свой меч, может, они не собираются причинять нам вреда?

Чек опустил конец меча, но не спрятал его в ножны, и так они стояли в ожидании, пока двар У-Дор не остановил перед ними своего тота, а двадцать воинов образовали вокруг них неправильный круг.

Несколько долгих минут У-Дор молчал, внимательно разглядывая вначале Тару, а затем ее спутника.

— Что вы за люди?— спросил он вдруг.— И что вы делаете перед воротами Манатора?

— Мы из далекой страны,— ответила девушка,— мы заблудились и голодны. Мы просим только пищи, отдыха и возможности продолжить поиски пути домой.

У-Дор свирепо ухмыльнулся.

— Манатор не знает никаких других стран в мире,— сказал он.— В истории Манатора не было случаев, чтобы незнакомцы, пришедшие сюда, покидали наш город.

— Но я принцесса! — надменно воскликнула Тара.— И моя страна не воюет с твоей. Ты должен помочь мне и моим товарищам вернуться домой. Таков закон Барсума.

— Манатор знает только законы Манатора! — ответил У-Дор.— Но идем. Ты пройдешь с нами в город. Ты прекрасна, и тебе ничего не будет. Я сам защищу тебя, если позволит О-Тар. А что касается твоего спутника, то... Но погоди! Ты сказала «товарищи», где же остальные?

— Ты сам все видишь,— надменно сказала Тара.

— Пусть будет так,— сказал У-Дор.— Если есть другие, они не спасутся. Но вот если твой спутник искусен в битвах, он будет жить. О-Тар справедлив, и справедливость — закон Манатора. Пойдем!

Чек колебался.

— Бесполезно,— сказала Тара, видя, что он все еще намерен бороться.— Пойдем с ними. Зачем напрасно проливать кровь? Мы можем спастись. Разве твой мозг не придумает выхода?— быстрым шепотом говорила она.

— Ты права, Тара из Гелиума,— ответил он и спрятал меч в ножны.

И они пошли вниз по холму к воротам Манатора в окружении суровых раскрашенных воинов У-Дора, двара восьмого утана О-Тара, джедака Манатора.

ХІ

ВЫБОР ТАРЫ

Восходящее солнце Барсума окружило Манатор сверкающим ореолом, когда девушка в сопровождении стражи входила в город через Ворота Врагов. Здесь стена была в пятьдесят футов толщиной, и по сторонам прохода были

сделаны длинные параллельные полки от пола до потолка. На этих полках, или длинных горизонтальных нишах, стояли ряд за рядом маленькие фигурки, похожие на крошечных уродливых людей; их длинные черные волосы спускались до ног и иногда опускались на нижнюю полку. Фигуры были не более фута в высоту и напоминали мумифицированные тела людей. Девушка заметила, что когда они проходили мимо, воины приветствовали фигурки поднятием копий, как обычно на Барсуме отдают военные почести. Затем они вышли на улицу, которая широкой и прямой лентой проходила к центру города на восток.

По сторонам возвышались большие, причудливо расписанные здания. Фрески, прекрасные и, очевидно, древние, покрывали стены, их краски выцвели от солнца за прошедшие столетия. На мостовой бурлила жизнь проснувшегося города. Женщины в бриллиантовых украшениях, воины, украшенные перьями, были расписаны красками, но гораздо менее ярко, — все готовились исполнять свои дневные обязанности. Большой цитидар, великолепный в своей роскошной упряжи, провез карету по каменной мостовой в Ворота Врагов. Жизнь, яркие краски, красота — все это наполняло Тару удивлением и восхищением. Таковы были города основоположников ее расы, перед тем как Тро Ксеус, величайший из океанов, исчез с лица планеты. А с обеих сторон улицы с балконов в молчании смотрели на сцены внизу мужчины и женщины.

Люди на улицах рассматривали пленников, особенно Чека, задавали вопросы страже и обсуждали ответы, но зрители на балконах молчали, никто из них даже не повернул головы. На каждом здании было множество балконов, и на каждом была молчаливая группа богато одетых мужчин и женщин. А кое-где среди них были видны и дети. Но и дети сохраняли общую неподвижность и молчание.

Дойдя до центра города, девушка увидела, что даже крыши были покрыты этими равнодушными зрителями, богато и пестро одетыми, как будто находившимися на веселом празднике. Но смех не слетал с их молчаливых губ, и не раздавалась музыка, хотя украшенные драгоценностями пальцы многих из них покоились на струнах музыкальных инструментов.

Улица расширилась и превратилась в огромную площадь, на дальнем конце которой возвышалось стройное здание, сверкавшее белым мрамором среди окружавших его пестрых построек. Перед ним были разноцветные, преимущест-

венно алые, цветники и кустарники. К этому зданию У-Дор и привел пленников. Они оказались перед большой аркой, охраняемой строем из пятидесяти всадников. Когда командир отряда узнал У-Дора, всадники расступились, образовав широкий проход, через который прошел отряд. Прямо за входом оказался широкий пандус, ведущий наверх. У-Дор повернул налево и провел их на второй этаж здания, а затем двинулся по длинному коридору. Им встретилось несколько всадников, а в боковых помещениях виднелось их множество. На некотором расстоянии друг от друга в стороны отходили другие пандусы, ведущие вверх или вниз. Мимо проскакал воин, торопившийся выполнить чье-то поручение.

До сих пор Тара не встретила в этом здании ни одного пешехода, однако на третьем этаже, куда привел их У-Дор, в боковых помещениях было множество расседланных то-тов, а спешившиеся всадники сидели развалясь, упражнялись в фехтовании или играли в джэтан. Затем они оказались в длинном широком зале, так роскошно украшенном, что даже принцесса могучего Гелиума ничего подобного не видела. Потолок зала в нишах арок сверкал от бесчисленного количества сосудов с радием. Мощные пролеты арок шли от стены к стене, оживляя широкий проход, посередине которого была единственная колонна. Арки были сделаны из больших квадратных блоков белого мрамора. Потолок между арками был усеян радиевыми шарами, разукрашенными камнями. Сверкание, краски и красота наполняли все помещение.

Сверху стены были украшены неровной каймой пышных драпировок. Стены были из мрамора и на высоту до семи футов от пола выложены чистым золотом. Пол также был мраморным, с обильными золотыми инкрустациями. Этот зал был один украшен большим количеством сокровищ, чем весь город.

Но больше, чем роскошь украшений, внимание девушки привлекли ряды великолепно вооруженных воинов, сидевших верхом на тотях, в полном молчании и неподвижности, с обеих сторон от центрального прохода. Когда отряд проходил между ними, девушка не заметила даже мигания глаз или дрожания уха тоты.

— Зал Вождей, — прошептал один из воинов, очевидно, заметив ее интерес. В его голосе были нотки гордости и благоговения. Через высокую дверь они прошли в соседнюю комнату, большой квадратный зал, где в седлах развалились десятка полтора вооруженных всадников.

Когда У-Дор и его отряд вошли в комнату, воины быстро выпрямились в седлах и образовали линию перед дверью в противоположной стене. Падвар, командовавший ими, приветствовал У-Дора, который со своим отрядом остановился перед линией всадников.

— Пошли кого-нибудь к О-Тару известить, что У-Дор привел двух пленников, — сказал У-Дор падвару, — одну — за исключительную красоту, другого — за исключительное безобразие.

— О-Тар совещается с вождями, — ответил лейтенант, — но слова двара О-Тару передадут. — И он отдал приказание одному из воинов.

— Что за существо этот мужчина? — недоуменно спросил он У-Дора. — Не может быть, чтобы они оба принадлежали к одной расе.

— Их нашли на холмах к югу от города, — объяснил У-Дор, — и она сказала, что они заблудились и голодны.

— Женщина прекрасна, — сказал падвар. — Она недолго будет ждать убежища в Манаторе. — И они принялись говорить о других делах: о строительстве дворца, об экспедиции У-Дора, пока не вернулся воин и не передал приказ О-Тара — привести пленников к нему.

Они прошли через массивную дверь и оказались в Большом Зале Советов О-Тара, повелителя Манатора. Центральный проход, размерами с большой зал, вел к мраморным ступеням возвышения, где на большом троне сидел человек. С обеих сторон от прохода располагались ряды высоких кресел, сделанных из твердого дерева изумительной красоты. Только несколько из этих кресел вблизи трона были заняты.

В зале У-Дор спешил и в сопровождении четырех воинов повел пленников к подножию трона. Когда они остановились у мраморных ступеней, гордый взгляд Тары из Гелиума остановился на фигуре человека на троне. Он сидел прямо, но не одревенело, с царственной осанкой, которую так любили вожди Барсума. Это был человек большого роста, красивые черты лица которого портило высокомерное выражение холодных глаз и впечатление жестокости, шедшее от узких губ.

Не требовалось внимательного наблюдения, чтобы понять, что это действительно повелитель людей — могучий джеддак, перед которым его люди преклоняются, но которого не любят и из-за чьего взгляда воины соревнуются, идя в бой и на смерть. Это был О-Тар, джеддак Манатора, и когда Тара впервые увидела его, она не могла сдер-

жать восхищения перед этим человеком, воплощавшим собой древнего бога войны.

У-Дор и джеддак обменялись приветствиями, принятыми на всем Барсуме, а затем двар подробно рассказал, как были обнаружены и схвачены пленники. Во время рассказа У-Дора О-Тар пристально рассматривал их обоих, непроницаемое лицо не выдавало мыслей, возникавших в его мозгу. Когда офицер кончил, джеддак устремил пристальный взгляд на Чека.

— Из какого ты народа?— спросил он.— Из какой страны? Почему ты в Манаторе?

— Я калдан,— ответил Чек,— высшее достижение разума на Барсуме. Я мозг, а вы все — материя. Я пришел из Бантума. Я потому здесь, что мы заблудились и голодны.

— А ты?— О-Тар внезапно повернулся к Таре.— Ты тоже калдан?

— Я принцесса Гелиума,— ответила девушка.— Я была пленницей в Бантуме. Вот этот калдан и воин моей расы освободили меня. Воин ушел на поиски пищи и воды... Несомненно, он в руках твоих людей. Я прошу освободить его, дать нам воды и пищи и возможность продолжать наш путь на родину. Я внучка джеддака джеддаков, Главнокомандующего Барсума. Я прошу лишь того же, что мой народ дал бы тебе и твоим людям.

— Гелиум,— повторил О-Тар.— Я ничего не знаю о Гелиуме. Не джеддак Гелиума правит Манатором. О-Тар — джеддак Манатора. Ты никогда не видела женщину или мужчину Манатора в плену в Гелиуме. Почему же я должен заботиться о людях другого джеддака? Это его обязанность. Коли он не может сделать этого, то, значит, он слаб, а его люди должны перейти под власть более сильного. Я, О-Тар, силен. Я беру вас. Этот,— он указал на Чека,— он может сражаться?

— Он храбр,— сказала Тара,— но не так искусен в обращении с оружием, как воин моего народа.

— Больше никто не может сражаться за тебя?— спросил О-Тар.— Мы справедливый народ,— продолжал он, не ожидая ответа,— и если кто-нибудь будет сражаться за тебя, он может выиграть свободу для себя и для тебя.

— Но У-Дор сказал, что еще ни один чужестранец не покинул Манатора,— ответила она.

О-Тар пожал плечами.

— Это не уменьшает справедливости законов Манатора,— ответил он,— но скорее свидетельствует о непобеди-

мости его воинов. Если кто-нибудь сможет победить наших воинов, он заслужит полную свободу.

— Если вы приведете моего воина,— надменно сказала Тара,— вы увидите искусство владения мечом, какого никогда не видели разрушающиеся от ветхости стены вашего умирающего города. Если в твоём предложении нет обмана, мы скоро будем свободны.

О-Тар улыбнулся шире, чем раньше. У-Дор тоже улыбнулся, вожжи и воины смеялись и подталкивали друг друга локтями, перешептываясь.

Тара поняла, что в их справедливости кроется какая-то хитрость. Но хотя ее положение казалось безнадежным, она не теряла надежды. Разве не была она дочерью Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, чей известный вызов судьбе: «Я еще жив!» оставался для нее единственной защитой от отчаяния? При мысли о своем доблестном отце подбородок Тары из Гелиума вздернулся еще выше. О, если бы отец знал, где она,— не было бы причин бояться! Гости из Гелиума были бы уже у ворот Манатора. Огромные зеленые воины, дикие союзники Джона Картера, пришедшие со дна мертвого моря, стремились бы к грабежу и большой добыче, корабли Гелиума нависли бы над беззащитными куполами и башнями города. Только капитуляция и богатая дань спасли бы Манатор.

Но Джон Картер ничего не знал! Здесь был только один человек, на которого она могла надеяться,— Туран, ее воин. Но где же он? Она видела его меч в бою и поняла, что им управляет искусная рука. А кто мог знать искусство фехтования лучше Тары, которая изучала его под руководством самого Джона Картера? Приемы, которые она знала, могли защитить ее от самого сильного противника, а способы атаки вызвали бы зависть у самого искусного бойца. Однако мысли ее обратились к Турану не только потому, что она рассчитывала на его защиту и искусство фехтования. С тех пор, как он оставил ее в поисках пищи и воды, она поняла, что между ними возникла дружба. Что-то произошло между ними такое, что уничтожало пропасть в их положении. Потеряв его, она поняла, что он не просто воин, а она принцесса,— они товарищи. Она поняла, что сожалеет не о его мече, а о нем самом. Она вновь повернулась к О-Тару.

— Где Туран, мой воин?— спросила она.

— Ты не будешь испытывать недостатка в воинах,— ответил джеддак.— Из-за твоей красоты многие захотят бороться за тебя. Может, и сам джеддак Манатора защитит

тебя. Ты нравишься мне, женщина. Что ты скажешь о такой чести?

Сощурившись, принцесса Гелиума презрительно оглядела джеддака Манатора от украшенной перьями головы до сандалий на ногах, затем вновь с ног до головы.

— Честь?! — передразнила она его. — И я нравлюсь тебе? Знай, нахал, что ты мне не нравишься, дочь Джона Картера не для таких, как ты!

Внезапная напряженная тишина воцарилась в Зале Совета. Кровь медленно отхлынула с сурового лица О-Тара, джеддака Манатора, затем он покраснел от гнева. Его глаза сузились в две щелки, губы изогнулись в кровожадной усмешке. В тронном зале дворца долго царило молчание. Затем джеддак повернулся к У-Дору.

— Уведите ее, — сказал он ровным голосом, подавив свой гнев. — И на ближайших играх пленники и простые воины разыграют ее в джэтан.

— А этого? — спросил У-Дор, указывая на Чека.

— В тюрьму до следующих игр, — ответил О-Тар.

— Так вот какова твоя справедливость? — воскликнула Тара. — Два чужестранца, не причинившие тебе никакого вреда, осуждены без суда. И одна из них — женщина. Нахалы Манатора столь же справедливы, сколь и храбры!

— Прочь! — крикнул О-Тар, и по его знаку воины окружили пленников и вывели их из помещения.

После выхода из дворца Чека и Тару разлучили. Девушку повели по длинной улице к центру города и в конце концов привели в низкое здание, увенчанное очень высокой и прочной башней. Здесь ее подвели к воину со знаками различия двара, или капитана.

— По приказу О-Тара, — обратился к нему У-Дор, — ее нужно содержать до ближайших игр, когда пленники и простые воины разыграют ее. Если бы не ее язык тот, она была бы желанным призом и для нашей гордой стали. — И У-Дор вздохнул. — Может, даже я выиграл бы ее. Жаль, что такая красота достанется какому-нибудь грубому воину. Я бы возвысил ее до себя.

— Если я пленница, то отведите меня в тюрьму, — сказала девушка. — Я не желаю слушать каждого грубияна, восхищающегося мной.

— Видишь, А-Кор, — воскликнул У-Дор, — какой у этой девушки язык? Так, и даже хуже, говорила она и с О-Таром, джеддаком.

— Вижу, — ответил А-Кор, который, как заметила Тара, с трудом удерживал улыбку. — Пойдем со мной, жен-

щина,— сказал он.— И мы найдем безопасное место в крепости Джэтан. Но что с тобой?

Девушка пошатнулась и упала бы, если бы он не подхватил ее на руки. Она попыталась освободиться и устоять без поддержки. А-Кор взглянул на У-Дора.

— Ты знал, что эта женщина больна?— поинтересовался он.

— Возможно, это от голода,— ответил тот.— Я вспомнил: она говорила, что они не ели несколько дней.

— Храбры воины О-Тара,— усмехнулся А-Кор и добавил:— Велико их гостеприимство. У-Дор, чьи богатства неисчислимы, и доблестный О-Тар, тот, которого едят из золотых кормушек, не нашли даже сухой корки для голодной девушки!

У-Дор нахмурился.

— Твой язык может стоить тебе головы, сын рабыни! — воскликнул он.— Слишком часто ты испытываешь терпение справедливого О-Тара! Закрой свой рот так же, как и свою крепость!

— Не думай, что, упоминая о происхождении моей матери, ты насмехаешься надо мной,— сказал А-Кор.— Кровь рабыни наполняет меня гордостью, и мой единственный позор в том, что я сын джеддака.

— И О-Тар слышал это?— спросил У-Дор.

— О-Тар часто слышал это из моих собственных уст,— ответил А-Кор.— Это, и не только это...

Он повернулся, все еще поддерживая Тару за талию, и повел ее в крепость Джэтан, в то время как У-Дор повернул тота и галопом поскакал ко дворцу.

У главного входа в крепость Джэтан сидели и лежали с полдюжины воинов. К одному из них и обратился А-Кор, хранитель крепости.

— Сходи за Лан-О, девушкой-рабыней, и прикажи ей принести еду и питье на верхний этаж.

Затем он повел девушку, повисшую у него на руках, по спиральной лестнице вверх. Здесь Тара окончательно потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то оказалась в большой круглой комнате, в каменных стенах которой было несколько окон, расположенных по кругу на равных расстояниях друг от друга. Она лежала на гряде спальных мехов и шелков, а над ней склонилась молодая женщина, пытавшаяся влить ей в рот какой-то холодный напиток. Тара привстала, опираясь на локоть, и огляделась. В первое мгновение она как бы забыла о происшествии последних недель. Ей показалось, что она проснулась во

дворце Главнокомандующего в Гелиуме. Ее недоуменный взгляд остановился на склоненном над ней незнакомом лице.

— Кто ты?— спросила она.— А где Утна?

— Я Лан-О, рабыня,— ответила девушка.— Я не знаю, кого зовут Утна.

Тара выпрямилась и еще раз огляделась. Грубые каменные стены ничем не напоминали мрамор залов ее отца.

— Где я?— спросила она.

— В крепости Джэтан,— ответила девушка и добавила, видя, что Тара ее не понимает: — Ты пленница в крепости Джэтан Манатора... А-Кор, двар этой крепости, принес тебя сюда без сознания. Он послал меня к тебе с пищей и водой. У А-Кора доброе сердце.

— Теперь я вспомнила,— медленно сказала Тара,— я все вспомнила, но где же Туран, мой воин? Они что-нибудь говорили о нем?

— Я ничего не слышала о нем,— ответила Лан-О,— только тебя одну привели в крепость. Ты, должно быть, счастлива, ибо нет в Манаторе человека добрее А-Кора. Кровь матери делает его таким. Она была рабыней из Гатола.

— Гатол! — воскликнула Тара из Гелиума.— Гатол близко от Манатора?

— Не очень, но это ближайшая к нему страна,— ответила Лан-О.— Она лежит в двадцати градусах* к востоку.

— Гатол! — пробормотала Тара.— Далекий Гатол!

— Но ты сама не из Гатола,— сказала рабыня.— У гатолианцев другая одежда.

— Я из Гелиума,— сказала Тара.

— Гелиум далеко от Гатола,— сказала рабыня,— но в школе нам говорили о могучем Гелиуме. Мы — гатолиане, и поэтому он не кажется нам далеким.

— Ты тоже из Гатола?— спросила Тара.

— Большинство рабов Манатора родом из Гатола,— ответила девушка-рабыня.— Гатол — ближайшая страна, и жители Манатора захватывают там рабов. Они собираются в огромных количествах один раз в период от трех до семи лет и перекрывают все дороги, ведущие в Гатол. Все караваны, идущие из Гатола, они перехватывают; никто не может вернуться назад и рассказать о нашей судьбе. И до

* Примерно восемьсот четырнадцать земных миль.

сих пор никто не смог рассказать это Гохану, нашему джеду.

Тара из Гелиума ела медленно и в молчании. Слова девушки пробудили в ней воспоминания о последних часах, проведенных во дворце отца, о большом празднике, на котором она встретила Гохана из Гатола. Даже теперь она вспыхнула, вспомнив его дерзкие слова.

Пока она сидела в задумчивости, дверь открылась, и вошел толстый воин — неповоротливый мужчина с толстыми губами и злым, хитрым лицом. Рабыня вскочила на ноги, глядя на него.

— Что это значит, Э-Мед? — воскликнула она. — Разве А-Кор не приказал, чтобы эту женщину не беспокоили?

— А-Кор приказал! — Мужчина зло рассмеялся. — Приказы А-Кора теперь не имеют силы в крепости Джэтан или где-нибудь еще, потому что сам А-Кор в тюрьме О-Тара, а двар этой крепости теперь Э-Мед.

Тара увидела побледневшее лицо рабыни и ужас в ее глазах.

XII

ЧЕК ОТКАЛЫВАЕТ ШУТКИ

Когда Тару из Гелиума увели в крепость Джэтан, Чек под конвоем был отправлен в тюрьму под дворцом, где его поместили в слабо освещенной комнате. Здесь он обнаружил скамью, стол у стены; в стены было вделано несколько колец со свисающими с них короткими ремнями. В грязном полу у основания стен было несколько отверстий. Это было единственное, что заинтересовало Чека. Он сел на скамью и ждал, в молчании прислушиваясь. Неожиданно свет погас. Чек обязательно бы засмеялся, если бы был способен на это, так как в темноте он видел даже лучше, чем при свете. Он продолжал следить в темноте за отверстиями у стен и ждать. Вдруг он почувствовал, что воздух в комнате изменился, стал тяжелее и приобрел странный запах. И вновь Чек улыбнулся бы, если бы мог. Пусть они даже весь воздух из комнаты выкачают, для него это все равно: Чек, калдан, не имел легких и не нуждался в воздухе. Другое дело рикор. Лишенный воздуха, он умрет. Но если сохранить хоть немного воздуха, это не отразится на безголовом, лишенном мозга рикоре. Пока избыток двуокиси углерода в крови не прекратит работу сердца, рикор

будет испытывать только некоторое замедление жизнедеятельности. Но немедленно вернется к активности, пробужденный мозгом калдана. Чек заставил рикора сесть, прижимаясь к стене; в такой позе он мог сидеть без управления мозгом. Затем калдан прекратил контакт со спинным мозгом рикора, однако оставался у него на плечах, выжидая: подозрительность калдана была возбуждена. Ему не пришлось долго ждать. Свет вновь зажегся, одна из дверей отворилась, пропустив с полдюжины воинов. Они быстро приблизились к нему и принялись за дело. Сначала они сняли с него оружие, надев затем кандалы на лодыжку рикора, приковали его к концу цепи, свисавшей со стены. Затем они перетащили длинный стол на другое место и привинтили его к полу, так что один конец стола оказался прямо перед пленником; на стол перед ним они поставили пищу и воду, а на противоположном конце стола положили ключ от кандалов, затем раскрыли двери и ушли.

* * *

Придя в себя, Туран ощутил острую боль в руке. Действие газа прекратилось так же быстро, как и началось, так что, открыв глаза, он полностью владел своими чувствами. Лампы вновь горели, и в их свете он увидел на столе гигантскую марсианскую крысу, грызущую его руку. Отдернув руку, он потянулся за коротким мечом, в то время как крыса вновь попыталась укунить его. И тут Туран обнаружил, что все его оружие исчезло — и короткий меч, и длинный, и кинжал, и пистолет. Крыса вновь прыгнула на него, и Туран быстро отступил назад, чтобы избежать ее клыков. Что-то внезапно потянуло его за правую лодыжку, и ему пришлось переступить левой ногой, чтобы вернуть утраченное равновесие; наступив при этом ногой на туго натянутую цепь, он тяжело упал на пол. Крыса прыгнула ему на грудь, пытаясь достать горло.

Марсианская крыса — свирепый и кровожадный зверь. Она многолапа и безволоса. Ее шкура отвратительна и напоминает кожу новорожденной мыши. По размерам и морде ее можно сравнить с большим эрдельтерьером. Глаза у нее маленькие и глубоко посаженные. Самое опасное ее оружие — челюсти из крепкой кости, выдающиеся вперед на несколько дюймов.

Сверху и снизу в них по пять острых, напоминающих по форме лопату, клыков. Эти клыки придают морде живот-

ного выражение свирепой ухмылки. Именно такое животное прыгнуло на грудь воину, пытаясь перегрызть ему горло. Дважды Туран отбрасывал его прочь, пытаясь при этом встать на ноги, и дважды животное возобновляло нападение. Единственным оружием зверя были челюсти, так как широкие скошенные назад лапы были вооружены тупыми когтями. Своими выступающими клыками крыса роет подземные ходы и норы, а широкими лапами отбрасывает землю назад. Турану нужно было только уберечься от ее клыков, и это ему удавалось делать до тех пор, пока он не ухватил зверя за горло. После этого все быстро кончилось. Наконец, встав на ноги, он с отвращением отбросил прочь мертвую крысу. Теперь он принялся, впервые после того, как пришел в себя, рассматривать изменения, происшедшие в комнате. Он с трудом сообразил, что же произошло. Его усыпили и отобрали оружие, а когда он встал, то понял, что за одну из лодыжек прикован цепью к стене. Он осмотрелся. Все двери были широко открыты. Его тюремщики делали более невыносимым его заключение, оставляя перед ним, казалось бы, такие близкие выходы на свободу. На ближнем конце стола, легко доступные, стояли пища и вода. При виде пищи его пустой желудок, казалось, громко закричал. Это было трудно себе представить, ибо обычно Туран был весьма умерен в еде и питье.

Пока он ел, глаза его ни на минуту не переставали оглядывать границы тюрьмы. Вдруг он заметил, что на противоположном конце стола что-то лежит. Это был ключ. Подняв закованную лодыжку, он осмотрел замок на кандалах. Не могло быть сомнения! Это был ключ от замка на его кандалах. Беспечный воин забыл его здесь. Надежда вновь вспыхнула в груди Гохана из Гатола, или Турана. Он украдкой взглянул в открытые двери. Никого не было. О, если бы он вырвался на свободу! Он выбрался бы из этого проклятого города и никогда больше не расставался с Тарой, защищая ее от всех бед, если понадобится, даже ценой своей жизни.

Он встал и осторожно двинулся к противоположному концу стола, где лежал желанный ключ. Прикованная нога остановила его, и он вытянулся на всю длину стола, протянув пальцы к своей желанной цели. Пальцы были уже рядом с ключом — еще немного, и он схватит его. Он тянулся изо всех сил, но ключ все так же был вне досягаемости... Он продолжал свои попытки. Кандалы глубоко врезались ему в ногу, но все было напрасно. Он вновь сел на

скамью и, глядя на раскрытые двери и ключ, понял, что все это было частью хорошо продуманной изощренной пытки, которая должна была деморализовать пленника, не подвергая его физическим страданиям. Вначале воин пустился в бесполезные сожаления и проклятия, затем собрался с духом, нахмурился и вернулся к прерванной еде. В конце концов, он не доставит им удовольствия понять, как глубоко они ранили его. Во время еды ему пришло в голову, что можно попробовать подвинуть стол к себе и тем самым приблизить ключ, но затем он увидел, что во время его беспамьтства стол прикрепили к полу. Го-хан вновь усмехнулся, пожав плечами, и принялся за еду.

Когда воины вышли из камеры, куда заключили Чека, калдан сполз с плеч рикора и перебрался на стол. Здесь он немного поел и направил руки рикора к еде и питью, и безголовое существо с жадностью набросилось на них. А Чек тем временем, подобно пауку, прополз к противоположному концу стола, где лежал ключ от кандалов. Взяв его в зубы, он спустился на пол и быстро пополз к одному из отверстий в полу... Некоторое время он изучал это отверстие. Оно соответствовало его вкусам калдана. И это было удобное место для ключа. Кроме того, здесь, видимо, было логово единственной пищи, которой способен был наслаждаться калдан, — мяса и крови. Чек никогда не видел ульсио, так как гигантская марсианская крыса давно исчезла в Бантуме — на нее усиленно охотились калданы, но Чек унаследовал, не отдавая себе в этом отчета, каждое воспоминание каждого из своих предков, поэтому он знал, что ульсио живет в таких норах, что ульсио годится в пищу, знал также и то, как выглядит ульсио, каковы ее привычки, хотя никогда не видел ни ее самое, ни ее изображения. Когда мы разводим животных, мы стараемся выработать у них нужные им свойства. Точно так же, развивая свой мозг, калданы передали по наследству свои знания, опыт потомкам. Несомненно, и в нашем сознании скрываются впечатления и знания наших далеких предков. Они спят в нашем сознании, и у нас возникает смутное представление о какой-то там прошлой жизни. О, если бы мы могли оживить эти воспоминания! Перед нами раскрылись бы картины прошлого. Мы бы, может, посетили сады Господа, в которых наши далекие предки жили до грехопадения. Чек углубился в нору и по крутому спуску спустился на десять футов. Здесь он оказался в восхитительной, прекрасно выделанной сети подземных ходов. Калдан приободрился. Здесь была настоящая жизнь! Он быстро

и бесстрастно двигался к своей цели, как вы, например, входите в кухню в своей квартире. Его цель лежала в углублении сферической камеры в одном из проходов. Здесь в гнезде из обрывков меха и ткани лежали шесть детенышей ульсио. Когда их мать вернулась, там было только пять детенышей и существо, похожее на большого паука. Она немедленно бросилась в атаку на пришельца и была встречена челюстями, которые перехватили ее так, что крыса не могла шевельнуться. Челюсти медленно подтянули горло зверя к отвратительному рту калдана, и через мгновение крыса была мертва. Чек мог бы долго оставаться в гнезде, так как пищи здесь хватило бы на много дней, но он не стал делать этого. Наоборот, он принялся исследовать норы. Он проникал во множество остроумно устроенных ловушек, нашел отравленную пищу и другие признаки постоянной и безуспешной борьбы, которую вели жители Манатора с этими отвратительными созданиями, населявшими подвалы их домов и общественных зданий. Он обнаружил не только то, что эти подземные ходы пронизывали каждый район города, но и то, что большинство из них были очень-очень древними.

Тонны и тонны почвы должны были быть перемещены, и он долгое время недоумевал, куда же она делась, пока один из шедших вниз туннелей большой ширины и длины не привел его к месту, где был слышен рокот подземного водопада. Вскоре он уже был на берегу большой подземной реки, уходившей далеко к центру планеты, где она, несомненно, впадала в подземный океан Омеан. В эту стремительную реку бесчисленные поколения ульсио сбрасывали землю, которую они выкапывали во время строительства своих обширных лабиринтов. Лишь ненадолго задержался Чек у подземной реки. Его, на первый взгляд, бессмысленные поиски на самом деле направлялись на поиски определенной цели, и эту цель он преследовал с энергией и целеустремленностью отчаяния. Он исследовал множество ходов, кончавшихся подземными камерами или другими помещениями, осматривал их из безопасной глубины нор, пока не убеждался, что того, что он ищет, здесь нет. Он быстро передвигался на своих паучьих лапах и за короткое время покрывал значительное расстояние.

Его поиски не увенчались успехом, и он решил вернуться в тюрьму к своему прикованному рикору и посмотреть, не нужно ли ему помочь. Дойдя до конца прохода, кончавшегося в этой камере, он замедлил шаги у самого выхода из норы: отсюда он в полной безопасности мог рассмотреть,

что делается в камере. Он увидел, что в раскрытой двери появилась фигура воина. Рикор сидел, навалившись на стол, его руки медленно двигались в поисках пищи. Чек видел, как воин взглянул на рикора, его глаза широко раскрылись, и пепельная бледность сменила бронзовый цвет кожи. Воин отступил назад, как будто его ударили в лицо; парализованный страхом, он стоял так несколько мгновений, затем приглушенно вскрикнул, повернулся и побежал. Как жаль, что калдан Чек не мог смеяться!

Быстро войдя в комнату, он подполз к столу, взобрался на плечи рикора и принялся ждать. Можно было подумать, что у Чека, не умевшего даже улыбаться, появилось чувство юмора. Около получаса просидел он так, затем до него донесся звук шагов, приближавшихся по каменному полу коридора. Он услышал звон оружия, задевавшего за стены, и понял, что эти люди торопятся. Но перед входом в его камеру они остановились и пошли медленнее. Впереди был офицер, а за ним, по-прежнему широко раскрыв глаза, шел немного ошеломленный воин, который убежал в такой панике. Войдя в комнату, они остановились, и офицер взглянул на воина. Пальцем он указал на Чека.

— Вот он сидит! Неужели ты солгал моему двару?

— Клянусь,— воскликнул воин,— я сказал правду. Это существо сидело без головы, наклонясь над столом. Пусть первый предок убьет меня на месте, если это неправда!

Офицер был в недоумении. Марсиане очень редко лгут. Он почесал затылок. Затем обратился к Чеку.

— Долго ли ты находишься здесь?

— Кто может знать лучше тех, кто поместил меня сюда и приковал к стене?— вопросом на вопрос ответил Чек.

— Видел ли ты этого воина несколько минут тому назад?

— Да, я видел его,— ответил Чек.

— И ты сидел там же, где сидишь теперь?

— Посмотри на эту цепь и скажи, где я еще мог сидеть?— воскликнул Чек.— Разве люди твоего города так глупы?

Три остальных воина подошли поближе с целью лучше рассмотреть пленника. Они улыбались неудаче, постигшей их товарища. Офицер же пригрозил Чеку:

— Твой язык так же ядовит, как и язык львицы, которую по приказу О-Тара отвели в крепость Джэтан.

— Ты говоришь о молодой женщине, взятой в плен вместе со мной?— спросил Чек. Его монотонный голос и

лишенное выражения лицо не выдавали его заинтересованности в этом вопросе.

— Я говорю о ней,— ответил двар и повернулся к воину, вызвавшему его.— Возвращайся в казарму и оставайся там до следующих игр. Может, за это время твои глаза перестанут обманывать тебя.

Воин бросил яростный взгляд на Чека и отвернулся. Офицер покачал головой.

— Не понимаю,— пробормотал он.— У-Ван всегда был правдивым и надежным воином. Возможно ли это?..— Он проницательно взглянул на Чека.— Твоя голова не соответствует твоему телу, парень! — воскликнул он.— В наших легендах рассказывается о древних существах, которые могли вызывать галлюцинации у людей. Если ты из их числа, то О-Тар знал бы, что делать с тобой.— Он повернулся и приказал своим воинам следовать за собой.

— Подождите! — крикнул Чек.— Я голоден... Принесите мне еды.

— У тебя была пища,— ответил воин.

— Я не могу есть один раз в день,— сказал Чек.— Мне нужна еда чаще. Пришлите мне пищи.

— Тебе принесут еду,— ответил офицер,— никто не смеет сказать, что пленники Манатора голодают. Законы Манатора справедливы.— И он удалился.

Как только смолк звук их шагов, Чек сполз с плеч рикора и пробрался в нору, где спрятал ключ.

Открыв им замок, он снял кандалы с ноги рикора и вновь спрятал ключ в нору. Затем вернулся на свое место на плечи безмозглого существа.

Вскоре послышались шаги, он встал и вышел в соседний коридор. Здесь Чек спрятался и стал прислушиваться. Он слышал, как человек вошел в комнату и остановился. Он услышал приглушенное восклицание и металлический звук, с которым ударился о стол поднос. Затем вновь раздался быстрые шаги, которые замерли в глубине коридора. Чек, не теряя времени, вернулся в камеру, достал ключ и вновь приковал рикора. Затем вновь положил ключ в нору, взобрался на стол и направил руки рикора на еду. Пока рикор ел, Чек прислушивался к звукам в коридоре.

Расслышав вскоре топот ног и звон оружия, он взобрался на рикора. Вновь вошел офицер с тремя воинами. Один из них был, очевидно, тот, что принес ему пищу, так как его глаза широко раскрылись при виде Чека, сидящего за столом; воин выглядел очень глупо, когда двар строго взглянул на него.

— Было так, как я сказал,— воскликнул воин.— Его здесь не было, когда я принес пищу.

— Но ведь сейчас он здесь,— строго сказал офицер,— и кандалы у него на ноге. Посмотри! Они закрыты, но... где же ключ? Он должен быть на противоположном конце стола. Где ключ? — крикнул он Чеку.

— Как я могу, пленник, знать, где ключ от моих кандалов? — возразил Чек.

— Но он лежал здесь! — воскликнул офицер, показывая на противоположный конец стола.

— Ты видел его? — спросил Чек.

Офицер колебался.

— Нет, но он должен быть здесь,— ответил он.

— Ты видел здесь ключ? — спросил Чек у другого воина.

Тот отрицательно покачал головой.

— А ты? — продолжал спрашивать у воинов калдан, обращаясь к ним поочередно.

Все сознались, что не видели ключа.

— Разве мог бы я взять его, даже если бы он был здесь? — продолжал он.

— Нет, он не мог бы дотянуться,— сообразил офицер,— но больше ничего подобного не будет. И-Зав, ты останешься здесь и будешь охранять пленника, пока тебя не сменят.

И-Зав ничего не ответил, но подозрительно посмотрел на Чека, в то время как офицер и остальные воины повернулись и оставили пленника.

ХІІІ

ОТЧАЯННЫЙ ПОСТУПОК

Э-Мед пересек комнату и приблизился к Таре и девушке-рабыне Лан-О. Он грубо схватил Тару за плечо.

— Вставай! — приказал он.

Тара, отбросив руку, встала и отвернулась.

— Не трогай своей грязной рукой принцессу Гелиума, животное! — сказала она.

Э-Мед засмеялся.

— Ты думаешь, я собираюсь шутить с тобой, ты, за которую я буду играть? Иди сюда!

Девушка выпрямилась во весь рост, прижала руки к груди, и Э-Мед не заметил, что тонкие пальцы ее правой руки скрылись за широким кожаным ремнем, опоясывающим ее фигуру, начиная с левого плеча.

— Если О-Тар узнает об этом, ты пожалеешь, Э-Мед,— воскликнула рабыня.— В Манаторе нет закона, отдающего девушку до того, как за нее сражались.

— Что за дело О-Тару до ее судьбы? — ответил Э-Мед.— Разве я не слышал? Разве не насмеялась она над великим джеддаком? Клянусь моим первым предком, О-Тар сделает джеддом того, кто сумеет покорить ее...

— Подожди! — сказала девушка ровным низким голосом.— Возможно, ты не понимаешь, что делаешь. Личность женщины Гелиума священна для людей Гелиума. За честь беднейшей из них сам великий джеддак обнажает свой меч. Великие народы Барсума трепетали от звуков войны, которая велась в защиту Деи Торис, моей матери. Мы можем умереть, но нас нельзя унижить. Ты можешь играть в джэ-тан за принцессу Гелиума, но даже если выиграешь, награду не получишь никогда, ты выиграешь лишь мертвое тело. Знай, житель Манатора, что кровь Главнокомандующего течет в жилах Тары из Гелиума не зря. Вот так.

— Я ничего не знаю о Гелиуме. О-Тар — наш командующий,— ответил Э-Мед.— Но я знаю, что сначала я испытаю, чего стоит приз, за который буду играть. Я попробую вкус губ той, что станет моей рабыней после ближайших игр; не серди меня, женщина.— Глаза его сузились, и лицо приобрело выражение рычащего зверя.— Если ты сомневаешься в истинности моих слов, то спроси рабыню Лан-О.

— Он говорит правду, о женщина из Гелиума,— подтвердила Лан-О.— Не серди Э-Меда, если дорожишь своей жизнью.

Но Тара не ответила. Она уже все сказала. Она стояла молча, глядя в лицо приближавшемуся дородному мужчине. Он подошел ближе, внезапно схватил ее в объятия, пригнул и старался прижать свои губы к ее губам.

Лан-О видела, как женщина из Гелиума быстрым движением выхватила руку из-под ремня на своей груди. Рабыня увидела в этой руке длинный тонкий кинжал. Губы воина совсем приблизились к губам девушки, но им не суждено было коснуться их! Внезапно мужчина выпрямился, вскрикнул, съежился, подобно пустой шкуре, и упал на пол. Тара нагнулась и вытерла лезвие о его одежду. Лан-О, широко раскрыв глаза, с ужасом смотрела на тело.

— Мы умрем за это обе,— сказала она.

— Разве лучше быть рабыней в Манаторе?— спросила Тара.

— Я не так храбра, как ты,— ответила ей рабыня,— а жизнь хороша, и всегда остается надежда...

— Жизнь хороша, — согласилась Тара, — но честь священна. Не бойся, когда они придут, я скажу им правду — что ты не виновата в этом и не имела возможности защитить его. — Некоторое время рабыня, казалось, прислушивалась к своим мыслям. Вдруг лицо ее просветлело.

— Возможно, я нашла способ, — сказала она, — снять с нас подозрение. У него с собой ключ от нашей камеры. Давай откроем дверь и вытащим его — может, мы сумеем его спрятать.

— Хорошо! — согласилась Тара, и девушки немедленно принялись осуществлять предложение Лан-О. Они быстро отыскивали ключ, открыли дверь и, полунеся, полуташа, выволокли тело Э-Меда вниз по лестнице на следующий этаж, где, как сказала Лан-О, должны были быть свободные комнаты. Первая же дверь, которую они попытались открыть, поддалась, и они, неся свой тяжелый и неприятный груз, вошли в маленькую комнатку, освещавшуюся через единственное окно. Помещение, очевидно, использовалось как жилая комната, а не как тюремная камера: она была комфортабельно и даже роскошно обставлена. Стены были обиты деревянными панелями на высоту около семи футов, штукатурка выше на стенах и потолке была покрыта яркими, но слегка выцветшими фресками. Глаза Тары быстро бежали по комнате. Ее внимание привлекла часть панели, которая чуть отошла от соседней секции. Быстро подойдя, она заметила, что эта панель отделяется от другой промежутком в полдюйма. Единственное возможное объяснение заключалось в том, что здесь был какой-то тайник. Девушка ухватила за край панели и потянула к себе. Панель медленно отошла в сторону, открыв темное отверстие в стене.

— Смотри, Лан-О! — воскликнула она. — Посмотри, что я нашла — отверстие под панелью, в котором, наверное, удастся спрятать тело.

Лан-О присоединилась к ней, и они вдвоем обследовали отверстие, обнаружив небольшую площадку и узкую лестницу, ведущую вниз в потайную комнату. Толстый ковер покрывал ступени лестницы, и было видно, что уже очень давно тут не ступала нога человека — потайной ход, несомненно, был забыт жителями Манатора. Сюда они втащили тело Э-Меда, оставив его на площадке, и когда они оставили это тайное и забытое убежище, Лан-О хотела сдвинуть панель на место, но Тара не разрешила.

— Подожди! — сказала она и стала разглядывать резные украшения панели.

— Быстрее! — прошептала рабыня. — Если нас здесь найдут, мы погибли.

— Нам не мешает знать, как открывается это убежище, — ответила Тара. Она нажала на одно из украшений, и панель сдвинулась с места. — Ах! — вздохнула она, и в ее голосе было удовлетворение.

— Идем! — она быстро вернула панель на место и двинулась к выходу из комнаты.

Без приключений достигли они своей комнаты. Тара закрыла дверь изнутри и спрятала ключ в потайной карман.

— Теперь пусть приходят, — сказала она. — Пусть спрашивают. Что могут знать две бедные пленницы о судьбе своего гордого тюремщика? Я спрашиваю тебя, Лан-О, что могут они сделать?

— Ничего! — согласилась Лан-О и улыбнулась Таре.

— Расскажи мне о людях Манатора, — попросила Тара. — Любят ли они Э-Меда или некоторым из них нравятся такие, как А-Кор, который кажется человеком храбрым и вежливым?

— Они не любят людей из других стран, — ответила Лан-О. — Среди них есть и хорошие и плохие. Они замечательные и храбрые воины. Им известны рыцарство и честь, но в своих отношениях с чужеземцами они признают только один закон — закон силы. Слабость и бедствия других земель наполняют их презрением и вызывают все худшее в их характерах, что отражается и на нас, их рабах.

— Но как они могут испытывать презрение к тем, кому не повезло и кто попал в их руки? — удивилась Тара.

— Я не знаю, — сказала Лан-О. — А-Кор говорил, что это оттого, что их страна никогда не попадала во власть победоносного врага. Их набеги всегда заканчиваются удачно, так как они никогда не сталкиваются с более сильным врагом, поэтому они уверовали в собственную непобедимость и к остальным народам относятся как к низшим существам, неловким во владении оружием.

— Но А-Кор тоже один из них, — сказала Тара.

— Он сын О-Тара, джедака, — ответила ей Лан-О, — но его мать была знатной гатолианкой, взятой в плен и ставшей рабыней О-Тара. А-Кор гордится кровью своей матери, и он действительно не такой, как остальные. Он отличается рыцарством и вежливостью, хотя ни один враг не ставил под сомнение его храбрость, а его искусство владения мечом, копьём, тотом широко известно в Манаторе.

— Как ты думаешь, что с ним будет? — поинтересовалась Тара.

— Он приговорен к играм, — ответила Лан-О. — Если О-Тар не очень разгневан, он может быть приговорен к единственной игре, в этом случае он может остаться в живых. Но если О-Тар действительно хочет убить его, А-Кора приговорят к целой серии, а ни один воин не может выжить в десяти играх по приговору О-Тара.

— Что это за игра? Не понимаю, — сказала Тара. — Я слышала разговоры об игре в джэтан, но при этой игре не убивают. Мы часто играем в нее дома.

— Но они играют на арене Манатора, — ответила Лан-О. — Пойдем к окну. — И они подошли к окну, выходящему на восток.

Тара увидела перед собой большое поле, окруженное низкими зданиями; высокая башня, в которой они находились, была единственной. Вокруг арены были устроены сиденья. Но прежде всего привлекала внимание гигантская доска для джэтана, лежавшая на поле. На доске чередовались большие квадраты оранжевого и черного цветов.

— Здесь играют в джэтан фигурами. Играют за большие ставки, обычно — за женщин-рабынь исключительной красоты. О-Тар сам мог бы сыграть за тебя, если бы ты не разгневала его, но теперь тебя разыграют в открытой игре с участием рабов и преступников. Ты будешь принадлежать выигравшей стороне — не одному, а всем, кто выигрывает.

Глаза Тары вспыхнули, но она ничего не сказала.

— Те, кто руководит игрой, не обязательно принимают в ней участие, — продолжала рабыня. — Они сидят в больших креслах, которые ты видишь у противоположных концов доски, и продвигают свои фигуры с клетки на клетку.

→ Но в чем же опасность? — спросила Тара из Гелиума. → Если фигура сбита, ее убирают с доски — правила игры в джэтан старые, как цивилизация Барсума.

→ Здесь, в Манаторе, когда играют на арене живыми фигурами, правила изменены, — объяснила Лан-О. — Когда воина передвигают на клетку, занятую фигурой другой стороны, эти два воина должны сражаться до смерти одного из них, чтобы оставшийся в живых мог захватить клетку. Каждый воин одет в соответствующие своему полю цвета, вдобавок специальное обозначение показывает, является ли он рабом, воином, исполняющим приказ, или же добровольцем. Если он исполняет приказ, то заранее определяется, сколько игр он проведет, поэтому играющий знает, ка-

кими фигурами можно рискнуть, а какие надо приберечь. Более того, шансы каждого воина определяются позицией, которую он занимает в начале игры. Тех, кого желают уничтожить, всегда назначают пехотинцами, так как у пехотинцев всегда мало шансов.

— Могут ли те, кто руководит фигурами, участвовать в игре?— спросила Тара.

— О, конечно,— сказала Лан-О.— Часто, когда два воина, даже из высших классов, поссорятся друг с другом, О-Тар приказывает им решить свой спор на арене. Тогда они принимают активное участие в игре и с обнаженными мечами руководят движением других фигур с поля вождя. Они используют своих собственных игроков, чаще всего своих воинов и рабов, если богаты, либо в качестве фигур добровольцами выступают их друзья. Наконец, им могут дать для игры пленников из тюрьмы. Тогда получаются лучшие игры: часто сам великий вождь бывает убит.

— Значит, судебное разбирательство осуществляется в Манаторе тоже на этой арене?— спросила Тара.

— Да, большей частью,— ответила Лан-О.

— Как же тогда при таких обычаях может пленник выиграть свободу?— продолжала задавать вопросы девушка из Гелиума.

— Если человек останется живым после десяти игр, его освобождают,— ответила Лан-О.

— И все принимают участие в играх?— расспрашивала Тара.— А как же женщины?

— Еще ни один чужеземец в Манаторе не выдержал десять игр,— ответила рабыня.— Им предлагают оставаться рабами на всю жизнь, если они предпочитают такую участь играм. Конечно, их в этом случае, как любого воина, могут назначить для игр, но при этом их шансы на выживание увеличиваются, так как при выигрыше их не ждет свобода.

— Но женщины,— настаивала Тара,— как они могут заслужить свободу?

Лан-О засмеялась.

— Очень просто,— иронически воскликнула она.— Женщина находит воина, который будет сражаться за нее в десяти играх, и если он останется в живых — она свободна.

— Да, справедливы законы Манатора...— презрительно заметила Тара.

Она услышала шаги, ключ повернулся в замке, и дверь раскрылась. Заглянул воин.

— Был ли здесь двар Э-Мед?— спросил он.

— Да,— ответила Тара,— он был здесь недавно.

Воин быстро оглядел комнату, потом вопросительно посмотрел на Тару, затем на рабыню. На лице у него появилось растерянное выражение. Он почесал затылок.

— Странно,— сказал он.— Два десятка людей видели, как он поднялся к крепость, но, хотя в ней единственный, постоянно охраняемый выход, никто не видел, как он вышел.

Тара из Гелиума прикрыла зевок обратной стороной ладони.

— Принцесса Гелиума голодна, парень,— заявила она.— Скажи своему начальнику, что я хочу есть.

Только через час принесли еду. Человека, доставившего ее, сопровождали офицер и несколько воинов. Офицер внимательно осмотрел комнату, но в ней не было ни малейшего признака происшедших событий. Рана, отправившая Э-Мед к предкам, к счастью для Тары, была бескровной.

— Женщина,— сказал офицер, поворачиваясь к Таре.— Ты последней видела двара Э-Мед. Отвечай мне, и отвечай правдиво. Видела ли ты, как он вышел из комнаты?

— Да,— ответила Тара.

— Куда он пошел?

— Откуда мне знать? Не думаешь ли ты, что я могу видеть через запертую дверь?— В тоне девушки звучала насмешка.

— Мы не знаем...— ответил офицер.— Довольно странные вещи происходят в камере твоего товарища в тюрьме Манатора. Может быть, ты легко проходишь сквозь закрытую дверь и совершаешь еще более невозможные поступки?

— О ком ты говоришь?— воскликнула девушка.— О Туране, моем воине? Он жив? Скажи мне, он здесь, в Манаторе? Он не ранен?

— Я говорю о том, который называет себя Чеком, калданом,— ответил офицер.

— Но Туран! Скажи мне, падвар, слышал ли ты что-нибудь о нем?— Голос Тары был настойчив, она вся подалась к офицеру в ожидании ответа.

Офицер не обратил внимания на вопрос Тары. Что для него судьба какого-то раба?

— Люди не исчезают в воздухе,— сказал он,— и если Э-Мед не будет найден, этим делом займется сам О-Тар. Предупреждаю тебя, женщина, если ты принадлежишь к тем ужасным корфалам, которые вызывали духов мертвых

гигантов и заставляли выполнять их волю — многие сейчас думают, что Чек из их числа,— лучше верни Э-Меда, и О-Тар будет милостив к тебе.

— Что за глупости! — воскликнула девушка. — Я принцесса Гелиума, как я уже множество раз говорила. Даже если эти сказочные корфалы и существуют — а сейчас уже никто в них не верит,— то предания говорят, что они вселяются только в тела преступников и людей из низших классов. Человек из Манатора, ты глуп, и твой джеддак глуп, и весь твой народ — глупцы!

Девушка презрительно повернулась к нему спиной и принялась смотреть на поле для джэтана, на крыши Манатора и на расстилавшиеся за ними низкие холмы, где была свобода.

— Но если ты так много знаешь о корфалах,— воскликнул он,— тогда ты знаешь также, что ни один простой воин не посмеет нанести им вред! Они могут быть убиты безнаказанно только рукой джеддака.

Девушка ничего не ответила: она поняла, что, несмотря на его угрозы и гнев, никто в Манаторе не причинит ей вреда, за исключением О-Тара, джеддака. Спустя некоторое время падвар вышел, уведя своих воинов. После их ухода Тара долго глядела на Манатор, размышляя, какие еще неожиданности принесет ей судьба. Так стояла она в глубоком раздумье, когда снизу донеслись до нее звуки варварской музыки — глубокий мелодичный звук военной трубы, лязг оружия. Девушка подняла голову и прислушалась. Лан-О, стоявшая у противоположной стороны комнаты у окна, знаком подозвала к себе Тару. Отсюда через крыши были видны Ворота Врагов, через которые в город входили войска.

— Прибыл Великий джед,— сказала Лан-О,— никто другой не осмелился бы под звуки военной музыки войти в Манатор. Это У-Тор, джед Манатоса, второго после Манатора города. Его называют великим вождем повсюду в Манаторе. Народ любит его, а О-Тар ненавидит. Знающие люди говорят, что достаточно малейшего повода, чтобы между этими двумя вспыхнула война. Никто не знает, чем она кончится: хотя люди Манатора преклоняются перед О-Таром, но они любят и У-Тора, хотя он и не джеддак. Верность марсиан своему джеддаку превратилась почти в инстинкт и побеждает в них самосохранение; в этом нет ничего странного, так как их религия обожествляет предков, и каждая семья ведет свое происхождение от древних через бесчисленные века, а джеддак сидит на том самом

троне, на котором сидели его прямые предки сотни, а может, и тысячи лет, и правит потомками тех людей, которыми правили его предки. Слабого джеддака джеды смещают с трона, но на его место обычно выбирают члена правящей семьи, хотя законы дают им право выбрать кого-нибудь другого.

— Справедливый ли человек У-Тор?— спросила Тара.

— Да,— ответила Лан-О.— В Манатосе для игры в джэ-тан используют только преступников, приговоренных к казни, да и у тех есть шансы освободиться. Добровольцы могут играть, но их передвижения не связаны со смертельным риском — раненые или просто уставшие могут покинуть поле. Они смотрят на джэтан как на спорт — здесь же это бойня. У-Тор против продолжения походов за рабами и против политики, когда сохраняется изоляция Манатора от других народов Барсума. Но У-Тор не джеддак, поэтому ничего не меняется.

Девушка смотрела, как колонна, пройдя через Ворота Врагов, двинулась по широкой улице ко дворцу О-Тара. Великолепная варварская процессия раскрашенных воинов в драгоценных доспехах и развевающихся перьях, норовистые и визжащие тоты в богатой сбруе. Высоко над головами всадников на длинных пиках развевались флаги и вымпелы. Пехотинцы легко шли по каменной мостовой; их сандалии из шкуры цитидара не производили шума. В тылу каждого утана шли боевые колесницы, влекомые огромными цитидарами и нагруженные военным снаряжением. Утан за утаном проходил через большие ворота, и даже когда голова колонны достигла дворца О-Тара, они еще не все вошли в город.

— Я здесь уже много лет,— сказала Лан-О принцессе,— но никогда не видела, чтобы великий джед приводил в Манатор столько воинов.

Полузакрыв глаза, Тара смотрела на идущих по широкой улице воинов, стараясь представить себе, что это воины ее родного Гелиума пришли освободить свою принцессу. Эта гордая фигура на большом тоте могла быть Джоном Картером, Главнокомандующим Барсума, а за ним, утан за утаном, идут ветераны Империи. Девушка широко раскрыла глаза, увидела чужую раскраску воинов, вздохнула, и тут она снова увидела молчаливые фигуры на балконах. Ни одного жеста, ни крика приветствия, ни букета цветов, которыми обычно приветствуют входящие войска.

— Люди, кажется, не очень дружелюбно настроены к воинам Манатоса,— заметила она, обращаясь к Лан-О.—

Я не вижу ни одного приветствия от этих людей на балконах.

Девушка-рабыня удивленно посмотрела на нее:

— Не может быть, чтобы ты не знала,— воскликнула она.— Ведь это...— Но она не успела закончить. Дверь распахнулась, и перед ними появился офицер.

— Рабыня Тара, тебя вызывает О-Тар, джеддак! — заявил он.

XIV

ПО КОМАНДЕ ЧЕКА

Турана все больше раздражали кандалы. Медленно тянулось время. Молчание и отсутствие событий превращали минуты в часы. Отсутствие известий о судьбе женщины, которую он любил, превращало эти часы в адскую вечность. Он прислушивался, надеясь услышать чьи-нибудь шаги: тогда он мог бы узнать хоть что-нибудь о судьбе Тары из Гелиума.

После мучительных часов ожидания он услышал наконец лязг оружия. Идут люди! Он ждал, затаив дыхание. Может, это палачи. Но он все равно ждал их появления. Он расспросит их. Но если они ничего не знают о Таре, он ни за что не выдаст укрытие, в котором оставил ее. Они пришли — с полдюжины воинов и офицер, конвоировавшие безоружного мужчину, несомненно, пленника. Туран недолго сомневался в этом, так как вновь приведенного немедленно приковали к цепи, свисавшей со стены. Туран тут же начал расспрашивать офицера.

— Скажи,— потребовал он,— почему меня захватили в плен? И захватили ли других чужеземцев после того, как я вошел в город?

— Каких других чужеземцев? — спросил офицер.

— Женщину и мужчину с необычной головой,— ответил Туран.

— Возможно,— сказал офицер,— но как их зовут?

— Женщину зовут Тара, принцесса Гелиума, а мужчину — Чек, он калдан из Бантума.

— Это твои друзья? — спросил офицер.

— Да,— ответил Туран.

— Это все, что я хотел узнать,— сказал офицер, и по его короткой команде все вышли из камеры.

— Расскажи мне о них,— кричал им вслед Туран.— Расскажи мне о Таре из Гелиума. Она жива?

Но офицер не ответил, и вскоре звуки их шагов смолкли в отдалении...

— Тара из Гелиума была жива совсем недавно,— сказал прикованный рядом с Тураном пленник.

Воин повернулся к говорившему и увидел человека большого роста, с красивым лицом и благородными манерами.

— Ты видел ее?— спросил он.— Ее взяли в плен? Она в опасности?

— Ее заключили в крепость Джэтан как приз для следующих игр,— ответил незнакомец.

— А ты кто?— поинтересовался Туран.— И почему ты здесь в качестве пленника?

— Я — А-Кор, двар, хранитель крепости Джэтан,— ответил тот.— Я здесь потому, что осмелился сказать правду об О-Таре, джеддаке, одному из офицеров.

— И как тебя накажут?

— Не знаю, О-Тар еще не вынес приговора. Несомненно, игры... Может быть, все десять: О-Тар не любит своего сына А-Кора.

— Ты — сын джеддака?— удивился Туран.

— Я сын О-Тара и его рабыни Гайи из Гатола, которая была принцессой у себя на родине.

Туран вопросительно посмотрел на говорящего. Сын Гайи из Гатола! Сын сестры его матери! Следовательно, его двоюродный брат! Гохан хорошо помнил удивительное и таинственное исчезновение принцессы Гайи и утана ее персональной охраны. Она была в поездке далеко от Гатола и, возвращаясь домой, исчезла вместе со всеми сопровождающими. Неужели такова была тайна ее удивительного исчезновения? Несомненно, это объясняло и множество других подобных исчезновений в истории Гатола. Туран внимательно рассматривал своего соседа, открывая в нем очевидные признаки сходства с сестрой своей матери. А-Кор, должно быть, десятью годами моложе его, но такая разница в возрасте едва ли заметна у людей, которые не старятся после совершеннолетия и чья продолжительность жизни достигает тысячи лет.

— А где расположен Гатол?— спросил Туран.

— Точно на восток от Манатора.

— И как далеко?

— Около двадцати одного градуса от столицы Гатола,— ответил А-Кор,— но немного меньше десяти градусов между границами государств. Между ними, однако, лежит гор-

ная страна с крутыми ущельями и острыми скалами.

Гохан хорошо знал эту область, лежащую к западу от его родины. Даже воздушные корабли избегали ее из-за предательских потоков, поднимавшихся из глубоких пропастей, и из-за абсолютного отсутствия там жизни. Теперь он знал, где расположен Манатор, и впервые за несколько недель долгого пути знал, где его родина.

А рядом находился человек, такой же пленник, в жилах которого текла кровь его собственных предков,— человек, который знал Манатор, его людей, его обычаи, дороги, ведущие от него. Этот человек мог помочь ему даже просто советом, в конце концов, выработать план освобождения Тары и, соответственно, бегства.

Но рискнет ли он начать обсуждение этого вопроса с А-Кором сейчас же? Видимо, придется попробовать.

— Ты думаешь, О-Тар приговорит тебя к смерти?— спросил он.— Но за что?

— Он правит своим народом железной рукой,— ответил А-Кор,— и преданность его людей — это преданность длинному ряду великих джеддаков, от которых он происходит. Он человек завистливый и находит способы расправиться с теми, кому происхождение позволяет претендовать на трон и чье высокое положение вызывает к ним уважение среди народа. То, что я сын рабыни, делало меня в глазах О-Тара менее опасным, но я все же сын джеддака и имею право сидеть на троне Манатора, а О-Тар считает, что этот трон предназначен лишь для него. С этим связано и то, что многие воины, особенно молодые, относились ко мне в последние годы с большим уважением. Я отношу это на счет некоторых черт своего характера, но О-Тар считает, что это проявление намерений определенной группы воинов возвести меня на трон. И теперь, я уверен, он использует мои слова и попытку защитить девушку Тару как предлог для того, чтобы избавиться от меня.

— Но ты мог бежать в Гатол,— предположил Туран.

— Я думал об этом. Но чем бы мне было там лучше? В глазах гатолиан я был бы чужаком, не гатолианином. Они относились бы ко мне как к чужеземцу, несомненно, как мы в Манаторе обращаемся с чужеземцами.

— Если бы ты заявил, что ты сын принцессы Гайи, я уверен, тебя бы приняли хорошо,— сказал Туран.— Кроме того, ты мог бы заработать свободу и гражданство за короткий период работы в подземных алмазных шахтах.

— Откуда ты об этом знаешь?— спросил А-Кор.— Я думал, что ты из Гелиума.

— Я наемник,— ответил Туран,— и служил во многих странах, в том числе и в Гатоле.

— Об этом говорили мне и рабы Гатолы, и моя мать, прежде чем О-Тар отправил ее в Манатос,— задумчиво сказал А-Кор.— И я думаю, он почувствовал ее власть и влияние среди рабов из Гатолы, которых в Манаторе свыше миллиона.

— А эти рабы организованы?— спросил Туран.

А-Кор долго смотрел ему в глаза, потом сказал:

— Ты кажешься мне человеком чести. И я вижу это по твоему лицу, а я редко ошибаюсь в оценке людей, но...— Тут он наклонился поближе и прошептал:— Даже у стен бывают ушны...

Так Туран получил ответ на свой вопрос.

Поздно вечером пришли воины, сняли кандалы с ноги Турана и повели его во дворец джеддака О-Тара. Они вели его по длинным извилистым улочкам и широким проспектам. И все время с балконов смотрели на них ряды многочисленных горожан. Дворец был полон жизни и деятельности. Проезжали всадники по коридорам и пандусам, соединявшим этажи. Казалось, что во дворце никто не ходит пешком, за исключением нескольких рабов. Расседланные боевые тоты кормились в больших залах, а их всадники, свободные от дежурства, играли в джэтан маленькими фигурками, вырезанными из дерева. Туран заметил великолепную архитектуру дворца, щедрое расходование драгоценных камней и металлов, замечательные стенные росписи, изображавшие исключительно батальные сцены, главным образом схватки, происходившие на огромной доске для джэтана. Верхушки колонн, поддерживающих потолок в коридорах и залах, через которые они проходили, были сделаны в виде фигур джэтана. По тому же пути, по которому привели Тару, Туран прошел по тронному залу О-Тара, джеддака. Когда он вошел в Зал Вождей, его восхищенное внимание привлекли ряды похожих на статуи воинов. Никогда он не видел таких великолепных воинов, застывших в абсолютной неподвижности. Ни один мускул не дрогнул, ни один хвост не пошевелился; всадники были неподвижны, лица их повернуты в одну сторону, копья склонены под одним углом. Эта картина наполняла военного человека благоговейным уважением. Так подействовала она и на Турана, которого вели по залу. У большой двери они остановились в ожидании, пока его не вызовут к правителю Манатора.

Когда Тару из Гелиума ввели в тронный зал О-Тара, У-Тор, который также был в зале, сидел на почетном месте немного ниже трона джеддака. Девушку подвели к подножию помоста и остановили перед джеддаком, который сурово смотрел на нее с высоты трона.

— Законы Манатора справедливы,— сказал он, обращаясь к ней,— поэтому ты здесь, где тебя будет судить военная власть Манатора. Что ты можешь сказать в свою защиту?

Тара едва сдерживала смех, отвечая на нелепое обвинение в колдовстве.

— Культура моего народа очень высока,— сказала она,— но она не может защитить от обвинения в принадлежности к существам, живущим в примитивном и суеверном воображении первобытных людей прошлого. Для тех, кто настолько простодушен, что верит в существование корфалов, не может быть доказательств, которые убедили бы их в обратном,— лишь долгие века развития культуры могут освободить их от рабства невежества. Я сказала.

— Но ты не отрицаешь обвинения,— сказал О-Тар.

— Чувство собственного достоинства не позволяет мне этого,— высокомерно ответила она.

— Тем не менее, женщина,— послышался низкий голос со стороны,— я советую тебе отвергнуть обвинение.

Тара встретила глазами с У-Тором, великим джедом Манатоса. У него были глаза сильного человека, но не холодные и жестокие. О-Тар гневно стукнул кулаком по трону.

— У-Тор забывает,— воскликнул он,— что я — джеддак!

— У-Тор помнит,— ответил джед Манатоса,— что закон Манатора позволяет любому подсудимому получать советы перед судом.

Тара из Гелиума поняла, что по каким-то неизвестным причинам этот человек хочет ей помочь, и последовала его совету.

— Я отрицаю обвинение! — воскликнула она громко.— Я не корфал.

— А это мы увидим,— огрызнулся О-Тар.— У-Дор, где свидетели волшебной власти этой женщины?

И У-Дор привел несколько воинов. Один рассказал то немногое, что было известно об исчезновении Э-Меда. Другие рассказывали о пленнике по имени Чек. Полагая,

что раз Чек и Тара захвачены вместе, то они оба располагают одинаковой волшебной силой и обвинение, предъявляемое одному, должно быть предъявлено и другому. Затем О-Тар вызвал Чека. Калдан немедленно был приведен воинами, которые не могли скрыть своего страха перед ним.

— Ты,— сказал О-Тар холодным и обвиняющим тоном.— Мне достаточно рассказали о тебе, чтобы пронзить твое сердце сталью джеджака. Как ты овладел мозгом воина У-Вана и внушил ему, что он видит твое безголовое тело? Как ты заставил другого воина поверить, что тебя нет в камере, а осталась только пустая скамья?

— О-Тар, это еще не самое страшное! — воскликнул молодой падвар, командовавший воинами, которые привели Чека.— То, что он проделал с И-Завом, полностью подтверждает его вину.

— Что он сделал с воином И-Завом?— потребовал ответа О-Тар.— Пусть говорит И-Зав.

Воин И-Зав, огромного роста с мощными мускулами и толстой шеей, приблизился к трону.

Он был бледен и дрожал как от нервного шока.

— Пусть мой первый предок будет свидетелем, что я говорю правду, о О-Тар,— начал он.— Я был поставлен сторожить этого пленника, который сидел на скамье и был прикован к стене. Я стоял у открытой двери на противоположной стороне комнаты. Он не мог дотянуться до меня, но, О-Тар, да поразит меня Исса, если он не подтащил меня к себе, беспомощного, как цыпленка. Он тащил меня, величайший из джеджаков, своими глазами! Он устремил свои глаза в мои и потащил меня к себе, затем заставил положить меч и кинжал на стол и отойти в угол. Потом, все так же держа меня своими глазами, он отделил свою голову от туловища, и она на шести коротких лапах сползла на пол и заползла в нору ульсио, но недалеко, так что его глаза все время удерживали меня на месте. Потом голова выползла оттуда с ключом от кандалов и вновь взобралась на плечи. Пленник снял с себя кандалы и вновь потянул меня к себе, заставил сесть на скамью, где до того сидел сам, и надел мне на ногу кандалы. И я ничего не мог сделать, а он взял мои два меча и кинжал. Затем его голова снова исчезла с ключом в норе ульсио. Вернувшись, она взобралась на тело, и он стал на моем месте у стены и стоял до тех пор, пока туда не пришел падвар.

— Достаточно! — сурово сказал О-Тар.— Оба испробуют меч джеджака.— И, встав с трона, он выхватил свой

длинный меч и начал спускаться с трона к пленникам, которых сильные воины держали за руки.

— Подожди, справедливый О-Тар! — воскликнул У-Дор. — Есть еще один подсудимый, прикажи позвать того, кто называет себя Тураном. Пусть он предстанет перед тобой вместе с этими.

— Хорошо! — согласился О-Тар, останавливаясь на полпути. — Позвать раба Турана!

Ввели Турана и поставили слева от Тары, чуть ближе к трону. О-Тар угрожающе посмотрел на него.

— Ты — Туран, — спросил он, — товарищ этих?

Воин готов был ответить, когда заговорила Тара.

— Я не знаю этого человека, — сказала она. — Кто смеет утверждать, что он товарищ Тары, принцессы Гелиума?

Туран не пытался понять, с какой целью она это делает: голова бесполезна, когда ее права захватывает сердце. Туран знал только, что женщина, которую он любил, отказывается от него. Его сердце не подсказало ему разумное объяснение — она отказалась от него, чтобы не делать его положение более опасным. О-Тар посмотрел сначала на одного, потом на другого пленника, но оба молчали.

— Разве они захвачены не вместе? — спросил О-Тар У-Дора.

— Нет, — ответил двар. — Тот, кто называет себя Тураном, вошел в поисках пищи в город, и его заманили в тюрьму. На следующее утро я обнаружил этих двоих на холмах у Ворот Врагов.

— Но они друзья и попутчики, — сказал молодой падвар. — Этот Туран расспрашивал меня о тех двоих, называя их по имени и говоря, что они его друзья.

— Достаточно! — констатировал О-Тар. — Все трое должны умереть. — И он сделал еще один шаг по ступенькам.

— Но за что мы умрем? — спросил Чек. — Ваши люди гордятся справедливыми законами Манатора. Разве справедливо убивать чужеземцев, не сказав даже, в чем их вина?

— Он прав, — послышался низкий голос.

Это говорил У-Тор, великий джед Манатоса. О-Тар поглядел на него и нахмурился... Но послышались и другие голоса, требовавшие судебного расследования.

— Тогда знайте, что вы все равно умрете! — воскликнул О-Тар. — Вы обвиняетесь в корфализме, и так как без вреда для себя вас может убить только джеддак, вас ждет великая честь быть убитыми собственным мечом О-Тара!

— Глупости! — воскликнул Туран. — Разве вы не знаете, что в жилах этой женщины течет кровь десяти тысяч джеддаков? Это Тара из Гелиума, дочь Джона Картера, Главнокомандующего Барсума. Она не может быть корфалом. Не могут быть им ни Чек, ни я. И знайте, что я имею право быть выслушанным вами. Пусть позволят мне поговорить с принцессой Гайей из Гатола, чей сын сейчас находится в тюрьме О-Тара, его отца.

У-Тор встал и посмотрел на О-Тара.

— Что это значит? — спросил он. — Этот человек говорит правду? Разве сын Гайи заключен в твоей тюрьме, О-Тар?

— А какое дело джеду Манатоса до заключенных в тюрьмах джеддака? — гневно спросил О-Тар.

— А вот какое, — ответил У-Тор таким низким голосом, что он походил на шепот, однако был слышен во всех уголках огромного тронного зала О-Тара, джеддака Манатоса. — Ты отдал мне рабыню Гайю, бывшую принцессу Гатола, так как боялся ее влияния на рабов из Гатола. Я сделал ее свободной, женился на ней, и теперь она принцесса Манатоса. Ее сын — это и мой сын, О-Тар, и хотя ты мой джеддак, я заявляю тебе, что за малейший вред, причиненный А-Кору, ты будешь отвечать перед У-Тором из Манатоса.

О-Тар долго глядел на У-Тора, но ничего не ответил; затем он вновь повернулся к Турану.

— Если один из вас корфал, то все остальные тоже. А мы хорошо знаем, что проделывал этот, — и он указал на Чека. — Он корфал, ибо ни один смертный не обладает такими способностями. И так как вы все корфалы, то вы умрете.

Он начал спускаться к пленникам, когда заговорил Чек.

— Эти двое не обладают такой силой, как я, — сказал он. — Они обычные безмозглые существа, подобные тебе самому. Я проделал все то, о чем рассказывали тебе твои невежественные воины. Но это лишь доказывает, что я существо высшего порядка по сравнению с вами. Я — калдан, а не корфал. Ничего сверхъестественного и чудесного во мне нет. Для вас все необъяснимое является чудесами. Я легко мог убежать от твоих воинов и спастись из тюрьмы. Но я остался в надежде помочь этим двум бедным глупым созданиям, которые не спасутся без помощи моего разума. Они подружались со мной и спасли мне жизнь. Я должен отдать им свой долг. Не убивай их! Убей меня, если хочешь.

Я предлагаю свою жизнь, если она утолит твой гнев. Я не могу вернуться в Бантум и все равно умру: тяжело жить среди неразумных созданий, населяющих мир за пределами долины Бантума.

— Отвратительный эгоист! — сказал О-Тар.— Приготовься к смерти и не смей приказывать джеддаку О-Тару. Он вынес приговор, и вы все трое испытаете остроту обнаженного меча джеддака. Я сказал!

Он сделал еще один шаг по лестнице, и затем произошла странная вещь. Он остался, устремив взгляд в глаза Чека, на месте, покачиваясь взад и вперед. Джед встал и хотел подойти к нему, но Чек остановил его.

— Стой,— сказал он.— Жизнь твоего джеддака в моих руках. Вы верите, что я корфал. Значит, только меч джеддака может убить меня. Поэтому ваши лезвия не опасны мне. Посмейте только причинить нам вред или приблизиться к джеддаку, пока я не разрешу, и он мертвый опустится на мрамор. Отпустите этих двух пленников, пусть подойдут ко мне — я должен поговорить с ними. Быстро! Делайте, как я сказал, иначе ваш джеддак умрет.

Стража отступила, освободив Тару и Турана.

— Делайте, что я скажу, и побыстрее,— прошептал калдан.— Я не могу удерживать его долго, тем более убить. Очень много мозгов направлено против меня, скоро я буду вынужден выпустить О-Тара из своей власти. Для вас это единственная возможность, и ее нужно лучше использовать... Под гобеленом, висящим за тронном, есть потайной ход. От него ведет потайной ход в тюрьму дворца, где находятся кладовые с едой и напитками. Из тюрьмы другие потайные ходы ведут во все части города. Вы идите тем, что ведет на запад, и он приведет вас к Воротам Врагов. Тогда вы будете свободны. Больше я ничего не смогу сделать. Торопитесь. Силы оставили меня. Я не Лууд. Он держал бы этого парня очень долго. Быстрее! Быстрее! Идите!

XV

СТАРИК ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

— Я не оставлю тебя, Чек,— просто сказала Тара.

— Идите, идите! — шептал калдан.— Вы мне не можете. Идите, или я делаю все напрасно.

Тара покачала головой.

— Не могу,— сказала она.

— Ее убьют,— сказал Чек Турану.

Воин мгновение колебался между чувством верности этому чуждому созданию, отдававшему за него свою жизнь, и любовью к женщине. Затем он схватил Тару на руки и вместе с нею побегал к трону О-Тара. За тронном он отодвинул гобелен и нашел потайной ход. Он прошел в него, по-прежнему держа женщину на руках, и двинулся по узкому наклонному коридору, который вел в нижние этажи, пока они не дошли до подземной тюрьмы дворца О-Тара. Здесь был целый лабиринт переходов и помещений, вмещавших тысячу укромных мест.

Когда Туран понес Тару к трону, два десятка воинов кинулись было к ним.

— Стойте! — крикнул Чек. — Или ваш джеддак умрет. — И они остановились, подчинившись воле этого странного непознаваемого существа.

Вдруг Чек отвел глаза от глаз О-Тара, и джеддак вздрогнул, как человек, пришедший в себя после кошмарного сна и все еще неполностью проснувшийся.

— Смотрите,— сказал Чек,— я оставил вашего джеддака в живых и никому не причинил вреда, хотя вы были все в моей власти. Ни я, ни мои друзья не причинили никакого вреда столице Манатора. Почему же вы нас преследуете? Дайте нам наши жизни. Дайте нам нашу свободу!

О-Тар, овладевший своими чувствами, наклонился и поднял меч. В зале стояла тишина, все ждали ответа джеддака.

— Законы Манатора справедливы,— сказал он наконец.— Возможно, чужеземец говорит правду. Верните его в тюрьму, догоните тех двух бежавших и верните туда же. По милости О-Тара они будут сражаться за свою жизнь на поле джэтана на ближайших играх.

Когда Чека уводили из тронного зала, лицо джеддака все еще оставалось пепельно-серым, и он выглядел как человек, вернувшийся из загробного мира, куда он заглянул. В чертах его не было спокойствия храбрости, а был страх. В тронном зале были такие, кто понял, что казнь пленников только отложена и что ответственность за случившееся будет переложена на плечи других, и среди понявших это был У-Тор, великий джед Манатоса. Его искривленные губы выражали презрение к джеддаку, который предпочел унижение смерти. Он понял, что О-Тар утратил большую часть того уважения, которым пользовался, и что за всю жизнь ему не восстановить утраченного. Марсиане прекло-

няются перед храбростью своих вождей — тот, кто уклоняется от своей суровой обязанности, теряет их уважение. Многие разделяли мнение У-Тора, что было видно по тишине, наступившей в тронном зале, и суровым усмешкам вождей. О-Тар быстро осмотрелся. Он ощутил враждебность присутствующих и понял ее причину, так как внезапно впал в ярость и, как бы ища на ком выместить только что перенесенный им самим страх, крикнул слова, которые можно было воспринять только как вызов:

— Воля О-Тара, джеддака,— таков закон Манатора! Закон Манатора справедлив, и ошибки быть не может. У-Дор, распорядись, чтобы беглецов искали во дворце, в тюрьмах и во всем городе. А теперь о тебе, У-Тор из Манатоса! Ты думаешь, что можешь безнаказанно угрожать своему джеддаку, ставить под сомнение его право наказывать предателей и подстрекателей к измене? Что же думать мне о верности того, кто взял в жены женщину, которая была выслана мною из дворца за непрерывные интриги против власти ее джеддака. Но О-Тар справедлив. Объяснись и докажи свое миролюбие, пока еще не поздно.

— У-Тору нечего объяснять,— ответил джед Манатоса,— и он не воюет со своим джеддаком. Но у него есть право, как и у каждого джеда и каждого воина, требовать правосудия от джеддака, если он считает, что кого-либо преследуют несправедливо. С нарастающим озлоблением преследовал джеддак Манатора рабов из Гатола с тех пор, как взял к себе неуступчивую принцессу Гайю. Если рабы из Гатола затаили мысли о мести и освобождении, то чего же иного следовало ожидать от гордых и храбрых людей? Я неоднократно советовал быть справедливым по отношению к людям, многие из которых у себя на родине обладали большой властью и уважением. Но О-Тар, джеддак, всегда высокомерно отвергал мои предложения. И хотя этот вопрос сейчас встал не по моему требованию, я рад, что так случилось. Пришло время джедам всего Манатора потребовать от джеддака уважения к себе. Знай же, О-Тар, что ты немедленно должен освободить А-Кора или представить его высшему суду Манатора — Собранию джедов. Я сказал.

— Ты сказал хорошо и вовремя, У-Тор,— воскликнул О-Тар.— Ты раскрыл своему джеддаку и другим джедам всю глубину своей неверности, о которой я давно подозревал. А-Кора уже судил и приговорил высший суд Манатора — его джеддак О-Тар, и ты также получишь справедливый приговор из этого высшего источника.

Ты арестован. В тюрьму его! В тюрьму У-Тора, лживого джеда!

Хлопком в ладоши он велел окружавшим его воинам выполнить приказание. Два десятка воинов двинулись к У-Тору, чтобы схватить его. Это были воины О-Тара. Но воины У-Тора, которых в зале было больше, обнажили свои мечи, и на ступеньках трона закипела схватка. О-Тар, джедак Манатора, с обнаженным мечом был готов вступить в рукопашную.

Из других частей огромного здания на звуки боя спешила стража, и защитников У-Тора оказалось намного меньше, чем нападающих. Джед Манатоса в сопровождении своих воинов медленно отступал по коридорам и комнатам дворца, пока не оказался на улице. Здесь его поддержала армия, вошедшая вместе с ним в Манатор. Они продолжали отступать к Воротам Врагов между рядами молчаливых зрителей, глядевших на них с балконов. Выйдя за городские ворота, армия У-Тора расположилась лагерем.

* * *

В полутемном помещении под дворцом О-Тара Туран выпустил Тару из рук и взглянул ей в лицо.

— Прости меня, принцесса,— сказал он,— что я не выполнил твоего приказа и оставил Чека, но другого выхода не было. Если бы не он, я бы остался на его месте. Скажи, что ты прощаешь меня.

— Разве я могу не простить?— мягко ответила она.— Но мне кажется, что нехорошо оставлять друга в беде.

— Если бы нас было трое воинов, то другое дело,— сказал он.— Мы все остались бы и умерли в бою: но ты знаешь, Тара из Гелиума, что мы не можем рисковать безопасностью женщины, даже несмотря на риск прослыть бесчестными.

— Я знаю это, Туран,— сказала она.— И никто не может обвинить тебя в бесчестье, зная твою храбрость и преданность.

Он слушал ее с удивлением, ибо это были ее первые слова, адресованные ему, в которых не подчеркивалась разница между положением принцессы и простого наемника. Но как это связано с ее отказом от него там, во дворце? Этого он понять не мог, поэтому задал вопрос, который все время был у него на уме с тех пор, как она сказала О-Тару, что не знает его.

— Тара из Гелиума,— сказал он,— твои слова льют бальзам на рану, полученную мною в тронном зале. Скажи мне, принцесса, почему ты отказалась от меня?

Она с упреком взглянула на него своими большими глазами.

— Ты не знаешь,— сказала она,— что это говорили мои губы, а не сердце. О-Тар должен был убить меня за то, что я товарищ Чека, а не за какую-то мою очевидную вину. И я знала, что если у тебя возникнут такие трудности, ты тоже умрешь.

— Значит, ты хотела спасти меня?— воскликнул он с внезапно просветлевшим лицом.

— Да, я хотела спасти моего храброго воина,— ласково сказала она.

— Тара из Гелиума,— сказал он, опустившись на одно колено,— твои слова — пища для моего голодного сердца.— И он прижал ее пальцы к своим губам. Она подняла его.

— Не надо коленопреклонения,— сказала она мягко.

Он все еще держал ее руки в своих, они были близки друг к другу, и мужчина все еще дрожал от прикосновения к ее телу, когда он нес ее из тронного зала О-Тара. Он чувствовал, что сердце разрывается в его груди, горячая кровь струится по жилам, когда он смотрит на ее прекрасное лицо с устремленными вниз глазами и полуоткрытыми губами, за обладание которыми он отдал бы власть над королевством. Вдруг он прижал ее к своей груди, и губы их встретились. Но только на мгновение. Подобно тигрице, девушка вырвалась и ударила его. Она отступила назад с высоко поднятой головой и сверкающими глазами.

— Как ты смеешь?— воскликнула она.

Его глаза твердо встретили ее яростный взгляд, в них не было стыда или раскаяния.

— Да, я смею,— сказал он.— Я осмелился полюбить Тару из Гелиума. Но я не осмелился бы оскорбить Тару из Гелиума или любую другую женщину поцелуем, если бы не был уверен в ее любви.— Он подошел к ней и положил руку ей на плечо.— Посмотри мне в глаза, дочь Главнокомандующего,— сказал он,— и скажи мне, что ты не желаешь любить Турана, наемника.

— Я не желаю твоей любви!— воскликнула она, отступая назад.— Я ненавижу тебя! — И, отвернувшись, она закрыла лицо руками и заплакала.

Мужчина шагнул вперед, но его внимание привлекли звуки кашляющего смеха. Повернувшись, они увидели в

дверях фигуру незнакомого человека. Это была одна из тех редкостей, которых немного на Барсуме, — человек с признаками глубокой старости. Сгорбленный и сморщенный, он больше походил на мумию, чем на живого человека.

— Любовь в подземельях О-Тара! — воскликнул он, и снова его смех нарушил тишину подземелья. — Странное место для ухаживания! Когда я был молод, мы бродили в садах под гигантскими пималиями и прятали наши поцелуи в тених стремительной Турии. Мы не ходили в мрачные подземелья, чтобы говорить о любви. Но времена меняются, и обычаи тоже меняются, хотя я никогда не думал, что доживу до того времени, чтобы увидеть, как меняются отношения мужчин к женщинам. Но мы целовали их тогда. А если они отказывали? Что ж, мы целовали их еще! Как давно это было! — Старик вновь закашлялся. — О, если вспомнить, скольких я целовал, целую армию. Но первая... первую я помню. Она была красивой девушкой и хотела ударить меня кинжалом, когда я поцеловал ее. О, как давно это было! Но я поцеловал ее. Она умерла больше тысячи лет назад, но никогда мне уже не приходилось целовать ее ни при жизни, ни после ее смерти. А за нею были и другие... — Но Туран, предвидя новые воспоминания о тысячелетней давности поцелуях, прервал его:

— Скажи мне, старик, не о своих возлюбленных, а о себе. Кто ты? Что ты делаешь здесь, в подземельях О-Тара?

— Я могу спросить тебя о том же, молодой человек, — ответил старик. — Мало кто приходит в эти подземелья — только мертвецы и мои ученики. А, понял — вы новые ученики. Хорошо! Никогда раньше не присылали женщин учиться великому мастерству у величайшего мастера. Но времена меняются. Они жили лишь для поцелуев и любви. О, какие это были женщины! Я помню одну пленную на юге... О, это был дьявол, но как она любила! У нее были мраморные груди и огненное сердце. Она...

— Да, да, — прервал его Туран, — мы ученики и желаем получить работу. Веди нас, а мы последуем за тобой.

— О да, да! Идем! Все торопятся и спешат, как будто нас не ждут бесчисленные мириады веков. О да, впереди их столько же, сколько и за нами. Две тысячи лет прошло с тех пор, как я разбил свою скорлупу, и все всегда спешили, спешили! Манатор остался прежним, за исключением девушек. О, какие у нас были девушки! Я выиграл одну на поле джэтана. Она была...

— Веди нас! — воскликнул Туран. — А затем расскажешь нам о ней.

— О да, — согласился старик и начал спускаться куда-то по полутемному проходу. — Идите за мной!

— Мы идем с ним? — спросила Тара.

— Конечно, — ответил Туран. — Мы не знаем, где находимся, не знаем выходов из подземелья. Я не знаю, где восток, а где запад, но он, несомненно, все это знает, и если будем действовать умно, мы все узнаем от него. В конце концов, нельзя вызывать у него подозрений.

И они пошли за стариком вдоль длинных коридоров и через множество комнат, пока не добрались наконец до комнаты, где на пьедестале возвышалось несколько мраморных плит. На каждой плите, в три фута высотой, лежало тело человека.

— Мы пришли, — объяснил старик. — Эти свежие, и мы будем скоро их обрабатывать. Сейчас я работаю над одним для Ворот Врагов. Он убил много наших воинов. Ему по справедливости отвели место в Воротах. Пойдем посмотрим на него.

Он привел их в соседнее помещение. На полу было много свежих человеческих костей, и на мраморной плите — масса бесформенного мяса.

— Это вы изучите позже, — продолжал старик. — Но не скоро вы получите возможность еще раз посмотреть на подготовленного для Ворот Врагов. Вначале, как видите, я извлекаю все кости, стараясь, чтобы кожа пострадала как можно меньше. Труднее всего извлечь череп, но и это может сделать подлинный мастер. Я делаю одно лишь отверстие. Потом я его зашиваю и, когда все кончено, подвешиваю тело так. — И он привязал веревку к волосам трупа и подвесил ужасный предмет к кольцу в потолке. Прямо под ним в полу был круглый люк, из которого старик достал чехол. Раскрыв его, он показал наполнявшую чехол красноватую жидкость.

— Опускаем его сюда, — продолжал он, — а рецепт этой дорогой жидкости вы узнаете позже. Опускаем его на дно чехла, а чехол вернем на место. Через год он будет готов. Но помните, его нужно часто осматривать и следить, чтобы жидкость покрывала его полностью. Когда он будет готов, он будет прекрасен. На ваше счастье, здесь есть уже один готовый... — Он пошел к противоположному концу комнаты и вытянул чехол. Оттуда он извлек удивительную фигуру. Это было человеческое тело, съжившееся под дей-

ствием жидкости и превратившееся в статуэтку в фут высотой.

— О, разве он не прекрасен?— воскликнул старик.— Завтра он займет свое место в Воротах Врагов.— Он вытер тело обрывками ткани и аккуратно уложил его в корзину.— Может, хотите посмотреть на мою живую работу?— спросил он и, не ожидая ответа, повел их в другую комнату, в которой было сорок или пятьдесят человек. Все они сидели или стояли у стен, за исключением мощного воина, сидевшего верхом на большом тоте в центре комнаты. Все были совершенно неподвижны. Тара и Туран сразу вспомнили ряды молчаливых людей на балконах и гордые линии всадников в зале вождей. Одно и то же объяснение пришло в голову, но они не осмеливались задать вопрос, возникший у них, боясь выдать себя, показать себя чужеземцами, незнакомыми с обычаями Манатора.

— Это удивительно,— сказал Туран,— это требует большого искусства, терпения и времени.

— Верно,— ответил старик,— но, занимаясь этим так долго, я теперь работаю быстрее остальных, и в то же время мои фигуры более естественны. Никто, даже жена этого воина, не посмеет сказать, что он не живой.— И он указал на всадника на тоте.

— Многих из них приносят сюда ранеными и испорченными, и мне приходится их подновлять. Это требует большого искусства: все хотят видеть своих мертвецов такими, какими они были при жизни. Но вы этому научитесь. Вы будете набивать чучела, раскрашивать их, вы будете превращать безобразных в красавцев. Это большое удовольствие — набивать чучела, особенно чучела своих близких. Уже пятнадцать столетий никто не набивает чучела наших мертвецов, кроме меня.

Много, много балконов заполнено ими. Но своих жен я держу в большой комнате. Они у меня все, начиная с самой первой, и я много вечеров провожу среди них. Какие же это приятные вечера! А как приятно препарировать их и делать даже прекраснее, чем они были при жизни. Это частично возмещает горечь утраты. Я провожу с ними все время, глядя на новую, пока работаю над старой. Новую жену я привожу в эту комнату и сравниваю ее со старыми, и это прекрасно. Я люблю гармонию.

— Ты ли делал всех воинов для Зала Вождей?— спросил Туран.

— Да, их сделал я, я их чиню,— ответил старик.— О-Тар не желает, чтобы это делали другие. Даже сейчас

в другой комнате у меня двое из них. Их повредили и принесли мне для починки. О-Тар не любит, когда их долго нет: в зале два тота остались без всадников, но скоро они будут готовы. Он хотел бы, чтобы живые воины вели себя так же, как и эти. О-Тар часто называет их мудрецами, которые приобрели мудрость после смерти. Он хотел бы превратить Совет живых вождей в такой же безмолвный, как и этот. Тогда не было бы никаких разногласий или непонимания. О-Тар говорит, что это был бы лучший совещательный орган в Барсуме — много мудрее, чем Совет живых вождей. Но идем, пора браться за работу. Идем в соседнюю комнату, и я начну вас учить.

Он вновь повел их в помещение, где на мраморных плитах лежали человеческие тела, и, подойдя к шкафу с выдвинутыми ящиками, достал оттуда уродливые очки и выбрал несколько скальпелей. Все это он делал, отвернувшись от своих новых учеников.

— Теперь я могу взглянуть на вас,— сказал он.— Мои глаза не те, что раньше, и теперь для работы или для того, чтобы разглядеть черты лица окружающих, мне нужны сильные стекла.

Он взглянул на них. Туран затаил дыхание. Он понял, что сейчас старик обнаружит, что на их одежде нет герба Манатора. Он и раньше удивлялся, как старик не замечает этого, так как не знал, что тот полуслепой. Старик осматривал их, его взгляд задержался на прекрасном лице Тары, затем переместился на их одежду. Туран надеялся увидеть перемену на лице таксидермиста, но если старик и заметил что-либо, то виду не показал.

— Иди с И-Госом,— сказал он Турану.— В соседней комнате материалы для работы, принесишь их. Оставайся здесь, женщина, мы сейчас вернемся.

Он прошел через одну из многочисленных дверей и вошел в комнату впереди Турана. У двери он остановился и указал на связку мехов, лежавших у противоположной стены. Туран пересек комнату и уже хотел было поднять связку, когда услышал щелканье замка за собой. Повернувшись, он обнаружил, что остался один в комнате, а дверь заперта. Подбежав к ней, он попытался открыть ее, но не смог.

И-Гос же, закрыв дверь, вернулся к Таре.

— Одежда вас выдала,— сказал он ей, смеясь своим кашляющим смехом.— Вы хотели обмануть старого И-Госа, но хотя глаза его ослабли, мозг все еще силен. Но тебе будет хорошо. Ты прекрасна, а И-Гос любит краси-

вых женщин. В Манаторе, наверху, у меня нет власти, но здесь никто не смеет отказать И-Госу. Сюда приходят немногие, только чтобы принести мертвеца, и они торопятся наверх. Никто не узнает, что прекрасная женщина закрыта вместе с мертвецами. Я не стану задавать тебе вопросов, я не хочу знать, кому ты принадлежала. А когда ты умрешь, я помещу тебя в комнату моих жен.— Он подошел к онемевшей от ужаса девушке.— Идем! — воскликнул он, схватив ее за руку.— Иди к И-Госу!

XVI

НОВАЯ СМЕНА ИМЕНИ

Туран бился о дверь в напрасных усилиях разбить толстую доску и пробиться к Таре, которой, как он знал, угрожала опасность, но толстая доска не поддавалась и он лишь ушиб себе плечи. Наконец он прекратил напрасные попытки и сел в поисках каких-либо других способов освобождения. В каменных стенах не было других отверстий, но его взгляд обнаружил коллекцию разнообразных предметов: останки одежды и оружия, доспехов, украшений и гербов, спальных мехов — все это в большом количестве. Тут были мечи, копья и несколько больших боевых топоров с двумя лезвиями, большая часть которых напоминала пропеллер небольшого аэроплана. Схватив один из них, он вновь с дикой яростью набросился на дверь. Он ожидал услышать от И-Госа что-нибудь по поводу этого безжалостного разрушения, но из-за двери не доносилось ни звука. Он решил, что дверь слишком толста и не пропускает человеческого голоса. Но он был уверен, что И-Гос слышит его. Куски твердого дерева отлетали при каждом ударе топора, но это была тяжелая и медленная работа. Вскоре он был вынужден отдохнуть, и так продолжалось, как ему показалось, целые часы — работа до полного изнеможения, и затем — короткий отдых. Но хотя в двери появилось отверстие и оно становилось все больше, он все равно ничего не мог разглядеть, так как И-Гос, затворив дверь, чем-то завесил ее. Наконец образовалось настолько большое отверстие, что он мог пролезть сквозь него. Вытащив длинный меч, воин пробрался через отверстие в соседнюю комнату.

Отбросив занавес и держа меч в руке, он выпрямился, готовый бороться за Тару из Гелиума, но ее не было.

В центре комнаты на полу лежал мертвый И-Гос, но Тары нигде не было видно.

Туран призадумался. Очевидно, Тара убила старика, но даже не сделала попытки освободить его. Тогда он вспомнил ее последние слова: «Я не желаю твоей любви! Я ненавижу тебя!» и решил, что она воспользовалась первой же представившейся возможностью, чтобы избавиться от него. С опечаленным сердцем Туран отвернулся. Что он должен теперь делать? Мог быть только один ответ: пока он жив, он будет стараться помочь ей спастись и вернуться на родину. Но как? Как найти выход из этого лабиринта? Как вновь найти Тару? Он подошел к ближайшей двери. Она вела в комнату, где находились чучела мертвецов, ждавшие отправки на балконы города. Его взгляд остановился на огромном раскрашенном воине, верхом на тоте, и, пока он разглядывал его великолепную фигуру и оружие, новая мысль возникла в его мозгу. Быстро подойдя к мертвому воину, он снял с него одежду и вооружение и, сам раздевшись, надел на себя убранство мертвеца. Затем он вновь заторопился в комнату, в которой был заперт. Там он надеялся найти то, что завершило бы его маскарад. В стенном шкафу он нашел это — тюбики с красками, которые старый таксидермист использовал для раскраски холодных лиц мертвых воинов.

Несколько мгновений спустя Гохан из Гатола вышел из комнаты, ничем — ни доспехами, ни вооружением, ни украшениями — не отличаясь от воинов Манатора. Он снял с одежды мертвеца знаки его дома и звания и теперь мог, как простой воин, ходить, не привлекая подозрения.

Поиски Тары в бесконечном полутемном подземелье О-Тара казались гатолианину бесполезным занятием, заранее обреченным на неудачу. Лучше было, по его мнению, отправиться на улицы Манатора. Там он может разузнать о ней что-нибудь и вновь вернуться в подземелье, чтобы продолжать поиски.

Чтобы найти выход из лабиринта, он вынужден был пройти большое расстояние по узким коридорам и комнатам. Однако ему никак не удавалось найти ни того отверстия, через которое они проникли сюда с Тарой, ни другого выхода на верхние этажи.

Он проходил комнату за комнатой. Все они были заполнены искусно препарированными мертвецами Манатора, большей частью сложенными ярусами, как складывают дрова. Проходя по коридорам и комнатам, он заметил иероглифы, нарисованные над каждой из дверей, отверстием или

пересечением ходов. Он понял, что это указатели: тот, кто понимает их язык, может легко и быстро двигаться в нужном направлении. Но Туран не понимал их. Даже если бы он мог читать на языке Манатора, они, эти знаки, не обязательно могли быть сделаны на этом языке. Но он не читал на нем. Хотя все народы Барсума говорят на одном языке, их письменность различается. Она своя у каждого народа. Но ему было ясно, что каждый коридор помечен своим знаком.

Вскоре Туран понял, что подземелья дворца составляют часть обширной системы подземных ходов, охватывающих, возможно, весь город. Потом ему стало ясно, что он вышел за пределы дворца. Время от времени менялись украшения и архитектура коридора и комнат. Они все были освещены, но, правда, иногда очень тускло, радиевыми шарами. Долгое время он не встречал никаких признаков жизни, кроме нескольких ульсио, но потом в одном переходе он столкнулся лицом к лицу с воином. Тот посмотрел на него, кивнул и прошел мимо. Туран вздохнул с облегчением; его маскарад оказался надежным, но его остановил возглас воина, который возвращался. Туран был рад, что у него есть меч, что они встретились в таком глухом месте подземелья и что у него будет только один противник.

— Ты слышал что-нибудь о другом?— спросил его воин.

— Нет,— ответил Туран, который не мог даже догадываться, о чем его спрашивают.

— Ему некуда деться,— продолжал воин,— женщина прибежала прямо в наши руки, но она клянется, что не знает, где ее товарищ.

— Ее отвели обратно к О-Тару?— спросил Туран, который теперь знал, о ком идет речь, и хотел знать больше.

— Ее отвели обратно в крепость Джэтан,— ответил воин,— завтра начнутся игры, и ее, несомненно, разыграют, хотя я и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сражался за нее, как бы она ни была прекрасна. Она не боится даже О-Тара. Клянусь Хлорусом! Это будет непокорная рабыня, настоящая самка бенса. Это не по мне.— И он продолжил путь, качая головой.

Туран продолжал свои торопливые поиски выхода наверх, на улицы города, как вдруг увидел дверь, открытую в небольшую камеру. В ней находился человек, прикованный к стене. Туран издал удивленный возглас, узнав в нем А-Кора: случайно он оказался в той самой камере, куда попал вначале. А-Кор вопросительно посмотрел на него.

Было ясно, что он не узнает своего товарища по заключению. Туран подошел к скамье и сел рядом.

— Я Туран,— прошептал он,— я был прикован рядом с тобой.

А-Кор внимательно посмотрел на него.

— Даже родная мать не узнала бы тебя! — сказал он.— Но расскажи мне, что случилось после того, как тебя увели?

Туран передал ему события в тронном зале О-Тара и в подземелье.

— Теперь,— продолжал он,— я должен отыскать крепость Джэтан и посмотреть, что можно сделать для освобождения принцессы Гелиума.

А-Кор покачал головой.

— Я долго был дваром этой крепости,— сказал он,— и могу поручиться тебе, чужеземец, что легче безоружному завладеть Манатором, чем проникнуть в крепость Джэтан.

— Но я должен попытаться,— ответил Туран.

— Ты хорошо владеешь мечом?— спросил вдруг А-Кор.

— Думаю, что да,— ответил Туран.

— Тогда есть возможность... Тсс! — он вдруг замолчал и указал на отверстие у стены в противоположном углу комнаты.

Туран посмотрел в том направлении и увидел, как из отверстия норы ульсио показались две мощные челюсти и пара маленьких глаз.

— Чек! — воскликнул он, и немедленно из норы выполз калдан и приблизился к столу.

А-Кор отпрянул с приглушенным восклицанием отвращения.

— Не бойся,— сказал ему Туран,— это мой друг, тот, что остался во дворце и удерживал О-Тара.

Чек взобрался на стол и устроился между воинами.

— Можешь быть уверен,— сказал он А-Кору,— что во всем Манаторе никто не сравнится с Тураном в искусстве владения мечом. Я слышал вашу беседу, продолжайте.

— Ты его друг,— продолжал А-Кор,— поэтому я могу не опасаться объяснить единственную возможность освободить принцессу Гелиума. Она будет ставкой в одной из игр, и по желанию О-Тара ее будут разыгрывать рабы и простые воины, так как она оскорбила его. Таково ее наказание. Но не один мужчина, а все выжившие из выигравшей партии будут обладать ею. За деньги, однако, кто-нибудь один может выкупить ее у остальных. Ты это сделаешь, и

если твоя партия выиграет и ты выживешь, она станет твоей рабыней.

— Но как может чужеземец и преследуемый беглец участвовать в этом?— спросил Туран.

— Никто не узнает тебя. Завтра пойдешь к хранителю крепости и запишешься на участие в игре, где ставкой будет девушка. Скажешь хранителю, что ты из Манатая, самого дальнего города государства Манатор. Если он спросит, можешь сказать, что ты видел ее, когда пленников вели по городу во дворец. Если выиграешь ее, в моем дворце возьмешь оседланных тоттов и все необходимое. Я сообщу пароль, по которому тебе все это отдадут.

— Но как я смогу подкупить других участников игры без денег?— спросил Туран.— У меня нет денег твоей страны.

А-Кор раскрыл потайной карман и достал четыре мешочка с монетами Манатора.

— Здесь достаточно, чтобы купить их дважды,— сказал он, протягивая деньги Турану.

— Но почему ты делаешь это для чужеземца?— спросил воин.

— Моя мать была пленницей здесь,— ответил А-Кор.— Я делаю для принцессы Гелиума то же, что сделал бы для своей матери.

— В этих обстоятельствах, манаторианин, от имени принцессы Гелиума я принимаю твой великодушный дар,— сказал Туран,— и буду жить в надежде, что когда-нибудь отплачу тебе тем же.

— Теперь ты должен идти,— посоветовал А-Кор.— В любую минуту может явиться стража и обнаружить тебя здесь. Иди прямо к улице Ворот Врагов, она окружает город вдоль внешней стены. Там найдешь много жилищ для чужеземцев. Ты узнаешь их по нарисованным над дверями головам тоттов. Скажешь, что приехал из Манатая посмотреть игры. Возьмешь себе имя У-Кал, оно не вызовет подозрений, если ты не будешь вступать в разговоры. Рано утром разыщешь хранителя крепости Джэтан. Пусть сила и удача всех наших предков сопутствуют тебе.

Провожаемый добрыми пожеланиями Чека и А-Кора, Туран пошел по направлению, указанному А-Кором, и вскоре вышел на улицу Ворот, не встретив на пути никаких препятствий. По дороге ему попалось несколько воинов, но те даже не окликнули его. Он легко отыскал жилище, где собралось много приезжих из других городов Манатора. Прошлую ночь он совсем не спал, поэтому, улегшись на

шелка и меха, решил, что ему надо как следует выспаться, чтобы послужить на следующий день Таре из Гелиума.

Когда он проснулся, было уже утро. Он заплатил за ночлег и еду и вскоре уже направлялся к крепости Джэтан, найти которую было нетрудно благодаря толпам народа, стремившимся на игры. Новый хранитель крепости, сменивший Э-Ме-га, был слишком занят, чтобы внимательно осматривать входящих, так как помимо добровольцев-игроков тут было множество рабов и пленников, присланных на игры владельцами или правительством. Имя каждого, как и позиция, которую он получит в игре или играх, записывались. Тут же готовилась замена для тех, кто должен был участвовать более чем в одной игре, по одному запасному игроку для каждой игры, чтобы выбывшие из строя не могли приостановить следующую игру.

— Твое имя?— спросил чиновник, производивший записи, когда Туран подошел к нему.

— У-Кал,— ответил воин.

— Из какого города?

— Из Манатая.

Хранитель, стоявший рядом с чиновником, взглянул на Турана.

— Издалека же ты пришел, чтобы участвовать в игре,— сказал он.— Люди из Манатая редко посещают игры, раз в десятилетие. Расскажи мне об О-Заре. Придет ли он на следующий раз? О, какой это боец! Если ты вполонину так искусен, как О-Зар, слава Манатая прогремит сегодня. Но расскажи мне об О-Заре.

— Он здоров,— ответил Туран,— и шлет приветы своим друзьям в Манаторе.

— Отлично! — воскликнул хранитель крепости.— В какой же игре ты будешь участвовать?

— Я буду играть за принцессу Гелиума Тару,— ответил Туран.

— Но, дружище, она — ставка в игре для рабов и преступников! — воскликнул хранитель.— Ты не можешь быть добровольцем в этой игре!

— Однако придется,— ответил Туран.— Я видел ее, когда ее вели по городу, и захотел обладать ею.

— Но тебе придется разделить ее с другими выигравшими, даже если твой цвет выиграет,— заметил хранитель.

— С ними я договорюсь,— настаивал воин.

— Кроме того, ты можешь вызвать гнев О-Тара, который не любит эту девушку-варварку,— объяснил хранитель.

— Если я ее выиграю, О-Тар будет доволен ее поведением,— сказал Туран.

Хранитель крепости Джэтан покачал головой.

— Ты поступаешь опрометчиво,— сказал он.— Считаю, что я должен отговорить друга моего друга О-Зара от подобной глупости.

— Хочешь ли ты помочь другу О-Зара?— спросил Туран.

— Конечно! — воскликнул тот.— Что я должен сделать?

— Назначь меня вождем черных и дай мне в качестве фигур рабов из Гатола; я слышал, что они отличные воины.

— Странная просьба,— сказал хранитель,— но для своего друга О-Зара я сделаю даже больше.— Он заколебался.— Хотя ты, конечно, знаешь, что по обычаю тот, кто хочет стать вождем, должен заплатить за это.

— Конечно,— постарался успокоить его Туран,— я не забыл об этом. Я как раз хотел спросить тебя, сколько нужно заплатить?

— Для друга моего друга цена будет невысокой,— ответил хранитель и назвал сумму, которую Гохан, привыкший к высоким ценам богатого Гатола, счел удивительно низкой.

— Скажи мне,— говорил он, протягивая деньги хранителю,— когда же состоится игра за принцессу?

— Сегодня она будет второй по порядку, а теперь пойдем со мной, выберешь себе фигуры.

Туран последовал за хранителем в большой двор, который располагался между крепостью и полем для игры. Здесь размещались сотни воинов. Вожди игр этого дня выбирали среди них свои фигуры и отводили им места, хотя главные участники игр были расписаны много недель назад. Турана провели в ту часть двора, где располагались черные фигуры.

— Выбирай здесь фигуры,— сказал хранитель,— и когда кончишь, отведешь свой отряд к полю. Там офицер укажет тебе место, где ты со своими фигурами будешь ждать начала второй игры. Желаю тебе удачи, У-Кал, хотя ты был бы счастливее, если бы отказался играть за эту рабыню из Гелиума.

Когда хранитель ушел, Туран подошел к рабам.

— Я ищу хороших бойцов для второй игры,— объявил он.— Люди из Гатола, я слышал, вы хорошие бойцы.

Один из рабов встал и подошел к нему.

— Мне все равно, в какой игре умереть,— сказал он.— Я буду сражаться на твоей стороне в этой игре.

Подошел второй раб.

— Я не из Гатола,— сказал он,— я из Гелиума, и буду сражаться за честь принцессы Гелиума.

— Хорошо! — воскликнул Туран.— Твое боевое искусство известно в Гелиуме?

— Я был дваром у Главнокомандующего и сражался вместе с ним в двух десятках битв от Золотых утесов до Гниющих пещер; меня зовут Вал Дор; кто знает Гелиум, знает и мою отвагу.

Это имя было хорошо знакомо Гохану, который слышал, как об этом человеке говорили во время его недавнего посещения Гелиума. Обсуждали его отвагу и славу бойца и его удивительное исчезновение.

— Как я могу знать что-либо о Гелиуме?— спросил Туран.— Но если ты действительно хороший боец, то для тебя не выберешь лучшей позиции, чем позиция летчика. Что скажешь?

Глаза человека внезапно выразили удивление. Он внимательно посмотрел Турану в лицо, затем взглянул на его доспехи. Подойдя ближе, чтобы никто не мог услышать, он сказал:

— Мне кажется, ты должен знать о Гелиуме больше, чем о Манаторе.

— Что это значит? — потребовал объяснения Туран, ломая голову над тем, откуда у Вал Дора эти знания, предположения или догадки.

— Это значит,— ответил Вал Дор,— что ты не из Манатора. Ты говоришь не так, как манаториане. Они не называют эту фигуру летчиком. В Манаторе нет воздушных кораблей, и эта фигура называется у них иначе. Тот, кто стоит рядом с вождем или принцессой, называется у них одвар. Фигура имеет те же ходы и силу, что и летчик в джэтане других народов. Помни об этом и помни также, что если кто и умеет хранить тайны, так это Вал Дор из Гелиума.

Туран ничего не ответил и продолжал отбор фигур. Вал Дор из Гелиума и Флоран, добровolec из Гатола, помогали ему, так как знали большинство рабов, среди которых он производил отбор. Когда все фигуры были выбраны, Туран отвел их к полю джэтана, где они будут ждать своей очереди; здесь он обратился к ним с речью, сказав, что ставкой в игре будет не только принцесса из Гелиума.

— Не могу ничего обещать вам,— объяснил он,— но могу сказать, что мы будем бороться не только за принцессу, но и за свободу.

Все окружили его и засыпали вопросами.

— Не нужно говорить громко,— сказал Туран.— Флоран и Вал Дор знают вас и уверены, что вам можно сказать правду. Слушайте! То, что я вам скажу, отдает мою жизнь в ваши руки, но вы должны знать, что сегодня каждому из вас предстоит величайшая битва в жизни — битва за честь и свободу прекраснейшей принцессы Барсума и за вашу собственную свободу, ибо свобода этой женщины и возвращение каждого из вас на родину взаимосвязаны.

Теперь о моей тайне. Я не из Манатора и, подобно вам, пленник, но выдаю себя за манаторианина из Манатая. Моя родина и мое подлинное имя пока должны оставаться в тайне. Я один из вас. Я борюсь за то же, что и вы. А теперь послушайте, о чем я узнал. У-Тор, великий джед Манатоса, вчера во дворце поссорился с О-Таром, их воины сражались друг с другом. У-Тор покинул город через Ворота Врагов и стоит за стеной лагерем. В любой момент борьба может возобновиться. Думаю, что У-Тор послал в Манатос за подкреплением. У-Тор недавно взял в жены принцессу Гайю из Гатола, которая была рабыней О-Тара и чей сын А-Кор был дваром крепости Джэтан. Сердце Гайи полно верности Гатолу и сочувствием своему сыну А-Кору, помещенному сейчас в тюрьму О-Тара. Эти чувства она передала У-Тору. Помогите мне освободить принцессу Тару из Гелиума, и я помогу вам всем освободиться. Подойдите поближе, рабы О-Тара, чтобы никакой враг не мог услышать мои слова.— И Гохан из Гатола прошептал им чуть слышно составленный им план.

— Теперь,— потребовал он, закончив говорить,— пусть тот, кто не хочет в этом участвовать, скажет.— Все молчали.— Есть кто-нибудь?

— Клянусь сражаться с тобой до конца и не предавать тебя,— сказал один из рабов дрожащим от сдерживаемого волнения голосом.

— И я! И я! И я! — подхватил шепотом хор голосов.

XVII

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Ясный и чистый звук трубы послышался над полем Джэтан. Из высокой крепости ее пронзительный голос летел

над столицей Манатора, над людским столпотворением, над толпами, заполнившими сиденья стадиона. Это был вызов игроков на первую игру. Одновременно на тысячах шпилей крепости, на зубцах крепостных стен, на больших стенах стадиона взвились яркие знамена и вымпелы борющихся вождей Манатора. Это означало открытие Игр Джэ-тана, наиболее значительных в году и вторых по значению после больших Десятилетних Игр.

Гохан из Гатола внимательно следил за игрой. Это было разрешение небольшого спора между вождями, и разыгрывалась партия профессиональными игроками в джэтан. Никто не был убит, и пролилось лишь немного крови. Игра продолжалась около часа и, по предложению одного из вождей, прекратилась. Победитель был выявлен при помощи жребия.

Вновь прозвучала труба, означая начало второй и последней в этот день игры. Это тоже не была главная партия. Наиболее интересные встречи откладывались на четвертый или пятый день игр. Тем не менее эта партия обещала доставить зрителям удовольствие, так как это была игра со смертью.

Разница между партией, разыгрываемой живыми людьми, и партией, разыгрываемой неодушевленными фигурами, заключалась в том, что если фигуру просто снимают с доски, а другая занимает ее место, то два живых бойца, претендующие на одно поле, бьются между собой за обладание этим полем. Следовательно, важно не только умение играть в джэтан, но и отвага, храбрость, воинское искусство каждой живой фигуры, так что для вождя представляет большую ценность знание достоинств и недостатков как фигур противников, так и своих фигур.

В этом отношении у Гохана было преимущество — преданность его людей заменила ему близкое знакомство с ними: они помогали ему правильно расставить фигуры и честно рассказали о своих достоинствах и недостатках. Один сильнее в безнадежной и проигранной позиции, другой слишком медлителен, третий слишком вспыльчив, четвертый храбр и искусен, но ему не хватает выносливости. О противнике они, однако, знали мало или совсем ничего, и пока фигуры занимали свои места на черных и оранжевых квадратах большого поля, Гохан внимательно изучал противника. Вождь оранжевых еще не показался на поле, но все его фигуры были на местах. Вал Дор повернулся к Гохану:

— Это все преступники из тюрьмы Манатора. Среди них нет ни одного раба. Нам не придется бороться против соотечественников, и каждая жизнь, которую мы возьмем, будет жизнью врага.

— Это хорошо,— сказал Гохан,— но где же их вождь, где две принцессы?

— Они идут, видишь?— И Вал Дор указал на дальний конец поля, где показались в сопровождении стражи две женские фигуры.

Когда они приблизились, Гохан увидел, что одна из них действительно Тара из Гелиума, а другую он не знал. Женщин провели в центр поля между двумя сторонами, и здесь они ждали появления вождя оранжевых.

Флоран издал возглас удивления, узнав его.

— Клянусь моими предками, это один из их больших вождей,— сказал он,— а ведь нам говорили, что будут сражаться только рабы и преступники.

Его речь была прервана хранителем крепости, чьей обязанностью было не только объявлять открытие игр и ставки на игру, но и вообще служить судьей поединков.

— Начинается вторая партия первого дня Игр Джэтана джеддака в 433 году правления О-Тара, джеддака Манатора. Принцессы обеих сторон служат единственной ставкой, и выжившие фигуры победившей стороны будут обладать обеими принцессами. Оранжевая принцесса — рабыня Лан-О из Гатола. Черная принцесса — рабыня Тара, принцесса Гелиума. Черный вождь — У-Кал из Маната, доброволец. Оранжевый вождь — двар У-Дор из восьмого утана джеддака Манатора, тоже доброволец. Битва продолжается до смерти.

Начальный ход был выигран У-Дором. Вожди отвели своих принцесс на предназначенные им места. Впервые с тех пор, как они появились на поле, Гохан оказался рядом с Тарой. Он видел, что она внимательно рассматривала его, когда он подходил, и подумал, узнала ли она его. Но даже если и узнала, то не подала виду. Он не мог не вспомнить ее последних слов: «Я ненавижу тебя!» И того, что она оставила его закрытым в камере таксидермиста И-Госа, потому не спешил открыть ей, кто он такой. Он будет сражаться за нее, умрет, если потребуется, а если не умрет, то будет бороться за ее любовь. Гохана из Гатола нелегко было обескуражить, но он вынужден был признать, что его шансы завоевать любовь Тары из Гелиума уменьшились. Она уже дважды отвергла его. В первый раз как джеда Гатола, во второй — как наемника Турана.

Но прежде следовало позаботиться о ее безопасности, а уж потом добиваться ее любви.

Пройдя между рядами игроков своей партии, принцессы заняли свои поля. Слева от Тары располагался вождь черных Гохан из Гатола, справа от нее — одвар принцессы Вал Дор из Гелиума. Каждый из них знал, что должен выиграть или умереть, и то же знали все черные фигуры. Когда Тара заняла свое место, Вал Дор низко поклонился ей.

— Мой меч у твоих ног, Тара из Гелиума, — сказал он.

Она повернулась, взглянула на него, и выражение удивления и недоумения появилось на ее лице.

— Одвар Вал Дор! — воскликнула она. — Вал Дор из Гелиума, один из лучших капитанов моего отца! Возможно ли, что мои глаза не обманывают меня?

— Да, я Вал Дор, принцесса, — ответил ей воин, — и я умру за тебя, если понадобится, как и каждый игрок черных на поле Джэтан сегодня. Знай, принцесса, — прошептал он, — что в нашей партии нет ни одного человека из Манатора, мы все враги Манатора.

Тара бросила быстрый и осторожный взгляд на Гохана.

— А как же он? — прошептала она, затем прижала руки к груди от удивления. — Клянусь тенью первого джеддака! — воскликнула она. — Я не узнала его в этом маскараде.

— Ты веришь ему? — спросил Вал Дор. — Я не знаю его, но он хорошо говорил и показался нам храбрым воином, мы поверили ему на слово.

— И вы не ошиблись, — ответила Тара. — Я ручаюсь за него жизнью, своей душой. Вы можете ему верить.

Как счастлив был бы Гохан из Гатола, если бы он мог слышать эти слова! Но судьба, которая привыкла играть любящими, распорядилась иначе.

Партия началась, У-Дор двинул одвара принцессы на три поля по диагонали направо, где он занял место против одвара черного вождя. Ход показывал, что У-Дор рассчитывает на кровавую схватку, а не на искусное маневрирование, а также свидетельствовал о презрении вождя оранжевых к своему противнику.

Гохан ответил ходом пантана со стороны одвара на одно поле вперед. Это был искусный ход, открывавший линию вождю черных. Этот ход означал, что вождь черных намерен сам участвовать в схватке, когда обстоятельства игры будут вынуждать его к этому. Этот ход вызвал взрыв

аплодисментов с той стороны стадиона, где сидели простые воины и их жены. Аплодисменты показывали, что У-Дор не слишком популярен среди простых воинов, и значительно улучшили моральное состояние фигур черных. Вождь может, как часто он и поступает, провести всю игру, не покидая своего поля, откуда, сидя на тот, он видит все поле и руководит движением фигур. Если он выберет такой план, никто не упрекнет его в отсутствии храбрости. Если вождь будет убит или ранен, его партия лишается всех преимуществ, добытых искусной игрой и мужеством бойцов. На индивидуальный поединок может решиться лишь очень храбрый и искусный боец, и на эти качества своего вождя надеялись черные фигуры, видя, что их вождь решил принять участие в схватке.

Следующим ходом У-Дор передвинул одвара Лан-О к одвару Тары, напав тем самым на принцессу. Еще один ход — и положение черных могло сильно ухудшиться, нужно было либо уничтожить оранжевого одвара, либо переместить принцессу в поисках безопасного места. Но передвинуть Тару — означало признать превосходство оранжевых. Сам Гохан не мог передвинуться на три поля и напасть на одвара оранжевых. Лишь одна фигура могла противостоять одвару оранжевых — это был одвар вождя, стоявший слева от Гохана.

Гохан повернулся и посмотрел на него. Это был молодой красивый воин, одетый в роскошный наряд одвара, с пятью бриллиантовыми перьями, торчавшими из его густых черных волос и означавшими занимаемую им позицию. Как и все игроки на поле и все зрители, он знал, о чем думает вождь. Он не осмеливался говорить, этика игры запрещала это, но глаза красноречиво говорили: «Честь черных и безопасность принцессы я сумею защитить!»

Гохан больше не колебался.

— Одвар вождя — вперед на одвара принцессы! — скомандовал он. Это был смелый ход: вождь черных бросал перчатку своему противнику.

Воин выступил вперед и вступил на поле, занятое фигурой У-Дора. Это было первое сражение на поле в игре. Глаза игроков были прикованы к противникам. Зрители подались вперед со своих сидений после первого всплеска аплодисментов, встретивших этот ход, затем наступила тишина. Если фигура черных потерпит поражение, У-Дор двинет свою победившую фигуру на поле, занятое Тарой, и игра будет окончена — окончена в четыре хода и проиграна Гоханом из Гатола. Если же потерпит по-

ражение фигура оранжевых, У-Дор потеряет одну из наиболее важных фигур и утратит все преимущество первого хода.

По сложению и силе противники были схожи, каждый боролся за свою жизнь, но по первому впечатлению было ясно, что черный одвар более искусный фехтовальщик, а Гохан знал, что у него есть еще одно, и более значительное, преимущество перед противником: оранжевый боролся только за свою жизнь, а черного побуждали еще и рыцарство и верность. Силу оружия черного одвара увеличивали и те слова, что прошептал Гохан на ухо игрокам перед началом игры. Поэтому черный одвар боролся не только за жизнь, но и за честь.

Эта дуэль держала зрителей в напряженном молчании. Соприкасающиеся лезвия сверкали на солнце, звенела сталь от ударов. Варварские доспехи сражающихся составляли великолепный фон этой дикой батальной сцены. Оранжевый одвар, вынужденный защищаться, отчаянно боролся за свою жизнь. Черный с ужасным хладнокровием теснил его и заставлял шаг за шагом отступать в угол поля — из этой позиции для него не было спасения. Оставление оранжевым позиции на квадрате означает победу черного одвара и немедленную позорную смерть оранжевого одвара на виду всех зрителей. Побуждаемый кажущейся безнадежностью своего положения, оранжевый одвар перешел от защиты к яростному наступлению и вынудил черного отступить на полдюжины шагов, затем меч фигуры У-Дора задел плечо противника, и показалась первая кровь. Зловещий сдавленный крик торжества вырвался из глоток людей У-Дора. Оранжевый одвар, ободренный этим успехом, хотел в быстрой атаке добить своего противника... Его меч двигался с такой быстротой, что и глаза зрителей не могли за ним уследить, но все же черный одвар сумел увидеть единственную ошибку своего противника. Отразив очередной удар, он внезапно прыгнул вперед и пронзил сердце оранжевого одвара, по самую рукоять погрузив меч в его тело.

Крик раздался из уст игроков и зрителей — это была прекрасная схватка, и победил в ней более сильный и искусный. Черные вздохнули с облегчением, сбросив напряжение последних мгновений.

Не буду передавать вам последующие детали игры, для вашего понимания важен лишь ее конец. Через четыре хода после победы черного одвара Гохан был рядом с У-Дором. Справа по горизонтали от него поле занимал

оранжевый пантан, он был единственной фигурой, преграждавшей путь к вождю противника.

Из предыдущих ходов для всех игроков и зрителей было ясно, что Гохан движется прямо в расположение вражеских фигур и ищет схватки с оранжевым вождем, что он все поставил на одну схватку, надеясь на свое превосходство в фехтовальном искусстве: схватка вождей, по правилам, решала исход встречи. У-Дор мог двинуться вперед и напасть на Гохана, он мог двинуть пантана своей принцессы на поле, занятое Гоханом, в надежде, что пантан победит вождя черных и выиграет всю встречу.

У-Дор переместил свою принцессу на четыре поля к востоку от Гохана, так как ее позиция была угрожающей, и надеялся вслед за ней избежать встречи с черным вождем, но в этом он потерпел неудачу. Он увидел, что теперь только его одвар может сразаться с Гоханом, но он уже потерял одного одвара и боялся рисковать второй фигурой. Его позиция была трудной: он хотел избежать схватки с вождем противника, но вероятность того, что ему это удастся, была мала. Единственная надежда заключалась в пантане принцессы, поэтому без дальнейших колебаний он приказал этой фигуре вступить на поле, занятое черным вождем.

Симпатии зрителей были полностью на стороне Гохана. Если он потерпит поражение, игру отложат, а на Барсуме это любят не больше, чем на Земле. Если он победит, это будет, несомненно, означать схватку вождей, которую все надеялись увидеть. Вообще толпа любила игры с многочисленными схватками. В записях сообщалось о грандиозных исторических играх, в которых две-три принцессы доставались победившему в игре вождю...

Зрители осудили У-Дора, обвиняя его в недостатке храбрости. Он был великим вождем и решил овладеть Тарой. Ему не делало чести сражение с рабами, преступниками или неизвестным воином из Манатая. Ставка в игре не оправдывала такого риска. Но уж если обстоятельства игры требовали схватки, избегать ее не следовало.

Но вот началась схватка между Гоханом и оранжевым пантаном. Впервые жители Манатора видели фехтовальное искусство Гохана из Гатола, но Тара из Гелиума знала, что он мастерски владеет мечом. Если бы он видел, какой гордостью сверкали ее глаза, когда он ранил оранжевого! Вождь черных удивился бы, что эти самые глаза сверкали огнем ненависти, когда он покрывал ее губы бурными поцелуями в подземельях дворца О-Тара. Глядя на него, она не могла не сравнивать его с величайшим фехтовальщиком

двух миров — ее отцом, Джоном Картером из Виргинии, принцем Гелиума, Главнокомандующим Барсума, — и она видела, что искусство черного вождя не проигрывает в сравнении.

Схватка была короткой. Зрители приготовились следить за обычной, средней продолжительности дуэлью, но прежде чем они успели перевести дыхание, последовал блестящий удар. Зрители увидели, как черный вождь отступил и опустил меч острием вниз, а его противник выронил меч, схватился за грудь, опустил на колени и затем упал ничком.

Тогда Гохан из Гатола взглянул прямо на У-Дора из Манатора. Тот был от него на расстоянии трех полей. Три поля вождь может преодолеть одним ходом и в любом направлении. Зрители поняли намерение Гохана. Все встали со своих мест, когда он двинулся к полю, занятому оранжевым вождем.

О-Тар, сидя в ложе джедака, нахмурился при виде этой сцены. О-Тар был разгневан. Он сердился на У-Дора, который принял участие в игре за обладание рабыней, в то время как О-Тар хотел, чтобы ее разыграли лишь рабы и преступники. Он сердился на воина из Манатая, который так легко победил жителя Манатора. Он сердился на зрителей, которые проявляли открытую враждебность к одному из тех людей, которые много лет грелись в лучах милости джедака. О-Тар не радовался завтрашнему дню. Окружавшие его тоже хмурились, они тоже были недовольны игрой, игроками и зрителями. Среди них был морщинистый, согбенный старик, глядевший своими слабыми водянистыми глазами на поле и игроков.

Когда Гохан вступил на поле У-Дора, тот прыгнул к нему с обнаженным мечом с такой яростью, которая подавила бы менее искусного и сильного фехтовальщика. Через одно мгновение закипела яростная схватка, которая по напряженности превосходила все предыдущие. Встретились действительно два великолепных фехтовальщика. Не прошло и нескольких минут, как многие стали предсказывать, что они являются свидетелями дуэли, которая станет исторической в хрониках джэтана в Манаторе. Все приемы и удары, уходы и атаки, известные в фехтовании, использовали бойцы. Время от времени они касались друг друга остриями своих мечей, и на медной коже обоих появлялась кровь; вскоре оба были красны от засохшей крови, но казалось, ни один из них не в состоянии нанести решающий удар.

Со своей позиции на противоположной стороне поля Тара следила за схваткой. Ей все время казалось, что, когда черный вождь защищается или когда он вынуждает противника отступать, он пренебрегает тысячами возможностей для решающего удара. Она видела эти возможности. Он ни разу не оказывался в настоящей опасности и в то же время ни разу не хотел нанести удара, который принес бы ему победу.

Дуэль продолжалась. И день клонился к вечеру. Приближался внезапный переход от дневного света к ночной тьме. Учитывая очень разреженную атмосферу Барсума, этот переход не сопровождался сумерками, обычными для Земли. Неужели же схватка так и не кончится? Неужели после всего этого игру отложат? Что случилось с вождем черных?

Тара хотела получить ответы на эти вопросы, она была уверена, что ее Туран сражается не в полную меру. Она не думала, что страх делает менее уверенной его руку. Но было ясно, что что-то удерживает Турана от последнего удара. Что это было, она, однако, не догадывалась.

Вдруг она заметила, как Туран бросил быстрый взгляд на опускавшееся солнце. Через тридцать минут наступит темнота. А затем и она, и все зрители увидели необычайную перемену в ходе боя. Все предыдущие часы схватки черный вождь играл с великим одваром, У-Дором; он продолжал играть с ним и сейчас, но была в этой игре большая разница. Он играл с ним теперь, как хищник играет с добычей, прежде чем убить ее. Оранжевый вождь был теперь совершенно беспомощен перед фехтовальщиком, который несравненно превосходил его своим искусством. Люди смотрели с раскрытыми от удивления глазами и ртами, как Гохан из Гатола ударил своего противника по ребрам, а затем мощным ударом рассек его голову до подбородка.

Через двадцать минут сядет солнце.

ХVIII

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

Громкие аплодисменты разнеслись над всем полем Джэ-тана в Манаторе, когда хранитель крепости вызвал двух принцесс и победившего вождя на центр поля. Здесь вождю черных вручили плоды его победы, и затем, как требовал обычай, победившие игроки, возглавляемые Гоханом и двумя принцессами, образовали процессию. Хранитель кре-

пости провел их к месту победителей перед ложей джедака, где они должны были получить благодарность джедака.

Всадники отдали своих тотов рабам, так как в церемонии участвовали только пешие. Прямо перед ложей джедака начинался туннель, который, проходя под сиденьями, кончался выходом в поля. Перед входом в туннель отряд остановился, и О-Тар посмотрел на воинов сверху. Вал Дор и Флоран, постепенно пробравшиеся в голову колонны, прошли прямо в ворота и там скрылись от взгляда тех, кто находился в ложе О-Тара. Хранитель крепости мог заметить это, но он был так занят своими обязанностями и необходимостью представить победителей самому джедаку, что не обратил на это внимания.

— Представляю тебе, О-Тар, джедак Манатора, У-Кала из Манатая,— воскликнул он громким голосом, слышимым на всем стадионе,— победителя оранжевых во второй Игре Джэтана 433 года правления О-Тара, и рабынь Тару и Лан-О, чтобы ты мог достойно наградить победителей.

Пока он говорил, маленький сморщенный старик, наклонившись над перилами ложи джедака, всматривался в трех человек, стоявших сразу за хранителем; казалось, он напрягал свои слабые водянистые глаза, чтобы удовлетворить старческое любопытство, ибо чем были две рабыни и простой воин из Манатая для одного из приближенных джедака О-Тара?

— У-Кал из Манатая,— сказал О-Тар,— ты выиграл ставку. Нечасто приходится видеть такое искусство владения мечом. Если оставишь свой город, для тебя всегда найдется место в столице Манатора в личной охране джедака.

Пока джедак говорил, старик безуспешно пытался разглядеть черты лица черного вождя. Вдруг он вытащил из кармана пару очков с толстыми стеклами и надел их на нос. Какое-то время он продолжал разглядывать Гохана, а затем, указав на него пальцем, повернулся к О-Тару. Когда он встал, Тара схватила черного вождя за руку.

— Туран! — прошептала она. — Это И-Гос, я думала, что убила его в подземельях О-Тара. Это И-Гос, он узнал тебя...

И тут же выяснилось, что собирался сделать И-Гос. Своим резким фальцетом он закричал:

— Это раб Туран, который похитил рабыню Тару из твоего тронного зала, О-Тар. Он осквернил покойного вождя И-Мала и надел его доспехи.

Мгновенно все превратилось в ад. Воины выхватили свои мечи и вскочили на ноги. Победившие игроки Гохана в полном составе двинулись вперед, сбив с ног хранителя крепости. Вал Дор и Флоран проникли через ворота в королевскую ложу, открыв проход в туннель, Гохан, окруженный своими людьми, повел туда же Тару и Лан-О, и весь его отряд быстро двинулся следом за ним, пока преследователи не разобрались, в чем дело. Они выполнили задуманное, и когда вышли в город, солнце село и все вокруг освещалось лишь древними и неэффективными осветительными системами, бросавшими слабый отблеск на затемненные улицы.

Только теперь Тара догадалась, почему черный вождь затягивал дуэль с У-Дором, и поняла также, что он мог убить его в любой момент. Ей стал понятен план, который прошептал на ухо своим игрокам Гохан перед игрой. Они выйдут из города через Ворота Врагов и предложат свою службу У-Тору, великому джеду Манатоса. То обстоятельство, что большинство из них были гатолиане и что Гохан мог провести освободителей в тюрьму, где томился А-Кор, сын жены У-Тора, по мнению джеда Гатола, подкрепляло их надежды на согласие У-Тора. Но даже если У-Тор откажет им, они будут держаться вместе и пробьются через войска У-Тора — двадцать человек против целой армии, но уж из такого материала были сделаны воины Барсума.

Они уже прошли значительное расстояние по безлюдному городу, когда послышались звуки преследования, и вот их уже нагнала дюжина всадников на тотгах, очевидно, это была гвардия джеддака, вернее, его авангард. Немедленно улица огласилась звоном мечей, топотом тотгов и криками сражавшихся.

В первой стычке с обеих сторон пролилась кровь. Двое из людей Гохана упали, а у противника три тотга без всадников свидетельствовали о судьбе их хозяев.

Гохан сражался с воином, который, казалось, искал только его. Он подскакал прямо к нему, не обращая внимания на остальных, пытавшихся остановить его. Гатолианец, владевший приемами сражения пешего воина с всадником, хотел оказаться слева от тотга и немного позади всадника — это была единственная позиция, в которой пеший мог успешно бороться со всадником. Манаторианин понял его намерение. Всадник повернул тотга, в то время как Гохан пытался занять удобную позицию или найти какую-нибудь брешь в защите своего противника.

Пока они так примеривались друг к другу, мимо быстро проскакал какой-то всадник. Гохан услышал возгласы тревоги.

— Туран! Они схватили меня! — донесся до него голос Тары.

Быстрый взгляд через плечо — и он увидел ее на холке тотта этого всадника. С яростью демона Гохан из Гатола прыгнул на своего противника, стащил на землю и одним ударом расколол ему голову своим коротким мечом. Не успело тело убитого коснуться мостовой, как гатолианин был уже на тоте и быстро скакал по улице вслед за уменьшающейся фигурой похитителя Тары.

Звуки схватки замолкли вдалеке, а Туран мчался по улице, ведущей от дворца О-Тара к Воротам Врагов.

Тот Гохана, несший лишь одного всадника, скакал быстрее тотта манаторианина, так что, когда тот достиг ворот дворца, Гохан был всего в ста ярдах за ним. И тут, к своему ужасу, он увидел, что похититель свернул в ворота дворца. На мгновение он был остановлен охраной, затем проскакал внутрь. Гохан уже почти нагнал его, но тут послышались окрики, и стражники преградили ему путь. Но нет! Похититель не знал, что за ним гонятся, он не видел Гохана и не ожидал, что тот сумеет так быстро последовать за ним. Если он прошел здесь, то и Гохан сумеет пройти. Разве не одет он в доспехи манаторианина? Эти мысли стремительно пронеслись в голове гатолианина, когда он остановил своего тотта и произнес:

— Именем О-Тара!

Стража колебалась.

— Прочь! — крикнул Гохан. — Кто смеет препятствовать посланнику джеддака?

— К кому ты послан? — спросил падвар.

— Разве вы не видели того, кто только что проскакал? — воскликнул Гохан и, не дожидаясь ответа, пустил своего тотта прямо во дворец, и пока стража колебалась, было поздно — он был уже во дворце.

Гохан направил своего тотта по мраморным коридорам, и, поскольку он уже проходил этими коридорами, то знал, куда везут Тару — в тронный зал О-Тара. На втором этаже он встретил раба.

— Куда проскакал всадник с женщиной? — спросил он.

Раб показал на ближайший пандус, который вел на третий этаж, и Гохан быстро продолжил преследование. В то же самое время всадник, мчавшийся бешеным галопом, подскакал ко входу во дворец.

— Видели ли вы всадника, преследовавшего другого всадника с женщиной?— крикнул он стражникам.

— Он только что проскакал,— ответил падвар стражи.— Он сказал, что его послал О-Тар.

— Он лгал!— воскликнул вновь прибывший.— Это был Туран, раб, похитивший два дня назад женщину из тронного зала. Тревога! Он должен быть схвачен, по возможности живым. Таков приказ О-Тара.

Стражники немедленно отправились разыскивать гатолианина и передать тот же приказ тем, кто находился во дворце. Поскольку большинство отправилось на игры, во дворце находилось сравнительно немного людей, но все они включились в поиски, и вскоре не менее пятидесяти воинов рыскали по бесчисленным комнатам и коридорам огромного дворца О-Тара.

Когда Гохан достиг третьего этажа, перед ним мелькнула и тотчас же скрылась за поворотом фигура похитителя Тары. Подгоняя тот, он поскакал вперед, но за поворотом обнаружил лишь пустой коридор. Проскакав по нему, он оказался на пандусе, ведущем на четвертый этаж, и поднялся по нему. И здесь вновь увидел воина, который въезжал в дверь в пятидесяти ярдах впереди... Доскакав до двери, Гохан увидел, что воин спешил к тащит Тару к маленькой двери в противоположной стороне комнаты. В то же время сзади раздался звон оружия. Взглянув вдоль коридора, по которому он только что проскакал, Гохан увидел трех бегущих пеших воинов. Соскочив с тот, Гохан захлопнул дверь и защелкнул массивную задвижку, затем выхватил меч и направился к манаторианину. Тот, увидев угрозу, громко крикнул Гохану, чтобы тот остановился, и приставил острие короткого меча к груди Тары.

— Стой!— воскликнул он.— Эта женщина умрет, но не попадет в твои руки. Таков приказ О-Тара.

Гохан остановился, всего несколько футов отделяло его от Тары и ее похитителя, но он был бессилен. Воин медленно пятился к раскрытой позади него двери, таща Тару за собой. Тара вырывалась, но воин был очень сильным человеком и легко удерживал ее таким образом, что она не могла пошевелиться.

— Освободи меня, Туран! — кричала она.— Не допусти, чтобы меня тащили к судьбе, которая хуже смерти. Пусть лучше я умру сейчас, когда мои глаза видят верного друга, чем потом, когда я одна буду бороться с врагами за свою честь!

Туран сделал шаг вперед. Воин угрожающе приблизил острие меча к смуглой коже принцессы, и Гохан остановился.

— Я не могу, Тара!— воскликнул он.— Не осуждай меня за эту слабость, я не могу видеть твою смерть! Слишком велика моя любовь к тебе, дочь Гелиума!

Манаторианский воин с презрительной усмешкой продолжал пятиться. Он уже почти достиг двери, как из нее вышел другой. Этот воин двигался медленно, почти украдкой, неслышно ступая по мраморному полу, и приблизился к похитителю Тары сзади. В правой руке он сжимал длинный меч.

— Двое против одного,— прошептал Гохан, и угрожающая усмешка тронула его губы, ибо он не сомневался, что если один воин не хотел стычки с ним, то двое обязательно нападут на него. Если он не спасет ее, то по крайней мере умрет за нее.

И вдруг в глазах Гохана отразилось крайнее удивление при проявлении в действиях воина, вышедшего из комнаты, некоторой нелогичности. Он увидел выражение злорадства и удовлетворения на его лице. Он увидел, как большой меч вновь пришедшего описал в воздухе большой круг и нанес быстрый удар. Он видел, как этот удар рассек сардоническую усмешку похитителя, расколол его череп и все тело до середины груди.

Мертвая рука ослабила хватку, и Тара отпрыгнула в сторону Гохана. Левой рукой он обхватил ее и ждал с обнаженным мечом, что еще приготовила им судьба. Между тем освободитель Тары вытер кровь с меча о волосы своей жертвы. Это был, очевидно, манаторианин, его доспехи указывали на принадлежность к гвардии джедада, и тем более необъяснимым для Гохана и Тары был его поступок. Он подошел к ним, вложив меч в ножны.

— Когда человек, стараясь скрыть свое подлинное имя, принимает другое,— сказал он, глядя прямо в глаза Гохану,— плохим будет тот друг, который, проникнув в эту тайну, разгласит ее.

Он замолчал, как бы ожидая ответа.

— Твоя честность видна по твоему лицу, и твои губы неизменно говорят правду,— ответил Гохан, мучительно размышляя над задачей, которую ему задали: неужели этот манаторианин раскрыл его инкогнито?

— Мы с тобой согласны,— продолжал тот,— и могу сказать тебе, что, хотя я известен здесь как А-Сор, мое подлинное имя — Тасор.— Он остановился и ждал,

какое впечатление произведут его слова на Гохана. И был вознагражден быстрым, хотя и трудноуловимым выражением, с каким узнают человека, на лице Гохана.

Тасор! Друг его юности! Сын видного гатолианского придворного, отдавшего свою жизнь в героической, хотя и напрасной попытке защитить отца Гохана от кинжалов убийц. Тасор — и в гвардии О-Тара, джеддака Манатора! Это было невероятно, но факт, в этом не было никаких сомнений.

— Тасор, — громко повторил Гохан. — Но это не манаторианское имя.

Утверждение его было полувопросом, ибо любопытство Гохана было возбуждено до крайности. Он хотел знать, как его друг и верный помощник стал манаторианином. Много лет прошло с тех пор, как исчез Тасор так же удивительно, как и принцесса Гайя и многие другие жители Гатола. Джед Гатола долгое время считал его мертвым.

— Нет, — ответил Тасор, — это не манаторианское имя. Пойдем, я отыщу для вас укрытие в одной из комнат нежилой части дворца. Там я расскажу в двух словах, как Тасор из Гатола стал А-Сором из Манатора.

Случилось так, что я ехал вдоль восточной границы Гатола с дюжиной моих воинов в поисках цитидаров, пропавших из моего сада. Мы были окружены большим отрядом манаториан. Он взял нас в плен после того, как половина моего отряда погибла, а оставшиеся были бесполезны из-за полученных ран. Так я стал пленником в Манатае, в дальнем городе Манатора, и там был продан в рабство. Меня купила принцесса Манатая, чьи богатства и положение не имели себе равных в этом городе. Она полюбила меня, и когда ее муж обнаружил эту любовь, стала упрямить меня убить его. Когда я отказался, она наняла другого убийцу. После этого она вышла за меня замуж. Но с ней после этого в Манаторе никто не хотел знаться, так как ее подозревали в убийстве мужа. Поэтому мы уехали из Манатая в Манатор в сопровождении большого каравана с лучшими вещами, драгоценностями и золотом. По пути она распустила слух, что мы погибли. Прибыв в Манатор, она взяла новое имя, а я стал называться А-Сором, чтобы нас не могли отыскать по старым именам. Благодаря своему богатству она купила мне место в гвардии джеддака, и теперь уже никто не знает, что я не манаторианин, так как моя жена умерла. Она была прекрасна, но это был дьявол.

— И ты никогда не пытался вернуться в родной город?— спросил Гохан.

— Никогда надежда не исчезала из моего сердца,— ответил Тасор.— Я мечтал об этом днем и ночью, но всегда приходил к одному и тому же выводу — что есть только один способ бежать. Я должен был ждать, пока судьба не поможет мне попасть в отряд, направляющийся за рабами Гатола. Там, в границах моей родины, они меня больше не увидели бы.

— Может быть, сейчас такая возможность в твоих руках,— сказал Гохан.— Если преданность твоему собственному джеду не угасла за годы службы в Манаторе.

И это предложение звучало так же, как вопрос.

— Если бы мой джед стоял передо мной,— воскликнул Тасор,— мое признание не раскрыло бы его инкогнито, и я сложил бы свой меч у его ног и просил бы о высшей милости умереть за него, как мой отец в свое время умер за его отца.

Больше нельзя было сомневаться ни в его искренности, ни в том, что он опознал Гохана. Джед Гатола улыбнулся.

— Если бы твой джед стоял перед тобой, то, несомненно, он приказал бы приложить все твои возможности и отвагу для спасения принцессы Тары из Гелиума,— сказал он многозначительно.— Если бы он располагал сведениями, которые я получил во время своего плена, он сказал бы тебе: «Иди, Тасор, в тюрьму, где томится А-Кор, сын Гайи из Гатола, освободи его, подними вместе с ним всех рабов из Гатола, затем отправляйтесь к Воротам Врагов и предложите свою службу У-Тору из Манатоса, мужу Гайи из Гатола, попросите его атаковать дворец О-Тара и освободить принцессу Тару. А затем попросите освободить рабов из Гатола, дать им оружие и помочь вернуться на родину». Так, Тасор из Гатола, приказал бы тебе Гохан, твой джед.

— Обещаю тебе, раб Туран, что приложу все свои усилия, чтобы выполнить все это, после того как мы найдем подходящее убежище для Тары из Гелиума и ее пантана,— ответил Тасор.

Взгляд Гохана выразил Тасору благодарность его джеда. Оба они понимали, что Тасор или выполнит поручение, или умрет. Любимый вождь возложил на его плечи не только ответственность за жизнь Гохана, Тары, но и за благосостояние, а возможно, и само существова-

ние Гатола. И он быстро повел их по заплесневелым коридорам старого дворца, где пыль веков лежала нетронутой на мраморных плитах. Вновь и вновь пытался он открыть двери, пока ему не попалась незапертая. Открыв ее, он ввел их в комнату, серую от пыли.

Рассыпанные меха и шелка лежали у стен, на стенах висело древнее оружие, видны были фрески, краски которых поблекли от времени.

— Здесь будет лучше всего,— сказал он.— Сюда никто не придет. Я сам никогда не был здесь, поэтому знаю об этих коридорах не больше вас. Но все равно я сумею найти вас вновь и принести вам пищу и питье. Эту часть дворца занимал король О-Май во времена своего правления за пять тысяч лет до О-Тара. В одной из этих комнат он был найден мертвым, и его лицо было так искажено, что все, кто видели его, сходили с ума. Но на нем не было никаких следов насилия. С тех пор никто не занимал помещений О-Мая, так как, согласно легенде, духи корфалов преследуют здесь дух убитого джеддака со стонами и скрежетом. Но,— добавил он, как бы желая подбодрить себя и своих товарищей,— вряд ли культура Гатола и Гелиума признает подобные сказки.

Гохан засмеялся.

— Если все, кто смотрел на него, сходили с ума, то кто же подготовил его тело к погребению, которое положено джеддаку?

— Никто,— ответил Тасор.— Его оставили там, где нашли, и до сих пор его распадающиеся кости лежат в одной из забытых комнат этих заброшенных покоев.

Тасор оставил их, уверив, что использует первую же возможность, чтобы увидаться с А-Кором, и что на следующий день принесет им пищу и воду.

После ухода Тасора Тара подошла к Гохану и взяла его за руку.

— События разворачивались так стремительно после того, как я узнала тебя под этой маской,— сказала она,— что я не успела выразить тебе признательность и восхищение твоей отвагой и искусством. Позволь мне еще раз подтвердить, что я у тебя в долгу, я обещаю, что твоя доблесть не останется вознагражденной. Ты получишь награду из рук моего отца в Гелиуме.

— Мне не нужна иная награда,— ответил он,— кроме счастья знать, что женщина, которую я люблю, счастлива.

На мгновение глаза Тары сверкнули прежним высокомерием, затем смягчились, и она печально покачала головой.

— Я не могу упрекать тебя, Туран,— сказала она.— Ты храбрый и верный друг, но ты не должен произносить слов, которые мои уши не должны слушать.

— Ты хочешь сказать,— спросил он,— что уши процессы не должны слышать слова любви простого наемника?

— Нет, Туран,— ответила она,— но честь не позволяет мне слушать слова любви ни от кого, кроме того человека, с которым я помолвлена, моего соотечественника, Джор Кантоса.

— Значит ли это, Тара из Гелиума,— вскричал он,— что если бы ты не была помолвлена...

— Стой!— приказала она.— Ты не должен добиваться большего, чем то, что услышал.

— Глаза часто более красноречивы, чем уста, Тара,— ответил он.— А в твоих глазах я прочел, что ты никогда не испытывала ненависти и презрения к пантану Турану — мое сердце говорит, что твои уста лгали, когда ты в гневе кричала: «Я ненавижу тебя!»

— Я не ненавижу тебя, Туран, но и не могу любить,— просто ответила девушка.

— Когда я выбрался из комнаты И-Госа, то готов был поверить, что ты на самом деле ненавидишь меня,— сказал он.— Мне казалось, что только ненависть может объяснить твой уход, даже без попытки освободить меня, но теперь сердце и рассудок говорят мне, что Тара из Гелиума не оставила бы товарища в беде. Но я все еще не знаю, как это случилось.

— Едва И-Гос упал от удара моего кинжала,— сказала девушка,— как я услышала, что приближаются воины. Я побежала в поисках убежища, рассчитывая переждать и вернуться обратно, чтобы освободить тебя, но попала в руки другого отряда. Они спросили, где ты, я ответила, что ты пошел вперед, а я иду за тобой; так я увела их от тебя.

— Понятно,— только и сказал Гохан, но на сердце у него было радостно, как это бывает у человека, услышавшего от возлюбленной признание в верности и любви.

Пока они беседовали в полутемной комнате, где свет шаров был затемнен толстым слоем пыли, согбенная фигура медленно шла по коридорам, всматриваясь в

следы, оставленные на пыльном полу, через мощные стекла очков.

ХІХ

СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА

Ночь только начиналась, когда некий человек подошел ко входу в пиршественный зал, где О-Тар из Манатора делил трапезу со своими вождами. Этот человек высокомерно прошел мимо стражи как имеющий на это право. Он действительно имел его. Он подошел к большому столу, и О-Тар его заметил.

— Здравствуй, старик!— крикнул он.— Что привело тебя сегодня к нам из твоих любимых благоухающих нор? Мы думали, что вид множества живых людей на играх заставит тебя вернуться к твоим мертвецам как можно скорее.

Кашляющий смех И-Госа был ответом на эту королевскую остроуту.

— Да, да, О-Тар,— проскрипел старик.— С удовольствием вернулся бы И-Гос в свои приятные комнаты. Но когда безжалостно оскорбляют мертвецов И-Госа, должно наступить мщение.

— Ты имеешь в виду раба Турана?— спросил О-Тар.

— Турана, да... и рабыню Тару, которая ударила меня кинжалом. Дюйм в сторону, О-Тар, и сейчас старое и слабое тело И-Госа было бы в руках какого-нибудь начинающего чучельника.

— Но они вновь скрылись от нас!— воскликнул О-Тар.— Даже во дворце великого джеддака они дважды убегали от этих тупых ножей, которые называются гвардией джеддака.— Он встал, сопровождая свои гневные слова ударами кулака по столу, уставленному золотыми кубками.

— Да, О-Тар, они скрылись от твоей гвардии, но не от мудрого старого И-Госа.

— Что это значит? Говори!— приказал О-Тар.

— Я знаю, где они скрываются,— сказал старый таксидермист.— Следы в пыльных нежилых коридорах выдали их.

— Ты шел за ними? Ты видел их?

— Я шел за ними, я слышал их разговор за закрытой дверью,— ответил И-Гос — но не видел их.

— Где же эта дверь?— воскликнул О-Тар.— Я пошлю туда воинов и велю схватить их.— Он посмотрел на стол, как бы решая, кого послать с этим поручением. Дюжина вождей вскочила на ноги и положила руки на мечи.

— Я проследил их до комнат джеджака О-Мая, там,— скрипел И-Гос,— там вы их найдете, там, где стонущие корфалы преследуют дух О-Мая, да!— И он перевел взгляд с О-Тара на воинов, которые, услышав его слова, торопливо сели на место.

Кашляющий смех И-Госа нарушил воцарившуюся тишину. Вожди в смущении глядели на еду в золотых тарелках. О-Тар в нетерпении сжимал пальцы.

— Неужели среди вождей Манатора одни трусы?— воскликнул он.— Дважды эти дерзкие рабы оскорбляли величие вашего джеджака. Могу ли я приказать привести их сюда?

Медленно встал один из вождей, еще двое последовали его примеру.

— Ага,— прокомментировал О-Тар,— значит, вы не трусы. Пойдете втроем и возьмете столько воинов, сколько захотите...

— Но не вызывайте добровольцев,— перебил его И-Гос.— А то вам придется идти одним.

Трое вождей повернулись и покинули пиршественный зал; медленно двинулись они к своей судьбе, будто осужденные на казнь.

* * *

Туран и Тара оставались в комнате, в которую их привел Тасор. Туран стряхнул пыль с глубокого и удобного дивана, на котором они устроились со сравнительным комфортом. Древние спальные меха и шелка уже никому не годились, они рассыпались от прикосновения, устроить сколько-нибудь удобную постель для девушки было невозможно, поэтому они сидели и тихо разговаривали о пережитых приключениях и размышляли о будущем; они строили планы бегства и надеялись, что Тасор будет отсутствовать недолго. Они говорили о многом: о Гасторе, Гелиуме, Птарсе, и, наконец, разговор напомнил Таре о Гатоле.

— Ты служил там?— спросила она.

— Да,— ответил Гохан.

— Я вспомнила Гохана, джеда Гатола, во дворце моего отца, — сказала она. — За день до того, как буря унесла меня из Гелиума, я вместе с ним была на приеме во дворце моего отца, и это был самонадеянный нахал, богато украшенный платиной и бриллиантами. Никогда в жизни я не видела таких великолепных украшений, как на нем; наверное, великолепие всего Барсума сосредоточено при дворе Гатола. Но я не могу себе представить, как этот разукрашенный джед извлекает свой драгоценный меч в смертельной схватке. Мне кажется, что джед Гатола, несмотря на все свои богатства, плохой боец.

В полутьме комнаты Тара не заметила, как исказилось лицо ее собеседника.

— Ты впоследствии не думала о джеде Гатола? — спросил Туран.

— Ни тогда, ни сейчас, — ответила она со смехом. — Как было бы задето его самолюбие, если бы он узнал, что бедный пантан завоевал большее уважение Тары из Гелиума. — И она положила руку ему на колено.

Он схватил пальцы ее руки и прижал их к губам.

— О, Тара! — воскликнул он. — Не думаешь ли ты, что я сделан из камня?

Одной рукой он обхватил девушку за плечи и привлек к себе ее податливое тело.

— Пусть первый предок простит мою слабость! — воскликнула она и, обхватив руками его шею, прижалась к его губам. Надолго застыли они так в первом поцелуе, а затем она мягко отстранила его.

— Я люблю тебя, Туран, — полурыдала она. — Я так тебя люблю! Единственное мое извинение в том, что теперь я знаю: я никогда не любила Джор Кантоса. И если ты действительно любишь меня, Туран, как говоришь, ты защитишь меня от большого бесчестья, ведь я как глина в твоих руках.

Он вновь прижал ее к себе, затем внезапно отстранил и принялся шагать назад и вперед по комнате, как бы пытаясь покорить и подчинить непокорное желание, поднимающееся из глубины его души... Как торжественный гимн звучали у него в мозгу и сердце ее слова: «Я люблю тебя, Туран! Я так люблю тебя!» И это произошло так внезапно. Он думал, что она испытывает к нему лишь благодарность за верность, и вот все преграды рухнули, она больше не принцесса, наоборот... Но тут его размышления были прерваны звуками, доносившимися из-за закрытой двери. Не производя ни ма-

лейшего шума, он подошел к ней и прислушался — откуда-то издалека доносился лязг металла о металл — несомненный признак приближения вооруженных людей.

Несколько мгновений Гохан внимательно прислушивался, прижавшись к двери, пока у него не осталось никаких сомнений в том, что в эту часть дворца могут прийти лишь с единственной целью — в поисках Тары и его самого. И это заставило его искать немедленный выход. В комнате, где они находились, было еще несколько дверей, и их следовало проверить в поисках более безопасного убежища. Подойдя к Таре, он рассказал ей о своих подозрениях и повел к одной из дверей, которая оказалась незапертой. За ней лежала полуосвещенная комната, на пороге которой они остановились в замешательстве и быстро отступили назад: первый же взгляд открыл им четырех воинов, сидевших вокруг доски джэтана.

То, что их приход остался незамеченным, Гохан объяснил увлеченностью этих четверых игрой. Осторожно прикрыв дверь, беглецы молча двинулись к следующей, но она была закрыта. Оставалась еще одна дверь, и они быстро направились к ней, так как отряд приближался к двери их убежища. Но, к их досаде, и эта дверь была заперта.

Они оказались теперь в сложном положении: если воины знали, где они скрываются, то беглецы погибли. Вновь Гохан повел Тару к двери, за которой сидели игроки в джэтан. Выхватив меч, он ждал, прислушиваясь. Звуки шагов доносились теперь отчетливо, отряд приближался и скоро будет здесь. За дверью всего четыре воина, к тому же не ожидающих нападения.

Оставался только один выход, и Гохан распахнул дверь в соседнюю комнату, держа Тару за руку. Четверо игроков по-прежнему не замечали их присутствия в помещении. Один из них сделал или собирался сделать ход, так как его пальцы застыли над фигурой, стоящей на доске. Остальные трое ждали хода. Еще мгновение Гохан смотрел на игроков, сидевших в забытых и zapрещенных покоях дворца, потом слабая улыбка понимания тронула его черты.

— Идем! — сказал он Таре. — Их нечего бояться. Они сидят более пяти тысячелетий. Это работа какого-то древнего таксидермиста.

Подойдя ближе, они увидели, что эти фигуры покрыты толстым слоем пыли, но кожа их так же хорошо

сохранилась, как и на недавно приготовленных И-Госом чучелах... Потом они услышали, как отворилась дверь в комнату, которую они только что оставили, и поняли, что преследователи близко. В противоположной стороне комнаты была дверь, ведущая в коридор, который оканчивался другой комнатой. В центре располагался богато украшенный спальный помост. Комната, подобно всем остальным, была слабо освещена, время притушило свет радиевых ламп и покрыло их пылью. Можно было разглядеть множество богатых одежд, украшений. Второй взгляд — и они заметили нечто похожее на фигуру человека, лежавшую частично на полу, а частично на постели. Других дверей, кроме той, через которую они вошли, не было видно, хотя они понимали, что другие двери могут скрываться под занавесями.

Гохан, чье любопытство было возбуждено легендами, окружающими эту часть дворца, подошел к помосту, чтобы осмотреть фигуру, очевидно упавшую с него. Он увидел сморщенный, ссохшийся труп мужчины, лежавшего на спине с вытянутыми и широко расставленными пальцами. Одна нога у него была подогнута, а вторая удерживалась в мехах и шелках постели. После пяти тысячелетий его высохшее лицо и безглазые орбиты выражали такой ужас, что Гохан понял, что перед ним тело короля О-Мая.

Вдруг Тара, стоявшая рядом, схватила воина за руку и указала в дальний угол комнаты. Гохан взглянул туда и почувствовал, как волосы встают дыбом. Обхватив левой рукой девушку, правой он вытащил меч и стоял так между нею и занавесями, на которые смотрел, потом медленно попятился, так как в этой угрюмой и заброшенной комнате, в которую уже пять тысяч лет не ступала нога человека и ни одно дыхание не колебало воздух, тяжелые занавески в углу двигались. Но двигались они не как от сквозняка, если только тут мог быть сквозняк: они внезапно выпячивались, как будто кто-то пытался пробиться сквозь них. Гохан пятился к противоположному углу, пока они не прижались спинами к висящим там занавесям, и тут они услышали приближение преследователей. Тогда Гохан протолкнул Тару за занавеси, последовал за ней сам и, задержав их, оставил лишь небольшую щель, через которую мог наблюдать за комнатой и дверью.

Между занавесями и стеной было пространство примерно в три фута, и так по всей комнате. Так обыч-

но устроены все спальни богатых и влиятельных людей на Барсуме. У такого устройства несколько целей. Здесь дежурит охрана, будучи в комнате своего хозяина и в то же время оставаясь невидимой. Здесь скрываются потайные выходы из комнаты. Наконец, здесь можно скрыться от убийц и других недругов, ворвавшихся в комнату.

Трое вождей и дюжина воинов без труда шли по следам беглецов, оставленным на пыльном полу коридоров и комнат. Тем не менее посещение этой части дворца потребовало от них крайней храбрости, и теперь, когда они находились в покоях самого О-Мая, их нервы были на пределе — еще один поворот, и они не выдержат; все люди Манатора были суеверными. Войдя в комнату, они медленно продвигались вперед с обнаженными мечами, казалось, ни один из них не хотел возглавить отряд. Двенадцать воинов, не скрывая страха, держались позади, а трое вождей, подгоняемые страхом перед О-Таром и гордостью, подбадривая друг друга, медленно вошли во вторую полутемную комнату.

Идя по следам Гохана и Тары, они подошли к каждой двери, но только одна поддалась их усилиям: осторожно открыв ее, они увидели четырех игроков за доскою джэ-тана. Мгновение они были на грани панического бегства, так как знали, что в этих покоях можно встретить только духов мертвых. Но вновь собрав все свое мужество, они миновали группу игроков и по узкому коридору прошли в спальню короля О-Мая. Они не знали, что эта ужасная комната прямо перед ними, иначе вряд ли они осмелились бы двинуться дальше, но они видели, что те, кого они ищут, прошли туда, поэтому последовали за ними. У входа они остановились, пока их глаза привыкли к тусклому свету. Вдруг один из них указал пальцем на фигуру, лежавшую на полу с одной ногой на постели.

— Смотрите!— крикнул он.— Это тело О-Мая! Предки предков! Мы в проклятой комнате!

Одновременно из-за занавески в углу комнаты раздался глухой стон, сопровождаемый пронзительным воплем; занавески зашевелились и стали вытягиваться перед их глазами.

Как один человек, вошедшие повернулись и побежали к дверям. В узком проходе они теснились, отталкивая друг друга, крича от ужаса и стараясь как можно быстрее убежать. Они отбросили мечи и цеплялись друг за друга. Некоторые упали, другие топтали упавших. Наконец, предводительствуемые самым быстрым, они пробе-

жали две соседние комнаты и оказались в пустом коридоре. Но они не остановились до тех пор, пока, бледные и дрожащие, не оказались в пиршественном зале О-Тара. При виде их воины, оставшиеся в зале, вскочили с обнаженными мечами, думая, что за тремя вождями гонится множество врагов. Но никто не последовал за ними в зал, и трое вождей стояли перед О-Таром со склоненными головами и дрожащими коленями.

— Ну?— потребовал ответа джеддак.— Что случилось? Говорите!

— О-Тар!— воскликнул один из них, овладев наконец своим голосом.— Разве мы трое уступали в сражении или поединке? Разве наши мечи не были всегда обнажены для защиты твоей безопасности и чести?

— Но ведь я не отрицаю этого!

— Слушай тогда, о джеддак, и рассуди со снисходительностью. Мы прошли за двумя рабами в покои короля О-Мая. Мы вошли в проклятые комнаты и не дрогнули. Наконец мы оказались в ужасной комнате, куда уже пять тысяч лет не заглядывал глаз человека, и тут мы увидели лицо мертвого О-Мая, лежащего так, как его нашли. Мы пошли в эту ужасную комнату и были готовы идти дальше. Вдруг раздался ужасный стон, и занавеси задвигались в этом мертвом воздухе. О-Тар, это было выше человеческих сил. Мы повернулись и побежали. Мы бросились из комнаты, мы бросили мечи и дрались друг с другом, чтобы выбраться первыми. С печалью, но без стыда я рассказываю тебе это, ибо нет человека в Манаторе, который не сделал бы то же самое. Если эти рабы корфалы, они сейчас в безопасности среди духов. Если они не корфалы, они уже мертвы в комнате О-Мая, и их нужно там оставить... Я не вернусь в это проклятое место, даже если меня там ждут доспехи джеддака и пол-Барсума впридачу. Я сказал.

О-Тар сдвинул нахмуренные брови.

— Неужели все мои вожди трусы?— спросил он презрительно.

Один из тех, кто оставался в зале, встал и повернул свое хмурое лицо к О-Тару.

— Джеддак знает,— сказал он, — что в Манаторе джеддак всегда был самым храбрым из воинов. Я пойду туда, куда поведет мой джеддак. Но он не имеет права называть меня трусом, если посылает туда, куда не идет сам. Я сказал.

Когда он сел, наступила мертвая тишина.

Все поняли, что говоривший сделал вызов храбрости О-Тара, джеджака Манатора, и ждали его ответа. У всех была одна и та же мысль: О-Тар должен повести их в комнату О-Мая, иначе он проявит трусость, а на троне Манатора не должен сидеть трус.

Но О-Тар колебался, он смотрел в лица тех, кто окружал его в пиршественном зале — но на лицах безжалостных воинов видел лишь угрюмые усмешки. Ни следа снисходительности не было на этих лицах. Но вдруг его глаза удивленно остановились на маленькой двери в одной из стен зала. Выражение облегчения появилось у него на лице.

— Смотрите!— воскликнул он.— Смотрите, кто пришел!

XX

ОБВИНЕНИЕ В ТРУСОСТИ

Гохан, спрятавшись между занавесями и стеной, видел паническое бегство преследователей. Угрюмая усмешка появилась на его губах, когда он смотрел на безумную драку, видел, как воины отбросили свои мечи и боролись друг с другом за возможность первыми выйти из этой комнаты ужаса. Когда они все исчезли, он с улыбкой повернулся к Таре. Но его улыбка тотчас же исчезла — рядом с ним никого не было!

— Тара!— громко позвал он: опасности, что преследователи вернутся, больше не было. Но ответа не последовало, только откуда-то издалека донесся слабый звук кашляющего смеха. Быстро осмотрев все пространство за занавесями, он обнаружил несколько дверей, одна из которых была приоткрыта. Через эту комнату он проник в соседнюю, ярко освещенную в этот момент прямыми лучами Турии, совершающей свой стремительный бег по нему. Здесь он увидел следы сандалий на пыльном полу. Они проходили здесь — Тара и то существо, которое ее похитило.

Но кто это мог быть? Гохан, человек высокой культуры и разума, не был суеверным. Как и большинство народов Барсума, он склонялся, более или менее по привычке, к разновидности восторженного преклонения перед предками, но это была скорее легендарная память об их добродетелях и героических подвигах. Он не ожидал никакого материального проявления их существова-

ния после смерти. Он вообще не верил в материализацию духов.

Если есть какая-то жизнь помимо нашей, то он ничего не знал об этом. Он знал, что наука обнаружила материальные причины тех, казавшихся сверхчеловеческими, феноменов, которые легли в основу древних религий и суеверий. Тем не менее он не мог себе представить, какая сила похитила Тару так внезапно и чудесно из комнаты, в которой человек не появлялся почти пять тысяч лет.

В темноте он не мог разглядеть, были ли здесь иные следы, кроме следов сандалий Тары, но было заметно, что пыль тронута чем-то. А когда следы привели его в темный коридор, он потерял их окончательно. Покои О-Мая, через которые он спешил, представляли собой настоящий лабиринт переходов, коридоров и комнат.

Здесь был древний бассейн — несомненно, купальня самого джеддака; затем он прошел мимо комнаты, где на столе стояла еда, поставленная пять тысяч лет назад, — возможно, нетронутый завтрак О-Мая. Его глазам предстали украшения из драгоценных камней и металлов, удивлявшие даже джеда Гатола, чьи доспехи разукрашены камнями и платиной и чьи богатства не имели себе равных на Барсуме.

Наконец помещения О-Мая кончились небольшим кабинетом, в полу которого был люк. В нем виднелась спиральная лестница, ведущая прямо вниз, в непроглядную темноту. Пыль у входа в кабинет была недавно тронута, и это заставило Гохана продолжать здесь поиски Тары. Поэтому без колебаний он начал спускаться вниз в абсолютную темноту. Осторожно ощупывая следующую ступеньку, он вынужден был спускаться медленно, ибо был барсумцем и знал, какие ловушки могут подстергать его в этой темной и заброшенной части дворца джеддака.

Он спустился уже, по его предположениям, на три этажа, как вдруг услышал приближение снизу какого-то шаркания и скрежета. Он приостановился. Кем бы ни было это существо, оно приближалось и скоро должно было быть рядом. Гохан положил руку на рукоять меча и медленно вытащил его из ножен, чтобы ни малейшим шумом не выдать своего присутствия. Он хотел бы, чтобы в темноте был хоть малейший проблеск света. Если бы он мог разглядеть очертания приближающегося существа, у него было бы гораздо больше шансов на победу при встрече, но он ничего не видел. Больше того, в

полной темноте он задел концом ножен каменную стену, тишина узкого прохода усилила возникший при этом звук.

Приближающийся скрежет смолк. Некоторое время Гохан стоял в ожидании, затем, отбросив осторожность, продолжил спуск по спиральной лестнице. Существо, кем бы оно ни было, не издавало больше ни звука, и Гохан не мог определить, где оно. В любой момент оно могло оказаться рядом, поэтому он держал меч наготове.

Вниз и вниз уходила спираль лестницы. Темнота и могильная тишина окружили его в этом ужасном месте; кто-то, кого он не мог ни видеть, ни слышать, скрывался рядом — в этом он был уверен. Возможно, это существо, которое похитило Тару. Возможно, сама Тара, беспомощная во власти безымянного ужаса, совсем рядом с ним.

Он ускорил спуск, он почти бежал при мысли об опасности, угрожавшей любимой женщине, — и наткнулся на деревянную дверь, широко распахнувшуюся от толчка. За ней был освещенный коридор. С каждой стороны коридора были комнаты. Он мог разглядеть лишь небольшую часть коридора со дна спирального спуска, но понял, что находится в подземельях дворца. Мгновением позже он вновь услышал за собой скрежещущий звук, который привлек его внимание при спуске. Повернувшись, он увидел источник звуков, появившийся из-за двери.

Это был калдан Чек!

— Чек! — воскликнул Гохан. — Это был ты? Ты видел Тару?

— Да, на спиральной лестнице был я, — ответил калдан. — Но я не видел Тару. Я ищу ее, где она?

— Не знаю, — ответил гатолианин, — мы должны найти ее и забрать ее отсюда.

— Да, мы должны найти ее, — согласился Чек, — но сомневаюсь, сможем ли мы выбраться отсюда. Покинуть Манатор гораздо труднее, чем войти в него. Я могу идти куда хочу благодаря древним ходам ульсио, но вы слишком велики для этого, и ваши легкие требуют слишком много воздуха, которого не хватает в глубоких ходах.

— Но У-Тор! — воскликнул Гохан. — Что ты знаешь о его намерениях?

— Я слышал многое, — ответил Чек. — Он стоит лагерем у Ворот Врагов. Это место он удерживает, а его воины окружили Ворота. Но попытка ворваться в город ему

не удалась. Час назад ты свободно мог бы присоединиться к нему, но теперь каждая улица охраняется, с тех пор как О-Тар узнал, что бежал А-Кор и присоединился к У-Тору.

— А-Кор бежал и присоединился к У-Тору?— воскликнул Гохан.

— Час назад. Я был у него, когда пришел воин — он сказал, что его зовут Тасор, и передал твоё поручение. Мы решили, что Тасор будет сопровождать А-Кора в его попытке достичь лагеря У-Тора, великого джеда Манатоса, и передаст ему твою просьбу. Затем Тасор вернется и принесет пищу для тебя и принцессы Гелиума. Я пошел с ними. Мы легко разыскали У-Тора и узнали, что он согласен исполнить твою просьбу, но когда Тасор хотел вернуться во дворец, путь был уже закрыт воинами О-Тара. Поэтому я вызвался пойти к вам с новостями, разыскать для вас пищу и воду, затем отправиться к рабам из Гатола и подготовить их к выполнению плана, выработанного У-Тором и Тасором.

— Что же это за план?

— У-Тор послал за подкреплением. Он послал гонцов в Манатос и во все остальные районы. Потребуется не менее месяца, чтобы собрать и прислать сюда подкрепление, а тем временем рабы в городе организуются и раздобудут оружие, чтобы быть готовыми ко дню прихода подкрепления. Когда этот день настанет, войска У-Тора начнут штурм Ворот Врагов. Тогда часть рабов нападет на них с тыла, а часть захватит дворец. Они надеются отвлечь от Ворот так много воинов, что У-Тору нетрудно будет ворваться в город.

— Возможно, их ждет успех,— сказал Гохан,— но у О-Тара много воинов, а те, кто защищает свои дома и своего джедака, всегда имеют преимущество. О, Чек, если бы здесь были военные корабли Гатола или Гелиума, они залили бы своим беспощадным огнем улицы Манатора, в то время как У-Тор двигался бы ко дворцу по телам убитых.— Он остановился, погрузившись в раздумье. Затем вновь пристально взглянул на калдана.— Что ты знаешь об отряде рабов, бежавших вместе со мной с поля Джэтана: о Флоране, Вал Доре и остальных? Что с ними?

— Десять из них прорвались к У-Тору через Ворота Врагов и были хорошо приняты. Восемь погибли в схватках по пути. Вал Дор и Флоран, я думаю, живы: я слышал, что так У-Тор называл двух воинов.

— Хорошо!— воскликнул Гохан.— Тогда отправляйся по ходам ульсио к Воротам Врагов и передай Флорану записку, которую я напишу на его языке. Пойдем, я напишу ее.

В ближайшей комнате они обнаружили скамью и стол. Гохан сел и принялся писать странными иероглифами марсианского письма записку Флорану из Гатола.

— Почему же,— спросил он, закончив писать,— ты искал Тару на спиральной лестнице, где мы встретились с тобой?

— Тасор рассказал мне, где вы скрываетесь. Так как я, пользуясь ходами ульсио, исследовал большую часть дворца, то приблизительно знал, где вас искать. Этот тайный спиральный ход поднимается из подземелья к крыше высочайшей из башен дворца. У него тайные выходы на каждом этаже. Но я думаю, что ни один живой манаторианин о его существовании не знает. Я не встречал ни одного, хотя пользовался этим ходом много раз. Трижды побывал я в комнате, где лежит О-Май, но ничего не знал о нем и его судьбе, пока мне не рассказал об этом Тасор в лагере У-Тора.

— Ты хорошо знаешь весь дворец?— прервал его вопросом Гохан.

— Даже лучше, чем сам О-Тар или кто-нибудь из его слуг.

— Отлично! И ты послужишь принцессе Таре из Гелиума, Чек! И лучшей службой будет, если ты доставишь Флорану мою записку и будешь следовать его указаниям. Я все напишу, ибо и стены имеют уши, Чек, записку же может прочесть только гатолианин. Он переведет ее тебе. Могу ли я тебе верить?

— Я никогда не вернусь в Бантум,— ответил Чек.— У меня во всем Барсуме остались лишь два друга. Что же мне остается, как не верная служба им? Ты можешь верить мне, гатолианин. Ты и эта женщина доказали мне, что неразумное сердце бывает совершеннее высоко развитого мозга. Я иду.

* * *

Когда О-Тар указал на маленькую дверь, взгляды всех собравшихся устремились туда: велико же было удивление воинов, когда они узнали двоих, вошедших в пиршественный зал. Один из них был И-Гос. Он тащил за собой второго человека со связанными руками и заткну-

тым ртом. Этим вторым человеком была Тара. Кашляющий смех И-Госа раздался в тишине зала.

— Да, да!— проскрипел он.— То, что не смогли сделать молодые воины О-Тара, сделал И-Гос, и сделал один!

— Только корфал может пленить корфала!— крикнул один из вождей, побывавших по приказу О-Тара в комнате О-Мая.

И-Гос засмеялся.

— Ужас превратил ваши сердца в воду,— ответил он,— и склонил ваши уста к клевете. Она не корфал, а всего лишь женщина из Гелиума: ее товарищ — воин, который может сразиться с любым из вас и проткнуть ваши гнилые сердца. Не так было в дни молодости И-Госа. О, какие тогда были люди в Манаторе! Я хорошо помню тот день, когда...

— Замолчи, слабоумный дурак,— приказал О-Тар.— Где мужчина?

— Там, где я нашел женщину,— в мертвой комнате О-Мая. Пусть твои мудрые и храбрые вожди пойдут и приведут его оттуда. Я старый человек и смог привести лишь ее одну.

— Ты хорошо сделал, И-Гос,— О-Тар поторопился похвалить старика. Узнав, что Гохан все еще скрывается в проклятых покоях О-Мая, он хотел успокоить гнев И-Госа, хорошо зная едкий язык и раздражительный характер старика.— Ты думаешь, И-Гос, что она не корфал?— спросил он.

— Не больше, чем ты,— ответил старый таксидермист.

О-Тар долго и внимательно разглядывал Тару. Ее красота, казалось, проникала во все уголки его сознания. Она все еще была одета в богатые доспехи черной принцессы джэтана, и джеддак О-Тар понял, что никогда раньше его глаза не останавливались на такой совершенной фигуре, на таком прекрасном лице.

— Она не корфал!— бормотал он про себя.— Она не корфал, и она принцесса — принцесса Гелиума. И, клянусь золотыми волосами святого хеккадора, она прекрасна... Вытащите кляп у нее изо рта и развяжите ей руки,— громко приказал он.— Подготовьте комнату для принцессы Тары из Гелиума в покоях О-Тара. Она будет обедать как подобает принцессе.

Рабы исполнили приказание О-Тара, и Тара, сверкая глазами, стояла возле предложенного ей кресла.

— Садись!— приказал О-Тар.

Девушка опустилась в кресло.

— Я сажусь как пленница,— сказала она,— а не как гость за столом своего врага О-Тара из Манатора.

О-Тар приказал всем удалиться.

— Я буду говорить с принцессой Гелиума наедине,— сказал он.

Вожди и рабы вышли, и джеддак Манатора повернулся к девушке.

— О-Тар из Манатора — твой друг,— сказал он.

Тара сидела, прижав руки к груди, глаза ее сверкали, губы были чуть сжаты. Она даже не соизволила ответить. О-Тар приблизился к ней. Он заметил ее враждебность и вспомнил свой первый разговор с ней. Она самка бенса, но она прекрасна. Она намного превосходила красотой красивейших женщин, когда-либо виденных О-Таром, и он хотел обладать ею. Он сказал ей так:

— Я мог бы взять тебя как рабыню, но я хочу сделать тебя своей женой. Ты будешь джеддарой Манатора. Даю тебе семь дней для подготовки к той великой чести, которую оказывает тебе О-Тар. В этот же самый час через семь дней ты станешь женой О-Тара в тронном зале джеддаков Манатора.— Он ударил в гонг, стоявший рядом с ним на столе, и приказал вошедшему рабу позвать всех в зал.

Вожди медленно заняли свои места за столом. Их лица были хмуры, так как вопрос о храбрости их джеддака все еще не был решен. Если О-Тар надеялся, что они забудут об этом, то он ошибался в своих людях.

О-Тар встал.

— Через семь дней,— объявил он,— состоится большой праздник в честь новой джеддары Манатора.— И он указал рукой на Тару.— Церемония будет происходить в начале седьмого цода (примерно в 8.30 по земному времени) в тронном зале. До того времени принцесса Гелиума будет находиться в женских покоях дворца. Проведи ее туда, Э-Тас, с соответствующей ее званию охраной и проследи, чтобы в ее распоряжении были рабы и евнухи, они должны исполнять все ее желания.

Э-Тас понял подлинное значение этих слов: он должен под сильной охраной отвести пленницу в женские покои дворца и стеречь ее там семь дней, расположив вокруг ее покоев преданных воинов, чтобы помешать возможному побегу или попытке освободить ее.

Когда Тара была готова в сопровождении Э-Таса и охраны покинуть зал, О-Тар наклонился к ней и прошептал:

— Подумай о высокой чести, которую тебе предлагает О-Тар. Другого выхода у тебя нет.

Девушка прошла мимо, будто ничего не слышала, и с высоко поднятой головой покинула проклятое место.

* * *

После ухода Чека Гохан бродил по подземельям и древним коридорам нежилой части дворца, надеясь найти хоть какие-нибудь свидетельства о судьбе Тары. Он исследовал спиральный ход, проходящий через все этажи, пока хорошо не изучил каждый фут его от подземелья до самой вершины. Он знал выходы на каждый этаж так же хорошо, как и остроумно скрытые механизмы, управляющие замками и поворотами дверей. Пищу он добывал в позабытых подземных кладовых, а спать ложился на королевскую кровать О-Мая в запрещенной комнате.

А во дворце царило смятение. Воины и вожди заботились о своих обязанностях, группами собирались тут и там, хмуро и сердито обсуждая тему, которая у всех была на уме. На четвертый день после заключения Тары Э-Тас, мажордом дворца и один из приближенных О-Тара, пришел к своему повелителю по какому-то обычному делу. О-Тар был один в самой маленькой из своих личных комнат. Когда Э-Тас изложил дело, по которому пришел, и хотел удалиться, О-Тар знаком приказал ему остаться.

— Из простого воина, Э-Тас, я сделал тебя вождем. В пределах дворца твои приказы имеют почти такую же силу, как и мои. Поэтому тебя не любят, Э-Тас, и если другой джеддак займет трон Манатора, что будет с тобой? Ведь твои враги в Манаторе очень сильны.

— Не говори так, О-Тар,— попросил его Э-Тас.— Я много думал об этом в последнее время. И я постарался смягчить своих врагов. Я был с ними очень добр и снисходителен.

— Ты тоже уловил беззвучную угрозу в воздухе?— потребовал ответа джеддак.

Э-Тас явно чувствовал себя неловко и ничего не ответил.

— Почему ты не пришел ко мне со своими опасениями?— продолжал О-Тар.— Твоя верность, вот какая она!

— Я боялся, о могучий джеддак!— воскликнул Э-Тас.— Я боялся, что ты не поймешь меня и разгневаешься.

— Что ты знаешь? Говори правду!— приказал О-Тар.

— Среди вождей и воинов большая смута,— ответил Э-Тас.— Твои друзья боятся власти тех, кто выступает против тебя.

— Что же они говорят?

— Они говорят, что ты испугался войти в покои О-Мая в поисках раба Турана. О, не сердись на меня, джеддак: я повторяю лишь то, что они говорят. Я, твой верный Э-Тас, не верю в подобную глупость.

— Нет, нет, чего мне бояться?— спросил О-Тар.— Мы не знаем, там ли он еще. Разве мои вожди не были там и не увидели ничего?

— Но они говорят, что ты не захотел идти,— продолжал Э-Тас,— и что они не желают видеть труса на троне Манатора.

— Это измена!— вскричал О-Тар.

— Они говорили не только это, великий джеддак,— сказал мажордом.— Они говорят, что ты не только боишься войти в покои О-Мая, но что ты просто боишься раба Турана. Они бранят тебя за то, что ты наказал А-Кора. Они уверены, что А-Кор убит по твоему приказанию. Многие из них громко заявляют, что А-Кор был бы прекрасным джеддаком.

— Как они смеют? Как смеют они прочить на трон О-Тара бастарда, сына рабыни?

— Он твой сын, О-Тар,— напомнил Э-Тас,— и в Манаторе нет более любимого воинами человека. Я передаю тебе лишь факты, которые нельзя игнорировать. Я говорю так лишь потому, что, только зная правду, ты можешь противостоять тем, кто угрожает твоему трону.

О-Тар тяжело опустился на скамью: внезапно он почувствовал себя усталым и старым.

— Будь проклят тот день,— воскликнул он громко,— когда эти трое чужестранцев появились в столице Манатора! Мы не потеряли бы У-Дора. Он был силен, мои враги боялись его, но он погиб, умер от руки проклятого раба Турана, пусть падет на него проклятие Исы!

— Мой джеддак, что нам делать?— спросил Э-Тас.— Проклиная этих рабов, ты не решишь проблему.

— Но через три дня большой праздник и свадьба,— ответил О-Тар.— Будет торжественный прием. Все воины и вожди знают это, таков обычай. В этот день раздаются награды, подарки, звания. Скажи мне, кто больше всех настроен против меня? Ты пойдешь к ним и ска-

жешь, что я награжу их за прошлую верную службу трону. Мы сделаем вождей джедами, а воинов вождями, подарим им дворцы и рабов. А, Э-Тас?

Тот покачал головой.

— Не поможет, О-Тар. Они не примут твоих подарков. Они говорили об этом.

— Чего же они хотят?

— Они хотят, чтобы их джеддак был храбрейшим из храбрых,— ответил он, хотя во время ответа у него дрожали колени.

— Они думают, что я трус?— воскликнул джеддак.

— Они говорят, что ты испугался пойти в покои короля О-Мая.

О-Тар долго сидел, свесив голову на грудь и глядя в пол.

— Скажи им,— сказал он наконец усталым голосом, не похожим на голос великого джеддака,— скажи им, что я пойду в покои короля О-Мая и буду искать там раба Турана.

XXI

РИСК ВО ИМЯ ЛЮБВИ

— Да, да, и этот трус назвал меня слабоумным дураком!

Говорил это И-Гос, и обращался он к группе вождей в одной из комнат дворца О-Тара, джеддака Манатора.

— Если бы А-Кор был жив, какой бы это был джеддак!

— Кто говорит, что А-Кор умер?— спросил один из вождей.

— Где же он тогда?— спросил И-Гос.— И разве не исчезли также и другие, кого О-Тар считал слишком близкими к трону?

Вождь покачал головой.

— Если ты прав, я присоединюсь к У-Тору у Ворот Врагов.

— Тсс!— предупредил один из них.— Идет лизоблюд.— И все повернулись к подходившему Э-Тасу.

— Каор, друзья!— воскликнул он, но его дружеское приветствие было встречено лишь несколькими угрюмыми кивками.— Слышали новость?— продолжал он, не смущаясь оказанным ему приемом.

— Неужели О-Тар увидел ульсио и упал в обморок?— иронически спросил И-Гос.

— Люди умирают и за меньшее, старик,— предупредил его Э-Тас.

— Я жив,— возразил И-Гос,— потому что я не замечательный, храбрый и любимый народом сын джеддака Манатора.

Это был открытый вызов, но Э-Тас сделал вид, что ничего не слышал. Не обращая внимания на И-Госа, он повернулся к остальным.

— Этой ночью О-Тар отправляется в покои О-Мая на поиски раба Турана,— сказал он.— Он сожалеет, что у его воинов не хватает храбрости выполнить эту обязанность и их джеддак вынужден сам задержать простого раба.— И с этой насмешкой Э-Тас отправился разносить новость дальше. Последние слова были выдуманы им самим, и он получил большое удовольствие, приведя в смущение своих врагов. И-Гос окликнул его:

— В котором часу О-Тар отправится в покои О-Мая?

— В конце восьмого цода (около часа ночи по земному времени),— ответил мажордом и ушел.

— Посмотрим...— сказал И-Гос.

— Что мы можем увидеть?— спросил воин.

— Увидим, на самом ли деле О-Тар посетит комнату О-Мая.

— Как?

— Я сам там буду, и если я увижу его, то буду знать, что он там был. Если же не увижу, значит, он там не был,— объяснил старый таксидермист.

— Есть ли там что-нибудь, что наполнило бы сердце человека ужасом?— поинтересовался вождь.— Что ты там видел?

— Я видел немного и кое-что слышал,— сказал И-Гос.

— Расскажи нам, что видел и слышал?

— Я видел мертвого О-Мая,— сказал И-Гос собравшимся. Все вздрогнули.

— И ты не сошел с ума?— спросили они.

— Разве я сумасшедший?— спросил И-Гос.

— И ты снова пойдешь туда?

— Да!

— Ты на самом деле сумасшедший!— воскликнули они.

— Ты видел мертвого О-Мая, но что ты слышал?— шепотом спросил один из них.

— Я видел мертвого О-Мая на полу его спальни, одна нога короля запуталась в спальных мехах и шелках на кровати. И я слышал ужасные вопли и стоны.

— И ты не боишься идти туда снова?

— Мертвец не может повредить мне, — сказал И-Гос. — Он лежит там уже больше пяти тысяч лет. Звук тоже не причинит мне зла. Я слышал его только раз и остался жив — могу послушать еще раз. Эти звуки доносились из-за занавески, где я стоял и следил за рабом Тураном.

— И-Гос, ты очень храбрый человек, — сказал вождь.

— О-Тар назвал меня слабоумным дураком, и я пойду навстречу большей опасности, чем та, что лежит в комнате О-Мая, чтобы узнать, на самом ли деле он побывает там...

Наступила ночь, цоды тянулись один за другим, и наконец наступило время, когда джеддак Манатора О-Тар должен был отправиться в покои О-Мая на поиски раба Турана. Нам, сомневающимся в существовании злых духов, его страх может показаться неправдоподобным, ибо он был сильным мужчиной, отличным фехтовальщиком и воином с блестящей репутацией, но в действительности О-Тар дрожал, проходя по коридорам дворца к забытым покоям О-Мая, и когда он наконец оказался перед дверью, что вела непосредственно в апартаменты О-Мая, он был почти парализован ужасом. Он пришел один по двум очень важным причинам. Во-первых, никто не увидит его страха, никто не будет свидетелем, если в последний момент он повернет назад. Во-вторых, если он проделает это один или хотя бы заставит вождей поверить, что он сделает это, храбрость его будет оценена очень высоко, выше, чем если бы его сопровождала группа воинов.

Но, хотя он отправился один, он был уверен, что кто-то следит за ним. Он знал, что вожди не верят в его храбрость и правдивость. Он не верил, что найдет раба Турана. Он не слишком хотел отыскать его, ибо, хоть он и был хорошим фехтовальщиком и храбрым воином, он видел, как Туран играл с У-Дором, и понимал, что в фехтовальном искусстве тому нет равных.

Так и стоял О-Тар, положив руку на дверь, — он боялся войти и боялся отступить. Наконец страх перед собственными воинами, следящими за ним, оказался сильнее, чем страх перед неизвестностью, ожидавшей его за древней дверью. Он толкнул тяжелую створку и вошел. Тишина, полумрак и пыль столетий покрывали комна-

ту. От своих воинов он знал путь, по которому предстояло добираться до ужасной комнаты О-Мая. Он прошел через первую комнату, прошел через вторую, где игроки в джэтан разыгрывали свою вечную партию, и оказался в коридоре, ведущем к проклятой комнате. Обнаженный меч дрожал в его руке. После каждого шага он останавливался и прислушивался, сердце у него замирало, холодный пот покрывал тело. Наконец он у двери.

И тут из спальни О-Мая до него донеслось приглушенное дыхание. О-Тар был близок к паническому бегству от безымянного ужаса, которого он не видел, но который ждал его впереди. Но вновь возник страх перед гневом и презрением воинов и вождей. Они сместят его и вдобавок убьют. Он не сомневался в своей судьбе, если в ужасе убежит из помещений О-Мая. Единственная его надежда — превратить неизвестное в известное.

Он двинулся вперед. Несколько шагов — и он у двери. Комната перед ним была менее освещена, чем коридор, поэтому сразу он почти ничего не мог в ней разглядеть. Он увидел в центре спальный помост, рядом с помостом на полу виднелось какое-то пятно. Он сделал шаг вперед и с громким скрежетом задел концами ножен за каменную стену. К своему ужасу, он увидел, что шелка и меха на постели зашевелились. Он увидел фигуру, медленно поднимающуюся с мертвой постели короля О-Мая. Колени его подогнулись, но он собрал все свое мужество, крепче сжал меч в дрожащей руке и приготовился сражаться. Но тут раздался протяжный и дьявольский стон, и О-Тар без чувств свалился на пол.

Гохан, улыбаясь, встал с постели О-Мая, и тут его внимание привлек какой-то шум в стороне. Оглянувшись, он увидел между чуть раздвинувшимися занавесями согнутую фигуру. Это был И-Гос.

— Спрячь меч, Туран,— сказал старик.— Тебе нечего опасаться И-Госа.

— Что ты здесь делаешь?— спросил Гохан.

— Я пришел, чтобы убедиться, что этот большой трус не обманет нас. Подумать только, он назвал меня слабоумным дураком. А взгляни на него! Лишился чувств от ужаса. Да, но тот, кто слышал издаваемые тобой звуки, поймет его. Они чуть не поколебали мою храбрость. Значит, это ты стонал и скрипел перед воинами в тот день, когда я похитил у тебя Тару?

— Это ты, старый негодяй?— Гохан угрожающе двинулся к И-Госу.

— Подожди,— увещевал его старик.— Да, тогда я был твоим врагом. Но теперь я не враг тебе: обстоятельства переменились.

— Что случилось?— спросил Гохан.

— Тогда я еще полностью не понимал трусости джеда, так же как и вашей с этой девушкой храбрости. Я старик, и я пришел из прошлых времен, к тому же я люблю храбрость. Вначале я возмущался нападением девушки на меня, но затем я оценил ее мужество, оно вызвало мое восхищение, как и все ее действия. Она не боялась О-Тара, она не боялась меня, она не боялась всех воинов Манатора. А ты! Кровь миллионов отцов! Как ты сражался! Я сожалею, что выдал вас на поле Джэтана. Я жалею, что вернул Тару О-Тару. Я исправлю свою ошибку. Я ваш друг. Мой меч у твоих ног.— И он положил свое оружие на пол перед Гоханом.

Гатолианин знал, что отказ был бы величайшим оскорблением, поэтому он шагнул вперед, поднял меч и протянул его рукоятью вперед И-Госу, принимая его дружбу.

— Где принцесса Тара из Гелиума? — спросил Гохан.— Она в опасности?

— Она содержится во дворце в женских покоях, ожидая церемонии, которая сделает ее джеддарой Манатора,— ответил И-Гос.

— Этот трус хотел сделать Тару своей женой?— нахмурился Гохан.— Я прикончу его, если он еще не умер от испуга.— И он подошел к лежащему О-Тару, собираясь пронзить его сердце.

— Нет!— воскликнул И-Гос.— Не убивай его и молись, чтобы он не умер, иначе ты потеряешь принцессу.

— Как?

— Как только известие о смерти О-Тара достигнет женских покоев, принцесса Тара умрет. Женщины знают о намерении О-Тара жениться на ней и сделать ее джеддарой, и можешь быть уверен, что ее ненавидят, как только могут ненавидеть ревнивые женщины. Только власть О-Тара защищает ее от смерти. Если О-Тар умрет, Тару отдадут воинам и рабам, и никто не защитит ее.

Гохан вложил меч в ножны.

— Ты хорошо объяснил, но что делать с ним?

— Пусть он лежит,— сказал ему И-Гос.— Он не умрет. Придя в себя, он возвратится в свои покои с отличной сказкой о храбрости, и никто не сможет разоблачить его хвастовства — никто, кроме меня, И-Госа. Идем!

Он может прийти в себя в любую минуту и не должен видеть нас здесь.

И-Гос подошел к телу джеддака, на мгновение наклонился над ним и вернулся к постели.

Вдвоем они покинули спальню О-Мая и направились к спиральной лестнице. Здесь И-Гос провел Гохана на верхний этаж и оттуда на крышу дворца. Здесь он указал на высокую башню рядом.

— Здесь, — сказал он, — находится принцесса Гелиума, и здесь она будет жить до церемонии.

— Возможно, она будет в безопасности в чужих руках, но не в своих собственных, — сказал Гохан. — Она никогда не станет джеддарой Манатора, скорее, убьет себя.

— Она сделает это? — спросил И-Гос.

— Сделает, если ты не сможешь передать ей, что я жив и что есть еще надежда, — ответил Гохан.

— Я не могу передать ей этого, — сказал И-Гос. — Помещения своих женщин О-Тар строго охраняет. Здесь его наиболее преданные рабы и воины, и среди них множество шпионов, так что никогда не знаешь, кто перед тобой. Даже тень не упадет в этих помещениях без того, чтобы ее не заметили сотни глаз.

Гохан стоял, пристально глядя на освещенные окна башни, в верхнем этаже которой находилась Тара.

— Я найду себе дорогу, И-Гос, — сказал Гохан.

— Но туда нет дороги, — ответил старик.

Некоторое время они стояли на крыше под бриллиантами звезд и торопливыми лунами умирающего Марса, обсуждая планы на тот момент, когда Тару приведут из высокой башни в тронный зал О-Тара. Гохан рассказал И-Госу о том, что он передал через Чека Флорану и Вал Дору, но уверил старого таксидермиста, что если он искренне хочет, чтобы О-Тара низвергли с трона, то они сумеют это сделать в день, когда джеддак захочет жениться на принцессе Гелиума.

— Тогда придет твое время, И-Гос, — уверил его Гохан, — и если у тебя есть друзья, думающие так же, как и ты, подготовь их к такой возможности, которая наступит после того, как О-Тар самонадеянно попытается жениться на дочери Главнокомандующего. Где я смогу вновь увидеть тебя и когда? Сейчас я хочу поговорить с Тарой, принцессой Гелиума.

— Мне нравится твоя уверенность, — сказал И-Гос, — но ты ничего не добьешься. Ты не сможешь говорить с

принцессой Гелиума, хотя, несомненно, кровь многих маториан прольется в женских покоях, прежде чем они смогут тебя убить...

Гохан улыбнулся.

— Меня не убьют. Где и когда мы встретимся? Ты сможешь найти меня ночью в комнате О-Мая. Кажется, это самое безопасное место для врагов джеддака Матора, и находится оно во дворце самого джеддака. Я иду!

— Пусть духи наших предков окружают тебя, — сказал И-Гос.

После ухода старика Гохан по крыше подошел к высокой башне. Она была сделана из камня, и поверхность ее была покрыта сложными рисунками, глубоко вырубленными в каменной поверхности стен. Столетия почти не тронули эти стены благодаря сухости марсианской атмосферы, редкости дождей и пыльных бурь. Подъем по такой стене представлял большую опасность, которая отпугнула бы и храброго человека. Удержала бы она, несомненно, и Гохана, если бы он не знал, что жизнь любимой женщины зависит от выполнения им этого рискованного подвига.

Сняв сандалии, доспехи и все оружие, кроме кожаного пояса с висевшим на нем кинжалом, гатолианин начал опасное восхождение.

Цепляясь за углубления руками и ногами, он медленно поднимался, избегая окон и держась в затененной стороне крепости, куда не падал свет Турии и Хлоруса.

Башня на пятьдесят футов возвышалась над крышей остальной части дворца, в ней было пять этажей с окнами, выходящими во все стороны. У нескольких окон были балконы, и их он прежде всего стремился избежать, хотя был уже девятый цод и решительно все в крепости спали.

Продвижение его было бесшумным, и наконец он, никем не замеченный, добрался до окон верхнего этажа. Они, подобно тем, что он миновал, были забраны прочными решетками, так что не было никакой возможности проникнуть внутрь. Темнота скрывала внутренность помещения за первым достигнутым им окном. За вторым окном оказалась освещенная комната, где был виден спящий на своем посту охранник.

Была видна также лестница, ведущая на нижние этажи. Двигаясь вдоль стены, Гохан добрался до следующего окна, но теперь он висел с той стороны башни, которая обрывалась во двор в ста футах под ним, а через

некоторое время его настигнет свет Турии. Он понял, что должен поторопиться.

Подобравшись к окну, он увидел маленькую, тускло освещенную комнату. В центре ее был спальный помост, на нем под шелками и мехами лежала человеческая фигура... Обнаженная рука, высунувшаяся из-под одеяла, откинулась на шкуру — рука удивительной красоты; на ней был браслет, который Гохан узнал. Гохану была видна вся комната, в ней больше никого не было. Прижав лицо к решетке, гатолианин прошептал дорогое имя. Девушка вздрогнула, но не проснулась. Он позвал ее вновь, на этот раз громче. Тара села на постели и взглянула на него. В ту же минуту показался огромный евнух, видимо, лежавший на полу у помоста с дальней от Гохана стороны. Одновременно за окном засверкала бриллиантовым светом Турия, и висящего снаружи Гохана стало отчетливо видно из башни.

Тара и евнух вскочили на ноги. Евнух выхватил меч и подбежал к окну. Гохан, совершенно беспомощный, представлял легкую добычу — от малейшего толчка он сорвался бы и разбился о камни двора. Но Тара ухватила за охранника и потащила его назад. В то же самое мгновение она выхватила тонкий кинжал и, хотя евнух стоял к ней спиной, нашла его сердце. Без звука он свалился на пол. Тара подбежала к окну.

— Туран, мой вождь! — воскликнула она. — Что за безумие искать меня здесь, где даже твое храброе сердце не сможет мне помочь!

— Не будь так уверена в этом, сердце моего сердца! — ответил он. — Хотя я принес своей любимой лишь слова, они предвещают дела. Я боялся, что ты убьешь себя, Тара из Гелиума, чтобы спастись от бесчестия. И я хочу дать тебе новую надежду и просить, чтобы ты жила для меня, что бы ни случилось. Знай, что если все пойдет хорошо, мы будем свободны. Следи за мной в тронном зале О-Тара, когда он захочет жениться на тебе. Но что же нам делать с этим? — И он указал на мертвого евнуха на полу.

— Не стоит беспокоиться, — сказала девушка. — Никто не осмелится причинить мне зла из страха перед гневом О-Тара — иначе я давно была бы мертва: женщины здесь ненавидят меня. О-Тар защищает меня, а что для О-Тара жизнь какого-то евнуха? Нет, бояться нечего!

Их руки соединились через решетку, и Гохан был рядом с ней.

— Один поцелуй,— сказал он,— прежде чем я уйду, моя принцесса.

И гордая дочь Деи Торис, принцессы Гелиума, и Главнокомандующего Барсума прошептала: «Мой король, мой вожь!» и прижалась своими губами к губам Турана, простого пантана.

XXII

ВО ВРЕМЯ СВАДЬБЫ

Могильная тишина тяжело нависла вокруг, когда О-Тар, джеддак Манатора, открыл глаза в темноте комнаты О-Мая. В его сознании возникло воспоминание об ужасном видении. Он прислушался, но ничего не услышал. В поле его зрения ничто не вызывало тревоги. Он медленно поднял голову и огляделся. На полу рядом со спальным помостом лежал какой-то предмет, который привлек его внимание и привел в ужас, когда он разобрал, что это... ссохшийся труп короля О-Мая. О-Тар встал на ноги. Он дрожал каждой своей жилкой. На постели, где поднимался призрак, ничего не было.

О-Тар медленно пятился из комнаты. Наконец он выбрался в коридор. Там было пусто. О-Тар не знал, что коридор мгновенно опустел, когда стон, вместе с криком самого О-Тара, достиг ушей воинов, посланных шпионить за ним. Он взглянул на часы на массивном золотом браслете, надетом на левую руку. Прошла половина десятого цода. Около часа О-Тар лежал без чувств. Он провел час в комнате О-Мая и не умер! Смотрел в лицо своего предшественника и не сошел с ума! О-Тар вздрогнул и улыбнулся.

Постепенно он овладел своими разыгравшимися нервами, так что, достигнув жилой части дворца, уже полностью пришел в себя. Он шел с важным видом, высоко задрав подбородок. Направлялся он в пиршественный зал, зная, что там его ждут вожди.

Когда он вошел туда, все встали со своих мест, на лицах многих было выражение недоверия и смущения, так как они не ожидали вновь увидеть джеддака О-Тара после того, как шпионы рассказали об ужасных звуках, доносившихся из помещений О-Мая.

Как счастлив был О-Тар, что он один пошел в эту комнату ужаса. Теперь никто не сможет усомниться в его рассказе!

Э-Тас вышел вперед, чтобы встретить его,— он видел, какие взгляды бросали на него вожди, и знал, что его ждет, если его покровитель не вернется.

— О, храбрый и славный джеддак!— воскликнул мажордом.— Мы радуемся твоему благополучному возвращению и ждем рассказа о твоих приключениях.

— Ничего не было!— воскликнул О-Тар.— Я внимательно обыскал комнату и, спрятавшись на случай, если он на время вышел, стал поджидать возвращения раба Турана, но он не пришел. Его там нет, сомневаюсь, был ли он там когда-нибудь. Вряд ли кто-нибудь хотел бы оказаться в таком ужасном месте.

— На тебя не нападали?— спросил Э-Тас.— Ты не слышал стонов и криков?

— Я слышал ужасные звуки и видел призраков, но они разбежались при моем приближении, я смотрел в лицо О-Мая и не сошел с ума. Я даже отдохнул в комнате возле его трупа...

В дальнем углу зала сгорбленный старик спрятал улыбку за золотым кубком с крепким пивом.

— Пойдем! Будем пить!— воскликнул О-Тар и хотел извлечь кинжал, рукоятью которого он хотел ударить в гонг, желая вызвать рабов, но кинжала в ножнах не оказалось. О-Тар удивился. Он хорошо помнил, что перед уходом в покои О-Мая проверил, все ли его оружие на месте, и кинжал был у него с собой. Он схватил со стола кубок и ударил в гонг, а когда пришли рабы, приказал принести самого крепкого пива для О-Тара и его вождей. Много восторженных слов было произнесено за пивом, все восхищались храбростью своего джеддака.

* * *

Наконец настал день, когда О-Тар должен был взять в жены принцессу Тару из Гелиума. Несколько часов готовили к церемонии не желающую брака невесту; семь благоухающих ванн заняли три долгих часа, затем ее тело растер маслом из листьев пималии и массировал своими чуткими пальцами раб из далекого Дузара. Ее одежда, специально подготовленная к этому случаю, была сшита из кожи больших белых барсумских обезьян и увешана различными украшениями и бриллиантами. Тяжелая масса блестящих черных волос была уложена в высокую прическу, которую скрепляли с головками из алмазов они сверкали, как звезды в безлунную ночь

Но это была угрюмая и непокорная невеста. И вот ее повели из высокой башни в тронный зал О-Тара. Коридоры дворца были заполнены рабами, воинами, женщинами из дворца и города, которым было приказано присутствовать на церемонии. Вся гордость и власть, все богатство Манатора были здесь.

Тара, окруженная сильной охраной, медленно двигалась по мраморным коридорам с бесчисленными толпами народа. У входа в Зал Вождей ее встретил мажордом Э-Тас. Зал был пуст, если не считать рядов мертвых вождей и мертвых тоттов. По этому длинному залу она в сопровождении Э-Таса прошла в тронный зал, который тоже был пуст: брачная церемония в Манаторе проходит не так, как в других странах Барсума.

Здесь невеста должна была ждать жениха на ступеньках трона. Гости вошли вслед за ней и заняли свои места, оставив широкий проход от Зала Вождей к трону. По этому проходу О-Тар должен был пройти к своей невесте после непродолжительной беседы с духами мертвых в Зале Вождей. Таков был обычай.

Гости цепочкой прошли через Зал Вождей. Двери в обеих комнатах закрыли. Вскоре после этого открылась дальняя дверь, и вошел О-Тар. Его черные доспехи были украшены рубинами и золотом, лицо покрыто маской из драгоценного металла. В ней были сделаны две узкие щели, через которые можно было видеть. Поверх короны шла лента, поддерживающая перья из того же металла, что и маска. До мельчайшей детали его наряд соответствовал требованиям и обычаям королевского ритуала Манатора, и теперь, в соответствии с этими обычаями, он один шел в Зал Вождей просить благословения и совета у своих великих предшественников на троне Манатора.

Когда дверь в дальнем конце зала закрылась за ним, джеддак О-Тар остался наедине с великими мертвецами. По обычаям веков, ни один смертный не мог видеть сцену, происходящую в этой священной комнате.

Могучий Манатор уважает свои традиции, давайте и мы не нарушим традиций этих гордых и чувствительных людей. И что нам до того, что происходит в безлюдной комнате мертвецов?

Прошло пять минут. Невеста молча стояла на ступеньках трона. Гости переговаривались шепотом, и вскоре зал наполнился гулом множества голосов. Наконец дверь, ведущая в Зал Вождей, раскрылась, в двер-

ном проеме на мгновение застыл великолепный жених. Наступило молчание. Размеренной и горделивой походкой шествовал жених к невесте. Тара почувствовала, как по мере его приближения, неотвратимого, как сама судьба, у нее сжималось сердце.

И никаких знаков от Турана! Где он? И чем он может ей помочь? Окруженная воинами, не имея вокруг ни одного друга, Тара, казалось, совершенно лишилась надежды на освобождение.

«Я еще жива!» — прошептала она про себя в последней храброй попытке победить ужасную безнадежность, овладевшую ею, но ее пальцы нащупали рукоятку кинжала, который она сумела незаметно перепрятать из старой одежды в новый наряд. Жених был уже рядом. Взяв за руку, он повел ее вверх по ступенькам трона. Перед троном они остановились и стояли, глядя на собравшихся внизу.

Из бокового помещения вышла процессия, возглавляемая верховным жрецом, который должен был объявить их мужем и женой. За ним богато одетый юноша нес шелковую подушку, на которой лежали золотые браслеты, соединенные золотой цепочкой. Во время церемонии жрец должен был надеть их на руки жениха и невесты, символизируя их нераздельность в браке.

Неужели обещанная Тураном помощь придет слишком поздно? Тара слушала длинную монотонную брачную службу. Она слышала, как превозносили достоинства О-Тара и красоту невесты. Страшный момент приближался, а Турана все не было. Но что он мог сделать, если бы даже ему удалось пробраться в эту комнату?! Только умереть вместе с ней. Надежды на спасение не было.

Жрец взял с подушки золотые браслеты. Он расстегнул их и взял Тару за руку. Вот и пришло время! Дальше церемония не должна продолжаться, ибо, живая или мертвая, она по всем законам Барсума становилась женой О-Тара из Манатора, как только браслеты будут соединены. Даже если придет освобождение, она никогда не сможет разорвать эти цепочки, и Туран будет для нее потерян так же верно, как если бы их разделила смерть.

Ее рука сжалась на рукояти кинжала, но немедленно рука жениха перехватила ее руку и заставила выпустить рукоятку. Он предвидел ее намерение. Сквозь прорези маски она видела его глаза: ей казалось, что у него на лице улыбка. Несколько мгновений они стояли

молча. Люди внизу в молчании затаили дыхание: присутствие у трона не осталось незамеченным.

Этот драматический момент был прерван грохотом распахнувшейся двери, ведущей в Зал Вождей. Все глаза повернулись в том направлении и увидели другую фигуру в дверном проеме — полуодетую и растрепанную фигуру О-Тара — джеддака Манатора.

— Стойте!— крикнул он и прыгнул вперед в проход к трону.— Хватайте самозванца!

Все взоры обратились к фигуре жениха у трона. Все увидели, как он поднял руку и снял с лица золотую маску. Тара из Гелиума широко раскрыла глаза и недоумевающе смотрела в лицо пантана Турана.

— Раб Туран!— раздались крики в зале.

— Смерть ему! Смерть!

— Подождите!— крикнул Туран, выхватывая меч, так как дюжина воинов выступила вперед.

— Подождите!— прозвучал другой голос, старческий и дрожащий, и И-Гос, древний таксидермист, вышел вперед из толпы гостей и перед наступающими воинами поднялся на ступени трона.

При виде старика воины остановились: у всех обитателей Барсума возраст пользуется большим уважением, как у всех народов, чья религия строится на преклонении перед предками. Но О-Тар не обратил на него никакого внимания и продолжал двигаться к трону.

— Стой, трус!— воскликнул И-Гос.

Люди глядели на маленького старика в изумлении.

— Люди Манатора!— прокричал он своим тонким и пронзительным голосом.— Может ли править нами трус и лжец?

— Тащите его вниз!— крикнул О-Тар.

— Нет, пока я не кончу говорить,— возразил И-Гос,— это мое право. Я могу поплатиться за свои слова жизнью — я знаю это и все вы тоже. Поэтому я требую, чтобы вы меня выслушали. Это мое право!

— Это его право!— как эхо, послышалось множество голосов с разных сторон.

— Я могу доказать, что О-Тар трус и лжец!— продолжал И-Гос.— Он утверждал, что смело смотрел в лицо ужасам в комнате О-Мая и не нашел там раба Турана. Я был там, спрятавшись за занавесями, и видел все. Туран скрывался в этой комнате — он лежал в постели О-Мая, когда О-Тар, дрожа от ужаса, вошел в комнату. Туран, проснувшись, сел в постели, и в это время

раздался испуганный крик. О-Тар вскрикнул и потерял сознание.

— Это ложь!— вскрикнул О-Тар.

— Это не ложь, и я могу это доказать!— возразил И-Гос.— Все видели, что когда О-Тар вернулся из покоев О-Мая и хвастал своими подвигами, он хотел вызвать рабов, чтобы приказать принести питье. Он хотел ударить своим кинжалом в гонг, как делал это всегда. Все заметили это. А был ли у него кинжал? О-Тар, где кинжал, который ты брал с собой в комнату О-Мая? Ты не знаешь, а я знаю. Пока ты лежал без памяти от страха, я вытащил его из твоих ножен и спрятал среди спальных шелков на постели О-Мая. Он и сейчас там лежит, а если кто-то сомневается, давайте пошлем туда людей: они найдут кинжал, и все убедятся в лживости джеддака.

— Но что делать с этим самозванцем?— крикнул один из вождей.— Будет ли он все так же стоять безнаказанно у трона Манатора, пока мы спорим о своем джеддаке?

— Благодаря его отваге мы знаем о трусости О-Тара,— ответил И-Гос,— и благодаря ему у нас будет лучший джеддак.

— Мы сами выберем джеддака! Схватить и убить раба!— раздался крик из разных концов зала.

Гохан между тем внимательно прислушивался, как бы надеясь что-то услышать. Он видел, как воины приближаются к помосту, где он стоял с обнаженным мечом, обхватив одной рукой Тару. И если его план не удастся, это будет означать для него смерть. И он знал, что Тара тоже умрет. Неужели все его усилия были напрасны?

Несколько воинов настаивали на необходимости отправиться в покои О-Мая и поискать там кинжал. Если его найдут, то это докажет трусость О-Тара. Наконец трое согласились пойти.

— Не бойтесь,— сказал им И-Гос.— Там нет опасности. Я часто бывал в этой комнате, а Туран спал там много ночей. Стоны и крики, напугавшие вас и О-Тара, издавал он, чтобы отпугнуть всех от своего убежища.

Полные стыда, трое вождей отправились на поиски кинжала О-Тара.

Теперь все взоры вновь обратились к Гохану.

Воины с обнаженными мечами приблизились к трону, но двигались они медленно: все видели этого раба на поле Джэтана и знали силу его оружия. Когда они достигли ступеней трона, откуда-то издалека донесся силь-

ный гул, затем вновь и вновь, и Туран улыбнулся, вздохнув с облегчением. Возможно, в конце концов помощь придет вовремя. Все находившиеся в зале прислушались. Теперь до их ушей донесся звук ружейных выстрелов, а сверху, с крыши дворца, слышался грохот.

— Что это?— спрашивали все друг друга.

— Большая буря пришла в Манатор, — предположил один.

— Не думайте о буре, пока не убьете вот этого врага, осмеливающегося стоять у трона вашего джеддака! — настаивал О-Тар. — Хватайте его.

Но в это время шпалеры за тронем раздвинулись, и из-за них к трону выступил воин. Восклицания удивления и страха вырвались из уст воинов О-Тара.

— У-Тор! — воскликнули они. — Измена!

— Это не измена, — сказал У-Тор низким голосом. — Я привел вам нового джеддака всего Манатора. Не лживого труса, а храброго человека, которого вы все любите.

Он отступил в сторону, и другой воин вышел из прохода, скрытого за шпалерой. Это был А-Кор, и при виде его зазвучали возгласы удивления, восторга, гнева: все поняли, что произошел умело организованный государственный переворот. Вслед за А-Кором появились другие воины, пока помост не наполнился ими — все это были воины Манатоса.

О-Тар призывал своих воинов к атаке, но в это время окровавленный падвар вбежал в зал.

— Город пал! — громко крикнул он. — Войска Манатоса ворвались через Ворота Врагов. Рабы из Гатола восстали и обезоружили дворцовую охрану. Большие воздушные корабли высаживают воинов на крыше дворца и на поле Джэтана. Люди Гелиума и Гатола проходят по Манатору. Они громко выкрикивают имя принцессы Гелиума и клянутся превратить Манатор в погребальный костер. Небо черно от кораблей. Огромными флотилиями движутся они с востока на юг.

Вновь широко распахнулась дверь в Зал Вождей. Повернувшись, люди Манатора увидели еще одну фигуру — мощного мужчину с белой кожей, черными волосами и серыми, сверкавшими, как сталь, глазами. За ним в Зал Вождей хлынули воины в доспехах далеких стран. Сердце Тары из Гелиума при виде вновь прибывших забило от восторга.

Это был Джон Картер, Главнокомандующий Барсу-ма; он пришел во главе победоносных войск, чтобы осво-

бодить свою дочь, и рядом с ним был Джор Кантос, с которым она была помолвлена. Главнокомандующий оглядел собравшихся и заговорил:

— Сложите оружие, воины Манатора. Я вижу, моя дочь жива, ей не причинили вреда, поэтому кровь не прольется. Ваш город полон людей У-Тора, воинов Гатолы и Гелиума. Дворец в руках рабов из Гатолы, и около тысячи моих воинов находится в окружающих этот зал коридорах и комнатах. Судьба вашего джеддака в ваших руках. Я не хочу вмешиваться. Я пришел, чтобы освободить свою дочь и рабов из Гатолы. Я сказал!— И, не ожидая ответа, будто зал был полон его людей, а не вражеских воинов, он направился к Таре.

Вожди Манатора были ошеломлены. Они смотрели на О-Тара, но он мог лишь беспомощно смотреть, как враги входят из Зала Вождей и окружают трон. Затем вошел одвар армии Гелиума.

— Мы задержали трех вождей,— доложил он Главнокомандующему,— они просят, чтобы их допустили в тронный зал к их товарищам и говорят, что их сообщение решит судьбу Манатора.

— Приведите их!— сказал Главнокомандующий.

Трое вождей, окруженные конвоем, подошли к ступенькам трона. Один из них повернулся к манаторианам и высоко поднял в правой руке украшенный драгоценными камнями кинжал.

— Мы нашли его,— сказал он,— там, где указал И-Гос.— И он многозначительно посмотрел на О-Тара.

— А-Кор — джеддак Манатора!— послышался возглас, подхваченный сотнями голосов.

— В Манаторе может быть только один вождь и джеддак,— сказал вождь, державший кинжал. Его глаза по-прежнему были устремлены на злополучного О-Тара. Он подошел к нему и протянул кинжал низвергнутому правителю.— В Манаторе может быть лишь один джеддак,— повторил он многозначительно.

О-Тар взял протянутый ему кинжал и по самую рукоять вонзил себе в грудь, одним-единственным поступком вернув себе уважение своего народа и заняв вечное место в Зале Вождей.

Когда он упал, в огромном зале наступила тишина. Ее прервал голос У-Тора.

— О-Тар умер!— воскликнул он.— Пусть А-Кор правит до тех пор, пока вожди всего Манатора не соберутся для выборов нового джеддака. Каков ваш ответ?

— Пусть правит А-Кор! А-Кор — джеддак Манатора! — такие возгласы заполнили зал. Никто не возражал.

А-Кор поднял меч, призывая всех к молчанию.

— Воля А-Кора, — сказал он, — воля великого джеда Манатоса, командующего войсками Гатола, знаменитого Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, — их воля такова: пусть будет мир в Манаторе. Я приказываю: жители Манатора должны встретить воинов других городов и стран как гостей и друзей, показать им все, что есть интересного в нашей столице, проявив гостеприимство Манатора. Я сказал.

И У-Тор, и Джон Картер в сопровождении своих воинов смешались с жителями Манатора.

Когда зал опустел, Джор Кантос подошел к Таре. Счастье девушки померкло при виде человека, который, как она считала, был ею обманут. Она страшилась предстоящего объяснения. Джор Кантос, преклонив колено, поцеловал пальцы ее руки.

— Прекрасная дочь Гелиума, — сказал он, — как осмелюсь я начать разговор, как мне рассказать о том бесчестье, которое я, не желая того, нанес тебе? Могу лишь положиться на твое великодушие, но если ты потребуешь, я возьму кинжал и последую примеру О-Тара.

— Что это значит? — спросила Тара. — О чем ты говоришь, почему ты говоришь загадками с той, чье сердце разбито?

— Ее сердце разбито! — Молодой падвар ничего не понимал, он хотел лучше умереть, чем произносить те слова, которые он должен был сказать. — Тара из Гелиума, — продолжал он. — Мы все считали тебя мертвой. Меня долго не было в Гелиуме. Я искренне оплакивал тебя, но потом, совсем недавно, женился на Оливии Мартис. — Он встал и взглянул на нее, как бы говоря: «Теперь пошли меня на смерть».

— О, какой же ты глупый! — воскликнула Тара. — Ничего лучшего ты и не мог сказать. Джор Кантос, я должна поцеловать тебя.

— Не думаю, что Оливия Мартис будет протестовать, — ответил он, и его лицо озарилось улыбкой.

Пока они говорили, группа людей вошла в тронный зал и приблизилась к помосту. Это были высокие мужчины в простых доспехах, совершенно лишенных украшений. Когда они приблизились, Тара позвала к себе Гохана.

— Джор Кантос, — сказала она. — Это пантан Туран, его верность и храбрость завоевали мою любовь.

Джон Картер и предводитель вновь вошедших, которые стояли рядом, быстро взглянули на троих у трона.

Первый из них загадочно улыбался, а второй обратился к принцессе Гелиума.

— Пантан Туран!— воскликнул он.— Знаешь ли ты, дочь Гелиума, что тот, кого ты называешь пантаном,— Гохан, джед Гатола?

Мгновение Тара казалась удивленной, затем пожала прекрасными плечами и повернулась к Гохану.

— Джед или пантан,— сказала она,— какая разница для той, кто стала рабыней?— И она шаловливо засмеялась, глядя в улыбающееся лицо возлюбленного.

* * *

Закончив свой рассказ, Джон Картер встал со стула и потянулся огромным телом, как большой лев.

— Ты уходишь? — воскликнул я. Мне была ненавистна сама мысль о его уходе. Казалось, он только что пришел.

— Небо за этими прекрасными холмами покраснело,— ответил он,— скоро день.

— Только один вопрос,— попросил я.

— Ну что ж,— добродушно согласился он.

— Как Гохан смог появиться в тронном зале в одежде О-Тара?— спросил я.

— Очень просто... разумеется, для Гохана из Гатола,— ответил Главнокомандующий.— С помощью И-Госа он пробрался в Зал Вождей перед церемонией, когда тронный зал и Зал Вождей опустели перед приходом невесты. Он прошел из подземелий по проходу, кончавшемуся за шпалерами у трона. В Зале Вождей он занял место на спине у одного из тотов, лишившихся всадника; эти всадники реставрируются И-Госом. Когда вошедший О-Тар оказался рядом, Гохан прыгнул на него и ударил рукояткой тяжелого копья. Он думал, что убил джеддака, и весьма удивился его появлению.

— А Чек? Что стало с ним?

— Чек отвел Вал Дора и Флорана к аэроплану Тары. Они починили его и вместе с Чеком улетели в Гатол. Оттуда было послано известие ко мне в Гелиум. Затем Чек провел большой отряд воинов, включавший А-Кора и У-Тора, с крыши, где спустились наши корабли, вниз по спиральной лестнице во дворец и в тронный зал. Мы взяли его с собой в Гелиум, где он и живет сейчас со своим единственным рикором. Его рикор ждал его в подземелье О-Тара, он не пострадал, только очень проголодался. Но пойдём... Больше никаких вопросов.

Я проводил его на восточную аркаду, куда сквозь арки пробивался розовой рассвет.

— Прощай!— сказал он.

— Я с трудом верю, что это ты,— воскликнул я.— Завтра мне будет казаться, что это мне приснилось.

Он засмеялся и провел своим мечом царапину на каменной стене одной из арок.

— Если завтра усомнишься,— сказал он,— посмотри на нее.

Через мгновение он исчез.

ДЖЭТАН, ИЛИ МАРСИАНСКИЕ ШАХМАТЫ

Для тех, кто интересуется подобными вещами, я пересказываю правила джэтана, как слышал их от Джона Картера. Написав названия фигур и их ходы на клочках бумаги и расположив их на обычной столеточной доске, можно играть так же успешно, как и украшенными перьями живыми фигурами на Марсе.

Доска состоит из ста чередующихся черных и оранжевых квадратов.

Фигуры, как они стоят по порядку в первом ряду слева направо у каждого игрока, и порядок их ходов:

Воин (*два пера*) — две клетки прямо в любом направлении или в комбинации.

Падвар (*два пера*) — две клетки по диагонали в любом направлении или в комбинации.

Двар (*три пера*) — три клетки прямо в любом направлении или в комбинации.

Летчик (*три пропеллера*) — три клетки по диагонали в любом направлении и в комбинации, может перепрыгивать через встречные фигуры.

Вождь (*диадема с десятью жемчужинами*) — три клетки в любом направлении, прямо и по диагонали или в комбинации.

Принцесса (*диадема с одним драгоценным камнем*) — ходит как вождь; кроме того, может перепрыгивать через фигуры.

Летчик — см. выше.

Двар — см. выше.

Падвар — см. выше.

Воин — см. выше.

Во втором ряду слева направо:

Тот (*всадник с двумя перьями*) — две клетки — одна прямо, одна по диагонали и в любом направлении.

Пантаны (*восемь у каждого, одно перо*) — одна клетка, прямо, в стороны, по диагонали, но не назад.
Тот — см. выше.

Один игрок располагает двадцатью черными фигурами, его противник — двадцатью оранжевыми. Игра представляет собой отражение действительной борьбы между черной расой юга и расой севера. На Марсе доска обычно располагается так, что черные фигуры расположены с южной стороны, а оранжевые — с северной.

Игра считается выигранной, если удастся поместить свою фигуру в клетке, занимаемой принцессой противоположной стороны, и если вождь собьет вождя.

Исход игры решается жребием, если вождь взят фигурой противоположной стороны и если с обеих сторон осталось по три фигуры или меньше и игра не кончается выигрышем в ближайшие десять ходов, по пять с каждой стороны.

Принцесса не может передвигаться в клетку, находящуюся под боем, и не может брать фигуры противоположной стороны. У нее есть право на один ход через десять клеток в любой момент игры. Этот ход называется бегством.

Две фигуры не могут занимать одну и ту же клетку, за исключением последнего хода, которым берется принцесса.

Когда игрок, делающий свой очередной ход, ставит фигуру на клетку, занятую фигурой противоположной стороны, эта фигура считается сбитой и убирается с доски.

Объяснения ходов. Прямые ходы — на север, юг, восток и запад. Диагональные ходы — на северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад. Двар может двигаться прямым ходом на север на три клетки, или на одну клетку на север и две клетки на восток, или любой другой комбинацией прямых ходов. Он только не имеет права за один ход дважды пересекать одну и ту же клетку. Этот пример объясняет движение в комбинации.

Право первого хода предоставляется по соглашению играющих. После первой игры победитель имеет право на первый ход, но он может передать это право противнику.

Ставки. Марсиане играют в джэтан по-разному. Обычно назначается ставка, которую получает победитель, но они могут также оценивать каждую фигуру в соответствии с ее ценностью, и за каждую потерянную фигуру игрок платит противнику.

ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

роман

ПИСЬМО

Гелиум, 8 июня 1925 года

Дорогой мистер Берроуз!

В первый раз я познакомился с Джоном Картером, Главнокомандующим Барсума, на страницах вашего романа «Дочь тысячи джеддаков» в 1917 году, в офицерском учебном лагере. Он произвел на меня большое впечатление, и, несмотря на здравый смысл, подсказывавший, что это лишь весьма талантливая фантастика, мысль об истинности всего этого заполнила мое подсознание настолько, что я обнаружил, что думаю о Марсе, Джоне Картере, Дее Торрис, Тарс Таркасе и Вуле, как если бы они реально существовали в жизни, а не являлись лишь плодом вашего воображения.

Правда, в те дни напряженной учебы было мало времени для грез, но короткие моменты перед сном, которые мне все же полагались, были моими. Я мечтал. Всегда о Марсе! И как!

Во время бессонных ночей глаза мои поневоле искали в вышине красную планету, если она была над горизонтом. Я смотрел на нее, пытаясь найти решение загадок, поистине непостижимых, которые она задавала людям в течение многих столетий.

Возможно, это стало одержимостью. Хотя все пришло ко мне в лагере, но ночью, когда я лежал на палубе транспорта, плывущего через океан, я нашел Марс на небосводе. Мне хотелось смотреть в глаза красного бога войны — моего бога — и желать, как Джон Картер, перенестись через огромные пространства космического вакуума к гавани моей мечты.

А затем настали ужасные дни и ночи в окопах — крысы, вши, грязь — и чудесны были паузы в этой монотонности, когда нам приказывали идти в атаку. Тогда я это любил — любил разрывы снарядов, хаос звуков от громopodobных пушек, но... крысы, вши, грязь! О боже! Как я ненавидел их! Знаю, это звучит как хвастовство, уж извините, но я хотел написать вам всю правду о себе. Думаю, что вы поймете. И поймете то, что случилось позже.

Наконец пришло ко мне то, что приходило очень ко многим на этих кровавых полях. Это произошло на той неделе, когда я получил свое первое повышение — чин капитана, чем очень гордился, несмотря на свою скром-

ность, так как сознавал, что кончилась моя юность и пришла огромная ответственность, а вместе с тем и возможность служить не только своей стране, но и солдатам — своим подчиненным. Мы выдвинулись вперед на два километра с маленьким отрядом, и я удерживал самую близкую к врагу позицию, когда получил приказ отступить на новую линию обороны. Это последнее, что я помню, сознание вернулось ко мне после наступления темноты. Должно быть, около меня разорвался снаряд. Что стало с моими людьми, я так и не узнал. Когда я очнулся, было холодно и очень темно, и я на мгновение успокоился — до того, как полностью обрел сознание, — и тогда почувствовал боль. Она росла и росла, пока не стала невыносимой! Болели ноги. Я потянулся, чтобы потрогать их, но то, что я обнаружил, заставило меня отдернуть руку, и когда я попытался пошевелить ногами, то понял, что ниже пояса совершенно парализован. Потом из-за облака появилась луна, и я увидел, что лежу в воронке от снаряда и что я не одинок: вокруг меня лежали мои солдаты — мертвые!

Прошло много времени, прежде чем я нашел моральные и физические силы, чтобы приподняться на локтях и посмотреть на свои раны. Одного взгляда было достаточно: я рухнул обратно в страшном отчаянии и от безумной боли — ноги мои были начисто снесены от бедра. Почему-то я не истек кровью, но, несмотря на это, знал, что потерял огромное количество ее и каждый миг теряю столько, что избавлюсь от страданий до того, как меня найдут; и когда я лежал так, мучаясь от боли, то молил, чтобы меня не нашли вовремя! Мысли о будущей жизни калекорой коробили меня больше, чем мысли о смерти. Но вдруг глаза остановились на ярко-красном Марсе, и надежда вспыхнула во мне. Я простер руки к Марсу, и не нужно, по-видимому, выяснять или сомневаться хоть на миг в том, как я молился богу моей мечты, чтобы он помог мне. Я знал, что так и будет, вера моя была крепка, умственное усилие для того, чтобы освободиться от страшных оков искалеченного тела, так велико, что я почувствовал внезапный приступ тошноты, затем резкий щелчок, будто перерезали стальную проволоку, и вот я уже стоял на двух здоровых ногах, глядя вниз на окровавленный обезображенный предмет, — все, что осталось от меня. Какой-то миг я стоял так, а потом поднял глаза вверх, к звезде моей судьбы, и с простертыми руками замер на ночном холоде ожидая... Вдруг я почувствовал,

что со скоростью мысли мчусь сквозь нехоженные пустыни межпланетного пространства. Было страшно холодно и царил беспросветный мрак. Затем...

Остальное — в рукописи, которую я смог передать вам с помощью того, кто более велик, чем любой из нас. Вы и кое-кто еще поверят в это, до остальных мне нет дела. Настанет час — почему бы не рассказать то, что вы уже знаете?

Я благодарю счастливую возможность, с помощью которой я нашел способ лучше познакомить землян с обычаями и образом жизни Барсума до того, как они смогут преодолевать пространство так же легко, как Джон Картер, и посещать места, описанные им с вашей помощью.

И я делаю то же, что и он,— пишу!

*Ваш искренний друг Улисс
Пакстон,
бывший пехотный капитан
Армии Соединенных Штатов Америки.*

I

ДОМ МЕРТВЫХ

Должно быть, я непроизвольно закрыл глаза, когда переносился на Марс, потому что, открыв их, обнаружил, что лежу на спине, уставясь в ослепительное небо, а рядом, в нескольких футах, стоит и смотрит на меня с озабоченным выражением лица самый странный человек, какого я только видел. Он выглядел древним стариком, потому что был в глубоких морщинах и неописуемо иссохшим. Члены его были истощены, ребра отчетливо проступали сквозь высохшую кожу. Большой и хорошо развитый череп в сочетании с такими тощими конечностями производил впечатление неустойчивости, будто голова не соответствовала пропорциям тела. Уверен, что тут было что-то не так!

Приведенный в замешательство пристальным взглядом сквозь многолинзовые очки, я все же подробно рассмотрел его. Пяти с половиной футов ростом, в молодости он, несомненно, был выше, так как сейчас сильно горбился. Он был гол, исключая незамысловатые доспехи из кожи, на которых крепилось оружие и сумка-карман. Единственное, но замечательное украшение — ожерелье, украшенное драгоценными камнями,— висело у него

на шее. За такое ожерелье вдовствующая королева свинины или нефти охотно променяла бы душу, если бы у нее была таковая.

Чем больше смотрел он на меня, тем больше возрастало его недоумение. Он зажал подбородок большим и указательным пальцами левой руки и, подняв правую, с очень задумчивым видом поскреб голову. Затем он обратился ко мне, язык его был мне неизвестен.

При первых же его словах я приподнялся и покачал головой. Затем оглянулся. Я сидел на темно-красном газоне внутри высокой ограды, две или, возможно, даже три стороны которой были сформированы внешними стенами здания, имевшего, скорее, вид европейского феодального замка, чем какие-либо другие известные мне архитектурные формы. Фасад, представший моему взору, был богато украшен резьбой и большим количеством хаотических узоров. Контуры крыши были настолько нарушены ими, что здание производило впечатление руин, но от этого не казалось лишенным красоты и было еще более гармоничным. Внутри ограды росли многочисленные деревья и кусты, все сверхъестественно странные, и все, или почти все, обильно цветущие. Среди них извивались аллеи, вымощенные цветными камнями, которые настолько красиво сияли и переливались в лучах солнца, что камни казались драгоценными, причем редкой красоты.

Старик обратился ко мне снова, на этот раз повелительно, повторяя игнорированную мною команду, но я снова покачал головой. Тогда он положил руку на один из своих двух мечей, но пока не вытаскивал оружия. Я вскочил на ноги, причем результат был настолько примечательным, что я не могу даже сейчас сказать, кто из нас двоих больше удивился. Я поднялся на двадцать футов вверх и приземлился в десяти футах от того места, где сидел. Теперь я уже твердо был уверен, что нахожусь на Марсе, и никто не смог бы в этом сомневаться! Об этом говорили меньшая сила тяжести, цвет газона, оттенок кожи красных марсиан, о которых я читал в рукописях Джона Картера, этом удивительном, но еще не оцененном вкладе в мировую научную литературу. Нельзя было больше сомневаться. Я стоял на земле красной планеты. Я пришел в мир моей мечты — Барсум!

Старик был настолько испуган моим проворством, что сильно вздрогнул, конечно, непроизвольно, но, однако, с печальным для него результатом. Очки упали с его носа на газон, и мне стало ясно, что старый жалкий бедняга был

практически слеп без этих искусственных усилителей зрения, поэтому он встал на колени и начал ощупывать траву в поисках потерянных очков, словно сама жизнь его зависела от того, насколько быстро он их найдет. Возможно, он думал, что я воспользуюсь его беспомощностью и убью его. Очки были огромные и лежали у его ног, но он не мог найти их. Его руки, по-видимому, приведенные в отчаяние тем странным своеобразием, которое проявляют иногда потерянные вещи, разрушая наши наивные надежды обнаружить их, все еще не могли войти в контакт с ними.

В тот самый момент, когда я стоял, наблюдая его тщетные попытки и думая, целесообразно ли возвращать ему то, с чем он в большей степени будет готов найти мое сердце острием своего меча, я почувствовал, что кто-то еще вошел в ограду. Посмотрев в сторону здания, я увидел, что к старику бежит большой красный человек. Вновь появившийся был совершенно голым и в руке держал дубинку. Выражение его лица, несомненно, сулило беду совершенно беспомощному старику, ползавшему, как крот, в поисках потерянных очков.

Первым моим побуждением было остаться нейтральным в деле, которое ничуть меня не касалось: я не имел о нем ни малейшего понятия, и у меня не было оснований встать на чью-либо сторону. Но когда я во второй раз взглянул на лицо человека с дубинкой, у меня возник вопрос: а может, это касается меня?

В выражении лица этого человека было нечто, означающее или врожденное бессердечие и жестокость характера, или маниакальный склад ума. Человек этот может обратить на меня свое убийственное внимание после того, как отправит на тот свет более слабую жертву, в то время как первый мой знакомый, по крайней мере по внешнему виду, был здравомыслящим и относительно безвредным существом. Верно, что намерение старика обратить против меня меч не было показателем дружеского расположения, но при отсутствии выбора он казался мне меньшим из двух зол.

Он все еще искал свои очки... Красный человек был уже почти рядом с нами, и я принял решение разделить судьбу старика. Я находился в двадцати футах от него, голый и безоружный, но покрыть это расстояние с моими земными мускулами было делом одного мгновения, а обнаженный меч старика лежал около него, там, где он его бросил, считая более важным поиски очков.

И так вышло, что я смело встретил атакующего в тот момент, когда он приблизился на расстояние удара к своей жертве. Удар, предназначавшийся другому, наносили мне. Я уклонился от него, и тогда стало ясно, что проворство моих мускулов — это и достоинство, и недостаток. Мне пришлось учиться ходить, когда нужно было сражаться новым для меня оружием против вооруженного маньяка (он проявлял столько ярости, и у него было такое странное выражение, что не удивительно, если я называю его маньяком).

Я спотыкался и падал при попытках приспособиться к новым условиям, поняв, что не только не оказываю серьезного сопротивления противнику, но и сам попал в затруднительное положение. Я так часто, потеряв равновесие, растягивался на газоне, что дуэль превратилась в серию усилий: с его стороны — догнать и сокрушить меня огромной дубинкой, а с моей — уклоняться и увертываться. Хотя и унижительно, но это было так. Однако так не могло продолжаться долго, потому что ввиду чрезвычайной ситуации я быстро научился управлять своими земными мускулами, и после этого уже твердо удерживал позицию, и когда он нанес мне мощный удар, я увернулся и задел его острием меча. Появилась кровь, и послышался дикий крик боли. Он стал перемещаться более осторожно. Воспользовавшись преимуществами изменившейся ситуации, я надел на него так, что он отступил. Эффект был магическим и придал мне новые силы: я колол и рубил его, пока не пустил кровь в полдюжине мест, все еще проявляя разумную осторожность, стараясь избегать могучих взмахов его дубинки, каждый из которых мог бы убить и быка.

Уклоняясь от ударов, я много перемещался. Мы сражались сейчас уже вне ограды, на значительном расстоянии от места нашей первой встречи. Я стоял лицом к зданию, когда старик отыскал свои очки и быстро надел их. Он немедленно стал вертеть головой в разные стороны, пока не обнаружил, где мы, после чего взволнованно закричал что-то и устремился к нам, вытаскивая на ходу меч. Красный человек опасно теснил меня, но я уже обрел полный самоконтроль и, опасаясь, что скоро противников у меня будет двое, надел на него с повышенной энергией. Его дубинка прошла в доле дюйма от моего виска: волосы шевельнулись от рассекаемого ею воздуха. При этом он открылся, и я пронзил мечом его сердце. По крайней мере, я думал, что пронзил сердце, забыв, что читал как-то в рукописях

Джона Картера, что внутренние органы марсиан расположены иначе, чем у землян. Но результат был столь же удовлетворителен, как если бы я пронзил его сердце. Рана эта вывела красного человека из строя, и в этот момент подбежал старик. Он не только не делал недружелюбных жестов, но, казалось, старался убедить меня, что не желает мне зла. Он был возбужден и страшно раздражен тем, что я не понимаю его пронзительных и странных выкриков, похожих на властные команды, неистовую ругань и бессильный гнев. Но гораздо большее значение, чем его болтовня, имел тот факт, что он вложил меч в ножны. Когда он перестал кричать и стал объясняться с помощью жестов, я понял, что он предлагает мне мир, если не дружбу, поэтому я положил меч и поклонился. Это было единственное, что я мог придумать, чтобы уверить его в отсутствии непосредственного желания проткнуть его.

По-видимому, он был удовлетворен и сразу занялся лежавшим красным человеком. Он послушал сердце и пощупал пульс, затем, кивнув головой, встал и, достав из сумки-кармана свисток, громко засвистел. Сразу же из дверей одного из ближайших зданий появилось десятка два красных людей, бросившихся в нашу сторону. Ни у кого из них не было оружия. Получив от старика короткий, отрывисто-резкий приказ, они подняли лежавшего и унесли. Старик пошел к зданию, приглашая меня жестом следовать за ним. Похоже, мне больше ничего не оставалось делать, как повиноваться. Где бы я ни был на Марсе, шансы очутиться среди врагов были миллион к одному. Так что врагами я был обеспечен как здесь, так и в любом другом месте, поэтому отныне все для меня зависело только от собственной находчивости, ловкости и проворства. Только так я мог что-то сделать на Марсе.

Хозяин привел меня в маленькую комнату, и взору моему предстала самая отвратительная картина, какую я когда-либо видел.

Ряды столов, выстроенные параллельными линиями, заполняли помещение, и почти на каждом столе было одно и то же: частично расчлененные или искаленные каким-либо другим способом человеческие тела. Над каждым столом имела полка с сосудами разной формы и размеров, а с нижней части полки свешивались многочисленные хирургические инструменты, из чего я заключил, что нахожусь в огромном марсианском медицинском институте.

Те, что несли барсумца, положили его по указанию старика на стол и удалились. Тогда мой хозяин, если его можно было так назвать — ведь в плен он меня пока еще не взял, — указал мне на него пальцем. При этом он успел сделать на теле моего бывшего соперника два надреза: один, как я понял, в вене, другой — в артерии. В надрезы он ловко вставил концы двух трубочек, одну из которых подсоединил к пустой стеклянной реторте, а другую — к такой же реторте, но заполненной бесцветной прозрачной жидкостью, напоминавшей по виду чистую воду. Проведя соединения, старый джентльмен нажал на кнопку, приведшую в действие маленький моторчик. После этого кровь жертвы начала нагнетаться в пустой сосуд, а содержимое другого сосуда стало вливаться в пустые вены и артерии.

Слова и жесты, с которыми старик обращался ко мне, как мне показалось, содержали подробное изложение метода и цели происходящего, но, поскольку я не понимал ни слова, то и по окончании лекции я остался в такой же темноте незнания, как и до начала, хотя было бы разумным предположить, что я стал свидетелем обычного балъзамирования трупа барсумца. Убрав трубки, старик закрыл надрезы, причем использовал для этого кусочки материи, сильно напоминавшие толстый пластырь. Затем жестом приказал мне идти за ним. Мы шли из комнаты в комнату, в каждой из которых были все те же странные экспонаты. Около некоторых тел старик останавливался, производя краткий осмотр или приписывая что-нибудь на листках, похожих на характеристику больного и висевших на крючке над каждым столом.

Из последних комнат, осмотренных нами, мой хозяин провел меня наклонным коридором на второй этаж, где были комнаты, подобные виденным мною на первом этаже, но столы были заняты не расчлененными, а в основном целыми телами, залатанными кусками пластыря. Когда мы шли между рядами тел, вошла барсумская девушка, которая, на мой взгляд, была служанкой или рабыней. Она что-то сказала старику, после чего он снова жестом велел мне идти за ним, и мы спустились другим коридором на первый этаж другого здания.

Здесь, в большой и пышно украшенной комнате, нас ждала пожилая красная женщина. Она выглядела старухой, и ее лицо было обезображено шрамом от удара или ушиба. Парадный костюм ее был изумителен по красоте. Сопровождали ее два десятка женщин и вооружен-

ных охранников, и у меня мелькнула мысль, что она является довольно важной особой, но старикашка обращался с ней, как я мог заметить, очень грубо, но это вполне соответствовало грубости ее слуг.

Разговор их был долг. По окончании его, из эскорта старухи вышел мужчина, и, открыв сумку, вытащил оттуда пачку того, что, как мне показалось, было марсианскими деньгами. Не считая, он вручил их старику, после чего тот кивнул женщине, предлагая следовать за ним. Несколько человек из ее эскорта — рабынь и охранников — двинулись было сопровождать нас, но старик властно предложил им удалиться, после чего вспыхнул горячий спор между женщиной и одним из ее телохранителей, с одной стороны, и стариком — с другой. Спор кончился тем, что старик протянул деньги обратно женщине, и это утихомирило спорящих, потому что женщина деньги не взяла, а сказала что-то своим людям и пошла вместе со стариком и со мной.

Мы вошли в комнату, в которой я еще не был. Она была очень похожа на остальные, за исключением того, что все тела здесь принадлежали молодым женщинам, причем многие из них были очень красивы. Следуя по пятам за стариком, женщина рассматривала ужасные экспонаты внимательно и очень тщательно. Трижды проходила она меж столов, критически осматривая эту необычайную выставку. И каждый раз надолго останавливалась около одного и того же тела — прекраснейшего создания из когда-либо виденных мной женщин, затем вернулась к нему в четвертый раз, долго и серьезно глядя на мертвое лицо. При этом она разговаривала со стариком, задавая, по-видимому, бесчисленные вопросы, на которые он отвечал быстрыми и короткими фразами. Затем она жестом показала на тело и кивнула, видно, соглашаясь в чем-то с хозяином этого ужасного экспоната.

Старикашка тут же дунул в свисток, вызывая множество слуг, которых коротко проинструктировал, затем повел нас в другую комнату, меньшую, в ней было несколько пустых столов. Две рабыни или служанки, бывшие там, по первому слову хозяина сняли пышное одеяние со старухи, распустили ей волосы и помогли лечь на один из пустых столов, где она была тщательно опрыскана, как я полагал, антисептическим раствором, осторожно высушена и перенесена на другой стол. На расстоянии двадцати футов от него стоял еще один, параллельный стол.

Тотчас же дверь комнаты распахнулась и показались

двое слуг, несущих тело прекрасной девушки, которое мы видели в соседней комнате. Они положили его на стол, где только что была старуха, и точно так же, как старуху, опрыскали. Старикашка сразу же сделал на теле старухи два надреза, как у сраженного мною красного человека, и заменил ее кровь на чистую жидкость.

Жизнь покинула старую женщину, она лежала на полированной плите, покрывавшей стол, так же безжизненно, как и бедное прекрасное создание.

Старик сдвинул свои доспехи к талии и тщательно опрыскался, после чего выбрал среди инструментов на полках острый нож и снял со старухи скальп, следуя по линии волос. Затем таким же образом он снял скальп с трупа молодой женщины, потом крошечной циркулярной пилой, прикрепленной к гибкому вращающемуся валу, распилил череп каждой из женщин по линии, указанной снятыми скальпами. Все было исполнено настолько искусно, что превзошло все мои ожидания. На протяжении четырех часов он перенес мозг каждой из женщин в черепную коробку другой, ловко соединил нервы, ганглии и сосуды. После этого он скрепил черепную коробку и скальп своеобразным пластырем, который оказывал не только антисептическое, но в определенных пределах и анестезирующее воздействие.

Он подогрел кровь из тела старой женщины, добавив несколько капель прозрачного химического раствора, выкачал жидкость из вен прекрасного трупа и заменил ее на кровь старухи, произведя одновременно подкожную инъекцию.

Во время операции он не сказал ни слова, но, окончив ее, кратко проинструктировал ассистентов в своей отрывистой, резкой манере и предложил мне следовать за ним, после чего покинул комнату.

Он вел меня в дальнюю часть здания. Мы шли долго, пока не достигли роскошных апартаментов. Он открыл дверь, предложил войти, показал на вход в ванную и удалился, оставив меня на попечение отлично вышколенных слуг. Придя в себя и отдохнув, я вышел из ванной и нашел в соседней комнате доспехи и одежду, предназначенные мне. Хотя и незамысловатые, они были сделаны из хорошего материала, но оружия при них не было.

Вполне естественно, что я много думал о странных событиях, свидетелем которых стал на Марсе, но больше всего озадачила меня непонятная затея старухи заплатить моему хозяину значительную сумму за то, что он убил ее и пере-

нес мозг из ее черепа в череп молодого трупа. Был ли это результат отвратительного религиозного фанатизма, или объяснение этого факта вообще недоступно земному уму?

Я так и не пришел ни к какому решению, когда был вызван рабом и последовал за ним в расположенные неподалеку покои. В комнате, куда меня ввели, я обнаружил хозяина, ждавшего меня у стола с восхитительными яствами. Но разве я мог судить о кушаньях после долгого поста и еще более долгого пребывания на грубом армейском рационе?

Во время еды мой хозяин пытался объяснитьсь со мной, но, естественно, его усилия были бесплодны. Временами он очень возбуждался, а три раза даже клал руку на один из своих мечей, когда я терпел неудачу в попытках понять, что он, в конце концов, от меня хочет. Действие это все больше и больше убеждало меня в том, что он отчасти сумасшедший. Но в каждом случае он проявлял достаточно самообладания, отводя катастрофу от одного из нас.

Трапеза кончилась, но старик еще долго сидел, погруженный в раздумья. Наконец, решение, видимо, пришло ему в голову. Со слабым намеком на улыбку он повернулся ко мне и кивнул головой, указывая на предмет, который оказался полным курсом барсумского языка. Наступила темнота, однако много времени прошло, прежде чем он позволил мне уйти. Он проводил меня до большой комнаты, где я раньше нашел доспехи, указал на груды богатых мехов и шелков, которые я должен был использовать в качестве постели, пожелал мне барсумской доброй ночи и ушел, предоставив мне решать: гость я здесь или заключенный?

II

ПОВЫШЕНИЕ

Быстро пролетели три недели. Я достаточно овладел барсумским языком, что дало мне возможность беседовать с хозяином вполне удовлетворительно. Кроме того, я хоть и медленно, но делал успехи в письменности этой нации, труднейшей из всех барсумских письменностей, хотя разговорный язык у всех наций был один.

За эти три недели я изучил многое в странном месте, где был полугостем или полупленным. Мой замечатель-

ный хозяин-тюремщик, старый хирург Тунола Рас Тавас, которого я все время сопровождал, постепенно присматривался ко мне, и день за днем перед моими изумленными глазами раскрывались цели института, которым он управлял и в котором работал практически один. Его рабы и слуги были лишь дровосеками и водноносами. Именно его ум в одиночку руководил иногда благородной, иногда странной и вредной, но всегда удивительной деятельностью, целенаправленной работой всей его жизни.

Сам Рас Тавас был так же замечателен, как все творимое им. Он никогда не был умышленно жесток, не был, как я убежден, и преднамеренно злым. Он был виновен во множестве дьявольских жестокостей и в подлейших преступлениях, но уже в следующий момент мог совершить поступок, который, если его продублировать на Земле, должен был бы вознести его на вершину человеческого уважения. Несмотря на это, можно с уверенностью сказать, что он никогда не настаивал на жестокости и преступлении по каким-либо мотивам, и нельзя не заметить, что он и никогда не настаивал на гуманизме из высоких побуждений. Он имел исключительно научный склад ума, полностью лишенный всякой сентиментальности, которой у него не было ни капли. Это был практический ум, что доказывалось огромными гонорарами, получаемыми им за профессиональные услуги. Однако я знаю, что он оперирует не только ради денег. Я видел его за изучением научных проблем, решение которых не могло ничего добавить к его богатству, в то время как помещение, предоставленное его будущим клиентам, было переполнено богачами, жаждущими пересыпать деньги в его карман.

Его отношение ко мне определялось исключительно научной любознательностью. Я представлял собой проблему. Я был и не барсумцем, и видом, о котором он не имел понятия. Значит, для пользы науки было бы лучше всего, чтобы меня охраняли и изучали. Я многое знал о своей планете. Критическому уму Рас Таваса нравилось выпытывать у меня все, что я знал, в надежде получить некоторую информацию, которая помогла бы ему решить одну из барсумских проблем, ставивших ученых в тупик. Но он вынужден был признать, что я тупой невежда практически во всех областях знаний и, следовательно, земные науки пока на стадии пеленок по сравнению с замечательным прогрессом в соответствующих областях науки на Марсе. Он держал меня при себе еще и затем, чтобы использовать на незначительной работе в своей огромной лаборатории. Мне был

вверен рецепт «бальзамирующей» жидкости. Меня научили, как выкачивать кровь из тела и заменять ее на удивительный консервант, задерживающий разложение и не изменяющий мельчайшие элементы клеток и нервов. Я изучал также секрет раствора, несколько капель которого, добавленные к подогретой человеческой крови, оживляют и возвращают к нормальной деятельности весь организм.

Он сказал мне однажды, почему позволил мне изучать все это — ведь эти вещи он держал в секрете от всех других, — и почему он все время удерживал меня при себе в отличие от каждого из многочисленных людей его собственной расы, служивших ему и мне на своих должностях и днем и ночью.

— Вад Варо, — сказал он, используя барсумское имя, которое дал мне, настояв на том, что мое собственное имя не имеет значения и непрактично. — В течение многих лет я нуждался в ассистенте, но только сейчас почувствовал, что нашел человека, который может работать бескорыстно и искренне, не имея причин уйти куда-то и разболтать мои секреты. Ты на Барсуме уникален: у тебя нет здесь никаких друзей или знакомых, кроме меня. Если ты покинешь меня, то очутишься в мире врагов. Для всех ты — подозрительный иностранец, и ты не проживешь и полдюжины зорь. Ты окоченеешь, изголодаешься и будешь жалок — убогий пария во враждебном мире. Здесь же ты будешь занят работой с таким всепоглощающим интересом, что каждый час принесет тебе не имеющее себе равных удовлетворение. Нет, следовательно, эгоистических причин покинуть меня, и есть причины остаться. Я не ожидаю иной верности, кроме той, что продиктована эгоизмом. Ты станешь идеальным ассистентом не только по тем причинам, которые я называл, но и потому, что ты интеллигентен и смышлен. Осторожно понаблюдав за тобой, я решил, что ты можешь служить мне и в другом качестве — персональным телохранителем.

Может быть, ты заметил, что из всех, кто связан с моей лабораторией, вооружен я один. Это необычно на Барсуме, где люди всех классов, всех возрастов и обоих полов обычно вооружены. Но многим из этих людей я не могу доверить оружия, так как они убьют меня. Если дать оружие тому, кому я могу доверить, — кто знает, возможно, другие завладеют этим оружием и убьют меня. И те, кому я сегодня доверяю, завтра повернут свой меч против меня. Нет никого, кто не желал бы уйти из этого места к своему народу, — только ты, Вад Варо, являешься исклю-

чением, потому что тебе некуда идти. Итак, я решил дать тебе оружие!

Ты спас мне однажды жизнь. Подобная возможность может представиться снова. Я знаю, что ты, будучи человеком благоразумным, не убьешь меня, так как ничего не выиграешь, а все потеряешь в нашем подозрительном мире, где убийство — закон общества, где естественная смерть — один из редких феноменов. Вот твое оружие! — он шагнул в кабинет, в котором, когда он его открыл, обнаружился целый склад оружия, и выбрал для меня длинный меч, короткий меч, револьвер и кинжал.

— Ты, кажется, уверен в моей преданности, — сказал я.

Он пожал плечами:

— Я только уверен, что знаю вполне область твоих интересов. Сентиментальные люди говорят: любовь, дружба, верность, вражда, ревность, ненависть — тысячу совершенно лишних слов. Два слова заменяют все — личная выгода. Все умные люди понимают это. Они анализируют человека и по его склонности и потребностям классифицируют его как друга или врага, оставляя слабоумным или идиотом, или тем, кто любит быть обманутым, фиглярскую сентиментальную болтовню.

Я улыбался, пристегивая оружие на доспехи, но сохраняя спокойствие. Было бесполезно что-либо доказывать этому человеку. Я чувствовал, что в любом академическом споре добьюсь только того, что мне станет хуже, но многие из случаев, о которых он говорил, возбуждали любопытство, а один постоянно был у меня на уме — я много раз его обдумывал. Хотя частично кое-что было разъяснено в его замечаниях, я все еще удивлялся, почему красный человек, от которого я его избавил, имел такую непреодолимую склонность убить его в день моего пришествия на Барсум. Я спросил его об этом, когда мы сидели, непринужденно болтая после вечерней прогулки.

— Сентименталист, — сказал он, — сентименталист наиболее резко выраженного типа. Почему этот парень ненавидел меня со злобой, абсолютно невероятной для реакций аналитического ума, такого, как мой? Не будучи свидетелем его реакции, я осознал склад его ума так хорошо, что трудно себе представить. Рассмотрим факты. Он был жертвой убийства — молодой воин в расцвете жизни, с красивым лицом и великолепным телосложением. Один из моих агентов заплатил его родителям удовлетворительную сум-

му за его труп и продал его мне. Таким образом, я получил практически все материалы. Я обработал его способом, который тебе уже знаком. В течение года тело лежало в лаборатории, так как не было случая использовать его. Но в конце концов пришел богатый клиент, вообще-то, не производящий чрезмерно благоприятного впечатления — человек почтенных лет. Он совершенно упал в глазах молодой женщины, которой оказывало внимание множество красивых поклонников. У моего клиента денег было значительно больше, чем у любого из них, он был, может быть, более умным, с большим жизненным опытом, но нуждался в одном, чем обладал каждый из них и что всегда предпочтительнее с точки зрения неразвитых, неблагоприятных и сентиментальных женщин, — в красивой внешности.

Итак, 378-Д-1938П-П имел то, в чем мой клиент нуждался и мог позволить себе купить. Соглашения о цене мы достигли быстро, и вскоре я перенес мозг богатого клиента в голову 378-Д, и мой клиент ушел. Как мне стало известно, через некоторое время он добился руки прекрасной дурочки.

378-Д мог долго пребывать в неопределенности на своей плите, если бы я просто случайно не выбрал его для восстановления, потому что одному человеку нужен был раб. Ты не будешь отрицать того, что этот человек был убит. Он был мертв. Я купил его, я заплатил деньги за труп — вот и все. Он мог лежать мертвым вечно в одном из моих складов, не вдохни я жизнь в его вены. Имел он умственные способности, чтобы смотреть на дело мудро и разумно? Нет! Его сентиментальные реакции заставили его прекать меня за то, что я дал ему другое тело, хотя, как мне казалось, если смотреть на дело с точки зрения чувств, он должен был бы рассматривать меня как благодетеля, давшего ему жизнь в совершенно здоровом, пусть отчасти и использованном теле.

Он говорил мне об этом несколько раз, умоляя вернуть ему тело. Об этом, как я объяснил ему, не могло быть и речи, если случай не приведет в мою лабораторию труп купившего его тело клиента, случай вне пределов вероятности при таком богатстве, как у него. Парень предлагал мне даже позволить ему уйти и убить моего клиента, а затем принести его тело обратно, чтобы я мог произвести обратную операцию, вернув его мозг в его тело. Когда я отказался сообщить ему имя теперешнего владельца его тела, он стал еще более мрачным, но до самого момента

твоего прибытия, когда он напал на меня, я не подозревал о глубине его комплекса ненависти.

Чувства — это преграда для прогресса. И тунольцы, вероятно, меньше подвержены их капризу, чем большинство других наций, но до сих пор многие из моих соотечественников являются до некоторой степени жертвами этих чувств. Это, однако, имеет свои преимущества, компенсирующие их пагубное влияние. Без них мы не могли бы иметь стабильное правительство и фандалиане или какие-нибудь другие народы опустошили бы нашу страну и завоевали ее; но достаточно того, что низшие классы имеют некоторую толику чувств, чтобы внушить им верность джеддаку Тунола, а высшие классы при этом достаточно умны, чтобы в своих собственных интересах держаться у трона.

С другой стороны, фандалиане — отъявленные сентименталисты, удовлетворенные абсолютными глупостями и суевериями, рабы тщеславия. Ну, сам факт того, что они терпят на троне старую мегеру Заксу, изобличает их как бестолковых идиотов. Она невежественная, глупая, высокомерная, эгоистичная, жестокая и сварливая женщина. До сих пор фандалиане должны сражаться и умирать потому, что отец ее был джеддаком Фандала. Она так обложила их налогами, что они шатаются под их тяжестью, она плохо управляет ими, она эксплуатирует, обманывает их, а они падают ниц у ее ног и поклоняются ей. Почему? Потому, что ее отец был джеддаком Фандала, и его отец был им до этого, и так далее с незапамятных времен. И все потому, что они руководствуются скорее чувствами, чем разумом. Потому, что их безнравственные правители платят им за чувства.

У нее нет ничего, что говорило бы о том, что она нормальный человек, даже красоты. Ты знаешь, ты же видел ее!

— Я видел ее? — переспросил я.

— Ты ассистировал мне, когда мы переложили ее старый мозг в новую шкатулку, в тот день, когда ты пришел с того, что зовешь Землей.

— Она? Эта старая женщина — джеддара Фандала?

— Это была Закса, — подтвердил он.

— Ты не соглашался на ее лечение, и любой из землян мог подумать, что это лишь простая женщина, ведь ты обращался с ней не так, как подобает обращаться с правительницей.

— Я — Рас Тавас, — сказал старик. — Почему я должен склоняться перед кем-нибудь другим? В моем мире ни-

что не имеет такого значения, как ум, и во всех отношениях могу сказать без сомнения, что я не знаю разума более великого, чем мой.

— В таком случае вы не без сентимента,— сказал я, улыбаясь.— Вы обладаете одним из чувств — гордостью.

— Это не гордость,— сказал он.— Это факт! Факт, доказать который не представляет трудности. По всей вероятности, я имею наиболее развитый и хорошо функционирующий мозг среди всех знакомых мне ученых, и это показывает, что я обладаю наиболее развитым и хорошо функционирующим разумом на всем Барсуме. Из того, что я знаю о Земле, и судя по тебе, я убежден, что на твоей планете разум может лишь слабо приблизиться к тому, который я развил в себе за время тысячелетней учебы и исследований. Расум — Меркурий или Косум — Венера могут, возможно, выдвинуть умы равные или даже выше, чем мой. Пока что мы изучаем их мозговые волны. Наши приборы еще недостаточно разработаны, мы можем лишь предполагать, что они — существа крайне утонченные и подвижные.

— А что это за девушка, тело которой ты отдал джеддаре?— спросил я невпопад, потому что у меня из головы не шла мысль об этом прекрасном теле, в котором, в самом деле, должен был находиться соответствующий — ласковый и прекрасный ум.

— Просто объект! Просто объект!— повторял он, размахивая руками.

— Что с ней станет?— настаивал я.

— Какая разница, что станет? Купил ее с партией военнопленных. Я не могу даже сказать, из какой страны мой агент получил их или откуда они родом. Такие сведения не имеют значения.

— Она была жива, когда ты купил ее?

— Да. Ну и что?

— Ты убил ее?

— Убил ее? Нет! Я сохранил ее. Это было около десяти лет назад. Почему я должен был позволить ей стать старой и морщинистой? Она тогда не имела бы такой цены. Когда Закса купила ее, она была такая же свежая, как в тот день, когда я получил ее. Много женщин смотрело на нее и хотело заполучить ее лицо и тело, но только джеддаре это оказалось по карману. Она заплатила самую высокую цену, какую мне когда-либо платили!

Да, я хранил ее долго, но знал, что джеддара в один прекрасный день придет ко мне и заплатит такую вы-

сокую цену. Девушка в самом деле была прекрасна, и таким образом, чувство нашло свое применение — если бы не чувства, не нашлось бы дураков поддерживать ту работу, которую я веду, и это продолжает мои исследования на более высоком уровне. Ты, должно быть, удивишься, я знаю, если скажу тебе, что скоро, кажется, смогу воспроизвести рациональное человеческое существо путем воздействия различных химических комбинаций и групп лучей. Они, вероятно, полностью неизвестны на Земле, насколько я могу судить по незначительности твоих знаний о таких вещах.

— Я не удивлюсь,— уверил я его,— не удивлюсь ничему, что бы ты ни совершил.

III

ВАЛЛА ДАЙЯ

Я долго лежал, бодрствуя в эту ночь, и думал о 4296-E-2631-N, прекрасной девушке, чье совершенное тело было украдено, чтобы составить великолепную оправу для мозга тирана. Это казалось мне таким ужасным преступлением, что я не мог избавиться от этих мыслей, и думаю, что размышление об этом посеяло первое зерно ненависти и отвращения к Рас Тавасу. Я не мог представить себе существо, настолько лишенное сострадания и жалости и более страшное, чем он. Я не мог в эту минуту беспристрастно размышлять о безобразном изнасиловании этого милого и красивого тела, даже в священных целях, вызванных желанием получить грязные деньги.

Я так много думал о девушке этой ночью, что облик ее было первое, что возникло в моем возвращающемся после сна сознании, и после того, как я поел,— Рас Тавас так и не появился,— я пошел в комнату, где находилась бедная девушка. Она лежала, обозначенная только маленькой табличкой с номером. Тело старой женщины с обезображенным лицом предстало передо мной в суровой неподвижности смерти. Это была уже не та фигура, которую я видел сейчас, а сама лучезарная юность, заключенная душа, спящая под этими седыми волосами. Существо с этим лицом и формами Заксы не было Заксой, потому что все, что делало ее другой — все это было перенесено в холодный труп Заксы. Каким ужасным должно быть пробуждение, если оно когда-нибудь наступит. Я содрогал-

ся от ужаса при мысли, что она должна будет почувствовать и пережить, когда впервые представит себе страшное преступление, жертвой которого она стала. Кем она была? Какая история была заключена в этом мертвом безмолвном теле? Какой должна была быть ее любовь — ее, чья красота была так велика, а на прекрасном лице лежал неизгладимый отпечаток доброты! Захочет ли Рас Тавас когда-нибудь вызволить ее из этого счастливого подобия смерти — гораздо более счастливого, чем было бы для нее оживление? Я избегал мысли об ее оживлении и тем не менее страстно желал услышать ее голос, обнаружить, что этот мозг снова живет, узнать ее имя, выслушать рассказ об ее спокойной жизни, так жестоко оборванной и отданной в руки судьбы в лице Рас Таваса. Допустим, она ожила, и я... — Чья-то рука легла на мое плечо, и, повернувшись, я увидел лицо Рас Таваса.

— Ты, кажется, интересуешься этим предметом? — спросил он.

— Я хотел бы знать, — ответил я, — реакцию ее разума при пробуждении — когда она обнаружит, что стала старой и безобразной.

Он погладил подбородок и пристально посмотрел на меня.

— Интересный эксперимент, — пробормотал он. — Мне доставляет удовольствие узнать, что ты проявляешь научный интерес к выполняемым мной работам. Психологические фазы моей работы, должен признаться, упущены в течение последнего столетия или что-то около этого, хотя раньше я уделял им большое внимание. Интересно, должно быть, наблюдать, изучать некоторые из этих дел. Это может оказаться особенно полезным тебе, как начинающему, так как это просто и обычно. Позднее мы с тобой понаблюдаем за случаем, когда мозг мужчины перенесен в тело женщины, а мозг женщины — в тело мужчины. Так же интересны случаи, когда часть больного или поврежденного мозга заменялась частью мозга от другого объекта или когда в экспериментальных целях человеческий мозг трансплантировался в тело животного, и наоборот. Все это обещает огромные возможности для наблюдений. Помню такой случай, когда я перенес половину мозга обезьяны в череп человека после того, как убрал половину его мозга, которую перенес в череп обезьяны. Это было несколько лет тому назад, и я часто думаю, что мне нравится время от времени оживлять эти два объекта и записывать результаты наблюдений. Я хочу ознакомиться

с ними сейчас, после того, как достану их из подвала Л-42-Х под зданием 4-Д-21. Это будет скоро, через несколько дней. Прошли годы с тех пор, как их туда поместили. Это были прекрасные экземпляры — я совсем забыл об этом. Но пойдем, вызовем из небытия 4296-Е-2631-Н.

— Нет!— воскликнул я, положив руку на его локоть.— Это было бы ужасно!

Он удивленно повернулся ко мне, а затем со злобной глумливой улыбкой закричал, скривив губы:

— Плаксивый сентиментальный дурак! Как ты смеешь говорит мне «нет»?

Я положил руку на эфес длинного меча и, твердо посмотрев ему в глаза, сказал:

— Ты хозяин в своем доме, но пока что я твой гость. Так изволь обращаться со мной вежливо!

Он моментально обернулся ко мне, но взгляд его дрогнул.

— Я не подумал,— сказал он.— Давай оставим это.

Итак, я получил в ответ извинение — действительно, это было больше, чем я ожидал, исход был удачным. Думаю, что с этого времени он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением, но сейчас он медленно повернулся к плите, несшей смертные останки 4296-Е-2631-Н.

— Приготовь объект для оживления,— сказал он.— Сделай так, чтобы можно было изучить все ее реакции.

С этим он оставил комнату.

К этому времени я уже был сносным знатоком оживления, но приступил к этому с некоторым опасением, даже будучи уверен, что прав, подчиняясь Рас Тавасу, пока я — один из его окружения. Кровь, которая некогда текла по венам прекрасного тела, проданного Рас Тавасом Заксе, покоилась в герметически запечатанном сосуде на полке над трупом. Как и раньше под бдительным взглядом старого хирурга, так я делал и сейчас, впервые самостоятельно. Кровь нагрета, разрезы сделаны, трубочки присоединены, и несколько капель животворного раствора добавлены к крови. Теперь я готов был возратить жизнь этому нежному мозгу, который лежал мертвым десять лет. Когда мои пальцы легли на кнопку, запускающую мотор, который должен был нагнать жидкость в эти дремлющие вены, я испытывал такое чувство, что не представляю, чтобы кто-нибудь из землян испытывал что-либо подобное.

Я стал хозяином жизни и смерти и, тем не менее, когда

стоял у точки начала воскрешения мертвых, то чувствовал себя скорее убийцей, чем спасителем. Я старался взглянуть на процедуру бесстрастно, через призму холодных научных интересов, но это плохо получалось. Была только пораженная горем девушка, тоскующая о потерянной красоте. Приглушенно выругавшись, я отвернулся. Не мог я решиться на это! Но затем как будто какая-то сила подтолкнула меня, пальцы безошибочно нашли кнопку и нажали ее. Я не смог объяснить этого, если бы не теория дуальности нашей психики. Многое может объяснить эта теория. Возможно, мой субъективный разум продиктовал мне это действие. Не знаю...

Знаю только, что я сделал это, мотор заработал, и уровень крови в сосуде начал постепенно понижаться.

Ошеломленный, я стоял, наблюдая. Вскоре сосуд был пуст. Я выключил мотор, отключил трубки, изолировал разрезы пластырем. Веселый румянец жизни слегка окрасил тело, поднялась и спокойно опустилась грудь, голова слегка повернулась, шевельнулись веки... Долгое время не было других признаков жизни, затем вдруг открылись глаза. Сначала они были тусклыми, но вскоре начали наполняться вопрошающим изумлением. Они остановились на мне, затем прошлись по доступной части комнаты. Потом они вернулись ко мне и твердо остановились на моей физиономии после того, как обозрели меня снизу доверху. Они только вопрошали, страха в них не было.

— Где я?— спросила она. Голос был, как у старухи, высокий и резкий. Глаза наполнились испугом.— Что со мной произошло? Что с моим голосом? Что случилось?

— Подожди еще немного, тебе надо окрепнуть. Потом.

Она приподнялась.

— Я сплю,— сказала она, затем ее глаза осмотрели лежащее туловище и ноги, и выражение крайнего ужаса пробежало по ее лицу.— Что со мной? Именем моего пердпа — что?

Пронзительный резкий голос раздражал меня. Это был голос Заксы, и Закса теперь должна была обладать милыми музыкальными тонами голоса, которые безусловно гармонировали с прекрасным лицом, украденным у нее. Я старался забыть об этих скрипучих нотах, думая только о красоте оболочки, которая когда-то украшала душу, спрятанную в старом и высохшем теле.

Она протянула руку и ласково коснулась меня. Жест этот был прекрасен, движения грациозны. Мозг девушки

управлял мускулами, но старые, грубые голосовые связки Заксы не могли более издавать нежные звуки.

— Скажи мне, пожалуйста,— умоляла она. Слезы стояли в ее старческих глазах.— Скажи мне! Ты не кажешься жестоким.

И я рискнул, впервые за много лет.

Итак, я рассказал ей. Она слушала внимательно, и, когда я закончил, вздохнула.

— В конце концов,— сказала она,— это не так страшно, как я думала. Это лучше, чем быть мертвой!

Значит, то, что я нажал на кнопку, было к счастью. Она счастлива жить, даже в отвратительной оболочке Заксы. Так я ей и сказал.

— Ты была так прекрасна,— сказал я.

— А сейчас я так отвратительна?

Я не ответил.

— В конце концов, какая разница?— молвила она вскоре.— Это старое тело не может изменить меня, сделать другой по сравнению с тем, какой я была. Хорошее во мне осталось, осталось все, что было доброго, милого. Я буду жить и делать хорошее. Сначала я ужаснулась — не знала, что со мной случилось. Думала, что подцепила какую-нибудь ужасную болезнь, которая так изменила меня,— это меня страшило, но сейчас... ну и что...

— Ты удивительная женщина! — сказал я.— Большинство сошло бы с ума от ужаса и горя,— потерять такую красоту, как твоя,— а тебе все равно!

— О, нет, мне не все равно, друг мой,— поправила она.— Этого оказалось достаточно, чтобы из-за того, что произошло, моя жизнь была кончена и на тех, кто окружает меня, брошена тень. Я имела красоту и наслаждалась ею. Это было неомраченное счастье... Могу уверить тебя в этом. Из-за моей красоты люди убивали друг друга, из-за нее две великие нации вступили в войну, и, возможно, мой отец лишился или трона, или жизни — не знаю, так как меня захватили в плен, когда война еще свирепствовала. Может быть, она еще бушует и люди умирают, потому что я была слишком красива.

— Но теперь никто не будет бороться за меня,— добавила она с печальной улыбкой.

— Известно ли тебе, как долго ты пробыла здесь?— спросил я.

— Да,— ответила она,— меня продали сюда позавчера.

— Это было десять лет тому назад,— сказал я.

— Десять лет? Не может быть!

Я указал на трупы вокруг нас.

— Ты лежала, как они, десять лет,— объяснил я ей.— Здесь есть и такие, которые лежат уже пятьдесят лет. Так сказал мне Рас Тавас.

— Десять лет! Десять лет! Что могло случиться за десять лет! Лучше, как они,— она указала на тела.— Я боюсь возвращаться. Я не хочу узнать, что мой отец, а, возможно, и моя мать погибли. Лучше так. Позволь мне заснуть снова! Можно?

— Это решать Рас Тавасу,— ответил я.— А я здесь сейчас, чтобы наблюдать за тобой.

— Наблюдать за мной?

— Изучать тебя, твои реакции.

— Я... Какая от этого польза?

— Это может дать кое-какую пользу миру...

— Это может дать твоему ужасному Рас Тавасу лишь кое-какие идеи по совершенствованию его камеры пыток, лишь новые способы выкачивания денег из страданий жертв,— сказала она, и ее грубый голос погрузнел.

— Некоторые его работы полезны,— объяснил я.— Деньги, которые он получает, позволяют ему содержать это удивительное заведение, где он постоянно проводит бесчисленные эксперименты. Многие из его операций благотельны. Вчера принесли воина с раздавленными руками. Рас Тавас дал ему новые руки. Принесли сумасшедшего, который вел себя как ребенок. Рас Тавас дал ему новый мозг. Руки и мозг были изъяты у двоих, умерших насильственной смертью. Они при помощи Рас Таваса послужили и после смерти своих хозяев, даруя счастье и жизнь другим.

Она на минуту задумалась.

— Я довольна,— сказала она.— Надеюсь только, что наблюдать меня будешь ты!

Вскоре пришел Рас Тавас и осмотрел ее.

— Хороший объект,— похвалил он.

Он взглянул на табличку, куда я занес очень короткую запись вслед за другими записями, относящимися к делу. В действительности, конечно, это скорее вольная трактовка определенного номера. Барсумцы не имеют алфавита, подобного нашему, и их знаковые системы очень отличаются от наших. Тринадцать знаков в земной записи выражаются четырьмя тунолианскими значками, обозначающими, тем не менее, то же самое в краткой форме — номер комнаты, стола и здания.

— Объект должен быть размещен около тебя,— где ты мог бы регулярно наблюдать ее,— продолжал Рас Тавас.— Это будет соседняя с тобой комната. Я прослежу, чтобы ее открыли. Когда не будешь проводить наблюдения, запирай ее.

Для него это было еще одно «ДЕЛО».

Я провел девушку, если можно так ее называть, в предназначенное ей помещение. По пути спросил ее имя, так как мне казалось излишне грубым обращаться к ней по номеру дела. Это я объяснил ей.

— Деликатно с твоей стороны, что ты подумал об этом,— сказала она.— Но, действительно, номер — это все, что осталось от меня здесь! Только еще один объект для вивисекции...

— Ты для меня больше, чем номер,— сказал я ей.— У тебя нет здесь друзей, и ты беспомощна. Я хочу услужить тебе — сделать твою долю легче настолько, насколько смогу.

— Еще раз спасибо,— сказала она.— Меня зовут Валла Дайя. А тебя?

— Рас Тавас зовет меня Вад Варо.

— Но это не твое имя?

— Мое имя — Улисс Пакстон.

— Это странное имя, я не слышала ничего подобного, но и таких, как ты, людей я никогда не видела. Ты не похож на барсумца. Цветом кожи ты не похож ни на одну расу Барсума.

— Я не с Барсума, а с Земли, планеты, которую вы называете Джасум. Вот почему мой облик отличается от всех, кого ты знала прежде.

— Джасум! Есть здесь другой джасумец, слава которого достигла самых отдаленных уголков Барсума, но я никогда его не видела.

— Джон Картер?— спросил я.

— Да!— воскликнула девушка.— Главнокомандующий. Он в Гелиуме, но мои люди не в дружественных отношениях с Гелиумом. Я никогда не могла понять, как он очутился здесь. И как здесь оказался еще один человек с Джасума? Как ты пересек огромное расстояние, разделяющее планеты?

Я покачал головой:

— Не могу даже предположить.

— Джасум, должно быть, населен удивительными людьми,— сказала она.

Это был приятный, волнующий комплимент.

— Так же, как Барсум,— прекрасными женщинами,— ответил я.

Ее взгляд скользнул по старому и сморщенному телу.

— Я видел тебя такой, какая ты была в действительности,— добавил я вежливо.

— Я с ненавистью думаю о своем лице,— сказала она.— Знаю, что оно отвратительное.

— Это не твое лицо. Помни об этом, когда смотришь на него, и не будешь чувствовать себя плохо.

— И это достаточно плохо.

Я промолчал.

— Ничего,— сказала она.— Если бы не моя душевная красота, то я и не была бы красивой, как бы ни были совершенны черты моего лица. Но если я обладала красотой души, то она осталась у меня и сейчас. У меня могут быть прекрасные мысли, я могу совершать прекрасные дела, и это, я думаю, и есть, в конце концов, истинное испытание красоты.

— Есть надежда,— шепнул я.

— Надежда? Нет. Надежды нет. Для тебя это средство внушить мне, что я смогу через некоторое время вернуть потерянную красоту. Ты сказал достаточно, чтобы убедить меня в полнейшей безнадежности любых надежд.

— Не будем говорить об этом,— сказал я.— Но мы можем думать об этом, много думать — о том, как это осуществить. Конечно, если мы достаточно сильно захотим этого!

— Я не хочу надеяться. Это означает для меня лишь потерянные надежды. Надеюсь, я всегда буду счастлива в несчастье!

Я распорядился о еде для нее, и после того, как все было принесено, оставив ее одну, закрыв дверь ее комнаты, как проинструктировал меня старый хирург. Я нашел Рас Таваса в его офисе — маленькой комнате, рядом с очень большой, где находились десятка два клерков, разбиравших и классифицировавших донесения из различных частей огромной лаборатории. Он встал, когда я вошел.

— Пойдем со мной, Вад Варо,— сказал он.— Посмотрим на два дела в Л-42-Х — это те двое, о которых я говорил.

— Человек с половиной обезьяньего и обезьяна с половиной человеческого мозга?

Он кивнул и пошел впереди меня к пандусу, ведущему в подвалы под зданием. По мере того, как мы спускались, было заметно, что проходы в коридоры надолго законсервированы. Полы были покрыты мельчайшей пылью, покоившейся с давних времен; крохотные радиовые лампы слабо освещали подземные глубины и также были в пыли. Каждая из дверей с обеих сторон коридора, где мы проходили, была помечена особым иероглифом. Некоторые проходы были крепко замурованы каменной кладкой. Какие ужасные тайны спрятаны там?

Наконец мы пришли к Л-42-Х. Здесь тела были расположены на полках: несколько рядов полностью заполняли комнату от пола до потолка, за исключением прямоугольного пространства в центре комнаты, где были стол, множество инструментов для операций, мотор и прочее оборудование.

Рас Тавас нашел объекты своего странного эксперимента, и мы вместе положили человеческое тело на стол. Пока Рас Тавас подсоединял трубки, я вернулся к сосуду с кровью, покоившемуся на той же полке, где лежал труп. Хорошо знакомый мне способ оживления быстро был доведен до конца; мы знали, что сознание скоро вернется к объекту.

Человек привстал и посмотрел на нас, затем бросил быстрый взгляд на комнату. Дико уставившись на нас, он медленно попятился от стола к двери, причем стол был между нами и им.

— Мы не причиним тебе вреда,— сказал Рас Тавас.

Человек попытался ответить, но его слова представляли собой совершенно непонятную тарабарщину, он затряс головой и зарычал. Рас Тавас сделал шаг к нему, и человек опустился на четвереньки, опираясь суставами пальцев на пол, и попятился, рыча.

— Подойди!— закричал Рас Тавас.— Мы не причиним тебе вреда.

Он снова попытался приблизиться к объекту, но человек быстро пятился, рыча еще более свирепо, затем вдруг повернулся и вскарабкался на верх самой высокой полки, где присел на труп и забубнил что-то непонятное.

— Нам нужна помощь,— сказал Рас Тавас и, подойдя к двери, посигналил свистком.

— Зачем вы свистите?— спросил вдруг человек.— Кто вы такие? Что я здесь делаю? Что случилось со мной?

— Спустись,— сказал Рас Тавас.— Мы друзья.

Человек медленно спустился на пол и подошел к нам, но все еще елозил суставами пальцев по полу. Он посмотрел на труп, и новый свет загорелся в его глазах.

— Я голоден!— закричал он.— Я должен поесть!— И с этими словами он схватил ближайший труп и поволок его к двери.

— Стой! Стой!— закричал Рас Тавас, прыгая вперед.— Ты испортишь объект!

Но человек только пятился, волоча за собой труп к двери. Дело кончилось тем, что пришли слуги, и с их помощью мы схватили несчастное создание. Затем Рас Тавас приказал слугам принести тело обезьяны и остаться самим, так как они могли понадобиться.

Объект был огромным представителем белых барсумских обезьян, одних из наиболее диких и грозных обитателей красной планеты. Из-за большой силы этого существа Рас Тавас принял меры предосторожности, надежно связав его до начала операции по оживлению.

Это колоссальное существо достигало десяти или двенадцати футов в высоту, если его поставить вертикально. У него был промежуточный комплект рук и ног между верхними и нижними конечностями. Глаза расположены близко друг к другу и не выдавались. Уши посажены высоко, в то время как мордой и зубами оно поразительно напоминало нашу африканскую гориллу.

После возвращения сознания существо посмотрело на нас вопросительно. Несколько раз нам казалось, что оно пытается заговорить, но только нечленораздельные звуки вырывались из его горла. Затем оно легло и затихло на некоторое время.

Рас Тавас сказал ему:

— Если ты понимаешь мои слова, то кивни головой. Существо утвердительно кивнуло головой.

— Боюсь, что ты попытаешься причинить нам вред или убежать,— сказал хирург.

Обезьяна с большим усердием пыталась, по-видимому, заговорить членораздельно, и, наконец, из ее губ вырвался звук, который не мог быть неправильно понят. Это было единственное слово — «нет»!

— Ты не причинишь нам вреда и не будешь пытаться бежать?— повторил вопрос Рас Тавас.

— Нет,— сказала обезьяна, и на этот раз слово было произнесено достаточно четко.

— Посмотрим,— сказал Рас Тавас.— Но помни, что с нашим оружием мы быстро сможем справиться с то-

бой и отправить на тот свет, если ты нападешь на нас. Обезьяна кивнула и затем с колоссальными трудностями выдавила:

— Я не причиню вам вреда.

По приказу Рас Таваса слуги сняли веревки, и существо село. Оно вытянуло конечности и ловко соскользнуло на пол, став на две ноги, что не удивительно, так как белые обезьяны чаще ходят на двух ногах, чем на шести; факт, о котором я в то время не знал, но Рас Тавас объяснил мне позднее, комментируя то, что человеческий объект ходил на четырех. По Рас Тавасу это говорило о проявлении атавизма, характерного для части обезьяньего мозга, перенесенного в человеческий череп.

Рас Тавас осмотрел объект, который был довольно высок, а затем продолжал наблюдения за объектом-человеком, все еще ведущим себя скорее как обезьяна, чем как человек, хотя разговаривающим, несомненно, куда легче из-за более совершенных органов речи. Дикцию же обезьяны можно было понять только при колоссальном напряжении.

— Ничего замечательного в этих объектах нет,— сказал Рас Тавас, посветив им полдня.— Они подтверждают то, что я определил уже много лет назад: пересаженный мозг — акт трансплантации — стимулирует рост и активность клеток мозга. Ты заметил, что в каждом объекте трансплантированные части мозга более активны — они в значительной степени управляют остальным. Вот почему у нас объект-человек обнаружил определенные обезьяньи характеристики, тогда как обезьяна вела себя более по-человечески, хотя при более долгих и подробных исследованиях ты бы заметил, что каждый временами возвращается к своей собственной натуре — то есть обезьяна становится более обезьяной, а человек более походит на человека, но это не заслуживает времени, которое я отдал этому контрольному экземпляру. Я оставляю тебя сейчас, чтобы ты вернул объектам прежнее состояние, а сам пойду в верхние лаборатории. Слуги останутся здесь и будут ассистировать, если потребуется.

Обезьяна, внимательно слушавшая, сразу же шагнула вперед.

— О, пожалуйста, умоляю вас,— пробормотала она.— Не принуждайте меня снова лежать на этих ужасных полках. Я ведь помню день, когда был принесен сюда, надежно связанный, и хотя у меня нет воспоминаний о случившемся, и могу только догадываться о том, как я

сейчас выгляжу, и о том, что, судя по этим пыльным трупам, я пролежал здесь долго, прошу позволить мне жить и вернуть меня к товарищам, чтобы служить по мере моих возможностей и способностей в саду этого учреждения, которое я успел немного разглядеть в промежутке между пленением и моментом, когда меня принесли в эту лабораторию, связанного и беспомощного, и положили на одну из ваших холодных плит.

Рас Тавас сделал раздраженный жест.

— Вздор!— крикнул он.— Иди лучше туда, где будешь сохранен в интересах науки.

— Согласись с его просьбой,— обратился я к Рас Тавасу.— Я приму на себя всю ответственность на время, пока буду извлекать из него пользу, изучая, на что он способен.

— Делай, как приказано,— огрызнулся Рас Тавас, уходя из комнаты.

Я пожал плечами. Лучше было промолчать.

— Я вполне могу убить тебя и бежать,— проговорила в задумчивости обезьяна,— но ты хотел мне помочь. Я не могу убить того, кто относится ко мне по-дружески, тем не менее, тяжело думать еще об одной смерти. Сколько же я здесь лежал?

Я обратился к истории его тела, которая была принесена и укреплена над изголовьем стола.

— Двадцать лет,— сказал я ему.

— И все же, почему нет?— спросил он себя.— Этот человек убьет меня — почему я не могу убить его до этого?..

— Это плохо кончится для тебя,— сказал я,— потому что ты не сможешь убежать отсюда. Место, где ты находишься, очень глубоко под землей. Вместо бегства ты умрешь, и Рас Тавас будет, вероятно, думать о том, что не стоит даже помнить о тебе, тогда как тот, кто сможет найти возможность помочь тебе несколько позже и намеревается сделать это, умрет от твоих рук и окажется неспособным помочь тебе.

Я говорил тихим голосом ему на ухо, чтобы слуги не могли подслушать. Обезьяна внимательно слушала.

— Ты сделаешь, что говоришь?— спросила она.

— При первой же возможности,— ответил я.

— Очень хорошо,— сказала она,— я подчиняюсь, веря тебе.

Через полчаса оба объекта были возвращены на свои полки.

СОГЛАШЕНИЕ

Дни складывались в недели, недели в месяцы, а я работал вместе с Рас Тавасом, и хирург открывал мне все больше секретов своей профессии и своего мастерства. Постепенно он позволял мне выполнять все более и более сложные функции в текущей работе огромной лаборатории. Я начал пересаживать конечности от одного объекта к другому, затем — внутренние органы. После этого он поручил мне операцию, всю, от начала до конца, на клиенте, заплатившем деньги. Я удалил почки богатого старика, заменив их здоровыми от молодого объекта. На следующий день я дал чахлому ребенку новую щитовидную железу. Неделей позже я трансплантировал два новых сердца, а затем пришел день — позади меня стоял лишь Рас Тавас, — когда я перенес мозг старика в черепную коробку молодого человека.

Когда я закончил, Рас Тавас положил мне руку на плечо.

— Я сам не смог бы сделать лучше, — сказал он.

Он казался таким ликующим, и я не мог не удивиться этой необыкновенной демонстрации эмоций со стороны того, кто так гордился отсутствием чувствительности. Я часто размышлял о том, что заставило Рас Таваса посвящать меня во все тайны его профессии и уделять мне так много времени для обучения, но никогда не находил удовлетворительного объяснения, более правдоподобного, чем то, что он нуждался в ассистенте для текущих работ. Еще когда я одолевал письменность, я заметил, что многие работы, которыми он был занят, не давали ему возможности обучать меня, и он предпочитал меня красным марсианам-ассистентам. Его уверенность в моей лояльности, по-моему, не была достаточно обоснована, чтобы так полно передавать мне все свои знания, хотя с таким же успехом он мог бы держать меня своим телохранителем и обучать кого-нибудь из своего собственного народа, чтобы иметь помощника в хирургической практике.

Но вскоре мне удалось узнать, что у меня была обоснованная причина для такого поведения. Рас Тавас всегда имел продуманное решение для всего, что он делал. Однажды ночью, после того, как мы закончили вечернюю трапезу, он сидел и внимательно смотрел на меня; он часто так делал, словно хотел прочесть мои мысли, но не был,

между прочим, в состоянии этого сделать — к величайшему своему удивлению и досаде, — ведь если марсианин не находится настороже, любой другой марсианин может отчетливо читать его мысли. Он объяснил это тем, что я не барсумец. Несмотря на это, я часто мог читать мысли его ассистентов, когда они не были бдительны, но никогда мне не удавалось прочесть что-либо из мыслей Рас Таваса. Уверен, и любой другой не мог бы прочесть их. Он держал свой мозг на запоре, как одну из банок с кровью, и никогда, даже на мгновение, не снимал его.

Он сидел и смотрел на меня в тот вечер очень долго, но меня это ни в малейшей степени не смущало, так как я привык к его странностям.

— Возможно, — сказал он, — одна из причин, почему я верю тебе, та, что мне так и не удалось проникнуть в твой разум. Твои вероломные мысли насчет себя я не знаю, тогда как у других, у каждого из вас, я легко открываю в мозгу самое сокровенное. Моему пытливому уму нет преград, и в каждом я вижу зависть, подозрительность и ненависть ко мне. Им я не могу верить! Следовательно, я должен рискнуть и возложить все доверие на тебя. Разум говорит, что выбор мой мудр. Я уже сказал тебе, на чем базируется мое доверие к тебе как к телохранителю. Те же самые соображения справедливы и для того, чтобы выбрать тебя для одного серьезного дела, которое я замыслил. Ты не сможешь причинить мне вреда без того, чтобы не повредить себе, ты не тот человек, который умышленно захочет сделать это, и, кроме того, нет причины, по которой ты чувствовал бы ко мне неприязнь.

Ты, конечно, sentimentalен, и, несомненно, с ужасом смотришь на многие действия здравомыслящего, рационального, научного разума, но в то же время высоко интеллигентен и можешь, следовательно, оценить мои действия лучше, чем кто-либо еще, даже если не одобряешь их: оценить мотивы, побуждающие меня совершить многие из этих поступков. Я могу оскорбить тебя, но никогда я не был к тебе несправедлив. Не был я также несправедлив и к существу, к которому ты испытываешь так называемую дружбу. Разве, мои предпосылки неправильны или доводы ошибочны?

Я уверил его, что он не ошибается.

— Очень хорошо! Позволь теперь объяснить, почему я прилагаю усилия, чтобы обучить тебя. Ведь нет другого человека на Барсуме, который бы так обучался. Я еще не готов использовать тебя, или, скорее, ты не готов, но если

ты узнаешь мою цель, то ясно поймешь необходимость напрячь все свои силы для ее достижения. Имея в виду эту цель, ты должен работать еще более усердно, чтобы достигнуть высокого мастерства во всем, что я передаю тебе.

— Я очень старый человек,— продолжил он после короткой паузы.— Даже по барсумским понятиям. Я прожил более тысячи лет. Я приближаюсь к предназначенному мне естественному концу, но я не кончил дело моей жизни. Я только лишь начал его. Барсум не должен быть лишен моего замечательного мозга, моего мастерства. У меня давно уже созрел план, как помешать смерти. Но требовался другой, с мастерством, равным моему,— двое таких гениев могли бы жить вечно. Я выбрал тебя не потому, что люблю тебя или чувствую к тебе дружбу, и не потому, что думаю, что ты любишь меня или чувствуешь дружбу по отношению ко мне. Я выбрал тебя, чтобы ты был тем, другим, по причинам, которые я уже объяснил,— они не осквернены сентиментальностью, я выбрал тебя потому, что знаю — из всех обитателей мира ты единственный, кто, вероятно, в наименьшей степени подведет меня. На некоторое время жизнь моя будет в твоих руках. Сейчас ты должен понять, почему я не могу быть легкомысленным в этом вопросе.

Задуманный мною план очень прост и обеспечивается тем, что я могу полагаться на два основных фактора: мастерство и своекорыстную лояльность ассистента. Тело мое почти полностью износилось. Я должен иметь новое. Моя лаборатория заполнена превосходными телами, молодыми и полными потенциальной силы и здоровья. Я должен лишь выбрать одно из них и приказать ассистенту перенести мой мозг из старого тела в новое.

Он сделал паузу.

— Теперь я знаю, зачем ты обучал меня,— сказал я.— Этот вопрос меня сильно беспокоил.

— Таким и только таким образом я могу продолжить мои научные труды,— проговорил он,— таким образом Барсум может быть уверен в потоке, практически неограниченном, милостей, которыми мой разум может одаривать его детей. Я могу сделать жизнь вечной, если я всегда буду обеспечен искусным ассистентом. Если будет так, я могу гарантировать, что он тоже никогда не умрет. А когда он изнасит себя или один из органов, я могу заменить их иными из своих запасов. Для меня он может оказать ту же услугу. Так мы можем жить неограниченное время,

потому что мозг, я верю в это, почти бессмертен, если не ранен и не тронут болезнью.

Ты пока не готов еще для такой важной задачи. Ты должен провести еще очень много подобных операций, встретить и преодолеть различные трудности, анатомические несоответствия и несовместимости, которые приводят к серьезным осложнениям, всегда различным, помня, что любые две операции не идентичны. Когда ты приобретешь достаточный опыт, я буду первым, кто узнает об этом. Затем мы не будем терять времени, чтобы Барсум стал безопасным для потомства.

Старик был далек от понимания того, что его ненавидят. Однако план был превосходен, как для него, так и для меня. Он гарантировал нам бессмертие — мы можем жить вечно, и всегда в здоровых и сильных телах. Перспектива была соблазнительной. Поистине прекрасное предложение! Если старик мог надеяться на мою верность благодаря личной заинтересованности, так как я зависел от его лояльности, то и он не мог позволить себе враждовать с единственным существом в мире, которое могло сделать его бессмертным или отказать ему в этом. Первый раз с тех пор, как я попал на Марс и в это окружение, я почувствовал себя в полной безопасности.

Как только мы расстались, я пошел в комнату Валлы Дайя. Я хотел рассказать ей все эти удивительные новости. За недели, которые прошли с момента ее воскрешения, я часто видел ее, и в нашем повседневном общении понемногу открывалась для меня удивительная красота ее души. Я не мог долго смотреть на отвратительное лицо Заксы, но глаза мои проникли глубже, в очарование, которое лежало в глубине ее прекрасного мозга. Она становилась моей наперсницей, как и я для нее, и эта дружба представляла собой единственную большую радость моего существования на Барсуме.

Когда я рассказал, что привело меня к ней, ее поздравления были очень искренни и восторженны. Она сказала, что надеется, что я использую все знания, чтобы делать добро в мире. Я уверил ее, что так и будет и что среди первых желаний, которые я предъявлю Рас Тавасу, будет просьба дать Валле Дайя прекрасное тело. Но она покачала головой:

— Нет, мой друг. Если я не могу иметь свое собственное тело, это старое тело Заксы так же хорошо для меня, как и любое другое. Без собственного тела мне все равно не вернуться в родную страну. Несмотря на то, что Рас

Тавас мог бы дать мне прекрасное тело другой, я всегда была бы в опасности из-за алчности клиентов, каждый из которых мог бы увидеть и пожелать купить его, оставив для меня свою старую оболочку, предположим, совершенно разбитую ужасной болезнью или физически изувеченную.

Нет, мой друг, я довольна телом Заксы, если не могу обладать своим собственным, потому что, по крайней мере, Закса оставила мне крепкую и здоровую оболочку, как бы безобразна она ни была. Потом, какое значение имеет внешность? Ты, единственный мой друг, то, что у меня есть твоя дружба,— этого достаточно! Ты восхищаешься мной потому, что я — это я, а не потому, что я хорошо выгляжу; так давай оставим все как есть — от добра добра не ищут!

— Если бы ты могла получить обратно свою внешность, собственное тело и вернуться в свою страну,— ты бы захотела этого?— спросил я.

— О, не будем об этом!— воскликнула она.— Просто мысль об этом сводит с ума своей безнадежностью. Я не должна давать приют несбыточным мечтам! В лучшем случае они заставят меня испытывать отвращение к своей судьбе.

— Не говори, что это безнадежно,— настаивал я.— Только смерть делает надежды бесполезными.

— Это значит, что ты добр,— сказала она.— Но ты причиняешь мне боль. Не может быть никакой надежды!

— Могу я надеяться, в таком случае, вместо тебя? Потому что, несомненно, я знаю, что делать: как бы незначительна ни была возможность добиться успеха, это, тем не менее, какой-то выход!

Она покачала головой.

— Нет выхода,— сказала она решительно.— Не увидит меня больше Дахор!

— Дахор?— повторил я.— Кто-нибудь, к кому ты равнодушна?

— Я равнодушна к Дахору очень сильно,— ответила она с улыбкой.— Но Дахор — это не кто-нибудь. Дахор — это мой дом, страна моих предков.

— Как ты попала сюда, оставив Дахор?— спросил я.— Ты никогда не говорила мне об этом, Валла.

— Это благодаря безжалостности Джал Хада, принца Амора,— ответила она.— Дахор и Амор — давние враги. Джал Хад пришел в столицу Дахора переодетым, услы-

шав рассказы об исключительной красоте, приписываемой единственной дочери Кор Сана — джеддака Дахора. Когда он увидел ее, то исполнился решимости обладать ею. Вернувшись в Амор, он послал ко двору Кор Сана просить руки принцессы Дахора, но Кор Сан, имевший дочь, но не имевший сына, решил выдать дочь за одного из своих джедов, чтобы сын от этого союза, с кровью Кор Сана в венах, мог править народом Дахора. Поэтому предложение Джал Хада было отклонено.

Это так разъярило аморанца, что он снарядил огромный флот и послал его завоевать Дахор и силой взять то, чего не смог добиться благородным путем. Дахор в то время был в состоянии войны с Гелиумом, и все силы его были брошены на юг, кроме маленькой армии, оставленной в тылу для охраны столицы. Джал Хад, следовательно, не мог выбрать более благоприятного момента для нападения. Дахор пал, и, пока войска грабили город, Джал Хад с отборными силами грабил дворец джеддака и обыскивал его в поисках принцессы, но у принцессы не было намерения уйти с ним в качестве принцессы Амора. С момента, когда авангард аморианского флота был замечен в небе, ей стала ясна, как и прочим в городе, цель, с которой он появился, и она придумала хитроумный способ расстроить эти планы.

Был в ее свите косметолог, обязанностью которого было сохранять блестящую красоту волос и кожи принцессы и готовить ее для публичных аудиенций, празднеств и ежедневного общения при дворе. Он был мастером своего дела. Мог сотворить простую красоту и красоту лучезарную, мог сделать безобразность приятной на вид. Она быстро вызвала его к себе и приказала превратить лучезарность в безобразность. Тот сработал так ловко, что никто не мог узнать в ней принцессу Дахора.

Когда Джал Хад не смог найти принцессу внутри дворца и никакие угрозы и пытки не могли вырвать признания о ее местопребывании, он приказал, чтобы все женщины из дворца были схвачены и доставлены в Амор, чтобы держать их там в качестве заложниц, пока принцесса Дахора не сдастся и не выйдет за него замуж. И вот нас всех собрали и поместили на военный корабль, который был послан обратно в Амор без флота, полностью оставшегося в Дахоре для грабежа.

Когда корабль, сопровождаемый конвоем, прошел что-то около четырех или пяти хаадов, отделявших Дахор от Амора, он был замечен флотом Фандала, немедлен-

но атаковавшим его. Конвойные корабли были выведены из строя, а тот, на котором были мы, захвачен. Нас доставили в Фандал для аукциона, где меня и купил один из агентов Рас Таваса. Остальное ты знаешь.

— А что стало с принцессой? — спросил я.

— Возможно, она умерла — партию женщин, в которой она была, разделили в Фандале — лишь смерть могла помешать ей вернуться в Дахор. Принцесса Дахора, видимо, никогда больше не увидит свою страну.

— Но ты можешь! — вскричал я, потому что внезапно в голове у меня сложился план действий. — Где Дахор?

— Ты что, туда отправишься?

— Да!

— Ты сошел с ума, друг мой, — сказала она. — Дахор в семи тысячах восьмистах хаадах от Тунола, за одетыми в снега Артлианскими горами. Ты чужеземец, ты один, ты никогда не сможешь достичь Дахора, потому что на пути к нему — Тунолианские топи, дикие орды, свирепые звери и воинственные города. Ты лишь бесполезно погибнешь на первой дюжине хаадов, даже если убежишь с острова, на котором стоит лаборатория Рас Таваса. И какие причины побуждают тебя к этому бессмысленному жертвоприношению?

Я не мог сказать. Я не мог смотреть на это отвратительное лицо и на эту иссохшую фигуру и говорить: «Это потому, что я люблю тебя, Валла Дайя!» Лишь это, увы, было единственной причиной. Постепенно, по мере того, как я молчаливо открывал в ней удивительную красоту ума и души, в сердце мое вкрадывалось сознание любви к ней; и тем не менее — не могу этого объяснить — мне не по себе было говорить ей такие слова, этой безобразной старой ведьме! Я видел великолепное жилище, которое должно было приютить равно чудесную душу реальной Валлы Дайи — которую я мог любить, но не мог я любить тело Заксы. Раздирали меня также и другие противоречия, вызывающие большие сомнения: может ли Валла Дайя ответить на мою любовь? Обитающая в теле Заксы, не имеющая других друзей и поклонников, она могла бы из благодарности или от чувства полного одиночества потянуться ко мне. Но если бы она еще раз стала Валлой Дайей, прекрасной девушкой, возвращенной во дворец ее королевства, окруженной вельможами Дахора, откроются ли тогда ее глаза и сердце для одинокого и не имеющего друзей изгнанника из другого мира? Я сомневался в этом и еще в том, что это удержит меня от решимости до

конца, насколько позволит рок, осуществить сумасшедший проект, захвативший меня всего.

— Ты не ответил на мой вопрос, Вад Варо,— прервала она мои мысли.— Почему ты хочешь это сделать?

— Исправить несправедливость по отношению к тебе, Валла Дайя!

Она глубоко вздохнула.

— Не надо браться за это, пожалуйста,— попросила она.— Ты лишь украдешь у меня единственного друга, общение с которым — последний источник счастья, оставшегося еще у меня. Я ценю твою великодушие и твою верность, даже если не могу понять их. Твое бескорыстное желание услужить мне с таким самоубийственным риском волнует меня более сильно, чем я могу это высказать, и это добавляет еще больше к тому, чем я тебе обязана; но ты не должен браться за это. Не должен!

— Если это беспокоит тебя, Валла Дайя,— ответил я,— не будем говорить об этом, но знай — мысли об этом у меня всегда останутся. Однажды я найду путь, даже если тот план, который я теперь имею, потерпит неудачу.

Дни шли и шли, великолепные марсианские ночи, наполненные мчащимися лунами, следовали одна за другой. Рас Тавас проводил все больше времени со мной, управляя моей работой по трансплантации мозга. Давным-давно я должен был стать специалистом и понял, что время, когда Рас Тавас почувствует, что может без доли риска вверить моим рукам и мастерству свою жизнь и знания, быстро приближается. Он должен будет всецело быть в моей власти и знал, что я понимаю это. Я мог убить его, мог позволить ему навсегда остаться в сохраняющих объятиях анабиоза или мог обмануть его, дав ему то, что я выберу, даже тело калота или часть мозга обезьяны. Но он должен был сделать выбор, и, насколько мне известно, как можно быстрее, потому что силы его убывали с каждым днем. Уже почти совершенно слепой, он видел только благодаря удивительным очкам, которые он сам вынужден был изобрести для себя, использовал искусственные слуховые аппараты, а теперь и сердце его начало проявлять симптомы утомления, которые он больше не мог игнорировать.

Однажды утром я был вызван рабом в его спальню. Старый хирург лежал — сморщенная жалкая грудa иссохшей кожи и костей.

— Мы должны поторопиться, Вад Варо,— сказал он слабым голосом.— Мое сердце чуть не остановилось

несколько талов тому назад. Это было, когда я послал за тобой. — Он указал на двери, ведущие из его комнаты. — Здесь, за этой дверью, ты найдешь все, что нужно, и тело, которое я для себя выбрал. В лаборатории, давно построенной для этой цели, ты совершишь величайшую хирургическую операцию, которая когда-либо была известна во Вселенной, перенеся ее наиболее гениальный мозг в самое красивое и совершенное тело, когда-либо представавшее перед этими старыми глазами. Ты найдешь голову уже приготовленной, чтобы принять мой мозг. Мозг объекта был вынут и разрушен — полностью уничтожен огнем. Как я мог допустить существование мозга, желающего и планирующего вернуть свое тело! Но я разрушил его! Зови рабов и прикажи им перенести меня на плиту!

— Этого не нужно, — сказал я ему и, подняв его сморщенное тело руками, будто ребенка, перенес его в соседнюю комнату, где нашел отлично освещенную и отлично оборудованную лабораторию, содержавшую два операционных стола, на одном из которых лежало тело человека. На поверхность второго, бывшего свободным, я положил Рас Таваса, затем повернулся, чтобы посмотреть на новую оболочку, которую он выбрал. Никогда, поверьте, не видел я такой совершенной формы, такого красивого лица. Рас Тавас в самом деле сделал отличный выбор!

После этого я повернулся к старому хирургу. Ловко, как он учил меня, я сделал два разреза и подсоединил трубки. Мой палец лег на кнопку мотора, который должен был накачать вместо крови его удивительную анестезию.

Тогда я заговорил.

— Рас Тавас! — сказал я ему. — Ты долго обучал меня для этого. Я неумоимо работал, чтобы не было ни малейшего опасения за результат. Ты учил, что каждое мое действие должно быть основано только на бескорыстии. Следовательно, ты будешь удовлетворен, что я делаю это не для тебя и не потому, что ты мне нравишься, не потому, что питаю дружеские чувства к тебе. Ты думаешь, достаточно того, что ты предложил мне бескорыстие? Оставив в стороне то, чему ты меня учил, боюсь, что есть во мне что-то от сентиментальности. Я страстно желаю исправления несправедливости! Я хочу дружбы и любви! Цена, которую ты мне предлагаешь, недостаточна. Хочешь ли ты заплатить больше, чтобы эта операция закончилась успешно?

Он смотрел на меня не отрываясь в течение долгой минуты.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Я видел, что он дрожит от гнева, но не повышает голоса.

— Помнишь 4296-E-2631-H? — спросил я.

— Объект с телом Заксы? Да, помню, и что из этого?

— Я желаю вернуть ей ее тело. Это цена, которую ты должен заплатить за операцию!

Он свирепо посмотрел на меня.

— Это невозможно! Тело у Заксы. Даже если я отважусь сделать это, я никогда не смогу получить его обратно. Приступай к операции!

— Так ты обещаешь мне? — настаивал я.

— Я не могу обещать невозможное — мне не получить Заксу. Проси что-нибудь еще. Я готов согласиться на любую разумную просьбу.

— Это все, что я желаю — только это! Но я не настаиваю, чтобы тело добыл ты. Если Заксу принесу я, ты сделаешь операцию?

— Это означает войну между Фандалом и Тунолом, — заволновался он.

— Это меня не интересует, — отрезал я. — Быстро! Давай приходить к соглашению. Через пять талов я нажму кнопку. Если ты пообещаешь сделать то, о чем я прошу, ты очнешься в новом прекрасном теле. Откажешься — навечно замрешь здесь в подобии смерти!

— Обещаю, — сказал он тихо, — что, когда ты принесешь тело Заксы, я перенесу в это тело любой мозг, который ты выберешь среди наших объектов.

— Хорошо! — воскликнул я и нажал кнопку.

V

ОПАСНОСТЬ

Рас Тавас пробудился от анестезии новым и прекрасным существом — молодость его была такой удивительной красоты, что казалась скорее божественного, чем мирского происхождения; но в этой красивой голове был мозг сурового и холодного мастера хирургии. Когда он открыл глаза, то посмотрел на меня холодно.

— Хорошо у тебя получилось, — сказал он.

— То, что я сделал, — сделано ради дружбы и, возможно, ради любви, — сказал я. — Итак, можешь быть

благодарным сентиментализму, который ты считал лишним для успеха операции.

Он не ответил.

— А теперь,— продолжал я,— посмотрим, что ты делаешь для выполнения данного мне обещания.

— Когда принесешь тело Заксы, я пересажу в него мозг любого из моих объектов, что бы ты ни выбрал,— сказал он,— но будь я на твоём месте, я бы не рисковал жизнью в таком невозможном предприятии. Тебе не добиться успеха. Выбери любое другое тело — есть много прекрасных,— и я дам ему мозг 4296-Е-2631-Н.

— Ничто, кроме тела, принадлежащего нынче Заксе, не устроит меня.

Он пожал плечами, а на губах его появилась холодная усмешка.

— Прекрасно,— сказал он.— Сходи за Заксой. Когда отправишься?

— Я ещё не готов. Я дам тебе знать, когда.

— Хорошо, а сейчас убирайся! Нет, подожди! Сначала сходи в офис и посмотри, какие дела ждут нас и, если будут такие, что не требуют моего личного внимания и соответствуют твоим знаниям и мастерству, выполни их сам.

Уходя от него, я заметил хитрую улыбку удовлетворения на его губах. Что её вызвало? Мне она не понравилась, и когда я шел от него, то старался вообразить, что происходит в этом изумительном мозгу, вызывая такую отвратительную улыбку. Проходя через дверь в коридоре, я слышал, как он вызвал своего личного раба и телохранителя Ямдора, гиганта, чью верность он обеспечивал наградами и бесчисленными милостями. Ямдор был так силен, что все боялись его, к тому же одно слово хозяину из уст Ямдора — и любой из бесчисленных рабов мог легко оказаться на плите навечно. Ходили слухи, что он был результатом противоестественного эксперимента, при котором совместили мозг женщины с телом мужчины. Было в его поступках много характерного, что подтверждало эту общую уверенность. Его движения, когда он работал около хозяина, были нежны и легки, его походка грациозна, его манеры вежливы, но ум был ревнив, мстителен и злопамятен.

Я был уверен в том, что он не любит меня, ревнуя к власти, которой я добился среди окружения Рас Таваса, так как был его заместителем, а не рабом. Тем не менее он всегда соглашался со мной с величайшим уважением. Од-

нако он был на втором месте по значению в механизме огромного института, управляемого высокомерным разумом Рас Таваса, и я не мог не принимать этого во внимание. Так я думал, направляясь в офис.

Я ушел не так далеко, когда вспомнил о важном деле, по которому мне необходимо было получить инструкции Рас Таваса; поэтому я повернулся и пошел обратно к его комнате. Через открытую дверь я услышал, когда приблизился, новый голос мастера хирургии. Рас Тавас говорил довольно крикливо: было ли это вызвано отражением в его голосе деспотического характера или не прошедшей полностью привычкой к глухоте — не знаю, но теперь сквозь свежие голосовые связки его нового тела слова звучали ясно и отчетливо, так что в коридоре у его комнаты все было слышно.

— Поэтому ты пойдешь, Ямдор,— были его слова,— сейчас же и, отобрав двух рабов, в молчании и благоразумии которых ты не сомневаешься, возьмешь объект из покоев Вад Варо и уничтожишь его — пусть не останется и следов от тела и мозга. Немедленно после этого ты приведешь этих рабов в лабораторию Ф-30-Л, не позволяя им ни с кем разговаривать, а я предназначу им молчание и забывчивость навсегда.

Вад Варо обнаружит отсутствие объекта и передаст дело мне. Во время расследования ты признаешься, что помог объекту бежать и что не имеешь понятия, куда она намеревалась бежать. Я приговорю тебя к смерти в наказание, но, в конце концов, объяснив, что я настоятельно нуждаюсь в твоих услугах и, ввиду твоего торжественного обещания никогда больше не нарушать закон, отложу казнь на условиях твоего хорошего поведения в дальнейшем. Ты понял весь мой план? До конца?

— Да, хозяин,— ответил Ямдор.

— Тогда сейчас же отправляйся и выбери двух рабов, чтобы помогли тебе.

Я молча поспешил по коридору, чтобы за первым же углом укрыться от взгляда того, кто вздумал бы просто пройти в комнаты Рас Таваса. Затем я последовал прямо в комнату Валлы Дайя. Отперев дверь, я распахнул ее и жестом предложил Валле Дайя выйти.

— Быстро, Валла Дайя! — крикнул я. — Мы не должны терять времени. Пытаясь спасти, я лишь поставил тебя под угрозу полного уничтожения! Сперва нужно найти укрытие для тебя, а сразу после этого — думать, что делать дальше.

Место, которое пришло мне на ум первым,— полузабытый подвал в углублениях под лабораториями — отвечало всем требованиям тайного убежища. Туда я и торопил Валлу Дайя. По дороге я поведал ей все, что случилось, и она снова не упрекала меня. Вместо этого она лишь сказала, что ничтожна та благодарность, которой она могла бы отплатить за мою бескорыстную дружбу. Неудача, уверяла она меня, не ложится пятном на меня. Она настаивала, что согласна скорее умереть, зная, что имеет такого друга, чем жить в одиночестве и неопределенности.

Мы пришли, наконец, в комнату, которую я искал,— подвал Л-42-Х в здании 4-Д-21, где покоились тела обезьяны и человека, каждый из которых обладал половиной мозга другого. Я был вынужден оставить здесь Валлу Дайя на некоторое время, чтобы поспешить в офис и выполнить обязанности, возложенные на меня Рас Тавасом: нельзя было вызывать его подозрений, когда Ямдор доложит, что нашел комнату пустой.

По дороге в офис я не встретил никого, кто мог бы доложить об этом Рас Тавасу, и тот обнаружил бы, что я нахожусь в пути слишком долго. В офисе, к моему огромному облегчению, оказалось, что дел не имеется. Не проявляя какой-либо поспешности, я тем не менее скоро нашел предлог уйти и сразу устремился к собственному жилищу, двигаясь в неторопливой и беспечной манере и мурлыкая по обыкновению (привычка, которая больше всего раздражала Рас Таваса) слова из песенки, популярной в те времена, когда я покинул Землю.

Я был занят этим, когда встретил Ямдора, торопливо шагнувшего по коридору со стороны моих комнат с двумя рабами. Я приветствовал его вежливо, как обычно, и он ответил на приветствие, но в глазах его было выражение страха и подозрения. Я сразу же пошел в свое помещение, открывая дверь, ведущую в комнату, которую раньше занимала Валла Дайя, а затем немедленно отправился к покоям Рас Таваса и застал его беседующим с Ямдором.

— Рас Тавас! — воскликнул я. — Что ты сделал с 4296-Е-2631-Н? Она исчезла! Ее комната пуста, а когда я подходил к ней, то встретил Ямдора, идущего оттуда с двумя рабами. — Затем я повернулся к Ямдору и обвиняюще показал на него пальцем. — Ямдор! — вскричал я. — Что ты сделал с этой женщиной?

Оба — и Рас Тавас, и Ямдор — казалось, были неподдельно озадачены, и я поздравил себя с тем, что таким

образом замел следы. Мастер хирургии заявил, что немедленно проведет расследование и сразу же прикажет обыскать все здание и остров за оградой. Ямдор отрицал, что знает что-либо о женщине, и я, по крайней мере, отдавал себе отчет в искренности его протестов, не то что Рас Тавас. Я увидел намек на подозрение в его глазах, когда он допрашивал своего телохранителя: он, очевидно, не мог вообразить мотивов для подобных действий со стороны Ямдора, который должен был быть исполнителем в похищении женщины, а результат — явное невыполнение им приказа — был налицо.

Расследование Рас Таваса ничего не дало. Думаю, что по ходу дела он все стремительнее накапливал подозрения, что я могу знать об исчезновении Валлы Дайя гораздо больше, чем показывала занимаемая мною позиция. На это указывало то, что я стал замечать за собой слежку. А ведь теперь мне нужно было каждую ночь тайно доставлять еду Валле Дайя, когда Рас Тавас удалялся в свои покои. Однажды я случайно обнаружил, что за мной следят, и, вместо того, чтобы идти в подвал, пошел в офис, где добавил некоторые наблюдения к отчету о деле, которым в тот день занимался. Возвращаясь в свое жилище, я промурлыкал несколько тактов из «Вот та...», чтобы мысль о моей беззаботности была подчеркнута. Все время, когда я находился вне своего помещения, я был уверен, что за мной наблюдают чьи-то любопытные глаза. Что делать? Валла Дайя должна иметь пищу, без нее она умрет, но последуй я в ее тайное убежище с едой, она тоже умрет. Рас Тавас позаботится об этом.

Полночи я лежал бодрствуя и изнурил свой мозг в поисках решения проблемы. Казалось, был только один путь — я должен отвязаться от шпионов. Даже если я смогу сделать это один единственный раз, то окажусь в состоянии довести до конца пришедший мне на ум план, а он, я думаю, был единственно возможным из всех, которые приводили, в конце концов, к воскрешению Валлы Дайя в ее собственном теле. Путь был долгим, риск огромным; но я был молод, я любил и был поэтому крайне безрассудным, я плевал на последствия, если они касались только меня. Но я не мог рисковать слишком сильно из-за Валлы Дайя, разве что только вынужденно, под давлением обстоятельств. Ну, хорошо, давление это существовало, я должен был, значит, рискнуть, даже жизнью.

Задача была сформулирована, и я лежал без сна на шелках и мехах в темноте комнаты, ожидая, когда смогу

приступить к ее выполнению. Мое окно на третьем этаже открывалось в огромный двор, на газоне которого я сделал свой первый шаг по Барсуму. Через оконное стекло я видел Хлорус, дальний спутник Марса, ползущий тихо и неторопливо по своей небесной дороге. Он уже садился; за ним Турия, его неуловимая любовница, стрелой неслась по небесам. Через пять ксатов (около пятнадцати минут) она должна была закатиться, а затем три с половиной часа небеса будут темными, исключая свет звезд. В коридоре, возможно, таились бдительные глаза и уши. Я молил бога, чтобы их не оказалось в нужном мне месте, когда Турия спустится за горизонт и я, наконец, смогу повиснуть на выступе окна, а в руке моей будет веревка, которую я сплел из вырванных шелковых нитей, пока ждал заката лун. Один конец я прикрепил к тяжелой сорапусовой скамье, подтащив ее к самому окну. Другой конец я сбросил вниз и начал спускаться. Земные мускулы настолько были проверены в подобных испытаниях, что я не совсем верил в то, что смогу вернуться на подоконник одним прыжком, когда кончу все дела. Вообще-то я чувствовал, что смогу, но не был полностью уверен. Слишком многое зависело от успеха всего предприятия, чтобы рисковать там, где не было необходимости. Итак, я приготовил веревку.

Заметили ли меня, я не знаю. Я должен был делать все так, как если бы никто не шпионил за мной. Менее чем через четыре часа Турия вернется, и в этот промежуток времени мне надо было добраться до Валлы Дайя, убедить ее в необходимости моего плана и выполнить его детально, возвратиться в комнату до того, как Турия откроет меня какому-нибудь случайному наблюдателю. С собой я взял оружие, и в сердце обитала неуклонная решимость убить любого, кто встанет у меня на пути, как бы ни был он безвреден для выполнения моего намерения.

Ночь, если исключить обычные далекие звуки, которые, как мне казалось, являлись криками свирепых хищников, была удивительно тихая. Однажды я спросил Рас Таваса об этих животных, но он был в дурном расположении духа и не ответил на мой вопрос. Я быстро достиг почвы и без колебания двинулся к ближайшей двери здания, предварительно запомнив дорогу, по которой должен был возвращаться. Никого не было видно; я был уверен в успехе, когда, наконец, добрался до двери здания обнаруженным. Валла Дайя была так счастлива увидеть меня снова, что слезы счастья выступили у нее на глазах.

— Я думала, что с тобой что-то случилось,— воскликнула она.— Я знала, что ты не оставишь меня так долго в одиночестве по своему собственному желанию.

Я рассказал ей, что уверен в слежке и что нет возможности и дальше носить ей еду без того, чтобы не быть обнаруженным, а это повлечет за собой немедленную смерть для Валлы Дайя.

— Есть единственная возможность,— сказал я,— которую я даже боюсь предложить, но другого пути нет. Тебя следует надежно спрятать на долгое время, пока не ослабнут подозрения Рас Таваса, ведь если он приказал наблюдать за мной, то я не смогу осуществить задуманное мною: возвращение тебе твоего тела, освобождение и добрый путь в Дахор.

— Твое желание — закон для меня, Вад Варо.

Я покачал головой.

— Это для тебя тяжелее, чем ты полагаешь.

— Что это за путь? — спросила она.

Я указал ей на верхний стол.

— Ты должна пройти через это тяжелое испытание, чтобы я смог спрятать тебя в этом подвале, пока не придет время для осуществления моих замыслов. Ты вынесешь это?

Она улынулась.

— Почему нет? — спросила она.— Это только сон. Пусть он длится вечно. Это было бы благоразумнее.

Я был удивлен, что она не содрогается от этой идеи, и был счастлив от этого, так как знал, что это единственное средство, при котором имеются шансы на успех. Не прибегая к моей помощи, она расположилась на плите.

— Я готова, Вад Варо,— произнесла она храбро,— но сперва обещай, что не будешь рисковать в этом сумасшедшем предприятии. Ты тогда не сможешь добиться успеха. Закрывая глаза, я знаю, что это надолго, поскольку все зависит от успеха самой безумной авантюры из всех, которые когда-либо задумывал человек; и еще я счастлива, так как знаю, что поступок этот вдохновлен величайшей дружбой, какая когда-либо делала счастливой смертную женщину.

Пока она говорила, я прилаживал трубки и теперь стоял позади нее, держа пальцы на кнопке мотора.

— Прощай, Вад Варо! — прошептала она.

— Не «прощай», Валла Дайя, а только нежный сон, который выльется для тебя в кратчайший миг. Тебе покажется, что ты лишь закрыла глаза и открыла их снова.

Я буду стоять, как и сейчас, на том самом месте, как будто никуда и не уходил. Я — последний, кого ты видишь этой ночью, прежде чем закроешь глаза, и я буду первым, кого ты увидишь, когда откроешь их тем новым и прекрасным утром, но глаза эти не будут глазами Заксы. Ты будешь смотреть на мир сквозь прозрачную глубину твоих собственных прекрасных очей.

Она улыбнулась и покачала головой. Две слезинки скользнули по ее щекам. Я сжал ее руку в своей и нажал на кнопку.

VI

ПОДОЗРЕНИЯ

Как мне кажется, я достиг своей комнаты незамеченным. Спрятав веревку на место, где, я был уверен, ее никто не обнаружит, я разыскал свои спальные шелка и меха и скоро заснул.

На следующее утро, когда я вышел из комнаты, взгляд мой поймал мелькание чьей-то фигуры в близлежащем коридоре, и с этого момента у меня появилось реальное доказательство, что Рас Тавас подозревает меня. Сразу же, по привычке, я пошел в его помещение. Он казался неутомимым и обеспокоенным, но не давал мне ни малейшего повода думать, что он уверен в моей причастности к исчезновению Валлы Дайя. Думаю, что он был все же далек от уверенности в этом. Просто анализ событий указывал на тот факт, что я был единственным, кто мог бы иметь какую-то причину для вмешательства в судьбу этого объекта. Он приказал наблюдать за мной, чтобы доказать или отвергнуть эту возникшую у него мысль. Свое беспокойство он объяснил мне сам.

— Я часто изучаю реакции подвергнувшихся пересадке мозга, — сказал он, — и поэтому я совсем не удивлен своей собственной. Энергия моего мозга пробуждается, преобладая в растущей выработке психической энергии, но я чувствую еще, как влияет на меня молодая ткань нового тела. Мои эксперименты еще полностью не раскрыли, как осуществляется это влияние, и я теперь вижу, что это должно быть тщательно исследовано, чтобы можно было разобраться. Мои мысли, мои наклонности, даже мои стремления изменились или, по крайней мере, иска-

жены пересадкой. Требуется некоторое время, чтобы найти себя.

Несмотря на отсутствие интереса, я слушал вежливо, пока он не кончил, а затем переменял тему разговора.

— Ты узнал местопребывание пропавшей без вести женщины? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Ты должен понять, Рас Тавас, — произнес я, — я абсолютно уверен, что ты знаешь: устранение или уничтожение этой женщины полностью сорвет мой замысел. Ты здесь хозяин. Здесь ничто не происходит без твоего ведома.

— Ты имеешь в виду, что я ответственен за исчезновение этой женщины?

— Да. Это очевидно. Я требую, чтобы она была возвращена.

Он вышел из себя.

— Кто ты такой, чтобы требовать? — кричал он. — Ты никто! Всего лишь раб! Умерь свою наглость, или я сотру тебя — сотру! Как будто ты никогда и не существовал!

Я рассмеялся ему в лицо.

— Ярость — наиболее бесполезный атрибут сентиментализма, — напомнил я ему. — Ты не сотрешь меня, потому что я один стою между тобой и смертью.

— Я могу обучить другого, — парировал он.

— Но ты не сможешь верить ему, — заметил я.

— Но ты торговался со мной за жизнь, когда я был в твоей власти! — кричал он.

— Потому что ничто, кроме вреда, который мог быть причинен тебе, не заставило бы тебя согласиться. Пусть будет так, как было: чтобы ты доверял мне снова, так как нет других причин для недоверия. Так почему ты не добьешься моей благодарности и верности возвращением женщины и выполнением как в мыслях, так и на деле условий нашего соглашения?

Он повернулся и посмотрел на меня с твердостью.

— Вад Варо, — сказал он. — Я даю тебе честное слово, что абсолютно ничего не знаю о ее местопребывании.

— Может быть, Ямдор сделал это, — упорствовал я.

— Не Ямдор. Насколько я знаю, нет людей, каким-либо путем связанных со мной, которые знали бы, что с ней. Я говорю правду!

Разговор был не так уж бесполезен, как могло бы показаться. Я был уверен, что убедил Рас Таваса почти пол-

ностью в том, что ничего не знаю так же, как и он, о судьбе Валлы Дайя. Но что это убедило его не полностью, доказывала не прекращавшаяся еще долгое время слежка за мной. Факт этот открыл мне, как использовать методы Рас Таваса в целях самозащиты. Мне было придано большое количество рабов. Добротой и вниманием я склонял их на свою сторону, пока не понял, что в полной мере пользуюсь их верностью. У них не было никаких причин любить Рас Таваса и было много — ненавидеть. С другой стороны, у них не было причин для ненависти ко мне, и я видел, что они меня любили.

В результате у меня не было трудностей в привлечении пары рабов для слежки за шпионами Рас Таваса, и это привело к тому, что вскоре я имел полную информацию о том, что мои подозрения не были беспочвенны — за мной следили постоянно, когда я был за пределами своих комнат, но шпики не могли проникнуть через стены. Именно поэтому я был уверен, что смогу использовать их. Шпионы полагали, что я обязан выходить из своей комнаты только через естественный выход — дверь, и удовлетворялись ее охраной, а окна оставляли без присмотра. Думаю, слежка продолжалась около двух месяцев по земному счету, а затем мои люди доложили мне, что, по всей видимости, она снята полностью. Задержка меня мучила. Я хотел заниматься своими планами, а это было невозможно при таком наблюдении. Время вынужденной задержки я использовал для изучения географии восточной части северного полушария Барсума. В нем должны были вестись мои поиски. Я изучал также протоколы экспериментов и инспектировал мои будущие объекты, которые интересовали меня. После прекращения слежки стало казаться, что я скоро смогу приступить к претворению своих замыслов в жизнь.

Рас Тавас на некоторое время предоставил мне значительную свободу в исследованиях и экспериментах. Я решил разумно использовать это, чтобы любым путем добиться преимущества. Изучая истории болезней, я имел в виду возможность найти тех, кто мог помочь мне. Среди привлечших мое пристальное внимание были, естественно, дела, с которыми я был уже более или менее знаком, а именно: 378-ДЖ-493811-Р — красный человек, от яростного нападения которого я спас Рас Таваса в день моего прибытия на Марс, и тот, чей мозг был разделен с обезьяной.

Первый был фандалианец, молодой воин, принадле-

жавший ко двору Фандала — жертва убийства. Его тело было куплено фандалианским вельможей, желавшим стать, как говорил мне Рас Тавас, молодым и красивым. Я чувствовал, что, возможно, смогу получить его поддержку, но тут могла влиять степень его верности Заксе, о которой я мог узнать, только оживив его.

Тот, чей мозг был разделен с обезьяной, был уроженцем Птарса, города, лежавшего на значительном расстоянии к западу и немного к югу от Фандала, и примерно на таком же расстоянии от Дахора, который был расположен севернее и немного западнее. Житель Птарса, думал я, должен много знать о своей стране, лежавшей в треугольнике Фандал — Дахор — Птарс. Сила же и свирепость обезьяны могли оказаться значительным подспорьем при преодолении пустынь, кипевших зверьем. Мне казалось, что человеку с половиной мозга животного достаточно дать обещание в том, что ему действительно нужно сейчас, и поддержка обеспечена.

Третий объект, выбранный мной для пробы, был известный тунолианский убийца, чья дерзость, бесстрашие и искусство фехтования обеспечили ему известность далеко за пределами его страны.

Рас Тавас, сам тунолианец, поведал мне кое-что из истории этого человека, чья зловещая профессия не без почета на Барсуме и который еще более вырастал в глазах соотечественников, проявляя известное благородство: он никогда не трогал женщин, а хорошего человека никогда не ударял сади. Он убивал всегда в честной схватке, в которой жертва имела все возможности защитить себя и убить нападающего. Сам он был знаменит верностью друзьям, причем эта верность послужила причиной его падения, привела в результате на одну из плит Рас Таваса. Несколько лет назад он заслужил ненависть Бобис Кана, джеджа Тунола, отказавшись убить человека, который отнесся в какой-то мелочи по-дружески к Гор-Хаджусу. Бобис Кан стал подозревать, что Гор Хаджус намеревается убить его самого. Последствия подозрения были трагическими — Гор Хаджуса приговорили к смерти. Сразу же после казни поступило предложение от агента Рас Таваса, которое было принято, — тело продали Рас Тавасу.

Итак, этих троих я выбрал партнерами в своем великом предприятии. Правда, я не обсуждал этого ни с кем из них, но сердцем чувствовал, что трудностей с получением их согласия не возникнет.

Первой задачей было заменить органы 378-ДЖ-493811-Р и Гор Хаджуса, тела которых были повреждены смертельными ранами. Первый нуждался в новом легком, второй — в новом сердце, палач пронзил его собственное. Я не решался просить у Рас Таваса разрешения на этот эксперимент, боясь вызвать подозрения, за которыми, вероятно, последует приказ их уничтожить. Я вынужден был осуществлять свои замыслы скрытно. С этой целью я завел обычай работать в лаборатории до глубокой ночи, часто привлекая к опытам различных ассистентов. В общем, я хотел, чтобы мой труд в ночные часы перестал удивлять Рас Таваса. Выбирая помощников, я сделал упор на двух из них — тех самых шпионов, которых Рас Тавас посылал следить за мной. Я недолго пользовался их услугами, но был уверен, что они донесли Рас Тавасу о моей деятельности. Я постарался, чтобы они получили от меня соответствующие намеки, как бы костяк их донесения хозяину, сформулированный так, чтобы не повредить мне. Простейшая из подсказок, которую я им представил, — идея о том, что я работаю так исключительно из любви к делу как таковому и громадного интереса к исследованиям Рас Таваса. Несколько ночей я трудился с ассистентами, но сколько бы сил ни тратил я ночью, я всегда был осторожен и следил за тем, чтобы утром в офисе не было по мне заметно, что я так долго работал.

Таким образом, тщательно подготовив фундамент, я относительно мало боялся за исход дела и не опасался, что мой замысел будет раскрыт. Итак, я приступил к работе над воином из Фандала и убийцей из Тунола. Первым я выбрал воина. Его легкое было сильно повреждено моим клинком, которым я проткнул его, но из лаборатории, где хранились расчлененные тела, я принес безупречное легкое и заменил им испорченное. Работа заняла лишь полночь. Но я был настолько нетерпелив, что тотчас же вскрыл грудную клетку Гор Хаджуса, для которого припас необычайно сильное и мощное сердце, завершил полностью пересадку, и к рассвету все было готово, так как я работал быстро. Ведь зная природу ран, которые отправили на тот свет этих двоих, я неделями совершенствовался в проведении подобных операций. При работе мне не встретилось никаких патологических отклонений, что тоже способствовало быстроте проведения операции. Я кончил этап, за который опасался, как за самый трудный, и теперь, устранив, насколько возможно, следы операций, за исключением терапевтического пластыря, за-

крывающего разрезы, вернулся к себе на квартиру, чтобы отдохнуть несколько минут, моля бога, чтобы Рас Тавас ничего не заподозрил и чтобы у него не возникло какой-либо случайной мысли осмотреть оперированных мной. В предвидение такого случая я обезопасил себя, внося полное описание операций в истории болезней, чтобы в случае обнаружения отвести подозрения игрой в искренность.

Проснулся я в обычное время и сразу пошел к Рас Тавасу, который встретил меня сногшибательной новостью, почти полностью разрушившей мои замыслы. Он смотрел на меня внимательно в течение минуты, показавшейся мне очень долгой, и лишь потом заговорил.

— Прошлой ночью ты работал допоздна,— сказал он.

— Я часто так работаю,— ответил я как ни в чем не бывало, на душе же у меня лежал камень.

— И что же завладело твоим вниманием? — спросил он.

Я чувствовал себя как мышь, с которой играет кот.

— В последнее время я занимался, правда, совсем немного, пересадкой сердца и легких,— ответил я.— Работа так поглотила меня, что я не замечал течения времени.

— Я знал, что ты работаешь по ночам. Думаешь, это разумно?

В этот момент я понял, что это было очень неразумно, хотя я уверил его в обратном.

— Мне не спалось,— сказал он.— Поэтому я заходил к тебе около полуночи, но тебя не было. Я хотел поговорить с кем угодно, но твои рабы знали лишь, что тебя нет. Где ты — они не знали. Итак, я отправился тебя искать.— Мое сердце ушло в пятки.— Я предположил, что ты в одной из лабораторий, но, обойдя несколько, тебя не нашел.— Я воспрянул духом.— С момента моей собственной операции я часто проклинаю появившуюся у меня бессонницу и неустойчивость, почти что желаю возвращения в свое старое тело — молодость нового тела не гармонирует с древностью мозга.

— Чего твоему телу нужно,— сказал я,— так это движения. Оно молодо, сильно, мужественно. Загрузи его работой, это заставит твой мозг по ночам отдыхать.

— Знаю, что ты прав,— ответил он.— Я пришел к тому же самому умозаключению. Не найдя тебя, я гулял в садах чуть больше часа, а по возвращении к себе крепко заснул. Я буду гулять каждую ночь или присоединюсь к тебе в лаборатории.

Новость была очень тревожной. Теперь я ни на миг не мог быть уверен, что Рас Тавас не бродит где-нибудь неподалеку. Отныне я должен делать важную работу — ночную — только вдвоем. Я мог быть уверен в нем, только будучи с ним.

— Посылай за мной, когда тебя охватит беспокойство, я приду и буду работать с тобой, — сказал я. — Ты не должен расхаживать по ночам в одиночку.

Я надеялся, что так он будет делать всегда, и тогда я буду знать, что если он за мной не придет, то, значит, находится в своей комнате. Кроме того, я увидел, что с этого времени должен считаться с опасностью разоблачения. Зная это, я решил поспешить с завершением своих планов и рискнуть всем в одной дерзкой попытке.

Этой ночью случай мне не представился, так как Рас Тавас послал за мной и сообщил, что должен погулять в саду, так как устал. Я же нуждался в целой ночи. Поэтому, погуляв до полуночи с Рас Тавасом, я был вынужден отложить осуществление замысла до завтра. Следующим утром я убедил Рас Таваса послать за мной раньше под предлогом, что должен выйти за ограду и посмотреть на Барсум за пределами его лаборатории и садов. Я был почти уверен, что он согласится с просьбой, так как до этого никогда мне не отказывал. Имей он старое тело, он бы никогда не пошел на это — насколько же сильно изменили его молодая кровь и молодое тело, если он согласился!

Я никогда не был по ту сторону здания и не видел, что там, так как ни в одной из внешних стен здания не было окон, а в садах деревья достигали такой высоты, что загораживали все, что находилось за ними. Мы некоторое время гуляли в саду как раз у внешней стены, и я спросил у Рас Таваса, могу ли я выйти за нее.

— Нет, — ответил он, — это опасно.

— Почему? — поинтересовался я.

— Я покажу тебе, причем обзор будет куда лучше, чем просто за воротами. Следуй за мной.

Он сразу же повел меня к величественной башне, которая возвышалась на углу самого большого здания из группы, образующей огромное учреждение. Внутри был спиральный коридор, который вел не только вверх, но и вниз. Мы поднимались с этажа на этаж, пока не пришли, наконец, на вершину башни.

Передо мной раскинулся впервые увиденный за много месяцев пребывания на Барсуме обширный ландшафт.

Почти что год я был заточен в мрачных стенах кровавой лаборатории Рас Таваса. К тому времени странная жизнь здесь стала казаться совершенно естественной, ведь мы, люди,— рабы своих привычек. Но с первым взглядом на открытую местность во мне пробудилось такое стремление к свободе, к пространству, к свободе передвижения, что от него никак нельзя было уже отделаться. Внизу перед нами лежал небольшой кусочек скалистой суши, возвышавшейся на дюжину или чуть больше футов над окружающей местностью. Площадь его, на глаз, составляла сотню акров. На нем стояли здания и росли сады. Башня, на которой мы находились, была расположена примерно в центре всего пространства. За внешней стеной, на полоске каменистой земли, рос редкий лес разнокалиберных деревьев, разбросанных по местности, а за всем этим было то, что казалось заросшей тиной, через которую тянулись узкие полосы, кое-где содержавшие воду,— маленькие озера, наибольшее из которых охватывало едва ли два акра. Этот ландшафт простирался насколько хватало глаз и изредка прерывался случайно разбросанными островками, подобными тому, на котором мы находились. На линии горизонта виднелся большой город, его купола и башни сверкали и искрились на солнце, будто покрытые блестящим металлом и драгоценностями.

Это, я знал, должен был быть Тунол, и все, что находилось вокруг нас, являлось Великими Тунолианскими топями, которые простирались примерно на восемьсот миль к востоку и западу и в некоторых местах имели ширину до трехсот миль. В других местах Барсума о них известно немного, так как они обильно населены свирепыми хищниками, не имеют удобных посадочных площадок для аэропланов и управляются Фандалом на западном конце и Тунолом на восточном — негостеприимными королевствами, не поддерживающими отношений с внешним миром и сохраняющими независимость только благодаря недоступности и первобытной отчужденности.

Когда глаза мои снова вернулись к острову, где мы стояли, я увидел гигантскую фигуру у близлежащего клочка леса недалеко от внешней стены. За ней последовали вторая и третья. Рас Тавас заметил, что эти существа привлекли мое внимание.

— Это,— сказал он, указывая на них,— одно из многих объяснений того, почему небезопасно за оградой.

Это были белые обезьяны Барсума, существа огромного роста и настолько лютые, что даже свирепый барсумский лев-бенс не решается встать у них на пути.

— Они служат двум целям,— объяснил Рас Тавас.— Они останавливают тех, кто мог бы прокрасться ко мне из столойцы Тунола, где у меня есть несколько славных моих рабов и ассистентов.

— Но как добираются сюда твои клиенты? — спросил я.— Как снабжается твоя лаборатория?

Он повернулся и указал на высшую точку несимметричной крыши здания. Постройка на ней была похожа на небольшой ангар.

— Здесь,— сказал он,— я держу три небольших корабля. Один из них каждую ночь ходит в Тунол.

Я поборол желание узнать побольше об этих кораблях, которые являлись, как я подумал, очень удобным средством для бегства с острова. Но спрашивать я и не подумал из опасения вызвать подозрения.

Когда мы повернулись, чтобы начать спуск по пандусу башни, я выразил интерес к постройке, которая не без оснований могла считаться более старой, чем любое другое строение.

— Эта башня,— сказал Рас Тавас,— была построена около двадцати с половиной тысяч лет тому назад моим предком, которого преследовал джеддак, царствовавший в то время. Здесь и на бесчисленных островах он собрал значительное число преследователей, управляя окружающими топиями, завися только сам от себя в течение многих сотен лет, пока ему не было разрешено вернуться обратно в Тунол. К этому дому одно за другим пристраивались остальные здания, которые ты видишь вокруг башни. Каждое из этих зданий продолжает более старое от верушки до подвалов.

Эта информация меня также сильно заинтересовала. Я подумал, что она будет очень полезна для уточнения планов бегства. Когда мы спустились по коридору, я вовлек Рас Таваса в разговор об архитектуре башни, о ее связях с другими постройками, о доступности ее подвалов. Мы снова шли по внешним садам. Когда мы вернулись в комнаты Рас Таваса, стало уже совсем темно, и мастер хирургии признался, что сильно устал.

— Чувствую, что хорошо выплось сегодня,— сказал он, когда я уходил.

— Да будет так, Рас Тавас,— сказал я.

БЕГСТВО

Обычно проходило что-то около трех часов после вечерней трапезы, подаваемой сразу же после наступления темноты, прежде чем лечебно-экспериментальный комплекс затихал на ночь. Хотя мне следовало бы повременить с осуществлением задуманного, я не мог ждать, не подвергаясь опасности, так как до рассвета предстояло сделать многое.

Итак, с первыми признаками отхода ко сну жителей огромного сооружения я покинул свою комнату и пошел прямо в лабораторию, где, к счастью для моего плана, покоились оба тела: и Гор Хаджуса, тунолианского убийцы, и 378-ДЖ-493811-Р. Перенести их на соседние столы было делом нескольких минут. Там я быстро стянул их ремнями, гарантируя себя по возможности от того, что один из них или оба не пожелают согласиться с предложением, которое я намеревался им сделать. Это заставило бы меня анестезировать их снова. Наконец, были сделаны разрезы, подсоединены трубки, включены моторы. 378-ДЖ-493811-Р, которого я буду впредь называть его собственным именем Дар Тарус, был первым, кто открыл глаза, но сознание еще не полностью вернулось к нему, когда признаки жизни появились и у Гор Хаджуса.

Я ждал, пока оба не восстановятся полностью. Дар Тарус пристально рассматривал меня, все больше узнавая, что придавало ядовитую ненависть выражению его лица. Гор Хаджус был искренне омрачен и озабочен. Последнее, что он помнил,— это зрелище смерти, когда палач пронзил ему сердце мечом. Молчание нарушил я.

— Сначала,— сказал я,— давайте я объясню, где вы находитесь, если вы еще не знаете этого.

— Я знаю, где я, достаточно хорошо,— прорычал Дар Тарус.

— О,— воскликнул Гор Хаджус, обшаривая комнату взглядом.— Могу догадаться. Какой тунолианин не знает о Рас Тавасе? Значит, мой труп был куплен старым мясником?! Так? Ну и что? Я только что прибыл?

— Ты лежишь здесь уже несколько лет,— сказал я ему.— И можешь остаться навечно, если мы втроем не достигнем соглашения за ближайшие несколько минут. Это относится и к тебе, Дар Тарус.

— Несколько лет! — задумчиво пробормотал Гор Хаджус. — Ну, болтай дальше, человек. Что хочешь? Если убить Рас Таваса, то нет! Он спас меня от полного уничтожения, но назови мне кого-нибудь другого, лучше всего Бобис Кана, джеджака Тунола. Дай мне клинок, и я убью сотню, чтобы вернуть себе жизнь!

— Мне не нужна ничья жизнь, если она не стоит на пути осуществления моих намерений. Слушайте! Рас Тавас имел здесь прекраснейшую девушку из Дахора. Он продал ее тело Заксе, джеждаре Фандала, и перенес ее мозг в безобразное тело старухи. Моя цель — вернуть тело, вложить в него соответствующий мозг и возвратить девушку в Дахор.

Гор Хаджус ухмыльнулся.

— Предложение серьезное, — сказал он, — но ты мне по сердцу, и я с тобой. Это — свобода и борьба. Все, что я прошу, — шанс для одного, только одного удара Бобис Кану.

— Я обещаю вам жизнь, — ответил я, — при условии, что вы будете честно служить мне и никому другому, не начиная каких-либо собственных дел, пока мое не подойдет к успешному концу.

— Значит, я должен служить тебе пожизненно, — ответил он, — потому что затеваемое тобой дело никогда не будет осуществлено. Но это лучше, чем лежать здесь на холодных плитах, ожидая, когда придет Рас Тавас и перережет мне горло. Я твой! Освободи меня, чтобы я снова мог почувствовать под собой свою великолепную пару ног!

— А ты? — воскликнул я, обернувшись к Дар Тарусу, когда освободил Гор Хаджуса от удерживающих его веревок. Сейчас я первый раз заметил, что злобное выражение на его лице сменилось улыбкой рвения.

— Разруби веревки! — вскричал он. — Я последую за тобой в отдаленнейшие уголки Барсума, стремясь удовлетворить твои желания, но мне нужно не это. Нужно в Фандал, в покои безнравственной Заксы, где благодаря высокому положению моих предков у меня может быть возможность отомстить за страшную несправедливость существу, обманувшему меня. Ты не найдешь никого более подходящего для своей миссии, чем Дар Тарус, бывший одно время солдатом в гвардии джеждары. Она его убила, чтобы один из ее гнуснейших придворных в моем теле мог добиваться девушки, которую я любил!

Моментом позже оба встали, и, не задерживаясь больше, я повел их по коридору, ведущему в подвалы под зда-

нием. По дороге я описал им существо, выбранное мною четвертым для этой странной партии.

Гор Хаджус подверг сомнению целесообразность моего выбора, говоря, что обезьяна привлечет к нам излишнее внимание. Дар Тарус полагал, однако, что она могла бы быть полезной во всех отношениях, так как мы, возможно, будем вынуждены провести некоторое время на островах, которые часто кишат этими тварями. В Фандале обезьяна может пригодиться в осуществлении наших планов и не вызовет особых толков, так как многие из этих животных содержатся в городе в плену и используются для подавления уличных беспорядков.

Наконец, мы пришли в подвал, где лежала обезьяна и где я скрыл в состоянии анабиоза тело Валлы Дайя. Я оживил огромного антропоида и, к величайшему моему облегчению, обнаружил, что человеческая часть мозга все еще у него доминирует. Кратко объяснил я ему свой план, как ранее двум другим, и получил с его стороны обещание всесторонней поддержки в обмен на обещание с моей стороны вернуть его мозг обратно на надлежащее место после успешного завершения нашей авантюры.

Первым делом мы должны были убежать с острова, и я набросал в общих чертах оба задуманных мною плана. Первый — украсть один из аэропланов Рас Таваса и вылететь прямо в Фандал. Другой, в случае, если первый окажется невыполнимым, — укрыться на борту одного из них в надежде, что мы сможем одолеть команду и овладеть кораблем, после чего скроемся с острова, или же спрятаться на борту корабля до его прибытия в Тунол. Дар Тарусу нравился первый план, обезьяна, которую мы теперь будем звать по имени, принадлежащему человеческой половине его мозга, а именно Хован Дью, предпочитала первую альтернативу второго плана, а Гор Хаджус — вторую. Дар Тарус объяснил, что наша принципиальная цель — Фандал и чем быстрее мы туда доберемся, тем лучше. Хован Дью доказывал, что, захватив корабль и улетев с этого острова, мы будем иметь больше времени для бегства, прежде чем отсутствие корабля будет замечено и организуется погоня, чем захватив его сейчас, когда его отсутствие будет обнаружено буквально через несколько часов. Гор Хаджус думал, что было бы лучше, если бы мы попали в Тунол тайно и там при помощи одного из его друзей достали бы оружие и аэроплан.

— Никогда не следует, — настаивал он, — отправляться куда бы то ни было без оружия. Мы не сможем.

добраться до Фандала прежде, чем нас настигнет погоня. Поэтому мы должны предполагать, что Рас Тавас сразу же обнаружит ваше отсутствие и тотчас же начнет преследование. Рас Тавас, обнаружив отсутствие Дар Таруса и Гор Хаджуса, не теряя времени известит Бобис Кана, джеддака Тунола, что Гор Хаджус, наемный убийца, на свободе. И тогда лучшие корабли джеддака будут снаряжены в погоню.

Рассуждения Гор Хаджуса были логичными, кроме того, я вспомнил о том, что все эти три корабля, по словам Рас Таваса, были тихоходными. Поэтому наша свобода была бы недолгой в случае похищения аэроплана.

Продолжая обсуждение, мы пробирались по коридору к входу в башню. Бесшумно прошли мы по спиральному коридору наверх и достигли верхушки. Обе луны были прямо над головой, на месте действия было светло, как днем. Если бы кто был рядом, то бесспорно обнаружил бы нас. Мы поспешили к ангару и вскоре были уже внутри, и тогда я вздохнул свободнее, по крайней мере, на одно мгновение — здесь было намного безопаснее, чем под двумя сверкающими лунами на освещенной крыше.

Аэропланы — это своеобразные по конструкции аппараты. Легкие, приземистые, со сферическим носом и кормой, они были закрыты палубой. Каждая их линия говорила о том, что это — грузовая конструкция, способная к чему угодно, но не к быстроходности. Один из них был намного меньше, чем два других, а второй, очевидно, находился в ремонте. В третий я вошел и тщательно осмотрел его. Со мной был Гор Хаджус, который указал несколько мест, где мы могли укрыться, чтобы не быть обнаруженными. Конечно, если не будет подозрения, что мы на борту именно этого аэроплана, а такая опасность была вполне реальна и настолько велика, что я решил отправиться на борту маленького аэроплана. Он, как уверял меня Гор Хаджус, был наиболее быстроходным. Но Дар Тарус просунул голову в корабль и жестом попросил меня быстро выйти.

— Кто-то рядом, — сказал он, когда я подошел.

— Где? — спросил я.

— Идем, — сказал он и повел меня в здание ангара, в ту его часть, которая была охвачена стеной здания, образующего ее основание, и показал через окно на внутренность сада. К своему ужасу, я увидел Рас Таваса, медленно фланирующего взад и вперед. На минуту я почувствовал отчаяние, так как знал, что ни один корабль не

мог пролететь незамеченным из сада, а из всех людей мира наименее желательным сейчас был именно Рас Тавас. Вдруг меня осенила отличная идея. Я подозвал всех поближе и объяснил свой план.

Они сразу же ухватились за него, и чуть позже мы выкатили малый аэроплан на крышу и повернули его носом к востоку, прочь от Тунола. Затем Гор Хаджус вошел в него, подготовил к полету, как мы решили, настроил различные рычаги, выдвинул дроссель, соскользнул со ступеньки и выпрыгнул на крышу. Вчетвером мы поспешили к тыловой части стены, откуда увидели корабль, медленно и изящно летящий над садом и головой Рас Таваса, чьи уши должны были немедленно услышать слабое жужжание мотора, так как в это время он как раз смотрел вверх.

Он сразу же окликнул корабль. Я, нагнувшись в сторону от окна, чтобы он не смог меня увидеть, ответил:

— Прощай, Рас Тавас! Это я, Вад Варо, ухожу в незнакомый мир, чтобы увидеть, что там есть хорошего. Я вернусь! А до этого с тобой будут души предков!

Эту фразу я вычитал из романа в библиотеке Рас Таваса и очень гордился ею.

— Возвращайся сейчас же, — крикнул он в ответ, — или будешь с душами своих собственных предков еще до прихода следующего дня!

Я промолчал. Теперь корабль был уже на такой дистанции, что я боялся, что голос мой не будет больше казаться исходящим из корабля, и обман раскроется. Немедленно укрылись мы на одном из оставшихся аэропланов, на борту которого не производилось регламентных ремонтных работ. Затем начался такой долгий и утомительный период ожидания, какого я не помнил с детства.

Я уже оставил надежду, что корабль в этот день полетит, как вдруг услышал голоса в ангаре, и вскоре звуки шагов раздались на борту аэроплана. Несколько позже прозвучало несколько команд, и почти сразу же корабль неторопливо двинулся и поднялся в воздух.

Мы вчетвером сгрудились в малосеньком отсеке, построенном в крошечном пространстве между носовыми и кормовыми баками плавучести правого борта. Он был темным и плохо вентилировался и, очевидно, был задуман как шкаф для более полного использования пространства. Мы опасались даже пошевелинуться из боязни привлечь внимание. По этой причине мы даже дышали как можно тише, так как не знали, не находится ли кто-нибудь из

членов команды за тонкой дверцей, отделявшей нас от главной кабины корабля. В общем, мы расположились очень некомфортабельно, но расстояние до Тунола было не так велико, поэтому мы тешили себя скорым изменением нашего положения в том случае, если Тунол является местом назначения нашего корабля. А в этом мы скоро убедились. Мы очень недолго были в воздухе, потом услышали слабо различимое приветствие, после чего моторы остановились, и корабль притормозил.

— Что за корабль? — донесся до нас требовательный голос.

С борта корабля ответили:

— «Воссар» с башни Таваса, в Тунол.

Мы слышали скрип и шорох, когда тот, другой корабль, коснулся нашего.

— Именем Бобис Кана! Мы здесь, чтобы обыскать ваш корабль! Дорогу! — закричали с причалившего корабля.

Да, недолгим было наше хорошее настроение. Мы слышали шарканье множества ног, и Гор Хаджус шепнул мне на ухо:

— Что будем делать?

Я вложил короткий меч в его руку.

— Сражаться!

— Хорошо, Вад Варо, — ответил он, и затем я вручил ему пистолет и попросил передать его Дар Тарусу.

Мы слышали голоса снова, только теперь уже значительно ближе.

— Эй, там! — раздался крик. — Да это Вал Зак собственной персоной! Мой старый друг Вал Зак!

— И никто другой! — ответил другой голос. — А кого вы еще ожидали найти в команде «Воссара», кроме Вал Зака?

— Кто знает... может быть, этого Вад Варо или даже Гор Хаджуса — нам приказали обыскивать все корабли.

— Я хотел бы, чтобы они были здесь, — ответил Вал Зак, — потому что награда высока. Но как они могут быть здесь, когда Рас Тавас своими собственными глазами видел, как они вылетели на «Пинсаре» перед рассветом этого дня и пропали в западном направлении?

— Ты прав, Вал Зак, — ответил другой, — кроме того, нужна пропасть времени для обыска вашего корабля. Эй! Возвращайтесь обратно на корабль!

Я почувствовал, как ритм моего сердца пришел в норму, когда воины Бобис Кана уходили с палубы «Воссара»

на свой корабль. Настроение мое улучшилось еще больше, когда возобновилось курлыканье мотора и аэроплан Рас Таваса продолжил путь. Гор Хаджус приложил губы к моему уху.

— Духи наших предков благоприятствуют нам, — шепнул он. — Именно ночь и темнота помогут нам скрытно бежать с корабля и посадочной площадки.

— Почему ты думаешь, что это будет ночь? — спросил я.

— Корабль Бобис Кана был близок к нашему, когда с него нас окликнули. Днем можно было бы разглядеть, что это за корабль и не окликать.

Он был прав.

Мы были стиснуты в этой душной норе с заката солнца, но, предполагая, что путешествие наше затянется на значительное время, я одновременно понимал, что темнота, бездействие и нервное напряжение удлиняют ощущение времени, поэтому казалось, что прошло много больше, чем на самом деле. Поэтому я не был бы удивлен, если бы мы достигли Тунола днем.

Расстояние от башни Рас Таваса до Тунола незначительно. Вскоре после встречи с кораблем Бобис Кана мы приземлились на посадочной площадке в месте назначения. Долгое время мы выжидали, вслушиваясь в звуки движения на борту корабля и желая узнать (по крайней мере, я желал) о том, какие могли быть планы и намерения у капитана. Вполне возможно, что Вал Зак вернется в Тавас этой же ночью, особенно если он прибыл в Тунол за богатыми пациентами для лаборатории. Но если он прилетел только за припасами, то мы могли спокойно лежать здесь до утра. Это я узнал у Гор Хаджуса, так как мои собственные познания аэропланов Рас Таваса были ничтожны. Хотя я долгое время был заместителем мастера хирургии, о существовании этого маленького флота я узнал только за день до побега. Это вполне согласовывалось с политикой Рас Таваса не говорить мне ничего, если это не соответствовало необходимости и его дальнейшим планам.

На вопросы, которые я задавал, он всегда отвечал только тогда, когда полагал, что результат моей осведомленности не повредит его собственным интересам. Он не говорил мне ничего, что, по его мнению, мне было не обязательно знать. Мое незнание флота и расписания его полетов объяснялось отсутствием окон во внешней стене здания, обращенной к Тунолу, а также тем, что я никогда

не был на крыше и поэтому не мог видеть кораблей, пересекающих пространство над островом. Мы спокойно ждали, пока на корабле воцарится тишина, означавшая, что команда или удалилась в каюты для сна, или отправилась в город. Посоветовавшись шепотом с Гор Хаджусом, мы решили сделать попытку разведки. Нашей целью было отыскать укромное местечко внутри посадочной площадки, базирясь на котором, мы могли бы исследовать возможные пути бегства в город, сразу же или утром, когда сможем с большей легкостью смешаться с толпами людей, которые, как сказал Гор Хаджус, определенно должны появиться через несколько часов после восхода солнца.

Я осторожно открыл дверь нашего шкафа и выглянул в главную кабину, утопавшую в темноте. Мы бесшумно вышли. Могильное молчание окутывало аэроплан, но издалека, снизу, доносились слабые шумы города. Пока все шло хорошо. Затем, без звука, без предупреждения, поток ярчайшего света озарил внутренность кабины. Когда я взглянул вверх, пальцы мои сжали рукоятку меча. Прямо против нас в узком дверном проеме большой кабины стоял высокий человек, чьи красивые доспехи означали, что он не был простым воином. В каждой руке он держал по пистолету, в дулах которых мы прочитали свою судьбу.

VIII

«РУКИ ВВЕРХ!»

Спокойным голосом он сказал слово, эквивалентное на Барсуме нашему земному «Руки вверх!» Тень зловещей улыбки тронула его тонкие губы и, увидев, что мы не знаем, выполнять его команду или нет, он повторил:

— Делайте, что я говорю, и будете живы. Сохраняйте полную тишину. Шум или сопротивление повлекут вашу гибель. Пистолеты стреляют очень точно.

Гор Хаджус поднял руки над головой. Мы последовали его примеру.

— Я Вал Зак,— объявил воин.

Мое сердце ёкнуло.

— Лучше стреляй,— сказал Гор Хаджус,— ты нехватишь нас живыми, нас четверо против тебя одного.

— Не спеши, Гор Хаджус,— проговорил капитан «Воссара». — Ты еще не знаешь, что у меня на уме.

— Это мы уже знаем, потому что слышали о большой награде, ждущей того, кто возьмет в плен Вад Варо и Гор Хаджуса, — огрызнулся убийца из Тунола.

— Если бы я желал награды, я мог бы передать вас на борт корабля Бобис Кара, когда он был рядом с нами, — сказал Вал Зак.

— Ты не знал, что мы на борту «Воссара», — напомнил я ему.

— А... Но я знал!

Гор Хаджус фыркнул, не веря.

— Как тогда, — напомнил нам Вал Зак, — я смог бы встретить вас в этом месте, когда вы покидали свой укромный отсек? Да, я знал, что вы на борту моего корабля!

— Но как? — спросил Дар Тарус.

— Это несущественно, — ответил Вал Зак, — но чтобы удовлетворить ваше любопытство, скажу. Мое жилище — маленькая комнатуха в башне Таваса. Окна выходят на крышу и ангар. Вся моя жизнь прошла на борту аэропланов. Это сделало меня чувствительным к каждому звуку корабля — изменение скорости моторов будит меня среди ночи, не то что их запуск или включение. Я был разбужен запуском мотора «Пинсара». Я увидел троих из вас на крыше и четвертого, прыгающего с палубы аэроплана после его старта. Мой разум подсказал мне, что если корабль был послан без человека, то на это есть какие-то неизвестные причины. Слишком поздно было предотвращать ваши действия, и поэтому я молча ждал, чтобы узнать о дальнейшем. Я увидел вас спешащими в ангар, слышал оклик Рас Таваса и ваш ответ, затем увидел вас на борту «Воссара». Я немедленно спустился на крышу и бесшумно подошел к ангару, ожидая, что вы намереваетесь убежать на этом корабле. У рычагов управления никого не было, и через крохотное отверстие в стене рубки, через которое можно видеть главную кабину, я заметил, как вы входили в этот отсек. Я сразу же понял, что единственная ваша цель — попасть в Тунол, и поэтому воздержался от того, чтобы выдать вас в вашем укрытии и пошел заниматься своими делами.

— И ты не известил Рас Таваса? — удивленно спросил я.

— Я не известил никого, — ответил он. — Много лет назад я научился заботиться о своих делах, видеть все, слышать все и ничего не говорить, пока это выгодно.

— Но ты говорил, что награда за наш арест высока, —

напомнил ему Гор Хаджус.— Не будет ли тебе выгодно получить ее?

— Есть в душе благородных людей,— ответил Вал Зак,— чувства, которые превалируют над страстью к золоту, и хотя тунолианцы, по общему мнению, люди, свободные от иссушающего чувства по отношению к одному человеку, я не могу не испытывать чувства благодарности. Шесть лет назад ты, Гор Хаджус, отказался убить моего отца, считая, что он хороший человек, достойный жить, что он один из тех, кто оказал тебе услугу, пусть небольшую. Сегодня его сын ответит тебе наградой и, в некоторой степени, возмещением за наказание, отмеренное тебе Бобис Каном за твой отказ. Я отослал команду, чтобы никто больше не узнал о вашем присутствии на корабле. Поделитесь со мной вашими планами и скажите мне, чем я могу быть полезен вам.

— Мы хотим добраться до улиц города незамеченными,— сказал Гор Хаджус.— Ты можешь помочь нам только в этом. Мы не хотим возлагать на тебя ответственность за наше бегство. Ты получишь благодарность, а в Туноле об этом не стоит и напоминать, благодарность Гор Хаджуса — обязательство, которое желал бы иметь даже джеддак.

— Ваша проблема усложняется,— сказал Вал Зак после короткого раздумья,— составом вашей команды. Обезьяна немедленно привлечет внимание и пробудит подозрения. Зная много об экспериментах Рас Таваса, я сразу догадался в это утро после наблюдения за вами, что она имеет мозг человека. Но этот же факт привлечет к вам и внимание окружающих.

— Я не обязан сообщать им это! — прорычал Хован Дью.— Для них я только пленная обезьяна. Разве такие неизвестны в Туноле?

— Мало, даже наоборот, они очень редки,— ответил Вал Зак.— Но белая кожа Вад Варо... Рас Тавас, кажется, ничего не знает, что обезьяна с вами, но ему очень хорошо известно о Вад Варо. Твое описание разослано всеми возможными средствами по его приказу. Тебя немедленно опознает первый же встречный. И затем есть Гор Хаджус. Хотя он мертв уже шесть лет, осмелюсь сказать, что редкий тунолианец, который разбил скорлупу своего яйца более десяти лет назад, не знает лицо Гор Хаджуса так же хорошо, как и лицо своей матери. Самому джеддаку известно о Гор Хаджусе больше, чем о любом другом тунолианце. Таким образом, остается один, кто, возможно,

избежит подозрения и опознания, появившись на улицах города.

— Нам бы лишь достать оружие для троих,— предложил я.— Тогда, даже несмотря на все это, мы достигли бы дома друга Гор Хаджуса.

— Оружием проложить путь через столицу Тунола? — спросил Вал Зак.

— Если не будет другого пути, то так! — ответил я.

— Я восхищен вашей волей и энергией,— иронически заметил командир «Воссара»,— но боюсь, в ваших телах не найдется достаточно сил для этого. Идите! Но возможен и другой путь. На площадке, как раз ниже этой, есть общественное депо, где содержатся и выдаются в аренду эквилибролеты. Если мы найдем способ достать четыре из них, будет шанс избежать, по крайней мере, наземных патрулей и достигнуть дома друга Гор Хаджуса. Думаю, что вижу, как исполнить свой план. Посадочная башня закрыта на ночь, но имеется несколько ночных сторожей, распределенных в ней на разных этажах. Тот, который в депо эквилибролетов, как мне довелось узнать, болшой поклонник джэтана. Он скорее будет играть в джэтан, чем выполнять обязанности сторожа. Я часто оставался на борту «Воссара» ночью и изредка позволял себе играть с ним. Сегодня ночью я предложу ему то же, и, пока он будет таким образом развлекаться, отправляйтесь в депо. Берите эквилибролеты и молитесь вашим предкам, чтобы никакой воздушный патруль не заподозрил вас, когда вы будете лететь над городом к вашей цели. Что ты думаешь об этом, Гор Хаджус?

— План великолепен,— ответил убийца,— а что ты скажешь, Вад Варо?

Так как Гор Хаджус был наиболее опытен в этом вопросе, то мне оставалось только настоять, чтобы он был приведен в исполнение с минимальными задержками.

— Хорошо! — воскликнул Вал Зак.— Пойдемте со мной, я укрою вас до тех пор, пока не соблазню старика игрой в джэтан в своей кабине. После этого ваша судьба в ваших собственных руках.

Мы последовали за ним от корабля по палубе посадочной площадки, под самым бортом «Воссара», противоположным тому, через который ночной сторож должен был войти на корабль. Затем, пожелав нам удачи, Вал Зак ушел.

С верхушки посадочной площадки я первый раз увидел марсианский город. В сотнях футов подо мною про-

стирались хорошо освещенные проспекты Тунола, многие из которых были заполнены людьми. В этом центральном районе то тут, то там здания были высоко вознесены над землей на металлических опорных колоннах, а жилые комнаты были подняты еще выше. Получалось так, что в отдельных домах анфилады комнат были выше уровня здания и в них размещались спальные комнаты хозяев, их слуг и гостей. Такая архитектура объяснялась предосторожностью, которую вынужденно предпринимал каждый ввиду постоянной опасности, исходившей от активных последователей древней профессии Гор Хаджу-са, которая ни одного человека не освобождала от постоянной угрозы убийства. Повсюду в центре города небо было пробуравлено высоченными башнями посадочных площадок, но, как я узнал позже, их было мало по сравнению с другими большими городами. Тунол не был, в известном смысле, летающей нацией, и не содержал такого огромного воздушного флота, как, скажем, объединенные народы Гелиума или великая столица Птарса.

Своеобразие уличного освещения Тунола, аналогичного, впрочем, другим городам, я взял на заметку в первый раз этой ночью, когда ждал на посадочной площадке возвращения Вал Зака со сторожем. Яркость света подомной, казалось, ограничивалась непосредственно освещенным пространством. Не было рассеянного света выше и ниже пределов направляющих каждой лампы. Как мне сказали, это было возможно из-за особой конструкции ламп на основе принципов, найденных в течение столетий исследований световых волн и законов, управляющих ими, что позволило барсумским ученым управлять светом, как мы управляем машинами. Световые волны покидают лампу, проходят вдоль предписанного пути и возвращаются обратно. Нет потерь световой энергии, как ни кажется это странным. Нет сколь-нибудь густых теней, словно источник света таким образом установлен и отрегулирован, что волны обходят вокруг объекта, осветив его со всех сторон, и возвращаются в лампу.

Эффект от этого освещения с огромной высоты башни был замечателен. Ночь темна, в этот час на небе не было лун, и было похоже на пребывание перед ярко освещенной сценой в затемненном зале. Я все еще был поглощен наблюдением жизни и колорита города, когда мы услышали голос Вал Зака. То, что он достиг успеха, было очевидно, так как он с кем-то беседовал.

Пятью минутами позже мы выползли из своего убежища и спустились на площадку ниже, где было расположено депо эквилибролетов. Так как воровство практически неизвестно на Марсе, разве что для целей, не связанных с получением денежной выгоды от кражи вещей, предосторожностей против него не предусматривалось. Поэтому мы нашли двери открытыми. Гор Хаджус и Дар Тарус быстро отобрали четыре эквилибролета и настроили их. Они представляли собой четыре широких пояса, похожих на спасательные круги наших земных океанских лайнеров. Пояса эти были заполнены восьмым барсумским лучом, или лучом движущей силы, в достаточной мере, чтобы удерживать силу гравитации и таким путем поддерживать человека в равновесии между этой силой и противостоящей ей, создаваемой восьмым лучом. К задней части пояса был присоединен маленький радиевый моторчик, управление которым было вынесено на переднюю часть пояса. По обе стороны от верхнего края пояса были жестко прикреплены сильные легкие крылья с маленькими рычагами для быстрого изменения их положения.

Гор Хаджус наскоро объяснил мне метод управления, но я предполагал, что будут затруднения, и весьма немалые, прежде чем я овладею искусством управления полетом на эквилибролете. Он показал мне, как наклонять крылья при ходьбе, чтобы не отрываться при каждом шаге, и повел меня к кромке посадочной площадки.

— Мы поднимемся здесь, — сказал он. — Будем лететь в темноте и держаться за верхние рычаги аппаратов; попытаемся достигнуть дома моего приятеля незамеченными. Если нас будут преследовать солдаты воздушного патруля, разделимся. Позже те, кто спасется, встретятся на западе у городской стены, где есть маленькое озеро с заброшенной башней на западном берегу. Эта башня будет местом нашего сбора в случае неприятностей. За мной! — Он включил мотор и грациозно поднялся в воздух.

Хован Дью последовал за ним. Затем настал мой черед. Я превосходно взлетел на двадцать футов, плывя над городом, лежащим сотнями футов ниже. И вдруг совсем неожиданно перевернулся вверх ногами. Ошибка моя была малюсенькой, я уверен в этом. Но неожиданность сильно испугала меня — я летел вниз головой, совсем беспомощный, а подо мной проносились улицы большого города, не менее приятные, уверен, чем улицы Лос-Анджелеса или Парижа. Мой мотор работал, а я манипули-

ровал рычагами, управляющими крыльями, и вдруг начал описывать разнообразнейшие виды странных петель и спиралей. Тогда Дар Тарус пришел ко мне на помощь. Сперва он приказал мне не двигаться и начал сам управлять движениями каждого крыла, пока я не обрел равновесие. После этого я почувствовал себя достаточно сносно и скоро пристроился в кильватер Гор Хаджусу и Дар Тарусу.

Не буду описывать в деталях полет, больше похожий на парение. Гор Хаджус вел нас на значительной высоте. Здесь, в темноте над городом, моторы несли нас к району величественных зданий, окруженных обширными парками. И тут, через час пути, нас внезапно испугал резкий голос сверху.

— Кто это летает по ночам? — спросил голос.

— Друзья Мью Тала, принца дома Кана, — быстро ответил Гор Хаджус.

— Покажите разрешение на ночной полет и летные права, — приказал голос сверху, сразу же устремившись к нам и явив мне в первый раз образ марсианского полисмена. Он был снабжен более быстрым и удобным эквилибролетом, нежели наши. Думаю, для того, чтобы больше нас поразить и продемонстрировать тщетность наших попыток бежать — он мог дать нам десятиминутную фору, а затем догнать каждого из нас, даже если бы мы разлетелись в разные стороны, — он сделал несколько кругов вокруг нас. Парень был похож скорее на воина, чем на полисмена, хотя и был назначен выполнять обязанности, подобные тем, какими заняты наши офицеры полиции — город патрулировался днем и ночью воинами Бобис Кана.

Он уже почти спустился к убийце из Тунола и снова потребовал разрешение и права, направив в то же время свет ему прямо в лицо.

— Клянусь мечом джеджа! — вскричал он. — Фортуна осыпает меня милостями! Кто думал час назад, что никто иной, как я, получу возможность найти Гор Хаджуса и получить высокую назначенную награду?

— Какой-то глупец имел такую мысль, — ответил Гор Хаджус, — но поверь, он так же ошибался, как и ты!

Сказав это, он ударил его коротким мечом. Удар пришелся по крылу эквилибролета, разрушив его и нанеся при этом рану в плечо парня. Тот старался спастись бегством, но поврежденное крыло заставило его лишь крутиться по оси. Он потерял возможность отлететь от нас.

Затем он схватился за свисток и дал сигнал, что было в корне пресечено повторным ударом меча Гор Хаджуса, который расколол его череп до переносицы.

— Быстрее! — крикнул убийца. — Мы должны спуститься в сады Мью Тала, потому что сигналы сейчас же привлекут рой воздушных патрулей.

Все, я видел, начали быстро снижаться к земле, но я снова оказался в затруднении. Опустив крылья, как хотел, я только слегка двинулся вниз, причем по такому пути, который унес бы меня на значительное расстояние от садов Мью Тала. Меня тащило к одной из возвышенных частей дворца, которая казалась небольшой анфиладой, вырастающей на светящихся металлических опорах из тела здания, стремясь в небо. Со всех сторон я слышал пронзительные свистки ночных патрулей, ответивших на предсмертный призыв товарища, чей труп парил как раз надо мной, даже после гибели направляя сотоварищей на путь, где они могли сразу найти нас. Я был уверен, что они сразу же обнаружат его, и мы окажемся в тяжелом положении. Судьба моя была решена.

Возможно, я найду вход и сумею пробраться в комнаты, смутно вырисовывавшиеся в тени рядом. Здесь я смог бы укрыться, пока не минет опасность, если только незамеченным проникнуть внутрь. Я взял курс на здание; открытое окно обозначилось во мраке, и тут я столкнулся с тонкой проволочной сеткой — защитным занавесом, который парирует нападение убийц с воздуха на эти высоко забравшиеся спальные покои. Я понял, что все потеряно. Если бы я мог достичь земли, я нашел бы укрытие среди деревьев и кустарника, расплывчатые очертания которых видел в саду барсумского принца. Но я не мог спуститься под таким углом, чтобы коснуться земли в пределах ограды парка. Попытка спуститься спиралью привела лишь к тому, что я перевернулся и подскочил вверх. Я думал о том, чтобы распороть пояс и позволить вытечь восьмому лучу, но при моем малом знакомстве с этой странной силой у меня возникло опасение, что такое действие может низвергнуть меня на землю с чрезвычайной скоростью. Все же я решил прибегнуть к этому, как к последнему средству, если не найдется ничего более рационального.

В последней попытке спуститься вниз спиралью я стал подниматься ногами вверх и внезапно столкнулся с чем-то выше себя. Ожидая, что я буду немедленно схвачен патрулем, я отчаянно старался восстановить равно-

весие и в этот момент обнаружил, что лицо мое коснулось трупа убитого Гор Хаджусом воина. Свистки патрулей звучали уже совсем близко — мое обнаружение было делом нескольких секунд — и тут, лицом к лицу со смертью, мне пришел в голову выход из создавшегося затруднительного положения.

Схватив левой рукой доспехи мертвого тунолианина, я выхватил кинжал и пропорол удерживающий пояс в дюжине мест. Как только лучи вышли, тело его начало тянуть меня вниз. Падение было быстрым, но не стремительным, и через несколько секунд мы мягко приземлились на алый газон садов Мью Тала, принца дома Кана, рядом с группой густых кустов. Надо мной звучали в воздухе трели свистков круживших в воздухе патрулей, а я волочил труп в укромное место в глубь кустов. Я не пробыл даже минуты в безопасности, как яркие лучи прожекторов зажглись с палубы небольшого патрульного судна, осветив все вокруг меня. Торопливый блеск их не открыл мне ничего о судьбе моих компаньонов, и я вздохнул с облегчением при мысли, что они тоже, по-видимому, нашли убежище.

Луч света недолго поискал в садах и вернулся дальше, как и звуки свистков патрулей; поиски продолжались где-то еще, давая мне возможность считать, что я не обнаружен.

Оставшись в темноте, я завладел оружием мертвого воина, так как мне оно было крайне необходимо, после чего снял свой эквилибролет, который хотел сначала разломать, но потом привязал его к дереву, одному из самых больших в саду, подумав, что он может мне еще пригодиться. Теперь, уверенный, что опасность миновала, я вышел из укрытия и принялся искать своих компаньонов.

Держась в глубине тени деревьев и кустов, я пошел к главному зданию, которое смутно вырисовывалось в темноте совсем рядом со мной, полагая, что в этом направлении Гор Хаджус поведет остальных ко дворцу Мью Тала. Когда я крался с предельной осторожностью, Турия, ближайшая луна, вырвалась вдруг из-за горизонта, иллюминировав ночь ярким светом. Передо мной была узкая ниша, внутренность которой утопала в глубочайшей тени, слева — кусочек газона, на котором, красуясь каждой деталью своего ужасающего облика, стояло самое грозное существо, на котором когда-либо останавливались мои глаза. Это была тварь размером с шотландского пони, с десятью короткими ногами и ужасной мордой, имевшей незначительное сходство с лягушачьей, за ис-

ключением того, что челюсти были снабжены тремя рядами острых клыков.

Тварь повела носом по ветру и подозрительно фыркнула, а ее огромные шныряющие глаза быстро забегали по сторонам. Это убедило меня, что она, без всяких сомнений, кого-то искала. Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой. Я не склонен к эгоцентризму, но не мог отказаться от убеждения, что она искала меня. Я хотел спрятаться в более глубокой тени ниши за своей спиной, и в тот самый момент глаза чудовища оказались устремленными на меня. Услышав его рычание и увидев его готовность к атаке, я почувствовал, что наша первая встреча может оказаться и последней.

Я вытащил длинный меч, как только отступил в нишу, но доставал я его из ножен с чувством полного несоответствия такого оружия трем-четыремстам фунтам воплощенной свирепости. Медленно я отступал в тень, а чудовище надвигалось на меня. Когда оно полностью вошло в нишу, спина моя уперлась в твердое препятствие — дальше отступить было некуда.

IX

ДВОРЕЦ МЬЮ ТАЛА

Когда калот вступил в нишу, я испытывал, поверьте мне, все чувства загнанной в угол крысы. Я знал определенно, что бороться в общем-то бесполезно, но все же приготовился сражаться до последнего. Животное было уже почти около меня, и я готов был надавать себе пощечин за то, что не остался на открытом месте, где было много спасительных деревьев. И тут пришло спасение — рука, протянутая в темноте, схватила меня за доспехи и поспешно затянула в чернильный мрак. Дверь захлопнулась, и силуэт калота на фоне залитого лунным светом входа исчез.

Хриплый голос пробурчал около уха: «Иди за мной». Меня вели в полной темноте по узкому коридору; я понял это потому, что много раз натыкался на стены то с одной, то с другой стороны. Постепенно поднимаясь, коридор повернул внезапно под прямым углом, и я увидел перед проводником тусклый свет, понемногу нарастающий, пока очередной поворот не привел нас к порогу ослепительной комнаты, в изумительный зал, великолепно меблирован-

ный и пышно убранный. Описать ее не под силу моему скудному языку.

Золото, слоновая кость, драгоценные камни, удивительные деревянные изделия, блистательные ткани, изумительные меха и поразительная архитектура объединились, чтобы ошеломить мое земное зрение картиной, о которой я не мечтал даже во сне. В центре этого великолепия, окруженные небольшой группой марсиан, находились все три моих компаньона.

Мой проводник подвел меня к ним, и они поспешно повернулись ко мне. Мы с проводником остановились неподалеку от высокого барсумского придворного, блиставшего доспехами, покрытыми драгоценностями.

— Принц! — сказал мой проводник. — Не прошло и тала, как я пришел. Как только я открыл дверь, чтобы выйти в сад, я обнаружил его за дверью в обществе одного из сторожевых калотов.

— Хорошо! — воскликнул тот, к которому все обращались как к принцу, и затем повернулся к Гор Хаджусу: — Мой друг, это тот, о котором вы говорили?

— Это Вад Варо, утверждающий, что он с планеты Джасум, — ответил Гор Хаджус. — Вад Варо, это Мью Тал, принц дома Кана.

Я поклонился, а принц подошел и положил свою правую руку на мое левое плечо. В подлинно барсумском церемониале официального представления церемония закончилась, когда я сделал то же самое. Это было не просто «Рад видеть», «Как вы поживаете?», но и «Как мне приятно вас видеть!»

По требованию Мью Тала я поведал, что произошло со мной с того времени, как я разделился с компаньонами, до того момента, когда один из офицеров выхватил меня из лап надвигающейся трагедии. Мью Тал приказал, чтобы все следы мертвого тела были убраны до рассвета — их обнаружение могло навлечь на него подозрения дяди, Бобис Кана, джеддака Тунола. По-видимому, тот давно ревниво относился к популярности принца и боялся, что Мью Тал стремится к трону.

Поздно вечером, во время одной из тех тщательно разработанных трапез, которыми так знамениты принцы Барсума, когда навалилась приятная легкость от редких вин, которыми потчевал гостей Мью Тал, я услышал рассуждения принца о дяде-джеддаке, отличавшиеся меньшей сдержанностью, чем это принято в обычной обстановке.

— Придворные давно устали от Бобис Кана,— говорил он.— И народ устал. Он — безрассудный тиран, но он наш наследственный правитель, и его не решаются смести. Мы — практичный народ, мало подверженный чувствам; до сих пор этого было достаточно, чтобы массы сохраняли верность джеддаку, даже если он этого не заслуживает, а страх перед яростью народа удерживал придворных. Есть даже подозрение, что следующий наследник сделается не меньшим тираном, чем Бобис Кан. Я молод, поэтому считают, что я буду более активным в жестоких и нечестивых делах.

— Что касается меня, то я не колеблясь уничтожил бы своего дядю и захватил его трон, будь я уверен в поддержке армии, потому что с воинами Бобис Кана я мог бы оказать открытое неповиновение режиму Тунола. Именно поэтому я предлагаю дружбу Гор Хаджусу, а не потому, что он может убить моего дядю. Когда я убью его в честной схватке, Гор Хаджус сможет обеспечить мне верность воинов джеддака, потому что велика популярность Гор Хаджуса среди солдат, которые всегда смотрели на такого великого бойца с почтением и преданностью. Я предоставляю Гор Хаджусу высокое место в Туноле, если он свяжет свою судьбу с моей. Но он сказал, что должен сначала выполнить свое обязательство перед тобой, Вад Варо, и для выполнения твоего предприятия он попросил меня оказать посильную помощь. Поэтому я намерен предоставить в ваше распоряжение надежный аэроплан, который доставит тебя и твоих компаньонов в Фандал.

Это предложение я, естественно, принял, после чего мы начали обсуждать планы нашего отъезда и решили осуществить его в середине следующей ночи, когда луны будут за горизонтом. После короткого разговора о снаряжении нам разрешили, по моей просьбе, удалиться, так как я не спал более тридцати шести часов, а мои друзья — двадцать четыре.

Рабы проводили нас в спальные комнаты. Они были великолепно обставлены и располагали роскошными спальными мехами и шелками. Когда рабы ушли, Гор Хаджус тронул кнопку, и комната быстро поднялась на металлических опорах на высоту сорока-пятидесяти футов, автоматически выдвинулась проволочная сетка. Безопасность на ночь была обеспечена.

Следующим утром, после того, как комната опустилась на свой дневной уровень, и до того, как мне было раз-

решено оставить ее, ко мне пришел раб от Мью Тала; задачей его было окрасить все мое тело в медно-красный цвет, как у моих барсумских друзей. Этот раб снабдил меня такой прекрасной маскировкой, которая, как я хорошо знал, была существенно необходимой для осуществления всего моего замысла. Моя белая кожа неизбежно должна была привлечь внимание ко мне в городах Барсума. Другой раб принес доспехи для Гор Хаджуса, Дар Таруса и меня, а также ошейник с цепью для Хован Дью, человека-обезьяны. Все, что нам принесли, несмотря на прочный материал и блестящую отделку, было совсем простым, на доспехах не было знаков различий, обозначений званий, цветов какого-либо дома или человека. Такие доспехи обычно носят барсумские пантаны, в сущности, наемники, когда не находятся на службе у какой-либо нации или личности. Эти пантаны, люди без родины, странствующие наемники, готовы продать меч тому, кто лучше заплатит. Хотя они не имеют организации, у них есть суровый кодекс чести, и когда они у кого-нибудь на службе, то, за редким исключением, верны ему. Предполагается, что в основном это люди, которые бежали от гнева джеддаков или от правосудия, но среди них есть некоторое количество тех, кто принял такую профессию из любви к вольности и приключениям. Пока им хорошо платят, они — ярые игроки и известные моты, а в результате они почти всегда без денег и часто в промежутках между стычками изобретают странные способы для добывания средств к жизни: факт, который придавал большое правдоподобие наличию у нас дрессированной белой обезьяны. Это на Марсе кажется не более удивительным, чем на Земле обезьянка или попугай у старого морского волка, только что вернувшегося из плавания.

В этот день я оставался во дворце у принца Мью Тала и провел немного времени в его обществе; он находил удовольствие в том, что расспрашивал меня об обычаях, политике, культуре, географии Земли, причем со многим из перечисленного, заметил я с удивлением, он был хорошо знаком. Он объяснил это изумительным развитием барсумских астрономических приборов, радиофотографии и радиосвязи; последняя была доведена до такого совершенства, что барсумские ученые добились успеха в изучении нескольких земных языков, особенно урду, английского, русского и немного китайского. Несомненно, эти языки первыми привлекли их внимание, потому что на них разговаривало множество людей на ог-

ромных пространствах мира и велись массовые радиопередачи по всему земному шару.

Мью Тал принимал меня в маленькой аудитории своего дворца, в которой было что-то от потайных комнат на Земле. Она, надо сказать, могла вместить около двухсот персон и была построена как большая камера-обскура: публика сидит внутри инструмента спинами к линзе, а перед ней, заполняя широкий конец комнаты,— огромное матовое стекло, на которое отбрасывается наблюдаемое изображение.

Мью Тал облокотился на стол, где была расстелена карта звездного неба. Его свободная рука с указкой витала над картой. Этой указкой он двигал, пока не остановился на том месте, где была Земля, затем выключил в комнате свет. Немедленно на матовой стеклянной пластине показался вид, как будто с аэроплана, летящего на высоте тысячи футов. Это было какое-то странное место — заброшенная и опустошенная страна. Я видел расщепленные пни, аккуратное расположение которых внушало мысль о том, что некогда на этом месте рос фруктовый сад, цветущий и приносящий плоды. Здесь сейчас были огромные дыры в земле. Все вдоль и поперек в паутине колючей проволоки. Я спросил Мью Тала, как стало возможным передать изображение с другой планеты. Он зажег маленькую радиевую лампочку, стоявшую между нами, и я увидел шар — глобус Земли — и короткую указку-палочку, зафиксированную на нем.

— Сторона этого глобуса, которая перед тобой, представляет обращенное к нам полушарие Земли,— объяснил Мью Тал.— Заметь, что шар медленно вращается. Коснись вот этой указкой глобуса в точке, которую хочешь увидеть,— и ты все увидишь!

Я двигал указку очень осторожно, и картина понемногу менялась. В поле зрения я увидел нескольких людей, бредущих через руины. Это были не солдаты. Несколько дальше я наткнулся на окопы и блиндажи — здесь тоже не было солдат. Кое-где в деревнях были солдаты-французы, но в окопах их нигде не было. Не было и немецких солдат, не было битв. Значит, война кончилась! Я перевел указку к реке Рейн и пересек ее. В Германии были солдаты — французские, английские и американские. Они победили в войне! Я был счастлив, но все это казалось таким далеким, таким нереальным, как будто люди никогда не сражались. Все это было похоже на иллюстрации к роману, прочитанному давным-давно.

— Ты, кажется, очень интересуешься этой страной, разоренной войной,— заметил Мью Тал.

— Да,— сказал я.— Я сражался на этой войне. Возможно, был убит. Не знаю.

— И вы победили?

— Да, мои сограждане победили,— ответил я.— Мы боролись за великие принципы, за мир и счастье во всем мире. Надеюсь, боролись не напрасно!

— Если ты имеешь в виду надежду, что вы сражались и победили, и что теперь настанет вечный мир, то такая надежда тщетна. Война никогда не приведет к миру — лишь к более страшным войнам. Война — естественное состояние природы: безумие бороться против нее. Мир должен быть признан лишь как время для подготовки к главному делу человеческого существования. Не будь постоянной непримиримости одной формы жизни к другой и даже внутри одной формы, планеты так переполнятся жизнью, что она сама себя задушит. Мы на Барсуме считаем, что долгие периоды мира приносят бедствия и странные болезни, убивающие больше людей, чем может быть убито на войне, причем гораздо более ужасным и мучительным путем. Это — не наслаждение, не награда какого-либо рода — умереть в постели от отвратительной болезни. Мы все должны умереть. Так давайте выйдем и умрем в великой и волнующей забаве и освободим место для миллионов, следующих за нами. Мы очищаем Барсум. Мы не можем без войн!

Мью Тал многое рассказал мне в тот день о своеобразной философии барсумцев. Они верили, что не может быть хорошего дела, совершенного без эгоистических мотивов. У них не было бога и религии. Они, как и все образованные марсиане, верили, что человек произошел от Дерева Жизни, но, в отличие от большинства обитателей планеты, не верили, что Дерево Жизни создал Всемогущий. Они утверждали, что только неудача есть грех, а успех, как бы ни был он достигнут, всегда достоин похвалы. Однако, как это ни парадоксально, они никогда не нарушали данного ими слова. Мью Тал объяснил, что они иногда преодолевают результаты этой деградирующей слабости, этого сентиментального вздора, но редко.

Все лучше и лучше познавая жителей Барсума, особенно Гор Хаджуса, я начинал осознавать, что многое из их подчеркнутого презрения к тонким чувствам было показным. Верно, что воспитание в течение долгих поколений должно было атрофировать в некоторой степени

эти особенности сердца и души, которые благороднейшие среди нас так высоко почитают; верно, что узы дружбы слабы, что кровное родство не пробуждает высоких чувств ответственности или любви между родителями и детьми. Несмотря на это Гор Хаджус был в значительной степени человеком чувств, хотя, несомненно, мог пронзить сердце того, кто отважился бы обвинить его в этом, и таким действием сразу же доказал бы истинность обвинения. Его гордость за свою репутацию честного и верного человека выдавала в нем человека сердца так же точно, как попытка поддерживать репутацию бессердечного человека выдавала в нем человека чувств. Во всем этом он был типичным представителем тунолианской верхушки. Они отрицали божество, но поклонялись фетишу науки, как религиозные фанатики — воображаемым богам, что одинаково пагубно. Итак, со всем своим хваленым знанием, они были разумными только потому, что были лишены душевного равновесия.

Когда день стал подходить к концу, я стал все более беспокоиться об отправлении. Далеко к востоку, за необитаемыми пространствами топей, лежал Фандал, а в Фандале — прекрасное тело девушки, которую я люблю и которой поклялся вернуть принадлежавшее ей по праву тело.

Кончилась вечерняя трапеза, и сам Мью Тал проводил нас в ангар в одной из башен дворца. Здесь мастерские подготовили для нас аэроплан, убрав за день все знаки его настоящей принадлежности, даже слегка изменив его линии, чтобы в случае нашего пленения имя Мью Тала никоим образом не могло быть связано с экспедицией. Была погружена провизия, включая большое количество сырого мяса для Хован Дью. Когда последняя луна исчезла за горизонтом и наступила темнота, против носа аэроплана скользнула в сторону панель башни. Мью Тал пожелал нам удачи, и корабль бесшумно выскользнул в ночь. Аэроплан, как и многие корабли этого типа, был без кубрика или рубки; низкие металлические перила увенчивали его планшир, на палубе были расставлены тяжелые рамы — за них экипаж должен был держаться или прикрепляться к ним посредством специальных крючков на доспехах. Низкие щиты с уклонами назад давали некоторую защиту от ветра. Мотор и приборы управления были вынесены наружу, так как пространство под палубой было занято баллонами, обеспечивающими плавучесть. В таком типе аэроплана все принесено в жертву скорости,

и потому на борту нет комфорта. При полете на высоких скоростях каждый член экипажа лежит ничком на палубе на отведенном ему месте для поддержания необходимого порядка и крепко цепляется за свою драгоценную жизнь. Этот тунолианский аппарат не был самым быстроходным на Барсуме. Как мне говорили, он во многом уступал кораблям наций из Гелиума или Птарса в течение столетий посвятивших себя совершенствованию флота. Но он был достаточно хорош для нашей цели, при выполнении которой мы не должны столкнуться с судами более высокого класса. Но для меня он был все же слишком быстр. В сравнении с медленно плывущим «Воссаром» он, казалось, мчался как стрела, выпущенная из лука.

Мы не потеряли времени на маневры, а врубили полный ход и направились прямо на восток, в Фандал. Едва мы проскочили над садами Мью Тала, как встретились с первыми приключениями. Мы пронеслись мимо одинокой фигуры, парящей в воздухе. Тут же последовал пронзительный свисток воздушного патрульного. Ядро просвистело мимо, не причинив, впрочем, вреда, — мы уже ускользнули. А через несколько секунд я увидел внизу и вверху лучи прожекторов, шарящих в небе.

— Патрульное судно! — крикнул Гор Хаджус мне на ухо.

Хован Дью дико закричал и потряс цепочкой ошейника. Мы мчались на полной скорости, веря в богов, больших и малых, молясь, чтобы безжалостные глаза света не нашли нас. Но это случилось. Через несколько секунд луч света упал на нашу палубу сверху и вел нас, не отставая. Патрульный бот снижался к нашему уровню, в то же время сохраняя высокую скорость и следуя курсом, идентичным нашему. Затем, к нашему ужасу, корабль открыл огонь разрывными снарядами. Эти снаряды содержали сильную взрывчатку, детонирующую от световых лучей, когда от удара нарушается их непрозрачная оболочка. Следовательно, чтобы снаряд был эффективен, не обязательно прямое попадание. Если он даже чиркнет по корпусу или палубе корабля, или по чему-либо твердому около цели, он причинит значительно больший ущерб, сжигая целую группу людей, чем ударив в одного из них, так как в первом случае он взрывается от нарушения его оболочки, убивая или ранив нескольких. А если он входит в тело одного человека, световые лучи не могут достичь его, и тогда он производит разрушений не больше, чем простая болванка. Лунный свет недостаточно силен, чтобы сдетони-

рывать эту взрывчатку. Когда этими снарядами стреляют ночью, то, если они не тронуты мощными лучами прожекторов, они начинают взрываться при восходе солнца, делая поле битвы в этом случае опаснейшим местом, даже если сражающиеся стороны не находятся здесь больше. Извлечение из тела раненых неразорвавшихся снарядов также влечет за собой взрыв и делает эту операцию рискованнейшей, которая может привести к смерти и пациента, и хирурга.

Дар Тарус, будучи у пульта управления, повернул нос нашего аэроплана вверх, прямо к патрульному судну, и одновременно закричал нам, чтобы мы сконцентрировали огонь на его пропеллерах. Что до меня, то я не мог видеть почти ничего из-за ослепляющего света прожекторов, и налил по нему из странного оружия, которое я первый раз увидел несколько часов тому назад, когда оно было вручено мне Мью Талом. Мне казалось, что этот всепроникающий глаз представляет наибольшую опасность. Если бы мы смогли ослепить его, патрульное судно потеряло бы все свои преимущества. Итак, я направил оружие прямо на прожектор, нажимая пальцем на кнопку, управляющую огнем. Гор Хаджус стоял на коленях, и его оружие плевалось пулями по патрульному судну. Руки Дар Таруса были заняты управлением, а Хован Дью сидел на корточках на носу и рычал.

Вдруг Дар Тарус тревожно вскрикнул.

— Разбито управление! — заорал он. — Мы не можем изменить курс — корабль никуда не годится!

Почти в тот же миг погас прожектор — одна из моих пуль попала в него. Мы были теперь совсем близко к врагам и слышали их гневные крики. Наш собственный аппарат, неуправляемый, быстро приближался к борту неприятельского судна. Казалось, что если мы не столкнемся с ним, то пройдем у него прямо под килем. Я спросил Дар Таруса, может ли быть наш корабль отремонтирован.

— Мы могли бы починить его, если бы у нас было время, — ответил он. — Но это займет часы. Все военно-воздушные силы Тунола навалятся за это время на нас.

— Значит, нам нужен новый корабль.

Дар Тарус засмеялся.

— Ты прав, Вад Варо, но где мы найдем его? — произнес он.

Я указал на патрульное судно.

— Нам не нужно искать его далеко, — сказал я.

— А почему бы и нет? — воскликнул Дар Тарус, пожав плечами. — Это была бы прекрасная схватка и достойная смерть!

Гор Хаджус хлопнул меня по плечу.

— К смерти, мой капитан! — закричал он.

Хован Дью затряс цепями и захохотал.

Корабли сближались. Мы прекратили огонь, опасаясь повредить корабль, который надеялись использовать для бегства. По каким-то неясным причинам прекратила огонь и команда патруля — я так и не понял почему. Мы двигались по линии, которая должна была привести нас прямо на другой корабль. Я решил взять его на abordаж любой ценой. Я видел, что килевые abordажные снасти свешивались с него, готовые к спуску на палубу жертвы, когда первый из abordажных крюков уцепится за добычу. Несомненно, они уже поставили людей к крюкам и, как только мы очутимся под ними, стальные щупальца протянутся и схватят нас, а команда ринется вниз по abordажным крюкам на нашу палубу.

Я позвал Хован Дью, и он подполз ко мне. Я на ухо прошептал ему инструкции. Когда я закончил, он кивнул головой и зарычал низким голосом. Я сбросил крючки приспособлений, удерживающих меня на палубе, и подполз вместе с обезьяной к носу, после чего проинструктировал Гор Хаджуса и Дар Таруса. Мы были теперь почти что под палубой патрульного судна. Я мог видеть его abordажные крючья, приготовленные для атаки. Наш нос подошел под корму вражеского аппарата. Был близок момент, которого мы так ждали. На палубе патруля уже не могли меня видеть. Абдоражные крючья медленно качались в пятнадцати футах над нашими головами. Я прошептал слова команды обезьяне, мы пригнулись и одновременно прыгнули на крюки. Это казалось сумасшедшим риском — неудача означала верную смерть, но я понимал, что если один из нас или двое смогут достичь палубы корабля противника, когда его команда будет занята другим делом, плата за риск будет оправданной. Гор Хаджус гарантировал, что на борту патрульного судна не более шести человек, причем один обязательно находится у пульта управления, а остальные поставлены к abordажным крючьям. Момент был исключительно благоприятен для попытки обосноваться на палубе вражеского судна.

Я и Хован Дью прыгнули, и фортуна улыбнулась нам, хотя гигантская обезьяна с трудом дотянулась до крюка протянутой лапой. Мои мускулы землянина донесли меня

до цели очень легко. Вместе мы стали подниматься, как условились заранее, — он по правому борту, я — по левому. Пусть я и был более проворным прыгуном — Хован Дью превосходил меня в искусстве лазания. В результате он достиг поручней и карабкался выше, в то время как мои глаза были еще ниже уровня палубы, что, возможно, было счастьем для меня, так как я случайно лез на палубу там, где один из экипажа, не зная обо мне, стоял у абордажных принадлежностей. Не будь его внимание отвлечено в сторону одного из товарищей, первым увидевшего свирепую морду Хован Дью, он мог бы уничтожить меня одним ударом прежде, чем я даже смог поставить ногу на палубу.

Обезьяна появилась перед тунолианским воином, и этот парень издал крик удивления и попытался вытащить меч, но обезьяна всей своей громадой надвинулась на него, и когда мои глаза очутились вровень с перилами, я увидел, как могучий антропоид схватил несчастного за доспехи, подтащил к краю палубы и швырнул вниз. Моментально мы оба очутились на палубе и приготовились к защите. Остальные члены экипажа, оставив свои места, ринулись к нам, чтобы сбросить нас с палубы. Однако, думаю, что вид огромного антропоида, свирепость которого они знали, оказывал на них деморализующий эффект, потому что они колебались — каждый, казалось, желал предоставить товарищу честь первым встретить его и умереть. Но, хотя и медленно, они приближались. Я с удовлетворением наблюдал эти колебания, так как они полностью совпадали с разработанным мною планом, существенно зависящим от того, смогут ли достигнуть палубы патрульного корабля Гор Хаджус и Дар Тарус, когда наш корабль подойдет достаточно близко к неприятельскому, чтобы они могли ухватиться за абордажные крючья, используя их подобно нам.

Гор Хаджус предупредил меня, чтобы я уничтожил человека у приборов управления как можно быстрее, так как первое, что он сделает в случае нашего успеха, — это повредит их. Поэтому я ринулся на него и до того, как он успел что-либо сделать с приборами, зарубил его. Теперь их было четверо против нас двоих, и мы ждали, выигрывая время, чтобы наши товарищи добрались до палубы.

Четверо двигались медленно и были уже почти на расстоянии удара, когда я увидел голову Гор Хаджуса, показавшуюся над поручнями, а за ним голову Дар Таруса.

— Смотрите,— крикнул я врагам.— Сдавайтесь сейчас же!

Один из них повернулся, чтобы посмотреть, и то, что он увидел, вызвало у него восклицание изумления.

— Это Гор Хаджус! — вскричал он и затем обратился ко мне.— Что вы с нами сделаете, если мы сдадимся?

— Мы не имеем вражды к вам,— ответил я.— Мы хотим лишь покинуть Тунол и мирно продолжить наш путь. Мы не причиним вам вреда.

Он повернулся к своим товарищам, а трое моих компаньонов продолжали молча ждать. Несколько минут четверо воинов негромко беседовали между собой, затем тот, кто говорил первым, обратился ко мне:

— Мало есть таких тунолианцев,— сказал он,— которые не мечтали бы служить Гор Хаджусу, которого мы давно считали мертвым, но сдача корабля означает для нас несомненную смерть, когда мы доложим о нашем поражении в штаб. С другой стороны, продолжая оборону здесь, на палубе этого аэроплана, мы будем непременно убиты. Если ты гарантируешь нам, что твои планы не касаются безопасности Тунола, я могу сделать предложение, которое каждому обеспечит то, что нужно: бегство для вас, безопасность для нас.

— Мы только жаждем покинуть Тунол,— сказал я.— От того, что я хочу делать, никакого ущерба Тунолу не будет.

— Хорошо! И куда вы собираетесь лететь?

— Этого я не могу вам сказать.

— Если примешь наше предложение, можешь верить нам,— сказал он.— Оно заключается в том, что мы на этом корабле переправляем вас к вашей цели, после чего возвращаемся в Тунол и докладываем, что вступили с вами в бой, и после долгого преследования, в котором двое из нашего экипажа были убиты, вы ускользнули от нас в темноте и скрылись.

Х

ФАНДАЛ

Следующей ночью тунолианская команда высадила нас внутри городской стены Фандала, следуя указаниям уроженца этого города Дар Таруса, который был воином гвардии джеддары, а до того служил в крошечном флоте

этой страны. То, что он был знаком с каждой деталью фандалианской обороны и системы воздушных патрулей, помогло нам приземлиться необнаруженными. Тунолианский корабль поднялся и улетел, очевидно, тоже незамеченным.

Нашей посадочной полосой была крыша низкого здания, построенного у внутренней стороны городской стены. С этой крыши наклонным коридором Дар Тарус повел нас вниз на улицу, которая в этом месте была совершенно пустынной. Она была узкой и темной. С одной стороны она граничила с невысокими постройками у городской стены, с другой — застроена зданиями, многие из которых не имели окон и не были освещены. Дар Тарус объяснил, что выбрал это место для проникновения в город, так как это был район складов и, будучи людским муравейником днем, ночью почти всегда пустынен, даже сторожей не требовалось ввиду полного отсутствия на Барсуме воровства. Окольными путями он довел нас в конце концов до секции магазинов второго сорта, столовых, часто посещаемых простыми солдатами, ремесленниками и рабами, где мы, естественно, могли привлечь внимание лишь благодаря любопытству, вызванному присутствием Хован Дью. Так как мы не ели с момента отлета из дворца Мью Тала, первым нашим помыслом было плотно закусить. Мью Тал снабдил Гор Хаджуса деньгами, поэтому средства удовлетворить наши потребности у нас были. Первую остановку мы сделали у небольшого магазинчика, где Гор Хаджус приобрел фунтов пять мяса для Хован Дью. Затем мы отправились в трактир, который знал Дар Тарус. Сначала хозяин наотрез отказался пустить внутрь Хован Дью, но в конце концов, после долгих убеждений, он позволил нам запереть его во внутренней комнате. И там Хован Дью вынужден был остаться со своим мясом, пока мы сидели у стола во внешней комнате.

Я сказал Хован Дью, что свою роль он сыграл хорошо, и никто — ни хозяин гостиницы, ни многочисленная толпа, собравшаяся послушать перебранку, не смог угадать, что тело огромного свирепого животного одушевлено человеческим мозгом. Действительно, только во время еды или драки обезьяний мозг проявляет, казалось, некоторое влияние на него, но все же, несомненно, он окрашивал его поведение, объясняя в некоторой степени молчаливость и быстроту, с которой он раздражался, а также то, что он никогда не улыбался, и, казалось, не понимал

юмора ситуации. Он уверял меня, что никогда не улыбался, но все же человеческая половина мозга не только понимает, но и наслаждается веселыми эпизодами и происшествиями нашей авантюры, остроумными рассказами и анекдотами, которые выдавал нам Гор Хаджус, наемный убийца, но его обезьяний рот был свойствен только антропоиду и анатомия не развила мускулов, которыми можно было бы физически выразить это.

Мы пообедали с аппетитом, хотя пища была простой и грубой. Мы были рады избежать назойливого любопытства болтливой, любящего посплетничать хозяйки, который засыпал нас таким большим количеством вопросов о наших прошлых подвигах и будущих планах, что Дар Тарус, бывший у нас здесь первым говоруном, вынужден был давать быстро сфабрикованные ответы, заботясь об их последовательности и правдоподобию. Однако, поев, мы сбежали от его любопытства на улицу. Дар Тарус повел нас в меблированные комнаты, ему известные. По дороге мы проходили мимо здания удивительной красоты, в которое и из которого постоянно лились потоки людей, и когда мы оказались перед ним, Дар Тарус попросил нас подождать, пока он не вернется. Я спросил его, почему. Он сказал, что это храм бога Тура, бога, почитаемого всем народом Фандала.

— Я долгое время был далеко, — сказал он, — и не имел возможности оказать почтение моему богу. Я не заставлю вас ждать долго. Гор Хаджус, не одолжишь ли ты мне несколько кусочков золота?

В молчании тунолианин достал несколько кусочков золота и вручил их Дар Тарусу, но я видел, что он с трудом выражал равнодушие, а не презрение, ведь тунолиане — атеисты.

Я спросил Дар Таруса, могу ли я пойти вместе с ним в храм, и это, по-видимому, ему очень понравилось. Итак, мы влились в поток, приближавшийся к широкому входу. Дар Тарус дал мне два кусочка золота и приказал следовать позади него и делать то же, что и он. Прямо поперек главного входа, развернувшись в линию, с интервалами, позволяющими верующим проходить между ними, стояли жрецы, тела которых, включая головы и лица, были покрыты белыми мантиями. Напротив каждого была прочная подставка, на которой покоился денежный ящик. Приблизившись к одному из них, мы вручили жрецу кусочек золота, который он немедленно заменил на множество кусочков меньших размеров, один из которых он

уронил в ящик около себя, после чего сделал несколько пасов руками над нашими головами, погрузил руку в чашу с грязной водой и вытер о концы наших носов, пробормотав при этом несколько слов, которых я не понял, и повернулся к следующему в очереди, а мы прошли внутрь огромного храма. Никогда я не видел таких богатых и обильных украшений, представших моим глазам здесь, в первом храме Тура, в который судьбе было угодно меня завести.

Огромный зал не нарушался ни единой колонной, и в нем через правильные интервалы были расположены статуи на пышных пьедесталах. Некоторые из них изображали мужчин или женщин, многие были прекрасны; имелись скульптурные изображения животных и странных, просто гротескных существ: некоторые из них в самом деле были просто ужасны. Первой, к чему мы подошли, была прекрасная женская фигура. Около ее пьедестала лежало ничком множество мужчин и женщин. Они бились головами об пол семь раз, затем поднимались и опускали монетку в специально поставленный ящик, потом продвигались к следующей фигуре.

Второе изображение, возле которого мы с Дар Тарусом побывали, был человек с телом силана; у его пьедестала была расположена серия горизонтальных деревянных полос в концентрических окружностях. Полосы находились в пяти футах над землей, а с них свешивались ноги множества мужчин и женщин, монотонно повторяющих снова и снова что-то, звучащее для меня как «библ-ббл-блап».

Мы с Дар Тарусом повисли на кольцах, как и остальные, бормоча бессмысленную фразу минуту или две, затем спрыгнули, опустили по монетке в ящик и двинулись дальше. Я спросил Дар Таруса, что за слова он повторял и что они означают, но он, казалось, был шокирован моим вопросом и сказал, что такой вопрос — святотатство и указывает на отсутствие веры. У следующей фигуры мы заметили людей, которые, как безумные, ползали по кругу вокруг пьедестала. Они проползали семь раз, клали монетку и продолжали ползти. У другой статуи люди вертелись, приговаривая: «Тур есть, Тур есть, Тур есть, Тур», и опускали деньги в золотую чашу, когда кончали говорить.

— Какой это был бог? — прошептал я Дар Тарусу, когда он отошел от последней фигуры, у которой не было головы, а имелись лишь глаза, нос и рот в центре живота.

— Это только единый бог,— ответил Дар Тарус торжественно,— и он есть Тур!

— Что такое Тур? — настаивал я.

— Молчи, человек! — прошептал Дар Тарус.— Тебя разорвут на куски, если услышат такую ересь!

— О, извините! — воскликнул я.— Я никого не собирался оскорблять. Я вижу теперь, что это один из ваших идолов.

Дар Тарус зажал мне рот рукой.

— Тс-с-с! — прервал он меня и призвал к молчанию.— Мы не поклоняемся идолам. Это единый бог, и он есть Тур!

— Ладно, но что же тогда это? — упорствовал я, взмахнув рукой и охватив в своем жесте несколько дюжин статуй, около которых толпились тысячи молящихся.

— Мы не должны спрашивать! — уверял он.— Достаточно нашей веры, что все дела Тура праведны и справедливы. Пойдем, я скоро все закончу, и мы присоединимся к нашим компаньонам.

И Дар Тарус повел меня к следующей статуе — монстру с ртом вокруг всей головы. Он имел длинный хвост и женские груди. У этой статуи было особенно много людей, и каждый из них стоял на голове. Они без конца повторяли: «Тур есть, Тур есть, Тур есть Тур». Прodelав то же самое в течение нескольких минут — причем я, черт возьми, с трудом сохранял равновесие,— мы вновь приняли нормальное положение, кинули монетку в ящик и продолжали путь.

— Можем теперь идти,— сказал Дар Тарус.— Я сделал перед Туром все, что должен был.

— Я заметил,— сказал я,— что перед последней фигурой мы повторяли ту же фразу, что и раньше.

— О нет! — воскликнул Дар Тарус.— Наоборот, они говорили как раз обратное тому, что у предшествующей фигуры. У той они говорили «Тур есть», а у этой повернули ее наоборот: «Тур есть Тур». В этом большая разница.

— Для меня звучит одинаково,— настаивал я.

— Это потому, что у тебя отсутствует вера,— сказал он печально, и мы вышли из храма, положив последнюю монету в ящик. Их стало много вокруг, набитых доверху деньгами, кусочками золота и другими драгоценностями.

Гор Хаджус и Хован Дью ожидали нас с нетерпением в центре огромной толпы любопытных, среди которых было много воинов со знаками различия Заксы, джеддары Фандала. Они хотели посмотреть трюки Хован Дью,

но Дар Тарус сказал им, что тот устал и настроен агрессивно.

— Завтра,— сказал он,— когда он отдохнет, я выведу его на улицы, чтобы развлечь вас.

С трудом мы вырвались из толпы и скрылись. По тихим улицам, окольными путями, пошли в ночлежку, где заточили Хован Дью в маленькую комнатку, тогда как остальных рабы привели в большую спальню, где для нас были приготовлены постели из мехов и шелков на низкой платформе. Она окружала комнату по периметру и оставляла незанятым только выход. Здесь уже спало некоторое количество народу, а два вооруженных раба патрулировали в проходе, охраняя гостей от убийц.

Было еще очень рано, и некоторые жильцы разговаривали тихим шепотом, так что я попытался занять Дар Таруса беседой о религии, которая меня очень заинтересовала.

— Таинства религии всегда пленяли меня, Дар Тарус,— сказал я.

— Ах! — воскликнул он.— В том и красота религии Тура, что она не имеет таинств. Она проста, естественна, научна, каждое слово ее доказано на страницах Турана, великой книги, написанной самим Туром.

— Дом Тура — Солнце,— продолжал он.— Сотни тысяч лет тому назад он сотворил Барсум и бросил его в пространство. Затем он развлекался созданием людей в различных формах и двух полах, позднее он сформировал животных, чтобы была пища для человека. Он заставил появиться воду и растительность, чтобы люди и животные могли пить, есть и жить. Разве ты не видишь, как все это просто и научно?

Но чуть раньше Гор Хаджус рассказал мне кое-что о религии Тура. Однажды, когда Дар Таруса не было рядом, он сказал:

— Фандалиане утверждают, что Тур создал все живое своими руками. Они отрицают, что человек обладает способностью воспроизводить свой род, и учат молодежь, что вера в это отвратительна. Они всегда скрывают случаи естественного появления потомства, настаивая, особенно в старости, что то, чему были свидетелями их глаза и что испытывали их тела при производстве потомства, никогда не случалось. Туран учит их, что Барсум плоский, а жрецы запрещают народу мыслить, категорически отрицая каждое доказательство противного. Жители не уезжают далеко от Фандала из боязни свалиться с края

мира; жрецы же не разрешают развивать авиацию, потому что если бы один из кораблей отправился в кругосветное путешествие вокруг Барсума, это было бы кошунством в глазах Тура, сотворившего Барсум плоским.

Жителям Фандала не позволяют использовать телескопы, потому что Туран учит их, что нет других миров, кроме Барсума, и смотреть на небо и искать там планеты было бы ересью. Жрецы также не позволяют в школе учить историю Барсума, которая предшествовала созданию его Туром, хотя Барсум имеет очень достоверно записанную историю, которая начинается более сотни тысяч лет назад; не позволяют они и изучать географию Барсума, за исключением той, которая дана в Туране. И не допускают никаких научных исследований в биологии.

Туран — их единственное руководство. Чего нет в Туране, то, по их мнению, — дикая ложь.

Многое из всего этого и даже больше я собрал из различных источников во время моего краткого пребывания в Фандале, люди которого, поверьте, менее всего цивилизованы из всех красных наций Барсума. Отдавая, как они делают, все лучшие мысли религиозным, они стали невежественными, бросались из одной крайности в другую, но все же направленную на религиозный пафос, в то время как тунолиане были полной противоположностью им, — закончил Гор Хаджус.

Однако я прибыл в Фандал не для того, чтобы изучить его культуру и религию, а чтобы выкрасть джеддару, и эта мысль доминировала, когда я проснулся на следующее утро — мое первое утро в Фандале. Позавтракав, мы отправились к дворцу на разведку, причем Дар Тарус привел нас в точку, откуда он легко мог указать нам путь, так как не отваживался сопровождать нас в непосредственные окрестности дворца и парка. Ведь тело, которым он сейчас обладал, принадлежало хорошо известному в Фандале вельможе.

Было установлено, что Гор Хаджус действует как оратор и поводырь обезьяны. Договорившись, мы попрощались с Дар Тарусом и отправились втроем по прекрасному широкому проспекту, ведущему прямо к воротам дворца. Мы выдумывали и репетировали номера, которые собирались представлять и которыми надеялись обеспечить успех, позволивший бы нам проникнуть во дворец законным путем через его ворота и добиться представления джеддаре.

Когда мы бродили с кажущейся беспечностью по ули-

цам, я имел достаточную возможность насладиться новыми и прекрасными видами этого бульвара дворцов. Солнце освещало яркие алые газоны с пышно цветущими пималиями и десятками других редких видов барсумских цветов. Сама улица была почти полностью затенена удивительными образцами сорапусов. Спальные комнаты зданий были опущены на дневной уровень, и с балконов свисали восхитительные шелка и меха, проветриваемые на солнце. Рабы оживленно суетились в садах. На многих террасах сидели женщины с детьми. Среди детей мы вызывали восторг и ажиотаж, точнее, вызывал Хован Дью. Взрослые смотрели на него без интереса. Некоторые хотели задержать нас, чтобы мы повторили наши номера, но мы неуклонно продвигались к дворцу, потому что нигде, кроме него, мы не имели возможности выполнить наш план в Фандале.

У дворцовых ворот была обычная толпа, так как в конце концов человеческая природа везде одинакова, будь кожа человека белой или черной, желтой или коричневой, на Земле или на Марсе. Толпа перед воротами джеддары в значительной степени состояла из представителей той части верхних Тунолианских топей, которая была верна джеддаре Фандала. Как и все провинциалы, они жаждали посмотреть на блеск королевского окружения. Но, тем не менее, они заинтересовались бы и ужимками обезьяны, и потому мы имели здесь готовую аудиторию, ожидающую нашего прибытия. Естественный страх перед огромным животным заставил их податься немного назад при нашем появлении, так что образовался пустой проход до самых ворот, и здесь мы встали, а толпа сомкнулась за нами, образуя полукруг. Гор Хаджус зычно сообщил (так, чтобы услышали воины — ведь мы пришли развлекать не толпу, а именно их):

— Мужчины и женщины Фандала, посмотрите на двух бедных пантанов, которые, рискуя жизнью, пленили и обучили одного из наиболее свирепых и диких зверей и в то же время наиболеемышленный образчик белой обезьяны Барсума, когда-либо виденный вами в прирученном состоянии, и с огромным трудом доставленный в Фандал для вашего развлечения и вам в назидание. Друзья мои, эта удивительная обезьяна одарена человеческим разумом: она понимает каждое обращенное к ней слово. При вашем любезном внимании я попытаюсь продемонстрировать замечательную понятливость этой дикой, все жрущей твари — понятливость, которая развлекала короно-

ванных особ Барсума и озадачивала умы лучших его ученых.

Думаю, что Гор Хаджус выступал недурно, точнее, прямо как настоящий артист. Я невольно улыбался, слушая здесь, на Марсе, знакомые фразы — им я обучил его из своего земного опыта, вспоминая посещения деревенских ярмарок и увеселительных парков. Эти завывания звучали так нелепо в устах убийцы из Тунола. Но они, очевидно, заинтересовали зрителей и произвели на них впечатление — шеи были вытянуты, молчание было серьезным и выжидающим. Более того — несколько воинов гвардии джеддары стали всматриваться через ворота, и среди них был один офицер.

Гор Хаджус заставлял Хован Дью ложиться и вставать при командах «лечь» и «встать», подниматься на одну ногу и обозначать количество пальцев, которые он поднимал, рычанием; эти простые трюки были только малой частью замечательных достижений, которые мы надеялись показать на аудиенции у джеддары. Гор Хаджус построил выступление очень интересно. Он попросил комплект оружия и доспехов у человека из толпы и заставил Хован Дью облачиться в них и фехтовать с ним, после чего мы и в самом деле услышали удивленные восклицания.

Удивление охватило не только толпу, но и солдат джеддары.

Офицеры Заксы вместе с воинами приблизились к воротам и превратились в заинтересованных зрителей, и это было именно то, чего мы ожидали. Теперь Гор Хаджус был готов к финальному трюку, обнаруживавшему разум у Хован Дью.

— Эти мелочи, которым вы были свидетелями, и на самом деле мелочи, — вскричал он. — Почему? Да, эта удивительная тварь может даже читать и писать. Она была поймана нами в опустевшем городе около Птарса и знает язык этой страны. Есть ли среди зрителей кто-нибудь, кто прибыл из этой далекой страны?

— Я из Птарса, — громко произнес какой-то раб.

— Хорошо, — сказал Гор Хаджус. — Напиши указание о каких-либо действиях и вручи обезьяне. Я отвернусь, чтобы ни тебя, ни ее не видеть, и не смогу помогать ей каким-либо способом.

Раб вытащил дощечку из поясной сумки и что-то коротко написал, затем вручил записку Хован Дью. Обезьяна прочла написанное и без колебаний быстро двинулась

к воротам и передала ее офицеру, стоящему по другую сторону ограды. Ограда и ворота были сконструированы из сварных полос металла в причудливый рисунок, так что они не представляли препятствия взглядам и мелким предметам.

Офицер взял послание и осмотрел его.

— Что оно гласит? — потребовал он от написавшего его раба.

— Оно гласит, — отвечал последний. — «Возьми эту записку и передай ее офицеру, стоящему в воротах».

Из всех частей толпы прозвучали возгласы удивления, и Хован Дью вынужден был повторить свое представление несколько раз с записками разного содержания, причем офицер все время проявлял огромный интерес к его выступлениям.

— Это удивительно! — сказал он наконец. — И джеддару развлечет представление с этим животным. Ждите здесь, пока я передам ей, что она может, если пожелает, приказать допустить вас.

Ничто не могло устроить нас больше. Мы ждали с нетерпением, когда вернется посыльный, а пока мы ждали, Хован Дью продолжал мистифицировать аудиторию доказательствами своего «огромного обезьяньего интеллекта».

XI

ЗАКСА

Офицер вернулся, ворота распахнулись, и нам разрешили войти во дворец Заксы, джеддары Фандала. После этого все события происходили с большой скоростью — удивительные и неожиданные. Нас вели через сложный лабиринт коридоров и комнат, и у меня создалось впечатление, что нас нарочно запутывают. Не убежден в том, что такое намерение было, но факт остается фактом. Я не мог восстановить в памяти расположение внутренних покоев дворца. Мы рассчитывали, попав во дворец, замечать все, что могло быть существенным для бегства, но когда я шепотом спросил Гор Хаджуса, может ли он найти дорогу назад, он уверил меня, что запутался так же, как и я.

Дворец не был красивым ни в каком смысле, не был он и особенно украшен. Работы фандалианских художников

тяжелы и угнетающи, без проявления какой-либо одаренности. Картины, изображавшие в основном религиозные сцены, иллюстрировавшие сцены из Турана — фандалианской Библии, в большинстве своем представляли собой серию монотонных повторений. Одна тема повторялась в них снова и снова: сотворение плоского Барсума и Тур, швыряющий его в пространство, — это очень напоминало повара, отправляющего блин в рот ребенка.

Много было также и росписей — сцен из жизни дворца, изображавших королевскую семью в различных позах. Заметно, что более поздние картины, на которых появлялся Закса, были подправлены: на них появилось не очень хорошо выполненное, прекрасное лицо и фигура Валлы Дайи в королевском костюме джеддары. Их воздействие на меня нелегко описать. Они заставили меня осознать, что приближается момент, когда я окажусь лицом к лицу с внешностью женщины, которой отдал свою любовь, но в том же самом лице передо мной предстанет та, которую я ненавижу и хочу уничтожить.

Мы остановились, наконец, перед большой дверью. По огромному количеству воинов и придворных я понял, что нас скоро вызовут к джеддаре.

Пока мы ждали, собравшиеся вокруг глазели на нас, мне казалось, скорее враждебно, чем с любопытством, и когда дверь распахнулась, они все вошли за нами, исключая нескольких воинов, оставшихся в прихожей. Комната, в которую нас ввели, была средней величины, и в дальнем конце ее за массивным столом сидела Закса. Около нее группировалось общество придворных, вооруженных с головы до ног. Оглядывая их, я заинтересовался, есть ли среди них тот, для кого было украдено тело Дар Таруса, ведь я обещал в случае успеха попытаться вернуть его законному владельцу.

Закса холодно оглядела нас, когда мы остановились.

— Начинаяте! — властно произнесла она, а затем вдруг: — Почему чужестранцы вооружены? Саг Ор! Отберите у них оружие! — И она повернулась к молодому статному воину, стоявшему рядом с ней.

Саг Ор! Вот как его звали! Передо мной стоял придворный, из-за которого Дар Тарус потерял свободу, любовь и собственное тело. Гор Хаджус также узнал имя и обратил внимание на воина, когда он подходил. Тот грубо потребовал сдать оружие воинам, подошедшим вместе с ним. Гор Хаджус колебался, но я уступил, так как не знал, какой линии поведения лучше придерживаться.

Все смотрели враждебно, что могло быть и было, несомненно, лишь отражением их отношения к иностранцам. Если бы мы отказались разоружиться, нас было бы трое против десятков вооруженных воинов, заполнявших комнату. Или же нас просто выгнали бы из дворца, лишили богом данной возможности проникнуть в самое сердце двора Заксы и к ней самой. Ведь мы должны были добрат-ся сюда перед тем, как нанести удар. Представится ли еще такая возможность? Вряд ли. Лучше пойти на определенный риск сейчас, чем, отказавшись, не подчиниться их требованиям. Итак, я спокойно отдал оружие, вручив его ждущему воину. То же самое, следуя моему примеру, сделал Гор Хаджус, хотя можете вообразить, с какой кислой миной. Снова Закса объявила, что хочет видеть выступление Хован Дью. За ужимками обезьяны она наблюдала совершенно равнодушно. Не было ничего такого, что вызвало бы малейший интерес и у остальных, кто окружал джеддару. От этой непонятной скуки и равнодушия меня стали мучить мрачные предчувствия ошибочности нашего поведения. Мне казалось, что были приложены усилия задержать нас для какой-то неясной цели. Я не мог понять, почему Закса требовала, чтобы мы по несколько раз повторяли наименее интересные номера. И все время она играла длинным тонким кинжалом. Я видел, что за мной она наблюдала столь же пылливо, как и за Хован Дью. Но мне было трудно отвести взор от ее совершенного лица, пусть даже я знал, что это лишь украденная маска, за которой таится жестокий ум тирана и убийцы.

Вскоре пришел конец нашему представлению. Открылась дверь, и вошел придворный; он проследовал прямо к джеддаре и обратился к ней кратко и тихо. Я увидел, что она задала ему несколько вопросов и, казалось, была раздражена его ответами. Затем отпустила его грубым жестом и повернулась к нам.

— Достаточно! — Ее глаза остановились на мне, и кинжал указал на меня. — Где другой? — спросила она.

— Какой другой? — недоуменно спросил я.

— Вас было трое, помимо обезьяны. Я не знаю ничего об обезьяне — где и как вы приобрели ее, но я знаю все о тебе, Вад Варо, о тебе, Гор Хаджус, убийца из Тунола, и о Дар Тарусе. Где Дар Тарус? — Голос ее был низок, музыкален и исключительно прекрасен — голос Валлы Дайи, — но за ним, я знал, было ужасное содержание — Закса! Обмануть ее было невозможно, потому что информацию она могла получить прямо от Рас Таваса. Глупо

было не предвидеть, что Рас Тавас непременно догадается о цели моей миссии и сообщит все Заксе. Я сразу же понял, что более чем бесполезно все отрицать, кто мы, скорее мы могли попытаться объяснить ей причину нашего здесь присутствия — если только могли...

— Где Дар Тарус? — повторила она.

— Откуда я знаю? — попытался вывернуться я. — Дар Тарус имел причину считать, что он не будет в безопасности в Фандале. Думаю, что он не особенно желал, чтобы кто-нибудь знал о его местопребывании — включая и меня. Он помог мне бежать с острова Таваса потому, что наградой за это была его свобода, но он не захотел сопровождать меня в моих дальнейших приключениях.

Казалось, Закса на мгновение была обезоружена тем, что я не отрицал, кто я, очевидно, она предполагала, что я должен был бы поступить по-иному и начать во всем запыряться.

— Значит, ты признаешься, что ты Вад Варо, ассистент Рас Таваса?

— Разве я когда-либо пытался это отрицать?

— Ты замаскировался под красного человека Барсума!

— Как я мог иначе путешествовать по Барсуму, где против чужеземцев настроен каждый?

— А почему тебе захотелось путешествовать по Барсуму? — глаза ее сузились в ожидании моего ответа.

— Рас Тавас, несомненно, сообщил тебе, что я из другого мира. Я хотел увидеть побольше, — сказал я. — Разве это странно?

— И ты явился в Фандал, пытался получить доступ ко мне, привел с собой небезызвестного убийцу из Тунола? И все, чтобы увидеть побольше на Барсуме?

— Гор Хаджус не может вернуться в Тунол, — объяснил я, — и потому должен искать дело у какого-нибудь другого двора — возможно, в Фандале, а если не здесь, то где-нибудь еще. Я надеюсь, что он решит сопровождать меня, так как я чужой на Барсуме, не привык к манерам и обычаям его народа. Боюсь, что мне придется плохо без проводника и наставника.

— Тебе будет плохо! — закричала она. — Ты уже увидел на Барсуме все, что тебе предназначалось! Ты достиг конца своей авантюры! Ты думаешь ввести меня в заблуждение, не правда ли? Ты не знаешь, возможно, что я слышала о твоей влюбленности в Валлу Дайю, что я полностью знакома с целью вашего визита в Фандал. — Она повернулась к при-

дворным и воинам.— В яму их! Мы потом выберем способ их смерти.

Сразу же нас окружило десятка два обнаженных лезвий. Возможности бежать не было ни для Гор Хаджуса, ни для меня, но я заметил, что такая возможность есть у Хован Дью; что подобное может случиться, я предвидел заранее и все время был настороже, намечая пути бегства одного из нас. Поэтому открытое окно справа от джеддары не осталось мною незамеченным, равно как и высокие деревья во дворе под ним. Когда разгневанная Закса говорила, Хован Дью был рядом со мной.

— Иди! — прошептал я.— Окно открыто. Беги и скажи Дар Тарусу, что случилось с нами.— Одновременно я отодвинулся от него и потянул с собой Гор Хаджуса, будто мы захотели оказать сопротивление аресту. Таким образом я отвлек внимание от Хован Дью, рванувшегося к открытому окну. Он сделал лишь несколько шагов, когда один из воинов попытался его остановить, и в этот миг мне показалось, что свирепый мозг антропоида полностью завладел могучим существом. С ужасным рыком он быстрее кошки прыгнул на несчастного фандалианина, поднял его высоко на гигантских руках и, используя его тело как гигантский молот, стал расшвыривать его товарищей направо и налево, прокладывая себе дорогу к окну, которое было уже близко.

Кромешный ад моментально воцарился в зале. Внимание всех было проковано к гигантской обезьяне, и даже те, кто окружал нас, устремился в атаку на Хован Дью. В неразберихе я увидел, что Закса шагнула к тяжелой портьере за ее столом, раздвинула ее и скрылась.

— Пошли! — прошептал я Гор Хаджусу. Наблюдая за конфликтом, я, крадучись, двигался к портьере, за которой только что скрылась Закса. Хован Дью выдавал все, на что был способен. Он отбросил первую жертву, давно уже мертвую, и одного за другим хватал остальных, когда они попадали в поле действия его длинных и могучих лап, иногда четырех, когда он прочно стоял на двух из шести, и боролся с остальными. Копна его жестких волос ошетилилась, свирепые глаза налились кровью. Возвышаясь над своими противниками, он боролся за свою жизнь — он, наиболее свирепый из всех диких зверей Барсума. Возможно, его огромное преимущество было во врожденном ужасе перед белой обезьяной каждого из тех, кто противостоял здесь ему. Это также способствовало моему плану, потому что сосредоточивало внимание присутствующих на нем, а мы

с Гор Хаджусом незаметно продвигались к портьеру. Думаю, что Хован Дью должен был почувствовать мои намерения, потому что он проделал одну штуку, которая лучше всего подходила, чтобы отвлечь внимание от нас к нему. Тем, что он сделал, он дал понять мне, что человеческая половина его мозга была все время настороже и следила за нашей безопасностью.

До этого фандалиане смотрели на него, как на замечательный образчик белой обезьяны, но теперь внезапно он парализовал их ужасом, охватившим их, потому, что вдруг его рев и рычание приняли форму слов. Он говорил на языке людей. Он был уже совсем близко от окна. Несколько придворных приблизились к нему. Среди них был Саг Ора. Хован Дью протянул лапы и схватил его, вырвав оружие.

— Я иду,— закричал он,— но если вы причините мне вред, я вернусь и вырву сердце у Заксы. Передайте ей это от большой белой обезьяны Птарса!

На мгновение все замерли, прикованные к месту благоговейным страхом. Все впились глазами в Хован Дью, стоявшего с бьющейся в его руках фигурой Саг Ора. Мы с Гор Хаджусом были забыты. И тогда Хован Дью повернулся и прыгнул на подоконник, а с него — на ветки ближайшего дерева, унося с собой Саг Ора, фаворита джеддары Заксы. В тот же момент я подтащил Гор Хаджуса к портьеру в узкий ход темного коридора.

Не зная, куда ведет проход, мы могли следовать по нему только вслепую, подгоняемые необходимостью найти укрытие или путь к бегству из дворца и от погони, которая, мы знали, немедленно будет начата по горячим следам. Когда мои глаза привыкли к темноте, частично рассеиваемой слабым свечением, мы пошли дальше быстрее и вскоре достигли спирального спуска, ведущего в темное подземелье под полом коридора и наверх.

— Куда идти?— спросил я Гор Хаджуса.

— Они ждут, что мы спустимся,— ответил он,— так как это направление кратчайшего бегства.

— Тогда пойдем наверх.

— Хорошо! — воскликнул он.— Мы должны сейчас же найти место, чтобы спрятаться до ночи, так как бежать днем мы не сможем.

Только мы начали подниматься, как услышали первый звук погони — звон доспехов в коридоре внизу. Тем не менее, даже подгоняемые этим, мы вынуждены были двигаться с величайшей осторожностью, потому что не знали, что ждет впереди. На следующем этаже была закрытая и запе-

чатанная дверь, но ни коридоров, ни какого-либо укрытия не нашлось, поэтому мы продолжали путь. Второй этаж был идентичен первому, на третьем в темноту уходил единственный коридор, а справа была дверь, слегка приоткрытая.

Звуки погони слышались совсем близко, необходимость спрятаться возросла вдвойне, и все остальное отходило на второй план. И это не было странно, если учитывать цель нашей группы и то, что наша поимка навсегда погасила бы единственный тлеющий луч надежды на возрождение Вал-ля Дая в ее собственном теле.

На раздумья оставалось мало времени. Коридор перед нами был окутан саваном тьмы — он мог быть и ничем, даже слепым тупиком. Дверь рядом — приоткрытая дверь! Я слегка нажал на нее, и она подалась. В нос ударил тяжелый аромат ладана, и мы увидели часть большого зала, богато украшенного. Прямо перед нами, закрывая видимость почти полностью, возвышалась фигура сидящей на корточках колоссальной статуи. За спиной мы уже слышали голоса — наши преследователи поднимались по пандусу, и через несколько секунд они будут уже рядом. Я осмотрел дверь и обнаружил, что она закрывается пружинным замком. В поле нашего зрения никого не было. Жестом приказав Гор Хаджусу следовать за собой, я шагнул внутрь и затворил дверь. Мы сожгли мосты — замок щелкнул с резким металлическим лязгом.

— Что это? — раздался вдруг голос, исходивший, казалось, из дальнего угла комнаты.

Гор Хаджус посмотрел на меня и безнадежно пожал плечами. Вероятно, он подумал то же: что из двух путей мы выбрали ошибочный, но затем улыбнулся. В глазах его не было упрека.

— Звук был со стороны Великого Тура, — ответил другой голос.

— Наверное, кто-нибудь у двери, — предположил первый.

Мы с Гор Хаджусом прижались к спине статуи, чтобы отсрочить, насколько возможно, наше неминуемое обнаружение, если разговаривающие решат исследовать подозрительный источник шума. Я касался лицом полированного камня спины статуи, а руки мои были распростерты по ней. Пальцы ощущали резьбу. Выпуклости на каменных доспехах, украшенные драгоценностями и выложенные золотой филигранью, были холодны, но этого я тогда не замечал. Мы слышали беседующих все ближе и ближе по мере того, как

они подходили к нам. Возможно, я очень волновался — не знаю. Будьте уверены, я никогда не уклонялся от схватки, когда обязанности или целесообразность призывали меня к этому. Но в данном случае и то, и другое требовало, чтобы мы уклонились от конфликта. Однако я нервничал, пальцы автоматически двигались по доспехам фигуры, и я смутно ощутил, что один из драгоценных камней выдвигается из своего гнезда. Не помню, чтобы это произвело на меня какое-либо впечатление, но, по-видимому, что-то подсознательное остановило мои блуждающие по фигуре пальцы, и они застыли на опустевшем от камня гнезде.

Теперь голоса слышались совсем близко — через несколько секунд мы предстанем перед их владельцами. Мускулы мои напряглись в предчувствии схватки, и я нажал сильнее на освободившееся от камня место.

Часть спины фигуры бесшумно отошла вовнутрь и показала тускло освещенная внутренность статуи. В дальнейших приглашениях мы не нуждались и сразу же шагнули вперед в открывшуюся полость. В тот миг я мягко прикрыл панель за собой. Думаю, что за все время не было слышно ни звука, а затем мы замерли, притаившись и едва дыша. Глаза быстро приспособились к тускло освещенной внутренности статуи, куда падал свет из многочисленных отверстий в ее оболочке, и через эти же отверстия каждый звук снаружи четко доходил до нас. Мы еще только закрывали панель, когда прямо против нее услышали голоса и удары в ведущую в зал дверь из коридора, через которую мы вошли.

— Кто ищет вход в храм Заксы? — спросил один из голосов в зале.

— Тис Ай, двар гвардии джеддары, — прогремел голос снаружи. — Мы ищем двоих, которые пришли убить Заксу!

— Они прошли этим путем?

— Думай, жрец, разве стал бы я искать их там, где их нет?

— Как давно?

— Менее двадцати талов назад, — ответил двар.

— Тогда они не здесь, — уверил его жрец, — потому что мы здесь уже целый цод. Никто не входил в храм за это время. Быстрее! Осмотрите комнаты Заксы, крышу и ангар. Ведь они больше никуда не могли сбежать, если шли по этой спирали.

— Посмотрите внимательно в храме, пока я не вернусь! — крикнул воин, и мы услышали, как он со своими людьми прогрохотал вверх по пандусу.

— Что могло вызвать шум, привлечший наше внимание?— спросил один.

— Возможно, беглецы пробовали дверь?— предположил второй.

— Должно быть, они не вошли, иначе мы бы их увидели, когда они появились бы за Великим Туром, потому что мы смотрели на него и ни разу не отворачивались.

— Тогда, по крайней мере, они не в храме.

— А где они еще могут быть, нас не касается.

— Если они не в покоях Заксы? Если только они не вошли в храм.

— А может быть, они добрались до Заксы?

— А они убийцы?

— Худшее, что может случиться с Фандалом!

— Тише! Боги имеют уши!

— Из камня...

— Но уши Заксы не из камня и слышат многое, что для них не предназначено!

— Старая самка бенса!

— Она джеддара и великая жрица!

— Да, но...— Голоса удалились из пределов слышимости в дальний угол храма, но несмотря на это, они сказали многое: Заксу боялись и ненавидели жрецы Тура. Слуги бога не слишком боялись своих богов, что доказывала фраза о том, что боги имеют уши из камня. И очень важной была беседа с дваром гвардии джеддары.

Теперь мы в первый раз получили возможность осмотреть наше укрытие. Внутренняя полость была пуста и высоко простиралась над нами, возможно, футов на сорок, и был виден свет снаружи, проникавший через рот, нос и уши, как раз ниже которых была круглая платформа, еле различимая во мраке. Платформа обегала полость вокруг внутренней стороны шеи, к ее основанию вела лестница с железными ступеньками. Толстый слой пыли покрывал пол, на котором мы стояли, а крайность нашего положения требовала внимательного осмотра этой пыли. Я сразу же был поражен сделанным открытием. Мы, как видно, первые, кто вошел сюда за много десятков лет — покров пыли не был нарушен никем.

Когда я установил это, взгляд мой упал на нечто, сваленное в кучу у подножия лестницы. Приблизившись, я сразу же понял, что это человеческий скелет с разбитым черепом и раздробленными ребрами. Около него в пыли лежали великолепные одежды, самые роскошные из всех, какие я когда-либо видел. Его положение у основания лестницы, так

же, как и разбитый череп и сокрушенные ребра, служило очевидным доказательством причины его смерти — он упал головой вниз с круглой платформы с высоты сорока футов, унеся в вечность секрет Великого Тура.

Я высказал эти предположения Гор Хаджусу, осматривавшему одежду мертвеца, и он согласился с тем, что смерть была именно такой.

— Он был высшим жрецом Тура,— прошептал Гор Хаджус,— и, вероятно, членом королевской семьи — возможно, джеддаком. Он умирал очень долго.

— Я пойду наверх,— сказал я,— испытаю лестницу. Если она безопасна, иди за мной. Думаю, мы сможем увидеть храм через рот Тура.

— Осторожно,— произнес Гор Хаджус.— Лестница очень стара.

Я поднимался с крайней осторожностью, испытывая каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее тяжесть своего тела, но старая лестница оставалась крепкой, как сталь. Как высоко зашел жрец навстречу своей смерти, навсегда останется тайной, потому что лестница и платформа могли выдержать десятки людей.

Через рот Тура открывалась панорама храма. Подо мной была громадная зала, по сторонам ее располагались другие идолы, меньшие по размерам. Они были более гротескными, чем виденные мною в городе. Одежды их были богатыми сверх человеческого понимания — понимания землянина. Драгоценные барсумские камни светились неизвестными мне лучами такой великолепной и ослепительной красоты, что просто не поддавались описанию. Прямо перед Туром был алтарь из редкого и чудесного камня — палзона, кроваво-красного, в который самой природой вписаны причудливые узоры, усиленные искуснейшей полировкой, сделанной рукой человека.

Гор Хаджус присоединился ко мне, и вместе мы осмотрели храм. Высокие окна выстроились в ряд по обеим сторонам и позволяли проходить потокам света. В дальнем конце, напротив Великого Тура, были две огромные двери, закрывавшие главный вход в храм, и около них стояли два жреца. На крошечных алтарях перед каждым из второстепенных идолов курился фимиа, но горело ли что-нибудь перед Великим Туром, мы не знали.

Удовлетворив любопытство относительно храма, мы обратили внимание на внутреннюю полость статуи, в том числе головы Великого Тура, и были вознаграждены тем, что нашли и другую лестницу, ведущую у задней стены к более

высокой платформе. Меня не надо было долго упрашивать, чтобы я исследовал и ее. Я нашел там очень комфортабельное кресло перед пультом, управляющим глазами, чтобы они могли ходить из стороны в сторону, или вверх и вниз по приказу операторов; была тут также и разговорная труба, присоединенная ко рту. Все это я тщательно изучил и вернулся на нижнюю платформу, где под языком идола нашел механизм-усилитель, который был связан с разговорной трубой наверху. Я не мог подавить улыбку, рассматривая эти молчаливые доказательства вероломства жрецов и обмана народа, и думал о разбившемся теле у подножия лестницы. Тур, могу поклясться, молчал в течение многих лет.

Вместе с Гор Хаджусом мы вернулись на верхнюю площадку, и я сделал еще одно открытие: глаза Тура были настоящими телескопами. Поворачивая их, можно было видеть любую точку храма. Это было удивительное устройство. Ничего не могло скрыться от глаз Тура, а вскоре, когда жрецы начали болтать, мы обнаружили, что каждый, даже едва слышимый звук, доходил до нас. Каким ценным помощником должен был быть этот Тур в дни, когда разбитый скелет, лежавший внизу, был еще живым жрецом.

ХП

ВЕЛИКИЙ ТУР

Для нас с Гор Хаджусом день тянулся томительно долго. Мы наблюдали за сменявшимися время от времени жрецами и слушали их болтовню — в большинстве случаев придворные сплетни о разных скандалах. Когда они разговаривали о нас, мы узнали, что Хован Дью бежал вместе с Саг Ором и до сих пор ни его, ни Дар Таруса не смогли найти. Весь двор был озадачен нашим исчезновением, казавшимся сверхъестественным. Три тысячи человек — постоянных обитателей двора — непрерывно искали нас. Каждый уголок дворца и садов был обыскан, а затем обыскан еще раз. Подвалы исследовали более основательно, чем когда-либо на памяти старейших из слуг, и оттуда были извлечены странные вещи, о которых Закса даже и не подозревала. Жрецы шептались, что по крайней мере один великий и могущественный дом должен пасть из-за предмета, найденного дваром гвардии джеддары в отдаленных уголках подвала.

Когда солнце зашло за горизонт и наступила темнота, храм осветился мягким белым светом — ярким, но без грубого сверкания земного искусственного освещения. Пришло много жрецов и красивых молодых девушек. Они танцевали перед идолами и пели какую-то тарабарщину, совершенно бессмысленную. Постепенно зал наполнился верующими — придворными джеддары с их женами и слугами, которые выстроились в две линии вдоль стен храма, оставив широкий проход от главного входа до ног Великого Тура. И к этому проходу были прикованы их глаза. Чего они ждали? Взгляды были обращены к закрытым дверям храма, и мы с Гор Хаджусом почувствовали, что и наши глаза не могут оторваться от них, что врата вот-вот откроются и начнется какой-нибудь удивительный спектакль.

И действительно, вскоре створки медленно повернулись, и мы увидели нечто, что оказалось ковром в огромном рулоне, лежащем поперек образовавшегося входа. Двадцать рабов, облаченных лишь в скудные кожаные доспехи, стояли за этим рулоном, и, когда двери открылись полностью, они покатали рулон к подножию Великого Тура, застилая широкий проход от врат до самого идола. Ковер был толст и мягок, бело-синего цвета — наиболее красивая вещь в храме, где все остальное было крикливое, показное, пышное, но безвкусное или гротескное. Затем двери закрылись, и мы снова ждали, но недолго. Откуда-то издали протрубили трубы, звуки их нарастали, приближаясь к храму. Двери снова распахнулись, и показались по двое в ряд пышно разодетые придворные. Они торжественно вступили в храм, а за ними — роскошная колесница с двумя бенсами в упряжке, свирепыми барсумскими львами, которых с каждой стороны вели на поводу рабы. На колеснице стояло кресло, а в нем, непринужденно развалясь, сидела Закса. Когда она вступила в храм, люди начали петь ей хвалу, монотонно бубня. За колесницей, прикованный к ней, медленно брел красный воин, а за ним — процессия из пятидесяти юношей и столько же девушек.

Гор Хаджус тронул меня за локоть.

— Пленный! — прошептал он. — Ты узнаешь его?

— Дар Тарус! — воскликнул я.

Да, это был Дар Тарус. Его тайное убежище нашли и арестовали его. Но что с Хован Дью? Его также схватили? Если да, то лишь после его смерти, потому что никто и никогда не сможет взять в плен свирепое животное, не сможет оно выдержать и плена. Я посмотрел, ища Саг Ора,

но в храме его не было и это дало мне надежду на то, что Хован Дью на свободе.

Колесница остановилась перед алтарем, и Закса сошла с нее, разомкнула цепь, на которой был Дар Тарус, затем бенсов увели к одной из стен храма за шеренгу малых идолов. Дар Таруса грубо потянули к алтарю и бросили на него, а Закса, взойдя на алтарь, подошла к воину и с руками, простертыми к Великому Туру, воззрилась на него, возвышающегося над ней. Как она была прекрасна! Как богато одета! О Валла Дайя! Твой милый облик унижен жестокими целями дикого ума, захватившего твою оболочку!

Глаза Заксы остановились на лице Великого Тура.

— О, Великий Тур, отец Барсума! — закричала она. — Смотри на приносящих жертву. Мы перед тобой, Всевидящий, Всезнающий, Всемогущий, Единый! Не гневайся больше на нас, храня молчание. В течение столетий ты не удостоил нас, верных твоих рабов, ни единым словом. Никогда со времен Хор Сана, высшего жреца, взятого тобой в ту давнюю долгую ночь таинства, ты ни разу не разомкнул уст перед народом. Заговори же, Великий Тур! Дай нам знать, прежде чем мы погрузим вот этот кинжал в сердце нашей жертвы, что дела наши приятны для твоих глаз. Скажи нам, куда девались те двое, которые пришли сегодня, чтобы убить твою высшую жрицу, открой нам судьбу Саг Ора. Скажи, Великий Тур, прежде чем я нанесу удар! — И, подняв тонкий длинный кинжал над сердцем Дар Таруса, она посмотрела прямо в глаза Великого Тура.

И тут, с быстротой молнии, меня посетило ни с чем не сравнимое вдохновение. Рука моя схватила рычаг, управляющий глазами Тура, и я стал вертеть ими, пока они не описали полный круг и не остановились на Заксе. Эффект был магический. Никогда до этого я не видел, чтобы полный зал людей был так абсолютно ошеломлен и поражен благоговейным страхом. Когда глаза вернулись к Заксе, она, казалось, окаменела, и медная кожа ее приняла мертвенно-бледный оттенок. Кинжал так и оставался над сердцем Дар Таруса. В течение столетий никто не видел, чтобы глаза Тура двигались. Затем я поднес разговорную трубку к губам, и по залу пронесся и загрохотал голос Тура. Как из единой огромной глотки прозвучал вздох собравшихся в храме, и все упали на колени и спрятали лица в ладонях.

— Мой приговор! — крикнул я. — Не ударяй, или я сам ударю тебя! Жертву — Туру!

Потом я замолчал, пытаюсь придумать, как лучше использовать полученные преимущества. Опущенные головы со страхом, одна за другой, приподнимались, и испуганные глаза искали лицо Тура. Все задрожали еще сильнее, когда глаза бога стали медленно блуждать по отворачивающимся лицам, и в это время меня осенила другая мысль, которую я тихим голосом передал Гор Хаджусу. Я услышал его хихиканье, когда он спускался вниз по лестнице, чтобы осуществить мой план. Я снова прибегнул к эффекту разговорной трубы.

— Жертву — для Тура! — загрохотал я по храму. — Тур убьет его собственной рукой. Погасите свет, и пусть никто не двигается под страхом смерти, пока Тур не даст разрешения. Ниц! Спрячьте лица в ладонях! Кто не закроет глаза, будет ослеплен, когда Тур появится среди вас.

Снова все пали ниц, и один из жрецов поспешно погасил свет, ввергнув храм в абсолютную темноту, и пока Гор Хаджус был занят своей частью представления, я старался заглушить любой другой шум, который он мог случайно произвести, при помощи беглого огня небесного красноречия.

— Закса, великая жрица, спрашивает, что стало с двумя, которые, как она полагает, пришли убить ее. Я, Тур, взял их к себе. Тур мстит. И Саг Ора я взял тоже. В облике огромной обезьяны я пришел и взял Саг Ора, и никто не узнал меня, хотя даже дурак мог догадаться, потому что где это слыхано, чтобы обезьяна говорила на человеческом языке, если ее душа не занята душой Тура.

Вскоре я услышал шум на лестнице, и моментом позже некто вскарабкался на крутую площадку.

А пока я полагал, что убедил их, так как это был именно тот вид логики, какой был принят в их религии, или это должно было их убедить, если они еще не были убеждены. Я удивился бы, если бы это достигло разума сомневающегося человека, который сказал, что уши богов из камня.

— Все в порядке, — прошептал Гор Хаджус. — Дар Тарус со мной.

— Осветить храм, — приказал я. — Встаньте и смотрите!

Вспыхнул свет, и люди поднялись на ноги, дрожа от ужаса. Все посмотрели на алтарь, и то, что они там увидели, казалось, потрясло их. Некоторые женщины пронзительно закричали и упали в обморок. Все это убедило меня, что никто из них не принимал бога сколь-нибудь всерьез, и теперь, когда они предстали перед абсолютным доказательством его сверхъестественной силы, они были пол-

ностью сбиты с толку. Там, где они только что видели живую жертву, лежал лишь покрытый пылью человеческий череп. Уверяю вас, без объяснений это могло показаться сверхъестественным — так быстро Гор Хаджус пробежал от постаamenta идола с черепом жреца и вернулся, ведя с собой Дар Таруса. Я немного беспокоился, как будет реагировать на это Дар Тарус, не более искушенный в обмане, чем остальные фандалиане, но Гор Хаджус прошептал ему на ухо: «За Валлу Дайя», и он, поняв в чем дело, не сопротивлялся.

— Великий Тур сердит на свой народ, — объявил я. — Много лет они отрекались от него в сердцах своих, даже когда поклонялись ему. Великий Тур гневается на Заксу. Только Закса может спасти народ Фандаля от уничтожения! Вон из храма! Никто тут не должен оставаться, кроме Заксы, высшей жрицы Тура. Тур должен поговорить с нею наедине.

Я заметил, что Закса изрядно съезжилась от испуга.

— Разве джеддара, высшая жрица Тура, боится предстать перед своим господином? — спросил я устами Тура. Челюсть женщины дрожала так, что она не могла ответить. — Повинуйтесь! Или Закса и весь народ ее будут сожжены заживо! — Я сильно повысил голос.

Как неразумный скот, они повернулись и побежали к выходу, а Закса, колени которой тряслись так, что она едва стояла, заковыляла, шатаясь, за ними. Один из придворных увидел ее и толкнул назад, но, когда он отошел, она визжа, бросилась за ним. Тогда другие подтащили ее к алтарю и грубо бросили, а кто-то даже погрозил мечом, и я тут же громко предупредил, что джеддаре не должно быть причинено никакого вреда, если они не желают, чтобы гнев Тура пал на них. Они оставили ее лежащей у алтаря, и она была так слаба от испуга, что не могла даже подняться.

Чуть позже храм уже опустел, но я успел прокричать им вслед, чтобы они очистили весь дворец в радиусе четверти цода ходьбы, потому что по моему плану нам было нужно свободно и беспрепятственно передвигаться по дворцу, чтобы никто не наблюдал за нашими действиями.

Храм опустел, но только тогда, когда последний человек скрылся за дверью, мы втроем спустились из головы Тура и ступили на пол храма позади идола. Я быстро побежал к алтарю, с другой стороны которого лежала в обмороке Закса. Она все еще не пришла в сознание. Я взял ее на руки и быстро рванул назад к двери в стене за идиолом — двери,

через которую мы с Гор Хаджусом проникли в храм в начале дня.

Идя между Гор Хаджусом и Дар Тарусом, я поднимался наклонным коридором к крыше, где, как мы выяснили из разговора жрецов, были размещены королевские ангары. Если бы сейчас с нами были Хован Дью с Саг Ором, чаша моего счастья была бы полной, потому что в течение предыдущей половины дня казалось, что фортуна не только не обеспечила нам успеха, но даже отвернулась от нас.

У площадки, где были расположены апартаменты Заксы, мы остановились, и я заглянул внутрь, потому что долгое ночное путешествие, по моему предположению, должно было быть холодным, и телу Валлы Дайя надлежало удерживать тепло при помощи соответствующих меховых одежд, даже несмотря на то, что сейчас в нем обитала душа Заксы. Никого не увидев внутри, мы вошли, и вскоре обнаружили все, что нам было нужно. Когда я прилаживал тяжелое одеяло из меха на джеддару, к ней вернулось сознание.

Сразу же она узнала меня, затем Гор Хаджуса, а потом Дар Таруса. Машинально она попыталась схватиться за кинжал, но его уже не было, и увидев мою улыбку, она побледнела от гнева. Сперва она, вероятно, сделала поспешный вывод, что является жертвой мистификации, но вскоре сомнение проникло в ее мозг — она должна была вспомнить кое-что из происшедшего в храме Тура, а этого ни она и ни один из смертных не могли объяснить.

— Кто вы? — спросила она.

— Я есть Тур! — нагло ответил я.

— Что вы хотите сделать со мной?

— Я собираюсь доставить тебя в Тунол.

— Но я не желаю этого! Ты не Тур! Ты — Вад Варо! Я позову на помощь! Моя охрана придет и убьет тебя!

— Во дворце никого нет, — напомнил я. — Разве я, Тур, не отослал их подальше?

— Я не пойду с тобой, — твердо заявила она. — Лучше умру.

— Ты пойдешь со мной, Закса, — сказал я, и, хотя она вырывалась и царапалась, мы вынесли ее из покоев и по спиральному пандусу вышли на крышу, где я надеялся найти ангары и королевские аэропланы. Но, вступив в бодрящую ночь Барсума, мы не увидели ангаров, зато увидели кое-что другое — группу фандалианских воинов из гвардии джеддары, которых, очевидно, забыли известить о приказе Тура. Увидев их, джеддара громко закричала:

— Ко мне! К джеддаре! Сразите этих убийц и спасите меня!

Их было трое, и нас было трое, но они вооружены, а у нас лишь маленький кинжал Заксы в руках Гор Хаджуса. Казалось, победа обернулась поражением, когда они бросились к нам, но именно Гор Хаджус остановил их. Он схватил Заксу и приставил обнаженное лезвие к ее сердцу.

— Стойте! — крикнул он. — Еще один шаг, и я ударю.

Воины заколебались. Закса молчала, пораженная страхом.

Так мы стояли неподвижно, они, пораженные страхом за жизнь джеддары, а мы в ожидании их решения, пока я не увидел за спиной воинов какие-то движения на краю крыши. При тусклом свете я, наконец, разглядел нечто непонятное — что-то вроде огромной человеческой головы не почеловечески медленно поднималось над кромкой крыши; затем, в тишине, обрисовалась огромная туша, и тогда я узнал Хован Дью, большую белую обезьяну.

— Скажи им, — закричал я как можно громче Заксе, — что я есть Тур. Смотри, я пришел снова в облике белой обезьяны! — И я указал на Хован Дью. — Я не хочу уничтожать этих бедных воинов. Пусть они сложат оружие и удалятся отсюда с миром!

Воины повернулись и, увидев позади себя огромную белую обезьяну, как бы материализовавшуюся из воздуха, были потрясены.

— Кто он, джеддара? — спросил один из них.

— Тур, — ответил Закса слабым голосом. — Но спасите меня от него! Спасите меня от него!

— Бросайте оружие и доспехи и улетучивайтесь! — скомандовал я. — Или Тур сразит вас насмерть! Разве вы не слышали людей, бросившихся бежать по команде Тура? Как вы думаете, смогли бы мы доставить сюда Заксу, имея мы силу, меньшую, чем у Тура? Ведь весь дворец был переполнен ее воинами. Убирайтесь, пока еще можете спастись!

Один из них расстегнул доспехи и бросил их вместе с оружием на пол, а потом бросился бежать вниз по спирали. Его товарищи последовали за ним. Тогда Хован Дью подошел к нам.

— Неплохая работа, Вад Варо, — прорычал он, — хотя я и не знаю, что все это значит!

— Узнаешь позже, — ответил я, — а сейчас мы должны бежать отсюда как можно скорее и найти быстроходный аэроплан. Где Саг Ор? Он еще жив?

— Я его крепко связал и спрятал в надежном месте,— ответила обезьяна.— Его будет легко забрать, когда запустим аэроплан.

Закса яростно уставилась на нас.

— Ты не Тур! — закричала она.— Обезьяна разоблачила тебя!

— Но слишком поздно для тебя извлечь из этого пользу, джеддара,— ответил я.— Ты не сможешь известить своих людей о том, что я не Тур. И ты не можешь знать, что я — это не он. Методы Тура — Всемогущего, Всезнающего — вне понимания смертных. Для тебя, следовательно, я — Тур, и ты знаешь, что я достаточно всемогущ для своих целей.

Думаю, она все еще была в недоумении, когда мы нашли и выкатили из ангара аэроплан, на борт которого поместили ее, и повернули нос аппарата к величественной башне, где, как нам сказал Хован Дью, лежал Саг Ор.

— Я буду счастлив увидеть его снова! — сказал Дар Тарус со смехом.

— И ты снова будешь самим собой, Дар Тарус,— сказал я ему,— когда мы сможем вернуться в подвалы Рас Таваса.

— Хотел бы я снова соединиться с моей любимой Карой Ваза,— вздохнул он.— Тогда, Вад Варо, я был бы благодарен тебе до конца жизни.

— Где мы можем ее найти?

— Увы, не знаю. Как раз когда я искал ее, меня схватили агенты Заксы. Я был во дворце ее отца, где узнал, что он убит и его имущество конфисковано. О местонахождении Кары Ваза там или не знали, или не желали сообщить, но удерживали под тем или иным предлогом, пока отряд гвардии джеддары не пришел арестовать меня.

— Мы должны допросить Саг Ора,— сказал я.

К этому времени мы остановились рядом с окном башни, на которую нам указал Хован Дью. Вместе с Дар Тарусом он прыгнул на подоконник и скрылся внутри. Все мы теперь были вооружены и одеты, взяв оружие, брошенное воинами у ангара, и у нас был великолепный аэроплан, и вся наша компания воссоединилась, и Закса с Саг Ором, которого тут же препроводили на борт, тоже были с нами, и от этого у всех нас было прекрасное настроение.

Мы установили курс на восток, и тогда я спросил Саг Ора, что стало с Карой Вазы, но он грозно заявил, что не знает.

— Подумай еще раз, Саг Ор,— предостерег я его,— и подумай хорошенько, потому что вся твоя жизнь, возможно, зависит от твоего ответа.

— Какие у меня шансы на жизнь?— усмехнулся он, бросив угрожающий взгляд на Дар Таруса.

— Все шансы,— ответил я.— Твоя жизнь в моих руках, и если ты послужишь мне хорошо, то она будет в твоих руках, хотя в твоём прошлом теле, а не в том, которое принадлежит Дар Тарусу.

— Разве ты не намерен уничтожить меня?

— Ни тебя, ни Заксу,— ответил я.— Закса будет жить в своём старом теле, а ты — в своём.

— Я не хочу жить в своём теле,— огрызнулась Закса.

Дар Тарус стоял и смотрел на Саг Ора — на своё собственное тело, смотрел, как какой-то бестелесный дух,— самая сверхъестественная ситуация, какую я когда-либо встречал.

— Скажи мне, Саг Ор,— произнес он,— что с Карой Ваза? Когда мое тело вернется ко мне, я не буду чувствовать вражды к тебе, если ты не причинил вреда Каре Ваза и сообщишь мне, где она.

— Я не могу сказать, потому что не знаю. Вреда ей не было причинено, но днем позже, после того как ты был убит, она исчезла из Фандала. Мы были уверены, что она была похищена своим отцом, но от него мы ничего не узнали. Тогда его убили,— он мельком взглянул на Заксу,— но мы ничего не узнали и после этого.

— Раб сказал нам, что Кара Ваза с некоторыми воинами отца села на аэроплан и вылетела в Гелиум, где намеревалась просить защиты великого Главнокомандующего Барсума. Но правда ли это, не знаем. Это все, что я могу тебе сообщить. Я сказал правду, Дар Тарус.

Бессмысленно было обыскивать весь Фандал в поисках Кары Вазы, и поэтому мы взяли курс на восток, к башне Рас Таваса.

ХІІІ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАВАС

Всю ночь мчались мы под светом стремительных марсианских лун, и компания наша была страннейшей из существовавших когда-либо, клянусь вам. Двое мужчин, каждый из которых обладал телом другого; старая нечестивая повели-

тельница, чье прекрасное тело принадлежало молоденькой девице, любимой одним из этой компании; большая белая обезьяна, чьими действиями управляла половина мозга человеческого существа; я, житель далекой планеты, и Гор Хаджус, наемный убийца из Тунола, завершали этот сумасшедший список.

Я не мог отвести взгляд от прекрасного лица и фигуры Заксы, и то, что я был ею так очарован, оказалось очень кстати, так как я пресек ее попытку броситься за борт, так противна ей была перспектива жизни в собственном теле, старом, сморщенном и безобразном. После этого я надежно связал ее и привязал к палубе, хотя испытывал душевную боль при виде веревок на этом прекрасном теле.

Дар Тарус почти в равной степени был поглощен созерцанием своего собственного тела, которое не видел в течение многих лет.

— Клянусь моим первым предком, — воскликнул он. — Я был, наверное, самым тщеславным из парней. Даю вам слово, без всякой фантазии, мне было приятно любоваться собой. Теперь я могу сказать об этом без напыщенного самомнения, так как речь идет о Саг Оре. — И он громко рассмеялся своей маленькой шутке.

Но факт оставался фактом — лицо и тело Дар Таруса были прекрасны и в самом деле, хотя в глазах его проглядывал намек на жестокость, а сжатые челюсти означали темперамент бойца. Не удивительно, что Саг Ор добивался тела молодого воина, потому что его собственное, которым сейчас обладал Дар Тарус, было отмечено столетиями беспутной жизни. И не было ничего удивительного в том, что Дар Тарус жаждал вернуть свою оболочку.

Перед самым рассветом мы подлетели к одному из бесчисленных крошечных островков, усеивавших Великие Тунолианские топи, и начали осторожно продвигаться между стволами огромных деревьев. Здесь мы приземлились, чтобы отдохнуть на земле; наполовину утопая в буйной яркой траве джунглей, мы хорошо укрылись от возможной погони. Хован Дью нашел для нас фрукты и орехи, безопасные, по мнению его обезьяньей половины мозга, для человека. Инстинкт привел его к близлежащему источнику, из которого била ключевая вода.

Мы, все четверо, были полуживые от голода, сильно устали, так что вода и пища оказались весьма кстати. Закса и Саг Ор также не отказались от них. Поев, трое из нас легли на палубу корабля поспать, надежно приковав

пленников к кораблю, а четвертый бодрствовал, охраняя их. Так, сменяясь, мы проспали весь день, и когда пришла ночь, были готовы продолжать путь.

Сделав большой крюк к югу, мы обогнули Тунол и примерно за два хаада до рассвета увидели высокую башню Таваса. Думаю, все мы были взвинчены до крайности, потому что судьба каждого зависела от успеха или неудачи нашего предприятия. В качестве первой предосторожности мы связали руки пленникам и заткнули им рты кляпами, чтобы они не предупредили о нашем прибытии.

Хлорус уже закатился, а Турия стремительно неслась к горизонту, когда моторы были заглушены и мы дрейфовали без огней в одной-двух милях от башни, несколько к югу, с нетерпением ожидая того времени, когда Турия свергнет небеса в темноту и освободит мир для нас. К северо-западу на фоне ночного мрака сверкали огни Тунола и горел свет в нескольких окнах огромной лаборатории Рас Таваса, но сама башня была темна от цоколя до верхушки.

И когда ближняя луна канула, как гирька, за горизонт, оставив нас и сцену действия в темноте, Дар Тарус запустил мотор, удивительно бесшумный мотор Барсума, и мы неспешно двинулись, прижимаясь к земле, к острову Рас Таваса, и не было слышно иных звуков, кроме мягкого журчания мотора, но и этого никто не мог услышать на расстоянии больше ста футов, так тихо было его вращение. У самого острова, у группы гигантских деревьев, мы сделали остановку, и Хован Дью, перейдя на нос, произвел несколько рыков. После этого мы стояли, вслушиваясь в темноту. Раздался шорох в густом подлеске на берегу. Снова прозвучал негромкий зловеющий рев Хован Дью, и послышался ответ из черноты кустов. Хован Дью разговаривал на языке больших белых обезьян, а невидимое существо отвечало.

Обезьяны беседовали около пяти минут, причем к разговору присоединялись все новые и новые твари, а затем Хован Дью обратился ко мне:

— Порядок, — сказал он. — Нам позволят укрыть под этими деревьями корабль, а также выйти и сесть в него, когда все будет сделано. В это время нам не будет причинено никакого вреда. Все, что они просят, — это оставить ведущие во внутренний двор ворота открытыми.

— Они понимают, что обезьяна, которая идет с нами туда, не вернется?

— Да, но они не обратят на это внимания.

— Почему они хотят, чтобы мы открыли внутренние ворота?

— Не спрашивай слишком много, Вад Варо,— ответил Хован Дью.— Достаточно, что обезьяны дают тебе возможность возвратить в тело Валлы Дайя ее мозг и спастись с нею из этого ужасного места.

— Да, этого достаточно,— ответил я.— Когда мы сможем приземлиться?

— Сейчас. Они помогут нам затянуть корабль под дерева и укрепить его.

— Но сперва мы должны забраться на верхушку стены внутреннего двора,— напомнил я ему.

— Да, правда, я забыл, что ворота с этой стороны открыть нельзя.

Он снова заговорил с обезьянами, которых мы не могли разглядеть, и после этого сказал мне, что все в порядке и что они с Дар Тарусом вернут корабль, высадив нас на стене.

Снова мы беззвучно взлетели и опустились на внешней стене, соскользнув затем во двор вниз. Ночь была необычайно темной, за Турией последовали облака и стерли звезды вслед за ее заходом. На расстоянии пяти футов никто не мог увидеть корабль, а шума при передвижении мы почти не производили. Осторожно мы спустили пленников и вдвоем с Гор Хаджусом остались там, а Дар Тарус с Хован Дью повели корабль назад в укрытие.

Наконец, я снял запоры с ворот и стал ожидать. Ни одного звука со стороны громады здания за спиной, ни единого звука из джунглей за оградой. Смутно видел я сливающиеся очертания Гор Хаджуса с Заксой и Саг Ором — иначе можно было бы подумать, что я один во мраке и необъятности пространства.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я услышал легкое царапанье по панели громоздких ворот. Я толкнул их, открывая, и Дар Тарус с Хован Дью безмолвно вступили внутрь, закрыв их за собой. Гуськом — впереди я с Дар Тарусом, сзади Хован Дью с Гор Хаджусом и пленниками — пошли мы прямо к башне, нашли наклонный коридор и спустились в подвалы. Все было спланировано настолько хорошо, что нам не составило никакого труда найти подвал, который был нам нужен. Оказавшись внизу, мы сразу же заперли дверь, чтобы не бояться, что нас прервут,— это было нашей первой заботой — и затем я поспешил к месту, где спрятал Валлу Дайя за телом сваленного в углу рослого воина. Сердце мое замерло еще в тот момент, когда я побрел в ту сторону — я всегда боялся, что Рас Тавас, зная мой интерес к ней и отгадав цель моего

путешествия, не успокоится, пока не найдет ту, которая так странно исчезла, но страхи мои, к счастью, оказались необоснованными. Тело Заксы оказалось здесь — старый сморщенный гриб, с прекрасным умом моей возлюбленной; оно было там, где я спрятал его той самой ночью. Нежно я поднял ее и понес на один из двух расположенных друг над другом столов. Стоящая тут же Закса, связанная и с кляпом во рту, наблюдала за всем этим стреляющими ненавистью и отвращением к безобразному телу глазами — и в это тело она должна будет скоро вернуться!

Я положил Заксу на соседнюю плиту, но она попыталась вырваться из моих рук и броситься к двери, но я удержал ее и привязал ремнями. Чуть позже она уже была без сознания. Гор Хаджус, Саг Ор и Хован Дью следили с интересом, но для Дар Таруса это было старой историей, так как он работал в лаборатории и насмотрелся более чем достаточно на подобные операции. Не буду описывать ее ход. Это лишь повторение того, что я делал много раз, готовясь к этому моменту.

Наконец, все было завершено, и сердце мое замерло в волнении, когда я заменил бальзамирующую жидкость живой кровью Валлы Дайя и увидел, как наливаются румянцем ее щеки, как поднялись и опустились в легком вздохе округлые груди. Затем она открыла глаза и подняла их на меня.

— Что случилось, Вад Варо? — спросила она. — Ты так скоро вспомнил обо мне... Что-то неладное? Или жидкость не подходит?

Ее глаза блуждали по лицам остальных.

— Что это значит? — спросила она. — Кто они?

Я мягко поднял ее на руки и указал на тело Заксы, лежащее бессильно на верхней плите. Ее зрачки расширились.

— Уже?! — закричала она, провела руками по лицу и ощутила что-то свое, свое лицо, контуры которого были нежны и изящны, шея плавна. И все еще плохо веря, она попросила зеркало, и я достал его из сумки Заксы. Она долго смотрела в него, и слезы начали скатываться у нее по щекам; затем она посмотрела на меня затуманенным слезинками взором, положила прелестные руки мне на плечи и приблизила свое лицо к моему.

— Мой вождь, — прошептала она. И все. Но этого было достаточно. Потому что ради этих слов я рисковал жизнью, встречал лицом к лицу непредвиденные опасности и всегда буду поступать так за эту награду. Да, всегда!

Следующая ночь упала на Барсум, когда я завершил операции над Дар Тарусом и Хован Дью. Заксу с Саг Ором и большую обезьяну я оставил валяться во сне, подобном смерти, под действием удивительной анестезии Рас Таваса. У меня не было намерения восстанавливать обезьяну, но в отношении других я был связан обещанием вернуть их в Фандал, хотя Дар Тарус, блистающий ныне в собственном теле и пышных одеждах Саг Ора, убеждал меня не навязывать их снова исстрадавшимся фандалианам.

— Но я дал слово! — сказал я.

— Тогда они должны быть возвращены, — согласился он.

— Но кое-что я могу сделать впоследствии, — сказал я, потому что в голову мне пришел смелый план. Я не раскрыл его Дар Тарусу, да и не имел на это времени, потому что в тот же момент услышал, что кто-то снаружи пробует открыть дверь, затем прозвучали голоса, и вскоре дверь толкнули снова, на этот раз с силой. Мы молча ждали. Я надеялся, что эти люди, кто бы то ни был, должны уйти. Дверь была очень крепкая, и попытавшись выломать ее, они скоро осознают тщетность попытки. Так и случилось, потому что через короткий промежуток времени голоса стихли. Казалось, они ушли.

— Мы должны уйти, — сказал я, — до того, как они вернутся.

Стянув руки Заксы и Саг Ора за спиной и заткнув им рты кляпами, я быстро возвратил им жизнь, но никогда не видел я меньшей благодарности. Взгляды, которые они бросали на меня, вполне могли убить, если бы можно было убить взглядом, и отвращение, с которым они смотрели друг на друга, было явственно написано в их глазах.

Тихо отперев дверь, я приоткрыл ее, обнаженный меч прирос к моей руке, Дар Тарус и остальные приготовили свои, и когда створки двери открылись, за ними обнаружили двое слуг Рас Таваса — Ямдор и его телохранитель. Узрев нас, этот субъект издал громкий вопль — сигнал о том, что мы обнаружены и, прежде чем я в прыжке смог остановить их, оба повернулись и вылетели из коридора с такой быстротой, с какой только были способны нести их ноги.

Теперь ни капли времени не должно быть потеряно — скорость решает все. Не думая об осторожности или бесшумности, мы поспешили через подвалы к пандусу, ведущему в башню, и когда мы вступили во двор, опять была ночь, но на небе висела дальняя луна и облаков не было.

Часовой дал сигнал тревоги, после чего побежал нам наперерез.

Что делает часовой во дворе Рас Таваса? Неясно! А эти откуда? Дюжина вооруженных воинов спешила через двор по пятам за часовым.

— Тунолианцы! — закричал Гор Хаджус. — Воины Бобис Кана, джеддака Тунола.

Задыхаясь, мы мчались к воротам. Лишь бы достичь их первыми! Но нас ставили в невыгодное положение наши пленники, которые упирались, так как поняли, что могут навредить нам, и так получилось, что все мы встретились лицом к лицу в воротах. Я, Дар Тарус, Гор Хаджус и Хован Дью закрыли собой Валлу Дайя и пленников и приняли бой с двадцатью воинами Тунола, то есть в пропорции один к пяти, но мы сражались с большей яростью, и это, возможно, дало нам преимущество, хотя я уверен, что Гор Хаджус один стоил десяти человек, так страшно было действие одного его имени на людей Тунола.

— Гор Хаджус! — воскликнул первый, узнавший его.

— Да, я Гор Хаджус, — отвечал убийца. — Приготовься ко встрече с предками! — И он завращал мечом, как пропеллером на полных оборотах. Я сражался справа от него, Хован Дью — слева.

Это была прекрасная схватка, но она в конце концов плохо кончилась бы для нас — так велико было их численное преимущество — не вспомни я об обезьянах за воротами. Проложив путь к ним, я распахнул их настежь, а снаружи уже стояла наготове дюжина этих тварей. Я повлек Гор Хаджуса и остальных за ворота и, когда обезьяны бросились внутрь, указал им на тунолианских воинов.

Думаю, обезьяны были в затруднении — как узнать, где друзья, где враги, но тунолиане сами информировали их об этом, атаковав, когда мы стояли в стороне, воткнув острия мечей в землю. Но только момент стояли мы так, без дела. Затем, когда все обезьяны бросились на воинов, мы проскользнули за внешнюю стену, в темноту джунглей, и принялись искать аэроплан. А позади нас слышались рев и рычание животных, смешанные с криками и руганью людей; эти звуки еще доносились со двора, а мы уже вскарабкались на борт аэроплана и скрылись в ночи.

Поняв, что мы благополучно сбежали с острова Рас Таваса, я вынул кляпы изо ртов Заксы и Саг Ора и, могу сказать вам, немедленно раскаялся в этом, потому что никогда в своей жизни не подвергался такой ужасной ругани, какая лилась из морщинистых губ старой джеддары,

и лишь когда я снова начал втыкать кляп ей в рот, она обещала замолчать.

Планы мои были продуманы хорошо и включали возвращение в Фандал, так как я не мог отправиться в Дахор с Валлой Дайя без провизии и топлива. А этого нельзя было получить нигде, кроме Фандала, поскольку я чувствовал, что у меня есть ключ, который должен открыть мне доступ к запасам города, тогда как весь Тунол был поставлен под ружье против нас из-за страха Бобис Кана перед Гор Хаджусом.

Итак, мы возвратились в Фандал по старому пути настолько скрытно, насколько могли — я не хотел, чтобы нас схватили до того, как мы доберемся до дворца Заксы.

Днем мы снова отдохнули на том же острове, который был нашим убежищем два дня назад, и в темноте, на полном ходу двигателей вылетели в Фандал. Если погоня и была, то мы ее не видели; и это вполне объяснялось огромными пространствами необитаемых топей, над которыми лежал наш путь, да и курс наш был сильно отклонен к югу, и высота полета была минимальной.

При приближении к Фандалу я снова заткнул кляпом рот Заксе и Саг Ору и, помимо этого, забинтовал им головы, чтобы их никто не мог опознать. Затем на всей скорости мы понеслись ко дворцу, надеясь, что нас не обнаружат, но тем не менее были готовы ко всему.

И все же мы добрались до ангаров на крыше, по-видимому, незамеченными. Во время всего пути я репетировал с каждым роли, которые нужно разыграть. После посадки Хован Дью, Дар Тарус и Валла Дайя связали меня и Гор Хаджуса и перевязали нам головы бинтами, так как внизу мы заметили фигуры сторожей. Будь крыша неохраняемой, в этом не было бы нужды.

Когда мы приблизились, воин из охраны окликнул:

— Что за корабль?

— Королевский аэроплан джеддары Фандала возвращается с Заксой и Саг Ором, — ответил Дар Тарус.

Воины шептались между собой и, когда мы снизились, признаться, с чувством опасения за исход дела, позволили нам приземлиться без всяких слов, а, увидев «Заксу», отсалютовали нам на барсумский манер. А она с царственной осанкой спустилась с палубы аэроплана.

— Доставьте пленников в мои покои! — скомандовала она, и с помощью Хован Дью и Дар Таруса четверка связанных и закутанных фигур была уведена из аэроплана вниз по спиральному коридору в комнаты джеддары Фандала.

Послушные рабы поспешили исполнить приказание джеддары. Должно быть, весть о возвращении джеддары промчалась со скоростью света по всему дворцу, потому что немедленно стали прибывать придворные и докладывать о себе, но Валла Дайя объявила им, что никого не хочет видеть. Затем она отпустила рабов, и, по моему предложению, Дар Тарус обследовал покои Заксы с целью найти безопасное место для меня, Гор Хаджуса и пленников и скоро нашел его в небольшой прихожей в стороне от главной комнаты королевской свиты. С меня и убийцы были сняты веревки, и мы вместе внесли Заксу с Саг Ором в комнату.

Вход был оборудован тяжелой дверью с портьерой, полностью прикрывавшей ее. Я приказал Хован Дью, который, как и остальные, был облачен в фандалианские доспехи, встать на страже перед портьерами и не допускать никого, кроме членов нашей компании. Мы с Гор Хаджусом заняли места за портьерами, в которых были маленькие дырочки, позволявшие нам видеть всех, проходящих в малый, точнее, главный зал, — я был очень озабочен безопасностью Валлы Дайя, когда она играла роль Заксы, которую, как я знал, ненавидели и боялись, и, следовательно, на нее всегда могло быть совершено покушение.

Валла Дайя потребовала рабов и приказала впустить должностных лиц двора, и в распахнутые двери вошло десятка два придворных. Казалось, им было не по себе, и я мог предположить, что им вспомнились события, происшедшие в храме, когда они оставили свою джеддару и даже грубо швырнули ее к ногам Великого Тура, но Валла Дайя скоро развеяла их неловкость.

— Я вызвала вас, — сказала она, — чтобы сообщить волю Великого Тура. Тур снова вещает своему народу. Три дня и три ночи провела я с Туром. Он приказал мне созвать вельмож после вечерней трапезы в храм, а также всех жрецов, всех начальников и дваров армии, всех более или менее знатных людей, которые найдутся во дворце. И тогда люди услышат слово и закон Тура. Кто повинуется — будет жить, кто не подчинится — умрет. Горе тому, кто не придет в храм этой ночью. Я, Закса, джеддара Фандала, все сказала! А сейчас — вон!

Они ушли и были, по-видимому, счастливы, что уходят. Затем Валла Дайя вызвала двара охраны, что по земному соответствует генералу, и повелела очистить дворец от всех его обитателей, начиная с храмового этажа и до крыши за час до вечерней трапезы и не позволять кому-либо входить в храм и на расположенные выше этажи, пока не

будет назначен час для сбора в храме, когда Тур скажет свое слово. Исключением являются лишь пленники в ее собственных покоях. Туда всем входить запрещено под страхом смерти. Она объяснила это все ясно и просто, и двар понял. Думаю, что он немного боялся и дрожал, потому что все были в страхе перед джеддарой Заксой. Затем он ушел, рабы были отпущены, и мы остались одни.

XIV

ДЖОН КАРТЕР

За полчаса до вечерней трапезы мы поместили Заксу и Саг Ора на верхней платформе у глаз идола и там же заняли места сами. Валла Дайя, Хован Дью и Дар Тарус остались в королевских покоях. Между дверью и спиной Великого Тура не оказалось никого, и на крыше находился подготовленный аэроплан — на случай какой-либо неудачи.

Томительно тянулись минуты до наступления темноты. Приближалось решающее время. Мы услышали, как двери храма отворились, и за ними возник большой коридор, ярко освещенный. Он был пуст — лишь два жреца, озираясь, стояли в проходе. Наконец, один из них нашел в себе достаточно мужества войти в храм и зажечь свет. После этого они двинулись более храбро и распростерлись перед алтарем Великого Тура. Когда они поднялись и посмотрели в лицо идола, я не мог удержаться от искушения повернуть его огромные глаза. Они бежали весь интерьер храма и остановились на жрецах, но я не сказал ни слова и думаю, что эффект величественного молчания бога был более выразителен, чем любые его слова. Оба жреца просто рухнули на пол и лежали там, дрожа, стоная, умоляя Великого Тура о сострадании к ним, и не поднялись, пока в храме не появились первые верующие.

С этого момента храм стал быстро наполняться. Слова Тура вполне своевременно и полно были доведены до всеобщего сведения. Все собрались как и раньше, но на этот раз их было больше, они выстраивались с обеих сторон центрального прохода и там ждали, причем их глаза так и бежали от двери зала к статуе бога.

Когда по моему предположению должен был начаться следующий акт, я заставил взор Тура пропутешествовать по собравшейся толпе, чтобы настроить их в соответствии с тем, что должно было произойти. Все реагировали точно так

же, как и жрецы, — упали на пол, стоная и молясь, и оставались там, пока звуки горнов не возвестили о прибытии джеддары — Великой жрицы. Только тогда они поднялись на ноги. Огромные двери повернулись, и опять был ковер, и рабы при нем, и расстилали они его к алтарю, и горны звучали все громче, и королевская процессия вступила в храм. Я запланировал сделать все именно так, чтобы произвести большее впечатление на публику. По моему плану намечалось, чтобы публика видела королевский кортеж, растянувшийся по длинному коридору, и эффект моей постановки в самом деле был великолепен. В голове прошли в два ряда придворные, за ними запряженная двумя бенсами колесница, на ней кресло-носилки, на носилках, чуть откинувшись назад, восседала Валла Дайя. За ней шел Дар Тарус, но в зале все думали, что видят джеддару Заксу со своим фаворитом Сар Ором. За «фаворитом» следовал Хован Дью, а за ним пятьдесят юношей и пятьдесят девушек.

Колесница остановилась перед алтарем. Валла Дайя спустилась и встала на колени. Голоса, нараспев восхвалявшие Заксу, притихли, когда прекрасное создание простерло руки к Великому Туру и обратило к нему лицо.

— Мы готовы, господин! — закричала она. — Говори, мы ждем слова Тура!

Коленопреклоненный зал задержал дыхание, и эту тишину разорвали рыдания. Я почувствовал, что все достаточно подготовлены, и следовало начинать без задержки. Я поднес к губам переговорную трубу.

— Я есть Тур! — гремел я, и люди дрожали. — Я пришел вершить суд над народом Фандала! Примите мой наказ — будете процветать. Нет — умрете!

— Грехи народа могут быть искуплены двумя наиболее грешными в моих глазах. — Я заставил глаза Тура поблуждать по публике, а затем рывком остановил их на Валле Дайя. — Закса! Готова ли ты искупить свои грехи и грехи своего народа?

Валла Дайя кивнула своей прекрасной головкой.

— Твое желание — закон для меня, господин! — ответила она.

Покрутив глазами по толпе, я остановил их на «Саг Оре».

— Саг Ор? — продолжал я. — Ты грешен! Ты готов платить?

— Как потребует Тур! — сказал Дар Тарус.

— Мое желание таково! — прогремел я. — Закса и Саг Ор возвратят тела тем, у кого они их украли, прекрасные

тела, которыми они сейчас обладают, и тот, у кого взял тело Саг Ор, станет джеддаком и высшим жрецом, а та, у которой украли тело Закса, вернется с почестями в родную страну. Я так сказал! И пусть тот, кто возражает, скажет теперь или замолчит навсегда!

Протестующих голосов не было, и я чувствовал изрядную уверенность, что их и не может быть. Сомневаюсь, смотрел ли когда-нибудь какой-либо бог на подобное покорное стадо...

Когда я сказал, Гор Хаджус опустился на колени и снял веревки с ног Заксы и Саг Ора.

— Погасите свет! — скомандовал я.

Жрец, дрожа, подчинился.

Валла Дайя и Дар Тарус стояли рядом с алтарем и, когда свет погас, они должны были действовать быстро. Вместе с Гор Хаджусом они закончили намеченную операцию, и, когда я услышал тихий свист из полости у основания идола — заранее обусловленный сигнал, которым Гор Хаджус извещал об окончании своей работы, я приказал зажечь свет. Закса с Саг Ором стояли там, где только что находились Валла Дайя и Дар Тарус, а последних нигде не было. Думаю, драматический эффект этой операции был наиболее изумительным из всех, которые я когда-либо видел. На Заксе и Саг Оре не было ни веревок, ни кляпов во рту, ничего, что показывало бы, что они доставлены сюда силой, — и рядом не было никого, кто мог бы привести их сюда. Иллюзия была совершенной — жест всемогущества, который просто потрясает разум. Но я еще не закончил.

— Вы слышали, что Закса отказывается от трона, — сказал я, — и Саг Ор подчиняется суду Тура?

— Я не отказываюсь от трона! — заорала Закса. — Это все...

— Молчи! — загремел я. — Готовьтесь приветствовать нового джеддака, Дар Таруса из Фандала! — Я повернул глаза Тура к огромным дверям, и взоры всех собравшихся последовали за глазами Тура. Дверь распахнулась, и за ней возник Дар Тарус, в блистающих одеждах Хор Сана, давно мертвого джеддака и жреца, чьи кости мы ограбили у лестницы часом раньше. Дар Тарус должен был справиться с перевоплощением быстрее, чем действовал я, он сделал это, и эффект был колоссален. Дар Тарус выглядел джеддаком с ног до головы, когда шел с молчаливым достоинством по широкому коридору, ступая по сине-белому ковру. Закса стала багровой от злобы.

— Самозванец! — взвизгнула она. — Схватите его! — И она побежала, чтобы встретить его, как будто хотела убить собственными руками.

— Уберите ее, — сказал Дар Тарус спокойным голосом, а Закса к тому же упала, взмыленная, на пол. Она визжала и задыхалась, а потом затихла — старая женщина, лишившаяся жизни от апоплексического удара. И когда Саг Ор увидел ее лежащей, он, должно быть, первым осознал, что она мертва и что теперь нет защиты, нет никого, кто защитил бы его от ненависти, которую все питали к фавориту правительницы. Он дико огляделся вокруг и упал у ног Дар Таруса.

— Ты обещал защитить меня! — закричал он.

— Никто не причинит тебе вреда, — ответил Дар Тарус. — Иди своей дорогой и живи мирно. — Затем он повернулся к Великому Туру. — Какова твоя воля, господин? — крикнул он. — Дар Тарус, твой слуга, ждет повелений!

Я многозначительно помолчал перед ответом.

— Пусть жрецы Тура, низшие чины и воины гвардии джеджада пойдут в город и разнесут весть о слове Тура среди народа. Пусть народ знает, что Тур снова улыбается Фандалу и что они имеют нового джеджада, который у Тура в большой чести. Пусть высшие чины посетят комнаты, ранее принадлежавшие Заксе, и воздадут почести Валле Дайя, в чьем совершенном теле джеджара некогда управляла вами, и сделайте необходимые приготовления для ее надлежащего возвращения в Дахор, ее родной город. Пусть они также найдут двоих, кто так хорошо послужил Туру — Гор Хаджуса из Тунола и Вад Варо с Джасума, — чтобы им было обеспечено гостеприимство и дружба каждого фандалианина. Идите! И когда последний уйдет из храма, пусть будет мрак! Я, Тур, все сказал!

Валла Дайя направилась прямо в комнаты бывшей джеждары, и, когда погас свет, мы с Гор Хаджусом присоединились к ней. Она не могла дожидаться, чтобы узнать о результате нашей маленькой хитрости, и я уверил ее, что все прошло без осложнений, и слезы счастья потекли по ее щекам.

— Ты сделал невозможное, мой вождь, — прошептала она. — Я уже вижу холмы Дахора и башни моего родного города. О, Вад Варо, я и не мечтала, что жизнь может наполниться такими счастливыми надеждами. Я обязана тебе жизнью, нет, более чем жизнью!

Нас прервал приход Дар Таруса, с которым были Хован

Дью и большое количество высшей знати. Последние приняли нас с приятнью, хотя, думаю, были озадачены, и не без основания, как это мы оказались связаны с услугами их богу, но я думаю, что кто-нибудь когда-нибудь об этом узнает. Они искренне наслаждались избавлением от Заксы, но в то же время не могли понять целей Тура, который возвысил бывшего воина, и тем не менее надеялись, что это освобождение от гнева бога — теперь очень страшного и реального — после всех чудес в храме. То, что Дар Тарус был из знатной семьи, уменьшало их замешательство, и я был уверен, что они отнеслись к нему с большим уважением. И они будут так же относиться к нему, потому что из-за него в первый раз за сотни лет в королевском храме прозвучал голос бога, Великого Тура, и потому, что Хован Дью, как и Гор Хаджус, согласились служить Дар Тарусу, так что нет нужды в языке, с помощью которого Тур будет разговаривать. Я предвидел огромные возможности для царствования Дар Таруса, джеддака Фандала!

На встрече, проведенной в покоях Заксы, было решено, что Валла Дайя отдохнет два дня в Фандале, пока будет готовиться малый флот, чтобы доставить ее в Дахор. Дар Тарус отдал комнаты Заксы в пользование Валле Дайя и подарил ей рабов из различных городов, чтобы они заботились о ней, причем все они должны были направиться вместе с нею в ее родную страну.

Уже почти на рассвете мы разыскали спальные шелка и меха. Солнце поднялось высоко в момент нашего пробуждения. Мы позавтракали с Валлой Дайя. У ее дверей мы раскинули свои постели, чтобы не оставлять ее незащищенной до того момента, когда отпадет в этом необходимость. Перед концом завтрака пришел вестник от Дар Таруса, вызывавшего нас в свою приемную, где мы и нашли нескольких высших офицеров двора, собравшихся вокруг трона, на котором восседал Дар Тарус, — да, он выглядел настоящим повелителем! Он доброжелательно приветствовал нас и спустился с возвышения, чтобы проводить Валлу Дайя к одной из скамей.

— Здесь есть кое-кто, — сказал он мне, — кто прибыл в Фандал накануне вечером и теперь просит аудиенции у джеддака, — это тот, кого, я думаю, ты с удовольствием встретишь снова. — И он подал знак слуге впустить посетителя. В открытых дверях на том конце зала я увидел Рас Таваса. Он не узнал ни меня, ни Гор Хаджуса, ни Валлу Дайя, пока не подошел к самому подножию трона,

а когда узнал, то выражение озабоченности появилось на его лице.

— Рас Тавас, башня Таваса, Тунол,— громко объявил офицер.

— Я пришел просить аудиенции у Заксы,— ответил Рас Тавас,— не зная о ее смерти и моем вступлении на трон; но я вижу Саг Ора на троне Заксы, а рядом с ним ту, кем, я думаю, была Закса, хотя мне сказали, что она мертва, и того, кто был моим ассистентом в Тавасе, и того, кто зовется убийцей из Тунола, и я в недоумении: я не знаю, среди друзей я или среди врагов?

— Говори так, как если бы Закса сидела еще на троне Фандала,— сказал Дар Тарус,— так как хотя я, Дар Тарус, с которым ты несправедливо обошелся, а не Саг Ор, тем не менее ты не должен ничего бояться при дворе Фандала.

— Тогда позволь сказать тебе, что Бобис Кан, джеддак Тунола, зная, что Гор Хаджус сбежал от меня, уверен, что я отпустил его, чтобы убить джеддака, и послал воинов, которые заняли мой остров и заточили бы меня в тюрьму, не будь я вовремя предупрежден. Я пришел сюда умолять Заксу послать воинов Фандала, которые вышвырнут тунолианцев с моего острова и вернут его мне, чтобы я мог продолжить свой труд.

Дар Тарус повернулся ко мне.

— Вад Варо, из всех людей ты наиболее близок к работам Рас Таваса. Желаешь ли ты снова видеть его на своем острове, в лаборатории?

— Только при условии, что он посвятит свой огромный талант избавлению человека от болезней и страданий,— сказал я,— и не будет использовать его в грязных целях алчности и греха.

Это привело к дискуссии, длившейся часы, и результаты ее были очень важны. Рас Тавас согласился со всем, что я требовал, и Дар Тарус назначил Гор Хаджуса главой армии, чтобы выступить против Тунола.

Но эта история, хотя и очень интересная для тех, кого она непосредственно касается, не имеет никакого отношения к рассказу о моих приключениях на Барсуме, так как я не принимал в ней участия, поскольку на следующий день сел с Валлой Дайя на аэроплан и, эскортируемый фандалианским флотом, вылетел в Дахор. Дар Тарус сопровождал нас на некоторое расстояние. Когда флот остановился на берегу Великих топей, он попрощался с нами и хотел было ступить на палубу своего корабля, когда раздал-

ся крик с одного из кораблей и пришло известие, что наблюдатель увидел вдалеке огромный флот, летящий с юго-запада. Очень скоро он стал виден и нам, а также стало очевидно, что он направляется в Фандал.

Дар Тарус сказал, что как ни сожалеет об этом, но ему ничего не остается, как вернуться в столицу со своим флотом, так что он не может выделить ни одного корабля и ни одного человека, если это окажется неприятельский флот. Мы с Валлой Дайя не могли ничего возразить; итак, мы повернули назад и помчались так быстро, насколько это было возможно, к городу.

С чужого флота нас заметили примерно в то же время, что и мы их, его курс изменился, и он направился к нам. Подойдя ближе, они перестроились в одну линию и готовились окружить нас. Я стоял рядом с Дар Тарусом, когда цвета приближающегося флота стали различимыми — это были цвета Гелиума!

— Просигнальте и спросите, с миром ли они идут, — приказал Дар Тарус.

— Мы хотим переговорить с Заксой, джеддарой Фандала, — пришел ответ. — Вопрос о войне или мире зависит от ее решения.

— Скажите им, что Закса мертва и что я, Дар Тарус, джеддак Фандала, желаю принять командующего флотом Гелиума с миром на палубе моего корабля, иначе я встречу его войной. Я, Дар Тарус, сказал!

На носу огромного гелиумского корабля подняли флаг перемирия, и, когда корабль Дар Таруса ответил тем же, тот подошел поближе, и вскоре мы увидели людей на палубе. Огромный аэроплан подходил к нашему маленькому кораблю, и когда он пришвартовался к нам, на борт вступила группа офицеров.

Это были прекрасные люди, и среди них был один, которого я узнал сразу, хотя до этого никогда не видел. Думаю, это была наиболее выразительная фигура, когда-либо виденная мною, и он не спеша приближался — Джон Картер, принц Гелиума, Главнокомандующий Барсума!

— Дар Тарус! — сказал он. — Джон Картер приветствует тебя и в мире с тобой, хотя, полагаю, было бы по-другому, если бы Закса еще правила.

— Ты шел войной на Заксу? — спросил Дар Тарус.

— Мы пришли исправить несправедливость, — ответил Военный Владыка. — Но, насколько я знаю, Заксу можно было заставить сделать это только силой.

— Какую несправедливость допустил Фандал по отношению к Гелиуму?— спросил Дар Тарус.

— Несправедливость против одного из ваших людей — даже против тебя лично.

— Не понимаю,— удивился Дар Тарус.

— У меня на борту находится некая особа, которая сможет объяснить это тебе лучше,— ответил Джон Картер с улыбкой. Он повернулся и сказал что-то одному из своих помощников, тот отсалютовал и вернулся на палубу своего корабля.— А ты в самом деле Дар Тарус, бывший воин гвардии джеддары Заксы, которого вроде бы убили по ее приказанию?

— Да,— ответил Дар Тарус.

— Я должен быть уверен! — сказал Владыка Барсума.

— В этом не может быть никакого сомнения, Джон Картер,— сказал я по-английски.

Его взгляд упал на меня, и глаза широко открылись. Он сразу заметил мою более светлую кожу, с которой стерлась краска, и шагнул вперед с протянутыми руками.

— Соотечественник?— спросил он.

— Да, американец,— ответил я.

— Я почти поражен,— сказал он.— И, тем не менее, почему бы нет! Я попал сюда, так почему же другой не может? И это совершил ты! Ты должен поехать ко мне в Гелиум и рассказать все как можно подробнее!

Дальнейший разговор был прерван помощником, который привел с собой молодую особу. Взглянув на нее, Дар Тарус издал крик счастья, бросился к ней, и стало ясно без слов, что это была Кара Ваза.

Мало что можно сказать более сказанного. Сам Джон Картер взял меня с Валлой Дайя в Дахор после того, как позаботился о свадьбе Дар Таруса с Карой Ваза. Можно упомянуть о большом сюрпризе, который ожидал меня в Дахоре, где я впервые узнал, что Кор Сан, джеддак Дахора, — отец Валлы Дайя, и о почете и богатствах, которыми он меня осыпал, когда мы с Валлой Дайя вступили в брак.

Джон Картер присутствовал на свадьбе, и мы ввели на Барсуме старый золотой обычай, так как Главнокомандующий выступал как шафер, а затем настоял, чтобы мы последовали за ним до истечения медового месяца, и доставил нас в Гелиум, где я все это и пишу.

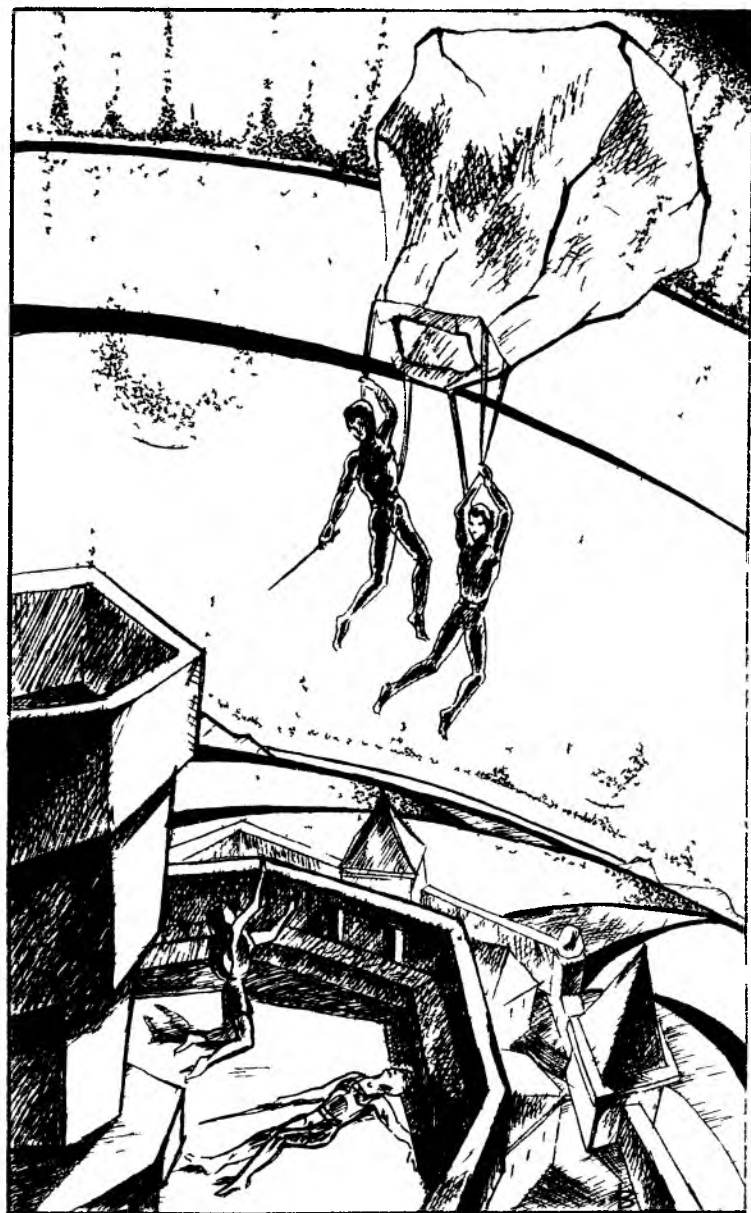
Даже теперь кажется сном, что я могу, глядя в окно, видеть газоны, желтую и красную башни городов-близнецов Гелиума, что я встретил и вижу ежедневно Карториса,

Тувию из Птарса, Тару из Гелиума, Гохана из Гатола, принцессу Марса Дею Торис, хотя для меня, как бы она ни была прекрасна, есть другая, еще более прекрасная — Валла Дайя, принцесса Дахора — миссис Пакстон.

БОЕВОЙ ЧЕЛОВЕК МАРСА

роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ясон Гридли, открывший Волны Гридли, установил связь между Пеллюсидаром и внешним миром.

Мне посчастливилось провести много времени в его лаборатории, когда он делал свои эксперименты, и я стал его доверенным лицом. Поэтому я знал, что когда он пытался установить связь с Пеллюсидаром, он надеялся сделать еще более потрясающее открытие — установить связь с другими планетами. И он не скрывал от меня, что основной его целью было наладить связь с Марсом.

Гридли сконструировал простое автоматическое устройство, периодически посылающее в пространство радиосигналы, а во время пауз записывающее те сигналы, которые воспринимает его антенная система.

Пять минут устройство передавало кодированные сигналы — ВГ — Волны Гридли, затем следовала пауза десять минут, в течение которой антенны прослушивали эфир. Час за часом, день за днем, неделя за неделей уносились в бесконечное пространство невидимые посланцы человеческого разума. И после того, как Ясон оставил свою лабораторию и уехал в экспедицию в Пеллюсидар, я остался в лаборатории, надеясь оживить его сокровенные мечты. Я дал ему слово, что буду наблюдать за работой устройства, просматривать все зарегистрированные сигналы, чтобы не пропустить момент, когда будет получен ответ из других миров.

За время работы в лаборатории я освоил прибор, изучил азбуку Морзе до такой степени, что мог принимать передачи с вполне удовлетворительным качеством и скоростью.

Шли месяцы, в лаборатории все покрылось толстым слоем пыли. Все, за исключением подвижных частей прибора Гридли. А лента, на которой должны были отпечататься принятые кодированные сигналы, оставалась девственно чистой.

Затем я ненадолго уехал в Аризону. Отсутствовал я десять дней и при возвращении сразу же пошел в лабораторию. Когда я вошел в знакомую комнату и включил свет, я ожидал увидеть ту же чистую ленту, к белизне которой уже привык.

Должен признаться, что я не питал особой надежды на успех, да и сам Гридли считал это только первым экспериментом, рассчитанным на случай. А я был рад, что могу оказать ему хоть маленькую услугу.

И тут, к своему удивлению, я увидел на ленте знакомые точки и черточки — азбука Морзе!

Сначала я решил, что кто-то еще открыл Волны Грид-ли и теперь посылает сигналы. Или же это сам Грид-ли прислал сообщение из Пеллусидара. Но когда я расшифровал код, у меня отпали всякие сомнения. Это было сообщение от Улисса Пакстона, когда-то пехотного капитана Армии Соединенных Штатов, который чудесным образом был перенесен прямо с поля битвы во Франции на Красного Мыслителя Марса, а позже — мужем Валлы Дайя, дочери Кор Сана, джеддака Дахора.

Вкратце в послании сообщалось, что таинственные сигналы были приняты в Гелиуме. Ученые не могли расшифровать их, хотя предполагали, что они идут с Джасума — так на Марсе называют Землю.

Джона Картера в это время не было в Гелиуме, и в Дахор был послан флайер за Пакстоном. Его просили срочно прибыть в Гелиум, чтобы определить, действительно ли эти сигналы приходят с планеты, где он родился.

По прибытии в Гелиум Пакстон сразу узнал азбуку Морзе, и ученые поняли, что теперь есть средство надежной связи Джасума — Земли и Барсума — Марса.

Лучшие умы Барсума стали анализировать сигналы, проводить эксперименты, чтобы воспроизвести Волны Грид-ли.

И, наконец, они добились успеха. Пакстон передал свое первое сообщение и теперь с нетерпением ожидал ответа.

С тех пор я постоянно общался по радио с Марсом. Но, понимая, что честь этого открытия принадлежит Ясону Грид-ли, я не сделал никаких официальных заявлений и не дал в прессу никакой информации. Но я считаю себя вправе рассказать вам интересную историю Хадрона из Хастора, которую Пакстон передал мне в один из вечеров.

Надеюсь, что вы получите такое же удовольствие, какое получил я.

Но прежде чем начать, разрешите кратко дать вам описание жителей Марса, политической и военной структуры общества, некоторых обычаев. Думаю, это будет вам небезынтересно.

Доминирующая раса, в чьих руках находится прогресс и цивилизация, да и сама жизнь на Марсе, мало отличается от земной. За исключением того, что кожа у них красно-медного цвета. Красные люди Марса полностью похожи на стандартную англосаксонскую расу. Впрочем, у марсиан есть и другие отличия — длительность жизни. Марсиане

живут тысячу лет. Но из-за постоянных войн, дуэлей, убийств редко кто доживает до такого возраста.

Политическая структура марсиан довольно стабильна и сохраняется уже много тысячелетий. Основная структурная единица — племя, во главе которого стоит джед, что соответствует нашему королю. Вождь вождей, глава объединенных племен — джеддак, или император. Его супруга — джеддара.

Большинство красных людей живет в укрепленных городах, хотя некоторые живут в укрепленных поместьях, расположенных в плодородных, орошаемых каналами областях.

На далеком юге, вблизи южной полярной области, живут очень красивые, высокоинтеллигентные черные люди Марса. Там же живут и остатки белой расы; возле северной полярной области доминирует раса желтых людей.

По всей территории Марса, по дну давно пересохших древних океанов бродят орды свирепых зеленых людей. Часто они селятся в развалинах древних городов.

Эти зеленые воины Барсума являются вечными врагами всех рас. Они имеют огромный рост и, кроме обычных рук и ног, имеют еще две конечности, которые могут использоваться и как руки, и как ноги. Глаза их расположены по сторонам черепа, а третий глаз в центре. Таким образом, зеленые могут смотреть одновременно во все стороны, не поворачивая головы.

Два уха находятся чуть повыше глаз и расположены близко друг к другу. Они на несколько дюймов поднимаются над головой. Нос представляет собой две вертикальные щели в центре лица между ртом и ушами. Цвет кожи оливково-зеленый, а в детстве желтоватый. Мужчины темней, чем женщины.

Зубы у них ярко-белые — не цвета слоновой кости, а цвета китайского фарфора. Нижние клыки выдаются вперед и вверх, а их яркая белизна на фоне темно-оливковой кожи выглядит устрашающе.

Это раса хитрых и жестоких людей, совершенно не знающих пощады, любви, жалости. Это раса наездников, передвигающихся пешком только внутри своего лагеря.

Ездят они верхом на тотях, свирепых животных громадного роста — под стать своим хозяевам. У тотов восемь ног и хвост, расширяющийся к концу. Они совершенно безволосые, и кожа у них темно-коричневого цвета, гладкая и блестящая, но живот белый. Ноги в нижней части желтого цвета, без копыт.

Зеленые люди управляются джедами и джеддаками, но их военная организация не такая совершенная, как у красных людей.

Военные силы красных отлично организованы. Главная боевая сила — это воздушный флот, состоящий из огромного количества разнообразных флайеров — от тяжелых боевых до разведывательных на одного человека. Вторые по значению — это пехотные формирования. Кавалерия используется только для патрулирования улиц и охраны городов и селений.

Основная военная единица — утан, состоящий из ста воинов. Во главе утана стоит двар, которому подчиняются несколько падваров. Одвар командует умаком — десять тысяч человек. Следующий командный чин — джедвар, подчиняющийся только джеду или джеддаку.

Наука, литература, искусство, архитектура очень развиты на Марсе, что весьма неожиданно для планеты, где постоянно ведется борьба за существование.

Приходится бороться не только с суровой природой — атмосфера постепенно покидает планету, и людям становится все труднее дышать, воды не хватает.

Кроме того, на планете постоянно происходят битвы. С самого дня рождения человек сталкивается с необходимостью защищать себя как от враждебных представителей своей расы, так и от орд зеленых воинов, совершающих набеги на города. Внутри городов действуют многочисленные группы организованных убийц.

И все же, несмотря ни на что, красные люди — высокоцивилизованный народ. У них есть свои песни, танцы, и социальная жизнь в столице и других городах планеты кипит, как в крупнейших городах Земли.

Это смелый, благородный народ, что подтверждается тем, что ни Джон Картер, ни Улисс Пакстон не собираются покинуть Марс и вернуться на Землю.

А теперь вернемся к рассказу, который передал по радио Пакстон через сорок три миллиона миль космического пространства.

Эдгар Райс Берроуз

I

САНОМА ТОРА

Это история Хадрона из Хастора, великого Воина Марса, как она была рассказана им самим Улиссу Пакстону.

Я — Тан Хадрон из Хастора. Мой отец Хал Уртур — одвар первого умака Армии Хастора. Он командовал самым крупным кораблем воздушного флота. Под его началом находилось десять тысяч воинов и пятьсот боевых флайеров. Моя мать — принцесса Гатола.

Наша семья не была слишком богата, но наш род всегда отличался честностью и благородством, что ценится выше всех богатств на свете. Я выбрал профессию своего отца, предпочтя ее другим, более выгодным карьерам. Чтобы совершенствоваться в своем деле, я поступил на службу в Армию Тардоса Морса, джеда Гелиума, где я мог быть ближе к великому Джону Картеру, Главнокомандующему Барсума.

Моя жизнь в Гелиуме и военная карьера были такими же, как и у сотен других молодых людей. Курс обучения я прошел без всяких затруднений, не лучше и не хуже других, а затем меня назначили падваром в пятый утан, входящий в девяносто первый умак.

Я принадлежал к древнему роду, и в жилах моих текла королевская кровь моей матери. Поэтому дворцы Гелиума были всегда открыты для меня. На одном из приемов я встретил Саному Тора, дочь Тор Хатана, одвара девяносто первого умака.

Тор Хатан не принадлежал к древнему роду, но скажочно разбогател благодаря грабежам городов и ферм враждебных племен. И Тор Хатан стал могущественным человеком, чье влияние достигало даже трона джеда, так как в Гелиуме богатство почитают выше, чем благородство и древность рода.

Никогда не забуду тот вечер, когда я впервые увидел Саному Тора. Это был большой праздник в Мраморном Дворце Главнокомандующего. Под одной крышей собрались самые прекрасные женщины Барсума. И даже на фоне блистательной красоты Деи Торис, Тары из Гелиума, Тувии из Птарса красота Саномы Тора привлекала всеобщее внимание.

Я не хочу сказать, что Саномы Тора превосходила красотой этих признанных королев, так как понимаю, что не смогу быть беспристрастным. Но ведь были и другие, которые также отметили ее необычную красоту. Красота Саномы Тора отличалась от красоты Деи Торис, как своеобразный пейзаж полярных областей отличается от буйного великолепия тропиков, как строгий белый мраморный дворец в лунную ночь отличается от пышного дворцового сада в полдень.

Когда меня представили ей, она сразу взглянула на знаки отличия на моей форме. Увидев, что я всего лишь падвар, она сказала мне несколько ничего не значащих фраз и снова повернулась к двару, с которым перед этим беседовала.

Должен признаться, что мое самолюбие было уязвлено, и тем не менее именно ее пренебрежительное отношение ко мне укрепило мое намерение завоевать ее, так как чем труднее цель, тем заманчивее ее достижение.

Вот так я влюбился в Саному Тора, дочь командира умака, в котором я служил.

Долгое время я не мог продвинуться к своей цели ни на шаг. Я даже не встречался с ней несколько месяцев, так как из-за моей бедности и низкого положения меня не приглашали в их дом, а в других местах мне не удавалось встретиться с нею. Но чем она была недоступнее, тем сильнее я влюблялся в нее, и вскоре все свое время, когда я не был занят по службе, я посвящал разработке полубезумных планов ее завоевания. Я даже подумывал о похищении девушки и, вероятно, в конце концов, сделал бы такую попытку, так как не видел других способов. Но однажды двар 91-го умака, где я служил, пожалел меня и раздобыл приглашение на празднество во дворец Тор Хатана.

Хозяин дворца, который был и моим командиром, до этого вечера не замечал меня, и я был удивлен теплотой и сердечностью его приема.

— Мы должны видаться чаще, Хадрон из Хастора,— сказал он.— Я давно наблюдаю за тобой и уверен, что ты сделаешь хорошую карьеру на службе у джеддака.

Теперь я знаю, что он лгал, когда заявил, что наблюдал за мной. Тор Хатан весьма небрежно относился к службе как командир умака. Все свои обязанности он перепоручал своему тидвару. И хотя я не понимал причину столь неожиданной любезности, мне было приятно. К тому же это означало, что я сделал шаг, хотя и небольшой, к руке и сердцу Саномы Тора.

Саноме Тора была более вежлива со мной, чем в первый раз, но она оказывала заметно большее внимание Сил Вагису, чем мне.

Вряд ли в Гелиуме есть человек, которого я не могу терпеть больше, чем Сил Вагиса, напыщенного сноба, который носит титул тидвара, хотя к военной службе не имеет никакого отношения. Однако он вхож в дом Тор Хатана. Думаю, что это — из-за богатства его отца.

Такие люди имеют власть и вес только в дни мира. **А** когда начинается война, все командование и ответственность берут на себя настоящие воины, а не напoмаженные трусы, которые получили свои звания благодаря богатству.

Ну, а пока этот Сил Вагис отправил мне весь вечер. И все же я покинул дворец Тор Хатана в хорошем расположении духа, так как получил разрешение Саномы Тора посещать их дом, как только мои служебные обязанности позволяют это.

Возвращался я в казармы вместе со своим другом, и когда я рассказал о теплом отношении ко мне Тор Хатана, друг рассмеялся.

— Тебе смешно? Почему?

— Тор Хатан очень богат и могущественен. И все же, как ты можешь заметить, его не приглашают в самые знатные четыре дворца Гелиума. А ведь попасть туда — это большая честь.

— Ты имеешь в виду дворцы Главнокомандующего, джеддака, джеда и Карториса?

— Конечно. Разве есть более высокопоставленные и благородные люди? Все предполагают, что Тор Хатан низкого происхождения, а я уверен, что в нем нет ни капли благородной крови. Он настолько подобоострастен перед сильными мира сего, что готов отдать душу, чтобы приблизиться к ним.

— Но какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Именно поэтому ты и приглашен к нему.

— Не понимаю.

— Когда я беседовал с ним о тебе, ты, как падвар 5-го утана, не вызвал у него ни малейшего интереса, но когда я упомянул, что твоя мать принцесса Гатола, он наострил уши, а когда узнал, что ты принят как равный во дворцах четырех полубогов Гелиума, он чуть не сошел с ума. Теперь ты понимаешь?

— Понимаю. И тем не менее я рад возможности получить доступ в дом Тор Хатана. И я не упущу ее, какими бы неприятностями мне это ни грозило.

Я часто посещал дом Тор Хатана. Я был неплохим рассказчиком, умным собеседником, прекрасно танцевал — и поэтому я всегда был желанным гостем. Кроме того, я приглашал Саному Тора то в один из четырех знатнейших домов Гелиума, то в другой. Меня везде принимали радушно, так как я имел кровное родство с Го-

ханом из Гатола, который был женат на Таре из Гелиума. Я чувствовал, что продвигаюсь к цели, хотя несравненно медленнее, чем требовала моя возрастающая страсть. Никогда раньше я не знал любви, и мне казалось, что я умру, если в самом ближайшем времени не буду обладать Саномой Тора.

И вот в один из вечеров я пошел во дворец с самым решительным намерением положить сердце и руку к ее ногам. Правда, как и всякий влюбленный, я понимал, что я ничто для нее и она отвергнет меня. Но тем не менее я решил признаться ей, стать официальным поклонником, пусть даже отвергнутым. Я полагал, что это даст мне большую свободу действий. Это был один из тех чудесных вечеров, которые превращают древний Барсум в мир грез и очарования. Турия и Хлорус стремительно двигались по небесам, бросая мягкий свет на сад Тор Хатана, окрашивая все цветы в колдовские оттенки, заставляя сверкать дорожки, уложенные полудрагоценными камнями.

В одном из громадных холлов дворца на массивной скамье, сделанной из драгоценного черного дерева, сидели юноша и девушка. Такая скамья могла бы украсить дворец самого джеддака, так велико было искусство резчика, создавшего этот шедевр.

На одежде юноши был знак различия, по которому можно было узнать, что он падвар 91-го умака. Этим юношей был я, Хадрон из Хастора, а со мною сидела Санома Тора, дочь Тор Хатана. Внезапно вся моя решимость исчезла. Что мог я, бедный падвар, предложить прекрасной дочери могущественного Тор Хатана? Правда, во мне текла королевская кровь и это имело значение для Тор Хатана, но разве я мог хвастаться этим перед его дочерью и напоминать ей те преимущества, которые дает благородство происхождения? Значит, я мог предложить ей только большую любовь. А это самый большой дар, который может дать мужчина женщине, и я думал, что Санома Тора сможет оценить его и даже полюбить меня. Ведь иногда она даже посылала за мной. Правда, каждый раз оказывалось, что она желает поехать во дворец Тары из Гелиума, но все же это вселяло в меня надежду, что это не единственная причина, по которой она хочет меня видеть.

— Сегодня ты очень скучный, Хадрон,— сказала она после долгого молчания, во время которого я старался облечь в красивые слова свое признание.

— Это потому, что я хочу сказать тебе кое-что, очень важное для меня.

— И что это?— спросила она, впрочем, без особого интереса.

— Люблю тебя, Саном Тора,— пробормотал я.

Она рассмеялась. Ее смех напоминал серебряные капли, падающие на хрусталь,— прекрасные, но холодные.

— Это и так все знают. Зачем говорить об этом?

— А почему нет?

— Потому, что я не для тебя, Хадрон из Хастора, даже если бы я любила тебя,— холодно ответила она.

— Значит, ты не можешь полюбить меня?

— Я этого не говорила.

— Значит, можешь?

— Могу, если позволю себе эту слабость. Но что такое любовь?

— Любовь — это все.

Саном Тора рассмеялась.

— Если ты думаешь, что я свяжу свою жизнь с нищим падваром, даже если полюблю его, то ты ошибаешься,— надменно проговорила она.— Я дочь Тор Хатана, чье богатство и могущество ничем не меньше, чем богатство и могущество джеддака, У меня есть поклонники такие богатые, что могут купить тысячу таких, как ты. Уже год, как посланник Тул Акстара, джеддака Джахара, ждет согласия моего отца, чтобы я стала женой джеддака. Я, которая может стать джеддарой Джахара, никогда не буду женой нищего падвара.

Я встал:

— Может быть ты и права. Ты так прекрасна, что не можешь ошибаться. Но в глубине души я знаю, что счастье — это величайшее сокровище, которым может обладать человек, а любовь — это величайшее могущество. Без них, Саном Тора, даже джеддара — нищая.

— Я все же попробую.

— Надеюсь, что джеддак Джахара не такой толстый, как его посланник,— заметил я, пожалуй, с излишней злобой.

— Пусть он даже будет ожившей пивной бочкой. Мне все равно, если он сделает меня джеддарой.

— Значит, у меня нет надежды?

— Нет, пока тебе нечего предложить мне, падвар,— ответила она.

Затем слуги объявили о приходе Сил Вагиса, и я ушел. В глубоком отчаянии я побрел в казарму. Но даже и

сейчас, когда все мои надежды умерли, я не оставлял мысли завоевать ее сердце. Если цена ей богатство и власть, я добуду их. Как я собирался добывать это — я не знал, но я был молод, а для молодости нет ничего невозможного. Я лег и почти уснул, когда в казарму вбежал офицер охраны.

— Хадрон! Ты здесь?

— Да.

— Слава богу! — воскликнул он. — Я боялся, что не застану тебя.

— Что случилось?

— Тор Хатан, этот старый денежный мешок, сошел с ума!

— Тор Хатан? А при чем тут я?

— Он клянется, что ты похитил его дочь!

В одно мгновение я был на ногах.

— Похитили Саному Тора? Что с ней? Говори! Быстро!

— Да, она исчезла. И притом при таинственных обстоятельствах.

Но я уже не слышал. Схватив оружие, я побежал на крышу. У меня не было разрешения на использование флайера, но что это было по сравнению с тем, что Саномы Тора в опасности?

Охранники пытались остановить меня. Не помню, что я говорил им. Вероятно, что-то хорошо солгал, так как уже через мгновение я летел сквозь ночь к дворцу Тор Хатана.

До него было не более двух хаадов, и скоро я был там. Я приземлился в саду, который сейчас был ярко освещен. В саду толпились люди, и я сразу увидел Тор Хатана и Сил Вагиса.

Когда я соскочил с палубы, ко мне быстро подошел Тор Хатан.

— А вот и ты! — закричал он. — Что скажешь? Где моя дочь?

— Это и я хочу знать, Тор Хатан.

— Ты виновен во всем! Ты ее похитил! Она призналась Сил Вагису, что ты просил ее руки, а она отказала.

— Да, это так. Но если она похищена, то нет смысла терять время и связывать меня с этим похищением. Я здесь ни при чем. Как это случилось? Кто был с ней?

— Сил Вагис. Они гуляли в саду.

— Значит, ты был свидетелем похищения? — спросил я, повернувшись к нему. — И ты жив и даже не ранен?

Сил Вагис забормотал:

— Их было много.

— Ты их видел?

— Да.

— Я был среди них?

— Было темно. Я никого не узнал. Может, похитители были переодеты.

— Ты сражался с ними?

— Да, но меня обезоружили.

— Ты лжешь! Если бы ты вступил в бой, ты был бы убит. Нет, ты убежал и спрятался, не обнажив меча, чтобы защитить девушку.

— Это ложь! Я сражался, но меня обезоружили!

Я повернулся к Тор Хатану:

— Мы теряем время. Есть ли кто-нибудь, кто может членораздельно сказать, кто эти люди, откуда явились, куда исчезли?

— Он пытается отвести от себя подозрения, Тор Хатан!— крикнул Сил Вагис.— Кто может сделать это кроме отвергнутого поклонника? Что ты скажешь на то, что по эмблемам похитителей я понял, что это воины Хастора?

— Я скажу, что ты лжец,— ответил я.— Если было так темно, что ты не рассмотрел лиц, то как ты мог разглядеть эмблемы?

Тут к нам подошел офицер.

— Мы нашли человека, который кое-что может рассказать,— сказал он,— если, конечно, не умрет раньше.

Люди, обыскавшие сад Тор Хатана и прилегающую часть города, принесли человека. Он был в ужасном состоянии — переломаны руки и ноги, и он почему-то был раздет.

Один из рабов побежал во дворец, принес лекарство и влил его в рот несчастному. Тот пришел в себя.

— Кто ты?— спросил его Тор Хатан.

— Я воин городской охраны.

Один из офицеров подошел к Тор Хатану.

— Мы нашли шестерых человек, мертвых, и этого, который подавал еще признаки жизни. Все они были в ссадинах, кровоподтеках, у всех переломаны руки и ноги. И все раздеты.

— Может быть, мы узнаем правду от него?— спросил Тор Хатан и повернулся к раненому. Тот заговорил слабым голосом:

— Мы были в ночном патруле и, пролетая над городом, заметили флайер, летевший без огней. Мы при-

близились к нему, включили прожектора. Я заметил, что на флайере не было никаких опознавательных знаков, и конструкция его была мне совершенно не знакома. У него была длинная низкая кабина, из бортов торчали дула каких-то орудий. Я также успел заметить, что одно дуло направлено на нас. Падвар окликнул чужой флайер, но в это мгновение раздался выстрел, и наш корабль рассыпался, растворился в воздухе, даже все металлические пряжки моей одежды испарились. Дальше я только помню, что начал падать... и это все,— с этими словами человек вздохнул и умер.

Тор Хатан вызвал всех слуг.

— Кто-то из вас должен был видеть, что здесь произошло,— сказал он.— Я приказываю говорить всем, кто знает хоть что-то об этом деле, даже если в нем замешан кто-либо из присутствующих.

Один из рабов вышел вперед, и Тор Хатан смерил его презрительным взглядом.

— Ну,— спросил он.— Что ты хочешь сказать? Говори.

— Ты приказал, Тор Хатан,— сказал раб,— иначе бы я не осмелился, так как мне придется упомянуть имя могущественного дворянина,— и он бросил взгляд в сторону Сил Вагиса.

— Если ты скажешь правду, человек, ты получишь покровительство падвара, чей меч защитит тебя даже от могущественного дворянина,— сказал я и тоже посмотрел на Сил Вагиса, так как понял, что раб хочет рассказать мне кое-что об этом хлыще, изображающем из себя воина.

— Говори,— приказал Тор Хатан,— и смотри, чтобы не было лжи.

— Четырнадцать лет я служу тебе, Тор Хатан,— ответил раб,— с тех пор, как я был захвачен в плен в Короле, где служил в охране самого джеда. И все это время у тебя не было причин подозревать меня в вероломстве. Санома Тора доверяла мне, и если бы у меня был в этот вечер меч, Санома Тора была бы сейчас с нами.

— Говори! Говори!— крикнул Тор Хатан.— Что ты хочешь сказать?

— Он ничего не видел!— рявкнул Сил Вагис.— К чему терять время? Ему просто лестно наше внимание.

— Дайте ему сказать,— потребовал я.

— Я спускался по лестнице со второго этажа,— начал раб,— где готовил постель для своего господина, и

задержался на минуту на балюстраде, чтобы полюбоваться садом. Там я увидел Саному Тора и Сил Вагиса. Зная, что мне не следует следить за ними, я уже хотел идти дальше, как вдруг заметил флайер, бесшумно спускающийся в сад. На флайере не было огней. Казалось, что это корабль-привидение. Мое внимание привлекла не странная конструкция корабля, хотя и этого было достаточно, но я понял, что корабль, спускающийся ночью без огней, не к добру, и решил наблюдать за ним.

Флейер бесшумно сел позади Саномы Тора и Сил Вагиса. Они даже не заметили этого. А затем с корабля стали выскакивать воины, и Сил Вагис обернулся на шум. Мгновение он стоял, как парализованный, а затем повернулся и бросился в кусты.

— Это ложь!— крикнул Сил Вагис.

— Молчи, трус,— приказал я.

— Продолжай, раб,— сказал Тор Хатан.

— Санома Тора ничего не поняла, пока ее не схватили сзади. Все произошло так быстро, что я ничего не понял, пока не увидел, как ее схватили. Я бросился вниз по лестнице в сад, но мою хозяйку уже втащили на палубу. И даже тогда, если бы у меня был меч, я смог бы с честью умереть за Саному Тора, так как подбежал к таинственному кораблю тогда, когда туда поднимался последний воин. Я схватил его за одежду, попытался стащить вниз и закричал о помощи. И тут я получил сверху удар мечом по голове. Удар, к счастью, оказался скользящим и только оглушил меня. Я выпустил воина и упал без чувств. Когда я пришел в себя, корабль уже улетел, а надо мною стояли воины охраны. Я сказал все — и сказал правду.

Холодный взгляд Тор Хатана упал на Сил Вагиса.

— Что ты скажешь на это?

— Этот раб подкуплен Хадроном,— закричал Вагис.— Все, что он сказал,— ложь. Я напал на похитителей, но их было слишком много, и я ничего не мог сделать. Этот раб лжет.

— Дай, я посмотрю твою голову,— сказал я рабу.

Тот встал передо мной на колени. Все увидели красный рубец над левым ухом.

— Ну вот,— сказал я Тор Хатану, показывая на рубец,— вот доказательство того, что раб не лжет и что он мужественно вел себя. Теперь посмотрим, какие раны получил в бою дворянин Гелиума, который, как он

заявил, в одиночку сражался с целым отрядом. Уж наверняка хоть одну царапину он получил.

— Или же он великий фехтовальщик, как сам Джон Картер,— сказал с усмешкой двар дворцовой охраны.

— Это заговор!— завопил Сил Вагис.— Неужели ты ставишь слово раба выше слова дворянина Гелиума, Тор Хатан?

— Я верю тому, что видят мои глаза,— ответил Тор Хатан и отвернулся от Сил Вагиса. Затем он обратился к рабу: — Узнал ли ты кого-нибудь из похитителей? Видел ли ты их эмблемы?

— Я не смог увидеть лиц, но эмблему того воина, которого я держал, видел.

— И это эмблема Хастора?— спросил Тор Хатан.

— Клянусь предками, нет. Эта эмблема не принадлежит ни одному из городов Гелиума. Она мне неизвестна. Но все же что-то тревожит меня. Кажется, я ее видел, но где и когда, не помню. На службе джеда я сражался с воинами многих стран, и вполне возможно, что когда-то давно я видел эту эмблему.

— Ты удовлетворен, Тор Хатан?— спросил я.— Ты понял, что все инсинуации Сил Вагиса лишены основания?

— Да, Хадрон из Хастора.

— Тогда я ухожу.

— Куда?

— Искать Саному Тора.

— Если ты найдешь и вернешь ее мне, она будет твоей.

Я не нашел ничего лучшего, как поклониться ему за столь щедрое обещание, хотя понимал, что последнее слово будет за Саномой Тора.

Вскочив на палубу флайера, я взлетел в ночное небо и направился ко дворцу Главнокомандующего Барсума. Час был поздний, но я решил, что нельзя терять времени и я должен увидеться с ним.

II

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Подлетая к дворцу, я заметил там оживление, необычное для такого времени суток. Освещенные прожекторами флайеры прилетали и улетали, а когда я сел на крышу, то увидел много флайеров высших офицеров.

Меня хорошо знали во дворце, так как я часто бывал здесь, поэтому меня пропустили. Я очутился в приемной Главнокомандующего. Немного погодя раб пригласил меня в кабинет.

Хотя сидел я недолго, ожидание казалось мне вечностью, так как я был уверен, что женщина, которую я люблю, в страшной опасности. Почему-то, как бы ни смешотворна была эта мысль, я считал, что только я один могу спасти ее, и каждое мгновение задержки уменьшает мои шансы на успех.

Наконец, я вошел в кабинет и увидел, что здесь находятся все члены Военного Совета Гелиума.

— Я знаю,— сказал Джон Картер, сразу переходя к сути дела,— что привело тебя сюда, Хадрон из Хастора. Похищение Саномы Тора. Ты имеешь какие-нибудь сведения, могущие пролить свет на эту тайну?

— Нет. Я просто хочу просить разрешения вылететь сейчас же на поиски похитителей.

— Где ты хочешь искать их?

— Пока не знаю, но я найду их.

Он улыбнулся.

— Уверенность — половина успеха. Поэтому я даю тебе разрешение. Кроме факта похищения, что само по себе обязывает нас принять все меры по спасению дочери Гелиума и наказанию похитителей, в этом деле есть еще некоторые обстоятельства, указывающие на то, что империи угрожает страшная опасность. Ты, вероятно, уже знаешь, что таинственный корабль был вооружен каким-то излучателем. Загадочные лучи дезинтегрировали все металлические части корабля-патруля, а также оружие и металлические пряжки на одежде воинов. Мы тщательно осмотрели место, где упал флайер, а также трупы воинов. Все остальные вещества, кроме металла, не подвержены действию этих загадочных лучей.

Я говорю тебе об этом, так как это может дать ключ к определению местонахождения этого города — нового врага Гелиума. Ты понимаешь, что флот с таким оружием может нанести сокрушительный удар по Гелиуму, уничтожить великое государство...

К тому же в последнее время стали исчезать корабли нашего флота. Я проанализировал все случаи исчезновения и пришел к выводу, что они не возвращаются из рейсов в южной части западного полушария. Та часть планеты населена недружелюбными нам народами, и мы не поддерживаем с ними никаких контактов, даже торговых.

Это, Хадрон, только предположения. Тысяча одноместных разведывательных флайеров вылетит завтра на поиски похитителей, кроме того, большие военные корабли тоже примут участие в поисках города, обладающего столь разрушительным оружием.

Совершенно очевидно, что это новейшее изобретение и, следовательно, в самом скором времени таких излучателей будет изготовлено достаточно для того, чтобы вооружить большой флот. И тогда обладатель этого оружия станет властелином всего мира. Я сказал. Иди, Хадрон, и пусть фортуна благоприятствует тебе.

Можете мне поверить, что, получив разрешение Джона Картера, я не терял времени. Вернувшись в казармы, я быстро собрался, выбрав одежду, оружие — длинный меч, короткий меч, кинжал, пистолет. Кроме того, я взял много патронов и запас консервированных продуктов.

Пока я занимался сборами, мой ум лихорадочно искал причины похищения Саномы Тора. Я пытался найти хоть маленькую зацепку, ведущую к похитителям. И вдруг я вспомнил о Тул Акстаре, джеддаке Джахара. Может, это и есть ключ к тайне? Я вспомнил посланника Тул Акстара, посещавшего дворец Тор Хатана. Я слышал его хвастовство о богатстве и могуществе Тул Акстара, о красоте его жен. Может, в Джахаре и нужно искать похитителей? Перед отлетом я решил снова посетить дворец Тор Хатана, чтобы поговорить с рабом, последним видевшим Саному Тора.

И тогда я подумал о Дворце Знаний. Там можно было найти изображение эмблем всех государств Барсума. Тут же я бросился туда и с помощью служителя быстро нашел изображение эмблемы воинов Джахара. Через несколько минут я уже имел фотостатическую копию эмблемы и с нею поспешил во дворец Тор Хатана.

Самого одвара не было. Его вызвали к Главнокомандующему. Мажордом прислал ко мне раба, Кал Тавана, свидетеля похищения.

Когда он явился, я внимательно рассмотрел его. Крепкий, высокий, хорошо сложенный — настоящий воин.

— Насколько я помню, ты из Кобола? — спросил я.

— Я родился в Тьянате. Там у меня была жена и дочь. Жена погибла от руки убийцы, а дочь исчезла еще в детстве, я не знаю, что с нею случилось, где она. Горе мое было велико, и я не мог оставаться в Тьянате. Я стал пантаном-наемником и служил в Коболе.

— И ты знаешь эмблемы многих городов?

— Да.

— Чья это эмблема? — я достал копию эмблемы Джахара, которую принес из Дворца Знаний.

Он взглянул на нее, и глаза его сверкнули.

— Это она! — вскрикнул он.

— Ты видел такую же?

— Именно такая эмблема была у воина, которого я схватил возле флайера похитителей.

— Значит, похитители установлены, — сказал я и повернулся к мажордому.

— Пошли человека к Главнокомандующему и сообщите, что дочь Тор Хатана похищена воинами Джахара. Я убежден, что это сделано по приказу Тул Акстара. — Затем я повернулся и покинул дворец.

Взлетев над башнями Великого Гелиума, я взял курс на запад, в далекие неизведанные края, где находился Джахар. Теперь я был убежден, что Саноме Тора предстоит стать не джеддарой Тул Акстара, а его рабыней, наложницей, так как джеддаки не похищают будущих жен.

Я был уверен, что понял причину похищения правильно. Посланник Тул Акстара сообщил своему господину о необычайной красоте дочери Тор Хатана, а также о том, что она недостаточно высокого происхождения, чтобы стать джеддарой. И Тул Акстар решил похитить девушку, чтобы обладать ею. Кровь моя кипела при этих мыслях, но я был, несомненно, прав в своих предположениях.

За последние 10—20 лет воздухоплавание на Барсуме сделало большой скачок в развитии. Изобретения Карториса стали началом новой эры. Целые столетия мы считали, что достигли совершенства в этом деле, но Карторис смог переубедить нас. Благодаря его трудам существенно улучшилась конструкция кораблей всех классов, произошла революция в моторостроении.

Мы считали, что наши легкие мощные радиевые двигатели уже не могут быть улучшены, а полет в воздухе не может быть более безопасным, более экономичным, более быстрым — около 1100 хаадов в зод — приблизительно 100 земных миль в час. Но вот никому неизвестный падвар из Гелиума объявил, что изобрел новый двигатель, наполовину меньший по весу, чем нынешние модели, и позволяющий развивать скорость вдвое большую.

Именно такой мотор был установлен на моем флайере, он потреблял энергию, выделяемую из магнитного поля планеты.

Принцип действия мотора был известен только самому изобретателю и правительству. Тайна эта свято сохранялась.

Вокруг пропеллера была смонтирована сложная конструкция — аппарат выделения энергии, которая вращала пропеллер. Скорость контролировалась путем увеличения или уменьшения числа элементов аккумулятора энергии простым движением рычага. Пилот обычно лежал в кабине на животе и был привязан ремнями безопасности.

Предел скорости движения, как заявил изобретатель, зависит только от веса корабля. Мой флайер свободно развивал скорость 2000 хаадов в зод. Конечно, можно было увеличить количество элементов аккумулятора и увеличить скорость до 3000 хаадов, но любой флайер развалился бы на такой скорости на куски.

Другим чудесным изобретением Карториса был компас и автопилот. Достаточно выставить курс и можно спокойно ложиться спать. Корабль доставит вас до места назначения, спустится до высоты в сто ярдов и повиснет в воздухе, а специальное устройство разбудит пилота. Я полагаю, что Джон Картер подробно описал это устройство в одном из своих манускриптов.

Для меня сейчас этот прибор не представлял ценности, так как я не знал, куда лететь. Однако я выставил курс тридцать градусов южной широты, тридцать пять градусов восточной долготы, так как полагал, что Джахар находится где-то там, и включил автопилот.

На большой скорости я пролетел над обработанными и орошаемыми землями Гелиума и понесся над мертвой пустыней, покрытой желтым мхом. Это было дно давно пересохшего океана, по которому когда-то плавали корабли счастливого и процветающего народа. Но те времена давно прошли и остались лишь в легендах и сказках Барсума.

Кое-где на возвышенностях я видел древние памятники той эпохи — печальные полуразрушенные города древнего Барсума. Но даже в этих развалинах ощущались величие и величественность, которые поражали даже современного человека. Это были трагические следы, оставленные древней цивилизацией, которая двигалась за морем по мере того, как оно пересыхало. Го-

рода, лишавшиеся возможности заниматься коммерцией, теряли свое могущество и становились легкими жертвами диких орд зеленых кочевников, которые теперь стали единственными обитателями пустынных бесплодных равнин — дна пересохшего океана. Ненавидящие и ненавидимые, не знающие ни любви, ни жалости, ни счастья, ни покоя, не умеющие смеяться, плакать, они проводили свою жизнь в постоянных войнах друг с другом, со своими соседями; любой человек, попавший в эти безрадостные пустыни, становился жертвой их безудержной жестокости и алчности.

Но даже среди этих свирепых и жестоких обитателей пустынь наибольшей жестокостью отличалась орда зеленых из Торкаса.

Город Торкас, в древности отличавшийся богатством и великолепием, теперь был опустошен и полуразрушен. Но слава его была такова, что он до сих пор был отмечен на всех картах Барсума. Я никогда не видел его и поэтому решил пролететь над ним. И когда вдали я увидел горделивые башни и мощные укрепления Торкаса, я ощутил тревожное возбуждение, которое испытывали все красные люди Барсума при виде развалин древних городов.

Приблизившись к городу, я сбросил скорость и опустился пониже, чтобы рассмотреть его. Как он, вероятно, был прекрасен, хотя прошло много тысячелетий с тех пор, как его широкие улицы и просторные площади были полны жизни; город поражал воображение своим великолепием, которое не могло полностью уничтожить даже безжалостное время.

Я увидел улицы города, по которым много лет не ступала нога человека. Плиты мостовых заросли желтым мхом, из трещин выбивались корявые деревья и кусты. Молчаливые дворцы смотрели на меня. Кое-где крыши провалились, но в основном все было в полном порядке, и казалось, что город дремлет, грезит о своем прекрасном прошлом, когда в этих дворцах жили счастливые, гордые люди, по улицам ходили прекрасные женщины, одетые в шелка, и их драгоценности сверкали в солнечном свете при каждом движении гибкого тела. Я видел витрины богатых лавок, видел мачты кораблей, стоящих на якоре в гавани... Вот по широким улицам идут моряки, а возле дверей домов стоят суровые воины. Да, чудесные видения рождала мертвая тишина мертвого города! И вдруг возле одного из роскошных дворцов я

увидел то, что сразу вернуло меня из чудесного прошлого в реальность, — прямо подо мной я увидел несколько тотов, которые были привязаны к ограде большого сада.

Присутствие этих огромных животных могло означать только одно — значит, их свирепые хозяева где-то неподалеку.

Один из тотов поднял голову и, завидя меня, начал злобно реветь. Остальные, которых очень легко привести в бешенство, тоже стали реветь, и поднялся дикий шум, результат которого было нетрудно предугадать.

Зеленый воин выскочил из дворца и заметил меня и мой флайер. Поняв это и то, что скрываться не имеет смысла, я включил двигатель на полную мощность и поднялся на большую высоту. Я видел, что из дворца высыпало еще человек двадцать и первый воин показал на меня.

Я хорошенько отругал себя за любопытство, на удовлетворение которого у меня сейчас не было времени. Я поднимался вверх зигзагами, а снизу доносились свирепые крики зеленых. Я видел, как дула их длинных винтовок направлены в мою сторону. И вот я уже слышу свист пуль. К счастью, они пролетели мимо. Еще несколько секунд, и я буду вне досягаемости выстрелов зеленых. Я уже в душе благодарил своих предков за удачливость, как вдруг одна из пуль попала в корабль, но я уже вырвался из-под обстрела.

Злобные крики разочарования достигли моих ушей, когда я сделал вираж и взял курс на юго-запад, все еще не веря в свое везение.

Я уже пролетел семьдесят карадов от Гелиума и считал, что до Джахара осталось карадов пятьдесят-семьдесят. Я решил, что больше не буду подвергать опасности свою жизнь — ведь от меня зависит жизнь Саномы Тора, девушки, которую я люблю.

Я летел на большой скорости и вдруг ощутил, что мне трудно поддерживать высоту. Мой флайер терял способность держаться в воздухе. Я предположил, и последующий анализ подтвердил это предположение, что пуля зеленых пробита устройство, обеспечивающее полет.

Упрекать себя в преступной беззаботности было бы только напрасной тратой умственной энергии, хотя я могу заверить вас, что я вполне осознавал свою ошибку и ее возможные последствия, влияющие на судьбу Саномы Тора, так как мои шансы существенно уменьшались.

В этот момент я думал только о Саноме Тора, совершенно забыв о том, что и моя жизнь теперь находится в смертельной опасности.

Это был сильный удар по всем моим надеждам, но он не убил их полностью, так как человек не теряет надежды, пока жизнь еще теплится в нем.

Я не знал, сколько времени мой корабль продержится в воздухе, и поэтому единственное, что я мог сделать, это увеличить скорость полета, чтобы оставить между собой и зелеными как можно большее пространство. Я понимал, что недалек тот момент, когда мне придется приземлиться в этой пустыне.

Я пролетел примерно две тысячи хаадов от того места, где меня подбили зеленые из орды Торкаса. Сейчас я находился над заросшей мхом низменностью, где когда-то плескались волны залива. Далеко впереди виднелись низкие холмы — берег моря. Я направил флайер к холмам, надеясь, что высота полета позволит мне перелететь через них. Но чем ближе я подлетал, тем меньше надежды оставалось у меня. Я понял, что еще немного и мне придется садиться. И тут я увидел у подножия холмов развалины города. Ничего хорошего мне это не сулило, так как подобные развалины всегда служили местом обитания зеленых.

Сейчас я находился на высоте нескольких адов над землей (ад — примерно 9,75 фута). Я уменьшил скорость, чтобы не разбиться при приземлении, и это приблизило конец полета. Я опустил на покрытую желтым мхом равнину в хааде от бывшей набережной мертвого города.

III

ЗАПАДНЯ

Мне не повезло, так как я приземлился на совершенно открытой местности и был виден из города, как на ладони. У меня оставалась только жалкая надежда на то, что зеленые любят селиться в самых роскошных дворцах древних городов, которые обычно расположены далеко от берега. Поэтому я мог надеяться, что сумею добраться до города и укрыться в одном из домов на набережной. Впрочем, может быть, здесь вовсе нет зеленых людей.

Флайер больше не представлял для меня ценности, поэтому я мог со спокойной совестью покинуть его. Взяв оружие, патроны, немного еды, я быстро пошел по направлению к набережной. Не знаю, заметили ли меня враги, но во всяком случае я дошел до домов, не обнаружив ни одного живого существа.

В некоторых древних городах живут огромные белые обезьяны Барсума, которых все боятся, даже больше, чем зеленых дикарей. И не только потому, что они обладают страшной силой и чрезвычайно свирепы, но и потому, что они людоеды. Пожалуй, это единственные живые существа, которые вселяют ужас даже в зеленых людей Барсума.

Может показаться странным, что я, зная все опасности, которые могут подстергать меня в этих развалинах, тем не менее стремился к ним. Но у меня не было альтернативы. Остаться на голой, покрытой мхом равнине без всякого укрытия — это значит быть замеченным или зелеными, или белыми обезьянами, т. е. погибнуть. Значит, мне нужно было искать убежище, где я мог бы спрятаться до наступления ночи. Только под покровом темноты я мог надеяться благополучно пересечь пустынную равнину. Только город мог дать мне убежище, и поэтому я стремился к нему. Стоя на плитах набережной, я смотрел на дома, которые когда-то были складами, магазинами. А дома смотрели пустыми глазницами окон на меня, на пустую набережную, на пустыню, расстилающуюся за ними. Нет больше громадных кораблей! Нет занятой, спешащей толпы людей! Нет самого океана!

Перейдя через улицу, я вошел в одно из зданий, над которым возвышалась башня. Все здание, включая и башню, было в хорошем состоянии, и если бы я смог подняться на нее, я получил бы прекрасный наблюдательный пункт; оттуда я мог бы видеть и город, и равнину за ним, куда мне следовало идти ночью под покровом темноты. Мне ведь нужно было искать Джахар. Я вошел в здание и сразу оказался в огромном зале. Я не мог угадать его прежнего назначения, так как здесь не было ни мебели, ни чего-то другого, что могло бы натолкнуть меня на какие-то мысли по этому поводу. В углу зала находился большой камин, а слева от него я увидел лестницу, ведущую вниз, в подвальные помещения, и вверх. Я прислушался и, не услышав ничего подозрительного ни в самом здании, ни на улице, стал подниматься по лестнице.

Я поднимался с одного этажа на другой и на каждом этаже видел только один большой зал. Поэтому я предположил, что это нечто вроде пакгауза, где хранились товары, выгруженные с кораблей, пришедших в древний порт.

Вскоре я добрался до последнего этажа, а оттуда деревянная лестница вела в башню. Лестница была вполне крепкой, и хотя ей уже было больше пяти тысяч лет, я без колебаний решил довериться ей и стал подниматься.

Вокруг было темно. На каждой лестничной площадке я видел окна в стенах башни, но они были заделаны. Слабый свет проникал в башню откуда-то сверху.

Я уже был на второй лестничной площадке башни, когда мне послышался слабый шум позади.

Он был еле слышен, но настолько мертвой была тишина древнего города, что этот звук громом отозвался у меня в ушах.

Я остановился, посмотрел вниз, прислушался, но звук больше не повторился и я стал подниматься дальше. Я хотел подняться как можно выше и не задерживался, чтобы осмотреться. В конце концов я поднялся до места, где путь мне преградили доски. Они образовали как бы потолок верхнего помещения башни. В стене башни под самым потолком я увидел дверь. Было непонятно, зачем она здесь. Я изо всех сил уперся в нее плечом. Она подалась и со страшным скрипом петель открылась.

Я очутился в небольшой комнате на высоте двухсот футов над землей. В одном из окон висели проржавевшие останки древнего фонаря, который, вероятно, когда-то служил маяком для кораблей. Да, много лет прошло с тех пор, как горел огонь этого маяка. Ведь тогда еще источником энергии для этого маяка служило электричество, вырабатываемое специальными машинами, которые потребляли ужасно много горючего, а коэффициент полезного действия их был чрезвычайно мал.

Из окон башни открывался прекрасный вид по всем направлениям. К северу и северо-востоку, насколько мог видеть глаз, простиралось дно мертвого моря. На юге я видел цепь низких холмов, которые когда-то были берегом залива Торкас. На западе за развалинами великого города я увидел останки загородных вилл.

В самом центре города возвышалось величественное здание, которое, скорее всего, было дворцом джеддака. Этот город был столицей богатого государства и круп-

нейшим портом. Сейчас здесь властвовала тишина. Этот город являлся пророчеством для нас, нынешних обитателей Барсума.

Если древние люди мужественно, но тщетно боролись с уменьшением запасов влаги на планете, то перед нами стоит гораздо более страшная угроза. За последние несколько тысячелетий мужество, стойкость и богатство красных людей сделали возможным существование жизни на планете. Ведь если бы не огромные заводы, вырабатывающие воздух на планете, на ней не осталось бы ни одного живого существа. А эти заводы разработали, построили и обслуживают красные люди Барсума.

Я смотрел на город, и хотя мои мысли были заняты печальными размышлениями, я снова услышал шум где-то внизу. Я быстро подошел к двери, посмотрел вниз и на этот раз увидел то, от чего похолодело бы сердце самого отважного из людей Барсума,— я увидел жуткую искалеченную морду большой белой обезьяны Барсума.

Как только наши глаза встретились, это животное издало звериный рев и, отбросив всякую осторожность, с которой оно подкрадывалось ко мне, ринулось вверх по лестнице. Я успел захлопнуть тяжелую дверь прямо у нее над головой. И только тут я заметил, что на двери с внутренней стороны есть тяжелый засов. Можете мне поверить, что я не стал терять времени и быстро задвинул его. Вот таким образом я преградил путь белой обезьяне, но зато сам запер себя в этой ловушке, куда тоже забрался сам.

Да, я находился в ужасном положении — на высоте двухсот футов над землей, а единственный путь вниз отрезало мне самое страшное и кровожадное существо Барсума.

Я охотился на белых обезьян в Тарке, когда был гостем великого джеддака зеленых Тарс Таркаса, и я кое-что знал о коварстве, силе и свирепости этих тварей. Они во многом походили на человека, и даже их мозг лишь немногим уступал человеческому. Если человек воспитывал детеныша обезьяны с раннего возраста, он мог научить его очень многому. Но даже и в этом случае обезьяна оставалась диким зверем, которого следовало всегда опасаться. Было немало случаев, когда прирученная обезьяна убивала своего хозяина.

Когда-то в Хасторе я заплатил большую сумму, чтобы посмотреть на белую обезьяну. А сейчас я отдал

бы в десять раз больше, лишь бы не видеть ее. Обезьяна бешено рвалась ко мне. Сначала я тревожился, но потом понял, что крепкая дверь, сработанная древними мастерами, не уступит даже огромной силе этого свирепого существа. Значит, понял я, обезьяна не сможет проникнуть сюда таким путем. Поэтому я решил обойти башню и обдумать сложившуюся ситуацию. Выглянув из всех четырех окон, я увидел, что три окна выходили на крышу здания, находящуюся в ста пятидесяти футах под мною, а с четвертой стороны окно выходило на улицу. Я внимательно осмотрел стены, изыскивая возможность спуститься.

К тому времени, как я закончил осмотр, обезьяна пришла к заключению, что силой ей сюда не забраться. Я надеялся, что она отбросит мысль пообедать мною и уйдет. Но мои надежды не сбылись. Обезьяна сидела на лестнице, изредка меняя положение. Я не знал, насколько упорны эти существа в достижении своих целей, но все же надеялся, что настанет момент, когда обезьяне надоест сидеть под дверью и она уйдет. Однако время шло, а она терпеливо оставалась на месте. Я уже почти убедился, что это чудовище решило меня держать в осаде, пока голод не вынудит меня попытаться вырваться.

Я долго смотрел на холмы за городом, смотрел на запад, где находилась цель моего путешествия — Джахар.

Солнце уже клонилось к западу. Скоро тьма сменит свет, и что тогда?

Может, чудовище покинет свой пост, чтобы поискать пищу в другом месте? Но этого я знать не мог. Ведь обезьяна могла просто спуститься вниз и ждать меня там, зная, что другого пути у меня нет.

Возможно, вы удивитесь, что я, вооруженный мечом и пистолетом, боюсь открыть дверь и убить своего зловещего стража. Если бы я был убежден, что поблизости нет других обезьян, я, не колеблясь, поступил бы именно так. Но я знал их нравы и не сомневался, что в городе целое стадо этих зверей.

Звук выстрела наверняка привлечет сюда других зверей, и тогда мои шансы на спасение уменьшатся до минимума. Так что я понимал всю опасность положения, хотя и знал, что придет время, когда мне придется вступить в бой с обезьяной.

Солнце уже почти село, и длинные тени зданий протянулись по дну мертвого моря. И тут я увидел, что

к городу направляется отряд зеленых воинов верхом на своих свирепых тотгах. Их было примерно двадцать, и они ехали совершенно бесшумно, так как ноги тотгов утопали в желтом мягком мху, устилавшем пустыню. Они как привидения двигались в сумерках умирающего дня, представляя мне доказательство того, что судьба привела меня туда, где опасность со всех сторон окружает меня. И как бы в довершение списка всех опасностей, которые подстерегают людей на Барсуме, над пустыней прокатился рев бенса — страшного хищника пустыни.

Зеленые воины не могли заметить меня, и я смотрел, как они подъехали к городу и двигались по улице прямо передо мной. И тут я заметил маленькую фигурку, сидевшую перед одним из воинов. Темнота уже сгущалась, и кавалькада свернула на одну из улиц, ведущих в центр города. Но я успел разглядеть, что маленькая фигурка принадлежала женщине моей расы. Разумеется, она была пленницей, и я содрогнулся при мысли о том, какая судьба ожидает ее. Может, и моя Саном Тора была в таком же положении. Может... но нет, как она могла оказаться тут, в руках воинов свирепой и злобной орды зеленых?

Нет, это не она. Это невозможно. Но факт оставался фактом — пленницей была красная женщина. Саном Тора, или другая, из Гелиума или Джахара — это неважно. Мое сердце наполнилось жалостью к ней. Я забыл, в каком положении нахожусь сам, мне хотелось броситься вслед за всадниками и вырвать эту девушку из рук жестоких дикарей. Но, увы, насколько мизерны были мои шансы! Что мог предпринять для ее спасения я, которому самому еще нужно было спастись из за-падни?

Такие мысли будоражили меня, пробуждали мою гордость, и я решил: если не погибну, спасаясь сам, то сделаю все, чтобы спасти девушку. Во мне все же теплилась мысль, что эта девушка — Саном Тора, девушка, ради которой я готов пожертвовать всем, даже жизнью.

Стало совсем темно. Я приложил ухо к двери. Внизу было тихо, и я решил, что обезьяна покинула свой пост. Может, она просто спустилась ниже и ждет меня там? Ну, что ж, значит, битвы не избежать. Я вытащил пистолет из кобуры и начал отодвигать засов. И тут я услышал движение обезьяны — она была совсем близко.

Я замер. Что делать? Если я открою дверь, по всей вероятности меня ждет гибель. И какая польза от мо-

ей гибели этой несчастной пленнице? Ведь у меня есть еще один выход — не самый простой, может быть, даже очень опасный, но все же выход — я могу попытаться спуститься по стене башни. Шанс на спасение в этом случае не больше, чем открыть дверь.

Я подошел к окну и посмотрел на город. Была крошечная тьма, и я ничего не увидел. Откуда-то из темноты доносился рев тототов. Вероятно, там устроились лагерем зеленые воины. Значит, я смогу отыскать его по реву животных. Снова над холмами пронесся рев бенса, вышедшего на охоту. Я сел на подоконник, свесил ноги наружу, перевернулся на живот и соскользнул вниз. Держась обеими руками, я нашупал носком ноги углубление в стене, которое могло бы служить упором. Надо мною висела черно-голубая бездна, усеянная звездами, подо мной лежала черная бездна. Казалось, что меня отделяют от земли миллионы хаадов, хотя я знал, что до земли всего сто пятьдесят футов. И все же меня ждет на земле смерть, если я сделаю неверное движение или же у меня сорвется рука или нога.

При свете дня все трещины в стене казались глубокими, а сейчас... Казалось, что я ползу по гладко отполированной скале. Пальцы рук одеревенели. Ноги отчаянно искали хотя бы малейшую опору... Каждое мгновение я прощался с жизнью, и как только я находил хотя бы маленькую трещину, надежда снова вспыхивала во мне.

Распластавшись на стене, я отдыхал и, когда немного приходил в себя, снова начинал спуск. Так, поминутно прощаясь с жизнью, я спускался дюйм за дюймом. Проползая мимо окон, я старался производить как можно меньше шума, чтобы обезьяна не услышала меня.

Еще никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким, как в эту ночь, когда я спускался по каменной стене древнего маяка. Даже надежда покинула меня. Ладони и пальцы мои кровоточили, ногти обламывались. Как они держали мое тело, я до сих пор не знаю. Единственное, за что я тогда благодарил судьбу и благославлял предков, была тьма, окружавшая меня, так что я не мог видеть под собой зияющую бездну. Но зато я не мог понять, сколько мне осталось спускаться до земли, а взглянуть наверх, на чернеющий силуэт башни я боялся из страха потерять равновесие.

И все же я был гораздо ближе к земле, вернее, к крыше дома, чем предполагал. И тут я неосторожно ца-

рапнул ногами по стене. В мертвой тишине этот звук показался мне громом. Я понимал, что его может услышать обезьяна в башне. И мог только надеяться, что в ее мозгу этот звук никак не ассоциируется со мною. Но у меня не было времени для сомнений. Я продолжал спуск с удвоенной скоростью. До меня донесся шум из башни: что-то огромное и тяжелое быстро спускалось по лестнице. Может, это просто слуховая галлюцинация, подумал я, ведь мои нервы так напряжены. Через мгновение мои ноги коснулись крыши.

Я вздохнул с облегчением, но это облегчение было недолгим. Почти мгновенно я понял, что шум, доносившийся до меня из башни, не был галлюцинацией: огромная белая обезьяна выскочила из дверей в десятке шагов от меня. Она бросилась вперед без единого звука, видимо, не желая делить трапезу со своими сородичами. Я был с нею солидарен в этом и выхватил меч, а не пистолет.

Я казался беспомощным, жалким карликом по сравнению с этой громадиной, воплощением жуткой жестокости. Только сила и быстрота спасли меня от объятий обезьяны. Длинные могучие руки уже протянулись ко мне, но я успел одним ударом обрубить ее кисть и тут же отпрыгнуть в сторону. Обезьяна бросилась в мою сторону, но она не была столь проворна, и я вонзил меч в ее тело. Дикий крик ярости и боли вырвался из ее груди. Она снова ринулась на меня, но потеряла равновесие, попыталась удержаться на крыше, но тщетно. Вскоре снизу донесся глухой удар тяжелого тела о землю.

Боясь, что крики привлекут сюда других обезьян, я бросился бежать к северному краю крыши, где, как я заметил днем, я мог, прыгая на прилегающие крыши более низких зданий, спуститься на землю.

Над горизонтом поднялся холодный Хлорус. Прозрачный свет пролился на город, и я мог видеть крыши внизу. Мне пришлось прыгать с большой высоты, но все же это было безопаснее, чем спускаться через дом. Ведь там я мог столкнуться с другими обезьянами.

Соскользнув с края крыши, я на мгновение повис на руках, а затем отпустил их. Падение было долгим. Думаю, что на вашей планете с большой силой тяготения этот прыжок не прошел бы мне даром, но здесь, на Барсуме, со мной не произошло ничего серьезного. Затем я спрыгнул на следующую крышу, затем еще на одну — и вскоре был на земле.

Если бы я не видел девушку-пленницу, я сразу же направился бы на запад, в дикую пустыню, невзирая на опасность нападения бенса. Но сейчас моя совесть заставляла меня сделать все, чтобы освободить несчастную, попавшую в лапы этих жестоких и безжалостных дикарей.

Держась в тени зданий, я бесшумно продвигался к центральной площади, откуда доносился рев тотов. Площадь находилась на расстоянии доброго хаада от набережной, и мне пришлось пересечь несколько улиц. Наконец, я добрался до площади, уверенный, что никем не замечен.

В окнах одного из зданий я увидел свет. Однако я не осмелился пересечь площадь, освещенную луной, и стал пробираться туда, укрываясь в тени домов. Вскоре я добрался до здания, где остановились зеленые. Прямо передо мною было низкое окно, ведущее в комнату, соседнюю с той, откуда доносился разговор воинов. Я внимательно прислушался. В комнате было тихо. Я осторожно протиснулся в окно и очутился в полной темноте.

Проходя на цыпочках к двери, откуда я мог заглянуть в соседнюю комнату, я внезапно замер: моя нога коснулась чего-то теплого и мягкого. Рука моя потянулась к мечу, когда я ощутил движение чьего-то тела в темноте.

IV

ТАВИЯ

В жизни каждого человека бывают минуты, когда он вдруг обнаруживает, что его действиями руководят какие-то внешние силы, не подчиняющиеся его сознанию. Иногда это называют рукой провидения, иногда высказывают гипотезы о существовании какого-то загадочного шестого чувства, которого мы не осознаем. Но факт остается фактом: этой ночью я стоял в темной комнате древнего дворца покинутого города — и я не вонзил свой меч в мягкое тело, шевельнувшееся возле моих ног, хотя в моем положении это был бы самый разумный поступок. Я прижал острие меча к этому мягкому теплomu комочку плоти и прошептал одно слово:

— Тихо!

С тех пор я тысячу раз благодарил тени предков, что не подчинился вполне естественному инстинкту, так как в ответ я услышал тихий шепот:

— Не убивай, красный человек, я пленница и принадлежу к твоей расе...

Это был шепот девушки.

Я опустился на колени, быстро ощупал ее и обнаружил, что ее руки и ноги стянуты кожаными шнурами. Я быстро разрезал их.

— Ты одна?— спросил я ее, помогая подняться на ноги.

— Да. Они в соседней комнате. Они играют на меня, чтобы решить, кому я буду принадлежать.

В соседней комнате послышался шум.

— Они идут,— с ужасом сказала она.— Нам нужно бежать отсюда.

Я взял ее за руку, подвел к окну, через которое проник в дом, но, к счастью, мы не успели вылезти, так как из главного входа дворца вышел зеленый воин. Очевидно, это были звуки его шагов, которые мы услышали.

— Есть другой выход?— спросил я.

— Да. Напротив окна есть дверь, ведущая в коридор. Она была открыта, но потом зеленые заперли ее.

— Скорее всего, нам нужно уходить через дом,— сказал я.— Идем!

Ощупав стену против окна, я быстро обнаружил дверь. С большой осторожностью, стараясь не произвести ни малейшего шума, я отодвинул засов и открыл дверь. Больше всего я боялся, как бы не заскрипели древние петли. За дверью находился коридор, темный, как пучины Омеана, и я повел по нему девушку, закрыв за собой дверь и крепко держа ее за руку. Мы прошли мимо двери, за которой веселились зеленые, и пошли дальше. Черная тьма окружала нас долгое время, но вот впереди забрезжил свет. Мы подошли ближе, и я увидел, что он струится из открытой двери, ведущей в комнату. Из этой комнаты дверь вела на улицу. Я хотел пройти дальше и спрятаться где-нибудь в дальних комнатах дворца, но мое внимание привлек рев тот.

С раннего детства я имел дело с той разновидностью тотэв — низкорослых животных,— которые использовались в качестве ездовых людьми моей расы. Но, будучи в гостях у Тарса Таркаса, я познакомился с особенностями езды и на этих свирепых громадных тотэв.

Поэтому вполне естественно, что когда рев тотя привлек внимание, в голове мгновенно сформировался план бегства.

— Чего мы ждем?— спросила девушка.— Мы не можем бежать через комнату, так как нам придется пройти через двор.

— Напротив,— ответил я.— Я уверен, что именно здесь бежать проще всего.

— Но во дворе тоты. А зеленые воины всегда находятся рядом с ними.

— Именно потому, что здесь тоты, я и хочу выйти.

— Как только они почувствуют наш запах, они поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые. Нас сразу схватят.

— Может быть. В моем плане есть риск, но если он удастся, мы спасемся. Разумеется, если ты боишься, мы откажемся от этого плана.

— Нет, нет! Я не могу приказывать тебе, что делать. Ты мне помог, и я могу только следовать за тобой, но если бы я знала твой план, мне стало бы легче помочь тебе осуществить его.

— Все очень просто. Вот тоты. Мы заберем одного из них и уедем. Шансы на успех гораздо больше, чем если бы мы прятались во дворце. К тому же мы оставим ворота открытыми и все тоты разбегутся, так что зеленые не смогут сразу погнаться за нами.

— План сумасшедший, но смелый. Если нас обнаружат, нам придется драться, а я без оружия. Дай мне свой короткий меч, воин, я по крайней мере смогу тебе немного помочь.

Я отстегнул ножны короткого меча и прицепил их возле левого бедра девушки. Коснувшись ее крепкого тела, я не заметил никакой дрожи от страха или возбуждения. Она была спокойна, уверена в себе. Я был разочарован, когда в темноте комнаты обнаружил, что это не Санома Тора, но я был преисполнен решимости помочь бежать этой незнакомке, хотя знал, что ее присутствие может помешать мне выполнить мою задачу. Одному воину гораздо легче преодолеть все опасности, чем в сопровождении девушки. И вот теперь, когда моя рука лежала на тугом бедре девушки, мне было приятно почувствовать, что она не такая беспомощная, как я предполагал.

— Надеюсь, что тебе не придется пользоваться им,— заметил я, пристегнув ножны.

— Если возникнет необходимость, то я сумею сделать все, что надо,— ответила она.

— Прекрасно. Теперь идем, и держись поближе ко мне.

Я осторожно выглянул из окна и увидел двор, где находилось примерно двадцать огромных тотов. Однако зеленых воинов поблизости не было.

Тоты находились в дальнем конце двора. Одни лежали, другие ходили, как часовые. В другом конце двора я увидел ворота. Они были закрыты на засов и выходили на улицу города.

Самая главная наша задача — это добраться до ворот незамеченными тотами, поэтому я решил пройти в комнату, окна которой выходили прямо к воротам. Я тронул девушку за руку, и мы вернулись в коридор и пошли по нему, заглядывая в комнаты. Вот, наконец, и та, прямо перед окнами которой находились ворота. Я был доволен: все складывалось как нельзя лучше, все соответствовало плану, который сложился у меня в голове.

— Оставайся здесь,— прошептал я.— Если все будет хорошо, я поскачу здесь на тоте, а ты прыгай в седло сзади меня. Если же меня обнаружат и завяжется бой, я крикну: «За Гелиум!» Тогда ты должна спастись сама и не думать обо мне.

Она положила руку мне на плечо.

— Позволь мне пойти с тобой, два меча лучше, чем один.

— Нет. Мне одному будет проще справиться с тотами.

— Хорошо,— ответила она, и я оставил ее и прошел к окну. Некоторое время я осматривал двор и понял, что здесь ничего не изменилось. Затем я бесшумно выскользнул в окно и стал красться к воротам. Осмотрев засов, я понял, что его можно открыть легко и бесшумно. Еще секунда, и ворота распахнулись. Затем я переключил все свое внимание на тоттов. Это были практически дикие, неприрученные животные. Ими можно было управлять при помощи телепатии, а это требовало большого умения.

Я обучался этому искусству у самого Тарса Таркаса и могу без преувеличения сказать, что достиг в этом деле совершенства.

Укрывшись возле ворот, я сконцентрировал всю свою волю на том, чтобы воздействовать на мозг тотта, которо-

то я решил использовать для бегства. Мой выбор пал на это животное по той простой причине, что оно было ближе всех ко мне. Я сразу заметил результат своих усилий. Животное, которое общипывало мох, росший между каменными плитами, подняло голову и осмотрелось. Некоторое время тот стоял неподвижно, затем он двинулся вперед молча. Я мысленно приказывал ему не издавать ни звука. Вот он увидел меня. Я заставил его идти вперед. Это было очень трудно, так как он чувствовал, что я не его хозяин. Однако он шел. Уже приблизившись ко мне, он вдруг остановился, сердито хрюкнул. Вероятно, он ощутил мой запах и понял, что я даже не той расы, к которой он привык. Я изо всех сил напряг свои силы внушения. Он стоял, трясая головой и обнажая клыки. Я видел, что уже другие тоты обратили внимание на его странное поведение. Они все смотрели в мою сторону, а некоторые даже двинулись вперед. Я понимал, что если они обнаружат меня, то поднимут такой рев, что сюда сбегутся все зеленые воины.

Тот, которого я выбрал, долго стоял в нерешительности — уходить ему или же подчиниться моему приказу. Наконец, он пошел вперед ко мне. Я вывел его за ворота и подвел к окну. Там я быстро вскочил на него, девушка прямо из окна села позади меня, и мы выехали на широкую улицу.

Улица вела к холмам, и я пустил тоту на полную скорость. Оглянувшись, я увидел, что из ворот выбегают другие тоты. Они прекрасно знали, как им воспользоваться столь неожиданно обретенной свободой.

— Зеленые не смогут преследовать нас, — сказал я девушке, показывая кивком головы на тотых.

— Этой ночью наши предки с нами, — сказала она. — Будем молиться, чтобы они не оставили нас.

Впервые я мог хорошенько рассмотреть свою спутницу, так как и Турия, и Хлорус были в небе и света было вполне достаточно. И тут я изумился. Все это время я был уверен, что это девушка: и голос, и телосложение — все говорило об этом. Но теперь я увидел мальчишескую голову, одежду воина.

— А я думал, ты девушка, — вырвалось у меня.

Красивые губы раздвинулись в улыбке, обнажившей белые зубы.

— Я девушка, — услышал я.

— Но волосы... одежда...

Она весело рассмеялась. Когда я узнал ее лучше, я

понял, что она всегда много и охотно смеялась, хотя ее смех никогда не был обидным.

— Значит, мой голос меня выдал,— сказала она.— Это плохо.

— Почему?

— Потому что ты предпочел бы иметь товарищем воина, а не девушку, которая будет только помехой на твоём пути.

— Вряд ли,— сказал я, вспомнив, как она взяла у меня меч, намереваясь вступить в бой с зелеными.— Но скажи, кто ты и почему переделалась юношей.

— Я рабыня. Всего лишь рабыня, сбежавшая от своего хозяина. Возможно, ты будешь жалеть о том, что решил оказать помощь рабыне,— печально добавила она.

— Нет, нет,— сказал я.— Мне все равно, кто ты. Тем более, что я всего лишь бедный падвар, и у меня нет денег, чтобы приобрести раба. Может, тебе стоит сожалеть о том, что тебя освободил не богач.

Она рассмеялась.

— Я убежала от самого богатого человека в мире. Я не знаю никого, кто мог бы быть богаче Тул Акстара, джеддака Джахара.

— Ты принадлежала Тул Акстару?— воскликнул я.

— Да. Меня украли из города Тьяната, когда я была совсем маленькой. И с тех пор я жила во дворце Тул Акстара. У него было много женщин. Тысячи! Не знаю, что он делал с ними! Впрочем, некоторые жили в его дворце всю жизнь и никогда даже не видели его самого. А я видела...— она содрогнулась.— Он ужасен. Я была там очень несчастна. Я никогда не знала своей матери. И отца своего я плохо помню. Я была совсем маленькой, когда эмиссары Тул Акстара украли меня из моего дома в Тьянате. Во дворце у меня было много друзей среди рабов, воинов и офицеров. Меня учили обращаться с оружием и даже летать на флайере. Но затем моя беззаботная жизнь кончилась: Тул Акстар заметил меня. Заметил и приказал привести к нему. Я притворилась больной и не пошла, а ночью украла одежду воина, выкрасила лицо, чтобы походить на мужчину, пробралась в ангар и улетела на одноместном флайере.

Я считала, что они будут преследовать меня и поэтому полетела в сторону, противоположную Тьянату. Я хотела описать широкую дугу и прилететь в Тьянат с севера. Пролетая над Ксанатором, я заметила заросли

манталии и спустились, чтобы запастись соком этих растений — ведь я вылетела так поспешно, что не запаслась провизией. Я выбрала место для посадки среди огромных растений, а когда приземлилась, оттащила флайер под листья мантий, чтобы его не было видно с воздуха.

Затем я стала собирать сок растений, и тут меня заметили зеленые воины, которые приехали с той же целью. Вскоре они схватили меня, но не заметили флайера. Видимо, они не видели, когда я приземлялась. Я решила не говорить им о флайере.

Когда они собрали достаточно сока мантий, они вернулись в Ксанатор вместе со мною. Остальное ты знаешь.

— Значит, это Ксанатор?

— Да.

— А как тебя зовут?

— Тавия. А тебя?

— Тан Хадрон из Хастора.

— Красивое имя.

Она сказала это быстро, не задумываясь, и можно было предположить, что она лицемерит, не говорит правду. Однако, когда я узнал ее лучше, я понял, что главной чертой ее характера была искренность, честность. Однако в тот момент я не думал ни о чем, кроме той части ее рассказа, где увидел возможность нашего спасения.

— Мы сможем найти эту рощу мантий и место, где ты спрятала флайер?

— Думаю, что да.

— А флайер сможет поднять нас двоих?

— Это одноместный флайер, но он сможет поднять двоих, хотя скорость и высота подъема уменьшатся.

Она показала мне примерное направление, куда нужно ехать, и я повернул тот. Сейчас мы ехали к югу по дну мертвого моря. Турия быстро неслась по небесам, бросая изменяющиеся тени на желтый мох. Холодный Хлорус медленно и величественно плыл по небу. Свет этих двух спутников Барсума был достаточно ярким, и нас могли увидеть из Ксанатора. Однако я надеялся на то, что постоянно меняющиеся тени замаскируют наше движение, а к тому же все тоты разбежались из города, оставив своих хозяев без средств передвижения. Значит, они не смогут пуститься в погоню за нами.

Огромное животное быстро несло нас вперед, и вскоре я увидел впереди заросли манталий. Еще немного, и мы въехали в густую тень манталиевой рощи. Не без труда, но мы смогли найти флайер Тавии. Я был рад, что он оказался в хорошем состоянии, а также потому, что нам не пришлось столкнуться с белыми обезьянами — большими любителями сока манталии.

Я подъехал к флайеру как можно ближе и, оставив Тавию на тот, соскочил на землю и выкатил машину на открытое место. Затем я осмотрел ее и обнаружил, к своему облегчению, что она в полном порядке. Я очень боялся, что белые обезьяны могли обнаружить ее и разломать на части.

Убедившись, что все в порядке, я помог Тавии сойти на землю, и через мгновение мы уже были на палубе. Мерно заработал двигатель, и флайер взмыл в воздух, хотя и с некоторой натугой. Ночь Барсума поглотила нас, и мы очутились в безопасности, хотя и временной.

Флайер был той конструкции, о которой в Гелиуме давно забыли. Он не был оборудован новейшими средствами навигации, автопилотом. Поэтому пилот должен был постоянно находиться возле панели управления. Нам было очень тесно вдвоем. Пришлось сесть вплотную, и было невозможно изменить положение, не потревожив друг друга. Переднее стекло плохо защищало от ветра, но, к счастью, скорость полета была чрезвычайно низкой, а то бы мы быстро замерзли до смерти.

По обоюдному согласию мы взяли курс на юго-запад.

Я рассказал Тавии, что мне нужно было лететь в Джахар, объяснил причину этого. Она очень заинтересовалась историей похищения Саномы Тора и, хорошо зная обычаи двора Тул Акстара, не исключила возможности того, что Саномы Тора могла оказаться именно там. Однако насчет возможности ее освобождения она высказала большое сомнение.

Я увидел, что у нее нет особого желания возвращаться в Джахар, но она не стала препятствовать мне в достижении моей цели и даже сама указала точный курс полета.

— Тебе опасно возвращаться в Джахар? — спросил я.

— Конечно, — ответила она. — Но раб всегда должен подчиняться хозяину.

— Я не хозяин, а ты не рабыня. Мы с тобой товарищи по оружию.

— Я очень рада,— сказала она. И добавила после паузы:— Раз мы товарищи, то позволь мне сказать, что лететь прямо в Джахар неразумно. Этот флайер узнают сразу. Тебя же схватят как шпиона, и вместо того, чтобы освобождать Саному Тора, ты будешь сидеть в подземной тюрьме и по праздникам участвовать в играх на Большой Арене, где тебя рано или поздно убьют.

— Что ты предлагаешь?

— На юго-западе от Джахара лежит Тьянат, город, где я родилась. Это единственный город на Барсуме, где я могу получить дружеский прием. Тьянат примет меня, а, значит, примет и тебя. Там ты сможешь подготовиться к тому, чтобы проникнуть в Джахар. Это можно сделать, только переодевшись джахарцем, так как Тул Акстар не разрешает никому из чужих появляться в Джахаре, за исключением, конечно, захваченных рабов. В Тьянате ты получишь одежду, я обучу тебя их обычаям и манерам. И тогда ты можешь надеяться, что тебя могут принять за джахарца. Появление в Джахаре без предварительной подготовки — это смерть.

Я согласился со всеми ее доводами, и наш флайер изменил курс. Мы полетели к Тьянату, который находился на расстоянии шести тысяч хаадов отсюда.

Всю ночь мы летели со средней скоростью шестьсот хаадов в зод — совсем маленькая скорость по сравнению с той, к которой я привык.

Когда поднялось солнце, мне в глаза бросилась странная окраска флайера. Он был призрачно голубой.

— Почему такой странный цвет?— спросил я.

Тавия посмотрела на меня.

— Этому есть причина,— ответила она.— Но тебе не понять ее, пока ты не попадешь в Джахар.

V

В ПОДВАЛАХ

Под нами в призрачной полутьме Барсумской ночи плыла угрюмая пустыня, заросшая желтым мхом. Наш перегруженный флайер медленно пересек гряду низких холмов, служащих естественной границей владений орд зеленых. Когда наступило утро, мы с Тавией обсудили вопрос, лететь нам дальше или же для безопасности приземлиться и переждать день.

— Здесь летает мало флайеров,— заметила Тавия.— Если мы будем внимательно следить за воздухом, то успеем вовремя скрыться. А на земле мы можем стать добычей зеленых. Хотя мы и вылетели за пределы их территории, они часто ходят в набеги, далеко уходя от своих границ.

Поэтому мы решили лететь дальше, внимательно следя за небесами.

Монотонность пейзажа и утомительно медленный полет должны были бы надоесть мне, но, к моему удивлению, время прошло быстро, и это было заслугой остроумной и веселой Тавии. Да, Тавия оказалась очень приятным товарищем по путешествию. Мы говорили с ней обо всем на свете, и, конечно, много рассказывали о себе. И скоро я почувствовал, что знаю Тавию лучше, чем какую-либо другую женщину.

Тавия внушала к себе удивительное доверие, и я постепенно рассказал ей все: все свои заветные мечты, желания, стремления, обсудил с ней все свои страхи и сомнения, смущающие души всех молодых людей.

А когда я понял, насколько полно раскрыл душу перед этой маленькой девушкой-рабыней, я смутился, но искреннее сочувствие девушки постепенно успокоило меня, к тому же она точно так же делилась со мной своими глубоко личными проблемами.

Две ночи и один день потребовались нам, чтобы преодолеть расстояние между Ксанатором и Тьянатом. И вот в первом зодее второго дня мы увидели на горизонте башни города. И тут я пожалел, что Тьянат не находится на другом краю планеты, так как понял, что время, проведенное с Тавией, было самым счастливым в моей жизни.

И вот путешествие позади. Тьянат перед нами. Если не считать Саному Тора, то я редко искал общества женщин. И это не потому, что я не любил их, просто я не считаю возможным для себя вступить в близкие отношения с женщиной, если не питаю к ней серьезных чувств. И вот теперь вдруг оказалось, что я могу насладиться обществом женщины, которую не люблю.

— Вероятно, это Тьянат,— сказал я, показывая на далекий город.

— Да.

— Должно быть, ты рада, что путешествие кончается,— заметил я.

Она искоса взглянула на меня, нахмурилась.

— Может быть, я должна была бы радоваться,— загадочно ответила она.

— Это же твой дом,— напомнил я.

— У меня нет дома.

— Но у тебя там друзья,— настаивал я.

— У меня нет друзей.

— Ты забыла о Хадроне из Хастора.

— Нет, я не забыла, что ты был добр ко мне, но я помню и то, что я всего лишь эпизод в твоих поисках Саномы Тора. Возможно, завтра мы расстанемся навсегда и никогда больше не увидимся.

Я тоже думал об этом и должен сказать, что мне это совсем не нравится. И тем не менее это было правдой.

— У тебя быстро найдутся здесь друзья.

— Надеюсь. Но меня увезли отсюда тогда, когда я была совсем маленькой, и я почти ничего не помню о жизни в Тьянате. Он для меня ничего не значит. Я была бы счастлива в любом месте Барсума... если бы там у меня был друг.

Мы уже были вблизи стен города и вскоре увидели флайер — видимо, патрульный корабль. Он стремительно пикировал на нас. Тавия пронзительно вскрикнула — ее крик разорвал утреннюю тишину. Почти сразу же в городе раздались звуки труб, барабанов — поднялась тревога. Патрульный корабль взмыл вверх, а из города вылетели боевые корабли, и через несколько мгновений мы были окружены.

Я попытался переговорить с экипажами ближайших флайеров, но мой голос тонул в звуках труб. Сотни пулеметов были направлены на нас, готовые уничтожить наш корабль при первых признаках опасности.

— В Тьянате всегда так встречают гостей?— спросил я у Тавии.

Они покачала головой.

— Не знаю. Я могла бы понять такой прием, если бы мы летели на большом военном корабле... но маленький одноместный флайер?.. Слушай!— вдруг воскликнула она.— По цвету и конструкции флайера они поняли, что это корабль Джахара. Люди Тьяната знают этот голубой цвет и боятся его. Но непонятно, почему они сразу не открыли огонь.

— Не знаю, почему они сразу не начали стрелять, но я понимаю, почему они не стреляют сейчас. Их корабли настолько тесно сгруппировались, что могут поразить друг друга.

— Ты не можешь дать им понять, что мы друзья? Я стал делать дружеские жесты. Однако корабли не приближались к нам. Тревожные звуки труб смолкли, и мы оказались в молчаливом круге кораблей.

Снова я кричал:

— Не стреляйте! Мы — друзья!

— Друзья не прилетают в Тьянат на таких голубых флайерах,— ответил мне офицер с ближайшего корабля.

— Подлетайте к нам ближе, и мы сможем доказать, что не представляем опасности для вас.

— Если вы друзья, то сможете доказать это просто, выполняя наши приказы.

— Что вы хотите?

— Приземляйтесь вне пределов города — примерно в хааде от ворот. А затем вместе со своим компаньоном идите в город пешком.

— Вы можете обещать, что нас примут хорошо?— спросил я.

— Вас допросят,— ответил он.— И если у вас все в порядке, вам бояться нечего.

— Отлично. Мы сделаем так, как вы приказали. Просигнальте вашим кораблям, чтобы нам освободили путь.— Затем в образовавшуюся брешь я направил флайер вниз и медленно опустился вне пределов города.

Мы пошли к городу, а когда приблизились к нему, ворота распахнулись и нас встретил отряд солдат. Было ясно, что они боятся нас. Падвар, командовавший отрядом, остановился, когда нас разделяло еще несколько сотен софадов.

— Бросайте оружие!— приказал он и идите вперед.

— Но мы не враги. Неужели народ Тьяната не знает, как встречать гостей?

— Делайте, как вам говорят, иначе мы уничтожим вас обоих.

Я не смог сдержать возгласа негодования, когда снял свое оружие. Тавия тоже бросила на землю меч, который я ей дал. Мы, полностью безоружные, подошли к воинам. Но даже и тогда падвар не был удовлетворен. Он приказал тщательно обыскать нас и только после этого повел нас в город.

И когда ворота города закрылись за нами, я понял, что мы скорее пленники, чем гости в этом городе. Однако Тавия пыталась уверить меня, что когда жители услышат наш рассказ, они освободят нас и окажут самое радушное гостеприимство.

Воины привели нас к большому зданию, и мы по лестнице поднялись на крышу, где нас уже ждал флайер. Падвар передал нас офицеру, который отнесся к нам с нескрываемой враждебностью и даже ненавистью.

Мы поднялись на борт флайера, и тот сразу взмыл в воздух и полетел к центру города.

Под нами проплывал Тьянат. Я видел, что этого города не коснулись веяния нового времени. На всем лежала печать древности. Многие дома были так стары, что нуждались в ремонте, хотя сам город утопал в зелени садов и производил скорее приятное впечатление, чем удручающее. Вскоре мы приземлились на крыше одного из домов вблизи дворца джеда.

Под усиленной охраной нас провели в какое-то официальное помещение, где нам пришлось довольно долго ждать аудиенции чиновника высокого ранга.

Чиновник, видимо, уже все знал об обстоятельствах нашего появления в Тьянате.

— Что вам нужно в Тьянате, джахарцы? — спросил он.

— Я не из Джахара, — ответил я. — Посмотрите на мою эмблему.

— Эмблему заменить не сложно.

— Этот воин не менял эмблему, — сказала Тавия. — Он не из Джахара. Он из Хастора. Это я из Джахара.

Чиновник удивленно посмотрел на нее:

— Значит, ты не отрицаешь этого?

— Но я родом из Тьяната.

— Как это?

— Меня в детстве украли из Тьяната, и всю свою жизнь я провела как рабыня при дворе Тул Акстара, джеддака Джахара. Только недавно мне удалось бежать на том флайере, на котором мы прилетели в Тьянат. Возле Ксанатора меня захватили в плен зеленые воины. Этот человек, Хадрон из Хастора, спас меня. Мы вместе прилетели в Тьянат, надеясь на дружеский прием.

— Кто твои родные в Тьянате?

— Не знаю. Я была ребенком. Я практически ничего не помню о жизни в Тьянате.

— Как твое имя?

— Тавия.

Чиновник, до этого рассеянно слушавший ответы девушки, внезапно насторожился, в глазах его вспыхнули огоньки.

— Ты ничего не знаешь о своей семье и родных? — спросил он.

— Ничего.

Чиновник повернулся к падвару, который привел нас:

— Пусть остаются здесь до моего возвращения.

С этими словами он поднялся и быстро вышел.

— Кажется, он обратил внимание на твое имя,— заметил я.

— Вряд ли.

— Может, он знает твою семью? Во всяком случае, по его поведению можно предположить, что нами будут заниматься.

— Надеюсь, что да.

— Видно, все твои беды позади,— сказал я.— И я буду счастлив за тебя.

— А ты, вероятно, получишь здесь помощь и сможешь продолжать поиски Саномы Тора.

Она проговорила это очень тихо, почти печально.

Как ни велика была моя радость от того, что после разговора с чиновником у меня появилась надежда на будущее, она омрачалась предстоящей разлукой с Тавией. Казалось, что я знаю ее целую вечность, так эти несколько дней, проведенные с нею, сблизили нас.

Я знал, что мне будет не хватать ее острого ума, ее сердечности, ее дружелюбия. Но в памяти моей всплыли прекрасные черты Саномы Тора. Я вспомнил свой долг и постарался отогнать прочь все сожаления, так как зная, что любовь — более сильное чувство, чем дружба, а я любил Саному Тора.

Нам пришлось довольно долго ждать возвращения чиновника. Когда он появился, я впился глазами в его лицо, стараясь найти на нем признаки хороших вестей, но лицо его было непроницаемо. А когда я услышал его слова, обращенные к падвару, я вообще ничего не мог понять.

— Заточите женщину в Восточную башню,— сказал он,— а этого человека в подземную тюрьму.

И все. Это было как удар в лицо. Я взглянул на Тавию и увидел, что она смотрит на чиновника широко раскрытыми глазами.

— Значит, мы пленники?— спросила она.— Я, дочь Тьяната, и этот воин, представитель дружественного народа, который пришел сюда, надеясь на помощь и защиту?

— Вы все узнаете, когда предстанете перед джедом,— рявкнул чиновник.— Я все сказал. Уведите их.

Воины грубо схватили меня. Тавия повернулась ко мне.

— Прощай, Хадрон из Хастора. Это моя вина, что ты здесь. Простишь ли ты меня?

— Не кори себя, Тавия,— сказал я.— Кто мог это предвидеть?

Нас вывели из комнаты через разные двери, и когда мы повернулись, чтобы в последний раз посмотреть друг на друга, слезы были на глазах Тавии и в моем сердце.

В подвале, куда меня немедленно привели, было сыро, холодно, но там не было крошечной тьмы. Через железные решетки двери в мою камеру проникал тусклый свет из коридора, где слабо светили древние радиевые лампы. Да, это был свет, и я благодарил судьбу за это. Я был уверен, что сошел бы с ума, если бы оказался в заключении в крошечной тьме.

Меня приковали тяжелой цепью к железному кольцу, замурованному в стене. Затем охранники вышли и закрыли за собой тяжелую дверь с металлической решеткой.

Когда шаги охранников затихли, я услышал возле камеры слабый шум. Что это могло быть? Я пристально вглядывался в сумрачный полумрак.

Когда мои глаза привыкли к слабому свету, я увидел в своей камере фигуру человека возле стены. А когда он двинулся, я услышал звон цепей. Но вот его лицо повернулось ко мне, но я не мог различить его.

— Еще один гость попробовал гостеприимства Тьяната?— спросил голос — чистый голос мужчины, приятный голос.

— Значит, здесь таких, как я, много?— спросил я.

— В этой камере я был один. Теперь нас двое. Ты откуда?

— Я из Хастора. Из империи Тардоса Морса, джедака Гелиума.

— Ты далеко забрался.

— Да. А ты откуда?

— Я из Джахара. Мое имя Нур Ан.

— А мое? Хадрон. Почему ты здесь?

— Я пленник, так как я джахарец. А какое преступление совершил ты?

— Они решили, что я из Джахара.

— Почему? На тебе была эмблема Джахара?

— Нет. На мне эмблема Гелиума. Но получилось так, что я прилетел сюда на флайере Джахара.

Он присвистнул.

— Это трудно будет объяснить,— сказал он.

— Это я уже понял. Они не поверили ни моим словам, ни словам моего товарища.

— Значит, ты был не один? Где же второй?

— Это была девушка. Она родилась в Тьянате, но долго жила в Джахаре. Может, позже они освободят ее, но пока мы в тюрьме. Я слышал, что ее приказали заточить в восточную башню. А меня приказали бросить в подвал.

— И ты сгниешь здесь, если тебе не посчастливится попасть на Игры, или тебе так не повезет, что тебя приговорят к смерти.

— Что такое смерть?— спросил я, заинтригованный его тоном, когда он произнес это слово.

— Не знаю. Но охранники утверждают, что это нечто ужасное. Может, они просто пугают меня, но все же мне бы не хотелось встретиться со смертью.

— Тогда будем надеяться на Игры,— заметил я.

— В Тьянате живут скучные и глупые люди. Охранники мне говорили, что Игры бывают здесь очень редко, раз в несколько лет. Но все же будем надеяться, так как гораздо лучше умереть с мечом в руке, чем гнить здесь или быть приговоренными к смерти, какова бы она ни была.

— Ты прав, будем надеяться, что джед Тьяната захочет развлечься в самое ближайшее время.

— Так значит ты из Хастора,— сказал он после долгого молчания.— Это далеко отсюда. Тогда действительно важное дело привело тебя сюда.

— Я пробирался в Джахар.

— Возможно, что тебе повезло, что ты попал сюда. Хотя я сам из Джахара, я не могу похвастаться та-мошним гостеприимством.

— Значит, меня и там не ждал сердечный прием?

— Клянусь предками, нет,— воскликнул он.— Тул Акстар бросил бы тебя в подвалы, даже не спросив твоего имени. А подвалы в Джахаре гораздо страшнее, чем здесь.

— Я не предполагал ставить в известность Тула Акстара о своем появлении.

— Ты шпион?

— Нет. Дочь командира умака, в котором я служу, была похищена джахарцами. И у меня есть причины полагать, что ее похитили по приказу Тул Акстара. Я отправился сюда, чтобы освободить ее.

— Ты говоришь это джахарцу,— сказал он.

— Да, и без раздумий. Во-первых, я понял, что ты не друг Тул Акстара, а во-вторых, у тебя мало шансов в скором времени оказаться в Джахаре.

— Ты прав и в том, и в другом. Я действительно не испытываю дружеских чувств к Тул Акстару. Он — настоящее животное, ненавидимое всеми честными людьми. У меня такая же причина ненавидеть Тул Акстара, как и у тебя, так что мы действительно связаны общими узами.

— Каким образом?

— Всю свою жизнь я просто презирал Тул Акстара. Но это презрение не трансформировалось в ненависть, пока он не украл женщину.

— Женщину из твоей семьи?

— Мою невесту, ту, на которой я хотел жениться. Я дворянин. Я происхожу из богатого и древнего рода. Поэтому Тул Акстар имел основания бояться меня. Он конфисковал мое имущество и приговорил меня к смерти. Но у меня было много друзей, и один из них, простой воин, помог мне бежать.

Я пробрался в Тьянат и рассказал мою историю Хай Озису, джеду, и положил свой меч к его ногам. Однако этот старый идиот увидел во мне только шпиона и приказал бросить меня в подземную тюрьму, где я и нахожусь с тех пор.

— Видимо, Джахар действительно несчастный город, раз им правит такой человек, как Тул Акстар. Я много слышал о нем, но хорошего — ничего.

— В нем и нет ничего хорошего. Это жестокий тиран, погрязший в коррупции и разврате. И если бы великие города Барсума узнали, о чем мечтает этот тиран, то Джахар был бы давно стерт с лица земли, а сам Тул Акстар уничтожен.

— Что ты имеешь в виду?

— Последние двести лет Тул Акстар вынашивает мечту покорить всю планету. Он делает все, чтобы увеличить численность своей армии. Каждая женщина в городе взята на учет, и ведется строгий контроль рождаемости каждой женатой пары. Женщины, производящие на свет младенцев мужского пола, поощряются. В результате произошел буквально взрыв в численности населения — и одновременно голод, так как сельское хозяйство Джахара не способно прокормить столько людей. В некоторых районах даже наблюдаются случаи каннибализма.

И все это время офицеры Тул Акстара готовят будущих солдат — с самого раннего детства в их мозг вбивается мысль о войне. В войне и только в войне они видят выход из того жуткого положения, в котором оказался город. Они грезят войной, так как понимают, что победа — это грабежи, пища, богатство. Уже сейчас Тул Акстар имеет такую громадную армию, что будущее Барсума в его руках. И ему мешает только одно обстоятельство, чтобы начать войну.

— Что же?

— Тул Акстар трус. Создав огромную армию, он боится пустить ее в дело, опасаясь поражения. Поэтому сейчас он заставил работать ученых Джахара, чтобы те создали новейшее оружие, способное сделать его армию непобедимой. Оружие, которого нет ни у кого.

Многие годы лучшие умы Джахара работали над этой проблемой, и вот один выдающийся человек по имени Фор Так создал такое оружие. Это вызвало к нему ненависть со стороны других ученых. И даже сам Тул Акстар, получивший оружие, не проявил никакой благодарности. Фор Так подвергался гонениям, унижениям, и он не выдержал — сбежал из Джахара. Но это уже было неважно. Тиран получил, что хотел, а на старого ученого ему плевать.

Естественно, меня заинтересовало новое оружие, и я надеялся, что Нур Ан расскажет мне о нем, но расспрашивать его я не рискнул. Каждый человек — патриот, и он не захочет рассказывать чужому человеку военные тайны своего города. Однако я вскоре убедился, что патриотизм, присущий каждому гражданину Гелиума, чужд жителям Джахара. Они не испытывают к своему джеддаку ничего, кроме ненависти и злобы за то, что он довел свой народ до такого состояния. И поэтому я не очень удивился, когда Нур Ан добровольно рассказал мне все, что знал об этом новом оружии Джахара и средствах защиты от него.

— Это новое оружие, — говорил он, — делает все армии Барсума беззащитными против нас. Оно излучает невидимые лучи, которые вызывают смещение молекул металлов и их испарение. Я не ученый и не могу тебе объяснить, как это все происходит, но я слышал, что эти лучи меняют заряд протона на противоположный, и тогда все составные части молекулы теряют связь друг с другом и разлетаются в стороны. Я также слышал, что Фор Так в процессе исследований обнаружил, что время, ве-

щество и пространство — это три ипостаси одного явления. И масса металла, на который действовали лучи Фор Така, преобразуется в элементарные составляющие пространства. Но я этого не понимаю.

Так что теперь Тул Акстар имеет огромную армию, мощное оружие — и тем не менее он колеблется. Он боится начать войну, хотя его армия требует этого. Сейчас он оправдывает свою задержку тем, что необходимо создать средство обороны против этого оружия. Ведь оно может быть изобретено в любой другой стране, или же его тайна может быть выкрадена из Джахара шпионами. И к его удивлению, помощник Фор Така избрал вещество, рассеивающее эти лучи, делающее их безвредными. Теперь это вещество голубого цвета покрывает все металлические части флайеров Джахара.

Однако Тул Акстар снова откладывает войну. Он требует, чтобы было изготовлено огромное количество оружия и создан большой флот, способный нести это оружие. Тогда, обещает он, наш флот двинется на завоевание Барсума.

Теперь мне все стало понятно об уничтожении патрульного флайера в ночь похищения Саномы Тора. А когда Нур Ан позже рассказал мне о нападении экспериментальных флайеров Тул Акстара на Тьянат, я понял, почему голубой цвет флайера, на котором прилетели мы с Тавией, вызвал такой страх. А когда я вспомнил, что по направлению к Джахару летит флот Гелиума, чтобы рассчитаться за похищение Саномы Тора, и подумал, что его ждет, стало совсем плохо. Ведь это мое послание, переданное Главнокомандующему через мажордома Тор Хатана, вело флот Гелиума к гибели. А я в это время сижу в подвале Тьяната, закованный в цепи и не способный ничего предпринять для его спасения. У меня перед глазами вставали жуткие картины — разваливающиеся в воздухе корабли, гибнущие люди...

Если бы я мог сейчас обрести свободу, я мог бы предупредить воинов Гелиума, спасти их от смерти, а кроме того, я мог бы проникнуть в Джахар, но не только ради спасения Саномы Тора, но и для того, чтобы раскрыть тайну вещества, защищающего от лучей Фор Така.

Свобода! Теперь это не просто желание быть свободным, присущее каждому человеку, нет, теперь она была необходима мне, чтобы я мог выполнить свой долг!

ПРИГОВОРЕН К СМЕРТИ

Но я недолго пробыл в подвале. Вскоре пришли воины, сняли с меня цепи и вывели из тюрьмы. Их было только двое, и я не мог не заметить, что они были довольно беспечны, и я решил, что меня ведут, чтобы освободить.

Дворец джеда Тьяната не представлял собой ничего особенного. Более того, он казался мне хижинкой бедняка по сравнению с роскошными дворцами знатных людей Гелиума. И хотя я был уверен, что иду к свободе, я все же не забывал, что я в тюрьме, и смотрел на все окружающее так, чтобы не упустить ни одной детали, которая могла бы быть мне полезна во время бегства. Я знал, что во что бы то ни стало должен вырваться на свободу.

Вскоре мы пришли в большой зал, и я оказался перед человеком, роскошно одетым, вся одежда которого была усыпана драгоценностями.

Я сразу понял, что стою перед Хай Озисом, джедом Тьяната. Джед внимательно осмотрел меня с головы до ног. Во взгляде его сквозила подозрительность, которая как я уже знал, была основной чертой его характера.

— Как твоё имя и откуда ты?— спросил он.

— Я Хадрон из Хастора, падвар армии Гелиума.

— Ты из Джахара,— заявил он.— Ты прилетел из Джахара на флайере Джахара с женщиной из Джахара. Ты будешь отрицать это?

Я подробно рассказал Хай Озису, что привело нас сюда. Я рассказал ему все о Тавии и, должен сказать, он проявил достаточно терпения, слушая меня, хотя я чувствовал, что его мнение было мне уже известно, и что бы я ни говорил, оно уже не изменится.

Вожди и придворные окружали джеда. Они слушали меня, скептически улыбаясь. Я видел, что они не верят ни одному моему слову. Я понял, что этот страх парализовал их и они не способны правильно воспринимать реальность. Они на все смотрят сквозь линзы, искаженные ужасом.

Когда я закончил рассказ, Хай Озис приказал вывести меня в переднюю, и я довольно долго ожидал там решения моей судьбы, которую джед обсуждал со своими советниками.

Когда меня снова ввели в кабинет, я почувствовал, что вся атмосфера здесь буквально заряжена антагонизмом. Я снова стоял перед тронном джеда.

— Законы Тяаната справедливы,— заявил Хай Озис, глядя на меня.— А джед Тяаната милостив. Враги Тяаната будут наказаны по справедливым законам, но милости им не следует ожидать. Ты, кто называет себя Хадроном из Хастора, на самом деле шпион нашего самого злейшего врага, Тул Акстара. И я, Хай Озис, джед Тяаната, приговариваю тебя к смерти. Я все сказал.

Величественным жестом он приказал охранникам увести меня.

Просить о милости было бессмысленно. Судьба моя была решена и подписана. Но к своей чести должен сказать, что пока я в полной тишине шел к выходу, шаг мой был тверд и уверен, а голова высоко поднята.

По пути в подземную тюрьму я спросил одного из охранников о судьбе Тавии, но он либо не знал ничего, либо не счел возможным сказать мне о ней. Вскоре я уже был снова прикован к стене возле Нур Ана.

— Ну?— спросил он.

— Смерть,— ответил я.

Он положил руку мне на плечо.

— Мне очень жаль, мой друг.

— У человека только одна жизнь,— ответил я. И если он отдает ее за доброе дело, ему нечего сожалеть о ней.

— Ты умираешь за женщину.

— Я умираю за женщину Гелиума,— уточнил я.

— Может, мы умрем вместе?

— Что ты имеешь в виду?

— Пока тебя не было, мне сообщили, что в ближайшем времени мне предстоит встретиться со смертью.

— Интересно, что же это такое,— заметил я.

— Не знаю. Но судя по тому, что я слышал, это нечто ужасное.

— пытки?

— Возможно.

— Ну что ж, они узнают, что воин Гелиума умеет достойно умереть.

— Надеюсь, что я тоже не покажу им, что мучаюсь и страдаю. Но все же мне хотелось бы заранее знать, что нас ждет, чтобы подготовиться.

— Не нужно думать об этом,— ответил я.— Лучше давай подумаем, как нам обмануть врагов и сбежать.

— Боюсь, это невозможно.

— Я на это отвечу словами Джона Картера — я еще жив!

— Слепая философия мужественного человека,— сказал он.— Но тем не менее бессмысленная.

— Она долгие годы служит мне и выручала из самых безвыходных положений. Мы еще живы, Нур Ан, не забывай об этом, мы еще живем!

— Радуйтесь этому,— сказал голос из коридора,— так как это будет длиться недолго.

Говоривший вошел в камеру — это был начальник охраны и с ним еще кто-то. Я подумал, что он успел услышать, но вскоре мне пришлось убедиться, что он услышал только последние слова: мы еще живы!

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что вы еще живы?— спросил он.

Я сделал вид, что не слышу вопроса, и охранник не стал его повторять. Он прошел прямо ко мне и снял с меня цепи. Затем он повернулся ко мне спиной, чтобы снять цепи с Нур Ана. Я отметил его беспечность. Его товарищ стоял возле двери.

Я проявил невероятную выдержку: хотя я жаждал свободы больше жизни, я выжидал, пока охранник снимет цепи с Нур Ана. И все это время я ждал, приготовившись к прыжку. А затем я прыгнул на спину охраннику. Тот упал лицом вперед на каменный пол. Тут же я выхватил кинжал из его ножен и вонзил его в спину охранника. Он умер с тихим вздохом. Слишком тихим, чтобы его звук наполнил подвал и вызвал тревогу у других охранников.

Но его товарищ у двери все видел и слышал. Он шагнул вперед, держа в руке длинный меч. И тут я увидел в деле Нур Ана.

Все произошло так быстро, как удар молнии, и любой другой человек даже не успел бы сообразить, что произошло. Но Нур Ан уже бросился вперед на своего противника. Он голыми руками противостоял охраннику, вооруженному мечом.

Полумрак в камере несколько мешал охраннику. Он видел, что на него прыгнул Нур Ан, но не знал, вооружен ли он. Он колебался некоторое время, затем отступил к выходу, где было светлее. И тут я выхватил длинный меч из ножен поверженного охранника и тоже напал на второго противника.

Мечи скрестились, и я сразу понял, что охранник довольно посредственный фехтовальщик. Я мог делать с

ним, что хотел. Он тоже это понял и стал отступать к выходу. Однако я не хотел выпускать его. Обрушив на него град ударов, я прижал его к стене так, что он не осмеливался повернуться и бежать или же просто звать на помощь.

— А теперь что?— спросил Нур Ан.

— Ты знаешь дворец?

— Нет,— ответил он.

— Значит, нам придется полагаться только на то небольшое, что успел узнать я. Сейчас мы переоденемся в их одежду. Возможно, что это поможет нам выбраться наверх. Ведь блуждать по подвалам, не зная их, бессмысленно.

— Ты прав,— ответил он. И мы через пять минут вышли из камеры, одетые как воины Хай Озиса, джеда Тьяната. Прекрасно понимая, что некоторое время нашим лучшим союзником будет наглость, я направился по коридору, совершенно не намереваясь прятаться или скрываться.

— Возле главного хода во дворец сильная охрана,— сказал я Нур Ану.— И не зная правил входа и выхода, будет верным самоубийством, если мы попытаемся пройти там.

— Что же ты предлагаешь?

— На первом этаже дворца слишком оживленно. Люди постоянно ходят вокруг. Несомненно, что на верхних этажах более спокойно. Поэтому мы должны искать убежище там. И, воспользовавшись балконом, мы сможем бежать из дворца.

— Прекрасно! Веди меня!

Поднимаясь по винтовой лестнице, мы постепенно выбрались из подвалов и оказались на первом этаже дворца.

Проходя через первый этаж, мы видели множество людей: офицеры, воины, придворные, слуги, рабы, чиновники, торговцы... Все они были заняты своими делами. Но именно их количество и было спасением. Мы затерялись в этой толпе.

Вскоре мы оказались возле широкой лестницы, ведущей наверх. Без колебаний я пробрался сквозь толпу и вместе с Нур Аном начал подниматься.

И тут же мы встретили спускающегося по лестнице офицера. Но он не удостоил нас даже взглядом, и я вздохнул с облегчением. Только теперь я окончательно убедился, что наш маскарад удался.

На втором этаже людей было гораздо меньше, но все же больше того, что удовлетворило бы меня, поэтому мы снова стали подниматься наверх. А на третьем этаже коридоры дворца были практически пустынными.

Лестница вывела нас прямо на пересечение двух широких коридоров. Здесь мы задержались на мгновение, выбирая, куда идти. В конце одного коридора показался человек и помог решить проблемы: мы свернули в другой. Это был длинный коридор, видимо, тянувшийся вдоль всего дворца. По обе стороны от него я видел двери — одни закрытые, другие распахнутые настежь. В некоторых помещениях через открытые двери я видел людей, другие были пусты. Последние мы осмотрели внимательно — они могли оказаться ценными для нас.

Мы прошли уже примерно две трети коридора, как перед нами в двухстах футах вдруг появился офицер, кажется, падвар охраны. Он остановился, и из той же двери вышла колонна воинов. Они выстроились по два и пошли в нашу сторону. Офицер пошел сзади.

Это была проверка нашего маскарада, и я не хотел рисковать. Слева от нас была открыта дверь. За дверью никого не было, и я сказал Нур Ану:— Идем! — Без излишней спешки мы вошли в комнату, и я тотчас закрыл дверь за нами. Сразу же я увидел женщину в другом конце комнаты, которая смотрела на нас.

— Что вам здесь нужно, воины?— спросила она.

Да, положение было очень неприятным. В коридоре я слышал бряцание оружия приближающихся воинов. И девушка тоже слышала это. Если у нее возникнут подозрения, то она тут же позовет на помощь. А как я мог не возбудить подозрений, если не мог придумать ни малейшей причины, которая могла бы объяснить присутствие двух воинов. Видимо, это были покои кого-то из королевской семьи, и войти сюда без разрешения означало немедленную смерть для простого воина.

Пожар мыслей вспыхнул в моей голове, но, скорее всего, я действовал подсознательно, ибо разум не мог мне помочь в такой безвыходной ситуации.

— Мы пришли за девушкой,— грубо сказал я.— Где она?

— Какая девушка?— удивленно спросила она.

— Пленница, конечно.

— Пленница? — она проявила еще большее удивление.

— Конечно,— сказал Нур Ан.— Где она?

Я чуть не улыбнулся, так как знал, что Нур Ан понятия не имеет, о чем я говорю.

— Здесь нет пленницы,— ответила девушка.— Это покой младшего сына Хай Озиса.

— Значит, этот идиот направил нас не туда, куда надо,— сказал я.— Просим извинить за вторжение. Нас послали за Тавией, пленницей.

Это было только предположение. Я не знал, держат ли ее, как пленницу, и во дворце ли она.

— Ее здесь нет. А вам лучше скорее покинуть это помещение, так как если вас застанут здесь, ничего хорошего вас не ждет.

Нур Ан пристально вглядывался в девушку, а затем шагнул к ней.

— Черт побери! — воскликнул он.— Это же Фао!

Девушка отшатнулась, глаза ее широко раскрылись. И вот она узнала Нур Ана.

— Нур Ан!

Нур Ан порывисто схватил ее за руку:

— Я думал, что ты мертва, Фао. Когда капитан вернулся, он сказал, что ты и многие другие убиты.

— Он солгал. Он продал нас в рабство. А ты, Нур Ан, что ты здесь делаешь в одежде солдата Тьяната?

— Я пленник. И этот воин тоже. Мы находились в подвале дворца в заключении и сегодня должны были встретиться со смертью. Но мы убили двух охранников, которые пришли за нами, и сейчас пытаемся найти выход из дворца.

— Значит, вы не ищите Тавию?

— Мы ищем и ее. Она тоже пленница.

— Возможно, я смогу вам помочь,— задумчиво сказала Фао.— Может, нам удастся всем убежать.

— Я без тебя не побегу, Фао,— сказал Нур Ан.

— Наконец-то судьба оказалась милостивой ко мне, сказала девушка.

— Где Тавия?— спросил я.

— В Восточной Башне.

— Можешь ты проводить нас или показать дорогу?

— Вам не выйти туда, так как вход охраняется. Но есть другой путь.

— Какой?— спросил я.

— Я знаю, где находятся ключи.

— Пусть судьба вознаградит и защитит тебя, Фао. Но скажи, где мне найти ключи.

— Я сама проведу тебя туда. Но безопаснее идти вдво-

ем. Пусть Нур Ан останется здесь. Я его спрячу в безопасном месте. Затем мы пойдем к пленнице, и если удастся, вернемся сюда. Я здесь служу, и в покои маленького принца никто не заходит. Здесь я спрячу вас на некоторое время, пока не появится возможность бегства.

— Мы в твоих руках, Фао. Если придется драться, я хотел бы идти вместе с Хадроном,— сказал Нур Ан.

— Надеюсь, что драться не придется,— ответила девушка. Она открыла небольшую дверцу, и за нею оказался небольшой стенной шкаф.— Сюда, Нур Ан,— сказала она.— Сиди здесь до нашего прихода. Вряд ли кто-либо заглянет сюда. На моей памяти эта дверца еще никогда не открывалась.

— Еще совсем недавно мне не нравилось прятаться,— с гримасой сказал Нур Ан.— Но в последнее время мне пришлось делать столько всего, что мне не нравится...— и он полез в шкаф. Глаза его и девушки встретились на мгновение, когда она закрывала дверцу. Я был удивлен всем происходящим, так как Нур Ан рассказывал мне о женщине, которую у него украл Тул Акстар. Но все это не мое дело, к тому же сейчас не время думать об этом.

— Вот мой план, воин,— сказала Фао, подойдя ко мне.— Когда вы пришли сюда, вы сказали, что пришли за пленницей Тавией, и я поверила вам. Сейчас мы пойдем к хранителю ключей Е Сено, и ты скажешь ему то же самое. Если он поверит, все будет хорошо, так как он пойдет за нею сам. А затем передаст ее тебе.

— А если не поверит?

— Он зверь, которому лучше быть мертвым, чем живым. Так что ты будешь знать, что делать.

— Я понял. Веди меня.

Кабинет Е Сено, хранителя ключей, находился на четвертом этаже, как раз над покоями маленького принца. Возле двери Фао остановилась и прошептала:— Я войду первая под каким-нибудь незначительным предлогом. Затем входи ты и не обращай на меня внимания. Нельзя, чтобы он понял, что мы вместе.

— Ясно,— сказал я и отошел в сторону, чтобы меня не было видно.

Я выждал немного и затем вошел в кабинет. Это была угрюмая комната без окон. На стенах висели ключи самой разнообразной формы и размеров. За огромным столом сидел человек отвратительного вида. Он поднял на меня

глаза, явно недовольный, что я прервал его занятие.

— Ну? — спросил он.

— Я пришел за пленницей Тавией. Пленницей из Джахара.

— Кто послал тебя? Зачем она тебе?

— Мне отдал приказ привести ее Хай Озис.

Он с подозрением посмотрел на меня:

— У тебя есть письменный приказ?

— Конечно, нет. В этом нет необходимости. Она не выйдет из дворца. Просто будет переведена в другое помещение.

— Нужен письменный приказ, — рявкнул он.

— Хай Озис будет недоволен, когда узнает, что ты отказался выполнить его приказ.

— Я не отказываюсь. Я не могу выдать пленницу без письменного приказа. Представь мне письменный приказ, и ты получишь ключи.

Я видел, что план терпит крах. Нужно было принимать другие меры. Я выхватил меч.

— Вот мой приказ! — крикнул я и бросился на него.

Он с ругательством схватил меч, но вместо того чтобы защищаться, отскочил назад и ударил мечом в большой медный колокол.

Тут же я услышал топот бегущих ног, бряцание оружия в коридоре. Е Сено сардонически улыбнулся, но тут свет погас, и комната без окон погрузилась во мрак. Нежные пальцы коснулись моей руки, и я услышал шепот:

— Идем со мной!

Я пошел за ней, и мы прошли в небольшую дверь как раз в тот момент, когда распахнулась дверь в коридор и на фоне светлого прямоугольника появились фигуры воинов. Затем дверь за нами закрылась, и мы снова очутились в темноте, но мягкие пальцы Фао держали мою руку.

— Тише! — прошептала она.

Я слышал из-за двери сердитые громкие слова. Затем чей-то властный голос спросил:

— Что тут случилось? Включите свет!

И немного погодя:

— Ну, наконец. Где Е Сено? А, вот ты где, жирный шакал. Что за шум?

— Он убежал! — это был голос охранника.

— Кто убежал? Почему ты вызвал нас?

— На меня напал воин. Он требовал ключи от камеры, где содержится дочь... — остального я не слышал.

— Где же он? — спросил офицер.

— Он исчез. И ключи тоже. Ключи исчезли! — Е Сено уже не говорил, он визжал.

— Тогда быстро туда, в камеру, — крикнул офицер, и по топоту ног я понял, что все они бросились туда.

Девушка возле меня шевельнулась, и я услышал ее тихий смех.

— Они не найдут ключи.

— Почему?

— Потому что я взяла их.

— Нам от этого пользы мало. Они будут тщательно охранять дверь камеры.

Фао снова рассмеялась.

— Они — да. Но нам не нужен ключ. Я взяла его, чтобы сбить их со следа. Они будут охранять дверь, а мы войдем другим путем.

— Я не понимаю.

— Этот коридор находится внутри стен и ведет прямо в камеру. Я это знаю, так как сама сидела в той камере и Е Сено приходил туда этим путем, а Е Сено, я надеюсь, не ходил к Тавии. Ведь если ты ее любишь, то это причинило бы тебе горе.

— Я не люблю ее. Она просто мой друг.

Я произнес эти слова чисто механически, но ощутил, как оказался во власти могучих эмоций; мне показалась невыносимой сама мысль о том, что этот гнусный Е Сено мог посещать Тавию. Этот сгусток эмоций изменил меня. Если раньше я хотел просто убить Е Сено, то теперь мне хотелось разорвать его на куски, заставить его мучиться перед смертью. Еще никогда в жизни я не испытывал такого звериного чувства.

— В чем дело? — спросила Фао. — Ты весь дрожишь.

— Да, дрожу.

— Почему?

— От ненависти к Е Сено. Но давай поспешим. Ведь теперь, когда ключи исчезли, Тавию могут перевести в другую камеру.

— Хай Озис не узнает о пропаже ключей: ни Е Сено, ни падвар охраны не сообщат ему, так как это может стоить им жизни. Они будут ждать тебя возле камеры, чтобы убить и забрать ключи.

Она вела меня по узкому темному коридору, держа за руку, мы шли медленно, так как было совсем темно, а коридор постоянно поворачивал под прямым углом.

Наконец, мы остановились.

— Мы пришли,— прошептала Фао.— Но нужно удостовериться, что в камере нет никого, кроме пленницы.

Я ничего не видел в абсолютной темноте, и для меня оставалось загадкой, как Фао нашла нужную дверь.

— Все в порядке,— прошептала она, отодвинув в сторону деревянную панель, и я увидел внутренность круглой камеры с узкими зарешеченными окнами. На груди тряпья сидела женщина. Я видел только ее обнаженное плечо, маленькое ухо и распущенные волосы. И с первого взгляда я понял, что это Тавия.

Мы вошли в камеру, и Фао задвинула панель. Услышав звук наших шагов, Тавия выпрямилась, посмотрела на нас и, узнав меня, вскочила на ноги. Глаза ее широко раскрылись, с губ готов был сорваться возглас изумления. Но я жестом заставил ее замолчать. Я подошел к ней и заглянул в глаза. В них я увидел то, чего еще никогда не видел в глазах женщины. И если бы я сомневался в дружбе Тавии, то эти сомнения сразу бы исчезли. Но я не сомневался в ней, меня удивила только глубина ее чувств. Если бы таким взглядом на меня смотрела Саном Тора, я был бы уверен, что это любовь, но мы с Тавией не говорили о любви, и я знал, что она не питает ко мне ничего, кроме дружбы. До этого момента я не понимал, какое это чудесное чувство — дружба.

— Хадрон,— прошептала она. Голос ее был чуть хриплым от сдерживаемых эмоций. И тогда я обнял ее хрупкие плечи, привлек к себе и, не понимая, что делаю, поцеловал ее в лоб. Она мгновенно освободилась от моих рук, и я боялся, что она превратно истолкует мой поцелуй. Но ее слова убедили меня в обратном.

— Я думала, что никогда больше не увижу тебя, Хадрон из Хастора,— сказала она.— Я думала, что тебя убили. Как ты очутился здесь? И в одежде воинов Тьяната?

Я коротко рассказал ей обо всем, что произошло, и о том, что я, хотя бы временно, уклонился от встречи со смертью. Она спросила меня, что такое смерть, но я промолчал.

— Это что-то ужасное,— сказала Фао.

— Что же?— спросил я.

— Не знаю,— ответила девушка.— Только это ужасно. В подвале дворца есть бездонная яма. Оттуда постоянно слышны рев, жуткие вопли. Приговоренного к смерти опускают в эту яму, но так, чтобы он не погиб при падении, а живым достиг дна и там встретился лицом к лицу с тем, что его ждет. Эта пытка длится очень долго, так как

крики несчастных жертв доносятся оттуда постоянно.

— И ты избежал этого! — воскликнула Тавия. — Мои молитвы не остались без ответа. Дни и ночи я молилась, чтобы ты остался жив. Как теперь нам убежать отсюда?

— Я думаю, что с помощью Фао нам это удастся. Нур Ан, о котором я говорил тебе, сейчас прячется в покоях маленького принца. Мы вернемся туда, и Фао спрячет нас там до тех пор, пока появится возможность бежать.

— Нам нужно уходить отсюда поскорее, — сказала Фао.

Когда мы подошли к панели, через которую проникли в камеру, она была отодвинута, хотя я был уверен, что Фао закрыла ее. Более того, я мог бы поклясться, что из черноты потайного коридора на нас кто-то смотрел.

Я ринулся в темное отверстие, обнажив меч. Но в темном коридоре никого не было...

VII

СМЕРТЬ

С Фао во главе мы пошли по коридору к кабинету Е Сено. Когда мы добрались до него, Фао остановилась и прислушалась, чтобы понять, есть ли кто-нибудь в кабинете. Было тихо, как в могиле.

— Я думаю, что вам с Тавией лучше остаться здесь до ночи, — сказала Фао. — Я вернусь к своим обязанностям, а когда во дворце все затихнет, я приду за вами.

Мы согласились, что это правильно, и Фао, попрощавшись с нами, приоткрыла панель и выскользнула из коридора. Все было спокойно, а затем мы с Тавией погрузились в полную темноту.

Долгие часы ожидания в кромешной тьме могли бы показаться бесконечными. Но мы с Тавией удобно устроились, сидя на полу и опираясь о стену, и шепотом разговаривали. Время прошло незаметно, и я даже удивился, увидев, что панель скользнула в сторону и появилась Фао. Она поманила нас за собой, и мы повиновались ей.

Мы пошли по пустому коридору, спустились по лестнице. Все благоприятствовало нам. Мы не встретили ни одного человека. И вот, наконец, Фао открыла перед нами двери покоев принца и пригласила войти.

Когда мы вошли, мое сердце упало. Вдоль стен стояли воины, поджидавшие нас. Я спрятал за себя Тавию и бро-

сился с нею к двери. Но весь коридор уже был наводнен воинами. Пути к бегству не было.

Мы были окружены. Моей первой мыслью была мысль о предательстве Фао, которая завела нас в западню, откуда не было выхода. Нас затащили в комнату, окружили. И тут я увидел Е Сена. Он стоял, злобно ухмыляясь. Но Тавия заверила меня, что он не причинил ей вреда, поэтому я не бросился на него, несмотря на то, что десяток мечей были направлены на меня.

— Ну? — сказал Е Сено. — Вы хотели одурачить меня? Но я не идиот. Я понял ваш план и выследил вас. Я слышал все ваши планы. Теперь вы все в моих руках. — Он показал на маленькую дверь и приказал воину: — Давайте сюда и этого!

Воин открыл дверцу. В шкафу стоял связанный Нур Ан с кляпом во рту.

— Освободите его! — приказал Е Сено. — Теперь в этом нет необходимости. Он уже никого не сможет предупредить.

Мы все четверо стояли перед Е Сено, и ухмылка на его лице сменилась взглядом, полным ненависти.

— Вы двое были приговорены к смерти, как это положено шпионам. Нет более ужасной смерти. Но за то, что вы убили двух наших товарищей, вам придется страдать еще больше.

Значит, они нашли убитых охранников. Ну так что? Кто и что еще более страшное они могли приготовить нам? Мы приговорены к смерти, а это самое страшное.

— У вас есть что сказать? — спросил Е Сено.

— Мы еще живем! — сказал я и рассмеялся ему в лицо.

— Скоро вы будете молить богов, чтобы они послали вам смерть, — прошипел хранитель ключей. — Но она так скоро не придет к вам, и никто не знает, сколько времени смерть убивает человека. Мы не сможем добавить вам физических мучений, но мы увеличим ваши душевные страдания, не сообщив вам, какая судьба ждет ваших сообщниц, и он кивнул в сторону Фао и Тавии.

Это был прекрасный удар. Но я не дал ему возможности насладиться моей болью и снова рассмеялся ему в лицо. Его терпение достигло предела, так как он повернулся к падвару и приказал увести нас.

Когда нас вытаскивали из комнаты, Нур Ан крикнул слова прощания Фао:

— Прощай, Тавия, — крикнул я. — Помни, мы пока живы!

— Мы еще живы, Хадрон из Хастора,— крикнула Тавия и исчезла из виду. Нас повели по коридору.

Затем мы спускались по лестницам, ведущим в самые глубины подвалов дворца, и, наконец, оказались в огромной подземной комнате. Здесь я увидел Хай Озиса, сидящего на троне в окружении советников, придворных и вождей. Совсем как при моей первой аудиенции.

Против трона в центре комнаты на тяжелой цепи висела железная клетка. Нас втолкнули в нее, закрыли дверь на замок. Я подумал, что все это значит и имеет ли это отношение к смерти. В это время десять солдат убрали тяжелую плиту из-под клетки. Из открывшейся бездны пахнуло холодным затхлым воздухом, и все тело мое пронизала дрожь. Мне вдруг показалось, что я нахожусь в холодных объятиях смерти. До моих ушей доносились отдаленные вопли и вой. Я понял, что там, внизу, нас ждет смерть.

В комнате не было сказано ни единого слова, но по жесту Хай Озиса воины начали медленно опускать клетку в бездонную пучину. Холодный сырой воздух сомкнулся вокруг нас, а жуткие крики стали слышнее.

Все ниже и ниже опускались мы во тьму. Жуткие крики становились все громче, постепенно переходя в какофонию.

Не могу сказать, сколько времени и на какую глубину мы опускались. Нур Ан предположил, что футов тысячу, и тогда мы начали видеть слабое свечение вокруг нас. Крики и стоны превратились в постоянный рев. Чем ближе мы оказывались к источнику этого звука, тем больше этот рев напоминал нам свист ветра и рокот волн.

Внезапно дно клетки открылось, и мы, не успев ухватиться за что-нибудь, упали в рокошующие волны. Вынырнув на поверхность, я обнаружил, что могу видеть. Слабый свет проникал откуда-то, рассеивая тьму. Почти сразу же рядом со мной из-под воды появилась голова Нур Ана. Сильный поток понес нас, и я понял, что мы находимся в волнах одной из подземных рек Барсума. Вдалеке я увидел берег и поплыл туда. Нур Ан последовал за мной. Вода была холодная, но я не беспокоился, я был уверен, что мы доберемся до берега.

К тому времени, как мы доплыли до камней и выбрались на сушу, наши глаза привыкли к слабому свету. Я осмотрелся. Какая огромная пещера! Высоко вверх слабо светился потолок — это мерцали микроскопические радиевые включения. Но противоположного берега реки мне рассмотреть не удалось.

— Так, значит, это и есть смерть? — воскликнул Нур Ан.

— Думаю, что они там наверху понятия не имеют, что здесь делается. Слыша рев ветра и рокот волн, они предположили, что здесь происходит что-то ужасное.

— Вероятно, самые большие мучения жертв заключались в ожидании того, что же именно ждет их в этих мрачных глубинах, — предположил Нур Ан. — А, оказывается, самое худшее, что ожидает их, это опасность утонуть.

— Или умереть от голода.

Нур Ан кивнул.

— И все же, — сказал он, — мне хотелось бы вернуться, чтобы увидеть их разочарованные рожи. Они же сойдут с ума, когда узнают, что смерть вовсе не так ужасна, как они думают. — Какая могучая река, — добавил он после молчания. — Может, это приток Исса?

— Или сам Исс.

— Тогда нам предстоит долгое путешествие в море Корус, в долину Дор, — угрюмо заметил Нур Ан. — Вероятно, это прекрасное место, но я пока не хочу отправляться туда.

— Это жуткое место, — ответил я.

— Молчи, это святотатство.

— Это было святотатством до тех пор, пока Джон Картер и Тарс Таркас не содрали завесу тайны с долины Дор и не разоблачили миф об Иссе, Богине Вечной Жизни.

И даже после того, как я рассказал Нур Ану трагическую историю развенчания фальшивых богов Марса, он был настроен весьма скептически. Так крепко вплелись нити суеверия в наши жизни.

Мы оба очень устали после долгого сражения с мощным потоком, а кроме того, сказывалась реакция после нервного напряжения. Поэтому мы остановились здесь на каменистом берегу таинственной реки. Постепенно наш разговор перекинулся на тему, которая волновала нас обоих, — о судьбе Тавии и Фао.

— Хотел бы я, чтобы они тоже были приговорены к смерти, — сказал я. — Тогда мы сейчас были бы вместе.

— Боюсь, что мы никогда не увидим их больше, — угрюмо сказал Нур Ан. — Насколько жестока ко мне судьба: я нашел Фао лишь для того, чтобы снова потерять ее.

— Действительно, странный каприз судьбы. Сначала Тул Акстар украл ее у тебя, затем он тоже ее потерял. И вот вы снова встретились в Тьянате.

Он удивленно посмотрел на меня, затем лицо его прояснилось.

— Фао — это не та женщина, о которой я говорил тебе в камере. Фао моя первая любовь. После того, как я потерял ее, я решил, что никогда не найду счастья с женщиной. Но другая женщина вошла в мою жизнь. Зная, что Фао погибла, я полностью отдался новой любви, однако я знал, что она никогда не заменит мне Фао.

— Ты однажды уже терял Фао, но нашел снова. Может быть, тебе снова улыбнется фортуна.

— Мне бы хотелось, чтобы ты оказался прав. Но мы еще живы! — со смехом добавил он.

Почувствовав себя отдохнувшими, мы пошли по берегу реки. Мы не знали, куда она приведет нас. Может, к морю Корус, а может к Омину, подземному морю.

Мы шли, пробираясь между камней, не зная, куда идем и зачем. Изредка нам встречались растения, странные, совершенно бесцветные — они были лишены света солнца. Мы видели растения, похожие на деревья, ветви которых обламывались при малейшем прикосновении. Да, это был мир, не похожий на реальный. Его было трудно даже вообразить нормальному человеку.

И вот, выйдя из-за каменной гряды, мы столкнулись с представителем животного мира. Это был огромный белый ящер. Челюсти у него были устрашающего вида, а пасть такого размера, что он мог бы одним глотком проглотить человека. Увидев нас, ящер запищал и с угрожающим видом двинулся на нас.

Мы не были вооружены и не могли оказать сопротивления чудовищу. Поэтому мы побежали — единственно разумное решение. И без стыда могу сказать, что бежали мы быстро.

Мы обогнули каменную гряду и стали взбираться на холм. Тут я оглянулся, чтобы посмотреть на нашего преследователя. Тот стоял возле камней и водил головой из стороны в сторону, как бы прислушиваясь, и я внезапно понял, что он плохо видит, а может быть, совсем слепой. Но я не хотел полагаться на это неподтвержденное предположение, поэтому мы взобрались на вершину холма и спустились с другой стороны. Я бросил еще один взгляд в сторону чудовища. Оно все еще стояло, пытаясь определить, где мы.

Мы благополучно спустились вниз и бросились бежать подальше от чудовища. Так мы бежали довольно долго, пока Нур Ан не запнулся обо что-то и упал. Я остановил-

ся, чтобы помочь ему подняться. И тут я увидел, что Нур Ан запнулся за истлевшие останки воина, а затем я заметил рукоять меча, торчащую из песка. Я схватил меч, вытащил его из земли. Прекрасный длинный меч, и должен вам сказать, что ощущение оружия в моей руке сразу вселило в меня уверенность и оптимизм. Сделанный из прекрасной нержавеющей барсумской стали, меч был таким же блестящим, как в тот час, когда он вышел из руки мастера.

— Посмотри,— сказал Нур Ан.

Я увидел еще один труп и возле него сразу два меча — длинный и короткий. Нур Ан взял оба. Теперь нам не было необходимости бежать. Я всегда знал, что на Барсуме нет ничего, что могло бы остановить двух вооруженных воинов.

Мы пошли дальше, стараясь решить загадку появления здесь мертвых воинов. Тем более, что дальше мы видели останки все новых и новых людей. Многие лежали здесь давно и полностью истлели, другие были сравнительно свежими. И вдруг впереди мы увидели белый холм. Сначала в полумраке мы не смогли понять, что холм состоит из черепов и костей.

Это зрелище наполнило нас ужасом, и я понял, что это все жертвы громадного ящера. Здесь он подстерегал добычу. Но как вооруженные воины попали сюда? Мы оказались здесь невооруженными как пленники Тьяната. Но откуда пришли сюда эти воины? Я не знал этого и, вполне возможно, никогда не узнаю.

Мы шли и то тут, то там видели останки людей, их одежду, оружие.

Я прибавил к своему вооружению прекрасный короткий меч и кинжал. Нур Ан тоже взял кинжал. Я, склонившись над кинжалом, внимательно рассматривал искусный орнамент на рукояти, как вдруг услышал крик Нур Ана:

— Внимание! Хадрон! Он идет!

Я вскочил на ноги, сжимая в руке меч, и увидел, как со злобным шипением и широко раскрытой пастью к нам несется ящер. Вид у него был жуткий. Даже смелого человека он мог привести в ужас. Я думаю, что погибшие воины пытались скрыться от него бегством. Но нас было двое, и мы не желали отступать.

Однако, когда он приблизился, мы поняли, что положение наше почти безнадежно. Но спастись бегством было поздно, и мы стояли перед ящером — Нур Ан с длинным мечом в руке, а я с коротким, украшенным орнаментом, который только что с любопытством рассматривал. Я по-

нимал, что короткий меч — это не то оружие, с помощью которого смогу защититься от этого чудовища.

Еще будучи в Гелиуме, я много времени практиковался в метании меча и достиг в этом большой сноровки.

Еще никогда я не готовился к броску с такой сосредоточенностью, еще никогда я не молил богов, чтобы бросок был точным. Наконец, я размахнулся и бросил меч прямо в пасть чудовищу. Но бросок не получился. В Гелиуме бы над ним посмеялись, но здесь он спас мне жизнь. Меч полетел не по прямой линии, острием вперед, а наклонившись под углом в сорок пять градусов. Острие его вонзилось в нижнюю челюсть, меч, повернувшись, застрял в пасти, как распорка.

Ящер от неожиданности прекратил шипеть. Он судорожно пытался избавиться от меча, но все было напрасно. Мы с Нур Аном бросились на ящера одновременно. Он пытался защититься ударами хвоста и когтей, но мы были слишком быстрыми для него, и через мгновение все было кончено. Ящер лежал на земле в луже собственной крови, и тело его судорожно дергалось.

От крови ящера исходил тошнотворный запах, и мы с Нур Аном поспешно покинули поле битвы, не отпраздновав победу. На берегу мы вымыли оружие и пошли дальше.

Мы шли вдоль реки и скоро обнаружили, что там водится рыба. Мы тут же решили устроить себе обед, чтобы восстановить силы. Кроме того, нам нужно было создать запас съестного.

Ни он, ни я никогда в жизни не ловили рыбу и даже не ели ее. Но из истории мы знали, что раньше люди ели рыбу. Сейчас, собираясь ловить ее, мы, естественно, посмотрели на свои мечи как на единственное средство для добычания пищи. Мы вошли в воду, готовые поразить рыбу мечами. Странное дело, в реке было много рыбы, но ни одна из них не подплыла к нам на расстояние удара меча.

— Видимо,— сказал Нур Ан,— рыбы не такие глупые, как кажется. Они видят нас и спрашивают себя, зачем мы здесь.

— Может, ты и прав. Давай попробуем другую стратегию.

— Какую?

— Выйдем на берег,— сказал я. После недолгих поисков я нашел каменистый обрыв, нависающий над водой.

— Мы ляжем здесь так, чтобы нас не было видно, и не будем двигаться. Возможно, нам удастся заколоть одну рыбу.

Мысль о массовой бойне рыбы я уже отбросил как нереальную.

К моему удовольствию, мой план сработал и каждый из нас заколол по большой рыбине.

Естественно, как и все люди, мы предпочитали жареную или вареную еду, но мы были воинами и могли есть все. Поэтому мы съели ее сырой.

Нельзя сказать, что она была слишком вкусной, но еда освежила нас, прибавила сил. Здесь нельзя было определить, день сейчас или ночь, но я чувствовал, что мы должны немного поспать. Нур Ан улегся на берегу и уснул. Я остался сидеть, наблюдая, нет ли опасности. Через некоторое время мы поменялись ролями. Я думаю, что каждый из нас спал не более одного зода, но еда и сон буквально влили в нас свежие силы, и я еще никогда не чувствовал себя лучше, чем тогда, когда мы снова пустились в наше путешествие в неизвестность.

Шли мы очень долго. Вокруг нас простирался тот же монотонный пейзаж, и нас сопровождал свист ветра и плеск воды.

Первым наступившие изменения заметил Нур Ан. Он показал рукой вперед. Если бы я шел, подняв голову, я тоже заметил бы это.

— Дневной свет! — воскликнул я. — Солнце!

— Это не может быть ничем иным.

Далеко впереди мы увидели яркое сияние. Мы были слишком далеко, чтобы разглядеть что-то, поэтому мы ускорили шаг, почти бежали к этому долгожданному свету. Неужели каким-то необъяснимым таинственным образом эта река вывела нас на поверхность планеты? Я знал, что это невозможно, и Нур Ан тоже знал, и все же мы оба понимали, как велико будет наше разочарование, если это не подтвердится.

Мы бежали и все больше убеждались в том, что впереди был дневной свет, а когда мы выскочили из-под каменных сводов, то сердца наши наполнились радостью: перед нами лежала долина, окаймленная холмами, залитая жарким солнцем, поросшая густой растительностью — долина, полная жизни.

— Это еще не поверхность планеты, — сказал Нур Ан, — но ничем не хуже.

— И здесь должен быть выход наверх, — заметил я, — если его нет, то мы его сделаем.

— Ты прав, Хадрон из Хастора, — крикнул Нур Ан. — Мы сделаем его!

Все берега реки здесь заросли пышной растительностью. Многих растений я никогда не видел раньше, но некоторые мне были знакомы.

Для нас, вырвавшихся из мрачных глубин, эта долина представляла собой зрелище чудесной красоты. Однако и для жителя Барсума это было необычайное зрелище. Это был остаток чудесного мира, каким был Барсум в ту далекую эпоху, когда он был молод и метеорологические условия были такими, что вся поверхность планеты представляла собой цветущий сад. Видимо, это небольшая долина находилась ниже уровня земли и атмосфера здесь была плотнее. Она, как одеялом, укутывала долину, оберегая ее как от излишней жары днем, так и от пронзительного холода ночью. А кроме того, река обильно снабжала влагой плодородную почву долины.

Мы долго стояли, околдованные этой прекрасной долиной, но затем заметили на ветвях деревьев чудесные фрукты, спелые вишни, и эстетические чувства уступили место более прозаическим. Нам захотелось дополнить наш обед, состоявший из сырой рыбы, прекрасным десертом, который предлагала нам долина.

Но когда мы стали пробираться сквозь заросли, то обнаружили, что они все перетянуты тонкими, но очень крепкими нитями паутины. Их было очень трудно разорвать, и нам даже пришлось пустить в ход кинжалы.

Так мы прошли несколько метров, и вдруг перед нами возникло новое неожиданное препятствие: большой паук, скорее всего, ядовитый. Он быстро двигался к нам, перебираясь от дерева к дереву по нитям паутины.

Паук двигался прямо ко мне и, по-видимому, с самыми зловещими намерениями. Я быстро выхватил короткий меч и ударил его. Тот отскочил назад, и острие меча лишь слегка задело его. И тут произошло самое неожиданное. Паук раскрыл свою жуткую пасть и издал вопль, слишком сильный для насекомого такого размера. Этот вопль буквально поразил меня. И тут такие же крики стали раздаваться со всех сторон, и со всех сторон к нам стали приближаться пауки. Видимо, эти пауки могли передвигаться только по паутине, так как все двадцать ног росли из спины, что делало их вид еще более жутким.

Боясь, что пауки могут оказаться ядовитыми, мы с Нур Аном поспешно отступили к пещере, где они не могли добраться до нас. Мы стояли и смотрели на фрукты, страстно желая обладать ими.

— Дорога вдоль реки тщательно охраняется,— с улыбкой заметил Нур Ан,— значит, вперед, и мы получим желаемое.

— В данный момент для меня самое желанное — это фрукты,— ответил я,— и я попытаюсь получить их.

Я пошел вдоль опушки леса, отыскивая вход в лес, который не был опутан нитями паутины, и, наконец, дошел до тропы, наверняка прорезанной человеком. Однако по обеим сторонам тропы свисали нити паутины. Коснуться их, значит, подать сигнал тревоги тысячам пауков. Не знаю, были ли они ядовитыми, но даже если нет — тысячи кровожадных пастей представляли опасность.

— Ты заметил,— сказал я Нур Ану,— что этими нитями опутан только вход на тропу? А дальше я их не вижу, хотя они настолько тонкие, что рассмотреть их просто невозможно.

— Но я не вижу и пауков. Может, мы можем войти в лес именно здесь?

— Попробуем,— сказал я, доставая длинный меч.

Я прошел вперед, разрубил несколько нитей и мгновенно отскочил назад, наблюдая, как из гущи листвы появились тысячи пауков, каждый из них бежал по своей нити. Они собрались возле тропы и висели на нитях, поглядывая на нас злобными глазами и сверкая страшными клыками. Однако никто из пауков не покинул свою нить.

Я смотрел на них, и у меня постепенно созрел план.

— Они беспомощны,— сказал я,— когда нити паутины перерезаны. Следовательно, нам нужно перерубить все нити, и они до нас не смогут добраться.

С этими словами я пошел вперед, перерубая мечом оставшиеся нити. Со всех сторон раздался крик пауков. Те из них, которые сорвались с паутины от удара, лежали без движения на земле. Их ноги торчали вверх, они казались совершенно беспомощными, хотя злобно кричали и перебирали ногами. Я прикончил тех, что были на нашем пути, а остальные, висевшие на перерубленных нитях, не могли достать нас.

Мы вошли в лес. Впереди паутины вроде бы не было. Путь казался чистым. Но прежде чем идти дальше, я оглянулся на пауков. Они уже перестали кричать и медленно уползли по нитям в листву. Видимо, возвращались в свои гнезда. Я решил, что они уже больше не представляют опасности, и мы пошли дальше. Деревья и кусты вдоль тропы были обобраны. На них не было фруктов, хотя чуть

дальше от тропы они росли в изобилии. Однако нас отделял от них барьер паутины.

— Тропа, видимо, сделана человеком,— сказал Нур Ан.

— Кто бы и когда бы ни сделал ее, ясно, что ею пользуются и теперь. Прямое доказательство этому — отсутствие фруктов возле тропы.

Мы осторожно шли вперед по извилистой тропе, не зная, в какой момент новая опасность возникнет перед нами и в каком образе — человека или зверя.

Вскоре мы вышли на поляну. Лес кончился. Впереди, примерно в хааде от нас, высилась угрюмая черная башня, сделанная из вулканического камня. Она была окружена глухой стеной высотой в тридцать футов, в которой была только одна небольшая дверь. За стеной виднелись крыши зданий — странные гротескные очертания, и над всем этим доминировала угрюмая башня. Из трубы на ее крыше в тихое небо уходила струйка дыма.

Отсюда мы прекрасно видели всю долину, и я еще больше укрепился в мысли, что это кратер какого-то гигантского, давно умершего вулкана. Между нами и стеной, за которой, видимо, находился небольшой город, простирались возделанные поля, перерезанные оросительными каналами. Система орошения была такой, какую использовали древние люди Барсума, когда воды на планете было в изобилии.

Понимая, что если мы будем стоять здесь, то ничего нового не узнаем, я пошел к городу.

— Ты куда?— спросил Нур Ан.

— Я хочу знать, кто живет в этом угрюмом городе. Здесь поля и сады, значит, у них есть пища. И это единственное, что я хочу попросить у людей.

Нур Ан покачал головой.

— Сам вид города мне не нравится.

Но он пошел за мной. Я знал, что на такого человека, как Нур Ан, всегда можно положиться.

Мы прошли примерно две трети пути до города, когда увидели, что на стене появились фигуры людей. В руках у них были длинные тонкие шарфы, которыми они размахивали, как бы приветствуя нас.

Когда мы подошли, я рассмотрел, что это девушки. Они облокотились на парапет и с улыбками смотрели на нас. Я остановился.

— Что это за город?— крикнул я.— Кто джед этого города?

— Входите, воины,— ответила одна из девушек.— Мы проведем вас к нашему джеду.

Она была очень красива и улыбалась мягко и нежно, как и ее подруги.

— Ну, теперь город тебе нравится?— тихо спросил я Нур Ана.

— Я ошибался,— ответил он.— Здесь живут гостеприимные добрые люди. Мы войдем?

— Входите,— настаивала девушка.— За этими угрюмыми стенами вас ждут пища, вино и любовь.

Пища! Я вошел бы в гораздо более неприятное место, чем этот город, за пищей.

Пока мы с Нур Аном шли к маленькой двери в стене, она медленно открылась. Мы увидели площадь, выложенную черными плитами. За нею возвышались дома из черного камня. Улицы города, когда мы входили, были пусты. За моей спиной шелкнул замок на закрывающейся двери, и у меня возникло предчувствие чего-то плохого. И рука моя инстинктивно потянулась к рукояти меча.

VIII

ПАУК ИЗ ГАСТЫ

Некоторое время мы стояли в нерешительности, осматриваясь вокруг. Затем мы увидели спиральную лестницу, ведущую на стену, с которой нас приветствовали девушки.

Они уже спускались вниз. Их было шестеро. На их прекрасных лицах сияли радостные улыбки. Эти улыбки заставили нас забыть об угрюмых, мрачных стенах, среди которых мы находились.

Прекрасные девушки в роскошной одежде, украшенной драгоценными камнями. Да, очень красивые, ...но насколько Тавия прекраснее их!

И тут я внезапно понял, почему я сравниваю их с Тавией, а не Саномой Тора.

Когда девушки спустились, они направились к нам.

— Приветствуем вас, воины,— крикнула одна,— в счастливой Гасте. Вы, должно быть, проголодались во время долгого путешествия. Идемте с нами. Вас накормят, но перед этим вас хочет приветствовать наш джед. Ведь в нашем городе посетители бывают так редко.

Когда они вели нас по улице, я не мог не удивляться тому, что нигде не было никаких признаков жизни. И только когда мы вышли на центральную площадь, я увидел людей — мужчин и женщин. Они шли сгорбившись, опустив

головы, и в их облике было столько безнадежности, что мне стало не по себе. Уж слишком большой был контраст между обликом этих людей и веселой беззаботностью наших прекрасных спутниц. Девушки подвели нас к главному входу в здание, над которым возвышалась башня. Видимо, это и был дворец джеда, а башня была та самая, которую мы видели из леса. Возле входа стояли охранники — толстые, с сальными лицами. Мне они совсем не понравились. Из здания вышел офицер. Он был еще более толст, чем его солдаты, хотя, казалось, это уже было невозможно. Он улыбнулся нам и поклонился.

— Приветствую вас! — воскликнул он. — Пусть мир всегда будет с теми, кто вошел в ворота Гасты.

— Сообщи Грону, великому джеду, — сказала одна из девушек. — Скажи, что мы привели двух воинов, которые хотят засвидетельствовать ему свое почтение, прежде чем насладиться гостеприимством Гасты.

Офицер послал воина к джеду и повел нас во дворец. Убранство дворца было роскошным, но совершенно необычным, даже фантастичным. Для изготовления мебели использовалось дерево местных пород, причем оно было естественного цвета, а красота оттенков подчеркивалась легкой полировкой. Но самое замечательное в убранстве дворца была ткань, которой были обтянуты стены и потолки. Ткань легкая, почти прозрачная и невесомая. Она создавала впечатление льющегося серебра. Впоследствии мне довелось узнать, что эта ткань, несмотря на свою легкость, была очень крепкой, и разорвать ее было невозможно.

На ткани яркими красками были нарисованы самые фантастические сцены, которые только способно создать воображение. Здесь были пауки с головами прекрасных женщин, женщины с головами пауков, фантастические цветы, танцующие под громадным красным солнцем, ящеры, подобные тому, которого мы встретили под землей. И ни одна из изображенных фигур не была такой, какой ее создала природа. Казалось, что это все плод воображения сумасшедшего художника.

Пока мы ждали в громадной приемной, для нашего развлечения четыре девушки стали танцевать. Это был странный танец. Я еще никогда не видел такого танца на Барсуме. Движения девушек были такими же странными и фантастическими, как настенные изображения — и все же в их танце, в извивах гибких тел был какой-то завоора-

живающий ритм, который вселял в нас ощущение довольства и бездумной радости.

Жирный падвар облизывал губы, глядя на танцующих девушек, хотя ему, несомненно, не раз приходилось видеть это. И все же он был захвачен танцем даже больше, чем мы. Но, вероятно, ему было некого вспомнить, ведь у него не было ни Фао, ни Саномы Тора.

Саномы Тора! Прекрасный лик ее на мгновение всплыл в моей памяти, а затем исчез, и как я ни старался вызвать его снова, я не мог. А вместо ее лица я видел чудесные глаза Тавии, полные слез, ее маленькое ухо и пышную копну волос.

Появился воин и объявил, что джед готов принять нас. Нас сопровождали только девушки. Жирный падвар остался позади, хотя я готов был поклясться, что он это сделал не по своему желанию.

Покои джеда, где он принял нас, находились на втором этаже. Это была огромная комната, разукрашенная еще более фантастично, чем остальные помещения дворца, где мы проходили. Мебель в покоях была причудливой формы — во всем убранстве не было ни капли гармонии. Но, должен сказать, такая дисгармония вовсе не производила отталкивающего впечатления.

Джед сидел на громадном троне, сделанном из базальта. Это было настоящее произведение искусства. По нему можно было судить о величайшем мастерстве резчиков Гасты. Однако мое внимание недолго задержалось на троне. И неудивительно. Сам джед представлял более любопытное зрелище, чем трон. На первый взгляд, он больше походил на волосатую обезьяну, чем на человека. Он был огромен, с покатыми сутулыми плечами и длинными руками, покрытыми жесткими черными волосами. Я знал, что на Барсуме нет расы волосатых людей. Лицо джеда было широкое и плоское, а глаза так широко расставлены, что находились на самом краю лица. Когда мы остановились перед ним, губы его искривились. Вероятно, это была улыбка, но она сделала его лицо еще более страшным.

В соответствии с этикетом мы положили свои мечи у его ног и назвали свои имена.

— Хадрон из Хастора, Нур Ан из Джахара, — повторил он. — Джед Грон приветствует вас в Гасте. Немногие находят путь в наш прекрасный город. И вот теперь у нас в гостях два столь блистательных воина. Мы редко имеем сведения из внешнего мира. Расскажите нам о своем путешествии и что происходит на поверхности Барсума.

Его тон и манеры были именно такими, какими должны быть у радушного хозяина, приветствующего гостей. Но я не мог отделаться от мысли, что все это фальшь. Правда, мне ничего не оставалось делать, как играть роль гостя, благодарного за теплый прием.

Мы рассказали о себе, рассказали о жизни и тех частях Барсума, о которых знали. Пока говорил Нур Ан, я осматрелся. В комнате в основном были женщины — молодые и красивые. Мужчины по большей части были толстые, с маслянистыми лицами, и в выражении их лиц и глаз я заметил жестокость, мрачную жестокость. Именно такое ощущение возникло у меня, когда я впервые увидел этот угрюмый город, его пустынные улицы, мрачные дома.

Когда мы закончили рассказ, Грон объявил, что в нашу честь он дает обед, и, поднявшись с трона, сам повел процессию в банкетный зал. В центре зала стоял громадный мраморный стол, расписанный изображениями цветов и фруктов. Перед столом стоял громадный трон для джеда и по обеим сторонам от него два трона поменьше — для меня и Нур Ан. Рядом с каждым из нас сели девушки, обязанностью которых, как я понял, было развлекать нас.

Росписи на блюдах, из которых мы ели, были сделаны, по-видимому, тем же сумасшедшим художником, который расписывал весь дворец. На столе не было двух одинаковых блюд или кубков, и форма блюд совершенно не соответствовала тому, для чего они были предназначены.

Вино мне было налито в узкий соусник треугольной формы, а мясо подано в высокой вазе. Однако я был слишком голоден, чтобы думать о сервировке, и я надеюсь, что мне удалось скрыть от общества свое изумление столь необычайной сервировкой.

Здесь стены тоже были затянуты паутиной ткани, так восхитившей меня, когда я впервые увидел ее. Я не преминул сказать об этом своей соседке.

— Такой ткани нет нигде в Барсуме, — сказала она. — Ее делают только здесь и больше нигде.

— Она прекрасная. За нее бы дорого заплатили в других городах.

— Если бы мы ее продавали. Но мы не имеем сношений с внешним миром.

— Из чего она соткана?

— Когда вы вошли в долину Хор, вы видели прекрасный лес, растущий на берегах реки Сил. Несомненно, вы видели и фрукты в лесу и вам захотелось полакомиться. Но, войдя в лес, вы заметили огромных пауков, которые бегают

во серебряным нитям. Эти нити очень красивые и крепкие, хотя не толще женского волоса.

— Да. Это так.

— Вот из этой паутины мы ткem эту ткань. Она очень крепкая и долговечная, как камни, из которых построены дворцы Гасты.

— Женщины Гасты ткut эту ткань?

— Рабы, мужчины и женщины.

— А откуда вы берете рабов, если вы не общаетесь с внешним миром?

— Многие прибывают сюда из Тьяната. Это те, которые приговорены к смерти. Другие приходят с другой стороны, но мы не знаем, откуда. Это молчаливые люди. Обычно они настолько потрясены ужасами, которые им пришлось пережить, что мы никогда и ничего не могли узнать от них.

— А кто-нибудь спускался вниз по реке из жителей Гасты?— именно таким путем мы с Нур Ан надеялись найти путь на свободу. Я лелеял надежду, что мы доберемся по реке до долины Дор и затерянного моря Корус, откуда в свое время удалось бежать Джону Картеру и Тарсу Таркасу.

— Некоторые спускались,— ответила она,— но они никогда не возвращались, и мы не знаем, что с ними произошло.

— Вы счастливы здесь?— спросил я.

Она попыталась изобразить улыбку на своих прекрасных губах, но я чувствовал, как по телу ее прошла судорога.

Обед был роскошным, пища восхитительна. Возле джеда постоянно раздавались взрывы смеха, так как, когда он начинал смеяться, все угодливо подхватывали его смех.

В конце обеда в зал вошла группа танцоров. При первом взгляде на них я чуть не задохнулся. Все они, кроме одной девушки, были ужасно обезображены. А эта девушка была самая прекрасная, какую я когда-либо видел, и лицо у нее было полно такой печали, что мне стало не по себе. Танцевала она божественно. А вокруг нее извивались, ковыляли самые несчастные существа, каких я когда-либо видел. Судя по всему, они должны были вызывать смех у зрителей, но у меня они пробудили только чувство симпатии. Появление этих калек привело Грона в неопишeмую радость. Он заливался громоподобным смехом, и чтобы было еще смешнее, швырял в несчастных блюда с едой, когда они танцевали в зале.

Я старался не смотреть на них, но взгляд мой помимо воли все время обращался к ним. И вскоре я понял, что

их уродство сделано искусственно. Какой-то злой разум постарался сломать кости, вывернуть тела так, чтобы человеку с извращенным вкусом это казалось смешным. Я смотрел на жуткое лицо Грона, искаженное маниакальным смехом, и думал, что именно он автор этого злодеяния.

Когда танцоры, наконец, ушли, рабы внесли три кубка с вином. Два из них были красными, а третий черный. Черный кубок был поставлен перед джедом, а красные — передо мной и Нур Аном. Затем Грон поднялся, и все последовали его примеру.

— Грон, джед, пьет за здоровье своих гостей, — объявил он и, подняв кубок, осушил его до дна.

Казалось, что эта церемония завершает обед, и нам нужно выпить за здоровье хозяина. Поэтому я поднял кубок, который на сей раз был обычной формы, и мог выпить вино, не опасаясь облиться.

— За здоровье великого джеда Грона, — сказал я и выпил вино.

Затем Нур Ан последовал моему примеру с соответствующими словами. И тут я почувствовал, что внезапная слабость овладела мной, и перед тем, как потерять сознание, я понял, что вино отравлено.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на полу в комнате странной формы. В ней было окно, забранное решеткой. Но ни одной двери я не заметил. Стены комнаты были задрапированы той самой прозрачной тканью. Рядом со мной лежал Нур Ан, все еще находившийся под действием наркотика.

Снова я осмотрел комнату. Затем встал, подошел к окну. Внизу я увидел городские крыши. Значит, мы заточены в башню, возвышающуюся над дворцом джеда. Но как нас затащили сюда? Разумеется, не через окно, которое находится на высоте двухсот футов над землей. Пока я пытался решить эту неразрешимую проблему, Нур Ан пришел в себя. Сначала он молчал и только наблюдал за мной с улыбкой на лице.

— Ну? — спросил я.

Нур Ан покачал головой.

— Мы еще живем, — сказал он, — но это единственное, что мы сейчас можем сказать.

— Мы во дворце маньяка, — сказал я. — И я в этом не сомневаюсь. Здесь все живут в постоянном страхе перед Гроном.

— Мы видели слишком мало, чтобы делать заключения.

— Я видел достаточно.

— Эти девушки так прекрасны,— сказал он после паузы.— Я не могу поверить, что такая красота и жестокость могут существовать вместе.

— Может быть, они просто послушные куклы в руках хозяина?

— Мне тоже хочется так думать.

Прошел день, настала ночь. Никто не приходил к нам, но я кое-что обнаружил. Прикоснувшись к дальней стене, я обнаружил, что она теплая, даже горячая. Видимо, здесь проходила каминная труба. Но тогда это открытие для меня не имело никакого значения.

В нашей комнате не было света, и так как Хлорус находился на небе в стороне, противоположной нашему окну, у нас было совсем темно. Мы сидели в полной темноте и были погружены в печальные размышления. Затем я услышал приближающиеся шаги. Они слышались все ближе и ближе, и, наконец, затихли возле нашей камеры. Послышался какой-то скрип, и под стеной появилась светлая полоска. Она все расширялась, и я понял, что это поднимается стена. Сначала я увидел ноги в сандалиях, затем появились два солдата. Они вошли в камеру, надели нам наручники и повели из камеры. В полном молчании мы спускались по спиральной лестнице, прошли надземные этажи дворца и спустились в подвал.

Снова подвал! Я содрогнулся при этой мысли. Я предпочел бы быть заточенным в башне, хотя, конечно, разница была небольшая, но у меня выработалось стойкое отвращение к подвалам. К тому же в этом подвале крошечная тьма и полно крыс и ящериц.

Лестница привела нас в роскошный подземный зал. Здесь собралась та же компания, что была на торжественном обеде в нашу честь. Здесь же был и Грон на троне. На этот раз он не улыбнулся при нашем появлении. Он сидел, наклонившись вперед, и глаза его были устремлены на что-то в дальнем конце зала. Вдруг мертвую тишину, царившую в зале, пререзал пронзительный крик. На этот раз этот крик был не единственным. За ним послышались еще вопли. Так кричит смертельно раненое животное.

Я посмотрел туда, откуда доносились крики, куда смотрел Грон, и увидел обнаженную девушку, привязанную к металлической решетке перед ярко пылающим огнем. Решетка была на колесах, и ее можно было подвигать к огню и отодвигать от него. Видимо, когда мы вошли, решетку придвинули. Поэтому девушка кричала.

Я посмотрел на собравшихся. Большинство девушек

смотрели вперед, и во взглядах их был ужас. Я не верил, что они наслаждаются зрелищем. Все они были жертвами этого извращенного маньяка Грона, но, как и несчастная жертва на решетке, они были беспомощны.

Этот дьявол требовал, чтобы зрители хранили мертвое молчание, и на фоне этой тишины крики жертвы ласкали слух этого мучителя.

Зрелище было жутким. Я отвел глаза, один из воинов, которые привели нас, тронул меня за руку и жестом приказал идти за собой.

Он провел нас в другой зал, где тоже была пытка, еще более ужасная, чем поджаривание на решетке. Я не могу описать эту пытку. Мне даже больно вспоминать ее. Еще задолго до того, как мы вошли в зал, мы слышали крики жертв. Именно здесь, в этой камере ужасов, джед Гастры создавал уродов из нормальных людей. А затем заставлял их танцевать для удовольствия.

В полном молчании мы покинули это ужасное место, и нас провели в роскошно обставленный зал, где на диванах лежали две прекрасные девушки, из тех, что встречали нас у ворот города.

Впервые один из наших охранников нарушил молчание.

— Они объяснят,— сказал он, указывая на девушек.— Не пытайтесь бежать. Здесь только один выход. Мы будем ждать у дверей.

Затем он снял с нас наручники и вместе с товарищем вышел из комнаты.

Одна из девушек была та, что сидела рядом со мной на обеде. Мне она показалась более интеллигентной и дружелюбной. К ней я и обратился.

— Что все это значит? Почему из нас сделали пленников? Почему привели сюда?

Она жестом пригласила меня сесть на диван рядом с собой и слегка отодвинулась, чтобы дать мне место.

— Все, что вы видели,— сказала она,— представляет три поворота судьбы, которые могут ожидать вас. Вы понравились Грону, и он предлагает вам сделать выбор самим.

— Я не понимаю.

— Ты видел девушку на решетке?

— Да.

— Хотелось бы тебе оказаться на ее месте?

— Не очень.

— Ты видел несчастных, из которых готовят калек для танцев?

— Да.

— А теперь ты видишь роскошную комнату. И меня. Что ты выбираешь?

— Не могу поверить, что последнее предложение дается без каких-либо условий, которые делают это предложение пораздо менее привлекательным, чем оно кажется. Иначе не было бы вопроса, что выбирать.

— Ты прав. Условия есть.

— Какие?

— Ты станешь офицером охраны дворца и как таковой должен будешь проводить пытки, подобные тем, что видел сегодня, и вообще выполнять любые капризы своего хозяина.

Я встал:

— Я выбираю огонь.

— Я это знала,— печально произнесла она.— И все же я надеялась, что ты примешь условия.

— Я отказываюсь не из-за тебя,— быстро сказал я.— Просто честный человек не может принять таких условий.

— Я знаю. И если бы ты принял их, я возненавидела бы тебя, как ненавижу всех остальных в этом дворце.

— Ты здесь несчастлива?

— Конечно. Кто кроме маньяка может чувствовать себя счастливым в таком жутком месте? В нашем городе шесть сотен человек, и среди них нет никого, кто чувствовал бы себя счастливым. Сто человек образуют двор джеда, остальные рабы. А, впрочем, мы все рабы — все мы зависим от любого каприза сумасшедшего маньяка — нашего хозяина.

— И бежать невозможно?

— Нет.

— Я убегу,— твердо сказал я.

— Как?

— Огонь.

Она содрогнулась.

— Не знаю, почему я так забочусь о тебе. Наверное, потому, что ты понравился мне с первого взгляда. И даже тогда, когда я заманивала тебя в сети этого паука в виде человека, мне очень хотелось предупредить тебя, чтобы ты не входил в город. Но я боялась, я боялась смерти. Хотелось бы мне иметь столько мужества, чтобы убежать отсюда при помощи огня.

Я повернулся к Нур Ану, слушавшему нашу беседу.

— А ты сделал выбор?

— Конечно. Для человека чести здесь нет выбора.

— Хорошо.— Я повернулся к девушке.— Ты сообщишь Грону о нашем решении?

— Подожди. Попроси время на обдумывание. Я знаю, это ничего не изменит, но... Во мне все же теплится огонек надежды, который не может потушить даже полная безнадежность.

— Ты права,— сказал я.— Надежда всегда есть. Скажи ему, что ты почти убедила нас согласиться на жизнь, полную роскоши и развлечений, которую он предлагает как альтернативу смерти и пыткам, и что если тебе дать еще немного времени, ты полностью убедишь нас. А мы тем временем подумаем, нет ли возможности для бегства.

— Хорошо,— ответила она.

IX

ФОР ТАК ИЗ ДЖАМЫ

Вернувшись в камеру в башне, мы с Нур Аном обсудили всевозможные планы бегства, даже самые сумасшедшие. На нас почему-то не надели наручников, и могу заверить, что мы тщательно обследовали каждый дюйм нашей камеры, особенно стены, которые поднимались, но ничего утешительного осмотр нам не дал. Казалось, что единственный путь бегства отсюда — это окно. Но на нем были толстые решетки, и к тому же оно находилось на высоте двухсот футов от земли. Так что бежать через него было невозможно.

Тем не менее мы попытались отогнуть прутья решетки, но хотя мы были достаточно сильными мужчинами, это нам не удалось. Значит, для нас остался лишь один путь — через огонь.

От нечего делать я начал расшатывать один из прутьев решетки окна. Нур Ан даже не задал вопроса, зачем это. Он просто присоединился ко мне. Работали мы в тишине и без помех, так как сюда никто не заходил. Только один раз стена приподнялась на несколько футов и камеру осветили и сунули миски с едой.

Правда, мы не видели того, кто принес нам еду, и мы ни с кем не общались, после того как охранники водили нас в подземелье ужасов.

Никогда не забуду, с каким нетерпением мы ожидали ночи, когда мы смогли бы вынуть прут решетки и обследовать стены башни. Мне казалось, что по стене можно

будет спуститься вниз. Имея в виду этот план, я решил разрезать на полосы драпировочную ткань, чтобы сделать из нее веревки.

Приближалась ночь, и я все больше проникался уверенностью в успехе своего плана. Итак, основное препятствие мы устранили. И уже в сумерках я рассказал свой план Нур Ану.

Тот пришел в восторг и предложил сразу же заняться веревкой. Однако при попытке сорвать ткань со стены мы встретили первое препятствие. Ткань наверху была закреплена мощными гвоздями, и хотя она была тонкая и легкая, оказалось, что ее разорвать невозможно. Мы буквально выбились из сил, но в конце концов были вынуждены признать поражение.

Спустилась ночь. Теперь можно было без опаски вынуть прут и обследовать стену возле окна. Надежда еще теплилась в наших сердцах, когда я высунулся из окна.

Подо мной лежал угрюмый темный город. Его чернота лишь кое-где нарушалась слабыми огоньками, причем большинство из них светились в окнах дворца. Я ощутил рукой стену башни, и сердце мое замерло. Гладкий, почти отполированный камень — никаких возможностей найти опору, зацепиться. Думаю, что даже мухе было бы трудно на такой стене.

— Безнадежно, — сказал я, влезая обратно в камеру. — Стена гладкая, как женская грудь.

— А наверху? — спросил Нур Ан.

Снова я высунулся из окна и стал смотреть наверх. Наша комната оказалась на самом верхнем этаже башни. Что-то заставило меня попытаться исследовать это направление, естественно, эта попытка была рождена безумным желанием вырваться на свободу.

— Держи мои ноги, Нур Ан. Крепче держи.

С трудом я выпрямился и встал на окно. Нур Ан крепко держал меня за кодени. Я смог бы достать до крыши пальцами. Снова спустившись, я прошептал Нур Ану:

— Я попытаюсь выбраться на крышу.

— Зачем?

Я рассмеялся.

— Не знаю. Но мой внутренний голос советует мне это сделать.

— Если ты упадешь, ты избежишь смерти от огня. И я последую за тобой. Вперед, мой друг из Хастора. Пусть тебе повезет.

Снова я встал на подоконник, нащупал край крыши. Мед-

ленно я стал подтягиваться вверх. Подо мною лежала черная пучина, где таилась смерть в двухстах футах от меня. Я решился на это мероприятие только потому, что был уверен в своей силе. Бесконечно долго висел я над пропастью, держась только кончиками пальцев за крышу. Наконец, мне удалось закинуть локоть, и вот, задыхаясь от напряжения, я втащил свое тело на базальтовые плиты крыши и сел там в изнеможении.

Немного отдохнув, я встал. Безумная страстная Турия выписывала свой танец на безоблачном небе. Хлорус, ее холодный спутник, плыл в величественном уединении. А подо мной лежала долина Хор, как какая-то зачарованная страна из древних легенд. А в отдалении хмуро смотрели на долину угрюмые вершины гор, которые охраняли этот сумасшедший мир.

Внезапно клубы горячего дыма ударили мне в лицо, напомнив, что где-то внизу устраивает свои оргии пыток сумасшедший маньяк.

Слабый крик донесся до меня из трубы. Я содрогнулся, но теперь зияющее отверстие привлекло мое внимание, и я подошел ближе. Нестерпимо горячие волны воздуха ударили мне в лицо. Дыма почти не было, настолько полным было сгорание топлива в печи. Однако горячий воздух вырывался из трубы со страшной силой. Казалось, он способен отшвырнуть меня прочь, если я подойду еще ближе.

И тут у меня родился план, безумный план, но он так захватил меня, что я быстро спустился обратно в камеру, чтобы рассказать о нем Нур Ану.

Однако я не успел этого сделать, так как в соседнем помещении раздались шаги и стена начала подниматься. Я думал, что это принесли еду, но стена все поднималась и поднималась. Вскоре мы увидели ноги девушки, стоящей возле входа. Затем она наклонилась и вошла к нам. Я сразу узнал ее — это была та самая девушка, которой Грон вменил в обязанность соблазнить меня, чтобы я поступил к нему на службу. Ее звали Шара.

Нур Ан мгновенно вставил прут на место, и девушка ничего не заметила. Стена оставалась наполовину поднятой, и девушка заметила мой взгляд, устремленный на стену.

— О, не нужно лелеять напрасные мечты, — сказала она, улыбнувшись. — Этажом выше стоят охранники.

— Почему ты здесь, Шара? — спросил я.

— Меня послал Грон. Ему не терпится узнать ваше решение.

Я задумался. Наша единственная надежда была связана с этой девушкой, которая относилась к нам с сочувствием и симпатией.

— Если у нас будет кинжал и игла,— шепотом сказал я,— то мы дадим ответ Грону послезавтра утром.

— А как я объясню эту задержку?— спросила она после недолгого молчания.

— Скажи ему,— ответил Нур Ан,— что мы разговариваем со своими предками и что от их совета будет зависеть наше решение.

Шара улыбнулась. Она вынула кинжал из ножен и положила его на пол, затем она достала из кошелька иглу и положила рядом с кинжалом.

— Я скажу Грону, что лучше всего подождать,— сказала она.— Сердце мое надеется, что ты, Хадрон из Хастора, решишь остаться со мною, но я буду рада, если не ошибусь в оценке твоего характера. Ты умрешь, мой Хадрон, но ты умрешь как смелый и честный человек. Прощай! Я вижу тебя в последний раз, но пока я не уйду к своим предкам, твой образ всегда будет со мною.

Она ушла. Стена опустилась — и теперь у нас было то, чего я так страстно хотел иметь — кинжал и игла.

— К чему нам это?— спросил Нур Ан, с интересом глядя на меня.

— Увидишь,— коротко ответил я и сразу принялся за работу: срезать ткань со стен и потолка нашей камеры. Я работал быстро, так как знал, что работа предстоит большая. План, конечно, был сумасшедший, но все же он казался мне вполне реальным.

Всю ночь и весь следующий день мы с Нур Аном работали без перерыва. Мы сшили огромный мешок, а также заготовили много длинных веревок. К вечеру работа была кончена.

— Пусть везение не оставит нас,— сказал я.

— Твой план настолько безумен, что достоин головы Грона,— сказал Нур Ан.— Но в нем есть какое-то зерно.

— Ночь наступила,— сказал я.— Медлить нельзя. Единственное, в чем мы можем быть твердо уверены,— если план провалится, мы избежим смерти от огня и наши предки с любовью и симпатией отнесутся к Шаре, чья дружба позволила нам сделать эту попытку.

— Не дружба, а любовь,— поправил меня Нур Ан.

Затем я снова совершил опасный подъем на крышу, захватив с собой одну из веревок. Потом я спустил веревку Нур Ану, который прицепил к ней наш мешок, и вскоре плод

нашего труда лежал рядом со мной на крыше. Мешок был легким, как пушинка, и крепким, как хорошо выделанная шкура зитидара. После этого я помог Нур Ану забраться на крышу, причем он аккуратно поставил прут на место.

К открытой части нашего мешка было привязано множество веревок с петлями. Через петли мы пропустили длинную веревку и закрепили ее на башне, причем эту веревку можно было обрубить одним ударом, после того как она стянет отверстие мешка.

Затем мы подняли мешок в такое положение, чтобы горячий воздух из трубы заполнил его. Я распределил петли равномерно по окружности мешка, и мы закрепили на петлях свои абордажные крючья. Такие крючья являются необходимой частью снаряжения каждого воина Барсума и используются в воздушных боях при перескакивании на палубу вражеского флайера.

Затем мы стали ждать. Наш мешок, сначала вялый и обвисший, постепенно стал надуваться, стремиться вверх. Я ждал с кинжалом в руке, готовый обрубить веревку, которая держала шар.

К счастью, ночь была безветренной, что несколько облегчало нашу задачу. При сильном ветре мы не смогли бы удержать шар. Он уже стал большим, как наша пещера. Он рвался вверх, стараясь освободиться от веревок. И я решил: пора!

Я дал сигнал Нур Ану и ударил ножом по веревке. Освобожденный шар мгновенно взвился вверх. Мы сидели на петлях, прикрепленных к шару. Подъем происходил с огромной скоростью. Через несколько мгновений долина Хор уже казалась нам только точкой на огромном лице планеты.

Ветер подхватил нас, и можете быть уверены, что мы от всей души поблагодарили богов, когда увидели, что он несет нас прочь от проклятого города Гасты. Ветер нес нас к северо-востоку, но нам было все равно куда, лишь бы подальше от реки Сил и долины Хор.

Под нами проносилась местность, где когда-то свирепствовал вулкан. Застывшие потоки лавы, нагромождения камней, ни клочка растительности — все это производило безотрадное впечатление. Теперь мне было понятно, почему долина Хор настолько изолирована от остальной части планеты. Немного найдется людей, кто по своей воле решится пуститься в путешествие по этой негостеприимной местности.

Ветер усиливался. Мы летели с большой скоростью, но было видно, что шар начинает терять высоту по мере того, как воздух в нем остывает. Сколько времени это продлится,

я не знал, но надеялся, что мы успеем перелететь в более гостеприимные места.

К рассвету мы уже летели на высоте нескольких сотен футов. Вулканическая страна была позади, и под нами простирались древние поля с остатками ирригационных сооружений.

Вскоре мы перелетели через гряды пологих холмов, на склонах которых паслись стада софадов, и увидели внизу белые здания.

Как и все изолированные города Барсума, этот город был окружен стеной. Однако он существенно отличался по архитектуре от известных мне городов. Обычно города Барсума характеризуются высокими башнями, минаретами и лишь в последние годы стали строить здания с плоскими крышами для посадки флайеров.

В этом городе самое высокое здание не превышало четырех этажей и у всех домов были плоские крыши. Улицы и площади города были засажены деревьями и цветущими кустами. В общем этот город производил весьма благоприятное впечатление. Однако в нашей памяти еще были свежи воспоминания о прекрасных девушках, заманивших нас в проклятый город Гасту, где мы едва не погибли ужасной смертью. Поэтому видимая красота города совсем не внушала нам доверия. Нам нужно постараться пролететь над этим городом и приземлиться где-нибудь вне его.

Но судьба распорядилась иначе. Ветер стих, и мы стали быстро снижаться. На улицах мы увидели людей, которые, заметив нас, вероятно, испугались, так как все они быстро спрятались. Мы сели на плоскую крышу одного из домов.

Как только мы освободились от петель, в которых сидели, порыв ветра подхватил заметно опавший шар и сбросил его с крыши. Он так и остался лежать, как живое существо, пожертвовавшее собой, чтобы спасти нас.

Однако у нас не было времени для сантиментов, так как на лестнице, ведущей на крышу, показалась голова человека.

За нею последовало тело. Это был мужчина, на котором было так мало одежды, что, казалось, он был совсем голым. Это был старик, с большим черепом, покрытым редкими седыми волосами.

Физическая старость на Барсуме весьма редкая вещь, поэтому всегда привлекает внимание. Продолжительность жизни марсиан тысяча лет, но в течение этого времени их внешность почти не меняется. Нужно сказать, что большинство марсиан погибает, не достигнув преклонного возраста. Пожалуй, единственные, кто становятся по-настоя-

щему старыми, это ученые, которые не принимают участия в бурной общественной жизни марсиан. Видимо, этот старик и был ученым.

Увидев его, Нур Ан издал удивительный возглас:— Фор Так!

— Хей-хо! — проскрипел старик высоким фальцетом.— Неужели пришедшие с небес знают имя Фор Така?

— Я Нур Ан,— воскликнул мой друг.

— Хей-хо! — снова протянул старик.— Нур Ан... один из придворных Тул Акстара?

— Каким и ты был когда-то.

— Но не теперь... не теперь! — почти прокричал старик.— Тиран выжал меня как лимон, а затем выбросил прочь, как ненужную кожуру. Хей-хо! Он думал, что я уже пуст, но я молю богов, чтобы они позволили мне доказать ему, что он ошибся. Нур Ан, должен предупредить тебя, что ты в моей власти, и ты не имеешь права сообщать Тул Акстару, где я нахожусь теперь.

— Не бойся, Фор Так. Я сам пострадал от коварства тирана. Тебе было позволено жить в Джахаре, а у меня все имущество было конфисковано, и меня приговорили к смерти.

— Хо! Значит, ты тоже ненавидишь его!

— Ненависть слишком слабое слово, чтобы передать мои чувства.

— Это хорошо. Когда я увидел тебя, спускающегося с небес, я подумал, что предки послали тебя, чтобы помочь мне. Я рад, что не ошибся. А этот воин тоже из Джахара?— прибавил он, кивнув на меня.

— Нет. Это Хадрон из Хастора, дворянин Гелиума. Но он тоже ненавидит Тул Акстара.

— Очень хорошо. Значит, нас теперь трое. Здесь меня окружали только рабы и женщины, а теперь, когда рядом два воина, молодых и сильных, мой триумф совсем близко!

Пока они разговаривали, я вспомнил то, что говорил мне Нур Ан о Фор Таке, его изобретении дезинтегрирующих лучей и о том, как был уничтожен патрульный флайер в ночь похищения Саномы Тора. Странно, что судьба привела меня сюда, к этому человеку, хранящему тайну того, что жизненно важно для Гелиума и всего Барсума. И странно, что этот путь, по которому вела меня судьба, будет иметь счастливый конец.

Когда Фор Так выслушал только часть нашего рассказа, он сразу же заявил, что мы оба очень устали и

голодны. Он проводил нас в свой дворец, вызвал рабов, приказал вымыть нас, накормить и приготовить постели для отдыха. Мы сердечно поблагодарили его за такую заботу. Мы были действительно рады возможности отдохнуть.

Следующие дни нашей жизни здесь были и интересными, и полезными. Фор Так, у которого осталось только несколько преданных рабов, последовавших за ним в изгнание, был рад нашему обществу и той помощи, которую мы могли предложить ему в его исследованиях. Будучи уверенным в нашей лояльности, он нам все подробно объяснил.

Он рассказал нам о том, как после долгих скитаний отыскал этот заброшенный замок, о котором не осталось никаких исторических сведений, кроме костей его бывших владельцев. Он рассказал, что главный вход и двор были завалены скелетами мужчин-воинов, в то время как в верхних этажах находились только кости женщин и детей. Значит, люди, жившие здесь, подверглись нападению неведомого врага и погибли, защищая себя и свой дом.

— Я уверен,— сказал старик,— что это была орда зеленых дикарей, которые никогда не оставляют ни одного живого существа. Везде в этом замке все было в пыли, запустении, сады заросли сорняками. Я назвал этот город Джама и занимаюсь здесь делом всей своей жизни.

— Каким?— спросил я.

— Местью Тул Акстару. Я дал ему дезинтегрирующие лучи, я дал ему защитную краску... А теперь я хочу дать ему нечто новое, совершенно новое в искусстве войны, что полностью уничтожит флот Джахара, что отыщет дворец Тул Акстара, разрушит его и сожжет тирана в развалинах дворца.

Мы совсем недолго пробыли в Джаме, но быстро поняли, что Фор Так немного тронулся от той несправедливости, которую он испытал в Джахаре. И теперь единственная мысль, владеющая им,— это месть, жестокая месть тирану. Этому он подчинил все свои знания, весь свой разум, и меня с Нур Аном он рассматривал как полезное дополнение к своему оружию мести. Он буквально впадал в ярость, когда я говорил о том, что мне нужно поехать в Джахар спасти Саному Тора.

Я очень досадовал на задержку, но Фор Так был тверд, как алмаз. Он не разрешил мне уехать, а преданность его рабов не давала мне возможности нарушить его волю. Он

объявил своим рабам, что мы его гости, уважаемые гости, но до тех пор, пока мы не сделаем попытки уехать без его разрешения. Как только такая попытка будет сделана, мы должны быть убиты.

Мы с Нур Аном долго обсуждали сложившееся положение. Между Джамой и Джахаром лежало четыре тысячи хаадов суровой земли, пустыни. Без флайера и без тотов я не мог даже надеяться добраться до Джахара и спасти Саному Тора. Поэтому мы решили остаться здесь и сделать все, чтобы помочь Фор Таку быстрее создать его оружие мести. Если нам удастся верной службой завоевать его доверие, он может поделиться с нами секретом своего нового оружия.

Должен сказать, что я был весьма заинтересован в этом новом оружии, так как я знал, что для того, чтобы использовать его против Тул Акстара, оно должно быть доставлено в Джахар. И в этом я видел возможность самому попасть в столицу тирана.

Мы пробыли в Джаме десять дней, и в это время Фор Так проявлял признаки нервозности и раздражительности. Он проводил с нами практически все время кроме того, когда был занят работой в своей тайной лаборатории.

Во время ужина на десятый день Фор Так казался более раздраженным, чем обычно. Говоря, как всегда, о своей ненависти к Тул Акстару, он проявлял все признаки маниакальной ярости.

— Но я беспомощен! — выкрикнул он наконец. — Я беспомощен, потому что нет никого, кому доверить свою тайну и кто, кроме того, имеет силу и мужество, чтобы привести мой план в исполнение. Я слишком стар и слаб для такого дела. Другое дело вы... Если бы я мог доверить вам роль спасителя Джахара! Если бы я мог доверить вам!

— Ты можешь доверять нам, Фор Так, — сказал я. Мой тон, казалось, успокоил его.

— Хей-хо! — воскликнул он. — Иногда мне кажется, что я смогу довериться вам.

— У нас общая цель, — сказал я. — Вернее, цели разные, но пункт назначения один — Джахар. Давай работать вместе. Нам нужно попасть в Джахар. Если ты поможешь нам, мы поможем тебе.

Он долго сидел молча.

— Хорошо. Пусть будет так. Пусть будет так. Идем.

Он встал и повел нас к тяжелой зарешеченной двери, за которой находилась его тайная лаборатория.

ЛЕТАЮЩАЯ СМЕРТЬ

Лаборатория Фор Така занимала целое крыло, дворца. Но она стояла не в центре и состояла лишь из одного громадного зала высотой в пятьдесят футов. Все оборудование было собрано в одном углу зала и совершенно терялось в его необозримых просторах. Над потолком висела модель флайера, окрашенного в голубой цвет. На скамье лежал небольшой цилиндрический предмет длиной в руку. Это были единственные признаки того, что мы находимся в лаборатории ученого, а не в пустом зале.

Фор Так впустил нас в лабораторию и запер за нами дверь. Щелкнул огромный замок. У меня вдруг возникло чувство, что сумасшествие Фор Така в том, что он воображает, что работает над новым открытием, способным удовлетворить его чувство мести.

Он подвел нас к скамье, где лежал цилиндрический предмет, привлечший мое внимание, осторожно, даже нежно взял его в руки.

— Это,— сказал он,— модель устройства, которое разрушит Джахар. В нем сконцентрированы все достижения научной мысли. По виду это просто цилиндр, но внутри него находится механизм такой же точный и чувствительный, как человеческий мозг, и в нем происходят такие же процессы, как и в мозгу человека, однако это чисто механическое устройство, которое можно производить в больших количествах и очень дешево. Прежде чем объяснить его работу, я покажу, на что он способен. Смотрите!

Все еще держа цилиндр в руках, Фор Так открыл дверцу стеного шкафа, и перед ним оказался пульт управления с многочисленными кнопками, тумблерами, ручками управления.

— Смотрите на модель флайера, подвешенную под потолком,— приказал он и нажал кнопку. Флайер стал двигаться с большой скоростью. Тогда Фор Так нажал кнопку на цилиндре. Цилиндр сразу вылетел из его рук, описал дугу и устремился к летящему флайеру. Он пристроился к нему в хвост и полетел тем же курсом и с той же скоростью. Фор Так повернул рычаг на пульте. Флайер изменил направление и увеличил скорость. Цилиндр практически мгновенно сделал то же самое. Затем он коснулся носом дна флайера и тут же отделился от него и плавно приземлился. Фор Так

остановил полет флайера, подбежал к цилиндру и бережно поднял его.

— Вы видели?— спросил он.— Он сконструирован так, чтобы после контакта с флайером тут же плавно садиться, и способен к дальнейшему использованию. А во время контакта цилиндр вызывает вибрацию флайера, от которой тот разваливается на куски. Вы знаете, что каждое вещество во вселенной имеет свою частоту вибрации. Механизм этого устройства сам настраивается на нужную частоту. Представьте джахарский флот, горделиво плывущий в боевом порядке. С другого флайера или с земли я запускаю столько устройств, сколько кораблей врага. Торпеды одна за другой поражают корабли, и так будет уничтожен весь флот без всякого риска для жизни моей или моих союзников.

— Но приближение торпед можно заметить и защититься от них. Даже огонь пулеметов уничтожит большинство из них.

— Хей-хо! Я подумал и об этом! — прокаркал старик. Он положил торпеду на место и открыл другой шкаф.

В нем оказалось огромное количество стеклянных сосудов, открытых и закрытых. Мне показалось, что в них находятся краски самых разных цветов. Из некоторых сосудов торчали кисти. А одна из кистей, казалось, висела в воздухе, примерно в нескольких дюймах над поверхностью полки, над которой висело еще несколько этикеток. Да, да, этикетки висели в воздухе. Фор Так протянул руку, взял пустой воздух, так сложив пальцы, будто он брал сосуд. Затем он поставил это невидимое на стол, при этом я услышал звук, как будто на стол опустилось нечто стеклянное. Затем он взял кисть, окунул ее в невидимый сосуд и сделал несколько мазков по поверхности цилиндра. Окрашенные места сразу же стали невидимыми. Фор Так водил и водил кистью по цилиндру, и тот исчезал, пока не исчез полностью. На столе больше не было ничего. Так поставил сосуд в шкаф и повернулся к нам. Выражение детской гордости было на его лице.

— Ну, что вы теперь скажете? Разве я не волшебник?

Мне пришлось признать, что он действительно волшебник, что я поражен тем, что увидел.

— Ты получил ответ на свой вопрос, относительно уязвимости Летящей Смерти, Нур Ан?

— Я ничего не понимаю,— пробормотал Нур Ан.

— Хей-хо! Разве ты не видел, как я сделал торпеду невидимой?

— Но она исчезла...

Фор Так рассмеялся каркающим смехом.

— Она здесь. Просто ты ее не видишь. Вот она.

Он взял руку Нур Ана и приложил ее к невидимой торпед.

Я видел, как рука Нур Ана щупает что-то над поверхностью стола.— О, боги! Она здесь!

— Изумительно! — воскликнул я.— Значит, достаточно только нанести слой краски, чтобы сделать ее невидимой! Но хотя я сам был свидетелем этого, я не могу поверить в то, что произошло.

— Это не чудо,— ответил Фор Так.— Я создал новое вещество на основе тех научных принципов, которые известны мне уже много лет. Вы знаете, что ничто не движется по прямым линиям: свет, электромагнитные волны... Мое вещество просто рассеивает отраженные от него световые волны, которые при отражении воспринимаются зрительными нервами человека — это и есть зрение,— поэтому они не воспринимаются человеком и он не видит предмета, покрытого моим веществом.

Я был поражен простотой объяснения. А так как я был воином, я сразу увидел огромную выгоду для тех, кто обладает этим веществом. И я должен проникнуть в тайну открытия Фор Така для пользы Гелиума. А если мне не удастся сделать этого, я должен уничтожить Фор Така, чтобы тайна его ушла с ним в могилу и не досталась врагам Гелиума. Но, может, мне удастся уговорить Фор Така перейти на сторону Гелиума. Тогда он сможет отомстить Тул Акстару.

— Фор Так,— торжественно сказал я.— Ты являешься хранителем двух очень ценных изобретений, которые, попав в частные руки, обеспечат вечный мир на Барсуме.

— Хей-хо! — крикнул он.— Я не хочу мира. Я хочу войны! Войны!

— Отлично,— согласился я, понимая, что мое предложение не может быть воспринято этим безумным мозгом, лелеющим только одно — войну и месть.— Пусть будет война. Но какое государство на Барсуме сможет правильно воспользоваться твоими изобретениями, чем благородный Гелиум? Если ты хочешь войны, войди в союз с Гелиумом.

— Мне не нужен Гелиум! Мне не нужен союз! Я сделаю войну! Я сделаю войну один! Со своей невидимой Летящей Смертью я могу уничтожить целые города, государства, народы! Я начну с Джахара. Тут Акстар будет первым, кто ощутит мое могущество. А после того как Тул Акстар

погибнет под руинами Джахара, я уничтожу Тьянат, Гелиум будет следующим. Гордый и могущественный Гелиум будет трепетать передо мной. Я буду джеддаком джеддаков, правителем мира. — Голос его перешел в пронзительный крик, он весь дрожал от ярости, охватившей его.

Он должен быть уничтожен. И не только для спасения Гелиума, но и для спасения всего Барсума. Однако я понимал, что пока этого делать нельзя. Может быть, наступит момент, когда в минуту просветления Фор Так откроет мне тайну Летающей Смерти и вещества невидимости. Эта надежда временно спасла Фор Така от неминуемой смерти. Но я также знал, что должен быть крайне осторожным. Малейшее подозрение в моей двойной игре — и меня ждет смерть.

Я долго ворочался в постели в эту ночь, обдумывая разные планы действий. Я знал, что должен получить секреты Фор Така. Но как?

Я знал, что он все хранит в своей голове и никогда ничего не записывает. Самый лучший способ выудить их — это втереться к нему в доверие. С этого и нужно начать.

Затем мои мысли переключились на Саному Тора, и я, к своему стыду, должен был признать, что она не занимает никакого места в моих планах на будущее. Однако, подумав, я решил, что если мне удастся получить сведения от Фор Така, я смогу далеко продвинуться в решении проблемы спасения Саномы Тора. Эта мысль успокоила меня, и я заснул.

Время уже близилось к обеду, когда я получил возможность поговорить с Фор Таким на тему, которая меня очень волновала.

— Фор Так, — сказал я. — Ты ничего не знаешь о количестве флайеров Джахара и их расположении. Нур Ан и я можем слетать туда и получить для тебя необходимую информацию. Только при этом условии твои планы могут увенчаться успехом.

— Но как вы попадете туда?

— Если ты позволишь нам взять флайер.

— У меня нет ни одного. Я ничего не знаю о них и никогда ими не занимался. Мне они не интересны.

Сказать, что я был поражен этим заявлением, это значит не сказать ничего. Так как не было на Барсуме человека, который бы не занимался конструированием или усовершенствованием флайеров. Видимо, все же мозг этого человека развит слишком односторонне. Недаром же в конце концов он стал маньяком.

— Но как же без флайеров ты намереваешься доставить свои торпеды в Джахар? Как ты собираешься уничтожить его флот?

— Теперь, когда Нур Ан и ты здесь, я прикажу рабам работать под вашим руководством, и они будут создавать по десять торпед в день. Когда работа будет закончена, я их запущу, и они сами найдут флот Джахара и дворец Тул Акстара, и месть совершится.

— Если их не собьют с курса,— заметил я.— Но какое удовлетворение ты получишь, если не будешь свидетелем своей мести?

— Хей-хо! Я думал об этом. Но человек не может иметь все.

— Это ты можешь иметь.

— Каким образом?

— Погрузив свои торпеды на борт флайера и отправившись к Джахару.

— Нет. Я буду поступать так, как решил сам,— упрямо ответил он.— Какое ты имеешь право вмешиваться в мои дела?

— Я просто хочу помочь тебе,— мирно ответил я.

— Кроме того, есть и другое обстоятельство, указывающее на необходимость плана,— заметил Нур Ан.

— Вы оба против меня,— сказал Фор Так.

— Вовсе нет, мы просто хотим помочь тебе сделать все как можно лучше.

— Хорошо. Выкладывай свои соображения.

— В твои планы входит разрушение Тяната и Гелиума после Джахара. Однако что касается Гелиума, то до него так далеко, что ты не сможешь надеяться на выполнение этого плана. Кроме того, ты не знаешь количества кораблей Гелиума и не знаешь, совпадает ли их частота вибрации с частотой вибрации кораблей Джахара. Ты ведь настраиваешь торпеды на голубое покрытие кораблей Джахара. Значит, тебе нужно обязательно находиться вблизи Тяната, а потом и Гелиума, чтобы наблюдать за происходящим.

— Это верно,— сказал задумчиво Фор Так.— Вы разрушили мои планы. Что же мне делать? У меня нет ни одного флайера. Я не умею их строить.

— Мы можем получить один флайер,— сказал я.

— Как?

Во время разговора Фор Така и Нур Ана я обдумал свой план и теперь изложил его. Нур Ан с энтузиазмом принял его, но Фор Так стал возражать. Я не понимал причин его возражений, да они меня и не инте-

ресовали, так как в конце концов он согласился с нами.

Рядом с лабораторией находилась прекрасно оборудованная мастерская. Здесь мы с Нур Аном и еще с полдюжиной рабов работали целую неделю, пока, наконец, не сделали самый замечательный флайер из тех, на которых мне приходилось летать когда-либо. Это был цилиндр, заостренный с обоих концов и весьма похожий на модель Летящей Смерти. Внутри него находился цилиндр поменьше, а между стенками мы установили баки с веществом, увеличивающим подъемную силу. В стенках были проделаны отверстия для наблюдения. Они могли закрываться изнутри. В цилиндре сверху и снизу находились люки. На носу и корме корабля я установил два орудия, стреляющих дезинтегрирующими лучами. Корабль также был снабжен перископом, обеспечивающим наблюдение за воздухом и землей. Вся поверхность корабля была покрыта голубой краской, защитой от оружия Джахара, а кроме того, веществом для невидимости. Значит, пока люки для наблюдения были закрыты, мой корабль был полностью невидим, за исключением глаза перископа.

Наконец, работа была закончена. Мы имели прекрасно вооруженный корабль, невидимый для противника. Единственное, что удручало меня, это то, что мне пришлось поставить двигатель старой конструкции, так как моих знаний было недостаточно, чтобы сконструировать новый мотор.

Когда работа близилась к завершению, я заметил, что Фор Так становится очень раздражительным. Он во всем находил недостатки и даже однажды приказал прекратить работы. Правда, ненадолго.

А теперь уже конец. Корабль готов к полету. Погружены припасы пищи, воды, и в последнюю минуту я установил компас с автопилотом, за что впоследствии был очень вознагражден за свою предусмотрительность.

Когда я сказал Фор Таку, что мы летим немедленно, он запретил это, хотя и не объяснил, почему. Но я уже потерял терпение и сказал старику, что мы полетим, хочет он того или нет.

Он не впал в ярость, как я ожидал, а рассмеялся. И смех этот был страшнее, чем гнев.

— Вы думаете, что я идиот,— прокаркал он.— Вы думаете, что я позволю вам улететь и передать все мои тайны Тул Акстару? Вы ошибаетесь.

— И ты тоже,— ответил я.— Ты ошибаешься, думая, что мы хотим предать тебя, и ошибаешься, когда полагаешь, что сможешь помешать нам улететь.

— Хей-хо! — каркнул он. — Мне не нужно запрещать вам лететь в Джахар, потому что вы никогда не прилетите туда. Я не сидел сложа руки, пока вы делали этот корабль. Я сконструировал Летающую Смерть в реальную величину. Она настроена на ваш корабль. Если вы улетите без моего разрешения, вас ждет гибель. Хей-хо! Что вы скажете на это?

— Я скажу, что ты старый дурак. У тебя есть возможность принять помощь двух честных воинов, а ты хочешь сделать их своими врагами.

— Врагами, которые ничем не смогут повредить мне. Ваши жизни в моих руках. Вы скрываете от меня свои намерения, но недостаточно хорошо. Я прочел ваши мысли и знаю: вы считаете меня сумасшедшим. А кроме того, я узнал, что сделаете все, чтобы предотвратить гибель Гелиума. Не сомневаюсь, что вы поможете мне уничтожить Джахар, Тьянат... Но моя настоящая цель — Гелиум — самое могущественное государство Барсума. Гелиум объявит меня джеддаком джеддаков, когда я уничтожу его флот и поставлю на колени.

— Значит, весь наш труд впустую? — спросил я. — Мы не можем лететь на корабле, который построили?

— Можете, но при одном условии.

— Что за условие?

— Ты полетишь в Джахар один, а Нур Ан останется заложником. Если ты обманешь меня, он умрет.

Уговаривать его было бессмысленно. Ничто не смогло бы изменить его решение. Я пытался убедить его, что один человек мало что может, вероятно, ему ничего не удастся сделать, он он был тверд — я должен лететь один, и только один.

ХІ

«ПУСТЬ ОГОНЬ БУДЕТ ГОРЯЧИМ!»

Когда я поднялся в звездное великолепие Барсумской ночи, бедный замок Фор Така остался внизу, как жемчужина, омываемая мягким светом Турии. Я был один. Нур Ан остался внизу заложником сумасшедшего ученого. Поэтому я должен вернуться в Джаму. Нур Ан не взял с меня обещания, он знал, что я вернусь обязательно.

В двухстах пятидесяти хаалах к востоку лежал Джахар... и там была Саном Тора. В ста пятидесяти хаадах на

юго-востоке находился Тьянат... и Тавия. Я повернул свой корабль на восток и полетел туда, где находилась женщина, которую я любил. Я летел с открытыми смотровыми отверстиями к Джахару.

Но свои мысли я не мог контролировать. Несмотря на то что я пытался сконцентрироваться на цели своего путешествия, я все время вспоминал тюремную камеру, темно-коричневые волосы, обнаженное плечо, которое один раз прижалось ко мне. Я пытался отогнать эти воспоминания, летя сквозь ночь, но они постоянно возвращались ко мне, заставляли думать о том, что же произошло с Тавией.

Я включил автопилот, настроил его на Джахар, так как узнал от Фор Така его точные координаты, и мне теперь не было необходимости смотреть на приборы. После этого я занялся кораблем, установил по-новому дезинтегрирующие пушки, так, как мне это было нужно.

Фор Так вооружил меня тремя типами лучей — распыляющими металл, дерево и человеческую плоть. Кроме того, у меня было еще кое-что, что я просил, но Фор Так отказался дать мне: сосуд с веществом, которое могло оказаться весьма ценным для меня. Я пощупал карман, чтобы убедиться, что сосуд при мне.

Внутри корабля было очень тесно и неудобно: я ведь привык к открытым палубам кораблей Гелиума. Я стал устраиваться спать, так как знал, что автопилот приведет флайер в Джахар, а звонок разбудит меня при приближении. Но сон не шел ко мне. Я думал о Саноме Тора. Я видел перед собой ее холодную величественную красоту, но она все время растворялась в живой красоте Тавии, в ее глазах, блестящих радостью жизни, теплых и ласковых.

Я уже отлетел далеко от Джамы, когда решительно поднялся, подошел к приборам и перестроил автопилот, направив его на Тьянат.

Выбор сделан, и я почувствовал облегчение. Я лечу на помощь другу. Я всегда знал, что как друг Тавия значит для меня гораздо больше, чем Саном Тора, от которой я получал лишь безразличную вежливость.

Только я уже не пытался уснуть. Я стоял у пульта управления и смотрел на несущиеся подо мною долины. И на рассвете впереди показался Тьянат. Я закрыл все заслонки, сделав корабль абсолютно невидимым. Медленно я сделал круг над дворцом Хай Озиса. На плоской крыше стояли сонные охранники. Возле главного ангара стоял всего один охранник.

Я повис над Восточной Башней, где, вероятно, спала Тавия. Как бы она удивилась, узнав, что я здесь, совсем рядом.

Опустившись ниже, я подлетел к окну камеры, где когда-то была заключена Тавия, затем открыл смотровое отверстие и стал всматриваться туда. Но в камере никого не было. Девушку, очевидно, перевели в другое помещение. Я был разочарован. Мои планы освобождения Тавии внезапно провалились, и теперь задача стала гораздо сложнее. Самое главное — определить, где она. Для этого надо было попасть во дворец. Как только я покину невидимый корабль, я буду в чрезвычайной опасности. В своей одежде, сделанной руками рабов Фор Така, я вызову подозрение у каждого, кто увидит меня.

Но мне нужно попасть во дворец. И для этого мне следует прибегнуть к маскараду.

Снова я закрыл все, и единственным моим глазом стал перископ. Я медленно поворачивал его, обдумывая, что же мне сделать лучше всего.

Наконец, мой перископ остановился на главном ангаре: там был вход во дворец, охранявшийся единственным часовым.

Я медленно повел корабль туда и посадил его на крышу. Понимая, что как только я выйду из корабля, то стану видимым, я наблюдал за часовым через перископ. Наконец, он повернулся ко мне спиной. Я быстро выскочил из корабля и распластался на крыше как раз над ним. Если он повернется, то сразу увидит меня и поднимет тревогу. Моя единственная надежда на то, что я заставлю его замолчать, прежде чем он поймет угрозу.

Джон Картер меня всегда учил, что нужно действовать по первому же импульсу. Ждать и размышлять — значит потерять надежду на успех.

И я стал действовать без размышления. Я быстро вскочил и бросился с крыши на часового. В руках у меня был маленький кинжал.

Конец наступил быстро. Думаю, что бедняга даже не понял, что случилось. Я затащил его в ангар, снял с него одежду и переоделся. Одновременно чисто механически я осмотрел корабли в ангаре. Все они, за исключением одного патрульного флайера, имели эмблему джеда Тьяната. Здесь был один боевой корабль, два увеселительных флайера и два патрульных. Да, флот Тьяната не шел ни в какое сравнение с флотом Гелиума.

Однако дело сейчас было не в этом. Недалеко от того

места, где я стоял, была лестница, ведущая вниз, во дворец. Понимая, что меня может спасти только наглость, я пошел по лестнице и за первым же поворотом увидел, что мне придется пройти через комнату охраны.

Я не рискнул остановиться и пошел вперед. Может, мне удастся пройти, не возбудив подозрений. Когда я вошел туда, то с первого взгляда понял, что здесь все спят. Только из соседней комнаты доносились голоса и смех. Но я не стал любопытствовать, кто там, а быстро прошел через комнату и снова оказался на лестнице.

Да, мне ужасно повезло, что ни один из них не проснулся, так как каждый бы понял, что я чужак.

В самом дворце я буду в относительной безопасности, так как там всегда столько посетителей, что никто не может знать их всех в лицо.

Мой план заключался в том, чтобы проникнуть в башню, в камеру Тавии, так как я не мог отделаться от мысли, что она там и что я просто не видел ее.

Возможно, мне следовало бы подождать ночи, может, я зашел слишком далеко, преступил грань возможного риска. Но теперь было поздно об этом рассуждать, я должен идти вперед, навстречу тому, что меня ждет.

Я спустился по лестнице и, решив, что нахожусь на нужном этаже, свернул в коридор и оказался перед знакомой дверью — дверью в кабинет Е Сено, хранителя ключей.

„Прекрасно,— подумал я.— Судьба привела меня туда, куда надо“.

Я быстро открыл дверь и вошел в кабинет, закрыв за собой дверь. Е Сено сидел за столом. Он был один и даже не поднял головы. Он был одним из тех людей, которые хотя и занимают маленькое положение, но стараются подавить важностью тех, кто ниже них. Поэтому некоторое время он не обращал внимания на посетителей. На этот раз он сделал ошибку. Я быстро запер дверь и, пройдя через кабинет, запер вторую дверь.

Е Сено поднял голову. Сначала он не узнал меня.

— Что тебе надо?— спросил он.

— Мне нужен ты,— сказал я.

Он смотрел на меня со все возрастающим удивлением. Но вот глаза его расширились, и он вскочил со стула.

— Ты?— крикнул он.— Не может быть! Ты же мертв!

— Я вернулся из могилы, Е Сено, чтобы посчитаться с тобой.

— Что тебе нужно? Отойди! Ты арестован!

— Где Тавия?

— Откуда я знаю?

— Ты хранитель ключей, Е Сено. Кто лучше тебя знает, где содержатся пленники.

— Ну и что? Я не имею права говорить.

— Тебе придется сказать, Е Сено, или ты умрешь,— предупредил я его.

Он вышел из-за стола, постоял немного, а затем, без всякого предупреждения, выхватил меч и бросился на меня.

Мне пришлось отскочить назад, чтобы избежать удара, а когда он ударил второй раз, мой меч уже был наготове, чтобы отразить удар. Е Сено показал себя непростым противником. Он был умен и знал, что дерется за свою жизнь. Я удивился, почему он не зовет на помощь, но затем понял, что в соседней комнате нет солдат, как это было раньше.

Мы дрались молча, только звон металла разносился по комнате.

Я слишком торопился прикончить его и прижал к стене. И тут он совершил то, что едва не перечеркнуло все мои планы. Я думал, что он прижат и никуда не денется, но я не видел, что он левой рукой схватил вазу и швырнул в меня. И тут я увидел, что в момент броска Е Сено открыл отверстие в стене. Для этого ему пришлось опустить меч. Я уклонился от тяжелой вазы, и мой меч пронзил сердце Е Сено.

Я вытер кровь с меча о волосы жертвы. Мне было радостно, что прикончил этого грязного развратника и тем самым снял пятно с чести моего друга Нур Ана.

Однако сейчас было не время для размышлений. Я услышал шаги на лестнице, схватил труп и поволок его к потайной двери, скрывавшей вход в коридор, ведущий в Восточную Башню. Знакомый коридор, где мы были счастливы с Тавией.

Я втащил тело в коридор, закрыл за собой дверь и пошел в темноте к камере. Меня не оставляла надежда, что я найду там Тавию.

Когда я приблизился к знакомой двери, сердце мое отчаянно билось — совершенно незнакомое мне ощущение, которого я не могу объяснить. Я был уверен, что нахожусь в прекрасной физической форме. И если так, то что кроме неожиданной опасности может заставить биться сердце отважного воина, каковым я являлся? Должен сказать, что этот вопрос меня очень занимал.

Ожидание встречи с Тавией заставило меня забыть о неприятном ощущении, и когда я стоял возле двери, мой

мозг был занят предчувствием радостной встречи с лучшим другом.

Я уже был готов нажать на пружину, как вдруг услышал в камере голоса. Мужской и женский. Но слов я не мог разобрать. Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щелочку. То, что я увидел, заставило вскипеть мою кровь в жилах. Молодой воин в богатой одежде схватил Тавию и тащил ее к двери. Она отчаянно отбивалась.

— Не будь душой,— хрипел воин.— Хай Озис отдал тебя мне. Тебя ждет жизнь лучшая, чем жизнь рабыни, которая тебе суждена.

— Я предпочитаю смерть или тюрьму,— ответила она.

В стороне стояла Фао. Глаза ее были полны сочувствия к Тавии. Было ясно, что она не может помочь Тавии, так как, судя по одежде, воин занимал высокое положение. Но мне на это было наплевать. Одним прыжком я оказался в центре камеры и грубо схватил воина за плечо. Я швырнул его с такой силой, что он упал на пол. Тут же Тавия и Фао удивленно вскрикнули, узнав меня.

Я уже держал в руке меч, когда воин с трудом поднялся. Но он не выхватил меча.

— Дурак! Идиот! Тупица! — визжал он.— Ты понимаешь, что делаешь? Ты знаешь, кто я?

— Кем бы ты ни был. Защищайся.

— Нет! — крикнул он.— На тебе одежда воина охраны. Ты не можешь обнажить меч против сына джеддака. Прочь! Я принц Хай Альт!

— Лучше бы ты был сам Хай Озис,— ответил я.— Но за неимением лучшего я убью его выродка. Защищайся, трус, если ты не хочешь умереть, как баран.

Он все отступал, и на лице его был ужас, глаза озирали все вокруг. Вдруг он заметил дверь, через которую я вошел, и нырнул туда. Щелкнул замок. Я бросился за ним, но было поздно. Дверь закрылась, я не мог найти механизм, открывающий ее.

— Быстро, Фао! — крикнул я.— Ты знаешь секрет двери. Открой ее. Нельзя, чтобы этот щенок поднял тревогу. Тогда мы пропади.

Фао подбежала к стене, повернула какую-то завитушку. Я с нетерпением ждал, но дверь не открывалась. Фао, как безумная, вертела и вертела ее, но все было напрасно. Наконец, она с убитым видом повернулась ко мне.

— Он запер замок с той стороны. Он хитрый плут и не забыл об этом.

— Нам нужно уходить,— сказал я и попытался, вставив меч в щель, открыть ее. Но она не поддавалась. Тогда я сильно ударил мечом по стенной панели. Но этот удар оставил лишь царапину на ней. Дверь была сделана из форадуса, самого твердого дерева во вселенной.— Все бессмысленно,— сказал я.

Тавия подошла к нам и молча смотрела на меня. В глазах ее были слезы, и я заметил, что губы ее дрожат.

— Хадрон! — выдохнула она.— Ты вернулся из страны предков. Зачем ты пришел? На этот раз они убьют тебя.

— Ты знаешь, почему я пришел.

— Скажи мне,— проговорила она тихо.

— Из-за друга, Тавия. Из-за лучшего друга, какого только может иметь мужчина.

Сначала удивление появилось на ее лице, затем легкая улыбка тронула губы.

— Для меня дружба Хадрона из Хастора — это самое большое, что может дать мне мир.

Мне было приятно слышать это, но я не понял ее улыбки. Однако у меня не было времени разгадывать загадки. Самое важное в настоящий момент — это забота о нашей безопасности. И тут я подумал о сосуде в своем кармане. Я быстро осмотрел камеру. В углу на полу лежала постель. Я быстро подбежал к ней и оторвал три куска простыни. Содержимое сосуда могло бы нам троим дать свободу, если бы у нас еще было время. Я достал сосуд, и тут же услышал топот ног по лестнице и бряцание оружия. Поздно! Они уже возле двери. Я спрятал сосуд и стал ждать. Сначала я решил драться, но потом понял, что это бессмысленно. Моя смерть никому не поможет. А если я останусь жив, у меня может появиться возможность воспользоваться содержимым сосуда.

Двери камеры распахнулись. Почти пятьдесят воинов толпились в коридоре. Вошел падвар.

— Взять его! — приказал он.

— Я не сопротивляюсь,— сказал я.— Заходи и бери.

— Ты признаешься, что напал на принца Хай Альта?

— Да.

— Какое участие принимали эти женщины?

— Никакого. Я их не знаю. Я следил за Хай Альтом, так как давно хотел убить его.

— Почему ты хочешь убить его? Что ты имеешь против принца?

— Ничего. Я профессиональный убийца. Меня наняли.

— Кто?

Я рассмеялся ему в лицо. Кто же задает такие вопросы профессиональному убийце? Члены этого братства следуют твердым принципам своей этики. И никто не может заставить их назвать имя нанимателя.

Я увидел глаза Тавии, и мне показалось, что в них застыл вопрос. Но она не должна знать, что я лгу, чтобы спасти ее и Фао.

Меня вывели из камеры и повели вниз. Падвар все время расспрашивал меня, стараясь выяснить, кто я такой. Я был рад, что меня пока никто не узнал. Может, мне так и удастся остаться неопознанным? Впрочем, для моей судьбы в этом разницы не было — покушение на жизнь принца наказывается смертной казнью.

Но я боялся, что если меня узнают, то заподозрят девушек в том, что они помогали мне, были соучастницами.

Вот я снова в подвале — и в той же камере, где я был вместе с Нур Аном. У меня возникло ощущение, что я пришел домой. Снова меня приковали к стене — и моя единственная надежда — это маленький сосуд в моем кармане. Однако сейчас было не время использовать его.

Но мне не долго пришлось сидеть в подвале. Пришли воины, расковали меня и повели в красный зал, где сидел на троне Хай Озис, окруженный свитой.

Хай Альт тоже был здесь; увидев меня, он задрожал от ярости. Меня остановили перед троном, и джед повернулся к сыну.

— Это он?

— Да, это он, — ответил принц. — Он напал на меня из-за угла и ударил бы в спину, если бы я не перехитрил его.

— Он обнажил свой меч против тебя? Против принца? — спросил Хай Озис.

— Да. И он убил бы меня, как убил Е Сено, чей труп я обнаружил в потайном коридоре возле его кабинета.

Итак, они нашли тело Е Сено. Прекрасно, значит, они меня не просто убьют, а заставят мучиться перед смертью.

В это время в тронный зал торопливо вошел офицер. Он тяжело дышал, когда встал перед троном. Затем он повернулся ко мне и быстро осмотрел с головы до ног. После этого он обратился к джедаку.

— Хай Озис, джед Тьяната, — сказал он. — Я пришел сказать, что тело убитого воина найдено в ангаре. Он раздет, и его оружие исчезло. А возле него валяются чужая одежда и оружие. И я, Хай Озис, узнал одежду и оружие убитого воина. Они у этого человека, — и он показал на меня.

Хай Озис теперь стал внимательно рассматривать меня. Странное выражение в его глазах мне не понравилось. Он начал что-то припоминать... и вот он узнал меня. Громкое ругательство разнеслось под сводами тронного зала.

— О, боги! — прокричал он. — Посмотрите на него! Неужели вы не узнаете его? Это же джахарский шпион, который называет себя Хадроном из Хастора. Он был приговорен к смерти. Своими собственными глазами я видел, как его спустили в преисподнюю. А он вернулся в мой дворец, убивает моих людей, угрожает смертью моему сыну!

Хай Озис поднялся с кресла и возвел руки к небу, как бы вызывая на меня гнев богов.

— Но теперь мы сначала узнаем, кто послал его сюда. Он пришел сюда не по собственному желанию, чтобы убить меня и моего сына. За ним стоит какой-то злобный враг, вознамерившийся истребить всю семью джеда Тьяната. Жгите его, но медленно. Чтобы он не умер до того, как назовет имя. Ведите его! Пусть огонь будет горячим, но жгите медленно!

ХП

ПОКРОВ НЕВИДИМОСТИ

Когда Хай Озис произнес мне смертный приговор, я понял, что если я хочу спасти свою жизнь, это нужно делать сейчас, так как когда воины схватят меня и поведут в зал пыток, будет поздно.

Воины, которые привели меня из подвала в тронный зал, стояли в нескольких шагах позади меня. Помост, на котором стоял трон, возвышался над полом на три фута. Между мною и Хай Озисом не было никого, а сам он, произнося приговор, встал с трона и подошел к самому краю помоста.

Для того, чтобы совершить то, что я хочу, потребовалось не больше времени, чем я затратил на рассказ об этом. Как только последнее слово сорвалось с губ джеда, я уже спланировал все свои действия. Я прыгнул, как кошка, на Хай Озиса, джеда Тьяната. Это произошло так неожиданно, что он не успел защититься. Одной рукой я схватил его за горло, а другой выхватил кинжал из его ножен. После этого я громко крикнул:

— Назад, иначе Хай Озис умрет!

Они подались вперед, но когда мои слова дошли до их сознания, они в ужасе остановились.

— Ты умрешь, Хай Озис, если не сделаешь то, что я прикажу,— сказал я.

— Что?— лицо его было черно от ужаса.

— Есть за тронем комната?

— Да.

— Идем туда. Прикажи своим людям отойти в сторону.

— И там ты убьешь меня?— он дрожал.

— Я убью тебя сейчас, если ты не послушаешься меня.

Слушай, Хай Озис. Я пришел сюда не за твоей смертью и не за головой твоего сына. Меня привела сюда гораздо более важная цель. Когда я сказал падвару, что я наемный убийца, я солгал. Делай, что я говорю, и я обещаю, что не убью тебя. Прикажи своим людям оставить нас одних в комнате примерно на пять ксатов (пятнадцать минут).

Он колебался.

— Торопись. У меня нет времени,— и я приставил кончик кинжала к его горлу.

— Нет! — закричал он.— Я все сделаю. Все прочь! — закричал он.— Я иду в комнату за тронем с этим воином и приказываю вам под страхом смерти не входить туда пять ксатов.

Я крепко держал Хай Озиса за одежду. Кинжал был направлен в его сердце. Так мы прошли в комнату. На пороге я остановился.

— Помните! Пять ксатов и ни тала меньше.

Войдя в комнату, я запер дверь, запер вторую дверь, а затем толкнул Хай Озиса в угол.

— Ложись на живот и закрой лицо!

— Ты обещал не убивать меня.

— Я не убью тебя, если твои придворные не ворвутся сюда раньше пяти ксатов и если ты не будешь задерживать меня глупыми вопросами. Я хочу просто, чтобы ты ничего не видел.

Кряхтя, он улегся на пол. Я связал его руки за спиной и завязал глаза.

Затем я быстро осмотрел комнату и сразу увидел то, что мне нужно: тонкие шелковые занавески на окне. Я сорвал их и свернул в комок. Шелк был тонкий, так что комочек получился маленький. Затем я достал сосуд и вылил половину его содержимого на шелк. После этого я развернул шелк и накинул его на себя. У меня оставалось всего несколько ксатов до того момента, как сюда вернутся воины, а мне еще надо было проверить результаты работы. Я подошел к лежащему Хай Озису, сорвал повязку с его глаз и быстро отступил в сторону. Тот поднял голову, удивленно

осмотрелся, а затем сказал: „Он исчез.“ Некоторое время он осматривался вокруг, затем облегчение и надежда появились на его лице.

— Эй! — громко закричал он. — Охрана! Он сбежал!

Я вздохнул с облегчением: если Хай Озис не увидел меня, значит, я стал невидимым.

Я не рискнул возвращаться в тронный зал и вышел во вторую дверь, в знакомые коридоры. Позади уже слышался грохот: воины взламывали двери. Выходя, я посмотрел на Хай Озиса. Тот с ужасом смотрел на дверь, которая открывалась сама собой. Сначала я не понял его удивления, а затем улыбнулся. Хай Озис, вероятно, подумал, что это дело рук привидения.

Однако он почувствовал что-то, так как сразу же крикнул людям:

— Не входите, пока не пройдет пять ксатов. Это приказываю я, Хай Озис, джед.

Я закрыл за собой дверь, и все еще улыбаясь, пошел по коридорам, чтобы подняться по лестнице в ангар, где я оставил свой флайер.

Этот коридор привел меня прямо в королевские покои.

Мне было трудно привыкнуть к невидимости, и когда я вошел в комнату, где были люди, моим первым импульсом было желание повернуться и бежать. Но когда я увидел, что никто не обратил на меня внимания, хотя я был в пяти-шести футах от них, ко мне вернулись спокойствие и уверенность. Я пошел через комнату так, как будто находился в своей казарме.

Королевские покои казались нескончаемыми. Я искал выход, но переходил из комнаты в комнату, иногда попадал туда, где моя скромность и стыдливость подвергались испытанию: на женскую половину, причем в такие моменты, когда женщины совершенно не ожидают появления мужчины.

Однако назад я не поворачивал, так как времени у меня не было. И в конце концов я попал в самое святое место — в покои джеддары. И королеве очень повезло, что это был я, а не джеддак, так как я застал ее в весьма интимном положении с одним из рабов — молодым и симпатичным. Я с отворачиванием вышел оттуда — мне всегда не нравилась распущенность в женщинах, пусть даже и королев. Я оказался опять в коридоре.

Коридор был очень оживленным. По нему ходили слуги, воины, придворные рабы.

Я еще не привык к своему новому состоянию. Мне казалось, что все вокруг видит меня. Я даже колебался, прежде

чем вышел оттуда. Девушка-рабыня едва не натолкнулась на меня, и я едва успел отскочить в сторону. Она явно что-то слышала, так как остановилась и удивленно оглядывалась вокруг. Несколько раз ее взгляд останавливался на мне, но в конце концов она повернулась и пошла дальше. После этого я спокойно пошел, стараясь не столкнуться с кем-нибудь. Вскоре я нашел лестницу, ведущую наверх, а немного погодя я уже оказался в комнате охраны у подножия лестницы, по которой я мог подняться в королевский ангар.

Воины, свободные от службы, занимались своими делами: кто чистил оружие, кто рассказывал анекдоты, кто играл в яно-игру, такую же древнюю, как барсумская цивилизация. Здесь было шумно. Отовсюду слышался громкий смех. Как одинаковы воины всех стран! Таких я мог видеть и в охране дворца в Гелиуме.

Пройдя между ними, я прошел на крышу, к ангару. Двое воинов, стоявших возле лестницы, мешали мне пройти. Между ними была только узенькая щель, и я боялся, что они обнаружат меня. Я остановился, выжидая момента, и услышал их разговор.

— Я говорю, что его ударили сзади,— сказал один.— Он видел, кто убил его.

Я понял, что они говорят об убитом часовом.

— А откуда появился убийца?

— Падвар уверен, что это кто-то из охраны. Он скоро начнет допрашивать всех.

— Только не я,— сказал охранник. Он был моим лучшим другом.

— И не я.

— У него было много женщин. Может быть...

И тут внизу на лестнице послышались шаги. Их разговор прекратился. Мое положение стало весьма опасным. Лестница была узкой, и тот, кто шел снизу, обязательно коснулся бы меня. Значит, мне нужно сейчас же выйти на крышу. Между стеной и одним из воинов было достаточно места, и я рискнул проскочить в эту щель. Можете мне поверить, что я вздохнул с облегчением, когда мне это удалось.

Воин, который шел снизу, уже подошел к часовым.

— Убийца найден,— сказал он.— Это, оказывается, шпион из Джахара, который называет себя Хадроном из Хастора; и он вместе с другим шпионом, Нур Аном, был приговорен к смерти. Каким-то чудом он спасся и снова вернулся во дворец. Кроме часового он убил Е Сено, хранителя

ключей, но был схвачен после нападения на Хай Альта, принца. Однако он бежал снова и находится где-то во дворце. Падвар приказал, чтобы мы удвоили бдительность. Большая награда обещана тому, кто захватит Хадрона живым или мертвым.

— Он не появится здесь днем.

Я улыбнулся и прошел в ангар. Забраться на крышу и остаться при этом невидимым было трудно, но я сделал это. Передо мной была пустая крыша. Казалось, что на ней ничего нет, но я улыбнулся про себя, зная, что мой корабль здесь. Я внимательно всматривался, отыскивая взглядом глаз перископа, но ничего не увидел. Однако это не очень беспокоило меня: перископ мог быть повернут в другую сторону. Мне нужно просто искать хорошенько. И я пошел вперед, расставив руки.

Я прошел всю крышу из конца в конец, но флайера не нашел. Это уже мне не нравилось: я ведь точно знал, что корабль оставил здесь. Может, его сдвинул ветер? Я снова стал шарить по крыше — но с тем же результатом. Тут я уже стал обыскивать каждый квадратный метр крыши. Корабль исчез... но куда? Да, вещество невидимости тоже имеет свои недостатки. Корабль может быть где-то рядом, а я его не вижу. Ветер дул с юго-запада. Если корабль отнесло в том направлении, можно попытаться увидеть перископ. Но сколько я ни вглядывался, ничего не мог увидеть.

Должен признать, что на некоторое время я пал духом. Видно, судьба совсем отвернулась от меня. Каждый раз, когда мне кажется, что все в порядке, она подсовывает мне новое испытание. Но я недолго поддавался унынию. Я расправил плечи и гордо посмотрел вперед, на то будущее, что судьба уготовила мне.

Некоторое время я рассматривал свое положение с разных точек зрения. Я знал, что должен освободить Тавию, но понимал, что без флайера мне это сделать не удастся. Значит, я должен добыть флайер. А все флайеры под мою руку — в королевском ангаре. Ночью ангар наверняка заперт и строго охраняется. Если я хочу получить флайер, то должен сделать это сейчас и должен действовать нахально и смело.

Королевские флайеры обычно самые быстрые, и я мог надеяться, что мне посчастливится избежать преследования.

Я был твердо уверен в том, что мне не удастся совершить задуманное, если буду оставаться на крыше ангара.

Поэтому я выбрал момент, когда часовой отвернулся, и осторожно спустился.

Затем я юркнул в ангар, осмотрел флайеры и выбрал один, который мог унести четверых и, судя по конструкции, обладал приличной скоростью.

Я поднялся на палубу, включил двигатель и осторожно поднял флайер на фут над полом. Затем я включил газ.

Прямо перед открытыми дверями ангара стояли часовые. Когда флайер вылетел из ангара, они закричали. Будучи смелыми людьми, они бросились к флайеру, желая вскочить на его палубу и изрубить похитителя, пока флайер не набрал высоту.

Но тут они обнаружили, что за пультом управления никого нет.

— О, боже! — крикнул один. — Тут никого нет!

Второй воин тоже остановился в изумлении, и я резко взмыл вверх.

Воины оставались в замешательстве недолго. Вскоре я услышал звуки сирены, удары колокола, а когда оглянулся, то увидел, что в погоне за мной вылетел флайер.

Это был двухместный флайер, и я сразу понял, что он гораздо быстрее, чем мой. А кроме того, я увидел, что из разных мест города поднимаются патрульные машины. Все они устремились за мной. Мое положение оказалось безнадежным. Патрульные флайеры окружили меня со всех сторон. Я лихорадочно искал путь для бегства. Но что мне оставалось делать? Мой флайер слишком медленный, а преследователей много.

Еще немного — и они перехватят меня. И тут я увидел то, что заставило мое сердце лихорадочно забиться. Я увидел маленький круглый глаз перископа — а это означало мое спасение, спасение Тавии и, конечно, спасение Саномы Тора.

Патрульный флайер уже устремился ко мне, когда я, тщательно рассчитав расстояние, подлетел под свой флайер. Затем я нащупал люк, открыл его и быстро проскользнул во внутрь «Джамы» — так окрестил Фор Так свой флайер.

Закрыв люк, я встал к пульту управления и моментально поднялся вверх. Затем остановил флайер и стал смотреть, что же будут делать преследователи.

Я видел, как они поднялись на палубу украденного мною флайера и обнаружили, что там никого нет. Они метались и, не находя никого, никак не могли найти объяснения случившемуся.

Вскоре в небе стало так тесно от подлетающих кораблей, что я понял: мне нужно отлететь подальше. Я решил, что не буду удаляться от дворца, дождусь ночи и попытаюсь освободить Тавию и Фао. А до этого времени мне нужно войти в контакт с Тавией. Через пятьдесят ксатов (три часа) солнце начнет заходить.

Я хотел начать реализовывать свой план как можно раньше, так как давно понял, что чем меньше раздумываешь, тем лучше.

Воин одного из патрульных флайеров повел украденный флайер в ангар. Некоторые корабли стали его сопровождать, другие остались на своих местах, а затем вернулись на места стоянок. В небе остался единственный патрульный флайер, который кружил над городом. И вдруг я заметил, что молодой офицер, стоящий на палубе патрульного флайера, заметил глаз перископа. Он что-то крикнул, указывая рукой, и тут же флайер изменил курс и полетел на меня. В этой встрече для меня не было ничего хорошего. Я моментально отвернул перископ и изменил курс полета. Теперь они не могли видеть меня, а значит, и преследовать.

Отлетев немного, я снова повернул перископ в их сторону и к своему удивлению обнаружил, что патруль летит за мной.

Снова я изменил курс и снова увидел, что патруль не отстает. Более того, ствол орудия уже был направлен на меня.

Что случилось? Видимо, что-то произошло, и я перестал быть невидимым. Но исправлять ошибку было поздно. Если они выстрелят, я погиб.

Я быстро остановил флайер, подбежал к заднему излучателю... Через мгновение я увидел в прицеле вражеский флайер. Легкое нажатие на кнопку... результат был потрясающим.

Я очень любил воздушные корабли, и мне было больно смотреть, как металлические части флайера исчезли, испарились. И это было не все: исчезли и деревянные части. Храбрые воины полетели к земле. Это было ужасно.

Я истинный сын Барсума. Я знаю радость битвы. С младенческих лет, с самого рождения я видел цель своей жизни: сражение и победа. Меня все время готовили к войне. Но это была не война. Это было просто убийство.

Я не испытывал радости от такой победы и все более проникался мыслью, что это оружие уничтожения должно быть запрещено раз и навсегда во всем Барсуме. Война невиди-

мых кораблей, вооруженных таким оружием, будет ужасна, она противоестественна. Целые нации, государства могут быть уничтожены одним единственным кораблем, снабженным таким оружием. Безумные грезы Фор Така вполне могли воплотиться в реальность, и сумасшедший маньяк мог стать властелином мира.

Однако в настоящий момент мне было не до философских раздумий. Передо мной стояла определенная цель, и я готов был стереть с лица Барсума весь Тьянат, если потребуется.

Снова взвыли сирены, забухали колокола. Снова вокруг меня собрались патрульные флайеры. Я понял, что мне нужно улететь отсюда до наступления ночи, так как я не могу воспользоваться против своих же братьев этим смертоносным оружием без крайней необходимости. И я мог избежать этой необходимости.

Я повернулся к пульту управления и сразу заметил открытое смотровое окно. Теперь мне стало понятно, почему патрульный флайер преследовал меня. Воины видели что-то круглое, перемещающееся в воздухе. И хотя они не могли понять, что это такое, они как отважные люди пустились в погоню, как им повелевал их долг.

Я быстро закрыл смотровое отверстие, убедился, что остальные закрыты, и понял, что мне теперь нет необходимости улетать, так как я опять стал полностью невидим, за исключением маленького глаза перископа. К этому времени здесь собрались снова все патрульные корабли.

Думаю, что все воины были поражены тем, что произошло. И они не могли найти никакого разумного объяснения случившемуся. Корабли кружили над городом, ожидая приказаний. И как только наступил вечер, приказ поступил. Корабли выстроились в несколько линий и на разных уровнях, стали прочесывать небо над городом. Корабли каждого уровня описывали концентрические круги, летя так близко друг от друга, что ни один корабль не остался бы незамеченным ими. К тому же на крышах всех зданий города были выставлены часовые, просматривающие небо. Тысячи глаз смотрели вверх. Я понял, что в таких условиях я буду непременно обнаружен. Поэтому я спустился в дворцовый сад и укрылся в листве деревьев. Отсюда я мог более или менее спокойно наблюдать за происходящим. Вскоре на планету опустилась ночь, и я медленно выплыл из своего укрытия.

Поднявшись над садом, я осмотрел небо с помощью перископа. Высоко в небе я увидел огни патрульного флайера, а под собой тысячи освещенных окон дворца. Впереди

вырисовывался темный силуэт Восточной Башни. Я медленно подплыл к окну камеры Тавии.

Я, разумеется, не включал огней и, открыв верхний люк, остановился в двух футах возле подоконника камеры. Прежде чем вылезти из люка, я накинул на себя шелковую ткань, обеспечивающую мою невидимость.

В камере Тавии не было света. Я приложил ухо к окну и прислушался. Ни звука. Сердце мое упало. Неужели ее перевели отсюда? Неужели ее забрал Хай Альт? Я содрогнулся при этой мысли и обругал себя за то, что упустил его в прошлый раз.

Я знаю, что в темное небо устремлены тысячи глаз и тысячи ушей прислушиваются к малейшим звукам. Поэтому я все делал бесшумно. Мне нужно было убедиться, что Тавии здесь нет. Я прижался губами к решетке и прошептал ее имя. Ответа не было.

— Тавия! — шептал я, на этот раз громче. Мне казалось, что мой голос прозвучал так громко, что меня слышали даже мертвые.

На этот раз в глубине камеры я услышал какой-то звук. Кто-то ахнул. Затем я услышал, что к окну кто-то подходит. В камере было так темно, что я не видел ничего. Но вот я услышал знакомый голос:

— Хадрон! Где ты?

Она узнала мой голос. Я почему-то вздрогнул, услышав этот нежный голос.

— Я за окном, Тавия.

Она подошла ближе.

— Где ты? Я не вижу тебя.

— Не бойся. Ты меня не можешь видеть, но я все объясню потом. Фао с тобой?

— Да.

— И больше никого?

— Никого.

— Я собираюсь взять вас с собой. Тебя и Фао. Отойдите в сторону от окна, чтобы вы не пострадали. Затем садитесь в мой флайер.

— Флайер? А где он?

— Он здесь. Слушайте меня. Вы доверяете мне?

— Конечно, Хадрон, — прошептала она.

Что-то запело внутри меня. Я не понимал, что со мной происходит. Я не мог объяснить своего состояния. Но сейчас не было времени думать об этом.

— Отойди в сторону, Тавия. И отведи Фао.

Я видел смутную тень возле окна, которая затем исчезла.

Я подошел к переднему орудию, направил его в окно. Легкое нажатие... Я не видел, что произошло, но я знал, что решетки больше не существует. Я протянул руку к окну и обнаружил, что ее нет...

— Тавия! Быстро иди сюда!

Стоя одной ногой на палубе флайера, а другой на подоконнике, я подтащил корабль поближе и сделал навес из невидимого покрывала, чтобы девушки могли незамеченными вылезти из окна.

Это было очень трудно. К сожалению, у меня не было ни одного абордажного крюка, чтобы закрепить корабль. Поэтому мне пришлось полагаться только на свои силы. Я помог Тавии подняться на подоконник.

— Но здесь же нет корабля,— испуганно сказала она.

— Корабль здесь. Доверься мне, Тавия.— Я обнял девушку одной рукой и почувствовал, как под моими пальцами набухли и стали твердыми соски ее нежных грудей.

— Не бойся,— сказал я и осторожно опустил ее в люк «Джамы».

Затем я протянул руку Фао, помог ей подняться на подоконник и тоже обхватил рукой. Ощувив рукой ее нежную грудь и не видя в темноте ее лица, я вдруг понял, что если бы на ее месте была Саном Тора, я почувствовал бы то же самое. И тут до меня дошло, что чисто физически все женщины одинаковы и главное в них — это духовное начало, а его не могут заменить даже самая совершенная фигура и самое прекрасное лицо. Но сейчас, в темноте, все это отступило на второй план — сейчас я только ощущал под своими пальцами нежную округлость женской груди, ее набухшие соски, тело девушки, прильнувшее ко мне... Но нет... Я взял себя в руки и опустил ее в люк невидимого корабля. Да, все это потребовало от девушек необычайного мужества. Им пришлось спускаться в неизвестность, довериться только моему слову, что их ждет твердая палуба, а не темная пучина в черноте ночи.

Когда обе девушки были на корабле, я спустился и закрыл за собой люк.

Пробираясь к пульту управления, я коснулся рукой женского бедра, и дрожь пронзила мое тело, хотя я не знал, чье это бедро, Тавии или Фао. Обе девушки лежали на полу, они обе слишком устали от того испытания, что им пришлось пережить. Но у меня не было времени на разговоры с ними.

Если нам удастся выскользнуть из кольца патрульных флайеров на свободу, у меня будет достаточно времени, чтобы ответить на их вопросы. Если же не удастся, то тогда мне не потребуется отвечать на них.

ХІІІ

ЖЕНЩИНЫ ТУЛ АКСТАРА

На малых оборотах двигателя мы отплыли от башни. Я не рискнул набрать высоту, так как боялся столкнуться с каким-нибудь патрульным флайером. Поэтому я полетел над самой крышей дворца, пока не оказался над широкой улицей, ведущей к северо-востоку. Сейчас была только опасность того, что меня услышат часовые на крышах. Однако в небе было столько флайеров, что шум их двигателей заглушал все звуки. Наконец, мы подлетели к городским воротам. Я набрал высоту, чтобы перелететь высокую стену — и мы вырвались в ночь. Огни города постепенно растаяли в темноте.

Пока мы были в городе, девушки хранили молчание. Но вот опасность была позади, и Тавия поспешила удовлетворить свое любопытство, засыпав меня градом вопросов. Что касается Фао, то ее первый вопрос касался Нур Ана. А когда она узнала, что он жив и в безопасности, то ее вздох красноречивее всяких слов сказал мне, что она любит моего друга. Обе девушки с замиранием сердца выслушали мой рассказ о чудесном избавлении от смерти. Затем они захотели узнать все о «Джаме», сумасшедшем Фор Таке, его изобретениях, веществе невидимости, дезинтегрирующих лучах. И пока я не удовлетворил их любопытства, мы не могли обсуждать планы на будущее.

— Я думаю, что теперь мы должны лететь в Джахар, — сказал я.

— Да, — тихо ответила Тавия. — Это твой долг. Ты должен освободить Саному Тора.

— Если бы я мог оставить вас в каком-нибудь безопасном месте, я с легким сердцем отправился бы выполнять свою миссию. Но я не знаю другого места, кроме Джамы, однако сейчас я не хочу возвращаться туда, так как не выполнил поручения Фор Така. Не знаю, как он поступит, когда узнает об этом. Он ведь сумасшедший. К тому же я ~~во~~ все не уверен, что вы будете там в безопасности. Он

доверяет только своим рабам. Ему может взбрести в голову, что вы шпионки.

— Обо мне не думай,— сказала Тавия.— Я не останусь там. Раб должен следовать за своим господином.

— Не говори так, Тавия. Ты не рабыня.

— Я рабыня. Я обязательно буду чьей-нибудь рабыней. Лучше твоей.

Я был тронут ее преданностью, но мне совсем не хотелось иметь ее как рабыню.

— Я дарю тебе свободу, Тавия,— сказал я.

Она улыбнулась.

— А я не хочу ее. Решено, я остаюсь с тобой. Я хочу научиться управлять «Джамой», и тогда я могу быть тебе полезной.

Тавия достаточно хорошо знала воздухоплавание, поэтому обучить ее мне удалось быстро.

Фао тоже заинтересовалась этим, и вскоре могла заменить меня у пульта управления. А я стал обучать Тавию стрелять дезинтегрирующими лучами.

Задолго до того, как показался город, мы увидели одноместный флайер, окрашенный в голубой цвет. А затем далеко справа и слева появились и другие флайеры. Видимо, это были разведчики. Они медленно кружили на большой высоте, ожидая появления вражеского флота. Мы пролетели под ними и вскоре увидели вторую линию вражеских машин. Все это были небольшие машины вместительностью до десяти-пятнадцати воинов. Приблизившись к одному из них, я увидел, что он вооружен четырьмя излучателями. Я пригляделся и понял, что эти машины плотным кольцом окружают Джахар.

А вот и третья линия обороны — огромные боевые корабли, сильно вооруженные, на каждом из них до тысячи солдат.

Хотя в Гелиуме были корабли и больше, мне стало ясно, что флот Джахара представляет огромную силу, даже если забыть об ужасном оружии, которым вооружены корабли.

Значит, Тул Акстар не терял времени даром, он тщательно подготовился к войне, к завоеванию Барсума. Я был уверен, что передо мной лишь небольшая часть армии Тул Акстара.

Все это наполнило мою душу тревогой. Если флот Гелиума появится здесь, он неминуемо будет уничтожен. Никакая сила не спасет его. Единственно, на что я надеялся, это на благоразумие военачальников Гелиума. Обнаружив

разрушительную силу смертоносных лучей, они поймут, что вступать в бой бессмысленно, и повернут назад, чтобы спасти остальные корабли.

Далеко впереди на горизонте появилась башня города, и, когда мы подлетели, я увидел за городской стеной огромное количество больших боевых кораблей. Каждый из них мог поднять до десяти тысяч воинов. Судя по конструкции это были транспортные корабли. Это на них миллионы голодных джахарских воинов полетят грабить и уничтожать остальной мир.

Я смотрел на эту армаду и думал, что мне нужно бросить все и лететь в Гелиум. Я должен предупредить цивилизованный мир, что он должен готовиться к смертельной схватке с обезумевшим маньяком; мое чувство долга и любовь вступили между собой в конфликт. Что делать? Много раз я рисковал жизнью, чтобы добраться до Джахара ради единственной цели. И вот теперь долг зовет меня обратно. Может быть, эта новая цель — спасение мира, более важная, но я был только человеком и решил, что сначала я должен спасти девушку, которую люблю, и уж затем заняться спасением человечества.

Мы перелетели через стену и взяли курс на дворец джеда.

План мой был уже сформулирован, и я его обсуждал во всех деталях с Тавией, которая выросла во дворце. Я должен был подлететь к узкой башне, где не было места для посадки флайера, но откуда можно было легко проникнуть во дворец на его женскую половину.

Незамеченный никем, под покровом невидимости, я подвел флайер к башне.

— Через тридцать минут будет темно, — сказал я Тавии. — Сейчас улетайте и возвращайтесь, когда совсем стемнеет.

Тавия говорила мне, что женскую половину запирают при заходе солнца. Поэтому я хотел попасть во дворец днем. Хотя я предпочел бы, чтобы это происходило ночью — тогда меньше риска.

— Двери на женскую половину запираются и открываются изнутри, — говорила Тавия. — Это сделано не для того, чтобы держать женщин взаперти, а чтобы защитить их от вторжения какого-либо пьяного воина или дворянина.

Закутавшись в шелк, пропитанный веществом невидимости, я открыл люк и перебрался на подоконник одного из узких окон.

— Желаю удачи,— прошептала Тавия.— Надеюсь, ты вернешься с Саномой Тора. Я буду молиться за тебя.

Я поблагодарил ее и скрылся в окне. Тут я увидел такую лестницу, которой, видимо, пользовались очень редко, так как на пыльных ступенях не было ни одного отпечатка ног. Спустившись по ней, я попал в большую комнату, которая когда-то служила караульным помещением, а теперь это был склад ненужных вещей. Здесь я увидел образцы искусства древних ремесленников Джахара. В другое время я с любопытством бы покопался здесь, но сейчас пошел через нее, только удостоверившись, что здесь нет людей. Следуя инструкции Тавии, я спустился по двум разукрашенным лестницам и оказался в богато убранном коридоре, через который можно было попасть в женскую половину дворца Тул Акстара. Коридор был длинный, наверное, в тысячу софадов. По сторонам его находились огромные окна, через которые я видел верхушки деревьев.

Вдоль коридора по обеим сторонам я увидел многочисленные двери. Одни из них были заперты, другие настежь открыты, так как в этот коридор вход был запрещен всем, кроме рабов и самого Тул Акстара. Так что я был врагом, находящимся в относительной безопасности на вражеской территории.

Когда я осматривался, чтобы решить, откуда мне начать, из одной комнаты вышло несколько женщин. Они направились прямо ко мне. Это были очень красивые женщины, роскошно одетые. По их смеху, легкомысленной беседе я понял, что они не такие уж несчастные.

Меня кольнула совесть, когда я понял, что могу подслушивать их разговор, пользуясь преимуществом невидимости. Но, увы, я ничего не мог поделать, поэтому я остановился и стал слушать, надеясь, что смогу узнать что-то полезное о Саноме Тора. Однако я не услышал ничего интересного для себя, кроме того что Тул Акстар старый вонючий эктидар. Многие высказывания о Тул Акстаре были чисто личными, и ни одно из них не было благожелательным.

Они прошли мимо меня и вошли в большую комнату в конце коридора. Почти сразу из всех комнат стали выходить женщины и шли туда же, где скрылись эти двое.

Я сразу понял, что это место их сбора. И, значит, там я скорее всего узнаю, где находится Саном Тора. А может быть, она тоже там?

Поэтому я присоединился к одной компании и направился вместе с ними в громадный зал, роскошно разукрашен-

ный. Он мог бы быть и тронным залом самого джедака. Тем более что на возвышении я увидел громадный трон.

В центре зала был бассейн. Вдоль стен стояли скамьи, на которых лежали шелковые покрывала, меха, подушки. Видимо, здесь Тул Акстара окружали только женщины. Здесь они танцевали, купались в бассейне, чтобы возбудить его дряхлеющие силы, здесь происходили роскошные ужины, сопровождавшиеся музыкой, танцами и бог знает чем еще.

Я быстро осмотрелся, убедился, что Саномы Тора здесь нет, и встал поближе к дверям, где я мог видеть всех входящих.

Я еще никогда не видел, чтобы столько женщин собиралось в одном месте. Я пытался от скуки пересчитать их, но, досчитав до ста пятидесяти, сбился и отбросил эту безнадежную затею.

Они сидели на скамьях вдоль стен. Слышалась болтовня, мелодичный смех. Здесь были женщины самых разнообразных типов и самого разного возраста. Но роднило их одно — все они были очень красивы. Тайные агенты Тул Акстара прочесывали весь мир, чтобы подобрать такой букет красоты.

Внезапно дверь за троном открылась, и в зал вошел отряд воинов. Сначала я очень удивился, так как со слов Тавии я знал, что сюда запрещен вход мужчинам, но потом понял, что эти воины — женщины, одетые в мужскую одежду. Воины заняли свои места по обеим сторонам трона. Снова открылась дверь, и вошел придворный — тоже женщина, переодетая мужчиной.

— Возносите хвалу! — крикнула она. — Возносите хвалу! Джедак идет!

Женщины вскочили, и через мгновение в зал вошел джедак Тул Акстар, сопровождаемый придворными женщинами, переодетыми мужчинами.

Тул Акстар опустил свое грузное тело на трон и знаком руки разрешил сесть всем. Затем он тихо сказал что-то женщине-придворному.

Она выступила вперед.

— Великий джедак хочет оказать нам честь, посмотрев на нас, — сказала она. — От имени джедака приказываю вам пройти перед тронном.

Тут же первая женщина слева встала, подошла к трону, несколько раз медленно повернулась, чтобы он мог осмотреть ее, и прошла к двери, возле которой я стоял. Одна за другой женщины последовали за нею. Вся эта

процедура казалась мне абсолютно бессмысленной. Я не мог понять, в чем дело... А затем...

Мимо меня прошла уже добрая сотня женщин, когда мое внимание привлекла одна из них. И я сразу же узнал Саному Тора. Она изменилась, но не очень. Я не мог понять, как я не узнал ее сразу. Я нашел ее! После всех этих долгих месяцев я нашел ее — женщину, которую я любил. Но почему мое сердце не трепещет?

Она вышла из тронного зала, и я последовал за нею. Я прошел за нею вдоль коридора, вошел в одну из комнат. Мне удалось проскочить за нею, так как она сразу же заперла дверь.

Мы были одни в маленькой комнате — Саномы Тора и я. В одном углу я увидел постель, а между окон стоял туалетный столик с различными женскими принадлежностями.

Да, это были не покои джеддары. Скорее, это была каморка рабыни.

Саномы Тора прошла по комнате и уселась на стул перед туалетным столиком. Сейчас она сидела ко мне спиной. Я скинул с себя невидимую накидку.

— Саномы Тора, — тихо сказал я.

Она резко повернулась ко мне.

— Хадрон из Хастора! Ты мне снишься?

— Нет, это не сон, Саномы Тора. Я Хадрон из Хастора.

— Почему ты здесь? Как ты здесь оказался? Это же невозможно. Ни один мужчина не может находиться здесь.

— Но я здесь, Саномы Тора. Я пришел — за тобой... если ты пожелаешь вернуться в Гелиум.

— О, Боже! Если бы я могла надеяться!

— Можешь. Я здесь, чтобы вернуть тебя.

— Я не могу поверить в это. Я не могу представить, как ты проник сюда. Но нам будет трудно выбраться отсюда незамеченными.

Я набросил на себя покрывало.

— Ты где, Хадрон? Что случилось? — вскричала она.

— Вот как я вошел, — объяснил я. — И как мы уйдем с тобой.

Я сбросил покрывало.

— Это черная магия? — спросила она.

Я в нескольких словах объяснил все, что произошло после ее похищения.

— Как ты живешь здесь, Саномы Тора? Как с тобой обращаются?

— Неплохо. Меня до сих пор никто не замечал. Сегодня я впервые увидела Тул Акстара. Я только что пришла из зала, где он осматривал женщин.

— Да. Я знаю. Я там был.

— Когда ты заберешь меня?

— Как можно скорее.

— Боюсь, что уже поздно.

— Почему?

— Когда я проходила мимо Тул Акстара, он задержал меня, и я слышала, что он спросил, кто я и где живу. Женщины мне сказали, что это значит, и я боюсь. Ведь я всего лишь рабыня здесь.

О, как изменилась эта надменная Саном Тора! Где та гордая красавица, отвергнувшая меня? Неужели это та самая Саном Тора, которая хотела стать джеддарой? И вот теперь я вижу, как опустились ее плечи, как дрожат губы, как затравленно смотрят ее глаза.

Сердце мое наполнилось сочувствием к ней, и я, к своему удивлению, обнаружил, что в нем не нашлось места для других чувств к ней. Когда я последний раз видел ее, я готов был отдать жизнь, чтобы заключить ее в свои объятия. Неужели испытания, выпавшие на мою долю, так изменили меня? Неужели рабыня Саном Тора менее желанна для меня, чем Саном Тора, дочь богача Тор Хатана? Нет, нет, не может быть! Просто сейчас на мне лежит громадная ответственность — я должен спасти Гелиум, спасти мир от безумного маньяка Тул Акстара. Сейчас не время для любви. Нет, сейчас все мои мысли были заняты совсем другим, но я любил Саному Тора, да, да, любил.

Понимая, что нужно спешить, я быстро осмотрел комнату и понял, что легко смогу вытащить Саному через окно, как я это сделал с Фао и Тавией.

Я объяснил ей план и приказал подготовиться, чтобы не было задержки, когда я буду брать ее на борт «Джамы».

— А пока, Саном Тора, до свидания. Ты услышишь мой голос из окна. Однако ты ничего не увидишь. Открой окно и встань на подоконник. Я возьму тебя на руки. Доверься мне и не бойся ничего.

— До свидания, Хадрон. Не могу выразить тебе свою благодарность, но когда мы вернемся в Гелиум, ты можешь потребовать от меня все, что захочешь. И я с благодарностью и радостью отдам тебе все.

Я приложил палец к губам и повернулся к двери. Но тут Саном Тора остановила меня:

— Тихо! Кто-то идет!

Я поспешно накинул на себя покрывало и отступил в сторону. Дверь в каморку распахнулась, и на пороге появилась женщина-придворный в роскошной одежде. Она вошла в комнату и отступила в сторону. Дверь осталась открытой.

— Джеддак! Тул Акстар, джеддак Джахара!

И вот в комнате появился сам Тул Акстар в сопровождении женщин-придворных. Это был большой грузный человек. В его чертах можно было увидеть и признаки силы, и признаки слабости, надменной самоуверенности и нерешительности.

Он смотрел на Саному Тора, а его придворные окружали его. Все это были сильные, мощные женщины. Видимо, он специально подбирал себе телохранительниц.

Несколько минут Тул Акстар осматривал Саному Тора горящими глазами. Затем он подошел к ней ближе с таким видом, что мне это не понравилось. А когда он положил руку на ее плечо, мне захотелось броситься на него.

— О, я не ошибся,— сказал он.— Ты прелестна. Сколько времени ты здесь?

Она вздрогнула, но не ответила.

— Ты из Гелиума?

Ответа не было.

— Корабли Гелиума летят сюда.— Он рассмеялся.— Разведчики сообщили, что они скоро будут здесь. Я устрою им теплый прием.— Он повернулся к придворным.— Оставьте нас. Никто не должен входить сюда, пока я не вызову. А здесь, кажется, у меня будет много дела,— и он с ухмылкой обнял Саному Тора за плечи.

Придворные поклонились и вышли, а руки джеддака скользнули по обнаженному плечу девушки ниже.

— Идем,— сказал он.— Хотя ты из Гелиума, я не воюю с тобой. Ты сумела победить меня и завоевать любовь джеддака.

Тул Акстар притянул ее к себе. Кровь моя вскипела. Не думая о последствиях, я сбросил с себя покрывало...

XIV

КАННИБАЛЫ У-ГОРА

Скинув покрывало, я выхватил меч, и Тул Акстар услышал это. Он повернулся ко мне. Кровь отхлынула от его лица. Он побледнел, как смерть, но крик замер в его груди, когда острие меча коснулась его горла.

— Тише! — прошипел я.

— Кто ты?

— Тихо!

Тут же у меня созрел план. Я заставил его повернуться спиной, обезоружил его, затем связал и сунул в рот кляп.

— Где мне его спрятать, Санома Тора?— спросил я.

— Здесь небольшая кладовка,— сказала она, показав мне маленькую дверь в стене. Я открыл дверь и втащил Тул Акстара в небольшой шкаф. Должен сказать, что обращался я с ним не очень вежливо.

Затем я закрыл дверь и повернулся к бледной и дрожащей Саноме Тора.

— Я боюсь,— сказала она,— они вернутся и убьют меня.

— Придворные не вернутся, пока Тул Акстар не вызовет их. Они ведь уверены, что их повелитель забавляется с тобой. Ты же слышала его приказ.

Девушка кивнула.

— Вот его кинжал,— сказал я.— Если случится что-либо непредвиденное, ты сможешь продержаться некоторое время, угрожая убить его.

Однако она дрожала всем телом, и я боялся, что такое испытание ей не под силу. О, если бы на ее месте была Тавия! Уж она бы сумела сделать все, что надо!

— Я скоро вернусь,— сказал я и поднял с пола покрывало.— Пусть окно будет открыто, и к моему появлению будь готова.

Я накинул на себя покрывало и увидел, что она вся дрожит, а кинжал готов выпасть из ее пальцев. Но мне ничего не оставалось, как поторопиться на «Джаму» и скорее вернуться обратно.

Я пробрался в башню без всяких приключений. Надо мною сверкали яркие Барсумские звезды, а над самой крышей дворца горела самая яркая — Джасум — Земля.

«Джама», конечно, была невидима, но мое доверие к Тавии было так велико, что я знал: протяни я руку, я нащупаю борт корабля. Действительно, корабль уже был на месте. Трижды я осторожно стукнул о борт корабля. Таков был наш сигнал. Люк приподнялся, и через мгновение я уже был внутри.

— Где Санома Тора?— спросила Тавия.

— Никаких вопросов,— ответил я.— Нужно спешить.

Она молча заняла место рядом со мною возле пульта управления. Мягкое плечо ее коснулось моей руки. Я осто-

рожно подвел «Джаму» к окну дворца. Через глаз перископа я увидел фигуру Саномы Тора.

— Держи корабль в таком положении, Тавия,— сказал я, поднял крышку люка и окликнул Саному Тора.

При первом же звуке моего голоса она вздрогнула так, что чуть не выронила кинжал из рук, хотя она знала, что я прилечу и ждала меня.

— Выключи свет,— прошептал я ей. Я видел, как она неверной походкой прошла к выключателю, и вскоре комната погрузилась в темноту. Я поднял люк и встал на подоконник. Свое покрывало я заткнул за одежду, чтобы можно было использовать его мгновенно в случае необходимости. Затем я протянул руки к Саноме Тора. Она была так слаба от ужаса, что не могла даже без моей помощи подняться на подоконник. Тогда я взял ее на руки и с помощью Фао опустил в люк корабля. Затем я вернулся в комнату, где лежал связанный Тул Акстар. Я наклонился, разрезал веревки и вытащил кляп.

— Делай так, как я скажу, Тул Акстар,— сказал я.— Иначе мой кинжал найдет путь к твоему сердцу. Он жаждет твоей крови, Тул Акстар, и я с трудом сдерживаюсь. Однако, если ты будешь слушать меня, я постараюсь спасти твою жизнь. Я хочу использовать тебя, и от того, насколько ты будешь мне полезен, зависит твоя жизнь.

Я заставил его подняться, подвел к окну, поднял на подоконник. Увидев, что ему нужно шагнуть в бездну, он затрясся от страха, и мне стоило немалых усилий заставить его перейти на корабль.

Затем я тоже спустился в люк, закрыл его и включил слабый свет в кабине корабля. Тавия повернулась ко мне, ожидая приказаний.

— Держи корабль на месте, Тавия,— сказал я.

Я подошел к небольшому столу, достал письменные принадлежности, затем подозвал Фао.

— Ты из Джахара,— сказал я.— Ты можешь писать на языке своей страны?

— Конечно.

— Тогда пиши, я буду диктовать.

Она приготовилась.

— Если хоть один корабль Гелиума будет уничтожен, Тул Акстар умрет. Подпись. Хадрон из Хастора, падвар Гелиума.

Тавия и Фао посмотрели сначала на меня, затем на пленника. Глаза их в изумлении смотрели на Тул Акстара, которого сначала они не узнали при слабом освещении.

— Тул Акстар! — выдохнула Тавия. — Тан Хадрон из Хастора, ты сегодня спас Гелиум и весь Барсум.

Я не мог не отметить быстроту ее разума. Она сразу оценила те возможности, которые таятся в пленении джедака Джахара.

Я взял то, что написала Фао, вернулся в каморку Саномы Тора, положил записку на туалетный столик. Еще через мгновение я был уже в кабине, и наш корабль быстро поднялся над крышами Джахара.

Утро застало нас уже за линиями вражеских кораблей. Должен сказать, что командиры на кораблях были плохими, так как я увидел огни задолго до того, как подлетел к ним. А ни один командир Гелиума, ожидающий нападения врага, не позволил бы демаскироваться, включая ночью огни.

Сейчас мы на большой скорости летели в том направлении, в котором я надеялся встретить флот Гелиума.

Саноме Тора понемногу оправилась от потрясения. Меня крайне тронула сердечная забота Тавии о ней. Она успокаивала ее, обращаясь, как с младшей сестрой, хотя она сама была младше Саномы Тора. Однако по мере того, как она приходила в себя, к ней возвращалась ее обычная надменность и она не высказывала ни малейшей благодарности Тавии за ее заботу. Да, теперь я видел настоящую Саному Тора, для которой существовала только она сама, а весь остальной мир был создан для того, чтобы служить ей. Мне очень хотелось услышать от нее хотя бы словечко благодарности Тавии, но увы...

Мы быстро летели, следуя на высоте полета боевых кораблей. Сейчас на корабле было нечего делать. Необходимо было только следить за появлением флота Гелиума. Поэтому я поручил это дело Фао, а мы с Тавией легли отдохнуть. Тул Акстар лежал возле борта. Я давно вытащил кляп из его рта, но он лежал молча, и я подумал, что он спит.

Я настолько устал, что уснул сразу же, как только лег. И разбудила меня какая-то тяжесть, навалившаяся на меня. Я попытался сбросить ее, но с удивлением обнаружил, что мои руки связаны.

Чье-то колено уперлось в мою грудь, прижав меня к полу. Рука стиснула горло. И тут я увидел Тул Акстара. Это он напал на меня. В руке у него был кинжал.

— Тихо! — прошептал он. — Если хочешь жить, то ни звука! — Затем он крепко связал мои ноги и сунул кляп в рот. После этого он перебрался к Тавии и ее, тоже спящую, крепко связал. Возле пульта управления лежала Фао, тоже связанная. Саноме Тора скорчилась возле стены. Видимо,

она была поражена ужасом. Она не была связана. Почему же она не предупредила меня? Почему она не пришла ко мне на помощь, как это сделала бы Тавия?

Что же произошло? Я был уверен, что очень надежно связал Тул Акстара и он не мог освободиться без постоянной помощи. И все же я в чем-то допустил ошибку. Я выругал себя за небрежность, которая сорвала все мои планы и теперь может привести к гибели Гелиум.

Покончив с Фао, Тавией и со мной, Тул Акстар прошел к пульту управления, не обращая никакого внимания на Саному Тора, хотя та и не была связана. Видимо, он был уверен, что она совершенно безопасна для него.

Повернув корабль к Джахару, он подошел ко мне.

— Я должен был бы убить тебя, Хадрон из Хастора. Но я дал слово джеддака, что не убью.

Интересно, кому же он дал слово?— подумал я, но сейчас меня занимали другие, более важные мысли: как снова захватить корабль и как спасти жизни Фао, Саномы Тора, Тавии, да и свою.

— Благодарю бога за щедрость и великодушие Тул Акстара,— продолжал он.— Ведь за то, что ты совершил, ты заслуживаешь страшного наказания. Но я освобожу тебя! Я высажу тебя.— Он рассмеялся.— Освобожу! Я высажу тебя в провинции У-Гор!

В его голосе звучало такое злорадство, что я понял; ничего хорошего меня не ждет. Я никогда не слышал об У-Горе и предполагал, что это, вероятно, так далеко, что оттуда невозможно добраться до Джахара и тем более до Гелиума. И я был уверен, что Тул Акстар не высадит меня там, где я буду представлять хоть малейшую опасность.

«Джама» летела в тишине много часов. Тул Акстар не проявил гуманности и не вытащил кляпа из наших ртов. Он был занят возле пульта управления, а Саномы Тора сидела возле стены. И ни разу за это время она не взглянула на меня. Какие мысли бродили в этой прекрасной голове? Может, она думает о том, как освободить нас? Или же она охвачена таким ужасом, что уже не способна ни на что? Ведь она уверена, что в перспективе у нее снова рабство в Джахаре. Я не знал ничего. Она была загадкой.

Не знаю, сколько времени мы были в полете. Солнце уже стояло высоко, когда Тул Акстар повел корабль вниз. Вот заглох шум мотора, и Тул Акстар подошел ко мне.

— Вот мы и в У-Горе,— сказал он.— Здесь я подарю тебе свободу, но сначала ты должен отдать мне ту странную штуку, с помощью которой ты проник в мой дворец.

Покрывало невидимости! Откуда он узнал о нем? Неужели... Но, нет, не может быть. Все фибры моей души протестовали против такого предположения. Сейчас покрывало, сложенное в маленький комочек, покоилось в моем кармане. Тул Акстар вытащил у меня изо рта кляп.

— Когда ты вернешься во дворец,— сказал я,— поищи под окном в камерке Саномы. Должен сказать, что покрывало неплохо служило мне.

— Зачем же ты оставил его?

— Я уронил, а искать не было времени. Кто-то стучался в дверь.

Соврал я не очень умело, но Тул Акстар проглотил эту ложь.

Он открыл люк и бесцеремонно вытолкнул меня из корабля. К счастью, корабль висел низко над землей, и я ничего не сломал. Затем он высадил Тавию и спустился сам. Он перерезал веревки на руках Тавии.

— Другая останется у меня,— сказал он. Я понял, что он имеет в виду Фао.— Она сильная, злая, как бант. Она будет у меня телохранительницей.

Я был рад, что он не узнал в Тавии свою бывшую рабыню.

Он забрался на корабль и снова заговорил с нами из люка:

— Я выброшу вам оружие, когда немного поднимусь, чтобы вы не применили его против меня. Вы можете благодарить будущую джеддару Джахара за милость, которую я оказал вам.

«Джама» медленно поплыла вверх. Тавия освободилась от своих оков и теперь резала мои веревки. Но я был так оглушен ударом «в спину», что не мог прийти в себя. Саномы Тора, женщина, которую я любил, ради которой рисковал жизнью, предала меня! Только теперь я понял, каким был дураком. Тул Акстар сумел купить ее обещанием, что сделает джеддарой!

Ну что ж, она удовлетворила свои амбиции, но какой ценой! Я был уверен, что если она даже проживет тысячу лет, она не сможет без стыда смотреть на себя в зеркало. Она будет страдать, но эта мысль не принесла мне радости. Все-таки я любил ее и не желал ей зла.

Я сел на землю. Мягкая рука обняла меня за плечи, и нежный шепот проник в мои уши:

— Бедный Хадрон!

И это было все, но в этом прикосновении, в этом голо-се было столько неподдельного участия, что они, как чудесный бальзам, облегчили боль в моем израненном сердце.

Никто, кроме Тавии, не мог сказать так. И я повернулся к ней, взял ее маленькие ладони в свои руки, поднес к губам.

— Любимый друг,— сказал я,— как я рад, что это не ты предала меня.

Не знаю, почему я сказал это. Слова вырвались сами, помимо моей воли. И только теперь я понял, что если бы меня предала Тавия, ничто не смогло бы утешить меня. Я порывисто сжал ее в объятиях.

— Тавия! Обещай, что никогда не покинешь меня. Я не смогу жить без тебя!

Она обвила своими сильными руками мою шею и прижала ко мне.

— Никогда, до самой смерти я не расстанусь с тобой,— прошептала она. А когда она оторвалась от меня, я увидел, что она плачет.

Я знал, что никогда не смогу полюбить другую женщину, кроме Саномы Тора. Но какие чувства я питал к Тавии?

— Мы никогда больше не расстанемся,— сказал я.— Если нам посчастливится вернуться в Гелиум, то дом моего отца будет твоим домом, а моя мать будет твоей матерью.

Она вытерла глаза и посмотрела на меня так, что я смутился. Затем она улыбнулась — и эта улыбка тоже была для меня загадкой. Ведь у нее были тысячи разных оттенков выражения лица, что делало ее совсем непохожей на других девушек. Я думаю, что это и делало ее такой привлекательной. Она не была открытой для всех, в ее характере были таинственные глубины, подводные течения. Мне порою было трудно понять ее настроение. Когда я считал, что она счастлива,— она плакала, в другой раз, когда остальные женщины рыдали бы и бились в истерику, она держала себя в руках, не теряя контроля над собой.

Я считал Тавию самой чудесной девушкой из всех. И чем ближе я узнавал ее, тем большей проникался симпатией. Ее красота не была так совершенна, как красота Саномы Тора, но это была живая красота, одухотворенная красота. И красота ее души проникла через ее взгляд, ее улыбку.

Тул Акстар, верный своему слову, сбросил нам оружие, а затем мы услышали, как удаляется рокот мотора. Мы остались одни в пустынной и, без сомнения, враждебной стране.

— У-Гор,— сказал я.— Никогда не слышал о такой местности. А ты?

— Слышала. Это отдаленная провинция Джахара, некогда процветающая и богатая. Но из-за безумной политики Тул Акстара, который вывез отсюда всех взрослых мужчин, провинция обеднела, начался голод, а затем

манибиализм. Справедливости ради следует сказать, что сначала съели эмиссаров Тул Акстара, которые следили за выполнением его декретов. Тул Акстар послал армию подавить бунт. Но здесь было так много жителей, что они победили и съели воинов. К этому времени все фермы разрушились, семян для посадки не было, а люди приобрели вкус к человеческому мясу. И сотни лет эти люди едят друг друга. Здесь осталось совсем немного жителей, которые собрались в банды и рыщут по равнинам в поисках тех, кого можно съесть.

Я содрогнулся. Мне стало ясно, что отсюда надо бежать, и как можно скорее. Я спросил Тавию, где находится У-Гор. Оказывается, в тысяче хаадов к юго-западу от Ксанатора.

Да, отсюда в Гелиум не пробраться. Такое путешествие, если когда-нибудь оно завершится, продлится годы. Самый ближайший дружественный город — Гатол — находился к северу отсюда в семи тысячах хаадов. Возможность добраться до Гатола тоже была довольно проблематичной, но это была наша единственная надежда — и мы пустились в это почти безнадежное путешествие в город, где родилась моя мать.

Мы шли по долине, перерезанной цепями низких холмов. Высокие горы виднелись на северном горизонте. Нигде мы не встретили ни домашних стад, ни возделанных полей — действительно безрадостная голодная страна. Здесь не было ни насекомых, ни птиц, ни рептилий. Страна нищеты.

Двигаясь по этой безотрадной стране, мы всячески старались подбодрить друг друга. И я сотни раз благодарил богов, что моим спутником была Тавия, а не кто-то другой.

Что бы я делал сейчас, будь на ее месте Саном Тора? Сомневаюсь, что она прошла бы даже сотню хаадов, а Тавия шла рядом с той же легкой грацией, которая была ей свойственна всегда. Она совершенно не показывала никаких признаков усталости, редкий мужчина смог бы выдержать такой марш.

— Мы прекрасно подходим друг другу, Тавия,— сказал я.

— Я это знаю. Очень давно.

Мы шли до самого вечера, и ни одно живое существо не встретилось нам. Тавия оглянулась назад, как будто что-то толкнуло ее.

И тут она схватила меня за руку.

— Они идут! — просто сказала она.

Я оглянулся и увидел сзади несколько темных фигур. Пока было трудно сказать, люди ли это. Но было видно, что они заметили нас и теперь идут вслед за нами.

— Что будем делать? — спросила Тавия. — Остановимся и будем драться? Или попытаемся скрыться в темноте?

— Ни то, ни другое. Мы просто исчезнем.

— Как?

— Ты забыла об изобретении Фор Така, покрывале невидимости.

— Чудесно! — воскликнула Тавия. — Я забыла о нем. С его помощью мы спокойно доберемся до Гелиума.

Я залез в карман и хотел достать покрывало. Оно исчезло! Исчез и сосуд с остатками вещества невидимости. Я посмотрел на Тавию, и она все поняла.

— Ты потерял его?

— Нет. Кто-то украл покрывало.

Она подошла ко мне и ласково положила руку мне на плечо. Я знал, что она думает то же самое, что и я. А я думал о том, что этого никто не мог сделать, кроме Саномы Тора.

Я опустил голову.

— И я пожертвовал твоей жизнью, Тавия, чтобы спасти такую, как она.

— Не суди ее слишком поспешно. Мы не знаем, какие искушения были ей предложены и какие угрозы применил Тул Акстар, чтобы совратить ее с пути чести. Видимо, она не такая сильная, как мы.

— Не будем говорить о ней, Тавия, жуткое ощущение, когда любовь переходит в ненависть.

Она сжала мою руку.

— Время излечивает все. Когда-нибудь ты найдешь женщину, достойную тебя, если она существует.

Я взглянул на нее.

— Если она существует, — пробормотал я, но она прервала мои размышления.

— Мы будем драться или побежим, Тан Хадрон?

— Я бы предпочел драться и умереть, но я должен думать и о тебе.

— Тогда мы будем драться. Но ты, Хадрон, не должен умирать.

Меня поразила ее тон, и мне стало стыдно, что я забыл свой огромный долг перед нею.

— Прости, — сказал я. — Я не должен умирать, пока ты жива.

— Вот это лучше. Как мы будем драться? Где мне

стать, справа или слева? Когда мы с тобой встретились впервые, ты говорил, что мы будем товарищами по оружию. Значит, мы будем драться вместе, плечо к плечу, или спина к спине. Я помню твои слова, Тан Хадрон.

Я улыбнулся, и хотя мне казалось, что лучше бы я дрался один, не имея рядом женщины, я восхищался ее мужеством.

— Хорошо, — сказал я, — стой справа. Тогда ты будешь между двух мечей.

Трое, преследовавшие нас, уже приближались. Я увидел перед собой трех голых дикарей со спутанными волосами, грязными телами и жестокими лицами. Глаза их горели мрачным светом, изо рта торчали желтоватые клыки. Скорее, это были дикие звери, чем люди.

Они были вооружены мечами, которые несли в руках, так как у них не было ножен. Они остановились, жадно глядя на нас голодными глазами. Они, несомненно, были голодны, так как выпирающие ребра и впалые животы говорили о том, что пища редко бывает в их желудках.

Сегодня эти трое надеялись лечь спать сытыми. Это я видел в их глазах. Они пошептались между собой, а затем разделились и окружили нас. Значит, они хотят напасть одновременно.

— Мы нападём первыми, — прошептал я. — Как только они займут места, я дам сигнал и брошусь на того, кто передо мной. Не отставай от меня и старайся, чтобы тебя не отрезали.

— Плечо к плечу до самого конца, — ответила она.

XV

БИТВА ПРИ ДЖАХАРЕ

Оглянувшись через плечо, я заметил, что двое, окружавшие нас, сейчас находятся гораздо дальше, чем стоящий перед нами. Прекрасно понимая, что неожиданность нападения даст нам большие шансы на успех, я дал сигнал.

Мы оба бросились вперед на ничего не ожидавшего голого дикаря.

Было ясно, что это тупое существо, так как, увидев нас, он не двинулся с места, челюсть его отвисла. Если бы он был умнее, он бросился бы назад, чтобы дать своим товарищам время для нападения с тыла.

Наши мечи скрестились, и тут я услышал сзади глухое рычание, больше походившее на рычание зверя, чем на голос человека. Уголкем глаза я взглянул на Тавию; она решительно бросилась вперед и вонзила меч в дикаря в тот момент, когда он сделал выпад в мою сторону. И сразу же мы повернулись, чтобы встретить двух остальных, которые бежали к нам. Должен сказать, что теперь я чувствовал себя гораздо спокойнее, когда понял, что за существа нападают на нас.

Впрочем, сначала я был скован, так как все время наблюдал за Тавией. Но вскоре понял, что ее меч в руках настоящего мастера. Он, как молния, сверкал, отбивая свирепые удары и постоянно угрожая нанести удар. И вскоре дикарь понял, что его жизнь находится в этой маленькой, но сильной руке, сжимающей рукоять меча. И тогда я обрушился на своего противника со всей силой.

Это были не самые лучшие фехтовальщики, с какими мне приходилось встречаться. Но нельзя сказать, что они были совсем никудышными. Причем техника защиты у них намного превосходила технику нападения. Я полагаю, что это происходило от того, что они нападали на свои жертвы большими отрядами. Поэтому от них требовалась только хорошая защита, а смертельный удар наносил кто-нибудь, подкравшийся сзади.

Противник Тавии сначала не понял, что перед ним женщина. Но вскоре он увидел нежные округлости ее груди, которые не могла скрыть мужская одежда. Может быть, это очень удивило его, а может, он просто преисполнился чувством превосходства и самоуверенности. Во всяком случае, меч Тавии пронзил его сердце за мгновение до того, как я прикончил своего врага.

Не могу сказать, что мы были горды своей победой. Каждый из нас был полон сочувствия к этим несчастным существам, которых повергла в это жалкое состояние жестокая тирания Тул Акстара. Однако сейчас решался вопрос, кому умереть, и мы предпочли, чтобы это были они, а не мы.

Я из предосторожности осмотрелся вокруг и сразу увидел еще троих дикарей, стоящих в отдалении на вершине холма.

— Это еще не все, Тавия, — сказал я. — Смотри.

— Они, может, не захотят разделить судьбу своих товарищей, — ответила Тавия. — Они не идут сюда.

— Они могут спастись, если будут оставаться так же далеко от нас, как сейчас! Идем! Если они последуют за нами, мы познакомимся с ними поближе.

Мы направились на север. Пройдя немного, мы оглянулись. Эти трое уже спускались с холма, направляясь к убитым дикарям. Мы увидели, что это женщины. И они не вооружены.

Они поняли, что мы уходим и не собираемся на них нападать. Тогда они с громкими криками бросились к трупам.

— Посмотри, даже эти деградировавшие существа сохранили человеческие эмоции. Они оплакивают своих мужей.

— Да,— ответил я,— мне очень жаль этих несчастных.

Опасаясь, что от горя они могут в безумной ярости отомстить за убитых мужей, мы следили за ними. Но лучше бы мы не видели того, что нам пришлось увидеть.

Когда три женщины подбежали к трупам, они бросились на них, но не для того, чтобы плакать над ними. Нет, они стали рвать их руками, зубами.

Мне стало плохо, и мы повернулись и быстро пошли на север, пока спустившаяся тьма не закрыла нас от этой жуткой сцены. Но еще долго мы слышали вдали довольное урчание и громкое чавканье.

Мы понимали, что в этой пустынной стране нам можно не опасаться нападения диких зверей, а дикари, скорее всего, охотятся днем, когда можно видеть жертву и преследовать ее.

Я предложил Тавии немного отдохнуть, а затем продолжить путь ночью. Ближе к утру мы, может, найдем какое-нибудь убежище, где сможем провести день до темноты. Я был уверен, что так мы сохраним силы, и при этом уменьшается опасность нападения дикарей.

Тавия согласилась со мной, и мы немного передохнули.

Затем мы пустились в дорогу и прошли за ночь довольно большое расстояние, хотя горы на северном горизонте оставались такими же далекими, как и раньше.

Сейчас мы стали искать убежище, где могли бы провести день. Должен сказать, что мы не очень страдали от отсутствия пищи и воды. Дело в том, что за долгие столетия в условиях уменьшения воды на Марсе люди приспособились долгое время обходиться без пищи, кроме того, они научились управлять своим разумом, чтобы тот не думал о еде и о воде до тех пор, пока они не появятся. Это очень помогло нам переносить все тяготы жизни в пустынях Марса.

После долгих поисков мы нашли довольно уютную расщелину, где можно было с удобствами переждать день. Но

вдруг я заметил чьи-то глаза, наблюдавшие за нами из-за камней. Затем глаза скрылись.

— Здесь нельзя оставаться,— сказал я Тавии.— Нам нужно искать другое убежище.

Мы вышли из расщелины, и, оглянувшись, я увидел дикаря. Когда мы пошли дальше, дикарь стал нас выслеживать. Я изредка видел его между камней. Он выслеживал нас, как охотник выслеживает дичь. Если бы он просто хотел убить нас, я не чувствовал бы к нему такого презрения. Но он хотел убить и съесть нас. Мною овладело омерзение.

Час за часом он преследовал нас. Он боялся напасть, так как нас было двое. Поэтому, вероятно, он ждал, что мы разделимся или ляжем спать и дадим ему возможность убить нас. Затем он перестал скрываться от нас, поднялся на пологий холм. Я видел его силуэт на фоне светлеющего неба. Вот он закинул голову, и из груди его вырвался вой, такой жуткий, что волосы зашевелились на голове. Это был вой дикого зверя, призывающего стаю на убийство.

Я почувствовал, как Тавия вздрогнула и прижалась ко мне. Я обнял ее за плечи, и мы снова пустились в путь.

Еще дважды это существо испускало вой, и, наконец, ему отозвались — спереди и справа.

Снова нам пришлось драться. Но на этот раз против двоих. И когда эти двое были убиты, у меня возникло ощущение безнадежности, от которого я не мог избавиться.

На вершине высокого холма я остановился. Здесь рос чахлый кустарник. Я предложил Тавии остановиться и отдохнуть. Отсюда можно было видеть приближение врагов.

— Поспи,— сказал я,— а потом, когда опустится ночь, мы пойдем дальше.

Она выглядела усталой, и это беспокоило меня. Хотя она, вероятно, больше страдала от постоянного нервного напряжения, чем от физической усталости. Я знал, что сам уже вымотался от этого. Но я воин, а как все это может подействовать на девушку! Она легла, прижалась ко мне и уснула. А я остался следить за местностью.

Со своего наблюдательного поста я мог видеть довольно большое пространство. Вскоре между камнями тут и там я увидел дикарей, которые выслеживали друг друга. Одновременно я мог видеть сразу несколько пар. Однажды я даже увидел, как один из них прыгнул из укрытия на спину своего врага и вонзил в него меч. Тот упал, и его соперник сразу бросился на него и впился зубами в шею. К счастью, мне не

удалось досмотреть до конца эту жуткую картину. Ночь опустилась на равнину.

Тавия проспала очень долго, а когда проснулась, то стала укорять меня, что я не разбудил ее. Она стала уговаривать меня, чтобы я тоже отдохнул.

Я тоже немного поспал, так как понимал, что терять времени нельзя, и мы снова пошли по направлению к Гатолу. Снова мы шли всю ночь по провинции У-Гор, каждый момент ожидая нападения этих жутких людоедов. А когда пришло утро, мы увидели перед собой горы, совсем близко.

— Может быть, это северная граница провинции? — предположил я.

— Думаю, что да.

— Они совсем близко. Давай дойдем до них. Мне не терпится выбраться отсюда.

— И мне тоже. Мне становится плохо, когда я вспоминаю, что нам пришлось здесь увидеть.

Мы пересекли узкую долину и уже приближались к горам, когда услышали сзади дикие вопли. Повернувшись, я увидел дикаря, идущего за нами. Он понял, что я увидел его, но не стал прятаться, а продолжал идти, время от времени испуская вопли. И вот с разных сторон мы услышали ответные вопли. Мы поспешили вперед, стали подниматься в горы, а когда оглянулись, увидели, что по нашему следу идут дикари. Их было много, очень много.

— Может, мы сможем укрыться в горах? — сказал я. Тавия покачала головой.

— Вряд ли. Но, по крайней мере, мы дадим им хороший бой, Хадрон, — ответила она.

Я видел, что она очень боится, да это и не удивительно. Но вот она снова посмотрела на меня, улыбка озарила ее лицо:

— Мы еще живем, Тан Хадрон из Хастора!

— Да, мы еще живем и наши мечи с нами! — ответил я.

Они уже были близко от нас, и вскоре я увидел дикарей, вылезших из расщелин справа и слева от нас. Они окружили нас, и пока была открыта дорога только к одной хмурой вершине, самой высокой на этом горном хребте.

Склон горы становился все круче, и подъем был не только трудным, но и опасным. Однако выбора у нас не было, хотя дикари и не очень спешили за нами. Видимо, они знали, что мы загнаны в ловушку, из которой не уйти. Я искал место, где мы могли бы занять оборону, и не находил. В конце концов мы оказались на вершине — небольшой площадке диаметром футов в сто.

Пока наши преследователи были еще внизу, я осмотрел площадку. Спуститься с нее было невозможно — стены круто обрывались вниз. Наша ситуация казалась безнадёжной, хотя мне не хотелось признавать поражение.

Я подошел к краю и столкнул один из камней на ближайшего каннибала. Тот с воем покатился вниз, сбивая по дороге еще нескольких. Тавия последовала моему примеру, и мы открыли настоящую канонаду, но дикари были так голодны и их было так много, что нам не удавалось сдерживать их продвижение. Они мне напоминали насекомых, которые упрямо лезут вверх к своим жертвам, чтобы обрушиться на них лавиной и накрыть их.

Теперь они испускали вопли, не похожие на охотничьи, но вселяющие ужас.

— Их военный клич,— сказала Тавия.

Со всех сторон к нам карабкались дикари. Мы вынули мечи из ножен. Это будет наш последний бой. Тавия прижалась ко мне, и я почувствовал, что она дрожит.

— Не дай им схватить меня,— сказала она.— Я не смерти боюсь.

Я понял, что она имеет в виду, и прижал ее к себе.

— Я не могу сделать этого, Тавия, не могу.

— Ты должен,— твердо ответила она.— Если ты относишься ко мне как к другу, ты не позволишь этим зверям взять меня живой.

Я был потрясен до глубины души, но понимал, что она права. Я достал свой кинжал.

— Прощай, Хадрон... мой Хадрон!

Грудь ее уже была обнажена, чтобы принять удар кинжала, лицо было повернуто ко мне. Боже, какое прекрасное лицо... и ни тени страха на нем.

Я не мог удержаться и приник губами к ее полураскрытому рту. Закрыв глаза, она со стоном прижалась ко мне.

— О, Боже! — выдохнула она, отстранившись от меня... и затем: — Они близко! Бей, Хадрон, бей!

Дикари уже хватились руками за камни на вершине. Я замахнулся, чтобы нанести удар кинжалом в эту прекрасную грудь. И тут, к моему удивлению, моя рука ударилась обо что-то над головой. Я посмотрел вверх: ничего. Я поднял руку, чтобы попытаться разрешить эту загадку, хотя наступал момент развязки.

Снова я нащупал что-то твердое. Пальцы мои скользили по гладкой поверхности — знакомой поверхности!

Но этого не могло быть! И все же... «Джама»! Я не стал задаваться вопросами в этот критический момент. Канни-

балы были уже близко. Их вой оглушал меня. Мои пальцы нащупали кольцо на борту «Джамы». Я поднял Тавию над головой.

— Это «Джама». Влезай.

Реакция девушки была мгновенной, как у тренированного воина. Она не стала задавать вопросов, а быстро забралась на корабль, легла на живот и протянула руку, чтобы помочь мне.

Дикари уже были на вершине. Они были изумлены, увидев, что мы каким-то непостижимым образом оказались висящими в воздухе над их головами. Но их смятение было недолгим, голод был сильнее всяких эмоций, и они стали прыгать, стараясь достать нас. Затем они полезли друг на друга, чтобы достать нас и стащить вниз.

Двое почти забрались наверх, но мне удалось сбросить их, пока Тавия устремила вниз к пульту управления.

Еще одно зверское лицо появилось над палубой. И вот дикарь уже стоит передо мной. У меня было большое преимущество: я знал размеры корабля, а дикарь понятия не имел об этом. И он боялся упасть. Я бросился на него, тот отступил на шаг, тут же сорвался с палубы и с диким воем полетел вниз. «Джама» уже поднималась в воздух.

Мы были спасены. Но как «Джама» оказалась здесь?

Может, Тул Акстар на борту? У меня сразу похолодело сердце. Что же тогда с Тавией? С мечом в руке я спустился в люк, но в кабине была одна Тавия.

Мы с ней пытались найти хоть какое-то объяснение случившемуся, но ничего правдоподобного нам не удалось придумать.

— Во всяком случае, она оказалась в нужном месте и в нужное время, чтобы спасти нас,— сказала Тавия.

— Этим мы можем удовлетвориться.

— Да. И теперь мы можем снова взять курс на Гелиум.

Корабль стремительно несся в небе, и вскоре я заметил впереди корабль. А еще немного погодя я понял, что это целый флот, державший курс на восток. Подлетев ближе, я увидел, что все корабли окрашены в голубой цвет: армада Тул Акстара.

А с востока навстречу летел другой флот — флот Гелиума. Я включил мотор на полную мощность и полетел туда. На одном из кораблей развевались вымпелы с эмблемой Главнокомандующего. Он возглавлял флот, летящий навстречу неминуемой гибели.

Корабли Джахара летели навстречу, и я устремился наперерез им, готовя орудие к стрельбе. Я старался под-

лететь как можно ближе, так как мои орудия все же были маломощными и имели ограниченную дальность стрельбы.

Все на палубах кораблей Гелиума было готово к военным действиям. Но воины не открывали огня. Главнокомандующий не хотел начинать войну. Пусть первый выстрел сделает враг. Если бы я мог успеть вовремя, когда дальнобойные орудия Гелиума могли бы открыть огонь с большого расстояния и уничтожить корабли Джахара, не подпуская их на дальность выстрела излучателей!

Но судьба распорядилась иначе, и теперь я надеялся только на то, что мне удастся долететь до кораблей Джахара, пока еще не поздно.

Тавия стояла за пультом управления. Мы приближались к голубому крейсеру Джахара. Я стоял у переднего излучателя. Еще немного — и можно открыть огонь. И вдруг огромный корабль Гелиума пошатнулся, все его деревянные части полетели вниз, а за ними посыпались тысячи воинов, чтобы встретить ужасную смерть в пустыне под ними.

Почти сразу корабли Гелиума остановились. Они видели катастрофу, и командиры поняли, что им угрожает какая-то неизвестная сила.

Корабли Тул Акстара, воодушевленные первым успехом, ринулись в атаку. Крейсер, уничтоживший первый корабль, шел во главе. Теперь он был в пределах досягаемости «Джамы».

Понимая, что защитное покрытие делает корабль неуязвимым для лучей, расплавляющих металл, я переключил орудие на другую частоту и сделал выстрел.

Мгновенно тысячи людей на палубе обратились в пар. Остались только их одежды и оружие.

Тавия подвела «Джаму» к крейсеру, я вскочил на палубу и поднял на мачте сигнал сдачи в плен. Можете себе представить удивление воинов Джахара при виде этого сигнала: они ведь не могли видеть, что произошло перед этим.

Вернувшись на «Джаму», я проник к перископу. В самой задней линии корабля я увидел большой флайер с флагом джеддака. Значит, Тул Акстар был здесь, правда, в безопасности. Мне нужно было бы пойти с ним на сближение, но я не мог терять времени, так как флот Джахара шел в атаку.

Но теперь флот Гелиума открыл огонь, и снаряды стали взрываться на передовых кораблях Джахара. Они тоже открыли огонь из орудий, правда, не такой меткий. Они пока не могли использовать излучатели, но я знал, что если хотя бы один из флайеров Джахара ворвется в строй кораблей

Гелиума, он в считанные минуты уничтожит десятки кораблей.

Но пока шла артиллерийская дуэль, преимущество было на стороне Гелиума. Джахар не мог надеяться победить Гелиум обычным оружием.

Огромный боевой корабль Тул Акстара тем временем начал производить маневр, и я сразу понял, какой. Я знал, что в армии Тул Акстара есть отважные люди, но сам Тул Акстар не входил в их число. Я видел, что его корабль разворачивается по направлению к Джахару.

Несмотря на трусость джеддака, флот Джахара продолжал бой. И если бы у воинов Джахара были умелые командиры, они бы победили, так как кораблей Гелиума было раз в десять меньше, чем кораблей Джахара.

Корабли Гелиума все больше сближались с кораблями Джахара. В своем неведении Главнокомандующий играл на руку врагам. Будь во флоте Гелиума двадцать кораблей с защитным покрытием, он бы выиграл битву. И тут в моей голове родился план, который мог прийти только в голову Тан Хадрона и который мог быть выполнен только им.

Снаряды рвались вокруг нас. «Джаму» швыряло из стороны в сторону, как древнее суденышко в древнем море. Больше я не мог рисковать жизнью Тавии. Странно, как меняются люди в считанные мгновения. Совсем недавно я был готов пожертвовать всем, даже своей жизнью ради Гелиума, а теперь я не хотел отдавать даже волосок с милой головки Тавии.

Сев за пульт, я подвел «Джаму» к одному из кораблей Гелиума, стоящему вне зоны обстрела. Там я передал управление Тавии, а сам вылез из люка, подняв руки над головой, как бы сдаваясь. Ведь меня несомненно примут за джахарца. Затем я влез на борт корабля.

Прежде чем я успел представиться, меня узнал офицер из того же умака, где я служил. Он подбежал ко мне, обнял:

— Хадрон! — закричал он. — Неужели я вижу твое восхождение из мертвых? О, нет, нет, ты слишком живой, реальный, чтобы быть пришельцем из другого мира!

— Я жив, — сказал я. — Но если я не переговорю немедленно с командиром, мало кто из вас останется жить.

— Я здесь, — раздался голос позади меня. Я обернулся и увидел старого одвара, большого друга моего отца. Он меня узнал сразу, но для приветствий у нас не было времени.

— Предупреди флот Гелиума, что корабли Джахара вооружены дезинтеграторами и могут мгновенно уничтожить

любой корабль, как вы уже видели. Но они эффективны только на близком расстоянии. Держитесь от них на расстоянии хаада, и все будет в порядке. А сейчас дайте мне троих воинов и перенесите огонь к югу. Я раздобуду вам двадцать кораблей, защищенных от действия дезинтеграторов.

Одвар меня прекрасно знал и на свою ответственность согласился на мои предложения.

Меня вызвали сопроводить три падвара. Я поднял Тавию на борт и поручил ее заботам старого одвара, хотя она отчаянно отказывалась расстаться со мною.

— Мы с тобой столько пережили, Тан Хадрон,— возмущалась она,— позволь мне остаться с тобой до конца.

Она прижалась ко мне, шептала ласковые слова, глядя на меня глазами, полными слез.

— Я не хочу рисковать твоей жизнью, Тавия.

— Ты думаешь, там будет опасно?

— Разумеется. Все-таки война... Но не беспокойся. Я вернусь.

— Неужели ты думаешь, что я буду тебе мешать? Неужели кто-нибудь лучше тебе поможет, чем я?

— Конечно, нет. Я думаю только о твоей безопасности.

— Клянусь, если ты погибнешь, я тоже не буду жить. Если ты не доверяешь мне работу мужчины, я сделаю то, что должна делать женщина.

Я колебался.

— О, Хадрон, не оставляй меня здесь.

Я не мог сопротивляться.

— Ну, хорошо. Идем со мной. Лучше будешь ты, чем кто-то другой.— И Тавия заменила одного из падваров к великому его огорчению.

Прежде чем забраться на «Джаму», я повернулся к старому падвару:

— Если все пройдет как задумано,— сказал я,— несколько кораблей Тул Акстара медленно поплывут к вам, имея на мачтах сигналы о сдаче в плен. Вся команда на этих кораблях будет уничтожена. Так что подготовьте людей для посадки на эти корабли.

Естественно, что все воины Гелиума были заинтригованы кораблем, которого не было видно, за исключением открытого люка и глаза перископа. Все они столпились вдоль бортов, а когда я закрыл люк, возглас изумления пронесся над ними.

Я попросил Тавию заняться излучателем, а одного из падваров усадил за пульт управления.

Мы поплыли к кораблям Джахара. Я командовал пад-варами, и вскоре мы оказались между двумя большими кораблями, которые летели к флоту Гелиума. Они вели огонь из всех орудий, но для излучателей расстояние было еще велико.

Какими огромными и грозными были эти корабли и вместе с тем какими беспомощными перед маленькой невидимой «Джамой» с ее крохотными излучателями! Ведь сейчас она представляла для них гораздо большую угрозу, чем весь могучий флот Гелиума.

Однако они плыли вперед, не подозревая о страшной опасности, нависшей над ними.

Мы двигались между кораблями, и вот я нажал кнопку излучателя. Одновременно со мною это сделала Тавия, нацелившаяся на другой корабль. Мы были совсем рядом, и я видел изумленные лица воинов, видящих, как их товарищи мгновенно исчезают и их оружие с грохотом падает на палубу. Но удивление их не было долгим, так как в следующий момент исчезли и они сами.

Я приказал падвару приблизиться к одному из кораблей, перебрался на палубу, прикрепил сигнал сдачи в плен и закрепил рулевое управление так, чтобы корабль плыл в сторону флота Гелиума. Затем я проделал то же самое со вторым кораблем.

Удар был нанесен так быстро, что никто из воинов Джахара так и не понял, в чем дело. Все они с изумлением смотрели, как два прекрасных корабля, в которых не попал ни один снаряд, плывут, сдаваясь в плен. Однако один из командиров, хотя и не понимая ничего, заподозрил что-то неладное и устремился в погоню. «Джама» уже направлялась к следующей жертве, когда я заметил преследователя. Я сразу понял, чем это грозит, поэтому решил предотвратить преследование любой ценой. Когда корабль оказался вблизи, я нажал кнопку переднего излучателя.

Корабль шел на полной скорости, и я понимал, что «Джама» не сможет догнать его. Однако я боялся, что лишенный команды корабль протаранит один из тех кораблей, что я уже отправил в дар Главнокомандующему. Однако он прошел буквально в волоске от корабля и устремился в самую гущу флота Гелиума. Тут его встретил ураганный огонь, и через мгновение только летящие вниз обломки напоминали о нем.

Когда я снова вернулся к своему делу, я увидел, что огонь кораблей Гелиума причинил большой урон вражеским кораблям. Многие уже были повреждены до такой

степени, что могли только беспомощно дрейфовать по воле ветра. Однако с севера подходили все новые и новые корабли. И не было числа им. И тогда я понял, что только чудо может принести победу Гелиуму.

В соответствии с моими указаниями корабли Гелиума постоянно держались на расстоянии от флайеров Джахара и вели огонь по ближайшим кораблям.

Мы снова взялись за дело — мрачное дело, возложенное на нас богом войны. Один за другим корабли Джахара с уничтоженной командой отправлялись к флоту Гелиума. Примерно столько же было уничтожено дальнобойной артиллерией.

В процессе работы мы уничтожили команды дюжины маленьких флайеров-разведчиков и легких крейсеров. И теперь они плавали между кораблями Джахара, постоянно угрожая столкновением. Ужас вселился в сердца воинов Тул Акстара, ибо они уже поняли, что против них применяется новое, более страшное оружие, чем дезинтегрирующие лучи. Гибель приходила к ним неизвестно откуда, было непонятно, от кого обороняться и как обороняться.

К этому времени мы глубоко внедрились в порядки флота Джахара и уже не видели кораблей Гелиума. Но гром орудий свидетельствовал, что они здесь.

Я решил плыть обратно, чтобы защитить корабли, которые я захватил в плен, от повторного захвата. Мы заняли самую выгодную позицию и уничтожили команду трех кораблей, пытавшихся остановить сдающиеся корабли.

Прошло еще немного времени, и вот захваченные корабли Джахара с воинами Гелиума на борту и знаменами Гелиума на мачтах устремились вперед, на врага.

И тут дух воинов Джахара был сломлен. Это уже было для них невыносимо. Многие из них были уверены, что эти корабли добровольно сдались Гелиуму.

К тому же их джеддак давно покинул их. Двадцать самых больших боевых кораблей Джахара, теперь принадлежащих Гелиуму, врзались в ряды джахарцев и стали сеять смерть и разрушение из мощных орудий.

Десятки кораблей Тул Акстара сразу подняли сигналы сдачи в плен, остальные повернули и бросились прочь. Лишь немногие из них взяли курс на Джахар. Теперь все понимали, что город обречен.

Главкомандующий не стал преследовать беглецов. Он собрал корабли, захваченные у врага — их было более тридцати — и окружил ими флот Гелиума, чтобы за-

щититься от внезапного нападения. Затем весь флот медленно двинулся в Джахар.

XVI

ОТЧАЯНИЕ

Сразу после боя Главнокомандующий вызвал меня, и вскоре мы с Тавией вступили на борт флагманского корабля. Главнокомандующий сам вышел встретить нас.

— Я знал,— сказал он,— что сын Хал Уртура еще проявит себя. Гелиум никогда не сможет расплатиться с тобой за то, что ты сделал сегодня. Полагаю, что ты был в Джахаре. Скажи, мы можем взять город без больших потерь?

— Нет,— ответил я и объяснил, какие огромные силы собрал Тул Акстар, как прекрасно они вооружены.— Но выход есть,— добавил я.

— Какой?

— Пошли один из захваченных кораблей с обещанием милости. И Тул Акстар сдастся. Он трус. Он бежал еще в самом начале битвы.

— Ты думаешь, это получится?

— Возможно. Но я буду сопровождать этот корабль на невидимой «Джаме». Я знаю, как проникнуть во дворец. Однажды я уже похитил Тул Акстара, думаю, что мне это удастся еще раз. Если джеддак будет у нас в руках, то мы сможем диктовать джахарцам любые условия.

Пока мы ждали, когда подготовят корабль Джахара к этой миссии, Джон Картер рассказал мне причину задержки нападения на Джахар.

Оказывается, мажордом Тор Хатан, которому я поручил передать сведения Главнокомандующему, был убит по дороге во дворец. Поэтому никто не заподозрил Тул Акстара в похищении, и корабли Гелиума бороздили небо Барсума в поисках Саномы Тора. И только случайно раб Тор Хатана Кал Таван узнал, что корабли не полетели в Джахар. А он слышал наш разговор с мажордомом и передал его Главнокомандующему.

— За это,— сказал Джон Картер,— я дал ему свободу, а так как у себя на родине он был дворянином, я принял его на воинскую службу. Теперь он офицер навигации на моем корабле и уже падвар.

— Я помню его, когда была похищена Саном Тора,— сказал я,— еще тогда я был поражен его отважным поступком и рад, что он заслужил свободу и милость Главнокомандующего.

Офицер доложил Главнокомандующему о готовности крейсера, получил необходимые инструкции. Мы с Тавией вернулись на «Джаму». Я решил провести свою часть плана без помощи других воинов. Я ведь хотел похитить Тул Акстара, Фао, Саному Тора, а маленькая кабина «Джамы» была бы слишком тесной для большого количества людей. Падвары с неохотой покинули «Джаму», но я попросил Главнокомандующего, чтобы они вошли в экипаж корабля, отправляющегося в Джахар.

Снова мы с Тавией остались одни.

— Вероятно, это наше последнее путешествие на «Джаме», — сказал я.

— Я буду, наверное, рада этому.

— Ты устала?

— Да, я поняла это, когда очутилась под защитой огромного флота Гелиума. Я устала от постоянного ощущения опасности.

— Мне не нужно было брать тебя с собой. Но еще есть время вернуться.

Она улыбнулась.

— Ты понимаешь, что это бесполезно.

Я знал. Я знал, что она не покинет меня. Мы некоторое время летели молча. Взглянув на Тавию, я увидел на ее лице беспокойство и глубокую печаль. Но вот она снова заговорила, и голос ее стал совсем другим.

— На этот раз я думаю, что Саном Тара с радостью полетит с тобой.

— Не знаю. Мне это безразлично. Это мой долг вернуть ее.

Она кивнула.

— Я понимаю. Возможно, это к лучшему. Ведь ее отец так богат.

Я не понял, о чем она говорит. К тому же меня вовсе не интересовали больше ни Саном Тора, ни ее отец, но я не стал продолжать разговор. Я знал, что мой долг вернуть Саному Тора в Гелиум.

* * *

На горизонте уже виднелся Джахар, когда нас встретили вражеские корабли. Один из крейсеров приблизился к кораблю с флагом перемирия. Два командира обмена-

лись несколькими словами, и затем корабли полетели к дворцу джеддака.

Я же полетел один, так как «Джама», будучи невидимой, не нуждалась в эскорте.

Я подлетел к женской половине дворца и стал искать нужное мне место.

Мы уже обогнули почти все крыло здания, и перископ позволил мне заглянуть в роскошные апартаменты. Я остановил корабль возле этого окна и стал внимательно осматривать комнату. И вот я увидел двух женщин, которых сразу же узнал. Одна была Фао, а другая, в одеянии джеддары,— Саноме Тора. Женщина, которую я любил, добилась своего, но это не причинило мне ни малейшей боли. Я осмотрел комнату, и увидев, что в ней больше никого нет, открыл люк и прыгнул в комнату.

При виде меня Саноме Тора вскочила с дивана и в ужасе отшатнулась. Я боялся, что она начнет кричать, но Фао мгновенно вскочила и закрыла ее рот рукой. Через мгновение я был уже рядом.

— Флот Джахара потерпел сокрушительное поражение,— сказал я Саноме Тора.— Теперь тебе придется вернуться в свою страну.

Она так дрожала, что не могла вымолвить ни слова. Я еще никогда не видел человека, так пораженного ужасом, вызванным собственной нечистой совестью.

— Я рада, что ты пришел, Хадрон,— сказала Фао.— Ты ведь меня тоже заберешь?

— Конечно. «Джама» возле окна. Идем, я отвезу вас на флагманский корабль.

Внезапно в коридоре послышался непонятный шум. Он все приближался. Сейчас меня он не интересовал. Моя основная задача — доставить женщин на корабль Гелиума, а уж потом можно заняться Тул Акстаром.

В это мгновение дверь распахнулась и в комнату ворвался человек. Это был Тул Акстар. Он был бледен и тяжело дышал. Увидев меня, он остановился и отшатнулся. Я думал, что он хочет бежать, но джеддак приоткрыл дверь, выглянул в коридор и снова закрыл ее. Он дрожа повернулся ко мне.

— Они идут,— закричал он голосом, полным ужаса.— Они хотят разорвать меня на куски!

— Кто?

— Народ. Люди ворвались во дворец и ищут меня. Разве ты не слышишь?

Так вот что это за шум! Голодные люди Джахара хо-

тят посчитаться с тем, кто довел их до такого состояния.

— «Джама» возле окна. Если ты хочешь стать моим пленником, я доставлю тебя Главнокомандующему.

— Он убьет меня,— захныкал Тул Акстар.

— И поделом.

Он смотрел на меня, и вдруг в глазах его вспыхнула идея. Лицо его сразу просветлело.

— Хорошо,— сказал он.— Только позволь мне взять с собой одну вещицу. Она в соседнем кабинете.

— Быстрее,— сказал я.

Он быстро прошел в соседнюю комнату.

Я ждал и слышал звон оружия в коридорах. Значит, стража на некоторое время задержала голодных людей. Но это, наверняка, ненадолго. Я терял терпение.

— Быстрее, Тул Акстар,— крикнул я. Но ответа не было.

Снова я позвал его — тот же результат. Тогда я прошел к кабинету, заглянул туда. Там было пусто. Я поспешно обшарил его, но тут даже не было места, где он мог спрятаться.

Я посмотрел на Саному Тора. Та была так перепугана, что не могла говорить, только дрожащей рукой показывала на окно. Я посмотрел туда, но не увидел ничего.

— Что ты хочешь сказать, Саноме Тора? — спросил я.

— Сбежал,— с трудом проговорила она.— Сбежал...

— Кто сбежал?

— Тул Акстар.

— Как? Что ты имеешь ввиду?

— Люк «Джамы»... Я увидела, как он открылся и закрылся.

— Но это невозможно. Мы же все время были здесь...

И тут я все понял. Я повернулся к Саноме.

— Покров невидимости? — прошептал я.

Она кивнула.

Одним прыжком я подскочил к окну, попытался нащупать корпус «Джамы». Корабля не было. Тул Акстар забрал его. И с ним исчезла Тавия.

Я повернулся к Саноме Тора.

— Черт бы тебя побрал! — закричал я.— Твое самодовольство, твоё тщеславие, твоё предательство погубили девушку, которая лучше тебя в сто раз. Ты не достойна даже ступать по земле, по которой она ходит.

Мне хотелось сдавить своими руками ее горло, хотелось видеть, как ужас смерти исказит это прекрасное

холодное лицо. Но я отвернулся. Я был мужчиной, дворянином Гелиума, и для меня все женщины Гелиума были священны, даже такие, как Саном Тора.

Снизу доносились звуки битвы. Я знал, что если толпа ворвется сюда, мы пропали. Единственная наша надежда — это башня над женской половиной дворца.

— Идем,— коротко бросил я. Мы вышли в коридор, откуда был виден холл, где Тул Акстар осматривал женщин. Он был заполнен перепуганными женщинами. Они прекрасно знали, что их ожидает, когда сюда ворвутся толпы разгневанных людей. Сердце мое защемило, но я ничего не мог сделать для них. Мне очень повезет, если удастся спасти этих двух.

Мы поднялись по спиральной лестнице. Пройдя кладовую, я запер за нами двери. Затем мы поднялись наверх башни. И тут я вскрикнул от радости. Над нами в небе висел крейсер с флагом перемирия. Я не боялся привлечь внимание воинов, которые защищали дворец.

Поэтому я махнул рукой и громко окликнул людей на крейсере. С палубы донеслись ответные крики, и тут же корабль опустился до уровня крыши. Нам помогли забраться на борт.

Офицер подошел ко мне.

— Ваша миссия, кажется, терпит провал. Дворец осажден взбунтовавшейся толпой. Все дворяне, которые могли захватить корабли, сбежали. Нам не с кем заключать мир. Никто не знает, что стало с Тул Акстаром.

— Я знаю,— ответил я и рассказал все, что произошло в покоях джеддары.

— Нужно его найти,— сказал офицер.— Найти, арестовать и доставить к Главнокомандующему.

— Как? — спросил я.— «Джама» может находиться совсем рядом, а мы не видим ее. Я, конечно, буду искать Тул Акстара и обязательно найду. Но сейчас бесполезно искать «Джаму». Вернемся к Главнокомандующему.

Не знаю, понял ли Джон Картер всю глубину моей печали, но думаю, что понял, так как предложил мне все, что я захочу, для поисков Тавии.

Я поблагодарил его, но попросил только быстрый флайер. Я думал, что весь остаток жизни проведу на нем, посвятив себя поискам Тул Акстара и Тавии, скорее всего, тщетным поискам, так как Барсум велик и Тул Акстар может укрыться в тысяче мест. А так как у него невидимый корабль, я не смогу проследить его путь. Он будет жить где-нибудь в укромном уголке, а Тавия будет его

рабыней. При мысли об этом сердце у меня сжалось.

Главкомандующий приказал подать самый быстрый флайер, и вскоре он стоял у борта флагманского корабля. Узкий, длинный, с кабиной, где со всеми удобствами могло разместиться пять человек. Главкомандующий приказал погрузить на флайер запасы воды и пищи из своих кладовых, бочонок вина и бочонок знаменитого меда из Лусара.

Саном Тора и Фао были немедленно отосланы в каюту, так как палуба военного корабля — не место для женщин.

Я уже собрался уходить, когда ко мне подошел воин и сказал, что Саном Тора хочет видеть меня.

— Но я не хочу видеть ее, — ответил я.

— Другая девушка тоже хочет, чтобы ты пришел.

Это совсем другое дело. Я почти забыл Фао, но если она хочет меня видеть, то, разумеется, я пойду. Когда я вошел в каюту, Саном Тора бросилась передо мной на колени.

— Сжался, Хадрон из Хастора, — взмолилась она. — Я совершила много дурного, но это все мое тщеславие. Сердце мое еще не зачерствело в грехе. Не улетай. Возвращайся в Гелиум, и я посвящу всю жизнь тебе. Тор Хатан, мой отец, богат. Муж его дочери будет жить в роскоши и богатстве.

Я очень боялся, что мои губы произнесут то, что я говорил мысленно. Что за жалкая душонка! Даже сейчас она не видела большего счастья, чем богатство и власть. Она думала, что она изменилась, но я-то знал, что Саном Тора никогда не изменится.

— Прости меня, Тан Хадрон! — плакала она. — Возвращайся ко мне. Я люблю тебя, теперь я знаю, что всегда любила только тебя.

— Твоя любовь проснулась слишком поздно, Саном Тора, — сказал я.

— Ты любишь другую?

— Да.

— Какую-нибудь джеддару из тех стран, где ты побывал?

— Рабыню.

Глаза ее расширились от изумления. Она не могла понять, что кто-то может предпочесть ей, дочери Тор Хатана, какую-то рабыню.

— Но это невозможно!

— И тем не менее, это так. Маленькая рабыня более

желанна сердцу Тан Хадрона, чем Саном Тора, дочь Тор Хатана.

С этими словами я повернулся к Фао.

— Прощай, мой друг,— сказал я.— Мы больше никогда не увидимся, но ты найдешь добрый дом в Хасторе. Я поговорю с Главнокомандующим, и он сразу отправит тебя в Хастор, к моей матери.

Она положила руку мне на плечо.

— Позволь мне лететь с тобой, Хадрон. Может быть, ты будешь пролетать возле Джамы.

Я сразу понял, о чем она думает, и тут же укорил себя, что забыл о своем друге Нур Ане.

— Ты полетишь со мной, Фао,— сказал я,— и первое, что я сделаю, это полечу в Джаму и освобожу Нур Ана.

Не взглянув на Саному Тора, я вывел Фао из каюты, переговорил с Главнокомандующим и вскоре, сопровождаемые пожеланиями успеха, мы взяли курс на Джаму.

Теперь мы не были укрыты невидимостью и нам приходилось внимательно следить за горизонтом, чтобы неожиданно не напороться на вражеские корабли. Правда, я их не боялся, так как был уверен, что мой корабль намного превосходит по скорости все корабли Джахара.

Я включил автопилот, настроив его на Джахар. На планету постепенно опустилась ночь. Было тихо, только слышался звук воздуха, обтекающего наш корабль, стремительно несущийся в ночь.

Теперь мне предоставилась возможность поговорить с Фао. И первое, что я спросил, как «Джама» попала в провинцию У-Гор после того, как на ней улетел Тул Акстар.

— О, это произошло случайно,— сказала Фао.— Мы летели в Джахар и встретили корабли. Один из кораблей взял нас на борт — воины сразу узнали своего джеддака. Тул Акстар был так возбужден, что совсем забыл о «Джаме». И когда мы оставили ее, она постепенно отплыла от корабля и потерялась. Тул Акстар приказал прочесать весь район! Но все было напрасно. Поэтому он отдал приказ вернуться в Джахар.

Теперь чудо появления «Джамы» в провинции У-Гор перестало быть чудом. В это время года на планете господствует северо-западный ветер. Он-то и пригнал «Джаму» туда. И совершенно случайно она оказалась в нужном месте в нужный момент.

Фао рассказала мне также, почему Тул Акстар похитил Саному Тора из Гелиума. Оказывается, тайные

агенты в Гелиуме сообщили ему, что лучший способ заманить флот Гелиума в западню — это похитить женщину из благородной семьи. Он приказал подобрать самую красивую женщину, а затем осуществил свой план.

— Но почему же тогда похитители не оставили никаких признаков, по которым можно было бы определить, что они джахарцы?

— Тогда Тул Акстар считал, что он еще не готов к войне, — объяснила Фао. — Но он знал, что Джон Картер со временем узнает об этом.

— Значит, все сработало так, как он планировал, — сказал я. — За исключением конца.

Вскоре мы погрузились каждый в свои мысли. Фао, несомненно, была полна надежд, у меня же, увы, надежды почти не было. Единственное, что меня немного утешало, это то, что я освобожу Нур Ана и соединю эти два любящих сердца. После этого я отвезу их туда, куда они пожелают, а сам вернусь в Джахар и начну свои безнадежные поиски.

— Я слышала, что ты сказал Саноме Тора, — сказала Фао. — И я рада.

— Я много чего говорил. Чему же ты рада?

— Ты сказал, что любишь Тавию.

— Этого я не говорил.

— Говорил, — настаивала она. — Ты сказал, что любишь маленькую рабыню, а это Тавия. Я видела любовь в твоих глазах.

— Ничего ты не видела. Просто ты сама любишь и думаешь, что все вокруг влюблены.

Она рассмеялась:

— Ты любишь ее, а она любит тебя.

— Мы просто друзья, хорошие друзья. Более того, я знаю, что она меня не любит.

— Откуда ты знаешь?

— Давай не будем говорить об этом, — сказал я. И мы не говорили, но я все время думал об этом. Я считал, что когда сказал Саноме Тора о маленькой рабыне, я просто хотел ранить ее самолюбие. И теперь я пытался проанализировать свои чувства. После долгих размышлений я пришел к выводу, что я не люблю Тавию. Я не люблю никого. Я не способен любить. Саноме Тора убила во мне любовь. И Тавия не любит меня. Ведь она никогда и ничем не проявляла свою любовь. Нет, конечно, мы были только товарищами по оружию и больше ничего. Она сама так говорила.

Было уже темно, когда я увидел впереди ярко освещенную белую жемчужину дворца Фор Така. Уже было поздно, но огни светились. Я надеялся тайно проникнуть во дворец, так как знал, что Фор Так не выставляет часовых — ведь место было слишком уединенным и давно забытым всеми.

Я тихо посадил флайер на вершину здания, куда садились мы с Нур Аном; я знал, что оттуда могу пробраться во дворец.

— Сиди здесь и будь наготове, Фао,— прошептал я.— Мы можем прийти в любой момент, и нужно будет срочно взлететь.

Она кивнула, а я соскользнул на крышу и нырнул в отверстие, ведущее во дворец.

Стоя на вершине лестницы, я ощупал оружие: все на месте. Теперь я снова был одет как воин Гелиума и имел полное вооружение. Длинный меч мне подарил сам Джон Картер. Кроме того, у меня был короткий меч, кинжал и на боку висел тяжелый радиевый пистолет. Я расстегнул кобуру пистолета, прежде чем начать спуск.

Спустившись на первый этаж, я услышал голоса. Они исходили из лаборатории Фор Така. Дверь в лабораторию была закрыта. Разговаривали два человека. Тонкий высокий голос Фор Така я узнал. Другой голос не был голосом Нур Ана, но все же был странно знаком.

— ...Богатство, о каком ты и мечтать не можешь,— услышал я этот знакомый мне голос.

— Мне не нужно богатство,— прокаркал Фор Так.— Хей-хо! Итак, все богатства мира будут моими!

— Тебе нужна помощь. Я помогу тебе. Я дам тебе все корабли своего огромного флота.

Теперь я узнал этот голос! «Моего огромного флота!» Но это же невероятно...

Я приоткрыл дверь. К моему удивлению, она открылась легко. И я сразу увидел Тул Акстара. А в пятидесяти футах от него стоял Фор Так, направив на Тул Акстара излучатель.

«Где Тавия? Где Нур Ан? Возможно, Тул Акстар один знает, где Тавия. И Фор Так сейчас убьет его». Я ворвался в лабораторию. Тул Акстар и Фор Так посмотрели на меня. Оба были удивлены до крайности.

— Хей-хо! — вскрикнул старик.— Значит, ты вернулся! Предатель! Но ты вернулся, чтобы умереть!

— Подожди! — я поднял руку.— Дай мне сказать.

— Тихо! — прокричал Фор Так.— Ты увидишь смерть

Тул Акстара. Мне не хотелось убивать его без свидетелей, без кого-то, кто видит его мучения. Сначала я отомщу ему, а потом тебе.

— Подожди! — крикнул я, видя, что палец Фор Така уже нажимает на кнопку, после чего Тул Акстар уйдет в небытие. Вместе с тайной местонахождения Тавии.

Я выхватил пистолет. Фор Так сделал какое-то движение и исчез. Растворился в воздухе. Как будто кто-то выстрелил в него из излучателя. Но я знал, что произошло. Я знал, что он накинул на себя покров невидимости. И я выстрелил туда, где он только что стоял.

Внезапно открылась дверь позади меня, и я рухнул в открывшуюся черноту. Сначала я катился по наклонной плоскости, затем мое падение замедлилось, и я оказался в тускло освещенной комнате, которая, как я знал, была расположена в подвалах дворца.

Пока я падал, я не выпускал из рук пистолет, и теперь, поднявшись на ноги, я сунул его в кобуру. Ну, что ж, по крайней мере, я не без оружия.

Я обнаружил, что свет проникает в камеру из круглого вентиляционного отверстия на потолке. Кроме этого отверстия да ствола шахты, по которой я свалился, из камеры не было никаких других выходов. Вентиляционное отверстие было всего в два фута диаметром, и я не мог дотянуться до него руками. Так что убежать через него было невозможно, но очень хотелось. Вентиляционная труба тянулась через весь дворец и выходила на крышу, так что я мог прямо отсюда видеть дневной свет, однако добраться до него не мог.

Долго я бродил по камере. Наконец, глаза мои привыкли к слабому свету, и я увидел замшелые плиты пола, разбросанные тут и там человеческие кости, добела обглоданные крысами. Все это вселило в меня ужас, остатки надежды угасли полностью. Я кружил по камере, стены которой были сделаны из каменных плит, скрепленных раствором... стоп... раствором!

И тут надежда во мне вспыхнула вновь. Я могу разобрать стену, поставить плиты одну на другую и достану до вентиляционной шахты. А там посмотрим! Я начал работать кинжалом. Известка отваливалась целыми кусками. Первая плита вывалилась очень быстро. И тут я увидел слабый свет из отверстия. Значит, я могу отсюда выбраться в коридор! Только нужно быстрее вытащить несколько плит, пока меня не обнаружат.

Можете мне поверить, что я работал как сумасшедший,

и вот настал момент, когда я выбрался в коридор. Передо мной оказалась спиральная лестница. Не знаю, куда она вела. Во всяком случае, отсюда. Осторожно, но без колебаний, я стал подниматься. Сейчас главное — найти лабораторию Фор Така, пока он не убил Тул Акстара.

Все двери, ведущие с лестницы на разные этажи, были заперты. Мне пришлось выбираться на крышу. Я пошел вдоль края крыши, пытаюсь найти место, откуда можно проникнуть во дворец. И тут я увидел окно, из которого высунулась нога человека. Затем рука, плечо. И голова. Рука что-то повернула в воздухе и... я увидел лежащую девушку. Она лежала на несколько футов ниже, чем подоконник. Еще несколько мгновений — и человек соскользнул с подоконника и исчез из виду. Снова я видел только каменные плиты дворца.

Но я понял, что это было. Я видел Тул Акстара, поднявшего люк «Джамы». Я увидел Тавию, лежащую на полу каюты, под люком. Я увидел Тул Акстара, вошедшего на корабль и закрывшего люк.

Все это пронеслось у меня в голове в одно мгновение. Я и действовал мгновенно.

Когда люк закрылся, я спрыгнул вниз.

XVII

Я НАХОЖУ ПРИНЦЕССУ

Разумеется, нельзя считать, что я полностью предвидел последствия своего поступка, когда прыгал вниз, на плиты дворца. Я действовал чисто импульсивно, но бывают моменты, когда разум не может оценить ситуацию, и тогда вступает в действие шестое чувство, подсознание.

По расположению люка я смог оценить, где находится корпус корабля. Это был бы опасный прыжок даже в том случае, если бы я видел «Джаму». А прыжок в неизвестность был еще более опасен. И тем не менее я прыгнул, так как это была единственная возможность добиться успеха в моем предприятии, спасти Тавию от судьбы, которая хуже, чем смерть. Я знал, что прыжок может оказаться неудачным, но я также знал, что скорее умру, чем потеряю Тавию.

Но я не упал. Я прыгнул прямо на корабль, и он даже пошатнулся. Тул Акстар, несомненно, заметил это, но вряд ли он понял, что произошло. Однако он не открыл люк,

как я надеялся. Вместо этого он бросился к рычагам управления, и «Джама» взмыла вверх под острым углом. Я упал на палубу. Мне было трудно удержаться на корабле, так как на нем не было никаких поручней. Однако я уцепился за излучатель.

Когда Тул Акстар набрал достаточную высоту, он выровнял корабль и включил полный газ. Теперь ветер свистел у меня в ушах, стараясь сорвать меня в бездну. К счастью, силы у меня было достаточно. Думаю, что немного людей выдержали бы такое испытание. Но как беспомощен я был!

Если бы Тул Акстар знал, что я здесь, он мог бы открыть люк, с легкостью взять меня, как слепого котенка. Ведь я даже не мог оторвать руки, чтобы вытащить пистолет. Однако Тул Акстар этого не знал. Или надеялся, что тот, кто находится наверху, будет унесен ветром.

Я пролежал так довольно долго и, наконец, понял, что настанет момент, когда я не смогу удержаться и погибну. Нужно было что-то предпринять, если я хочу спасти Тавию. Ведь только я один могу это сделать, значит, я не должен умереть.

Напрягая силы, я миллиметр за миллиметром подтягивался вперед. Впереди находилась тренога перископа. Если я доберусь до нее, то мне будет гораздо легче держаться. Я с трудом дотянулся до треноги, ухватился за нее одной рукой, а дальше стало легче. Я просто привязал себя к ней. Теперь я мог двигать одной рукой. Но все же, пока корабль не остановится, мне ничего не сделать.

Что творится внутри корабля? Ведь Тавия находится полностью во власти этого фанатика. Одна эта мысль делала меня безумным. «Джаму» нужно остановить. И у меня сверкнула идея.

Свободной рукой я дотянулся до глаза перископа и накинул на него тряпку.

Тул Акстар сразу перестал видеть. И вскоре случилось то, чего я ждал и на что надеялся. «Джама» снизила скорость и остановилась. Сейчас я лежал на переднем люке. Тихонько я сполз с него, надеясь, что Тул Акстар откроет его. Я ждал, но вот последовали такие действия Тул Акстара, которые сразу свели мой план к нулю. Он открыл смотровые отверстия.

Я был разочарован, но надежды не терял. Тихо потрогав ручку люка, я убедился, что она заперта изнутри. Затем я пробрался к заднему люку. Это был риск: ведь если корабль снова наберет полную скорость, я погиб.

«Джама» уже пришла в движение. И люк открылся. Я не колебался ни мгновения. Когда «Джама» рванула вперед, я свалился в люк.

Тул Акстар услышал звук моего падения. Повернувшись, он сразу узнал меня. Думаю, что никогда больше не увижу такой смеси изумления, страха и ненависти, которая исказила черты его лица. На полу лежала Тавия, лежала неподвижно, как мертвая. Тул Акстар протянул руку к пистолету. Я выхватил свой. Мой мозг и мои мышцы действовали гораздо быстрее, чем мозг и мышцы Тул Акстара. И неудивительно, если вспомнить, какую развратную жизнь он вел.

Без всякого сожаления я выстрелил в это гнусное сердце, и Тул Акстар, джеддак и тиран Джахара, упал мертвым на пол «Джамы».

Я прыгнул к Тавии. Перевернул ее на спину. Она была связана и без сознания. Но жива! Я чуть не заплакал от радости, когда понял это. Мои пальцы судорожно развязывали тугие веревки. Не прошло и нескольких секунд, как она была свободна. Я прижал ее к себе.

Я знаю, что слезы мои упали на ее запрокинутое лицо, когда я прижался губами к ее губам. Но я не стыдился этих слез. Вскоре она шевельнулась, пришла в себя и тоже заплакала. Она дрожала. Все-таки она была слабой девушкой, которой пришлось столько перенести. Но я уверен, что она не показывала своей слабости Тул Акстари. Она расслабилась только сейчас, когда поняла, что самое страшное позади.

Сейчас наши сердца бились в унисон. Она изо всех сил прижалась ко мне, и великая истина открылась мне. Каким же садистом я был! Как я мог думать, что люблю Саному Тора? Как я мог считать свою любовь к Тавии только дружбой? Я изо всех сил сжал ее в объятиях.

— Моя принцесса,— прошептал я.

Когда мужчина Барсума говорит эти два слова женщине Барсума, значит, он хочет, чтобы она стала его женой.

— Нет, нет,— простонала Тавия.— Возьми меня, я твоя. Но я только рабыня. Такая, как я, не может быть женой Тана Хадрона.

Даже сейчас она думала только обо мне, о моем счастье, а не о себе. Насколько другой была Саном Тора! Я рисковал своей жизнью, чтобы добыть кусок грязи, а мне досталось бесценное сокровище!

Я посмотрел в ее глаза, в эти прекрасные бездонные

озера, наполненные чистой любовью ко мне. Любовью и пониманием.

— Я люблю тебя, Тавия,— сказал я.— Скажи, что мне делать, чтобы завоевать право назвать тебя своей принцессой?

— Несмотря на то, что я рабыня?

— Пусть ты будешь тысячу раз рабыней.

Она вздохнула и прижалась ко мне.

— Мой повелитель,— прошептала она.

Вот и вся история в той ее части, которая касается меня, Тана Хадрона.

Однако вас, кто облетел со мною почти все южное полушарие Барсума, наверняка, интересует еще что-то.

Когда мы с Тавией смогли оторваться друг от друга, а смею вас заверить, что это произошло нескоро, я открыл нижний люк и вытолкнул из корабля тело Тул Акстара. Затем я развернул корабль и полетел в Джаму. Там мы сразу узнали, что Нур Ан вылез на крышу дворца, где его и нашла Фао. Узнав, что я во дворце, он отправился меня искать. О том, что в Джаме появлялся Тул Акстар, он не знал.

Он обыскал весь дворец, но не нашел меня. Более того, он не нашел и Фор Така. Созвав всех рабов, он стал прочесывать дворец. Однако никаких следов Фор Така не обнаружил.

И тут я понял, что смогу разрешить загадку исчезновения старого ученого.

— Идем со мной,— сказал я Нур Ану.— Я найду тебе Фор Така.

И я повел его в лабораторию.

— Здесь искать бесполезно,— сказал он.— Ты же видишь, что лаборатория пуста. Мы сегодня были здесь тысячу раз.

— Подожди, не надо торопиться.

Пожав плечами, он пошел за мною к столу, где находился излучатель. Сразу возле стола я споткнулся обо что-то. Я наклонился и нащупал тело старика, а затем стащил с него покров невидимости. Перед нами на полу лежал Фор Так с пулевым отверстием в груди.

— О, боже,— вскричал Нур Ан.— Кто это сделал?

— Я,— и я рассказал Нур Ану, что здесь произошло.

Нур Ан торопливо оглянулся.

— Прикрой тело,— шепнул он.— Рабы не должны ничего знать. Иначе нас убьют. Идем отсюда.

Я накинул ткань на труп Фор Така.

— Мне здесь еще кое-что нужно сделать.

— Что?

— Помоги мне собрать все излучатели в одну кучу.

— Что ты хочешь сделать?

— Я собираюсь спасти мир, Нур Ан.

Он стал помогать мне, и вскоре в конце лаборатории уже высилась огромная куча разных излучателей. Я подошел к тому, что был смонтирован на столе, настроил его и прицелился в это скопление смерти и ужаса.

Затем я нажал курок, и все адские изобретения сумасшедшего Фор Така испарились, за исключением единственного излучателя. Испарилась и единственная модель Летающей Смерти, а с нею и секрет ее изготовления.

Нур Ан сказал, что рабы что-то заподозрили, и нам нужно скорее убираться. Мы сели на флайер, подаренный мне Джоном Картером, взяли «Джаму» на буксир и полетели в Гелиум.

По пути мы догнали флот Гелиума, и все воины устроили нам овацию. Они столпились возле бортов и приветствовали нас. И тут произошло самое невероятное событие.

Причиной его был двар Кал Таван, бывший раб во дворце Тор Хатана. Когда он увидел Тавию, в глазах его выразилось удивление.

— Тебя зовут Тавия? — спросил он.

— Да. А тебя Таван. Наши имена похожи.

— Мне не нужно спрашивать, откуда ты. Я и так знаю, что ты из Тьяната.

— Откуда ты знаешь?

— Ты моя дочь. Твое имя дала тебе мать, моя жена. Ты очень похожа на нее. Я узнал бы тебя везде.

Он бережно обнял ее, поцеловав в лоб. И у него, и у нее в глазах были слезы.

Затем он обернулся ко мне.

— Мне сказали, что отважный воин Тан Хадрон выбрал себе в жены рабыню. Но это не так. Твоя принцесса — истинная принцесса. Она внучка джеда. Он была бы дочерью джеда, если бы я оставался в Тьянате.

Как запутаны пути господни! К каким странным и неожиданным развязкам они ведут! Я вышел на одну из дорог, чтобы жениться на Саноме Тора в конце пути. Саноме Тора пошла по другому пути в надежде выйти замуж за джеда. А в конце пути она нашла только презрение. Я же в конце пути нашел принцессу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА

I. Оскорбление	7
II. Рабство	15
III. Предательство	22
IV. Пленница зеленого человека	26
V. Раса светлокожих	33
VI. Джеддак Лотара	43
VII. Призрачные стрелки	49
VIII. Зал смерти	56
IX. Битва на равнине	63
X. Кар Комак — стрелок	70
XI. Зеленые люди и белые обезьяны	77
XII. Спасти Дузар	85
XIII. Турджук — солдат фортуны	90
XIV. Жертва Кулан Тита	96

МАРСИАНСКИЕ ШАХМАТЫ

Вступление. Джон Картер появляется на Земле	107
I. Тара	109
II. Во власти бури	117
III. Безголовые люди	126
IV. В плену	135
V. Совершенный мозг	145
VI. В объятиях ужаса	154
VII. Отталкивающее зрелище	164
VIII. В крепости	172
IX. Над чужими землями по воле случая	180
X. В ловушке	188
XI. Выбор Тары	195
XII. Чек откалывает шутки	204
XIII. Отчаянный поступок	211
XIV. По команде Чека	220
XV. Старик из подземелья	228
XVI. Новая смена имени	237
XVII. Игра со смертью	245
XVIII. Испытание верности	253
XIX. Смертельная угроза	263
XX. Обвинение в трусости	270
XXI. Риск во имя любви	279
XXII. Во время свадьбы	287
Джэтан, или марсианские шахматы	297

ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

Письмо	301
I. Дом мертвых	303
II. Повышение	311
III. Валла Дайя	318

IV. Соглашение	330
V. Опасность	339
VI. Подозрения	346
VII. Бегство	355
VIII. «Руки вверх!»	362
IX. Дворец Мью Тала	371
X. Фандал	382
XI. Закса	391
XII. Великий Тур	401
XIII. Возвращение в Тавас	409
XIV. Джон Картер	418

БОЕВОЙ ЧЕЛОВЕК МАРСА

Предисловие	429
I. Саноме Тора	432
II. Вынужденная посадка	442
III. Западня	449
IV. Тавия	457
V. В подвалах	465
VI. Приговорен к смерти	476
VII. Смерть	486
VIII. Паук из Гасты	497
IX. Фор Так из Джамы	506
X. Летающая смерть	515
XI. «Пусть огонь будет горячим!»	521
XII. Покров невидимости	529
XIII. Женщины Тул Акстара	539
XIV. Каннибалы У-Гора	546
XV. Битва при Джахаре	555
XVI. Отчаяние	567
XVII. Я нахожу принцессу	577

К ЧИТАТЕЛЯМ'

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Фантастический боевик»
присылать по адресу
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Фантастический боевик

Эдгар Райс Берроуз

МАРСИАНСКИЕ РЫЦАРИ

Фантастические романы

Составитель

В Н Маршавин

Технический редактор

Т П Колчева

Корректоры

Л В Насонова, Е В Травникова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Подписано в печать с
готовых диапозитивов 30.08.95. Формат 84×108^{1/32}. Изм. вкл. 1-я
Гарнитура «Таимс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08. Тираж

30000 экз. Заказ № 4824

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, пр-т Карла Маркса, 201

Внимание наших читателей!

С начала года в серии

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ВЫШЛИ КНИГИ:

САЙМОН ГРИН
ПОБЕДИТЕЛЬ
ПОЛУЧАЕТ ВСЕ

Отважные Стражи города Хейвен Хок и Фишер раскрывают цепочку загадочных убийств в доме чародея Гонта, защищают кандидата на пост Советника в городском Совете от попыток соперников убить его

МАЙКЛ ГИР
ЗВЕЗДНЫЙ
УДАР

Представителям цивилизации из другой галактики потребовались крутые командос для захвата одной из торговых космических станций. Существа планеты Ахимса решили, что лучше землян с этой задачей не справится никто.

А КОУЛ. К БАНЧ
ВОЛЧЬИ МИРЫ
ФЛОТ
ОБРЕЧЕННЫХ

Это первые две книги цикла романов о приключениях Стэна. Главный герой пройдет через сотни испытаний, примет участие в десятках сражений на разных планетах, пока не осознает, что войны чужды всем разумным существам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМАДА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДЖОН НОРМАН СТРАННИКИ ГОРА

Отважный воин Тэрл Кэбот по заданию таинственных владык планеты Гор отправляется к кочевым "народам фургонов" на поиски таинственного талисмана, который должен решить судьбу не только планеты, но и всей Солнечной системы.

САЙМОН ГРИН УБИЙСТВА НА УЛИЦЕ БОГОВ

Расследование серии загадочных убийств в родовом замке могущественного семейного клана оборачивается для отважных Стражей города Хока и Фишер жестокими поединками и встречей с проявлениями сил колдовства и магии.

ДЖОН НОРМАН УБИЙЦА ГОРА

На планете Гор существует цивилизация, во многом напоминающая рабовладельческий строй. Главный герой Тэрл Кэбот вступает в борьбу с группой негодяев-работорговцев, пытающихся захватить власть.

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АРМАДА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

А КОУЛ, К БАНЧ

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

Попав в плен после тяжелого и неравного сражения с таанскими войсками, отважные воины Стэн и Алекс совершают дерзкий побег из лагеря военнопленных. Но это освобождение – лишь преддверие грандиозных событий, которые ожидают наших героев в дальнейшем.

КРИСТОФЕР РАУЛИ

ЗВЕЗДНЫЙ МОЛОТ

Земляне, освоившие сверхсветовые скорости и заселившие множество планет, подавляются агрессивной и более развитой цивилизацией. Этот роман – о неравной и жестокой борьбе, которую ведет горстка отважных смельчаков против ненавистного ига империи Лео.

А КОУЛ, К БАНЧ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Подлое убийство Императора и приход к власти Тайного Совета обернулись для Империи настоящей катастрофой. С целью уничтожить Тайный Совет и его штаб Стэн и Алекс, опытные боевые командиры верные воинскому долгу и своему Императору, подбирают команду для налета на Землю. Однако задуманному плану не суждено сбыться...

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АРМАДА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

КЕЙТ ЛАУМЕР

ЗЕМНАЯ КРОВЬ

Захватывающий роман о превращениях судьбы юноши-землянина, с рождения оказавшегося далеко за пределами нашей планеты. Юный герой сталкивается с многообразием и причудливостью иных миров, вступает в контакт с их обитателями, среди которых находит как истинных друзей, так и коварных врагов.

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Земной цивилизации грозит катастрофа. Неведомые силы, вторгшиеся в Галактику, начинают планомерное уничтожение человечества. Все попытки землян организовать отпор агрессии терпят неудачу. Но самое главное — никто из людей долго не может понять, кто им на самом деле противостоит...

ДЖОН НОРМАН

ПИРАТЫ ГОРА

Колесо фортуны сначала опустит главного героя на самое дно, до положения раба, но затем вознесет до роли первого человека в пиратском городе Порт-Кар. Но главное, жизнь заставит Тэрла Кэбота совершить путешествие в глубь собственной души и вернуться к людям новым, преображенным человеком.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМАДА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НИК ПОЛЛОТТА

БЮРО-13

Таинственная облачность-убийца движется на Нью-Йорк, угрожая уничтожить все живое. В центре ее – злоеущий остров, запечатлевший мрачные следы далекого прошлого...

В романах "Бюро-13", "Судный день" и "Монстр полнолуния", объединенных общим названием "Бюро-13", читателя ждет поражающая воображение встреча с таинственным миром демонов, монстров, мутантов и прочей нечисти.

А. КОУЛ, К. БАНЧ

ВИХРЬ

Главный герой эпопеи Стэн становится полномочным посланцем Императора. Однако, время и власть изменили Императора: одержимый манией величия, он начинает уничтожать своих ближайших помощников – преданных ему людей. Стэну предстоит сделать трудный выбор: идти на поводу у обезумевшего лидера или стать врагом Империи...

САЙМОН ГРИН

КРОВЬ И ЧЕСТЬ

В этом враждебном мире интриг и коварства, господства всякой потусторонней нечисти, актеру Джордану было больше не на что рассчитывать, как только на возможность дольше продержаться в образе своего героя – наследного принца Виктора. Судьбе было угодно переписать предполагаемый сценарий, круто изменив ход событий в Полночном Замке...

Внимание! Новая серия!

Что может сравниться по накалу страстей, динамике сюжета, увлекательности содержания с остросюжетной фантастикой? Пожалуй, лишь добротный, высококлассный современный детектив! Издательство АРМАДА спешит порадовать своих читателей и всех любителей детективного жанра. Вас ждет настоящий сюрприз — встреча с героями новой увлекательнейшей серии

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Острый сюжет, захватывающая интрига, колоритные персонажи, столкновение характеров, борьба страстей... Не в силах оторваться, ты забываешь обо всем на свете и желаешь только одного: побыстрее дочитать до последней страницы и узнать, чем все закончилось. Именно это ждет читателей серии "ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ".

В. Гриньков
САНИТАР

Е. Климович
БОМБА ДЛЯ БАНКИРА

Л. Трапезников, Л. Захарова, В. Сиренко
НЕЧИСТЬ
сборник

В. Гриньков
ПРИСНИСЬ МНЕ, УБИЙЦА

Издательство АРМАДА включает в серию только самые интересные новые произведения мастеров детективного жанра.

Все произведения печатаются впервые!

Книги серии выйдут в твердом целлофанированном переплете, формат 84x108 $\frac{1}{32}$

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРИИ

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

В.Гриньков

САНИТАР

Много ли стоит человеческая жизнь?

На стене висят фотографии. Одна, другая, третья... С фотоснимков смотрят симпатичные лица людей. Все они в недалеком прошлом – преуспевающие бизнесмены.

Ветеран-афганец Паша сам намечал жертву, выносил ей смертный приговор и приводил его в исполнение. Теперь никто из его жертв не посмотрит на Пашу свысока. Только лишь с фотографий на стене – это его послужной список. Возможность распорядиться чужой жизнью по своему усмотрению, сломать человека, превратить его в ничто – это привилегия сильных. А он, Паша Барсуков, сильнее тех, кто смотрит свысока...

Остросюжетный роман Владимира Гринькова, яркий, динамичный, полный драматизма и психологического напряжения, не оставит равнодушным никого из читателей!

Издательство АРМАДА

выпустило и готовит к изданию книги следующих серий:

"РОМАНОВЫ. Династия в романах"		История Российского государства в художественном жизнеописании монархов и представителей правлящих династий
"РЮРИКОВИЧИ"		
"СМУТНОЕ ВРЕМЯ"		
"ЗАМОК ЧУДЕС"		Сказочные повести и детская фантастика
"ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ"		Лучшие произведения отечественных и зарубежных авторов о животных
"ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК"		Произведения лучших отечественных и зарубежных мастеров современной остросюжетной фантастики
"БОЕВЫЕ РОБОТЫ"		Звездные войны, боевые машины будущего, человеческое общество XXXI века в фантасти- ческом суперсериале корпорации FASA
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ДЖУЛИАН МЭЙ		Многоцветный мир научной фантастики, романтики и приключений в "истории прошлого" и в "истории будущего" нашей планеты
"ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ"		Новые детективы современных российских писателей

*Вы можете приобрести наши книги по ценам издательства
у региональных представителей:*

Москва:			Воронеж:		
"Демалыс" (095)	150-07-82		"Амитаб" (0732)	23-00-02	
"Полина" (095)	261-93-05				
"Стрела" (095)	306-62-15		Самара:		
"Тригон" (095)	138-44-62		"Милаан" (8462)	41-87-30	
ТОО "Пресня" (095)	252-32-19				
С.-Петербург:			Пермь:		
"Русский Север" (812)	530-05-36		"Тигр" (3422)	44-73-54	
Н. Новгород:			Ростов-на-Дону:		
"Логос" (8312)	36-25-80		"Тандем" (8632)	65-76-59	
Челябинск:			Новосибирск:		
"Корвет" (3512)	36-75-10		"Дюна" (3832)	24-52-67	

ВНИМАНИЕ! "Книга — почтой"! Ждем Ваших заявок по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский б-р, д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга — почтой" на конверте. Оформить подписку и приобрести отдельные книги издательства Вы также можете по адресу: Москва, ул. Новый Арбат, д. 30.

